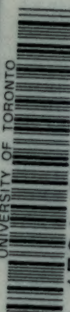
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00579966 3

ИСТОРИЧЕСКІЯ

МОНОГРАФІИ

И

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

ТОМЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1886.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ

РѢЧИ-ПОСПОЛИТОЙ.

Томъ II.

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 л., 7.

1886.

1084

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отношенія Пруссіи, Австріи и Россіи между собою по польскимъ дѣламъ [1]).

Прошло восемь мѣсяцевъ со времени провозглашенія новой конституціи. Дипломатическій горизонтъ для Польши принималъ все болѣе и болѣе неблагопріятный видъ. Поляки долго не хотѣли объясняться съ русскимъ посланникомъ о конституціи; Игнатій Потоцкій находилъ, что не надобно самимъ полякамъ начинать съ нимъ никакихъ разговоровъ объ ней; русскій посланникъ также молчалъ. Поляки никакъ не могли отгадать, что̀ думаетъ Россія, и тѣмъ страшнѣе она казалась для мнительныхъ. Правда, молчаніе Россіи толкуемо было многими въ хорошую сторону; князь Адамъ Чарторыскій утѣшалъ своихъ пріятелей, увѣряя ихъ, что если въ Польшѣ состоится реконфедерація, то Россія не станетъ ей помогать. Но какъ только начинали вдумываться поляки въ прежнія свои отношенія къ Россіи, то видѣли въ этомъ молчаніи болѣе зловѣщаго, чѣмъ успокоительнаго. Напрасно употребляли они разныя попытки заставить Булгакова какъ-нибудь высказаться. Наконецъ разнесся слухъ, что миръ съ Турціей

---

[1]) См. источники №№ 37, 38, 35, 8, 18, 81, 103.

готовъ заключиться; не отвлекаемая Турціею, Россія становилась страшнѣе: они рѣшились заговорить съ Булгаковымъ сами. Замѣчательно, когда Хребтовичъ читалъ извѣщеніе, приготовленное для подачи Булгакову, противъ этого стали вооружаться враги конституціи, склонявшіеся къ Россіи, Скорковскій, Загурскій, Шимановскій, Четвертинскій. «Вотъ,—говорили они,— прежде все жаловались на вліяніе чужихъ *потенцій*, а теперь сами ихъ запрашиваемъ; посылаемъ имъ свои уставы для просмотра». Ихъ тайная цѣль при этомъ была вести дѣло такъ, чтобы какъ можно болѣе раздражить Россію, навлечь на Польшу русское вмѣшательство и вооружить императрицу, въ надеждѣ, что съ ея помощью можно будетъ ниспровергнуть ненавистную конституцію.

14 января 1792 года Хребтовичъ прислалъ русскому послу извѣщеніе о совершившейся перемѣнѣ 3-го мая, съ извиненіями о поздней доставкѣ. Русскій посолъ оффиціально сказалъ, что не имѣетъ порученія отвѣчать теперь на поданную ноту, а сообщитъ ее на высочайшее усмотрѣніе. Но когда Хребтовичъ сошелся съ Булгаковымъ, послѣдній, какъ его пріятель, и притомъ считавшій его расположеннымъ къ Россіи, сказалъ ему: «государыня всегда желала добра республикѣ, но поведеніе поляковъ не показывало благодарности за благодѣянія ея величества; напротивъ, поляки старались поступать вопреки торжественнымъ взаимнымъ обязательствамъ, нарушили трактаты, и самое позднее извѣщеніе о перемѣнѣ 3-го мая доказываетъ недостатокъ уваженія; давно уже сообщено было другимъ дворамъ, отъ которыхъ надѣялись союза и помощи, а только теперь, когда лишились этой надежды, сообщили и намъ. Можетъ быть Польшѣ принесло бы больше пользы, если бы это было намъ сообщено ранѣе, въ свое время. Я никогда дѣла не затягивалъ: если бы ко мнѣ прежде оказывали болѣе довѣрія и сообщали основа-

тельныя свѣдѣнія о дѣлахъ, я могъ бы отдать справедливость вашимъ добрымъ намѣреніямъ».

«Это,—отвѣчалъ Хребтовичъ,—все отъ разстройства распаленныхъ головъ и невозможности сообразить разнообразные способы. Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ судьба дала это мѣсто, на которомъ я нахожусь теперь, я буду стараться исправить минувшее».

Въ знакъ довѣренности Хребтовичъ открылъ Булгакову, что сообщеніе о конституціи въ Берлинъ послано въ самый день утвержденія ея, а въ Вѣну позже нѣсколькими мѣсяцами.

Булгаковъ спросилъ его, какъ приняли въ Вѣнѣ? — «Дружелюбно, — отвѣчалъ Хребтовичъ, — но формальный отвѣтъ тянутъ, Кауницъ говоритъ, что Австрія, прежде отвѣта, снесется съ Россіею».

Люккезини, такъ долго поддерживавшій жаръ поляковъ къ перемѣнамъ, и возбуждавшій непріязнь къ Россіи, въ концѣ 1791 года сталъ измѣняться, его комплименты польскимъ добродѣтелямъ истощались и если онъ и не проговаривался еще въ духѣ противномъ прежнему, то говорилъ двусмысленно и неясно. По прибытіи его въ Варшаву въ концѣ ноября, король разговаривалъ съ нимъ и отзывался съ похвалами о конституціи, вызывая его сказать, какъ на нее смотритъ прусскій король. «Мой государь,—сказалъ Люккезини,—ничѣмъ не можетъ доказать своего благорасположенія и искренняго дружелюбія къ польской республикѣ, какъ принявъ живѣйшее участіе во всемъ, что̀ касается счастія и благоденствія этой страны; а такъ какъ ваше величество и наияснѣйшіе чины находите, что это средство ведетъ къ такой цѣли, то слѣдовательно и мой дворъ не можетъ смотрѣть на него иначе, какъ съ надеждою, что успѣхъ будетъ соотвѣтствовать желаніямъ вашего величества и наияснѣйшихъ чиновъ». Но когда потомъ король сталъ жаловаться на саксонскаго

князя-избирателя за то, что онъ медлитъ и не даетъ рѣшительнаго согласія на принятіе наслѣдства, Люккезини сказалъ: «препятствія заключаются въ томъ, что русская императрица еще не объяснилась на счетъ этого предмета. Ея молчаніе наводитъ сомнѣніе относительно ея намѣреній; въ этомъ случаѣ нельзя не похвалить поведенія князя-избирателя, что онъ не поторопился своимъ рѣшеніемъ; это показываетъ, что ему близки къ сердцу интересы польской націи». Прежде Люккезини показывалъ надежды на возрожденіе Польши, теперь, когда его спрашивали, ожидаетъ ли онъ счастливыхъ послѣдствій отъ совершеннаго уже дѣла, онъ отвѣчалъ: «очень мало; единственное счастіе, какого должна ожидать для себя Польша, все того же, что и прежде съ нею было, она будетъ слабѣть все болѣе и болѣе и находиться въ зависимости у другихъ. Въ характерѣ поляковъ нѣтъ крѣпости: они никогда не могутъ создать твердаго правительства и многочисленнаго войска». Ему напоминали о прусскомъ союзѣ, о помощи, которую онъ такъ долго обѣщалъ именемъ прусскаго короля. Люккезини на это говорилъ: «не должно надѣяться на союзы, которые могутъ скоро измѣняться. Нельзя поддерживать обязательства въ то время, когда они окажутся въ ущербъ себѣ». Въ разговорѣ съ Эссеномъ прусскій дипломатъ говорилъ: «король мой хранитъ свои обѣщанія, а наслѣдственнаго правленія въ Польшѣ, по конституціи 3-го мая, не допуститъ». Но полякамъ онъ подобнаго не говорилъ. «Не слѣдуетъ,—писалъ онъ къ своему министру,—отталкивать отъ себя недовольныхъ въ Польшѣ, чтобъ они не бросились въ объятія Россіи». Въ Берлинѣ одобрили это замѣчаніе и сообщили ему, что не слѣдуетъ дѣйствовать ни за, ни противъ, а вести себя пассивно въ надеждѣ, что новый порядокъ вещей, произведенный революціею 3-го мая, самъ собою разрушится. До поры до времени прусскій дипломатъ старался болѣе всего о томъ, чтобы

поддерживать въ полякахъ враждебное настроеніе къ Россіи. Поэтому, когда поляки рѣшились сообщить о конституціи русскому посланнику, Люккезини укорялъ ихъ за это и говорилъ: «прежде этого не дѣлали, а теперь дѣлаете: значитъ просите прощенія у Россіи. Но напрасно. Вы этимъ дѣла не поправите. Россія не перестанетъ гнѣваться на Польшу, потерявъ на нее вліяніе; ваше новое законодательство нанесло ей слишкомъ чувствительные удары: она ихъ скоро не забудетъ. Я убѣжденъ, что Россія не отвѣтитъ вамъ на ваше сообщеніе, а будетъ молчать до тѣхъ поръ, пока не будетъ въ состояніи дѣйствовать и отвѣтить вамъ фактами». При случаѣ онъ продолжалъ полякамъ представлять, какъ имъ хорошо быть въ дружбѣ съ Пруссіей и вооружалъ ихъ противъ Россіи. «Польшѣ нечего бояться Россіи, — говорилъ онъ,—вѣдь Россія теперь разорена и истощена. Ея молчаніе о польскихъ дѣлахъ есть слѣдствіе ея обыкновенной политики; она не посмѣетъ выступить съ тономъ власти противъ такой страны, которая употребила всѣ усилія, чтобъ возвратить себѣ независимость и избавиться отъ чужеземнаго вліянія. Пруссія и Польша, по ихъ положенію, самыя богатыя державы и не обременены долгами; нужно соединить ихъ тѣснымъ союзомъ».—«Да вѣдь союзъ есть!» замѣчали ему.—«Да,—отвѣчалъ онъ,—но нуженъ другой, болѣе неразрывный. Первый не можетъ служить основою. Россія держава разстроенная. Что́ она сдѣлаетъ?» Посланникъ прусскаго короля до крайности самъ себѣ противорѣчилъ: то онъ увѣрялъ поляковъ, что между Англіею и Пруссіею наступило сближеніе съ цѣлью осадить могущество Россіи и не допускать ее вмѣшиваться въ польскія дѣла,—что къ союзу между ними пристали императоръ и Саксонія, съ тѣмъ, чтобы не допускать Россіи до прежняго вліянія на Польшу,—то вдругъ онъ говорилъ совсѣмъ въ иномъ духѣ—что у Австріи финансы плохи, что Англія вся въ

долгахъ и Польшѣ единственная надежда на Пруссію. Пруссія покажетъ свою готовность охранять цѣлость и независимость Польши; надобно только, чтобъ и поляки, не желая подпасть подъ зависимость отъ Россіи, примкнули къ прусскому королю и не отказали отдать ему Гданскъ, тѣмъ болѣе, что если поляки этого не сдѣлаютъ добровольно, то Пруссія возьметъ его безъ ихъ воли въ согласіи съ Россіею и предоставитъ ей за то возобновить прежнее ея вліяніе на Польшу.

Трудно было поймать его на словахъ: онъ, по выраженію русскаго посла, въ одной комнатѣ пятерымъ говорилъ разное, а когда кто-нибудь поставлялъ ему на видъ его разнорѣчіе, онъ замѣчалъ тому, съ кѣмъ говорилъ, съ притворною довѣрчивостью: «нужно говорить каждому сообразно, но вамъ одному я говорю откровенно правду». Одинъ разъ онъ говорилъ, что полякамъ нечего бояться Россіи и должно надѣяться на заключенный прежде оборонительный союзъ съ Пруссіею; въ другой разъ — онъ загадочно объяснялъ, что Пруссія обязана имѣть въ виду только тотъ порядокъ, какой былъ въ Рѣчи-Посполитой во время заключенія договора, а ей дѣла нѣтъ до того, чтó устроилось послѣ, безъ предупрежденія о томъ берлинскаго двора. Это поведеніе прусскаго посла соображалось съ колебаніями его двора: въ прусской политикѣ сдѣлалась перемѣна; виною была Англія.

Прусскій король долго надѣялся на союзъ съ Англіей противъ Россіи, думалъ воспользоваться трудностями войны, которую вела Россія съ Турціею; онъ самъ писалъ письмо къ турецкому императору Селиму III, возбуждалъ его къ упорству въ войнѣ и манилъ надеждою помощи отъ Европы. Прусскій король ожидалъ, что Англія пошлетъ въ Черное и Балтійское моря флотъ противъ Россіи, а онъ самъ тѣмъ временемъ, въ союзѣ съ Польшею, будетъ дѣйствовать противъ Россіи съ другой стороны. Уни-

зивши Россію, онъ думалъ тогда самъ держать Польшу въ рукахъ. Таковы были планы Пруссіи. Они не удавались. Поляки не уступали добровольно Гданска и Торуня. Были со стороны Пруссіи попытки привлечь въ союзъ противъ Россіи Австрію, но и онѣ оказались неудачными. Еще въ началѣ 1791 г. посланникъ прусскій Бишофсвердеръ сообщилъ Кауницу задушевныя желанія Фридриха-Вильгельма, враждебныя Россіи, а Кауницъ сообщилъ объ этомъ Россіи. Соперничество Австріи съ Пруссіей со времени Семилѣтней войны было черезчуръ сильно, чтобы Австрія сошлась искренно и дружески съ Пруссіей и дозволила ей дѣлать территоріальныя пріобрѣтенія. Кобенцель, австрійскій посланникъ въ Петербургѣ, сообщалъ русскому кабинету, что Австрія отнюдь не желаетъ себѣ пріобрѣтеній на счетъ Турціи, и позволяетъ ихъ дѣлать Россіи, лишь бы Пруссія ничего не выиграла на счетъ Польши. Мало успѣха имѣли и старанія Англіи, союзницы прусской, у Австріи. Императоръ Леопольдъ провелъ англійскаго посланника при берлинскомъ дворѣ, Эварта, такимъ образомъ: на ходатайство его удалить отъ дѣлъ лицъ, враждебныхъ Пруссіи, императоръ сказалъ, что онъ готовъ отстранить отъ министерскихъ занятій давняго врага Пруссіи, Кауница, если прусскій король удалитъ отъ занятій врага Австріи, Герцберга. По сообщеніи этого секретнаго заявленія, прусскій король поспѣшилъ удалить Герцберга, котораго давно уже не любилъ, и повѣрилъ иностранныя дѣла графу Шуленбергъ-Кенерту, но императоръ, получивъ объ этой перемѣнѣ извѣстіе, оставилъ Кауница на прежнемъ мѣстѣ. Чувствительный ударъ для прусской политики наступилъ вслѣдъ затѣмъ; въ Англіи сила Питта уступила силѣ его противника Фокса; министерство стало дѣйствовать вопреки прежней воинственности; общественное мнѣніе въ Англіи было не за войну съ Россіею, напротивъ, англичане боялись за свои торго-

вые интересы, которые должны были пострадать въ этой войнѣ. Англія объявила, что она не намѣрена дѣйствовать непріязненно противъ Россіи и мѣшать заключенію мира съ Турціею, и вслѣдъ затѣмъ написаны были предварительныя статьи мира, впослѣдствіи, въ январѣ 1792 года, заключеннаго въ Яссахъ; въ этихъ статьяхъ предоставлялось Россіи удержать свои пріобрѣтенія по Кучукъ-Кайнарджійскому миру.

Лишившись надежды на Англію, Пруссія хотѣла добыть себѣ выгоды инымъ путемъ,—путемъ сближенія съ императорскими дворами. Лѣтомъ 1791 года посланъ былъ отъ прусскаго короля къ императору Бишофсвердеръ, любимецъ Фридриха-Вильгельма. Послѣ нѣкоторыхъ споровъ и толковъ, этотъ уполномоченный, 25-го іюля, въ Вѣнѣ заключилъ конвенцію о предварительныхъ условіяхъ, которыя должны были служить путеводительною нитью для будущаго союзнаго трактата Пруссіи съ Австріею. Первымъ условіемъ этого предполагаемаго трактата было привлечь Россію къ союзу, послѣ того, какъ у ней состоится миръ съ Турціею. Затѣмъ обѣ стороны взаимно ручались за неприкосновенность своихъ предѣловъ, обѣщались не заключать одна безъ другой союзовъ, совмѣстно пригласить европейскихъ государей къ помощи въ дѣлахъ Франціи. Относительно Польши Пруссія передъ Австріею должна была скрывать свои давніе виды и показывать, какъ будто вовсе оставила ихъ. Когда Леопольдъ услышалъ въ первый разъ о конституціи 3-го мая, то считалъ ее плодомъ прусской интриги, устроенной для овладѣнія со временемъ польскою территоріею. Надобно было Пруссіи разсѣять эти подозрѣнія. Положили пригласить къ участію Россію и постановить, что отселѣ никто уже не будетъ посягать на цѣлость границъ и твердость установленнаго свободнаго правленія въ Польшѣ, никто не станетъ стараться посадить на польскій престолъ кого-нибудь изъ лицъ своего

дома, ни посредствомъ супружества съ инфантою, ни посредствомъ вліянія въ случаѣ новаго выбора короля въ Польшѣ, отнюдь не побуждая республику склоняться въ пользу того или другого кандидата по своему желанію. Статья, касавшаяся Польши, была однако выражена такъ, что впослѣдствіи можно было давать ей различныя толкованія. Такимъ образомъ не сказано было въ точности о конституціи 3-го мая, а говорилось вообще о свободной конституціи; поэтому, если на основаніи договора и можно было заключить, что входившія въ договоръ державы одобрятъ польскую конституцію, то, при другихъ обстоятельствахъ, оставалась возможность объяснить силу договора такъ, что Австрія и Пруссія, гарантируя свободное правленіе Польши вообще, не имѣли въ виду исключительно конституціи 3-го мая. Притомъ же всякое ограниченіе дѣйствій со стороны союзныхъ державъ, противное свободному теченію дѣлъ въ Польшѣ, касалось только каждой державы въ ея отдѣльной дѣятельности безъ согласія съ другими, но эта конвенція не ограничивала и не стѣсняла ихъ, если бы онѣ всѣ вмѣстѣ согласились устроить судьбу Польши иначе [1]). Прусскіе министры, Шуленбергъ и Альвенслебенъ, были противъ договора, заключеннаго Бишофсвердеромъ; они надѣялись еще, что настроеніе въ Англіи

---

[1]) Les intérêts et la tranquillité des puissances voisines de la Pologne, rendant infiniment désirable qu'il s'établisse entre elles un concert propre à éloigner toute jalousie ou appréhension de préponderance, les cours de Vienne et de Berlin conviendront et inviteront la cour de Russie de convenir avec elles, qu'elles n'entreprendront rien pour altérer l'intégrité et le maintien de la libre constitution de la Pologne, qu'elles ne chercheront jamais à placer un prince de leurs maisons sur le trône de la Pologne, ni par un mariage avec la princesse infante, ni dans le cas d'une nouvelle élection et n'employeront point leur influence pour déterminer le choix de la republique dans l'un ou l'autre cas en faveur d'un autre prince, hors d'un concert mutuel entre elles.

измѣнится, но король находилъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ Пруссіи необходимо держаться союза съ Австріей. Къ сближенію давно соперничествующихъ державъ побуждало намѣреніе возстановить во Франціи прежній порядокъ и спокойствіе. Французская революція слишкомъ тревожила европейскіе кабинеты, они всѣ видѣли во Франціи страшный пожаръ, который оттуда разливаясь грозилъ всѣмъ державамъ, и всѣ должны были соединиться и оставить на время свои недоразумѣнія въ виду общаго для всѣхъ врага; но какъ только начинали разсуждать, что̀ будетъ тогда, если пожаръ этотъ будетъ потушенъ, — тотчасъ возникали недоразумѣнія и каждый заявлялъ естественное желаніе получить свою долю въ вознагражденіе за труды и издержки. Для Пруссіи, по ея географическому положенію, ближайшее средство вознагражденія видѣлось въ Польшѣ.

Вопросъ о вмѣшательствѣ во французскія дѣла сначала подвигался туго. Въ августѣ, по ходатайству герцога д'Артуа, хлопотавшаго у всѣхъ дворовъ о помощи противъ своего отечества, составилось свиданіе прусскаго короля съ австрійскимъ императоромъ въ Пильницѣ, на саксонской землѣ. Туда приглашенъ былъ и князь-избиратель. Свиданіе это не имѣло ближайшихъ видимыхъ результатовъ. Государи не поддавались на высокомѣрныя требованія д'Артуа, который хотѣлъ быть регентомъ Франціи, главнымъ руководителемъ дѣла, требовалъ немедленно помощи и не соглашался ни на какія уступки французамъ, не допуская ничего другого, кромѣ безусловнаго возвращенія Франціи подъ прежнюю абсолютную власть Бурбоновъ. Леопольдъ былъ мало расположенъ стоять за такое направленіе. Кауницъ, его министръ, также находилъ, что прежнее состояніе Франціи, о которомъ вздыхали эмигранты, уже невозвратимо, и возстановленіе порядка въ этой странѣ можетъ быть достигнуто только соглашеніемъ

короля съ націею и значительными уступками духу времени. Леопольдъ, по внушенію своего министра и по собственному побужденію, въ сношеніяхъ съ Пруссіей рѣшительно объявилъ, что не считаетъ умѣстнымъ вмѣшиваться во внутренія дѣла Франціи и ниспровергать тамошнюю конституцію; онъ только тогда принужденъ будетъ приступить къ такимъ дѣйстіямъ, когда французскому королю и его фамиліи будетъ угрожать опасность. Вообще, принцы-эмигранты мало располагали къ себѣ; только Екатерина черезъ Голицына заявляла, что считаетъ истинными представителями французской націи эмигрантовъ, убѣжавшихъ изъ отечества.

Но французской королевской фамиліи болѣе и болѣе начала угрожать опасность. Во французскомъ законодательномъ собраніи образовалась республиканская партія (Жиронда), недовольная конституціоннымъ монархическимъ правленіемъ, желавшая ввести во Франціи республику и съ этой цѣлью хотѣвшая также запутать Францію въ войну, какъ этого хотѣли въ своихъ видахъ ихъ крайніе противники, эмигранты. Марія-Антуанетта въ письмѣ къ брату отъ 16-го декабря 1791 г. представляла, что король лишенъ свободы и умоляла императора не навлекать на себя стыда и упрека всего міра, не оставлять въ крайнемъ униженіи и несчастіи сестру, зятя и племянника. Эти обстоятельства ускорили, наконецъ, дѣло союза, давно уже начатое между Пруссіею и Австріею. Леопольдъ черезъ графа Рейса предложилъ прусскому кабинету проектъ, который и былъ принятъ Пруссіею 7-го февраля 1792 года въ смыслѣ конвенціи, заключенной Бишофсвердеромъ 25-го іюля 1791 года. Обѣ стороны обѣщались поддерживать монархическое правленіе во Франціи, возвратить французскому королю и его фамиліи безопасность, полную свободу и все сообразное съ ихъ достоинствомъ и честію. Подобно прошлогодней конвенціи, и этотъ дого-

воръ гарантировалъ Польшѣ ея самостоятельность въ существовавшихъ границахъ. Но по этому поводу сдѣлана была, по требованію прусскаго министерства, существенная отмѣна противъ конвенціи Бишофсвердера. Вмѣсто обязательства поддерживать свободную конституцію Польши, союзники принимали на себя охраненіе свободы и независимости Польши. Вмѣсто словъ въ конвенціи Бишофсвердера «maintien de la libre constitution de la Pologne», въ договорѣ 7-го февраля, по требованію Пруссіи, написано «maintien de la liberté et de l'indépendance de la Pologne, *comme indiquant avec plus de clarté, qu'il ne s'agit pas encore de la constitution présente individuellement*».

Этотъ союзъ однако могъ еще не имѣть важнаго значенія въ ближайшихъ событіяхъ, пока императоръ Леопольдъ продолжалъ питать отвращеніе отъ военныхъ предпріятій вообще.

Выжидательная и осторожная политика Леопольда II дѣйствительно, при легкомъ взглядѣ на вещи, подавала поводъ заключать, что Австрія благопріятствуетъ польскимъ перемѣнамъ. Въ октябрѣ 1791 г. Кауницъ приказалъ посланнику Кобенцелю сообщить русскому двору ноту, въ которой приглашали Россію признать конституцію 3-го мая и доказывали, что это для Россіи будетъ выгодно. Но въ австрійскомъ предположеніи не было искренности, и Екатерина поняла такой образъ дѣйствія, выразившись о немъ, «что это значитъ плясать по итальянскому маккіавелизму». Австрію безпокоило молчаніе Россіи на счетъ Польши; Австрія хотѣла вывѣдать мысли и намѣренія Екатерины и потому нарочно предлагала то, о чемъ навѣрно знала, что Россія не согласится, но дѣлала это въ надеждѣ, что Россія, заявивъ свое несогласіе, до нѣкоторой степени выскажется. Что это было именно только съ такою цѣлью, показываетъ странное противорѣчіе въ той самой австрійской нотѣ, которою, повидимому, хотѣли

смягчить Россію въ пользу событія 3-го мая. Въ одномъ пунктѣ указываютъ, что безпорядки въ Польшѣ, выборы королей, неустройства въ управленіи и на сеймѣ, приносятъ пользу Пруссіи, и для Россіи лучше будетъ, если въ Польшѣ водворится порядокъ, который наступитъ съ наслѣдственнымъ правленіемъ. Въ другомъ же пунктѣ склоняли Россію надеждою, что установленіе наслѣдственнаго правленія внесетъ духъ несогласія, породитъ партіи въ этой безпокойной націи, подорветъ внутреннее управленіе. Такъ какъ это было до заключенія мира съ Турціею, то Екатерину не заставили высказаться. Между тѣмъ, хлопотавшая передъ Россіею съ такими странными доводами за конституцію 3-го мая, Австрія совсѣмъ иначе отнеслась о томъ же предметѣ въ сношеніяхъ съ самою Польшею. Посланникъ Рѣчи Посполитой Во́йна (2 дек.) просилъ австрійскій кабинетъ ходатайствовать у русскаго двора о признаніи конституціи 3-го мая. Ему отказали наотрѣзъ. Кауницъ замѣчалъ, между прочимъ: «поляки не спрашивались у вѣнскаго двора, когда устроивали свою конституцію; пусть же и кончаютъ свои дѣла безъ насъ». Обращеніе австрійскихъ государственныхъ людей съ Во́йною отзывалось подчасъ зловѣщею двусмысленностью. Ему то отвѣчали на вопросъ неясно обиняками, то вовсе на нихъ не отвѣчали. Графъ Манфредини сдѣлалъ объ немъ такого рода замѣчаніе: «этотъ господинъ желаетъ много знать, а забываетъ, что можно узнать такое, чего и не пожелаешь узнать. Непріятно ему молчаніе нашего двора, а отвѣтъ можетъ быть еще непріятнѣе». Дипломаты со стороны видѣли, къ чему Австрія должна будетъ придти. Саксонскій министръ Шенфельдъ въ ноябрѣ (1791 г.) замѣчалъ, что императоръ Леопольдъ, хотя видимо и благопріятствуетъ польскому перевороту 3-го мая, но разсчетъ скоро возьметъ верхъ; Австрія склонится къ той политикѣ, какой держится Россія, потому что не захочетъ, чтобы

Россія одна наложила цѣпи на польскую конституцію, безъ соучастія Австріи. Когда въ Берлинѣ заключили договоръ и Австрія требовала, чтобы цѣлость Польши была однимъ изъ условій этого договора, англійскій министръ въ Берлинѣ, Эденъ, понималъ, что это дѣлается какъ бы для приличія; обѣ державы дружелюбно относятся къ Польшѣ, а сами ожидаютъ только намека со стороны Россіи, чтобъ измѣнить свои взгляды. Молчаніе Россіи не дозволяло ни Австріи, ни Пруссіи на чтò-нибудь рѣшиться по отношенію къ Польшѣ.

Екатерина разсчитывала, что Россіи слѣдуетъ молчать о Польшѣ до тѣхъ поръ, пока неизбѣжный ходъ обстоятельствъ не приведетъ къ необходимости Пруссію и Австрію заговорить объ ней съ Россіею. Зато Екатерина очень громко говорила на счетъ Франціи. Русская государыня, казалось, сердечнѣе всѣхъ заботилась о судьбѣ эмигрантовъ; ея министры въ Берлинѣ и Вѣнѣ постоянно побуждали къ союзу во имя возстановленія прежняго порядка вещей во Франціи; никто менѣе Екатерины не расположенъ былъ къ уступкамъ, которыя надавалъ покойный Леопольдъ, никто болѣе ея не охуждалъ вообще малѣйшихъ вынужденныхъ уступокъ народамъ со стороны властей. Въ октябрѣ она собственноручно писала къ прусскому королю, убѣждая его торопиться спасеніемъ французскаго короля. Шведскому королю Густаву III она изъявляла готовность взять на себя субсидіи для вооруженія 12,000 человѣкъ на высадку во Францію. Первое нападеніе предоставлялось королю шведскому, во вниманіе къ отдаленности его: тутъ избѣгалось всякое подозрѣніе въ завоевательныхъ замыслахъ; побужденіе со стороны Густава III могли казаться безкорыстнѣе, тогда какъ нападенія Испаніи, Австріи и Германіи повлекли бы за собою подозрѣнія, что эти государства подъ благовиднымъ предлогомъ хотятъ захватить у Франціи часть ея территоріи.

Въ Испаніи дѣйствовалъ русскій посланникъ Зиновьевъ. Съ этимъ государствомъ легче всего было сойтись; династическая связь испанскихъ Бурбоновъ съ французскими располагала политику мадридскаго кабинета подчиниться русскому взгляду на французскія дѣла: не допускать никакихъ уступокъ либеральной партіи во Франціи, требовать непремѣнно возстановленія королевской власти въ первобытномъ видѣ, считать истинными представителями Франціи только однихъ эмигрантовъ. У Екатерины это однако не было плодомъ дѣйствительной боязни революціоннаго духа или какого-нибудь особеннаго расположенія къ старой Франціи, тѣмъ болѣе, что послѣдняя постоянно, какъ говорится, клала бревна подъ ноги Россіи въ ея предпріятіяхъ. «Я,—говорила императрица,—боюсь императора и короля прусскаго гораздо болѣе, чѣмъ старинную Францію во всемъ ея могуществѣ и новую Францію съ ея нелѣпыми принципами». Въ откровенныхъ разговорахъ съ Храповицкимъ Екатерина на-счетъ этого объяснялась такъ: «Я ломаю себѣ голову, какъ бы завлечь во французскія дѣла берлинскій и вѣнскій кабинеты. Есть много причинъ, которыхъ нельзя высказать. Я желаю, чтобы имѣть свободными руки; много предпріятій не окончено мною; надобно ихъ занять, чтобъ они мнѣ не мѣшали». Понятно намъ, какія были это предпріятія. Первое—было подчиненіе Польши, второе - паденіе Турціи. Первое надлежало совершить, потому что безъ перваго невозможно было второе, какъ уже показалъ опытъ. Пруссія проникала въ настоящій смыслъ возбужденій, которыя дѣлала Россія повидимому такъ безкорыстно, такъ рыцарски въ пользу французскаго двора. «У императрицы Екатерины, — писалъ король прусскій 6-го октября 1791 года своему министру въ Петербургѣ,—есть желаніе насъ съ Австріей запутать въ войну съ Франціею, а сама она тѣмъ временемъ безпрепятственно вмѣшается въ

польскія дѣла. Въ 1791 году, при вѣнскомъ дворѣ также были того убѣжденія, что императрица имѣетъ виды на Польшу.

Непосредственно по заключеніи мира съ Турціею, въ началѣ 1792 года, тайна Россіи въ отношеніи къ Польшѣ начала яснѣе раскрываться для сосѣдей. Европейскіе дипломаты, хотя и увѣрены были, что у Россіи есть закоренѣлое желаніе овладѣть Польшею, но обманывались въ своихъ выводахъ и предположеніяхъ на счетъ ближайшихъ видовъ Екатерины на эту страну. Англійскій посланникъ въ Петербургѣ Уисвортсъ, отъ 31-го января 1792 года, писалъ: «я думалъ, императрица не рѣшится на какія-нибудь насильственныя смѣлыя предпріятія, для поддержанія своего вліянія въ Польшѣ; я считалъ ее нерасположенною запутывать дѣла въ этой странѣ, и вызывать ее на войну противъ Россіи послѣ того, какъ Россія такъ недавно едва могла безъ важныхъ выгодъ избавиться отъ войны, стоившей ей ужасающихъ суммъ и много человѣческихъ душъ. Но сознаюсь, я ошибался, какъ вообще ошибаются всѣ тѣ, которые полагаются на умѣренность этой государыни. Я освѣдомился изъ вѣрныхъ источниковъ, что русскій дворъ намѣренъ съ будущею весною въ области польской республики двинуть стотысячное войско, которое выйдетъ изъ Молдавіи. Хотятъ напасть на Польшу внезапно, не допустивши воспрепятствовать этому въ-пору, а если сосѣднія державы вмѣшаются, что́ вѣроятно будетъ, то на этотъ случай составленъ уже планъ раздѣла, по которому всѣ три получатъ свои выгоды». 3-го февраля 1792 года, прусскій министръ въ Петербургѣ Гольцъ донесъ своему правительству, что у него въ рукахъ было собственноручное письмо императрицы къ Зубову, гдѣ говорилось, что какъ только дѣла съ Турціею приведутся къ окончанію, тотчасъ императрица прикажетъ двинуть 180,000 арміи подъ начальствомъ Рѣпнина въ

польскую Украину; если же Австрія и Пруссія станутъ противиться, то имъ предложится въ вознагражденіе раздѣлъ Польши. Какимъ образомъ попалось это письмо въ руки прусскому министру, неизвѣстно; вѣроятно сама императрица распорядилась такъ, чтобы Гольцъ видѣлъ его; быть можетъ, она находила, что уже пришло время сдѣлать свои планы извѣстными Пруссіи. Черезъ нѣсколько времени Россія сдѣлала приглашеніе берлинскому и вѣнскому дворамъ приступить къ соглашенію на счетъ мѣръ, какія должны принять эти дворы въ предупрежденіе дальнѣйшихъ безпорядковъ въ Польшѣ и къ установленію степени той цѣлости, какую слѣдуетъ признать за Польшею, причемъ дѣлалось замѣчаніе, что допустить Польшу навсегда соединиться съ Саксоніей было бы не безопасно для трехъ державъ. Это заявленіе сообщено графомъ Остерманомъ прусскому посланнику 28-го февраля. Государыня приказала сообщить прусскому послу изустное внушеніе (insinuation verbale) относительно опасности, какую представляли польскія перемѣны собственно для Пруссіи; Саксонія черезъ соединеніе съ Польшею сдѣлается могущественною и вліятельною державою; Пруссія не должна бы допускать этого ради своего положенія въ Германіи. Это обстоятельство достаточно было важно, чтобы повести къ соглашенію между Пруссіею и Россіею и побудить согласиться на мѣры, вызываемыя ихъ взаимными интересами. Именно, какъ бы въ предупрежденіе предложенія пристать къ союзу, которое должны были сдѣлать Россіи, императрица напередъ хотѣла дать знать сосѣдямъ, на какихъ условіяхъ можно надѣяться пригласить ее къ участію въ ихъ союзѣ; такъ какъ договоръ 7-го февраля гарантировалъ цѣлость Польши и независимость ея, то императрица заранѣе указывала, что это условіе для нея непримѣнимо и она, напротивъ, имѣетъ намѣреніе измѣнить границы и судьбу Польши. Ничего не могло быть любез-

нѣе для прусскаго короля такого предложенія: онъ готовился къ нему и ожидалъ его давно.

Затѣмъ послѣдовало отъ Россіи заявленіе на счетъ Польши и къ Австріи. Екатерина извѣщала, что она твердо рѣшилась поддерживать свою гарантію прежняго правленія, установленнаго въ 1775 году и намѣрена ниспровергнуть конституцію 3-го мая.

Заявленіе это пришло какъ нельзя въ-пору къ своему назначенію. По заключеніи договора между Пруссіею и Австріею, Бишофсвердеръ отправился въ Вѣну условиться на счетъ ближайшихъ взаимныхъ дѣйствій, основанныхъ на договорѣ 7-го февраля. Польское дѣло затрудняло ихъ. Шпильманъ, австрійскій министръ, объявилъ, что Австрія точно такъ, какъ и Пруссія, полагаетъ, что не слѣдуетъ допускать у себя подъ бокомъ усиленія польскаго королевства, и надобно какъ-нибудь дѣйствовать противъ этого, а иначе императрица шагнетъ дальше, и все перевернетъ вверхъ дномъ (que l'impératrice ne veuille casser les vitres). Тогда, по прежней австрійской методѣ давать предложенія, съ желаніемъ получить отвѣтъ въ смыслѣ противномъ этимъ предложеніямъ, Шпильманъ составилъ проектъ и показалъ Бишофсвердеру. Въ этомъ проектѣ давалась на обсужденіе мысль: не хорошо ли было бы въ самомъ дѣлѣ признать саксонскаго князя-избирателя будущимъ наслѣдственнымъ государемъ Польши, только такъ, чтобы помѣшать Польшѣ сдѣлаться сильнымъ государствомъ, особенно не допуская въ ней увеличенія войска и свободнаго развитія торговли? Проектъ писали въ полной надеждѣ, что Пруссія ни за что на него не согласится и предложитъ другое такое, что̀ приметъ Австрія съ соблюденіемъ своихъ выгодъ.

Пока еще Австрія не получила желаннаго отрицательнаго отвѣта на свой проектъ отъ прусскаго двора, получена была нота Россіи. Но тутъ въ Австріи произо-

шла перемѣна—императоръ Леопольдъ скончался въ мартѣ 1792 года. Его сынъ и преемникъ Францъ II былъ совсѣмъ съ иными наклонностями, чѣмъ его отецъ; онъ былъ расположенъ къ воинственности и столько же обращалъ вниманія на военное званіе, сколько отецъ не любилъ его. Еще будучи принцемъ, Францъ выказывалъ особое расположеніе къ Россіи, находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ русскимъ посланникомъ княземъ Голицынымъ; рѣшимость Австріи и Пруссіи вести войну противъ Франціи въ духѣ охранительныхъ началъ сближала ихъ обѣихъ разомъ съ Россіею и это-то послужило роковымъ поворотомъ для Польши. Русская нота, о которой выше было упомянуто, доставлена была въ Вѣну уже при новомъ австрійскомъ государѣ. Тогда Шпильманъ (14 марта) представилъ прусскому посланнику Якоби замѣчаніе, что русская государыня остается непоколебима въ своихъ видахъ относительно Польши и потому составленный имъ прежде планъ оказывается неподходящимъ. «Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Якоби,—если Россію трудно согласить, то и самъ саксонскій князь-избиратель не захочетъ состоять въ санѣ польскаго короля, подъ опекою трехъ державъ». Черезъ три дня Шпильманъ сказалъ Якоби: «я оставляю свой проектъ: съ одной стороны нельзя дозволить Польшѣ сдѣлаться сильною державою, а съ другой, князь-избиратель не захочетъ принимать ее въ слабомъ состояніи; остается одно средство—раздѣлъ. Австрія не намѣрена брать своей доли въ Польшѣ, а возьметъ ее въ другомъ мѣстѣ, но король венгерскій и чешскій не станетъ мѣшать прусскому королю воспользоваться обстоятельствами и округлить свои владѣнія, лишь бы только обѣ стороны взяли по ровной части». Старый дипломатъ оправдывалъ свои планы тѣмъ, что Польша вѣчно будетъ яблокомъ раздора, пока три сосѣднія державы не согласятся дѣйствовать за-одно. Такимъ образомъ слово о новомъ раздѣлѣ Польши было высказано

между Австріею и Пруссіею, оставалось привлечь къ этому Россію. Но Австрія сочла нужнымъ пустить въ дѣло съ Россіею тотъ же способъ обращенія, какой недавно употребила съ Пруссіею, т. е. заговорить въ смыслѣ совершенно противномъ тому отвѣту, какой желала услышать. И вотъ еще разъ въ сношеніяхъ съ Россіею Кауницъ, 12-го апрѣля, объявилъ, что Австрія твердо стоитъ за соединеніе Польши съ Саксоніею, но это было сказано такъ, что вице-канцлеръ Остерманъ тотчасъ понялъ, что въ этихъ словахъ нужно видѣть обратный смыслъ и они говорились только съ цѣлью показать, что Австрія сама не прочь отъ участія въ видахъ Россіи, но прежде хочетъ вызвать Россію на выгодныя для себя предложенія.

Россіи предложили приступить къ союзу, заключенному 7-го февраля между Пруссіею и Австріею. На это Остерманъ 15-го мая отвѣчалъ, что трактатъ 7-го февраля заключаетъ въ себѣ статью о Польшѣ, несогласную съ видами императрицы; во всемъ остальномъ Россія приступаетъ къ трактату 7-го февраля, относительно же Польши желаетъ заключить особый договоръ съ Пруссіею, имѣя въ виду прежніе существовавшіе между двумя державами трактаты объ этомъ предметѣ. На это замѣчаніе послѣдовала отъ 27-го іюня совмѣстная декларація отъ Австріи и Пруссіи къ Россіи; въ ней было изъявлено требованіе, чтобы обоимъ государствамъ предоставлено было надлежащее участіе въ мѣрахъ, которыя должны рѣшить судьбу Польши. Съ своей стороны Кауницъ особо объявлялъ (отъ 21-го іюня), что Австрія приступитъ къ видамъ петербургскаго двора, если петербургскій дворъ приступитъ къ союзу противъ Франціи, съ тѣмъ, что статья о Польшѣ, въ трактатѣ 7-го февраля, будетъ замѣнена обязательствомъ трехъ дворовъ дѣйствовать взаимно и согласно въ дѣлахъ польскихъ.

II.

Веселье въ Польшѣ.—Сеймики.—Самоувѣренность поляковъ.—Поведеніе Люккезини въ 1792 году.—Булгаковъ подбираетъ партію.—Зародышъ конфедераціи въ Петербургѣ.—Отказъ саксонскаго князя-избирателя.—Воинственныя постановленія сейма [1]).

Весною 1792 г. уже образовалась въ дипломатіи гроза, долженствовавшая потрясти Польшу до основанія и обратить въ прахъ ея возрожденіе. Австрія и Пруссія уже высказались о необходимости новаго раздѣла. Россія хотя не произнесла такого мнѣнія, но болѣе, чѣмъ двѣ прочія державы, не расположена была оставить въ Польшѣ то, что въ ней было устроено съ 3-го мая.

Польша, между тѣмъ, пировала. По современнымъ извѣстіямъ, въ Польшѣ никогда еще такъ не веселились, какъ въ концѣ 1791 и началѣ 1792 года. Въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ въ назначенные дни происходили торжественныя богослуженія съ «Te Deum», съ проповѣдями, восхвалявшими новый порядокъ и виновниковъ его. Такой праздникъ отправлялся, напр., въ Бобруйскѣ, маленькомъ мѣстечкѣ, гдѣ считалось не болѣе 150 дворовъ. Земскій рѣчицкій судья, записавшись въ мѣщане, давалъ большой обѣдъ съ музыкою и громомъ орудій. Послѣ обѣда былъ шумный балъ. Все мѣстечко было затѣйливо иллюминовано. Простой народъ поили и кормили на улицахъ. 17-го января, день рожденія Станислава-Августа, сдѣлался повсюду днемъ веселаго и шумнаго празднества: богослуженія съ проповѣдями, пѣніе «Te Deum», пальба изъ пушекъ, обѣды, балы и иллюминація служили вездѣ признаками общей радости. Во многихъ мѣстахъ гражданско-военныя коммиссіи давали обѣды городскимъ магистратамъ,

---

[1]) См. ист. 21, 18, 28, 12, 33, 8, 118, 113, 115, 91, 86. Дѣла сейма и Стражи, хранящіяся въ Литовской Метрикѣ.

а затѣмъ слѣдовали танцы вплоть до ночи и ужинъ. Дворяне и мѣщане пировали братски вмѣстѣ. Въ Вильнѣ въ этотъ день, послѣ торжественнаго богослуженія въ академической церкви, епископъ Масальскій давалъ обѣдъ на сто особъ слишкомъ, а въ три часа было публичное засѣданіе главной школы Великаго Княжества Литовскаго, на которомъ профессоръ церковной исторіи Богуславскій прославлялъ конституцію, — вечеромъ маршалъ трибунала давалъ великолѣпный балъ съ ужиномъ и пушечными выстрѣлами, раздававшимися во время питья за здоровье короля. Въ Ленчицѣ народныя школы устроили празднество отъ себя и профессоръ физики доказывалъ, что конституція 3-го мая проистекаетъ изъ естественнаго порядка. Обыватели изъ повѣтовъ сендомирскаго и вислицкаго съѣхались въ Шидловъ для занесенія именъ своихъ въ земянскія книги и по этому поводу братались съ мѣщанами, произносили рѣчи, а воевода далъ большой обѣдъ для пріѣхавшихъ. Въ Сендомирѣ ксендзъ Ленчовскій послѣ богослуженія устроилъ отъ себя роскошный обѣдъ, а вечеромъ бригадный командиръ Годзевичъ давалъ ужинъ и балъ. Іосифъ Понятовскій, племянникъ короля, и генералы давали пиры и балы для военныхъ съ цѣлію приласкать ихъ и склонить къ мысли, что войску подъ непосредственнымъ начальствомъ короля будетъ лучше, чѣмъ подъ властію войсковой коммиссіи. Въ Брацлавѣ, зимою, при главномъ обозѣ нѣсколько дней сряду шли празднества съ потѣшными огнями, среди которыхъ красовался портретъ короля, а брацлавскій подкоморій, кромѣ обѣда для гостей, угощалъ на дворѣ у себя толпу всякаго народа, и всѣ за это восхваляли конституцію.

Время вакаціи сейма было временемъ сеймиковъ: воеводства и повѣты присягали конституціи 3-го мая, производились выборы и по этому поводу повсюду были обѣды, балы, иллюминаціи и празднества. Такъ въ Лети-

чевѣ предъ открытіемъ сеймика одинъ день давалъ обѣдъ судья Домбскій, на другой день панъ Дембовскій; на этихъ обѣдахъ участвовали всѣ прибывшіе на сеймикъ обыватели, пили за здоровье короля и благоденствіе конституціи 3-го мая, а послѣ выборовъ слѣдовала присяга на конституцію 3-го мая и по этому поводу опять празднество. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ во время присяги, происходившей въ церкви, шляхтичи обнажали сабли и клялись защищать конституцію до послѣдней капли крови. Всѣ прежніе сеймики, сколько могли запомнить старые поляки, сопровождались безпорядками, подкупами, драками, кровопролитіемъ; на этотъ разъ шляхта во многихъ мѣстахъ вела себя чинно и согласно, за то весело. Отъ многихъ сеймиковъ при закрытіи ихъ были посланы депутаціи съ благодарностію королю и членамъ сейма за дѣло конституціи 3-го мая. Много помогло стройному исходу сеймиковъ то, что заранѣе было разослано до 400 писемъ лицамъ, болѣе или менѣе наклоннымъ къ перемѣнѣ.

Въ этихъ письмахъ сообщалось ложно, будто саксонскій князь-избиратель изъявилъ полное согласіе на принятіе короны, и дворы прусскій и австрійскій гарантировали прочность конституціи 3-го мая. Многіе изъ пословъ по окончаніи сеймовыхъ засѣданій разъѣхались по провинціямъ и способствовали настроенію умовъ на сеймикахъ. Каждый изъ нихъ въ своемъ углу настраивалъ толпу, готовую пристать ко всему безъ большихъ разсужденій. Тамъ, гдѣ нужно было, король располагалъ въ пользу конституціи раздачею ордена св. Станислава, на который чрезвычайно были тогда падки поляки; иные за то единственно, чтобы имѣть удовольствіе надѣть красную ленту, становились подъ знамя 3-го мая. Этихъ лентъ такъ много раздарили въ это время, что маршалъ Малаховскій говорилъ: «по совѣсти, эти ленты приносятъ стыдъ, а не украшаютъ». Другихъ склоняли обѣщаніемъ выгодныхъ

мѣстъ и денежными подарками, а иныхъ принуждали и угрозами; многіе, подавая согласіе на конституцію, въ душѣ ненавидѣли ее, но не смѣли заявить противнаго мнѣнія, потому что было объявлено запрещеніе заносить въ городскіе акты протестаціи противъ конституціи: опасно было, ничего не сдѣлавши, навлечь на себя наказаніе; сторонники конституціи пугали шляхту, что того, кто будетъ противиться, постигнетъ кара отъ короля и сейма, какъ возмутителя общественнаго спокойствія, подобно Ржевускому и Щенсному Потоцкому. Наконецъ, въ воеводствахъ, гдѣ наиболѣе можно было ожидать противодѣйствія, разставлены были войска, готовыя усмирять силою и принуждать къ повиновенію такіе сеймики, которые бы стали сильно шумѣть противъ конституціи. Много пособило и то, что папа прислалъ поздравительную буллу, въ которой видимо оказывалъ сочувствіе къ новому дѣлу; на сеймикахъ какъ только узнали, что конституція 3-го мая благословляется св. отцомъ, начали склоняться къ ней. При этихъ выгодныхъ для дѣла конституціи условіяхъ, изъ нѣсколькихъ мѣстъ поступили однако въ Стражу донесенія о томъ, что на сеймикахъ проявлялось негодованіе противъ реформы и притомъ съ признаками тѣхъ старыхъ нравовъ, которые хотѣли исправить прогрессисты. Такъ, люблинская шляхта Грушецкіе съ другими жаловались, что у нихъ на сеймикѣ, въ противность новому уставу о сеймикахъ, паны навели подкупленную шляхту, собирали у себя, поили и потомъ заставляли давать голоса, какіе угодно было имъ, класть шары по ихъ желанію и такимъ образомъ удержали за собою и за другими, по своему желанію, мѣста и должности или выбирали новыхъ, кого хотѣли. Въ полоцкомъ воеводствѣ панъ Жаба привелъ на сеймикъ подпоенную шляхту и заставлялъ выбирать въ должности такихъ, какихъ ему хотѣлось, даже, чтобъ уменьшить число противниковъ, запиралъ послѣднихъ въ

ихъ квартирахъ и не допускалъ до голосованія въ то время, когда его кліенты дѣлали по его приказанію постановленія какъ будто большинствомъ голосовъ. Такимъ образомъ, хотя по распоряженію сейма рѣшено было перевести мѣсто отправленія сеймика въ Чашники, но панъ Жаба не допустилъ до этого, и сеймикъ остался въ Ушачѣ, гдѣ былъ прежде. Въ троцкомъ воеводствѣ противники конституціи навели на сеймикъ свою подпоенную шляхту и подняли крикъ, что сеймъ нарушилъ старопольскую свободу и предалъ Рѣчь-Посполитую абсолютизму, называли сеймовые уставы кандалами и объявляли, что намѣрены повиноваться существующей власти только до времени. По ихъ вліянію выбраны депутатами въ трибуналъ ихъ подручники, не имѣвшіе на то законнаго права, потому что не владѣли землями въ томъ краѣ, гдѣ ихъ выбирали. Въ Россіенахъ партія, непріязненная конституціи, подъ предводительствомъ Гелгуда надѣлала большую смуту, не допустила предсѣдательствовать ассессору вмѣсто больного маршала, отняла книги у избраннаго противъ ея желанія актоваго писаря, и, наконецъ, не дозволила окончиться сеймику, такъ что послѣ того это дѣло встревожило Стражу и дало поводъ къ продолжительной перепискѣ. Подобное дѣлалось и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, напр. въ Минскѣ, гдѣ панъ Лыскевичъ въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, съ цѣлію овладѣть дѣлами города, поилъ ремесленниковъ такъ, что, по замѣчанію послѣдовавшей на него жалобы, всѣ заказы оказались неисполненными въ срокъ. Установленіе земянскихъ судовъ сопровождалось безпорядками: прежніе судьи не отдавали новоизбраннымъ ни ключей, ни счетовъ, а въ Сѣрадзѣ гражданско-военная коммиссія заперла ратушу, гдѣ прежде собирались городскіе и земскіе суды и новоустроенному земянскому суду не было пріюта. Отмѣненіе пожизненности судей пріобрѣло конституціи много враговъ изъ тѣхъ, которые чрезъ этотъ за-

конъ лишались возможности сидѣть цѣлую жизнь на тепломъ мѣстѣ.

Прогрессивная партія извлекала великія надежды для цѣлости конституціи изъ пріема, сдѣланнаго ей по воеводствамъ. Проживавшіе за-границею паны извѣщали своихъ соотечественниковъ, что и по всей Европѣ правительства, публика удивляются полякамъ и величаютъ ихъ мудрость. «Куда только насъ ни пригласятъ, писалъ одинъ полякъ изъ Флоренціи, вездѣ мы видимъ столы, украшенные бюстами короля нашего, колоннами и пирамидами въ честь его и нашей конституціи. Самъ великій герцогъ тосканскій говорилъ полякамъ такія слова: «счастливъ народъ польскій, что у него такой король; счастливъ король польскій, что управляетъ такими гражданами». Пріѣзжавшіе въ Польшу иностранцы, льстя полякамъ, говорили: «какъ же это утверждали, будто поляки народъ несогласный и легкомысленный, а мы видимъ противное: они составили такую мудрую конституцію и такъ согласно и единомышленно ее приняли». Поляки интересовались болѣе всего тѣмъ, что о каждомъ ихъ патріотическомъ шагѣ будутъ говорить въ Европѣ. Маршалъ Малаховскій по окончаніи сеймиковъ писалъ къ племяннику въ Дрезденъ: «мнѣ очень любопытно узнать, что́ тамъ у васъ скажутъ о единомысліи сеймиковъ. Кто религіозенъ, тотъ признаетъ въ этомъ дѣло Провидѣнія, а кто основывается на политикѣ, тотъ увидитъ въ этомъ событіи великій примѣръ, какъ весь народъ чувствуетъ привязанность къ закону». Это онъ писалъ уже въ то время, когда медленность и увертки саксонскаго князя-избирателя раздражали его. Легковѣріе и вѣтренность поляковъ не имѣли предѣловъ.

«Три дня тому назадъ,—доносилъ въ мартѣ Булгаковъ,—поляки большую надежду полагали на нѣмецкаго императора, но теперь уже нѣкоторые изъ пановъ перемѣнили свое мнѣніе и боятся, что какъ только состоится коалиція

противъ Франціи, то императоръ обратится къ Франціи, а Россія будетъ раздѣлываться съ Польшею. Самъ король все еще полагалъ тогда надежды на Австрію и думалъ расположить къ себѣ подкупомъ государственныхъ людей австрійскаго кабинета, Манфредини и Шпильмана, посредствомъ камергера Кортигеля, который былъ нѣкогда въ Польшѣ посланникомъ отъ Австріи. Этотъ Кортигель, какъ говорятъ, бралъ съ короля деньги и внушалъ ему надежды, а король составлялъ тайные планы утвердить монархическую власть при пособіи Австріи и избавиться отъ страшной опеки Россіи. Корифей 3-го мая, Игнатій Потоцкій, былъ самонадѣянъ до смѣшного; уже въ мартѣ Декоршъ, французскій посланникъ, предостерегалъ его и говорилъ: «вы слишкомъ довѣрчивы: смотрите, берлинскій и вѣнскій дворы не даромъ кокетничаютъ съ императрицею!» Потоцкій заглаза трунилъ надъ нимъ и говорилъ: «французъ пустую вѣжливость между дворами считаетъ уже за взаимную преданность. Я думаю, что Россія не рѣшится объявить намъ войны, напротивъ, сама боится, чтобы противъ нея не составила союза Австрія съ Польшею; тогда, дѣйствуя вмѣстѣ, можно было бы сдѣлать Россію азіатскою державою».

Первыя сеймовыя засѣданія, по окончаніи лимиты, проходили въ шумныхъ восторгахъ о величіи Польши, о примѣрномъ согласіи и надеждахъ на благополучіе въ будущемъ. Вѣсти о томъ, что сеймики окончились безъ дракъ и повсюду одобрена конституція, давали посламъ поводъ видѣть въ этомъ великое ручательство возрожденія отечества. Игнатій Потоцкій говорилъ въ засѣданіи: «окидывая взорами протекшіе вѣка, во всей исторіи міра я не могу видѣть ничего величественнѣе, ничего достойнѣе человѣческой памяти, какъ согласіе польскаго народа, который отселѣ долженъ служить образцомъ для всѣхъ вольныхъ народовъ!» Волынскій посолъ Стройновскій, постоянный недоброжелатель нововведеній и представитель воеводства, наи-

болѣе противнаго конституціи, заявлялъ, что это воеводство, состоящее изъ четырехъ повѣтовъ (луцкій, кременецкій, подслучскій и горынскій), измѣнило прежнія инструкціи посламъ и приказывало имъ соображаться съ конституціею. Другой свирѣпый противникъ конституціи, познанскій послолъ Мелжинскій, говорилъ: «я не пошелъ по слѣдамъ возлюбленнаго короля оттого, что воображалъ себѣ, что народъ иначе приметъ конституцію. Я слушалъ своего внутренняго убѣжденія. Теперь я увидалъ противное тому, чего ожидалъ. Нашъ народъ такъ ославилъ себя въ цѣломъ мірѣ безпорядками, что, казалось, никогда не покажетъ себя ни въ чемъ единодушнымъ; и дѣйствительно, давно ли чужіе солдаты предписывали сеймикамъ инструкціи, и несмотря на устрашенія и на подкупы, согласія на сеймикахъ не было. Теперь же не было на сеймикахъ ни чужого, ни своего войска, гражданская добродѣтель не была искушаема дарами, и теперь первый только разъ народъ единогласно принялъ конституцію 3-го мая. Стало быть она хороша и спасительна». Казимиръ-Несторъ Сапѣга ораторствовалъ такъ: «пятно, лежавшее на Польшѣ, изгладилось; иноземныя войска уже не покрываютъ нашей территоріи, наши національныя войска защищаютъ наши границы. Правительство стало твердымъ, конституція наша признана сильнѣйшими державами, а любовь къ отечеству ея крѣпчайшая подпора. Какъ не видать вліянія божественнаго Провидѣнія въ способѣ, какимъ нація возродилась безъ кровопролитія? Вотъ я показалъ вамъ примѣръ послушанія постановленіямъ сейма; теперь я ихъ буду еще болѣе уважать, когда все Великое Княжество Литовское ихъ признаетъ, не уступая Коронѣ въ уваженіи къ королю и любви къ отечеству».

Смерть Леопольда вначалѣ произвела потрясающее впечатлѣніе. «Чтò теперь будетъ?—говорили тогда при дворѣ Станислава-Августа.—Договоръ съ Пруссіею можетъ на-

рушиться, состоится напротивъ договоръ съ Россiею; запуганная Саксонiя ничего не будетъ значить и Польша сдѣлается игрушкою обстоятельствъ. Вмѣсто государя, дружелюбнаго Польшѣ, какимъ былъ покойный императоръ Леопольдъ II, воцарится новый, Францъ II: онъ уже и теперь извѣстенъ своимъ расположенiемъ къ Россiи». Но Игнатiй Потоцкiй, у котораго послѣ обѣда былъ объ этомъ разговоръ съ гостями, какъ великiй политикъ, посмотрѣлъ на событiя съ другой точки зрѣнiя и произнесъ такое утѣшительное слово: «императоръ Леопольдъ достоинъ того, чтобъ поляки его оплакивали; онъ былъ другъ нашъ и особенный покровитель; но смерть его не измѣнитъ положенiя дѣлъ, союзъ съ Пруссiею теперь установится скорѣе, чѣмъ можно было бы ожидать прежде; новый государь на все согласится, что̀ ему предложатъ. Саксонiя и Польша выиграютъ. Молодой государь не пойдетъ противъ Францiи такъ горячо, какъ прежнiй: племянникъ за тетку не станетъ заступаться, какъ братъ за сестру. Еслибъ король прусскiй и императоръ пошли вмѣстѣ на Францiю, какъ предполагалось при Леопольдѣ, русскiе вошли бы въ Польшу и поляки, не получая ни откуда помощи и поддержки, сдѣлались бы добычею Россiи. Теперь же, союзъ Австрiи съ Пруссiею будетъ направленъ противъ Россiи, а Польша будетъ служить имъ барьеромъ. Не совѣтуемъ Россiи затрогивать насъ; Польша можетъ надѣлать ей больше зла, чѣмъ она Польшѣ». За Потоцкимъ маршалъ Малаховскiй и другiе стали видѣть въ радужномъ цвѣтѣ для Польши союзъ Пруссiи съ Австрiею. Пьятоли еще рѣшительнѣе возбуждалъ въ полякахъ смѣлость. «По моему,—говорилъ онъ,—такъ надобно вторгнуться съ войсками Рѣчи-Посполитой во владѣнiя россiйской императрицы и предупредить нападенiе съ ея стороны». Люккезини по прежнему не переставалъ быть непонятнымъ, то мазалъ по губамъ поляковъ, то обливалъ ихъ сразу хо-

лодною водою, ставилъ поляковъ въ-тупикъ и кружилъ имъ головы своимъ обращеніемъ. Когда съ нимъ заговаривали о ходѣ преобразованій и по прежнему обычаю обращались къ нему за совѣтомъ, Люккезини отвѣчалъ сухо и равнодушно: «конституція 3-го мая и всѣ послѣдовавшія у васъ перемѣны для его величества, короля прусскаго, совершенно посторонніе предметы, и вовсе не занимаютъ его. Все, что республика послѣ трактата съ Пруссіей сдѣлала у себя, все это она должна считать своимъ собственнымъ твореніемъ, и о всѣхъ перемѣнахъ, происшедшихъ вслѣдствіе конституціи 3-го мая, должна сама у себя просить совѣта». Отпуская Браницкаго въ Петербургъ, Станиславъ-Августъ счелъ нужнымъ заявить объ этомъ Люккезини и сказать: «надѣюсь, что вашъ дворъ не скажетъ ничего противъ этого». «Ваше величество, — отвѣчалъ Люккезини — можете дѣлать что вамъ угодно, и моему двору совершенно нѣтъ дѣла до этого. Удивительно только, что ваше величество отставили отъ службы польнаго гетмана (le petit général) за то только, что онъ ѣздилъ въ Яссы, а теперь сами посылаете великаго (le grand général) въ Петербургъ для особыхъ сношеній?» Послѣ такого разговора онъ самъ довелъ до свѣдѣнія Браницкаго, будто старался выхлопотать ему у короля дозволеніе ѣхать въ Петербургъ. Въ мартѣ, въ одномъ обществѣ онъ сказалъ: «напрасно считаютъ за королемъ моимъ какую-то готовность помогать Польшѣ; онъ вовсе не обязанъ защищать Польшу съ конституціею 3-го мая». Это дошло до Станислава-Августа. Онъ спросилъ его прямо. Люккезини отвѣчалъ: «я не обязанъ всѣмъ и каждому говорить истину; я могу говорить ее только правительству, а правительство составляютъ для меня король и канцлеръ. У васъ черезчуръ много было участниковъ въ важныхъ дѣлахъ, всѣ все хотѣли знать, оттого и происходилъ такой безпорядокъ».—Прежде онъ въ дружескихъ разгово-

рахъ сворачивалъ на неизбѣжные Гданскъ и Торунь, теперь онъ уже не только не вспоминалъ о нихъ, но даже сказалъ: «король мой не намѣренъ болѣе возобновлять толки о соглашеніи взаимныхъ выгодъ Польши и Пруссіи на основаніи уступки Гданска и Торуня; если бы республика предлагала ихъ сама,—Пруссія уже не приняла бы ихъ». Эти слова дышали зловѣщимъ предзнаменованіемъ и открывали полякамъ опасность, что Пруссія скоро станетъ за-одно съ Россіею, но Люккезини потомъ, сошедшись съ Сапѣгою, началъ опять заговаривать о Гданскѣ и Торунѣ, а когда разнеслось объ этомъ между нѣкоторыми послами, онъ сказалъ: «развѣ можно полагаться въ чемъ-нибудь на Сапѣгу? про насъ ходятъ разныя сплетни: то говорятъ, что мы хотимъ отнять Великую Польшу, то Жмудь, а мой государь ничего отъ поляковъ не желаетъ, кромѣ сохраненія своихъ правъ и трактатовъ». Поселяя въ полякахъ сомнѣніе, онъ не доводилъ ихъ до отчаянія: «не думайте, говорилъ онъ, чтобы Пруссія перестала быть союзницей Польши; когда у васъ начнется война съ Россіею, тогда и Пруссія станетъ вооружаться и покажетъ себя. Правда, Пруссія и Австрія обращаются деликатно съ императрицею, но все-таки главная цѣль ихъ союза поставить преграду дальнѣйшимъ успѣхамъ Россіи. На этотъ конецъ императоръ и Пруссія уже пригласили Саксонію пристать къ союзу, и она согласилась; быть можетъ, скоро о томъ же попросятъ и Польшу». Также точно и о пріемѣ княземъ-избирателемъ короны онъ высказывался двулично. Прогрессисты распустили на сеймикахъ слухъ, что предложеніе Польши принято и король увѣрялъ прибывшихъ въ Варшаву пословъ, что въ этомъ сомнѣваться не слѣдуетъ и сама русская императрица, какъ видно, согласится на это. «Все это неправда!» сказалъ по этому поводу Люккезини у Сапѣги, а самому Пьятоли, который особенно отличался распространеніемъ утѣшительныхъ слу-

ховъ, замѣтилъ: «эти уловки кончатся дурно». Но тотъ же Люккезини, говоря о заключенномъ между Австріей и Пруссіей союзѣ, выразился такъ: «я не нахожу затруднительнымъ думать, что новые союзники гарантируютъ принятіе короны саксонскимъ княземъ-избирателемъ; это для нихъ лучше, чѣмъ допустить Россію до прежняго вліянія на Польшу».

Сеймъ занялся разсмотрѣніемъ просьбъ и желаній, поступавшихъ отъ сеймиковъ; они касались ново-учрежденныхъ земянскихъ судовъ: отправленія ихъ обязанностей, назначенія мѣстъ для нихъ, соединенія повѣтовъ въ судебномъ отношеніи, выбора лицъ въ должности, времени открытія засѣданій. Установленъ порядокъ процедуры — такъ-называемые реестры, которыми опредѣлено, какія дѣла должны за какими слѣдовать — предметъ сбивчивый въ старопольскомъ судопроизводствѣ; опредѣлены случаи, когда судьи, за уклоненіе отъ своихъ обязанностей, должны подвергаться наказаніямъ, состоявшимъ въ тюремномъ заключеніи, денежномъ взысканіи и лишеніи должностей. По поводу вводимаго тѣснѣйшаго однообразія Великаго Княжества Литовскаго съ Короною уничтожены прежніе отдѣльные литовскіе поборы и введено въ налогахъ однообразіе. Но дѣло реформы королевщинъ подвигалось очень плохо. Скарбовая коммиссія извѣстила сеймъ, что большая часть старостъ не подчиняется распоряженіямъ сейма о платежѣ въ казну, до времени продажи, трехъ четвертей всего получаемаго съ этихъ имѣній дохода.

Толковали о томъ, какъ бы достойно и торжественно отпраздновать годовщину 3-го мая и для этого положили собрать изъ воеводствъ нарочно особыхъ депутатовъ. Въ память великаго событія рѣшили въ этотъ день заложить храмъ Провидѣнія. Игнатій Потоцкій, убѣждаясь болѣе и болѣе въ томъ, что только монархическая власть можетъ

спасти Польшу, задумалъ воспользоваться этимъ днемъ, чтобы въ церкви св. Креста, гдѣ будетъ торжество, пріѣхавшій депутаты заявили желаніе какъ бы цѣлой страны, чтобы король принялъ диктаторскую власть надъ войскомъ и страною. Между тѣмъ въ ожиданіи этого великаго народнаго торжества не было недостатка въ патріотическихъ пиршествахъ, которыя должны были способствовать распространенію новыхъ идей. 22-го марта (2-го апрѣля), въ день имянинъ Коллонтая ассессорія дала ему обѣдъ, куда приглашены были знатнѣйшіе мѣщане. Самъ король присутствовалъ на этомъ обѣдѣ и цѣловался съ мѣщанами. «Они облили ему платье виномъ», замѣтилъ при этомъ Булгаковъ въ своемъ донесеніи, дѣлая намекъ на неумѣнье мѣщанъ вести себя въ одномъ обществѣ съ важными особами. Такъ какъ этотъ обѣдъ носилъ демократическій характеръ уже и потому, что давался въ честь человѣка, считаемаго отъявленнымъ демократомъ, то многіе сочли неумѣстнымъ быть на немъ; въ ихъ числѣ былъ и братъ короля, примасъ. «Какъ мнѣ ни прискорбно,—сказалъ по этому поводу король своей сестрѣ,—но приходится бороться не только со множествомъ поляковъ, а даже съ собственнымъ братомъ и съ своею фамиліею». Многіе поляки, увлеченные временно модными идеями, мало-по-малу одумывались и находили, что на дѣлѣ не все бываетъ такъ складно и пріятно, какъ на словахъ. Ихъ отрезвляли крайніе прогрессисты, которые то тѣмъ, то другимъ способомъ угрожали посягательствомъ на дворянскія преимущества и сословныя выгоды. Въ Варшавѣ заведенъ былъ клубъ слугъ и тамъ читались переведенныя съ французскаго языка рѣчи о свободѣ. Это заведено было по мысли французскаго министра въ Польшѣ Декорша и нѣкоего Маццеи, извѣстнаго въ Варшавѣ вольнодумца. Служитель послѣдняго былъ постояннымъ ораторомъ въ этомъ клубѣ. Это явленіе возбудило въ обществѣ опасеніе, что такимъ обра-

зомъ можетъ подготовиться хлопскій бунтъ. Законъ о старо-ствахъ разомъ отнялъ у конституціи множество привержен-цевъ. Польскія дамы, прежде возбуждавшія умы и сердца въ пользу новаго строя вещей, стали кричать, что ихъ обираютъ, что имъ не на что́ будетъ шить новыя платья для баловъ.

Когда патріоты закрывали себѣ глаза, Булгаковъ, про-должая показывать видъ, будто дѣло конституціи совер-шенно посторонній предметъ для государства, котораго онъ былъ представителемъ, втихомолку удачно работалъ и подкапывалъ то, что̀ поляки спѣшили строить. Въ концѣ апрѣля онъ представилъ своему правительству списокъ надежныхъ особъ, на которыхъ Россія могла положиться; это были—епископы: Коссаковскій и Гедройцъ (жмудскій), сѣрадзскій воевода Валевскій, человѣкъ предпріимчивый, съ большимъ кредитомъ въ трехъ воеводствахъ, краков-скомъ, волынскомъ и сѣрадзскомъ, витебскій воевода Косса-ковскій, мазовецкій—Малаховскій, братъ маршала, другой братъ его канцлеръ, мстиславскій воевода Хоминскій, на-дворный маршалъ Рачинскій, человѣкъ оборотливый, лов-кій и хитрый, троцкій каштелянъ Пляттеръ, войницкій каштелянъ Ожаровскій, издавна преданный Россіи, на все готовый, имѣвшій партію въ воеводствахъ краковскомъ и сендомирскомъ, каштелянъ гнѣзненскій Мясковскій, Косса-ковскій, братъ епископа, каштелянъ перемышльскій Ан-тоній Четвертинскій, человѣкъ небогатый, но отважный и рѣчистый. Изъ пословъ были отмѣчены: краковскіе—Ожаровскій, Валевскій, Іорданъ, Глембоцкій; познанскій Мощенскій, ошмянскій Хоминскій, вилькомирскій Косса-ковскій; брацлавскіе: Мощинскій, Мокуци; сендомирскіе: Скорковскій, Немиричъ, Ясенскій, Менженскій; троцкій Савицкій, упицкій Коссаковскій, сѣрадзскій Валевскій, ли-товско-жмудскій Забѣлло, куявскій Закревскій; иноврац-лавскіе: Соколовскій, Лещинскій; волынскіе: два Гуле-вича, Загурскій; подольскіе: Орловскій, Злотницкій; лю-

бельскіе: Длускій, Выброновскій, Суфчинскій; оршанскій Іозефовичъ, сохачевскій Шимановскій. Къ нимъ присоединить слѣдовало находившихся тогда уже въ Петербургѣ Браницкаго, Щенснаго-Потоцкаго, и пословъ Сухоржевскаго и Грохольскаго. Эти всѣ были совершенно пріобрѣтены Россіею. Булгаковъ считалъ готовыми пристать къ Россіи, при первомъ заявленіи со стороны послѣдней, голоса еще нѣсколькихъ лицъ, сенаторовъ, духовныхъ, епископовъ: виленскаго Масальскаго, куявскаго Рыбинскаго, и познанскаго Окенскаго; краковскаго воеводу Малаховскаго, виленскаго Радзивилла; пословъ: Мелжинскаго (познанскаго), Сулковскаго (калишскаго), Домбскаго (брестъ-куявскаго), Сангушку (волынскаго), Швейковскаго (подольскаго), Гриневецкаго (люблинскаго), Неселовскаго (новоградскаго), Сиберга (брестъ-литовскаго), Хмару (минскаго), подскарбія короннаго Коссовскаго, каштеляна сѣрадзскаго Бернадскаго, каштеляна минскаго Забѣлло, Земинскаго (бецкаго каштеляна), Шидловскаго и двадцать пословъ. Всего на сеймѣ сенаторовъ было 159, а пословъ 341; изъ нихъ всѣхъ Россія могла располагать, по разсчету Булгакова, девятидесятью особами. Каждый изъ нихъ съ кредитомъ и связями могъ увлечь за собою толпу сторонниковъ.

Булгаковъ давно уже нашептывалъ своимъ пріятелямъ, что надобно имъ взяться за явное противодѣйствіе, составить реконфедерацію и ниспровергнуть конституцію, которая грозитъ Польшѣ уничтоженіемъ свободы и введеніемъ деспотизма, что великодушная государыня окажетъ имъ помощь. Но въ это время онъ пришелъ къ убѣжденію и сообщалъ своему правительству, что нѣтъ возможности начать что-нибудь въ Варшавѣ; правленіе, войско и суды находились въ рукахъ господствующей партіи; какъ только недовольные начнутъ дѣйствовать, противники тотчасъ усмирятъ ихъ силою; русскій посланникъ, находясь въ

Варшавѣ, не въ силахъ былъ начинать ничего и могъ пособлять только тому, что̀ произойдетъ въ провинціяхъ. Но пока въ Варшавѣ партія конституціи торжествовала и упивалась своими успѣхами, а Булгаковъ ломалъ себѣ голову, какъ бы устроить дѣло, убійственное для всѣхъ затѣй прогрессистовъ, въ Петербургѣ, въ концѣ марта 1772 г., это дѣло уже слагалось. Тамъ происходило приватное свиданіе Щенснаго-Потоцкаго и Северина Ржевускаго съ государынею; къ нему допущенъ былъ одинъ только Зубовъ. Тамъ было порѣшено, что недовольные конституціею магнаты составятъ конфедерацію, а императрица поможетъ ей своимъ вліяніемъ и пошлетъ свои войска въ средину Польши для измѣненія тамъ правительства. Они получили полномочіе составить конфедерацію и уѣхали для этого на Подоль. Находившійся въ Петербургѣ посланникъ Рѣчи-Посполитой, Деболи, извѣщалъ, что враги конституціи что-то замышляютъ, но не зналъ, въ чемъ дѣло. Кромѣ того, командующій польскимъ войскомъ въ Украинѣ, генералъ Костюшко извѣщалъ, что русскія войска тремя корпусами готовы войти во владѣнія Рѣчи-Посполитой, изъ Могилева, Кіева и Молдавіи.

Враги конституціи подсмѣивались надъ патріотами. «А что хорошаго слышно изъ Дрездена?—спросилъ на сеймовомъ засѣданіи посолъ Валевскій.—Охъ! смотрите, какъ бы изъ этихъ прекрасныхъ луковицъ вмѣсто ожидаемыхъ цвѣтовъ на весну не выросла крапива». Самъ маршалъ Малаховскій тихонько говорилъ своимъ друзьямъ: «я раскаяваюсь, что первый подалъ голосъ о призывѣ князя-избирателя къ наслѣдству; теперь мы отъ него ничего не видимъ, кромѣ проволочекъ». Обольщенія мало-по-малу спадали съ поляковъ одно за другимъ, и непріязненная истина раскрывалась во всей наготѣ. 16-го апрѣля было на сеймѣ засѣданіе при закрытыхъ дверяхъ. Прибывшій изъ Дрездена чрезвычайный посланникъ Рѣчи-Посполитой князь

Чарторыскій привезъ роковое извѣстіе: князь-избиратель, долго протягивавшій дѣло въ конференціяхъ, наконецъ далъ отъ 14-го февраля ноту, гдѣ объявлялъ свое рѣшительное несогласіе на принятіе короны на такихъ условіяхъ, на какихъ хотѣли дать ее поляки. Онъ объявлялъ: 1) что не приметъ никакого рѣшенія по этому дѣлу прежде, чѣмъ со стороны трехъ сосѣдственныхъ державъ, поручившихся за независимость Польши—Россіи, Пруссіи и Австріи, не получитъ успокоительнаго одобренія на счетъ перемѣны въ правленіи, произведенной въ Рѣчи-Посполитой, и согласія на принятіе имъ предложеннаго ему наслѣдственнаго престола. Сверхъ того, даже и при томъ одобреніи, котораго поляки никакъ не могли ожидать и надѣяться, князь-избиратель принялъ бы корону только тогда, когда бы въ самой конституціи были произведены перемѣны, именно: чтобы никакой законъ, который прошелъ черезъ обыкновенный или чрезвычайный сеймъ, въ особенности по объявленію войны, не имѣлъ законной силы прежде согласія короля по его собственному независимому убѣжденію. «Моя совѣсть не дозволяетъ мнѣ,—выражался князь-избиратель,—подчинять собственное убѣжденіе и возможность воспрепятствовать злу, большинству голосовъ, которое можетъ зависѣть отъ случая и отъ интриги». Это заявленіе показывало, что избираемый поляками въ короли былъ уже дурного о нихъ мнѣнія и мало вѣрилъ въ ту націю, которая ему оказывала честь; отъ этого заранѣе и предполагалъ, что интрига и случай могутъ господствовать въ учредительномъ строѣ этой націи. Князь-избиратель отвергалъ также одиннадцатый параграфъ майской конституціи, по которому на войско возлагалось принести присягу націи, требовалъ, чтобы войско произнесло ее королю, и чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, король имѣлъ право назначать предводителя надъ войскомъ, и нація не могла бы, сообразно седьмому параграфу, от-

ставлять этого предводителя. Наконецъ онъ не соглашался на то, чтобы сеймъ имѣлъ право выбрать жениха его дочери, и даже не обязывался въ такомъ случаѣ представлять сейму на согласіе этого вопроса, напротивъ, князь-избиратель ставилъ условіемъ, чтобы въ случаѣ, если онъ не оставитъ наслѣдниковъ мужескаго пола, польская корона должна будетъ переходить не къ принцессѣ Августѣ, его дочери, и ея потомству, а къ мужеской боковой саксонской линіи. Князь-избиратель заранѣе видѣлъ, что оставленіе наслѣдства за дочерью откроетъ путь разнообразнымъ и гибельнымъ интригамъ, поссоритъ сосѣдніе дворы между собою и вообще будетъ для Польши источникомъ смятеній. Эти условія, вполнѣ здравыя и необходимыя для возрожденія польской самостоятельности, могли оцѣнить только тѣ немногіе, которые сочиняли конституцію; большинство польскаго дворянства должно было ужаснуться и тѣмъ скорѣе отдаться внушеніямъ тѣхъ, которые въ новомъ переворотѣ указывали на уничтоженіе драгоцѣнной старинной свободы польскаго шляхетства и пугали поляковъ именемъ монархіи, а съ этимъ именемъ у нихъ издавна соединялся образъ ненавистнаго деспотизма. Нота, прочитанная 16-го апрѣля, была тѣмъ поразительнѣе, что сторонники конституціи успѣли уже, для привлеченія къ себѣ, распустить слухъ, будто саксонскій князь-избиратель изъявилъ полное согласіе на принятіе короны; теперь они являлись передъ глазами всей націи обманщиками. Податель ноты Чарторыскій старался передъ сеймомъ представить и теперь дѣло въ розовомъ свѣтѣ. Какъ лично знакомый съ саксонскимъ княземъ-избирателемъ и его дворомъ, Чарторыскій объяснялъ такъ: «заявленіе князя-избирателя показываетъ, что онъ желаетъ, чтобы сосѣдніе дворы одобрили перемѣны, сдѣланныя поляками; это не болѣе, какъ вѣжливость въ отношеніи къ этимъ дворамъ. Онъ требуетъ для короля абсо-

лютнаго veto, оттого, что предвидитъ, что Польшѣ придется выдержать оборонительную войну. Все это объяснится и уладится, когда пріѣдетъ сюда уполномоченный курфирста, графъ Лобенъ. Самъ его свѣтлость мнѣ говорилъ съ большимъ одобреніемъ о дѣйствіяхъ поляковъ и хвалилъ вообще конституцію, особенно одобрялъ умноженіе военныхъ силъ». Но это говорилось только для успокоенія умовъ. Сами виновники конституціи были тогда внѣ себя отъ неудачи и злились на князя-избирателя. Маршалъ Малаховскій изъявлялъ крайнее негодованіе, называлъ поступокъ князя-избирателя нечестнымъ. «Не нужно было, по крайней мѣрѣ, — писалъ онъ, — обольщать насъ надеждами; если бы мы предложили корону другому, тотъ бы съ благодарностію принялъ эту честь, и не сталъ бы съ нами тянуть канитель, да еще наконецъ онъ намъ предписываетъ условія, какъ будто завоеванной націи». Его смущало тогда то, что приглашая курфирста поляки сдѣлали неугодное Екатеринѣ и раздражили ее, а между тѣмъ князь-избиратель теперь оставляетъ ихъ въ угодность Екатеринѣ. Мостовскій, ѣздившій вмѣстѣ съ Чарторыскимъ въ Дрезденъ, говорилъ: «самъ князь-избиратель понуждалъ насъ къ перемѣнамъ и жаловался на медленность нашу. Но онъ тогда разсчитывалъ, что англичане пошлютъ флотъ свой въ Балтійское море, что Россія, занятая войною съ Турціею, будетъ охвачена со всѣхъ сторонъ. Но вышло не такъ; Россія заключила миръ съ Турціею, а сентъ-джемскій кабинетъ насмѣялся надъ всѣми кабинетами, надъ довѣріемъ всѣхъ государствъ». Пьятоли доказывалъ, что теперь одно средство, объявить Россіи войну и вторгнуться въ ея предѣлы. «Правда,—говорилъ онъ,—мы потеряемъ людей, но успѣхъ нашъ вѣренъ. Англія всему причина, она измѣнила намъ. Поляки должны жаловаться на одну Англію; князь-избиратель не отказался бы, если бы Англія не измѣнила».

Въ это же время (писалъ Малаховскій отъ 17-го апрѣля) поляки получили неотрадное извѣстіе изъ Берлина. Какъ только въ Варшавѣ получено было извѣстіе, что въ Петербургѣ затѣвается что-то недоброе, тотчасъ велѣно было послу Рѣчи-Посполитой въ Берлинѣ, князю Яблоновскому, объясниться съ союзникомъ Польши, королемъ прусскимъ. Прусскаго короля на тотъ случай не было въ столицѣ и Яблоновскій повѣрилъ свое порученіе министрамъ прусскимъ Финку и Шуленбургу, за что впослѣдствіи въ Варшавѣ имъ были не совсѣмъ довольны. «Опасенія ваши преждевременны,— отвѣчали прусскіе министры, —нѣтъ повода бояться вамъ со стороны Россіи». Яблоновскій сказалъ: «малѣйшее посягательство на нашу конституцію будетъ для насъ оскорбительное насиліе и мы надѣемся, что король прусскій, какъ союзникъ, обязанъ защищать ее». «Нѣтъ,—отвѣчали ему министры,—король нашъ не обязанъ защищать вашей конституціи, которую вы составили мимо его свѣдѣнія, и напротивъ скрывали отъ него». Яблоновскій превознесъ справедливость прусскаго короля, доказывая, что конституція 3-го мая написана вполнѣ согласно съ видами и намѣреніями берлинскаго кабинета, а если съ польской стороны дѣлалось что́-нибудь секретно, то это нужно было для успѣха дѣла, до времени. Прусскіе министры на это замѣтили, что если Россія недовольна, то это совершенно естественно: конституція, устроенная поляками, перешла предѣлы, назначенные польскому правительству Россіею, которая гарантировала имъ правленіе. О такой бесѣдѣ съ прусскими министрами доносилъ своему правительству Яблоновскій. Изъ его донесеній можно было уже тогда усмотрѣть, что на Пруссію мало было надежды, но патріоты-оптимисты толковали, что король прусскій естественно хочетъ избѣжать войны во что̀ бы то ни стало, но если обстоятельства къ ней приведутъ, то онъ будетъ помогать Польшѣ. На томъ же

засѣданіи, гдѣ прочитаны были непріятныя извѣстія изъ Дрездена и Берлина, внесенъ былъ и прочитанъ секретаремъ проектъ о мѣрахъ обороны государства; проектъ этотъ заранѣе былъ составленъ прогрессистами на домашнихъ засѣданіяхъ у маршала Малаховскаго. Прежде всего, въ видѣ предисловія, въ немъ ставилась оговорка, что поляки не намѣрены вести съ кѣмъ бы то ни было наступательной войны, но они заботятся о цѣлости принадлежащихъ Рѣчи-Посполитой странъ, о своей свободѣ, независимости и о твердости своего правленія. Сношенія дворовъ между собою вызываютъ съ ихъ стороны потребность, въ видахъ безопасности края, народной независимости и конституціи, придать своимъ сношеніямъ вѣсъ и значеніе, они поэтому находятъ необходимымъ имѣть на случай готовую оборону, и постановляютъ:

1) Чтобы король, которому конституція вручила верховную исполнительную власть, пользовался ею во всемъ объемѣ, какъ можно сильнѣе и дѣйствительнѣе для народной обороны, распоряжаясь военными силами и употребляя ихъ сообразно цѣли.

2) Поручается королю пригласить изъ-за границы двухъ или трехъ генераловъ, опытныхъ въ военномъ искусствѣ, и помѣстить ихъ въ войскѣ Рѣчи-Посполитой въ званіи высшихъ командировъ, предоставивъ, соотвѣтственно ихъ чинамъ, содержаніе, жалованье и награды; отъ выбора короля зависѣть будетъ также назначеніе офицеровъ для корпусовъ артиллеріи и инженеровъ, получившихъ образованіе за границею и искусныхъ въ военномъ дѣлѣ.

3) Поручается скарбовой коммиссіи, по требованію короля въ Стражѣ, немедленно сдѣлать заемъ въ краѣ или за границею, съ возможно малыми издержками, на сумму тридцати милліоновъ, обезпечивъ ихъ фондомъ, который долженъ образоваться изъ остатка отъ продажи старостъ,

въ силу чего настоящимъ закономъ утверждается вѣрность и безопасность этого займа.

4) Дозволяется королю въ Стражѣ: изъ суммъ, находящихся въ казнѣ Рѣчи-Посполитой и поступающихъ въ казну посредствомъ вышеозначеннаго займа, употребить часть на текущія нужды для изготовленія средствъ народной обороны, но съ тѣмъ, чтобъ министръ, подписывающій въ Стражѣ, и особы, которымъ такія выдачи будутъ повѣрены, были отвѣтственны въ томъ, что эти суммы будутъ истрачены только на приготовленіе средствъ къ народной оборонѣ, а никакъ не на какой-нибудь другой предметъ. Въ случаѣ же (отъ чего Боже сохрани) если отъ кого-нибудь противъ Рѣчи-Посполитой будетъ учинено покушеніе на войну, посредствомъ ли объявленія войны или какимъ-нибудь другимъ способомъ, тогда дозволяется королю въ Стражѣ употреблять на текущія потребности и остальныя суммы, полученныя посредствомъ займа, но также не иначе какъ съ тѣмъ, чтобъ министръ, подписывающій въ Стражѣ, и особы, которымъ повѣрены будутъ выдачи этихъ суммъ, были отвѣтственны въ томъ, что взятыя суммы употреблены на военныя потребности, а не на что-нибудь другое.

5) По истеченіи двухъ мѣсяцевъ, министры въ Стражѣ доносятъ на сеймѣ чинамъ Рѣчи-Посполитой, хотя бы черезъ посредство одного изъ членовъ сейма о наступившемъ употребленіи денегъ по вышесказаннымъ предписаніямъ, а потомъ сейму будетъ представленъ отчетъ о всѣхъ истраченныхъ деньгахъ.

По прочтеніи этого проекта, нѣкоторые послы, противники реформъ (краковскій Отвиновскій, волынскій Кршуцкій и троцкій Савицкій) потребовали, чтобы представленный проектъ по обычаю подвергнутъ былъ разсмотрѣнію (делибераціи). Казимиръ-Несторъ Сапѣга доказывалъ, что въ такихъ обстоятельствахъ, когда отечеству грозитъ опасность, нельзя долго разсуждать, а нужно

скорѣе принимать мѣры и дѣйствовать. Король съ своей стороны уклончиво похвалилъ тѣхъ, которые требовали делибераціи, приписывалъ ихъ требованіе чистымъ намѣреніямъ, но отклонялъ его и говорилъ: «мы находимся теперь въ слишкомъ важныхъ обстоятельствахъ; опоздаемъ однимъ часомъ, и черезъ то навлечемъ на отечество великій и непоправимый вредъ». Къ нему присоединили голосъ оба брата Потоцкіе, Станиславъ и Игнатій, и Вейсенгофъ, Они также не раздражали противниковъ, напротивъ хвалили ихъ, не спорили, а просили оставить свое требованіе, и этимъ путемъ подѣйствовали на ихъ самолюбіе: проектъ обратился въ законъ единогласно. Впрочемъ главные враги конституціи хорошо понимали, что эти смѣлыя распоряженія останутся безплодными.

Въ дополненіе къ этому закону, въ слѣдующее засѣданіе, 17-го апрѣля, по проекту брацлавскаго посла Северина Потоцкаго, постановлено было назначить депутацію, которая бы вмѣстѣ съ войсковою коммиссіею изложила проектъ всеобщаго вооруженія воеводствъ или милиціи, и этотъ проектъ въ свое время долженъ быть представленъ на общемъ сеймѣ.

21-го апрѣля опять было секретное засѣданіе, безъ арбитровъ. Читали депеши, полученныя вновь отъ Деболи: онъ извѣщалъ о замыслахъ Россіи. Сто тысячъ войска уже на польской границѣ; офицерамъ, находящимся въ отпуску велѣно собраться въ свои полки къ 15-му мая; назначены командиры: Рѣпнинъ главнокомандующимъ, полякъ Коссаковскій командуетъ дивизіей. Послѣ пятичасового засѣданія, патріоты, возбужденные горячкою опасности, составили новое постановленіе, расширяющее законъ 17-го апрѣля. Положено немедленно увеличить количество войска до ста тысячъ, посредствомъ рекрутовки (кантонистовъ) со всѣхъ имѣній и вербовки и доставить новобранцевъ въ корпуса. Вмѣнялось въ обязанность гражданско-военнымъ порядковымъ коммиссіямъ, городскимъ маги-

стратамъ, а въ крайнихъ случаяхъ и мѣстнымъ начальствамъ вообще, изъ всѣхъ имѣній, какъ бывшихъ королевскихъ, экономическихъ, духовныхъ и вотчинныхъ (дѣдичныхъ), по требованію командующихъ генераловъ, при переходахъ войскъ, доставлять фуражъ и продовольствіе |на подводахъ за готовую плату по цѣнѣ, установлнной гарежданско-военными порядковыми комиссіями, сособразнй съ получаемымъ солдатами жалованьемъ, и исполнять требованія командировъ, относящіяся къ устройству, укрѣпленію и исправленію оборонныхъ мѣстъ или лазаретовъ, складовъ, обозовъ, провіянтскихъ магазиновъ, мостовъ, плотинъ, засѣкъ и водоспусковъ, съ доставкою на указанныя мѣста нужныхъ рабочихъ, подводъ и матеріаловъ. Исполненныя предписанія командировъ должны представляться въ гражданско-военныя порядковыя коммиссіи, и для надлежащей уплаты того, что будетъ слѣдовать доставителямъ, будетъ учреждена особая коммиссія. Королю предоставлялось, по его усмотрѣнію, помѣстить въ войскѣ двадцать офицеровъ, приглашенныхъ изъ-за границы, не смѣщая никого съ занятыхъ уже мѣстъ. Поляки тогда полагали, что, принимая воинственный видъ, имъ удобнѣе будетъ переговариваться съ *дамою Сѣвера*. «Русскія войска окружаютъ насъ и угрожаютъ намъ, но это только демонстраціи,—писалъ Игнатій Потоцкій своему пріятелю, бывшему шведскому министру въ Польшѣ Энгерстрому, — вторженіе русскихъ въ польскія владѣнія невѣроятно, и оно будетъ окончательно невозможно, какъ только Польша покажетъ себя Европѣ націею крѣпкою и готовою къ защитѣ посредствомъ тѣхъ мудрыхъ и энергическихъ мѣръ, которыя мы приготовляемъ».

Много оставалось еще работъ сейму по внутреннему устройству. Дѣло продажи староствъ долго оставалось на бумагѣ, и только раздражало тѣхъ, которыхъ грозило лишить выгодъ. Сеймъ принялся за подробности, относящіяся къ этому предмету, и видѣлъ необходимость истолковать

и уяснить являвшіяся противорѣчія и недоразумѣнія. За королемъ оставалось право раздачи двухъ староствъ по силѣ закона 1775 года, которымъ ему, послѣ отнятія у него стариннаго права раздавать королевщины, предоставлялось на волю распорядиться только четырьмя староствами; изъ нихъ два были розданы, а два еще оставались. Теперь, по проекту Игнатія Потоцкаго, король отказался отъ раздачи этихъ двухъ староствъ: они наравнѣ съ другими должны были идти въ продажу, а тѣмъ, которыхъ королю угодно будетъ наградить, постановлено дать 100,000 злотыхъ. Король выпросилъ это для своего племянника Іосифа Понятовскаго, заявивши предъ сеймомъ о его безкорыстіи, разсказавши, что этотъ патріотъ на колѣняхъ стоялъ предъ королемъ и просилъ его не упоминать его имени въ такомъ предметѣ. Но противъ этого возстала оппозиція. Солтыкъ (краковскій) припомнилъ, что въ 1777 году, вмѣстѣ съ отобраніемъ лучшихъ земель, Рѣчь-Посполитая лишилась также девяти городовъ и двухъсотъ девяноста двухъ деревень съ землею, пространствомъ на пятьдесятъ миль въ длину и на десять въ ширину, обращенныхъ изъ королевскихъ въ наслѣдственныя земли сторонникамъ раздѣла. «Я не хочу,—говорилъ онъ,—чтобы даръ Іосифу Понятовскому опирался на такой конституціи». Онъ предлагалъ напротивъ, чтобы въ видахъ усиленія государственныхъ доходовъ наложено было по 50% со всѣхъ имѣній, поступившихъ тогда изъ королевщинъ въ наслѣдственныя владѣнія. «Бѣлоцерковское староство,— замѣчалъ онъ, — оцѣнено по доходу въ 18 милліоновъ, а чрезъ продажу пошло бы въ 24 милліона; что̀ же несправедливаго, если владѣлецъ его будетъ платить половину получаемаго дохода въ казну?»

Послѣ такихъ споровъ, 23-го апрѣля, на сеймѣ состоялось законное дозволеніе королю выплачивать ежегодно изъ казны 100,000 тому изъ особъ своего рода, кому онъ

пожелаетъ, а король за то отказался отъ права королевскаго патронатства надъ тѣми королевщинами, которыя должны будутъ, по продажѣ, перейти въ наслѣдственныя имѣнія; этимъ хотѣли привлекать къ покупкѣ желающихъ. 24-го апрѣля состоялся законъ подъ названіемъ: «Уложеніе о вѣчномъ устройствѣ королевщинъ» (urządzenie wieczyste królewszczyzn), заключающій правила о порядкѣ продажи старостствъ, объ уравненіи проданныхъ со всѣми прочими наслѣдственными имѣніями по отношенію къ ихъ правамъ, о назначенныхъ для этого люстраторахъ, о ихъ обязанностяхъ и правахъ. Потомъ, стали заниматься устройствомъ военнаго управленія. Въ проектѣ, поданномъ прогрессистами, верховная власть надъ войскомъ предоставлялась королю; враги конституціи 3-го мая завопили, что проектъ этотъ угрожаетъ возможностію деспотизма. Троцкій посолъ Савицкій, одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ крикуновъ противъ новаго порядка вещей, въ пространной рѣчи доказывалъ опасность такого сосредоточенія силъ въ рукахъ одной особы. Люблинскій посолъ Станиславъ Потоцкій, опровергая его, доказывалъ, что истинная свобода неразлучна съ правильнымъ исполненіемъ закона, которое нуждается въ сосредоточенности верховной власти.

Среди этихъ воинственныхъ распоряженій поляки не забывали своихъ прадѣдовскихъ стремленій къ обращенію въ католичество православныхъ людей и къ истребленію восточнаго православія во владѣніяхъ Рѣчи-Посполитой; они порѣшили умножить костелы въ кіевскомъ воеводствѣ, населенномъ неунитами и назначили на каждый костелъ ежегоднаго содержанія изъ казначейства по 3,000 злотыхъ. Гнѣзненскій посолъ Брониковскій, самъ будучи протестантомъ, говорилъ горячо за это дѣло, и указывалъ, что если гдѣ, то именно въ этихъ краяхъ особенно полезно строить новые костелы, потому что тамъ народъ пребываетъ въ заблужденіи, что его слѣдуетъ просвѣщать и заохочивать

къ благочестію, ибо только этимъ способомъ можно тамошнему народу внушить обязанность вѣрно служить наилучшему королю и охранять цѣлость свободнаго отечества, обязанность, которой тамошній народъ совсѣмъ не знаетъ. Инфлянтскій посолъ Кублицкій подавалъ голосъ также и за унитскіе костелы, но проектъ его отосланъ былъ для разсмотрѣнія въ депутацію. Это стараніе о костелахъ въ землѣ, оставшейся православною, показывало, что обѣщанія равенства, даваемыя православной религіи, были слова обманчивыя: никому тогда въ голову не приходило, что несправедливость и неуваженіе къ религіи, о которой, по ихъ взглядамъ, говорить много не стоило, была старинною язвою, разъѣвшею польскую націю. Самъ Пьятоли, казавшійся вольнодумцемъ и за то находившійся въ немилости у папскаго двора, сталъ теперь говорить, что отнюдь не слѣдуетъ давать слишкомъ широкой свободы дизунитамъ. Онъ, какъ говорятъ о немъ современники, разсчитывалъ возвыситься если не тѣмъ, то другимъ путемъ и теперь подумалъ заслужить благоволеніе св. отца, который, хотя и благословилъ новую польскую конституцію, но былъ недоволенъ въ ней однимъ—именно предоставленіемъ правъ неунитамъ и диссидентамъ.

III.

Празднество годовщины 3-го мая.—Поведеніе Булгакова и другихъ иностранныхъ министровъ. — Виды поляковъ. - Приготовленія къ оборонѣ [1]).

Предстоявшая годовщина 3-го мая отсрочила засѣданія сейма до 7-го мая. Къ празднику воспоминанія прошлогодней реформы въ Варшаву прибыла депутація изъ раз-

[1]) См. Источн. № 8, 12, 18, 28, 35, 53, 55, 71, 81. Тоже подлинныя дѣла сейма и Стражи, хранящіяся въ Литовской Метрикѣ.

ныхъ провинцій отъ дворянъ и мѣщанъ, и стянуто было много войска. Это воспоминаніе должно было ознаменоваться заложеніемъ храма Провидѣнія, въ память возрожденія польской націи. Въ семь часовъ утра путь отъ замка къ костелу св. Креста, по Краковскому Предмѣстью, былъ занятъ войскомъ, стоявшимъ по обоимъ бокамъ улицы. (Начиная отъ замка, помѣстилась народовая кавалерія, далѣе слѣдовала коронная пѣшая гвардія, потомъ два батальона Дзялынскаго, а за ними три эскадрона полка королевскаго Козенецкаго и четыре эскадрона полка князя Виртембергскаго). Двери костела св. Креста были охраняемы восьмидесятью человѣками скарбоваго батальона: офицеры красовались своими парадными мундирами, шишаками и шарфами. Въ девять часовъ король двинулся изъ зáмка въ костелъ св. Креста, въ каретѣ, около которой ѣхали верхомъ кавалеры, а дальше слѣдовалъ полкъ конной коронной гвардіи. Сенаторы и депутаты были уже въ храмѣ. Въ дверяхъ храма епископъ познанскій и варшавскій встрѣчали короля и подавали ему для омоченія освященную воду; потомъ король вступилъ въ храмъ и сѣлъ на приготовленный для него тронъ, окруженный воспитанниками кадетскаго корпуса, одѣтыми въ парадные мундиры и шишаки, и приведенными туда начальникомъ корпуса, княземъ Чарторыскимъ. Вслѣдъ за нимъ сѣли на свои мѣста сенаторы, послы отъ воеводствъ, уполномоченные отъ городовъ, коммиссары правительственныхъ учрежденій, гражданско-военная коммиссія, земянскій судъ, варшавскій магистратъ. Галлерея была занята многочисленными зрителями; множество дамъ были одѣты одинаково въ бѣлыя платья съ красными лентами и шарфами, которыхъ яркому цвѣту соотвѣтствовали красныя ленты многочисленныхъ кавалеровъ св. Станислава. Церемонія началась рѣчами. Маршалы сеймовый, коронный и литовскій, одинъ за другимъ изливали свое краснорѣчіе. Король отвѣчалъ имъ съ

своей стороны складною рѣчью. Послѣ этихъ рѣчей сенаторы, министры, послы и городскіе депутаты подходили къ рукѣ короля, а за ними маршалы представляли королю депутатовъ отъ воеводствъ, земель и повѣтовъ, и трое изъ нихъ, по числу трехъ провинцій, составлявшихъ Рѣчь-Посполитую, излагали предъ королемъ, отъ имени своихъ провинцій, чувства преданности королевской особѣ и новой конституціи, и увѣряли, что ихъ шляхетская братія вся готова положить за нее животъ. Затѣмъ всѣ цѣловали руку короля. Имъ отвѣчалъ, по древнему обычаю, наблюдаемому въ такихъ случаяхъ, канцлеръ. Вслѣдъ затѣмъ отправлялась литургія, съ двумя-стами музыкантовъ и пѣвчихъ. Когда запѣли «Te Deum», составленный знаменитымъ въ тѣ времена Паэзіэлло, раздалось сто пушечныхъ выстрѣловъ съ другой стороны Вислы. Во время своего нахожденія въ костёлѣ, король долженъ былъ подавлять въ себѣ страхъ за свою жизнь, а окружавшія его приближенныя особы тревожно слѣдили за всякимъ движеніемъ въ толпѣ. Его предупреждали шестью безъименными письмами, что тайные враги хотятъ убить его въ день торжества 3-го мая. Онъ могъ ожидать этого отъ враговъ конституціи и приверженцевъ старины, но изъ Вѣны увѣдомляли его, что опасность грозитъ ему отъ якобинцевъ. Австрійскіе шпіоны провѣдали, что въ Страсбургѣ въ якобинскомъ клубѣ предложенъ былъ вопросъ: не полезно ли будетъ для французскихъ дѣлъ произвести безкоролевье въ Польшѣ, чтобы занять сосѣднія государства и отвлечь отъ Франціи? Станиславъ-Августъ передъ выѣздомъ на церемонію исповѣдался и причастился. По окончаніи богослуженія отправлялась церемонія заложенія храма Провидѣнія; при звонѣ колоколовъ слѣдовала процессія изъ костёла св. Креста до Уяздовской улицы, посреди поставленныхъ по обѣ стороны войскъ: варшавскіе цехи съ своими значками, за ними монашескіе ордена, городовой маги-

стратъ, уполномоченные отъ другихъ городовъ, сеймовые послы и депутаты, присланные для торжества, сенатъ, министры, епископы, примасъ, наконецъ король, окруженный кадетами. Окна, балконы домовъ наполнены были ликующимъ народомъ. Мѣсто, гдѣ должно было совершиться торжество, окружено было гвардіею. Лежали приготовленные камни. Примасъ съ духовенствомъ въ облаченіяхъ подошли къ камнямъ. По правую руку примаса сталъ король. Примасъ совершилъ освященіе камней, потомъ подалъ королю золотую кирку и молотокъ. Положили подъ каменья медаль и нѣсколько монетъ, битыхъ въ королевствованіе Станислава-Августа. За королемъ по очереди епископы, министры, маршалы брали въ руки рабочія орудія и прилагали свою руку, а за ними предоставлена была честь взять въ руки орудія послу кіевскаго воеводства Хоецкому, потому что кіевское воеводство первое и единственное на сеймикахъ заявило желаніе давать пожертвованія на постройку храма въ теченіе шести лѣтъ. Въ заключеніе примасъ окропилъ святою водою все мѣсто, которое долженъ заключить закладываемый храмъ; епископъ луцкій Нарушевичъ проговорилъ проповѣдь, а потомъ запѣли торжественное «Veni Creator». Во все время церемоніи палили изъ пушекъ, а полкъ коронной пѣшей гвардіи стрѣлялъ изъ ружей. Обрядъ окончился въ половинѣ пятаго. Отсюда всѣ отправились на обѣды, устроенные въ разныхъ мѣстахъ по поводу торжества. На эти обѣды допускались по пригласительнымъ билетамъ. Самъ король уѣхалъ обѣдать въ Лазенки. Великій коронный маршалъ Мнишекъ, человѣкъ нерасположенный къ новому порядку, угощалъ министровъ, сенатъ и дипломатическій корпусъ. Земскіе коронные послы и уполномоченные отъ городовъ обѣдали у маршала Малаховскаго,—всего было тамъ 257 человѣкъ. Литовскій маршалъ Игнатій Потоцкій угощалъ сенаторовъ и министровъ литовскихъ; Сапѣга,

маршалъ литовской конфедераціи, взялъ на свое попеченіе земскихъ пословъ и уполномоченныхъ изъ Литвы, а президентъ города Варшавы, Закржевскій, давалъ пиръ въ Радзивилловскомъ дворцѣ для гражданъ изъ разныхъ городовъ, числомъ до двухъ-сотъ человѣкъ. Вечеромъ тѣшились поляки великолѣпною иллюминаціею; домъ каштелянши каминской Коссаковской отличался предъ всѣми изысканностью потѣшныхъ огней. Въ театрѣ въ половинѣ 8-го давали тогда новую драму Нѣмцевича «Казимиръ Великій». Сюжетомъ нарочно было взято приглашеніе Людовика Венгерскаго на престолъ. Въ одномъ мѣстѣ пьесы Казимиръ говоритъ министру: «не совѣтую тебѣ подущать чужестранныхъ государей, я старъ, но пойду на войну и со мною честные поляки». Громъ рукоплесканій огласилъ театръ; король высунулъ голову изъ ложи: всѣ обратились на него и закричали виватъ. Въ дѣйствующихъ лицахъ драмы патріоты увидали себя: «и меня тамъ изобразили, говорилъ Малаховскій, и князя генерала (Чарторыскаго) въ особѣ высланнаго изъ Польши просить Людовика Венгерскаго на польское наслѣдство». Цѣлую ночь затѣмъ всѣ проводили весело. Въ двухъ мѣстахъ, въ Радзивилловскомъ палацѣ и въ театрѣ былъ костюмированный балъ, на который приглашено было до нѣсколькихъ тысячъ. Очевидцы съ удивленіемъ говорятъ, что несмотря на всеобщее веселіе всего народа, въ Варшавѣ не видно было ни одного пьянаго, не сдѣлано ни одного преступленія. Это былъ приснопамятный день, послѣдній день многолѣтняго обольщенія и несбывшихся надеждъ погибавшей націи, это было истинное пиршество Валтазара.

Праздникъ 3-го мая не былъ однодневнымъ. Онъ открылъ собою цѣлый рядъ торжествъ по всей Польшѣ. Повсюду устроивали торжественныя богослуженія съ пушечною пальбою, обѣды, балы, иллюминаціи. Въ Варшавѣ, 12-го мая, городъ далъ обѣдъ въ честь короля и сейма,

съ символическою обстановкою. Вся зала пиршества была установлена миѳологическими алтарями и изображеніями; здѣсь былъ алтарь вѣрности на скалѣ съ вѣчнымъ огнемъ, который стерегли весталки; алтарь благодарности съ изображеніемъ журавля; алтарь постоянства съ горящею рукою Муція Сцеволы; дерево бдительности—миндальное дерево, на которомъ повѣшены были шпоры и часы, а внизу изображенъ пѣтухъ, ищущій зеренъ; огромная скала любви къ отчизнѣ съ рыцарскимъ вооруженіемъ; колонна вѣрности, обвитая лавромъ, съ ключами, печатью и собакою на самомъ верху, колонна согласія съ гранатовымъ вѣнкомъ и, наконецъ, посрединѣ скалы большая трехгранная колонна съ вензелями короля и маршаловъ на двухъ сторонахъ и конституціи 3-го мая на третьей. Король, сенаторы и послы присутствовали на этомъ обѣдѣ, происходившемъ въ Радзивилловскомъ дворцѣ. Люккезини воспользовался этимъ происшествіемъ и сдѣлалъ замѣчаніе такого рода: «вотъ это совершенно по-французски, въ демократическомъ якобинскомъ духѣ; мѣщане за однимъ столомъ съ королемъ и дворянствомъ». Король, услыхавъ объ этомъ, говорилъ: «ничего не было тутъ якобинскаго; мѣщане оказывали уваженіе къ дворянамъ». Люккезини нужно было придираться мало-по-малу и замѣчать якобинскій духъ въ Польшѣ: ему, вѣроятно, было извѣстно, что его король скоро ухватится за это обстоятельство для своихъ видовъ. Въ этихъ-то видахъ онъ объявилъ, будто слыхалъ, что краковскій посолъ Солтыкъ предлагалъ союзъ Польши съ Франціею. Солтыкъ написалъ къ Люккезини письмо, гдѣ изъявлялъ удивленіе, что прусскій посолъ позволяетъ себѣ утверждать объ немъ то, чего ему никогда и на умъ не приходило. «Очень радъ,—сказалъ Люккезини,—что такая вѣсть несправедлива!»

3-го мая, вмѣстѣ съ панами, пировали и представители иностранныхъ державъ, но не всѣ. Булгаковъ тогда нарочно

уѣзжалъ изъ Варшавы въ Сѣдлецъ. У него уже была въ рукахъ декларація императрицы отъ 19-го апрѣля, долженствовавшая нанести ударъ всѣмъ блестящимъ надеждамъ поляковъ. Государыня приказывала до назначеннаго времени, когда нужно будетъ оффиціально подать ее, не сообщать объ ней никому, а при подачѣ избѣгать всевозможныхъ объясненій, исключая случая, когда будутъ предложены какія-нибудь среднія мѣры: тогда можно будетъ русскому послу подать надежду на смягченіе строгости, но съ условіемъ, если не прикажутъ польскимъ войскамъ чинить малѣйшаго сопротивленія русскимъ войскамъ. Если король задумаетъ удалить русскаго посланника изъ государства, или самъ посланникъ найдетъ умѣстнымъ уѣхать, то онъ долженъ принять мѣры къ скорому выѣзду, забравъ самонужнѣйшія бумаги съ собою, а прочее поручить датскому посланнику со всѣмъ архивомъ русскаго посольства въ Польшѣ. Если же король не станетъ его удалять—онъ долженъ оставаться въ польской столицѣ и наблюдать надъ ходомъ дѣлъ и расположеніемъ умовъ. Экземпляры печатной деклараціи, которую слѣдовало подать королю, Булгаковъ долженъ былъ сообщить всѣмъ приверженцамъ Россіи, причемъ прилагались особыя письма къ канцлеру Малаховскому, къ Рачинскому и къ примасу. «Надѣемся,— писала Булгакову государыня,—что вѣнскій и берлинскій дворы намъ мѣшать не станутъ, ибо мы получили отъ нихъ отвѣтъ удовлетворительный, а потому сообщите посланникамъ прусскому и австрійскому по экземпляру деклараціи».

Булгаковъ, исполняя приказаніе государыни, не открывалъ никому о томъ, что̀ намѣренъ былъ показать всѣмъ въ свое время, но мало-по-малу подготовлялъ поляковъ къ этому удару. Такъ, на одномъ обѣдѣ (по извѣстію короля въ одномъ изъ частныхъ его писемъ), въ концѣ апрѣля, Булгаковъ сказалъ Казимиру-Нестору Сапѣгѣ: «я

жалуюсь, что у васъ на почтѣ пересматриваютъ письма». Сапѣга замѣтилъ: «сеймъ запретилъ открывать письма. Самъ король подтвердилъ тоже; притомъ это было бы напрасно; извѣстно, что дипломатическія письма пишутся шифромъ, слѣдовательно и вскрытіе писемъ было бы безполезно. А если бы въ самомъ дѣлѣ дѣлалось подобное, то это дѣлалось бы по примѣру другихъ дворовъ, и между прочимъ петербургскаго». Булгаковъ замѣтилъ съ ироніей: «вѣдь это дѣлается въ краяхъ издавна деспотическихъ, а въ вашей сторонѣ деспотизмъ утвердился только съ 16-го апрѣля».—«Большая разница, сказалъ Сапѣга, между деспотизмомъ и сеймовымъ принятіемъ мѣръ на случай обороны края». — «Этимъ поступкомъ, сказалъ Булгаковъ, поляки какъ бы объявили войну всей Европѣ, а Россіи въ особенности».—«Если бы вы, сказалъ Сапѣга, не знали такъ хорошо по-французски, я бы позволилъ себѣ думать, что вы не поняли слысла нашего постановленія. Оно имѣетъ только оборонительный смыслъ».—«Но вы, господа, нарушили трактаты 1762 и 1775 годовъ».—Сапѣга сказалъ: «трактатъ 1762 года ручался намъ въ цѣлости нашихъ областей, а потомъ у насъ отняли провинціи».—«Ваши послы, сказалъ Булгаковъ, не имѣли права сдѣлать то, что сдѣлали 3-го мая».—«Цѣлый народъ совершилъ это дѣло», сказалъ Сапѣга. «Народъ нашъ ни на кого не хочетъ нападать, а хочетъ только охранить свои границы, свободу и независимость. Мы правы. Мы надѣемся на покровительство Божіе».—Булгаковъ разгорячившись сказалъ: «Призывайте же покровительство Божіе какъ вамъ угодно, а если тѣмъ временемъ войска наши войдутъ въ ваши владѣнія *и займутъ половину земель вашихъ?»* Слова эти произвели непріятное впечатлѣніе. Самъ Булгаковъ, говоритъ король въ своемъ письмѣ, спохватился и увидѣлъ, что зашелъ уже далеко, но на другой день одинъ изъ чужеземныхъ министровъ успокоивалъ мни-

тельныхъ, говоря имъ: «коли министръ такъ высокомѣрно говоритъ, значитъ только стращаетъ, а дворъ его въ самомъ дѣлѣ такъ не думаетъ». Этимъ поляки успокоились и говорили: «ну, пусть себѣ онъ болтаетъ, а мы будемъ продолжать наши приготовленія къ оборонѣ». Во дворцѣ въ интимныхъ бесѣдахъ, разсуждали, какъ вести войну, если бы до нея дошло. Пьятоли былъ тогда задорнѣе всѣхъ, совѣтовалъ немедленно собрать посполитое рушенье, съ вооруженными силами войти въ предѣлы Россіи и идти прямо на Москву. Многіе раздѣляли его храбрость, и съ презрѣніемъ отзывались о силахъ Россіи; они были увѣрены, что поляки всегда могутъ отразить и побить москалей, но боялись собственной испорченности. «Нашихъ можно легко купитъ,—говорили они:—враговъ у конституціи много; когда они увидятъ, что Россія идетъ противъ конституціи, станутъ сейчасъ кричать: вотъ вамъ ваша конституція войну принесла». «Наша надежда,—говорили ярые прогрессисты,—собрать посполитое рушенье, объявить вольность крестьянамъ, вооружить весь простой народъ. Мы возстановимъ противъ москалей русиновъ; возмутится вся Бѣлая Русь и Украина, возстанутъ козаки». Съ этой цѣлью маршалъ Потоцкій приказалъ перевести по-русски конституцію 3-го мая, и въ Вильнѣ приготовлялись брошюры на русскомъ языкѣ, съ цѣлью поднимать русскій народъ. Но тотъ же Потоцкій въ минуты разсудительности говорилъ: «двѣсти штыковъ вынудятъ двѣ тысячи подписей, впереди которыхъ будутъ стоять имена Ржевускаго и Потоцкаго, и Россіи представится прекрасный случай поработить насъ подъ предлогомъ водворенія порядка между нами. У Щенснаго Потоцкаго тридцать тысячъ козаковъ. Религія для императрицы — отличное средство поднять украинскихъ хлоповъ и напустить на насъ. Прибавьте страхъ и подкупъ. Этимъ можно много съ нами сдѣлать». Чтобъ отклонить отъ Польши гнѣвъ

Екатерины, Игнатій подумывалъ и о томъ, какъ сойтись съ нею и разсчитывалъ, что въ крайнемъ случаѣ Польшѣ можно будетъ предложить наслѣдственный польскій престолъ ея второму внуку Константину. Въ Константинополѣ между тѣмъ поляки продолжали напрасно настроивать Турцію, побуждая ее объявить войну Россіи. Но отъ горячности, они легко переходили къ обычной безпечности и соображали, что, быть можетъ, войны не будетъ, что Россія не осмѣлится напасть на Польшу, что она только пугаетъ поляковъ. Иные же, успокоиваемые приверженцами Россіи, были такъ далеки отъ всякихъ опасеній на счетъ Россіи, что всю тогдашнюю тревогу приписывали хитрости правительственной партіи, которая нарочно распускаетъ слухи, будто Россія грозитъ Польшѣ войною, для того, чтобы имѣть возможность создать вооруженную силу.

Австрійскій посолъ хранилъ двусмысленное молчаніе, или отвѣчалъ такъ, что поляки могли думать и такъ и иначе, и надѣяться и бояться. Онъ уже имѣлъ отъ своего правительства отвѣтъ, который онъ долженъ будетъ дать оффиціально въ такомъ случаѣ, когда поляки, получивъ отъ Булгакова декларацію, обратятся къ нему, а теперь Де Каше́, вообще человѣкъ суровый, молчаливый, ограничивался фразами въ родѣ слѣдующей: «я увѣренъ, что мой дворъ будетъ заниматься дѣлами Польши». По отношенію боязни со стороны Россіи, онъ говорилъ: «я не вижу никакихъ явныхъ признаковъ опасности нападенія». Люккезини по-прежнему то поджигалъ поляковъ на Россію, то приводилъ ихъ въ недоумѣніе. Онъ извѣщалъ, что Австрія и Пруссія заключаютъ между собою союзъ, и побуждалъ поляковъ стараться какъ-нибудь ввести и Польшу въ этотъ союзъ. «Мы думаемъ,—писалъ король 2-го мая,—какъ бы сдѣлать, чтобы Вѣна и Берлинъ попросили насъ пристать къ своему союзу; надобно стараться черезъ

курфирста: онъ самъ долженъ желать, чтобы народъ, который избралъ его королемъ, пріобрѣталъ значеніе и вѣсъ». Но 4-го мая Люккезини жестоко облилъ короля и патріотовъ холодною водою. Ему сообщили о мѣрахъ, которыя принимаетъ Польша къ защитѣ. Онъ отвѣчалъ: «его величество, король прусскій, не входитъ въ разсужденія о сеймовыхъ постановленіяхъ, которыхъ предметы до него вовсе не касаются». Когда Игнатій и Северинъ Потоцкіе хотѣли, каждый особо, вызвать его на объясненія и ссылались на союзные трактаты, то услышали отъ него еще болѣе зловѣщія рѣчи: «его величество, король прусскій, не принималъ участія въ томъ, чтò замышляли король и сеймъ, а потому онъ и не обязанъ давать помощи, такъ какъ объ этомъ не было сказано въ союзномъ трактатѣ». 8-го мая онъ говорилъ имъ же: «вы всѣмъ обязаны королю прусскому, не сомнѣвайтесь въ его честности и искренности, но помните, что вы установили наслѣдственное правленіе безъ его вѣдома. Если бы Пруссія согласилась на это, Россія ни за что не захочетъ. Самъ князь-избиратель объявлялъ уже, что не приметъ короны безъ согласія трехъ державъ. Лучше было бы, если бы поляки не затѣвали этого, а устроивали у себя то, чтò можетъ имъ принести существенную пользу, чѣмъ рисковать все потерять изъ-за своего упрямства». Потоцкіе просили его объясниться вполнѣ и сказать откровенно, что король прусскій прямо противится наслѣдственному правленію въ Польшѣ. «Я никогда этого не говорилъ, — сказалъ Люккезини,—и если бы такъ сказалъ, то черезъ двѣ недѣли меня бы отозвали отсюда». Ему представляли: «если Москва насъ до конца завоюетъ, это не можетъ быть пріятно его величеству королю прусскому; тогда и для него будетъ не безопасно отъ близости московской силы! Если даже, не завоевавши насъ, Москва опять возьметъ насъ въ прежнія путы и возстановитъ въ Польшѣ избира-

тельное правленіе, то отъ этого польза будетъ Москвѣ, а не Пруссіи. Лѣтъ черезъ двадцать въ Польшѣ періодически будутъ возобновляться непріятныя для сосѣдей безпорядки, а изъ нихъ пользу извлекать будетъ для себя одна Москва». Люккезини отвѣчалъ: «Россія не возобновитъ своего прежняго вліянія на Польшу даже и тогда, когда бы Польша сама отдалась ей безотпорно. Пруссія и Австрія не допустятъ до этого. Иное дѣло, когда васъ хотятъ заставить отмѣнить наслѣдственное правленіе, а иное дѣло — завоевать провинціи. Помните, что король никогда не гарантировалъ вамъ наслѣдственности. Договоръ съ Пруссіею обезпечивалъ для Польши только цѣлость и независимость, а не конституцію, выдуманную послѣ договора. Мой дворъ совершенно спокоенъ на этотъ счетъ, а я вамъ скажу: вотъ скоро придется мнѣ начать свою настоящую роль. Россія васъ стращаетъ, будто хочетъ идти на васъ войною; Россія не пойдетъ. Это выдумка. Безъ согласія Пруссіи она не отважится на такое дѣло».

Изъ Петербурга поляки получали тайныя извѣстія, что прусскій посланникъ въ Россіи работаетъ въ русской столицѣ, чтобъ императрица сама взяла энергическое рѣшеніе относительно польскихъ дѣлъ, для того, какъ объясняли поляки, чтобы сбросить на одну Россію всю черноту противодѣйствія, которое обстоятельства не позволяютъ сдѣлать прямо. Нѣкоторые въ минуты проницательности говорили: «въ случаѣ нападенія отъ Россіи, опасно намъ адресоваться оффиціальнымъ путемъ къ берлинскому двору; послѣ того, что намъ объявили, надобно ожидать, что Пруссія насъ оставитъ». Но потомъ поляки, при малѣйшей возможности готовые все видѣть въ розовомъ свѣтѣ, приходили еще на счетъ Пруссіи къ утѣшительнымъ заключеніямъ, и многіе находили, что для нихъ въ этомъ нѣтъ еще важной и явной опасности. «Пруссія,—говорили

они,—хочетъ насъ настращать, какъ будто бы насъ совсѣмъ оставляетъ, чтобы мы испугались и полѣзли къ Москвѣ на колѣняхъ, въ надеждѣ, что Москва заставитъ насъ отказаться отъ наслѣдственнаго правленія, а прочее все въ конституціи оставитъ. Пруссія оттого намъ не хочетъ помогать, что французы объявили уже войну венгерскому и чешскому королю, и Пруссія поневолѣ теперь должна вступить въ войну съ французами, а потому ей неудобно завязаться въ войну съ Москвою, и она хочетъ увѣрить насъ, что войны не будетъ, чтобы мы не зацѣпляли и не раздражали Москвы; но если Москва насъ начнетъ одолѣвать, прусскій король необходимо намъ поможетъ; онъ не можетъ этого не сдѣлать; пусть только Москва начнетъ непріятельскія дѣйствія, мы по всѣмъ правамъ нашимъ обратимся за помощью къ Пруссіи».

Шагъ, сдѣланный поляками къ тому, чтобъ князь-избиратель постарался ввести Польшу въ союзъ между Пруссіей и Австріей, былъ неудаченъ. Саксонскій министръ Эссенъ отвѣчалъ въ началѣ мая, что полякамъ всего удобнѣе обратиться за этимъ прямо къ прусскому королю, какъ къ своему союзнику. Вслѣдствіе такого отвѣта король лично сказалъ прибывшему въ Варшаву другому министру саксонскому, Лобену: «какъ же намъ обращаться къ Пруссіи, когда Люккезини даетъ намъ понять, что его король оставляетъ насъ совершенно на зарѣзъ Москвѣ, и притомъ насъ укоряютъ за то, что мы стоимъ упорно за наслѣдственное правленіе, когда самъ князь-избиратель будто бы рѣшительно не хочетъ короны. Все это противно тому, что было прежде; прусскій король соизволилъ не только на введеніе наслѣдственнаго правленія въ Польшѣ, но даже на перемѣну наслѣдника князю-избирателю, когда, вмѣсто инфанты, предполагалось сдѣлать преемникомъ ему брата его. Намъ объ этомъ доносилъ князь-генералъ Чарторыскій, когда онъ еще былъ въ Дрезденѣ».

«Сомнѣваюсь, чтобы существовало подобное заявленіе», сказалъ Лобенъ къ удивленію короля. Двусмысленное и черезчуръ холодное поведеніе благоразумнаго князя-избирателя чрезвычайно раздражало поляковъ. Они хотѣли бы запутать его въ свои дѣла и сдѣлать отвѣтственнымъ за свои ошибки. «Вѣдь выборъ его,—говорили они, — единственная и главнѣйшая причина угрожающей намъ войны!» Они убѣждали Лобена и Эссена побудить князя-избирателя сдѣлать оффиціальное заявленіе, которое бы, какъ они выражались, могло дать противовѣсъ интригамъ и кознямъ берлинскимъ и петербургскимъ.

«Пусть, — говорили они саксонскимъ министрамъ, — князь-избиратель приметъ на себя посредничество предъ вѣнскимъ и берлинскимъ дворами, чтобы они не допускали Россію нападать на польскую территорію. Пусть представитъ прусскому королю, что его собственные интересы требуютъ этого. Одно несогласіе Россіи на то, чтобы князь-избиратель былъ польскимъ королемъ, развѣ не есть достаточная причина соединиться съ Польшею и дѣйствовать съ нею за-едино?» Даже нерѣшимость курфирста приступить къ какимъ-нибудь рѣшительныхъ дѣйствіямъ въ пользу Польши, называли главною причиною, ободрявшею враговъ Польши. Была мысль поправить разстроенное дѣло съ Саксоніею, надѣялись войти въ новые переговоры съ Лобеномъ, сдѣлать уступки саксонскому князю-избирателю и склонить его защищать Польшу. «Ни мнѣ, ни моему товарищу,—говорилъ по этому поводу Эссенъ,—нечего толковать съ поляками; если они наговорятъ ему комплиментовъ въ благодарность за тѣ, которые онъ имъ привезъ, это иное дѣло; онъ будетъ ихъ слушать».

Сеймовыя засѣданія, открытыя 7-го мая, посвящены были предметамъ, относящимся къ оборонѣ края. Рѣшено было учредить два козацкихъ, два татарскихъ полка, четыре батальона вольныхъ охотниковъ, выдать генера-

ламъ отдѣльныхъ корпусовъ на издержки по 2000 червонцевъ; затѣмъ занимались просмотромъ проекта устройства войсковой коммиссіи. Посолъ кіевскій Хоецкій предложилъ проектъ, чтобы въ случаѣ наступательной войны всякій полякъ былъ объявленъ врагомъ отечества, если соединится съ непріятелемъ; половина его имѣнія подвергается секвестру, другая же остается наслѣдникамъ, которые могутъ быть честными гражданами, потому не слѣдуетъ имъ терпѣть за преступныхъ родныхъ. Другіе стали оспаривать это. Радзишевскій, посолъ стародубскій, говорилъ: «я убѣжденъ, что Польша не увидитъ у себя такого гражданина, который былъ бы до того злобенъ, чтобы осмѣлиться вести непріятеля на отечество, но если бы нашлось такое чудовище, для чего щадить племя его? Напротивъ, любовь къ дѣтямъ удержитъ его скорѣе отъ измѣны, если онъ будетъ знать, что все потомство его будетъ отвѣчать за него». Онъ предлагалъ проектъ отбирать все имущество у тѣхъ, кто будетъ приводить непріятельскія войска или соединится съ непріятелемъ, предоставляя четвертую часть тому, кто такого измѣнника приведетъ живымъ или принесетъ его голову. Другіе доказывали, что невинныя дѣти, по законамъ справедливости, не могутъ отвѣчать за отцовъ. Король говорилъ также въ умѣренномъ духѣ, и наконецъ порѣшили и постановили, что имѣнія измѣнниковъ, оказавшихся виновными по сеймовому суду, имѣвшему право судить государственныя преступленія, остаются въ секвестрѣ до смерти виновнаго, а потомъ передаются наслѣдникамъ всецѣло. По проекту жмудскаго посла Олендскаго постановлено, чтобы вредъ, нанесенный въ польскихъ владѣніяхъ обывателямъ, при сожженіи непріятелемъ городовъ и селъ, или посредствомъ совершеннаго разогнанія жителей, былъ вознаграждаемъ впослѣдствіи раскладкою на всю націю.

14-го мая депутація, нарочно назначенная для соста-

вленія закона о средствахъ къ оборонѣ, подавала свой проектъ, который въ тотъ же день былъ принятъ единогласно; онъ состоялъ изъ слѣдующихъ двадцати пунктовъ:

«Всѣ надворныя команды, гдѣ бы то ни было, и подъ какимъ бы то ни было предлогомъ вооруженныя, должны перейти подъ начало командующихъ регулярными войсками, по предписаніямъ, даннымъ исполнительною властью. Въ случаѣ нежеланія владѣльцевъ добровольно отдать свои надворныя команды для общаго дѣла, войсковые командиры должны у такихъ командъ забрать оружіе и боевые припасы и заплатить за нихъ владѣльцу, если не произойдетъ обоюднаго согласія, по цѣнамъ, назначеннымъ порядковыми гражданско-военными коммиссіями; предоставлялось, впрочемъ, владѣльцамъ, если пожелаютъ, получить оружіе обратно, по минованіи войны, съ правомъ требовать уплаты по цѣнѣ, указанной командирами въ случаѣ пропажи взятыхъ у нихъ вещей. Такому обезоруженію нигдѣ не подвергаются, однако, граждане, имѣющіе оружіе у себя для домашняго употребленія. Въ мѣстахъ, особенно подверженныхъ опасностямъ, командиры, могутъ оставлять у владѣльцевъ не болѣе сорока человѣкъ для защиты. Если бы гдѣ-нибудь владѣльцы стали открыто противиться этому распоряженію, тогда командиры войскъ прибѣгнутъ къ силѣ; такимъ, у которыхъ подданные обязаны за поземельные участки нести военную повинность въ надворной милиціи, исполнительная власть будетъ, по обоюдному согласію съ владѣльцами, выплачивать за употребленную на государственное дѣло милицію, а въ случаѣ несогласія владѣльца, послѣдній долженъ отдать все оружіе и боевые припасы по установленной цѣнѣ, и обязаться подпискою, что никогда не употребитъ своей милиціи противъ отечества и правительства.

«Исполнительная власть разошлетъ черезъ гражданско-

военныя порядковыя коммиссіи зазывные универсалы, которые будутъ читаться священниками съ амвоновъ по приходамъ, приглашать охотниковъ идти на защиту отечества, а прочихъ прихожанъ возбуждать къ посильному пожертвованію. Желающіе на собственный счетъ записываться въ охотники или сами, или съ своими людьми, въ теченіи мѣсяца отъ опубликованія универсала въ порядковыхъ коммиссіяхъ своего повѣта, обязывались стать къ дѣлу черезъ двѣ недѣли по призывѣ отъ коммиссіи, ничего не требуя отъ правительства или на всю войну, или на опредѣленное время, по договору, но не иначе, какъ обязавшись служить, по крайней мѣрѣ, на одну кампанію. Одинъ классъ охотниковъ составятъ тѣ, которые обяжутся служить или доставить людей въ службу вполнѣ на своемъ иждивеніи; другіе, которые, хотя и явятся съ своими лошадьми, вооруженные, но потребуютъ казеннаго жалованья, составятъ второй классъ; тѣ же, которые доставятъ людей въ вооруженіи и съ лошадьми, но на казенномъ иждивеніи, — составятъ третій классъ. Немогущіе служить лично и доставлять людей къ службѣ, могутъ участвовать въ дѣлѣ защиты отечества посредствомъ посильныхъ пожертвованій, вносимыхъ въ какую угодно порядковую коммиссію. Всякій можетъ записывать въ такой коммиссіи свое мѣсто жительства и обязаться въ теченіе двухъ недѣль доставить деньги, оружіе, порохъ, фуражъ, провіантъ или вещи, служащія въ награду отличившимся. Такіе составятъ пятый классъ. Каждый такимъ образомъ жертвующій, при неисполненіи обѣщаннаго отъ себя, можетъ подвергнуться военной экзекуціи отъ той команды, которая будетъ состоять при каждой порядковой коммиссіи. Списки жертвователей будутъ присылаться въ войсковую коммиссію, которая будетъ доставлять ихъ королю въ Стражѣ, а король и Стража будутъ по этому дѣлать свои соображенія. Всѣхъ охотниковъ

порядковыя гражданско-военныя коммиссіи должны привесть къ присягѣ по формѣ, въ которой вступающій на службу обязывается быть вѣрнымъ королю и Рѣчи-Посполитой, не покидать службы, состоять въ повиновеніи у командировъ, идти куда приказаніе послѣдуетъ, и не дѣлать насилія никому изъ соотечественниковъ. По произнесеніи присяги, порядковая гражданско-военная коммиссія передаетъ охотниковъ, равно какъ и всякія пожертвованія, офицеру, присланному отъ командира, за квитанціею. Состоя въ повиновеніи у присланнаго за ними офицера до самаго прибытія на мѣсто своего назначенія, гдѣ охотники дадутъ вторичную присягу, они по окончаніи своей службы возвращаются въ сопровожденіи офицера и отряда въ порядковыя коммиссіи своей мѣстности».

Тотчасъ послѣ этого проекта добржанскій посолъ Збониской пожертвовалъ 40,000 злотыхъ, которыя просилъ записать на своемъ имѣніи, предоставивъ 5% съ этой суммы для наградъ отличившимся, а цѣлый капиталъ обратилъ впослѣдствіи на госпиталь. Князь Іосифъ Любомирскій пожертвовалъ 4 шести-фунтовыя пушки; банкиръ Бланкъ изъявилъ готовность дать Рѣчи-Посполитой сто тысячъ червонныхъ злотыхъ взаймы, безъ процентовъ, на 5 мѣсяцевъ. Тогда поляки, по обычаю, восхищаясь, какъ великимъ историческимъ подвигомъ, этимъ постановленіемъ, заранѣе воспѣвали свои будущія побѣды надъ москалями: «что полякъ, то богатырь, и съ такимъ воинствомъ, съ тобою, король, на челѣ, мы достигнемъ нашихъ цѣлей», голосили сочиненныя тогда вирши [1]).

Хотя Булгаковъ и не подавалъ еще оффиціально декларацін, но она уже была извѣстна по тѣмъ спискамъ, которые были прежде сообщены приверженцамъ Россіи.

---

[1]) Co polak to bohatyr, a z takim żołnierzem
Ciebie mając na czele doydziem gdzie zamierzym.

Уже всѣ видѣли, что война виситъ надъ Польшею; уже не только дѣлались распоряженія, но и двигалось войско. 9-го мая прошла черезъ Варшаву въ Литву на границу Россіи бригада народовой кавалеріи Яна Потоцкаго, авангардный полкъ князя Виртембергскаго, на другой день два батальона полка Дзялынскихъ съ артиллеріей. Народъ провожалъ ихъ съ восторгомъ. Предводителемъ войскъ въ Украинѣ назначили Іосифа Понятовскаго, племянника короля, а въ Литвѣ князя Виртембергскаго. Этотъ послѣдній, хотя родственникъ Чарторыскимъ, былъ въ то же время родной братъ русской великой княгини Маріи Ѳедоровны. Булгаковъ уже заранѣе доносилъ государынѣ, что князь Виртембергскій не будетъ драться противъ Россіи и постарается уѣхать въ деревню.

Въ это критическое время Изба обратилась и къ тому вопросу, о которомъ поляки старались какъ можно меньше думать — къ православной религіи. Давно уже назначена была и составилась конгрегація въ Пинскѣ. Теперь, когда Польшѣ угрожала православная держава, было кстати подумать, наконецъ, объ этомъ предметѣ. Брацлавскій посолъ Леженскій 12-го мая проговорилъ рѣчь, въ которой выражался такъ: «Мы, представители украинскихъ областей, не столько боимся чужихъ враговъ, сколько желаемъ быть увѣренными въ вѣрности народонаселенія, среди котораго живемъ. Необходимо, чтобъ тѣ, которые соединены съ врагами одною вѣрою, не подвергались отъ послѣднихъ искушеніямъ. Кіевъ—столица духовнаго неунитскаго начальства, съ своими пещерами соблазняетъ ихъ. Народъ ходитъ туда на поклоненіе и тамъ напивается яда непріязни къ Польшѣ. Невинныя души совращаются духовнымъ орудіемъ. Надобно пресѣчь это зло. Надобно учредить въ нашемъ краѣ іерархію неунитскаго обряда. Неунитское духовенство уже расположено къ той конгрегаціи, которую такъ благоразумно и примѣрно устроилъ панъ

сендомирскій посолъ Кохановскій. Пусть неуниты не отыскиваютъ себѣ за границею духовенства». Товарищъ его, другой брацлавскій посолъ, Ярошинскій, говорилъ: «Въ нашемъ краѣ у дизунитовъ нѣтъ иныхъ пастырей, кромѣ тѣхъ, которыхъ даетъ имъ сосѣднее государство. Вышедшіе изъ-за границы духовные, безъ воспитанія, безъ свѣдѣній, необходимыхъ для ихъ званія, въ своемъ невѣжествѣ и сами думаютъ и другихъ учатъ, что всѣ, которые не одной съ ними вѣры, имъ враги. Гнѣздо мое въ Брацлавщинѣ. Я собственнымъ опытомъ и преданіемъ, перешедшимъ отъ моихъ предковъ, убѣдился, что сколько тамъ ни было безпорядковъ, междоусобій, кровопролитій — всѣ они совершались во имя этой униженной религіи. Я видалъ въ Межигорскомъ монастырѣ и въ Кіевопечерскомъ портреты Хмельницкаго, Дорошенка, Гонты, Залізняка въ рыцарскомъ видѣ, съ искусительными надписями. Это у нихъ святые воители, погибшіе отъ рукъ поляковъ. Установленіемъ отдѣльной іерархіи и расширеніемъ нравственнаго воспитанія духовенства мы сотремъ съ нашего народа это пятно. Каждый нравственный соотечественникъ пусть покажетъ на дѣлѣ то убѣжденіе, что господствующая вѣра въ государствѣ не должна имѣть цѣлію преслѣдованіе другихъ исповѣданій».

Поляки говорили, будучи на краю погибели, такъ, какъ бы имъ слѣдовало говорить за сто пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Но и на этотъ разъ они ограничились словами. Никакого окончательнаго рѣшенія по этому вопросу не послѣдовало въ то засѣданіе, когда говорились эти рѣчи.

IV.

Объявленіе деклараціи Екатерины.—Впечатлѣніе ея на поляковъ.— Послѣднія распоряженія и закрытіе сейма.—Воззваніе къ народу.— Отвѣтъ на декларацію [1]).

Наступило 18 мая, день, памятный и печальный въ польской исторіи. Булгаковъ подалъ литовскому подканцлеру Хребтовичу декларацію императрицы Екатерины на русскомъ языкѣ, съ французскимъ переводомъ. Содержаніе ея было таково: «Польская нація во зло употребила оказанныя императрицею благодѣянія; ея благія намѣренія относительно Польши были представляемы въ ложномъ свѣтѣ, и въ особенности ея гарантія твердости законовъ и правленія республики, тогда какъ другія государства, и въ особенности германскія, сами желали и просили такой гарантіи, а между тѣмъ позднѣйшія событія показали, какъ необходимо обезпеченіе существующаго порядка вещей. Захватившая въ свои руки въ настоящее время господство факція, вопреки принятой Россіею на себя гарантіи стариннаго устройства республики, самовольно вымыслила новое монархическое устройство, уничтожающее свободу и благосостояніе польской націи. Но мало того, что эта овладѣвшая правленіемъ партія вызывала опасности внутри государства,—она хотѣла поссорить Польшу съ сосѣдними государствами, преимуществено же съ Россіею, державою издавна дружелюбною Польшѣ, и наносила ей оскорбленія, а именно: во время турецко-шведской войны наглымъ образомъ требовала очистки польской территоріи отъ русскихъ войскъ и магазиновъ, прямо позволяла себѣ всякія ругательства и брань на Россію, дѣлала оскорбленія и стѣсненія русскимъ подданнымъ, спокойно и мирно исполнявшимъ свои занятія въ поль-

[1]) См. Ист. № 18, 8, 12, 28.

скихъ областяхъ, какъ-то: подвергала ихъ пыткамъ, а по вынужденнымъ пытками показаніямъ и жестокимъ казнямъ, преслѣдовала епископа переяславскаго и архимандрита слуцкаго, не оказала законнаго удовлетворенія надъ виновными солдатами, которые вторглись въ русскую посольскую церковь и извлекли оттуда духовное лицо, заключила его въ темницу и поставила передъ судомъ, которому онъ, какъ русскій подданный, не подлежалъ;—заключила съ Турціею союзъ и возбуждала ее противъ Россіи, и наконецъ дозволяла себѣ на самомъ сеймѣ неуважительные отзывы о государынѣ. Главы партіи не только не останавливали, но еще и одобряли такіе поступки. Причины менѣе важныя, чѣмъ эти, были бы достаточны для того, чтобы требовать за нихъ удовлетворенія, но императрица различаетъ факцію отъ націи. Забывая неумѣстные поступки въ отношеніи къ себѣ, императрица не могла не склониться къ настоятельной просьбѣ многихъ поляковъ, отличающихся рожденіемъ, саномъ и патріотическою доблестью, желающихъ возстановить древнюю свободу и независимость своего отечества. Составляя съ этой цѣлью конфедерацію, они обратились съ просьбою о помощи и покровительствѣ къ императрицѣ, и государыня обѣщала имъ помощь, а потому повелѣла части своихъ войскъ вступить въ Польшу для возстановленія древнихъ польскихъ правъ и вольностей. Ея величество ласкаетъ себя надеждой, что всѣ добрые и истинно любящіе свое отечество поляки увидятъ, что пользѣ ихъ собственнаго дѣла будетъ способствовать то, если они отъ всего сердца и отъ всей души, вмѣстѣ со всѣми истинными патріотами, станутъ содѣйствовать великодушнымъ стараніямъ императрицы — возвратить Рѣчи-Посполитой ея свободу и законность, похищенныя мнимою конституціею 3-го мая 1791 года. Если есть нѣкоторые, которые стѣсняются присягою, данною ими по ошибкѣ или по принужденію, по насилію и

обольщенію, они должны убѣдиться, что единственная истинная и правдивая присяга для нихъ есть только та, по которой они обѣщались сохранять и защищать свое прирожденное свободное республиканское правленіе, и что воспринятіе этой прежней клятвы есть единственное средство загладить ихъ клятвопреступленіе, совершенное новою присягою. Если же найдутся люди, которые по упрямству или по неправильному настроенію мыслей, которыми они увлеклись, станутъ сопротивляться благодѣтельнымъ намѣреніямъ императрицы и патріотическимъ желаніямъ своихъ согражданъ, то такіе пусть припишутъ самимъ себѣ ожидающее ихъ суровое съ ними обращеніе, тѣмъ болѣе заслуженное, что отъ нихъ зависѣло избѣжать его скорѣйшимъ и искреннимъ отреченіемъ отъ своихъ заблужденій». Всѣмъ, которые поспѣшатъ отдаться подъ покровительство императрицы, обѣщалось не только полное забвеніе прошлаго, но и личная безопасность и всякая помощь.

Булгаковъ вручилъ декларацію Хребтовичу. Послѣдній сказалъ: «Я не стану читать этого, а передамъ непосредственно королю. Но я угадываю содержаніе, и было бы желательно, если бы все это окончилось дружелюбно».— «Это отъ васъ зависитъ,—отвѣчалъ посолъ императрицы,— вы можете поправить дѣло легко. Вступленіе войскъ ея величества не война, а дружеская помощь, по сосѣдству, для возвращенія вольности и законнаго правленія. Мѣры строгости тотчасъ будутъ смягчены, если войска наши не встрѣтятъ препятствій и сопротивленія». Потомъ Булгаковъ поѣхалъ къ примасу и вручилъ ему высочайшее письмо. Примасъ, какъ и Хребтовичъ, сказалъ: «все это можно бы уладить и безъ мѣръ строгости; сейчасъ поѣду къ королю». И онъ уѣхалъ вслѣдъ затѣмъ изъ Варшавы въ свои имѣнія. Булгаковъ съ тѣхъ поръ не видѣлъ его.

Потомъ Булгаковъ поѣхалъ къ Люккезини и къ Де-Каше и сообщилъ имъ, по приказанію императрицы, копіи съ деклараціи. «Мнѣ извѣстно—сказалъ ему Люккезини,—отъ моего короля, что его величество предложилъ ея величеству, для избѣжанія строгихъ мѣръ, подать отъ трехъ дворовъ совмѣстную декларацію для достиженія цѣли». Въ разговорѣ съ русскимъ посланникомъ Люккезини изъявлялъ полное сочувствіе дѣйствіямъ императрицы. Де-Каше сказалъ Булгакову уклончиво: «я не имѣю отъ своего двора еще никакихъ инструкцій по этому предмету». Но австрійскій посолъ лично раздѣлялъ взгляды русскаго посла.

Грозная декларація была прочитана на сеймѣ, въ собраніи 21-го мая, главнымъ изъ виновниковъ конституціи Коллонтаемъ. Члены сейма встрѣтили этотъ ударъ молчаніемъ; король сталъ говорить рѣчь.

«Вы видите, сказалъ онъ, какъ относится это писаніе къ нашей конституціи 3-го мая, и ко всѣмъ вашимъ поступкамъ, предшествовавшимъ этому дѣлу. Видите открытое вспоможеніе тѣмъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые посягаютъ на благосостояніе отечества! Видите стремленіе унизить настоящій сеймъ, слышите и угрозы нашей независимости. Есть два средства защиты и спасенія отечества. Первое составляетъ все, на что можетъ рѣшаться отвага и мужество. Я заранѣе соглашаюсь на все, что вы, почтенные члены, установите, и обѣщаюсь стать и стоять своею особою тамъ, гдѣ мое присутствіе будетъ нужно для возбужденія духа въ опасности и для устроенія силъ и обстоятельствъ нашихъ. Другое средство—сношенія. Обратимся къ союзнику нашему королю прусскому. Вы помните, какъ почти съ самаго открытія сейма, каждый важный шагъ вашъ совершался по желанію и совѣту прусскаго короля,—освобожденіе изъ-подъ гарантіи, посольство въ Турцію, удаленіе изъ нашего края

русскихъ магазиновъ и русскаго войска; этотъ великодушный сосѣдъ нашъ побуждалъ насъ установить твердое правленіе, и только на этомъ условіи желалъ устроить свой союзъ съ нами, обѣщая намъ ходатайства и помощь, если бы ходатайства не оказались достаточны для охраненія нашихъ границъ. Вы слыхали въ деклараціи, поданной намъ, что намъ ставятъ въ вину тѣ именно поступки, которые мы учинили въ полномъ единомышленіи съ прусскимъ королемъ. Обратимся также къ его величеству, венгерскому королю: онъ намъ сосѣдъ, и его собственный интересъ требуетъ, чтобы Польша не была возмущена, завоевана, и не попала въ зависимость отъ такого государства, которое нѣсколько вѣковъ отдѣлялось Польшею отъ его владѣній. Всего естественнѣе обратиться намъ къ саксонскому князю-избирателю; мы ему оказали столько расположенія, что одна благодарность должна побуждать его искать способовъ облегчить намъ грозящія непріятности. Если бы нашлись и другіе пути сношеній, не слѣдуетъ пренебрегать ими. Наконецъ, невѣроятно, чтобы такая свѣтлая и великодушная государыня, какъ Екатерина II, захотѣла совершенно пренебречь всякими представленіями, какія могутъ быть сдѣланы со многихъ сторонъ для отклоненія несчастій, неразлучныхъ съ войною, которой послѣдствія, тяжелыя для человѣколюбія, безъ сомнѣнія, противны нѣжному сердцу этой государыни; пусть только ей будетъ объяснено, что донесенія нашихъ собственныхъ соотечественниковъ несообразны съ истиной, что въ день 3-го мая 1791 года совсѣмъ не происходило насилій, о которыхъ говорится въ деклараціи, и наше новое правительственное уложеніе не ниспровергаетъ ни свободы, ни республиканскаго строя. Невѣроятно, чтобы ея величество императрица, получивъ вѣрныя свѣдѣнія обо всемъ этомъ, пожелала домогаться исполненія выраженныхъ въ деклараціи желаній, когда истина, справедливость и ми-

ролюбіе заговорятъ въ ней». Далѣе въ своей рѣчи король призывалъ сеймъ думать и изыскивать всѣ средства къ оборонѣ отечества, и приглашалъ поговорить объ этомъ на частномъ засѣданіи въ домѣ маршала Малаховскаго. Король не забылъ напомнить, что теперь слѣдуетъ всѣми силами охранять русскаго посла отъ всякихъ, могущихъ быть съ нимъ въ Польшѣ, непріятностей.

Въ это роковое засѣданіе поляки рѣшили дѣло о дизунитахъ и утвердили всѣ постановленія конгрегаціи, бывшей еще въ іюнѣ 1791 года въ Пинскѣ; по вопросу объ умиротвореніи восточной церкви, теперь только сеймъ, наконецъ, призналъ существованіе особой іерархической власти надъ православною церковью въ областяхъ Рѣчи-Посполитой [1]). Чтобъ не показать свѣту своего промаха и

---

[1]) Сущность предполагавшагося устройства православной церкви была такова: должна установиться правильная іерархія изъ архіепископа и трехъ епископовъ съ національнымъ синодомъ, которые уже никакъ не станутъ обращаться къ Россіи, а будутъ зависѣть отъ государственной власти въ Польшѣ, находиться подъ благословеніемъ и посвященіемъ константинопольскаго патріарха и относиться къ нему по апелляціямъ. Епархіи дѣлятся на протопопіи; въ каждой изъ послѣднихъ управляетъ протопопъ извѣстнымъ кругомъ приходовъ съ двумя священниками и ассессорами изъ свѣтскихъ особъ, выбранными на четыре года. Черезъ каждые четыре года пятаго числа мая въ протопопіи собирается конгрегація изъ всѣхъ приходскихъ священниковъ и депутатовъ свѣтскаго званія повѣрять управленіе протопопіи, выбирать ассессоровъ и дѣлать постановленія на будущіе четыре года. Съ такой конгрегаціей протопопъ и старшій братъ изъ братства свѣтскаго званія по выбору ѣдутъ къ 15-му мая на епархіальную конгрегацію, куда и монастыри присылаютъ своихъ настоятелей или выборныхъ, для повѣрки управленія епархіею, для разныхъ соображеній и постановленій на будущее время, выбора ассессора въ епархіальную консисторію и восьми депутатовъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ на половину въ генеральную конгрегацію, которая собирается въ тотъ же годъ 15 іюня подъ предсѣдательствомъ архіепископа и состоитъ изъ епископовъ, архимандритовъ, ассессо-

несправедливости къ православному духовенству, признали виновнымъ въ нарушеніи спокойствія страны архіерея Садковскаго и съ нимъ его секретаря Алексѣя Чернявскаго, священника Рубиновича, Симоновича и Андрея Бондаря. Ихъ отправили подъ стражею въ Ченстоховъ на строгое заключеніе; медвѣдовскаго игумена выслали въ Россію, другихъ рѣшили препроводить въ неунитскую консисторію въ качествѣ состоящихъ въ подозрѣніи, а трехъ

ровъ генеральной консисторіи и депутатовъ, присланныхъ отъ епархіальныхъ конгрегацій. Генеральная конгрегація будетъ избирать владыкъ и архимандритовъ, повѣрять управленіе церковью и рѣшать разныя дѣла: тѣ, которыя относятся къ догматамъ и обрядамъ, подлежатъ обсужденію однихъ членовъ духовнаго званія, а въ дѣлахъ административныхъ и экономическихъ принимаютъ участіе и члены свѣтскаго званія. Главное мѣсто церковнаго управленія есть генеральная консисторія, подъ предсѣдательствомъ архіепископа или его намѣстника, состоящая изъ шести ассессоровъ духовнаго и шести свѣтскаго званія, выбранныхъ на генеральной конгрегаціи срокомъ на четыре года. Кромѣ ассессоровъ къ ея составу принадлежали, безъ права рѣшающаго голоса, писарь и инстигаторъ. Слѣдовало быть, кромѣ архіепископа, тремъ епископамъ по числу провинцій Рѣчи-Посполитой, но это отлагалось до дальнѣйшаго усмотрѣнія, а на первый разъ имѣли въ виду установленіе одной епархіи и одной епархіальной консисторіи, въ Богуславѣ, подъ предсѣдательствомъ епископа, которому предполагали дать титулъ житомирскаго и брацлавскаго. Составъ епархіальной консисторіи былъ такой же, какъ и генеральной. При консисторіи долженъ быть судъ—при генеральной изъ пяти, а при епархіальной изъ трехъ особъ. Церковное имущество находится въ распоряженіи приходскихъ священниковъ, при участіи старшихъ братьевъ братства въ городѣ, мѣстечкѣ или селѣ При каждой церкви должна быть школа, гдѣ, подъ надзоромъ священника и старшихъ братьевъ свѣтскаго званія, могутъ учить по русски и по польски дьяки или особые учители. При каждой церкви долженъ быть госпиталь для калѣкъ и убогихъ. Имѣнія монастырскія находятся въ распоряженіи генеральной консисторіи, такъ что она можетъ по своему усмотрѣнію, отдѣливъ необходимое на монастыри, прочее обратить на фондъ для содержанія церквей, школъ и госпиталей. Эти правила составлены были 15-го іюня 1791 г. въ пинской церкви Бого-

освободили и оправдали. При окончаніи этого памятнаго засѣданія была прочитана нота французскаго посла Декорша, извѣщающая отъ имени короля и Франціи, что королю венгерскому и чешскому объявлена война за посягательства на свободу, миръ и самостоятельность французскаго народа. Посланникъ изъяснялъ, что ему особенно пріятно выразить чувства Франціи такому народу, у котораго любовь къ отечеству, уваженіе къ человѣчеству и привязанность къ законности каждый день проявляются способомъ, достохвальнымъ и утѣшительнымъ для тѣхъ, которые показали собою первый примѣръ такихъ дѣйствій.

На другой день, 22-го мая, послѣ вечерняго частнаго засѣданія въ домѣ сеймоваго маршала было постановлено отдать верховную команду надъ войскомъ королю, съ полнымъ и неограниченнымъ правомъ заключать перемирія, военныя капитуляціи, размѣнъ плѣнныхъ и всякіе договоры, кромѣ окончательнаго мирнаго трактата, предоставленнаго исключительно сейму. Ясно было, что прогрессисты, руководившіе до сихъ поръ дѣлами, взваливали на слабаго короля всю отвѣтственность, слагая ее съ самихъ себя. 24-го мая утвержденъ былъ и генеральный поборъ: кромѣ установленнаго прежде пожертвованія десятаго гроша на земскія и двадцатаго на духовныя имѣнія, наложено еще 10%, а города и тѣ земскія имѣнія, которыя не пла-

---

явленія, при коммиссарѣ Рѣчи-Посполитой сендомирскомъ послѣ Кохановскомъ съ тремя послами (Чарторыскимъ, Зеленскимъ и Бутримовичемъ), собраніемъ православныхъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ въ числѣ 92, подъ предсѣдательствомъ архимандрита Троицкаго и игумена Матронинскаго монастыря Иринарха Балановскаго, а 29-го іюня того же года составилась первая генеральная конгрегація, и ея директоромъ избранъ тотъ же Балановскій. Но сеймъ цѣлый годъ затѣмъ не утверждалъ этихъ постановленій въ пользу православія и утвердилъ ихъ только тогда, когда грозная православная держава шла на Польшу.

тили пожертвованія, ограничиваясь взносомъ подымнаго, должны были заплатить двойное подымное, евреи же — двойное поголовное.

По установленіи этого закона жмудскій посолъ Олендскій домогался, чтобъ были открыты имена тѣхъ поляковъ, которые, по извѣстіямъ Деболи, находились въ Петербургѣ. Король изложилъ самое содержаніе депешъ посланника Рѣчи-Посполитой въ Петербургѣ, Деболи; изъ нихъ было видно, что Деболи зналъ дѣло только въ общихъ чертахъ и извѣщалъ о томъ, что пріѣхавшіе въ Петербургъ поляки составляли что-то опасное, и выѣхали изъ Петербурга, распустивши слухъ, что ѣдутъ въ Бѣлоруссію. Король объявилъ: «въ донесеніяхъ Деболи сказано, что есть среди насъ, въ Варшавѣ, особы, носящія званіе сенаторовъ, министровъ и пословъ, которыя находятся въ тайныхъ сношеніяхъ съ петербургскимъ дворомъ.» Если — сказалъ подольскій посолъ Ржевускій—есть такіе выродки между сенаторами, министрами и послами, что покушаются терзать внутренности своего отечества, то пусть его величество потрудится намъ назвать ихъ, или потребовать отъ Деболи, чтобы онъ провѣдалъ, кто они такіе». «Просимъ этого, просимъ!» закричали голоса. Тогда король прочиталъ рапортъ генералъ-маіора Орловскаго отъ 19-го мая, о томъ, какъ Злотницкій, подольскій посолъ, подговаривалъ товарища народовой кавалеріи Милинскаго, чтобы онъ склонялъ товарищество на русскую сторону, далъ ему на то 30 червонцевъ, обѣщалъ еще штабъ-офицерство и 500 червонцевъ награды. «Что же касается до тѣхъ сенаторовъ, министровъ и пословъ, о которыхъ говорилось въ депешахъ Деболи, сказалъ король, я долженъ оговориться, что тамъ дѣло шло не о тѣхъ, которые находятся здѣсь, а о тѣхъ, которые были впослѣдствіи въ Петербургѣ, и еще прежде того сносились тайно съ петербургскимъ дворомъ». Такимъ образомъ король увильнулъ отъ

щекотливаго предмета, хотя дѣйствительно около него были люди, тайно благопріятствовавшіе Россіи.

Сеймовый маршалъ сказалъ: «мнѣ кажется, не слѣдуетъ вступать въ формальныя подробности и именовать особъ, бывшихъ въ Петербургѣ и составлявшихъ конфедерацію, а постановить вообще: если онѣ въ опредѣленное время не явятся и не отрекутся отъ конфедераціи, то будутъ признаны врагами отечества и позваны къ суду, и по осужденію подвергнуты казни...»

Тогда стародубскій посолъ Ельскій сказалъ: «по крайней мѣрѣ слѣдуетъ поименовать Щенснаго Потоцкаго, Ржевускаго, Мощенскаго, Сухоржевскаго, Четвертинскаго и Загорскаго, и назначить имъ пятимѣсячный срокъ явки къ сеймовому суду, а Злотницкаго, уже уличеннаго показаніемъ Милинскаго, отдать подъ судъ немедленно». На это не послѣдовало согласія. Король говорилъ, что онъ вѣритъ донесенію Милинскаго, но остерегается, чтобы сеймъ не обвинили въ торопливости сужденій; могутъ быть случаи, когда подобные доносы дѣлаются для личныхъ цѣлей, въ надеждѣ повышенія. Король совѣтовалъ не произносить пока рѣшенія, не именовать лицъ, а ограничиться общею угрозою призыва къ суду тѣхъ, которые ѣздятъ за границу и подговариваютъ непріятеля на отечество. Это мнѣніе было принято и постановленъ законъ въ умѣренныхъ выраженіяхъ: то было вѣжливое приглашеніе всѣхъ поляковъ, находящихся въ непріятельской службѣ, воротиться въ отечество въ назначенный девяти-недѣльный срокъ, подъ страхомъ казни, постигающей по закону измѣнниковъ, для тѣхъ, которые не возвратятся и будутъ взяты въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ; тѣмъ же, которые только участвовали въ конфедераціи, давалось шесть недѣль срока на отреченіе лично передъ гражданско-военными порядковыми коммиссіями или прямо письмами, адресованными къ королю или къ

сеймовымъ маршаламъ; неисполнившимъ этого грозили казнію. Тѣмъ, которые оказались бы главными виновниками конфедераціи и осмѣливались идти съ войскомъ россійскимъ на отечество или подговаривать войско Рѣчи-Посполитой къ измѣнѣ, не давалось сроку. Они уже признавались непріятелями отечества и осуждались на смертную казнь. Установлялся сеймовый судъ для этой цѣли. Велѣно было всѣмъ судамъ Рѣчи-Посполитой и первой и второй инстанцій быть въ дѣйствіи, не прекращая, какъ бывало прежде въ обычаѣ, своей дѣятельности по окончаніи каденцій. Милинскому объявлена награда и повышеніе за вѣрность.

25-го мая утвержденъ былъ фондъ въ 1,500,000 зл. для награжденія отличнымъ воинамъ и для пособій семействамъ убитыхъ въ бою, съ оговоркою, что если войны не будетъ, то сумма эта останется въ казнѣ.

29-го мая былъ послѣдній день четырехлѣтняго сейма. Тогда постановили дать королю право, въ случаѣ надобности, призвать къ вооруженію обывателей тѣхъ воеводствъ, земель и повѣтовъ, которые подвержены будутъ опасностямъ войны, и выбрать по воеводствамъ, землямъ и повѣтамъ региментарей или полковниковъ надъ ополченіемъ шляхты. Постановлено, что король поѣдетъ самъ лично въ обозъ, и на предметъ королевскаго подъема ассигновано два милліона злотыхъ. Составили отвѣтъ русскому послу и воззваніе къ народу. Въ этомъ воззваніи толковался смыслъ деклараціи. «Нашъ сеймъ, — говорилось въ воззваніи, — которому подобнаго не было по согласію и уваженію къ закону, названъ оскорбительно и несправедливо факціей и объявленъ недѣйствительнымъ; чудовищной и беззаконной шайкѣ подается военная помощь; разсѣваютъ по провинціямъ писанія и побуждаютъ гражданъ вооружаться противъ властей, возбуждаютъ огонь междоусобной войны, выдумываютъ ложныя событія и

расточаютъ суровыя угрозы тѣмъ, которые не захотятъ пристать къ русскимъ. Исторія не представляетъ примѣра такого оскорбительнаго обращенія одного правительства съ другимъ. Съ поляками не говорятъ какъ съ народомъ самостоятельнымъ, а какъ съ покореннымъ. Нѣтъ ни одного польскаго гражданина, который не раздѣлялъ бы чувствъ возбужденныхъ въ королѣ и въ собранныхъ чинахъ этою декларацiею.»

Главную вину всей предстоявшей суматохи сеймъ приписывалъ петербургскимъ эмигрантамъ. «Они, — говорилось въ воззваніи, — недовольны сеймомъ за то, что его дѣйствія не соглашаются съ ихъ корыстными видами, и напротивъ, ихъ беззаконныя намѣренія согласуются съ намѣреніями Россіи. Эта держава досадуетъ на Польшу за то, что она, сознавъ свои пороки, которые ввергли ее въ презрѣніе у всѣхъ народовъ и ведутъ къ неизбѣжной гибели, создала у себя превосходный образъ правленія, усилила свое войско, заслужила всеобщее уваженіе сосѣдей». Призывая націю защищать отечество, универсалъ утѣшительно повѣствуетъ о возрожденіи и могуществѣ Польши. «У насъ есть хорошо снаряженное войско, одушевленное тѣмъ героизмомъ и мужествомъ, которыми во всѣ времена отличались поляки. Со всѣхъ сторонъ получаемъ мы свѣдѣнія, что граждане всѣхъ сословій приходятъ вписываться въ ряды защитниковъ свободы; любовь къ отечеству отворяетъ крѣпкіе сундуки для общественныхъ нуждъ; нѣтъ ни одного сословія, которое бы, въ своемъ достохвальномъ соревнованіи въ дѣлѣ спасенія Рѣчи-Посполитой, не дѣлало патріотическихъ жертвъ. У насъ достаточно средствъ противустоять врагамъ, и что можетъ сдѣлать Польшѣ сила, хотя бы самая страшная, если только всѣ сограждане, соединившись, пойдутъ подъ предводительствомъ своего короля на защиту предѣловъ своей страны, своихъ законовъ и преимуществъ!» Но въ этомъ же универсалѣ, при такихъ

блестящихъ надеждахъ, замѣчалось: «никто не можетъ насъ обезпечить противъ послѣдствій внутреннихъ раздоровъ и несогласій». Поляки предостерегались не вѣрить коварнымъ внушеніямъ тѣхъ разсѣяваемыхъ повсюду писаній, гдѣ стараются очернить настоящее правительство, отвлечь отъ конституціи и склонить на сторону Россіи.—«Вы знаете по опыту,—говорилось далѣе,—что̀ значитъ быть подъ покровительствомъ Россіи. Насильственное похищеніе сенаторовъ, министровъ и пословъ, совершенное передъ глазами короля и чиновъ государства, неуважительное обращеніе съ дворянствомъ, насилія надъ жилищами гражданъ, утѣсненія городовъ, уводъ жителей изъ края, наконецъ, раздѣлъ территоріи нашей. Вотъ плоды русской гарантіи. Можете ли вы надѣяться, что это государство будетъ съ вами лучше обращаться, если оно успѣетъ васъ обольстить, для того, чтобы снова открыть раны Рѣчи-Посполитой? Дворянство и мѣщане почувствуютъ эту тяжесть еще сильнѣе послѣ того, какъ они сдѣлались свободными и независимыми; крестьяне-земледѣльцы, которыхъ теперь покровительствуютъ законы, дарующіе счастіе всѣмъ жителямъ, погонятся тысячами, какъ скотъ изъ плодоносныхъ полей своихъ въ безплодныя пустыни; наконецъ, окончательный раздѣлъ польской территоріи и вѣчное забвеніе польскаго имени будутъ плачевнымъ слѣдствіемъ несогласія поляковъ».

Послѣ обѣда въ тотъ же день, въ 5 часовъ, собрались снова, уже въ послѣдній разъ, и постановили учредить по городамъ и селамъ кру̀жки для вкладовъ на оборону отечества; завѣдываніе этими кружками предоставлено скарбовой коммиссіи, и наконецъ постановлено, по поводу вторженія непріятельскихъ войскъ въ предѣлы государства, закрыть сеймъ до освобожденія отечества; всѣ сеймики, которые должны были собраться къ 18-му сентября, отлагались до возстановленія спокойствія. Поста-

новлено, чтобы всѣ суды отправляли свои обязанности непрерывно; но въ тѣхъ воеводствахъ, земляхъ и повѣтахъ, куда войдетъ непріятельское войско, они должны были прекращать свои дѣйствія, и если бы по принужденію они продолжали работать, то всѣ ихъ приговоры на будущее время объявлялись недѣйствительными.

Отвѣтъ на декларацію поданъ былъ Хребтовичемъ Булгакову 22-го мая (1-го іюня н. ст.) и, по замѣчанію русскаго посла, составленъ былъ напыщенно и софистично. Поляки отзывались о личности Екатерины не только уважительно, но даже подобострастно. Въ началѣ излагалась мысль, что поводъ къ поданной деклараціи, несообразной съ извѣстнымъ величіемъ сердца наияснѣйшей императрицы, есть очевидно слѣдствіе непріязненныхъ внушеній ловкаго и корыстолюбиваго обмана, умѣвшаго надѣть на себя маску гражданской доблести и пріобрѣсть довѣріе монархини, съ разсчетомъ на ея душу, чувствительную къ голосу патріотизма. Затѣмъ предъявляются доказательства, что изложенныя въ деклараціи обвиненія представляютъ дѣло не въ настоящемъ видѣ. Слѣдуетъ широкій панегирикъ единомыслію, здравомыслію, братскому духу, господствовавшему на сеймѣ, въ особенности послѣ удвоенія числа пословъ. Конституція 3-го мая въ общихъ чертахъ изображается дѣломъ единомышленія. Поздравленія, присылаемыя изъ разныхъ мѣстъ, и согласіе, выраженное на послѣднихъ сеймикахъ, выставлялись доказательствами, что нація приняла вполнѣ и одобрила дѣло 3-го мая. Относительно гарантіи, поляки объясняли, что цѣлый польскій народъ понимаетъ гарантію сообразно началамъ общественнаго права, обычнаго во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ, то-есть, что гарантія дѣйствительна только между двумя сторонами противъ третьей стороны, которая бы хотѣла посягнуть въ извѣстномъ государствѣ на то, что̀ последнему гарантировало другое дружественное государство.

«Если бы актъ гарантіи, касающейся Рѣчи-Посполитой,— говорится въ отвѣтѣ,—могъ быть обращенъ противъ самого этого же государства, то онъ представлялъ бы въ своемъ значеніи и слѣдствіяхъ очевидное противорѣчіе; гарантирующее государство могло оказывать дѣятельность только по приглашенію легальной власти Рѣчи-Посполитой, иначе, если часть обывателей, недовольныхъ правительствомъ въ своей странѣ, можетъ свое возмущеніе противъ правительства опирать на вмѣшательствѣ посторонняго государства, если недовольный голосъ нѣсколькихъ личностей можетъ себѣ присвоивать характеръ народнаго призыва, — такое употребленіе гарантіи будетъ орудіемъ, разрушающимъ всякій порядокъ и ниспровергающимъ народное спокойствіе». Относительно посольства въ Турцію объясняли, что посланникъ въ Турцію посланъ заурядъ съ посланниками къ другимъ европейскимъ дворамъ извѣстить о поводахъ и мирныхъ видахъ внутреннихъ преобразованій, предпринятыхъ сеймомъ. Турція, ведя войну съ Россіей, дѣйствительно искала союза съ Польшею и дѣлала Польшѣ самыя лестныя предложенія. Чины Рѣчи-Посполитой хотѣли только воспользоваться обстоятельствами, чтобы вытребовать отъ Порты торговыя льготы, полезныя для Польши. Инструкція, посланная польскому послу въ Константинополь, заключала условія къ заключенію договора, выгоднаго для Польши, безъ вреда интересамъ сосѣдей. Такимъ образомъ выходило, что Рѣчь-Посполитая заслуживала еще благодарность Россіи. Булгаковъ здѣсь видѣлъ ложь, потому что хорошо зналъ, что въ статьяхъ договора было взаимное содѣйствіе противъ Россіи. Точно тоже знала и Екатерина. Требованіе очищенія краевъ Рѣчи-Посполитой отъ русскихъ войскъ и магазиновъ объяснялось, какъ и прежде, тѣмъ, что россійскіе подданные, особенно фанатическіе монахи неунитскаго обряда и извозчики возбуждали къ бунту всегда готовое къ возстанію хлопство греческаго

вѣроисповѣданія, а частые переходы русскихъ войскъ подавали хлопамъ обольстительныя надежды; тѣ же мѣры къ водворенію спокойствія въ краѣ были причиною слѣдствій, суда и казней нѣкоторыхъ, оказавшихся по суду виновными; увѣряли, что не было предписанія употреблять пытки, что это противно издавна обычному ходу судопроизводства въ Польшѣ, отличавшагося всегда человѣколюбіемъ. Учрежденіе индигаціонной (слѣдственной) депутаціи было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы предупредить и истребить въ народѣ заговоръ и тѣмъ самымъ предотвратить необходимость суровыхъ мѣръ. Точно та же необходимость принудила приступить къ арестованію слуцкаго архимандрита; нападеніе же на «неунитскую каплицу» было дѣломъ ошибки подхорунжаго и нѣсколькихъ солдатъ, полагавшихъ, что идутъ въ частный домъ, за что́ они и были наказаны. Въ заключеніе заявлялась надежда, что чистыя намѣренія короля и польскаго народа найдутъ и у великой государыни ту же справедливость, какая признана за ними всею Европою. «Но если бы, — такъ кончался отвѣтъ,—наши намѣренія, дышущія любовью, миромъ и справедливостію, не имѣющія другой цѣли кромѣ безопасности и счастія польской страны, могли еще быть перетолкованы въ дурную сторону; если бы отзывы нѣсколькихъ недовольныхъ особъ нашли у императрицы болѣе вѣса, чѣмъ очевидное свидѣтельство народной воли; если бы Рѣчь-Посполитая увидала посягательство на свою самостоятельность и законную власть, то польскій народъ, заботясь о добромъ мнѣніи о себѣ цѣлой Европы и самой государыни, умѣющей цѣнить благородныя чувствованія, не поколеблется въ выборѣ между спокойствіемъ подлой покорности и достохвальною рѣшимостью на всякія случайности».

Хребтовичъ, вручивши этотъ отвѣтъ русскому послу, вошелъ съ нимъ въ дружескій разговоръ и сказалъ: «мы

видимъ, что Пруссія насъ обманула, она насъ натравила на все и теперь видимо измѣняетъ намъ; многіе готовы сойтись лучше съ Россіей, лишь бы отомстить коварному союзнику. Вы меня уговорили войти въ Стражу, а я всегда былъ недоволенъ этими дѣлами. Я старался, сколько могъ. По моимъ внушеніямъ король и теперь хотѣлъ бы лучше прибѣгнуть къ милосердію россійской государыни, и заключить самый тѣсный дружескій союзъ съ Россіею; и теперь велѣно Іосифу Понятовскому избѣгать сраженія. Можно ли надѣяться, что вы войдете съ нами въ переговоры?» Булгаковъ отвѣчалъ ему: «я не могу иначе входить съ вами въ переговоры, какъ на основаніи поданной деклараціи. Приму всякое ваше разсудительное предложеніе и доставлю его императрицѣ».

Послѣ интимнаго разговора съ Хребтовичемъ, Булгаковъ доносилъ своему правительству: «они будутъ избѣгать дракъ; чѣмъ глубже наши войдутъ въ ихъ земли, тѣмъ труднѣе у нихъ будетъ сборъ податей, остановится наборъ людей, и новая конфедерація возьметъ верхъ».

V.

Отношенія къ Пруссіи и другимъ державамъ. — Посольство Потоцкаго.—Собственныя средства обороны у поляковъ [1]).

Булгаковъ, со дня подачи объявленія, поступалъ искренно и прямо говорилъ полякамъ, что они не должны надѣяться на Пруссію, что прусскій король за-одно съ Россіею, что помощи имъ нѣтъ ни откуда, и что ихъ упрямство можетъ надѣлать имъ бѣдъ; онъ дѣлалъ намеки, изъ которыхъ поляки могли понять, что, въ случаѣ

---

[1]) См. Ист. №№ 18, 8, 35, 37, 38, 12, 14, 23, 28, 52, 25, 53, 47. Дѣла сейма и Стражи, хранящ. въ Литов. Метрикѣ.

сопротивленія, ихъ ожидаетъ новый раздѣлъ. Поляки не хотѣли ему довѣриться; по свѣдѣніямъ, дошедшимъ къ нимъ отъ саксонскаго министра Гудшмита, они ласкали себя надеждою, что трактатъ между Австріей и Пруссіей, гдѣ гарантирована цѣлость польскаго государства, достаточно силенъ, чтобы избавить отъ растерзанія ихъ отечество. Они все еще воображали, что прусскій король только стращаетъ ихъ, что онъ поневолѣ долженъ будетъ помочь Польшѣ въ ея бѣдѣ.

Послѣ подачи Булгаковымъ декларацiи, Хребтовичъ обращался къ Люккезини. Прусскій дипломатъ продолжалъ свою непонятную для простоты поляковъ двусмысленность. Сначала онъ показалъ удивленіе, прикинулся, будто декларація со стороны Россіи для него предметъ не только незнакомый, но никакъ и неожиданный. Когда ему было изъявлено объ этомъ сомнѣніе, онъ сказалъ: «Вы знаете нашего государя. Можно ли сомнѣваться въ его искренности? Разумѣется, онъ ничего этого не зналъ и не знаетъ». Но потомъ онъ по прежнему доказывалъ, что Пруссія никакъ не обязана въ настоящемъ дѣлѣ помогать Польшѣ противъ Россіи. Обратился къ нему Игнатій Потоцкій. «Вы не въ состояніи совладать съ Россіею,—сказалъ ему Люккезини,—которая уже выставила противъ васъ восемьдесятъ тысячъ войска; мнѣ кажется, лучше избрать путь переговоровъ».—«Мы далеко зашли,—сказалъ Потоцкій,— отступать поздно. Если наши войска разобьютъ, мы объявимъ свободу хлопамъ нашимъ и изъ нихъ составимъ другое войско. Если это войско разобьютъ—шляхта поставитъ третье. Если Россія завоюетъ Польшу, то развѣ въ видѣ пустыни. У насъ есть въ резервѣ средства: мы съумѣемъ произвести пожаръ».—«Есть пожарныя трубы для погашенія пожаровъ», сказалъ на это Люккезини. Но, по свидѣтельству англійскаго посла (Herrm., Erg. B. 273), Люккезини не прямо, а намеками и черезъ посред-

ство другихъ лицъ, возбуждалъ противъ Россіи поляковъ такъ, что недосказанное имъ они дополняли собственною изобрѣтательностію и не покидали надежды на Пруссію. Это было въ разсчетѣ у Люккезини. Онъ не былъ еще увѣренъ въ крѣпкой сердечной связи между Пруссіею и Россіей относительно польскихъ дѣлъ; онъ имѣлъ въ виду опасеніе, что, лишивъ поляковъ всѣхъ надеждъ, можно побудить ихъ черезчуръ смириться передъ Россіею, и Россія можетъ стать въ Польшѣ до того твердою ногою, что не будетъ имѣть нужды въ Пруссіи, а это для Пруссіи представляло невыгоды. Благоразумно было подстрекать поляковъ на сопротивленіе Россіи. Если Россія сойдется съ Пруссіею, послѣдняя въ такомъ случаѣ за-одно съ Россіею за нихъ примется; а еслибы случилось наоборотъ, тогда Пруссія, не раздраживъ противъ себя до конца поляковъ, можетъ явиться опять ихъ союзницею и спасительницею: и такъ и иначе Пруссія все-таки останется въ выигрышѣ на счетъ Польши. Россія и для себя и для Пруссіи будетъ доводить Польшу до крайности, а Пруссія только воспользуется этимъ.

Близко знакомый съ ходомъ тогдашнихъ дѣлъ и участникъ въ нихъ, Гэльсъ замѣчаетъ, что если бы поляки въ то время не получали отъ прусскаго двора нѣкоторыхъ обѣщаній помощи (some promise of assistance), то польскій король, по окончаніи сейма, тотчасъ обратился бы къ петербургскому двору и въ угоду императрицѣ отказался бы отъ конституціи 3-го мая. Прежде поляки ни за что не хотѣли уступать даже одного Гданска; теперь готовы были отдать часть Польши, если бы прусскій король, по выраженію Булгакова, хотя видъ показалъ, что хочетъ дать имъ помощь. Надежда на Пруссію для поляковъ была въ то время все еще соломенкою, за которую, какъ говорятъ, хватается утопающій.

Съ этою-то надеждою отправленъ былъ маршалъ Игна-

тій Потоцкій въ Берлинъ. Самъ Станиславъ-Августъ написалъ къ прусскому королю письмо такого содержанія: «Письмо, которое будетъ отдано вашему королевскому величеству маршаломъ графомъ Игнатіемъ Потоцкимъ, я пишу въ такое время, когда обстоятельства налагаютъ на меня обязанность защищать независимость польской Рѣчи-Посполитой; ей угрожаютъ притязанія ея императорскаго величества императрицы россійской, изложенныя въ деклараціи 18 мая, и послѣдовавшее затѣмъ вторженіе ея войскъ въ наши предѣлы. Если договоръ, существующій между вашимъ королевскимъ величествомъ и Польшею, даетъ право просить помощи, то мнѣ необходимо знать, какимъ способомъ можетъ быть исполненъ этотъ договоръ. Мнѣ необходимо знать чувствованія вашего королевскаго величества, дабы я могъ, сообразно имъ, соразмѣрять мои поступки. Несомнѣнно, край Рѣчи-Посполитой, гарантированный вашимъ величествомъ, терпитъ нападеніе, нарушается ея независимость, и притомъ такимъ страннымъ способомъ, что даже прибѣгая къ тончайшимъ толкованіямъ невозможно отыскать повода къ этому иначе, какъ только въ одной новой конституціи. Въ такихъ обстоятельствахъ уваженіе къ вашему величеству, до сихъ поръ союзнику Рѣчи-Посполитой, такъ тѣсно связанное съ независимостью и честію польскаго народа, побуждаетъ меня надѣяться, что ваше величество пожелаете сообщить мнѣ ваши чувствованія. Моя увѣренность относительно вашего величества будетъ имѣть только тѣ предѣлы, какіе вашему величеству угодно будетъ назначить, и чѣмъ точнѣе и скорѣе укажется вспоможеніе, какое вашему величеству угодно будетъ подать Польшѣ, тѣмъ оно будетъ полезнѣе и драгоцѣннѣе. Въ моемъ безпокойствѣ и затрудненіяхъ меня утѣшаетъ то, что, въ глазахъ современниковъ и потомковъ, не было правѣе дѣла, которому мы просимъ помощи отъ уважаемаго союзника. Все, что ва-

шему величеству угодно будетъ передать маршалу Потоцкому, подателю настоящаго письма, можете повѣрить безопасно и удобно, ибо и я и весь народъ со мною довѣряемъ ему вполнѣ».

Булгаковъ имѣлъ свѣдѣніе, что Потоцкій ѣздилъ въ Берлинъ съ деньгами, въ надеждѣ подкупить нѣкоторыхъ вліятельныхъ людей. Это очень возможно: дворъ Фридриха-Вильгельма II былъ наполненъ лицами, спорившими между собою за вліяніе надъ слабохарактернымъ королемъ, который проводилъ жизнь среди любовницъ и любимцевъ и всегда поддавался окружавшей его средѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы находимъ въ письмахъ маршала Малаховскаго свѣдѣнія, что было намѣреніе задобрить Бишофсвердера, имѣвшаго на короля издавна сильное вліяніе, и съ этою цѣлью составляли планъ выдать его дочерей за богатыхъ пановъ и въ добавокъ снабдить ихъ приданымъ въ 400,000 злотыхъ. При этомъ Игн. Потоцкій долженъ былъ попытаться выпросить у добрѣйшаго союзника и покровителя Польши 20,000 ружей, опытныхъ генераловъ и офицеровъ. Это была уже вторичная попытка въ своемъ родѣ. Еще 8-го мая войсковая коммиссія доносила Стражѣ, что ея старанія получить оружіе изъ прусскаго завода Шпильбергера остались тщетными, потому что прусскій король не дозволяетъ этого по какимъ-то политическимъ причинамъ, и тогда сдѣлано распоряженіе отправить директора оружейнаго завода Ковнацкаго пріобрѣсть оружіе въ другихъ странахъ Европы.

Въ то же время Польша дѣлала попытку склонить на свою сторону Австрію. Съ этой цѣлью поѣхалъ въ Вѣну Чарторыскій. Петръ Потоцкій въ Константинополѣ долженъ былъ еще разъ попытаться вооружить противъ России Турцію.

Что касается до князя-избирателя, то какъ ни безсиленъ онъ былъ въ ряду государей, заинтересованныхъ

судьбами Польши, поляки все еще не покидали на него надежды, и считали его обязаннымъ заступиться за Польшу, хотя бы пришлось отважиться на войну за нее; выбравши его въ короли безъ его вѣдома и желанія, поляки полагали, что, въ благодарность за эту честь, онъ долженъ поставить на карту и самого себя, и свой домъ и свое наслѣдственное владѣніе. Князь-избиратель, когда ему доложили о россійской деклараціи, изъявилъ скорбь и сожалѣніе о судьбѣ Польши и поляки приняли такія изъявленія чувствъ (какъ показываютъ письма Малаховскаго въ концѣ мая) за формальное увѣреніе въ намѣреніи оказывать помощь Польшѣ (les assurances formelles qu'il avait donné de venir au secours de la Pologne); но князь-избиратель вслѣдъ затѣмъ показалъ, ка̀къ онъ самъ относится къ тѣмъ видамъ, которые за нимъ признавали его непрошенные подданные; онъ даже запретилъ своимъ офицерамъ вступать въ службу Рѣчи-Посполитой. Напрасно маршалъ Малаховскій старался подвести его хоть бы на какое-нибудь маленькое плутовство въ пользу Польши. «Электоръ,—писалъ маршалъ своему племяннику, находившемуся въ Саксоніи,—можетъ помочь намъ, не компрометируя себя передъ союзниками; онъ можетъ дать отставку своимъ офицерамъ и инженерамъ, и они, уже не связанные съ Саксоніей обязанностями службы, пріѣдутъ къ намъ на службу какъ люди вольные. Онъ можетъ также дозволить продавать намъ ружья, не участвуя въ покупкѣ самъ; наконецъ, онъ можетъ за умѣренные проценты дать взаймы намъ денегъ; обѣщаемъ соблюдать глубочайшій секретъ. Электоръ можетъ, сверхъ того, заступиться за насъ своимъ кредитомъ у императорскимъ дворовъ, снабдить насъ своими добрыми совѣтами и дать нашему правительству крѣпость и почву». Все это было напрасно. Князь-избиратель былъ слишкомъ уменъ, чтобы ввязываться въ дѣло, которое онъ считалъ потеряннымъ. Онъ понималъ, что

если сильные сосѣди уже выбрали Польшу цѣлью своихъ видовъ, то слабый въ сравненіи съ ними сосѣдъ своимъ вмѣшательствомъ, въ какомъ бы видѣ оно ни выказалось, не сдѣлавши Польшѣ ни малѣйшей пользы, навлечетъ только вредъ на самого себя.

Полякамъ приходилось раздѣлываться собственными силами. Начали собираться пожертвованія. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ — изъ мазовецкаго княжества, брестъ-литовскаго воеводства, отъ гражданско-военныхъ коммиссій присылались въ Варшаву для всеобщаго свѣдѣнія, черезъ газеты, утѣшительныя извѣстія о томъ, какъ вѣрные дѣти отечества не жалѣютъ своего достоянія: кто даетъ для спасенія Рѣчи-Посполитой сто злотыхъ, кто двѣ серебрянныя ложечки, кто гонитъ двѣ или три скотины, кто кладетъ пару пистолетовъ; которые побогаче и познатнѣе, давали и по дюжинѣ карабиновъ. Князь Матѳей Радзивиллъ, опекунъ малолѣтняго Доминика, представилъ (хотя не имѣлъ на то права, какъ на чужую собственность, но во вниманіе къ тому, что Радзивиллы всегда отличались любовью къ отечеству) въ распоряженіе Рѣчи-Посполитой орудія и аммуницію въ за̀мкахъ, принадлежащихъ Радзивилламъ, и самые за̀мки; панъ Хоецкій (въ Украинѣ), заохочивая къ военной службѣ, объявилъ, что своихъ подданныхъ крестьянъ и живущую на земляхъ его шляхту освобождаетъ на 10 лѣтъ отъ всѣхъ платежей и повинностей и обязывается платить за нихъ то, что̀ слѣдовало казнѣ; льготы удвоялись въ такомъ случаѣ, если изъ одного дыма пойдетъ двое, вмѣсто одного, а если бы и того болѣе, — тотъ домъ, съ принадлежащимъ ему грунтомъ, получалъ вѣчную свободу отъ пана. Въ Сохачевской землѣ панъ Казимиръ Валицкій въ волости своей, называемой Лазы, и во всѣхъ деревняхъ ея, уволилъ отъ подданства потомственно всѣхъ тѣхъ крестьянъ, которые пойдутъ въ воен-

ную службу, съ платою имъ ста злотыхъ во время службы, и съ предоставленіемъ пожизненно полволоки земли, безъ всякихъ повинностей, если захотятъ, послѣ войны, поселиться въ его имѣніяхъ, что̀ распространялось и на шляхту—чиншовниковъ, жившихъ на его земляхъ. Панъ маршалъ сейма, Малаховскій, пожертвовалъ на спасеніе отечества на нѣсколько тысячъ червонныхъ хлѣбнаго зерна, которое на судахъ пришло въ Варшаву, слѣдуя въ Данцигъ. Въ Плоцкѣ профессора школъ предложили свое жалованье въ пользу отечества, а антрепренеръ варшавскаго театра жертвовалъ сборъ одного представленія въ мѣсяцъ на спасеніе погибающей Рѣчи-Посполитой. Наиболѣе яркаго патріотизма проявлялось въ Варшавѣ. Бранили москалей на чемъ свѣтъ стоитъ, и выдумывали разныя небылицы и пр., распускали слухъ, что москали хотятъ подкупить злодѣевъ на убійство короля. Къ этому подалъ поводъ какой-то Забѣлло, который доносилъ, что его дядя, полковникъ россійской службы, Шульцъ, давалъ ему четыре тысячи червонныхъ за то, чтобъ совершить убійство Станислава-Августа. Въ саксонскомъ саду чуть-было не растерзали познанскаго посла Мелжинскаго, за то, что онъ дозволилъ себѣ сказать, что русскіе побьютъ поляковъ. Въ городѣ прибивали къ стѣнамъ и распускали объявленія какого-то неназваннаго общества (что́ давало думать, что мимо оффиціальной, явной власти, образовалась еще тайная) о томъ, что можно и должно убивать всякаго, не признающаго конституціи 3-го мая, и за убійство враговъ отечества совершившій его получаетъ благодарность и вознагражденіе, а простолюдинъ шляхетское званіе. Полиція велѣла, однако, сорвать эти объявленія.

Все это были безплодныя искры. Попытки возрожденія были важны только по наружности. Какъ мало принимались въ Польшѣ сѣмена новой жизни, достаточно показывала несостоятельность мѣщанскаго дѣла. Несмотря

на то, что всѣ города объявлены свободными, паны, владѣвшіе ими то въ качествѣ старостъ, то въ качествѣ дѣдичныхъ владѣтелей или ихъ поссессоровъ, не хотѣли знать этой свободы, не довольствовались вознагражденіемъ, какое имъ слѣдовало по люстраціи, принуждали мѣщанъ къ работамъ, а въ случаѣ сопротивленія усмиряли войсками; при этомъ происходили побои, насилія, истязанія. Само правительство подавало поводъ къ такимъ явленіямъ своей двуличностью. Сперва города объявлены свободными, а потомъ, до дальнѣйшихъ распоряженій, временно оставлены въ условной зависимости отъ прежнихъ владѣльцевъ. Но паны-владѣльцы и поссессоры, издавна непривыкшіе ни къ какимъ ограниченіямъ и стѣсненіямъ, не хотѣли связывать себя условіями, а мѣщане, опираясь на то, что имъ провозгласили свободу, находили требуемые съ нихъ поборы и повинности неправильными и не слушали приказаній. Гражданско-военныя коммиссіи, состоявшія изъ лицъ шляхетскаго званія, всегда почти принимали сторону пановъ и при этомъ указывали правительству на опасность возстанія простого народа, могущую произойти отъ поблажки подданнымъ въ ущербъ панамъ. Такъ по дѣлу, возникшему между мѣстечкомъ Пильвишками и старостою, владѣвшимъ этимъ мѣстечкомъ, пренская гражданско-военная коммиссія доносила правительству, что мѣщане не хотятъ ходить на панскія работы, платить положенныхъ поборовъ и съ безчестіемъ прогоняютъ отъ себя довѣренныхъ отъ пана лицъ, ссылаясь на то, что они получили городское право; къ мѣщанамъ пристаютъ уже и старостинскіе крестьяне, а это, по замѣчанію коммиссіи, грозило распространеніемъ наклонности къ бунту между сельскимъ населеніемъ вообще. Къ городамъ принадлежали населенныя земли въ городскомъ округѣ, такъ-называемыя городскія юрисдикціи; на этихъ земляхъ жили шляхтичи и крестьяне: послѣдніе стали до-

могаться свободы отъ пановъ и принадлежности къ городу по сословнымъ правамъ. Непокорные города смирялись поневолѣ, когда къ нимъ вводили войска на экзекуцію, но тогда паны налегали на нихъ, какъ хотѣли и, вдобавокъ предавали ихъ своевольству жолнѣровъ. Военные всегда были помощниками пановъ, а гражданско-военныя коммиссіи болѣе или менѣе держали сторону военныхъ, когда у послѣднихъ происходила ссора съ мѣщанами. Вообще вездѣ люди шляхетскаго происхожденія съ трудомъ привыкали къ тому, чтобы признавать за мѣщаниномъ право «neminem captivabimus», недозволявшее произвольно задерживать мѣщанина, а тѣмъ менѣе наносить ему побои. Люблинскій магистратъ извѣщалъ Стражу о поступкѣ, показывавшемъ, какъ свято соблюдали данныя мѣщанамъ права дворяне и военные. Въ Люблинѣ, во время засѣданій трибунала, нѣкто панъ Домановскій, разсердившись на виноторговца Новаковскаго, сговорился съ офицерами расположеннаго въ городѣ отряда, съ вѣдома самого командира, черезъ посредство одного еврея зазвалъ хитрымъ образомъ Новаковскаго въ домъ, принадлежавшій госпиталю св. Духа, и тамъ собственноручно избилъ ему кулаками лицо, а потомъ приказалъ жолнѣрамъ разложить его, всыпать нѣсколько сотъ нагаекъ и въ заключеніе, полуживого, выбросить вонъ изъ дому. Домановскій не только не скрывалъ своего поступка, но еще хвастался имъ и говорилъ: «Я ничего не боюсь; эка важность; ну, придется посидѣть нѣсколько дней подъ арестомъ!» Когда мѣщане пожаловались на него въ гражданско-военную коммиссію, онъ расхохотался, зная, что она всегда признаетъ его правымъ. Магистратъ послалъ къ командиру депутатовъ, нарочно возложивши это порученіе на шляхтичей, записавшихся въ мѣщанское званіе, чтобъ оградить ихъ отъ оскорбленій. Они замѣтили ему противозаконность поступка Домановскаго и жаловались на военныхъ, бывшихъ съ

нимъ въ соумышленіи. «Панъ Домановскій прекрасно сдѣлалъ, что проучилъ этого шельму мѣщанинишку», сказалъ командиръ, по фамиліи Левицкій. Депутаты отъ мѣщанъ сказали: «Военные расположены въ нашемъ городѣ для того, чтобы охранять безопасность жителей, а не помогать насилію». Левицкій разсердился и грозилъ ихъ посадить до кошу (т. е. подъ арестъ, собственно *до кошу* значитъ упрятать въ коробокъ), и вѣрно исполнилъ бы угрозу, если бы депутаты не были шляхтичи; онъ все-таки выгналъ ихъ съ безчестіемъ. Въ городѣ Гомбинѣ случилось такое характерное событіе: военные, разставленные тамъ ради приведенія жителей къ послушанію, прибили жидовку. Мѣщане заступились за нее. Какой-то отважный мѣщанинъ Плуцинскій, уже прежде отличавшійся тѣмъ, что поджигалъ мѣщанъ стоять за себя, былъ и на этотъ разъ ихъ коноводомъ. Къ мѣщанамъ пристало нѣсколько бывшихъ въ городѣ крестьянъ, подъ руководствомъ нѣкоего Кострецкаго. Схватили жолнѣровъ и отколотили ихъ, а самого капрала высѣкли на рынкѣ. Гражданско-военная коммиссія присвоила себѣ право суда по этому дѣлу, военнымъ назначила легкій арестъ, которому они на дѣлѣ не подверглись, а на мѣщанъ наложила большую пеню, крестьянъ же приговорила къ тѣлесному наказанію. Кострецкаго она присудила сѣчь батогами каждую пятницу по сту ударовъ, въ теченіи четырехъ недѣль. Плуцинскій заступился за крестьянъ и подалъ жалобу въ коммиссію полиціи, а эта послѣдняя приказала выпустить арестованныхъ и запрещала гражданско-военной коммиссіи брать на себя право суда надъ городами, которые, по закону, въ судныхъ дѣлахъ подчинялись ассессорскому суду. Но гражданско-военная коммиссія не хотѣла повиноваться коммиссіи полиціи и представляла, что она, состоя изъ шляхетства, выбраннаго въ своемъ краѣ, имѣетъ ровное значеніе съ коммиссіею полиціи. Это было прямо противъ

устава, по которому гражданско-военныя коммиссіи зависѣли отъ правительственныхъ коммиссій въ соотвѣтствующихъ дѣлахъ. Выходилъ такимъ образомъ двоякій административный безпорядокъ. Второстепенныя инстанціи вмѣшивались въ неподлежащія ихъ вѣдомству дѣла и въ то же время не хотѣли подчиняться высшимъ властямъ. Городъ Сѣрадзь жаловался на велюнскаго старосту Мэнцинскаго, который, расположась съ отрядомъ войска въ городѣ, допускалъ своихъ жолнѣровъ до всякаго рода своевольствъ. «Жолнѣры,—писали мѣщане, — насильно разспоряжаются въ нашихъ домахъ, берутъ насъ и сажаютъ подъ нары (pod prycę pakują), даютъ пощечины, выбиваютъ зубы, бьютъ тростью (trzciną). Одну женщину-торговку, напримѣръ, избили и засадили подъ нары за то, что не хотѣла продать жолнѣру табаку на прусскія деньги. Могутъ ли при такомъ состояніи подняться города и люди, приходящіе изъ-за границы для поселенія въ польскихъ городахъ, могутъ ли сносить такое обращеніе и нарушеніе законовъ?» Желаніе правительства, какъ можно болѣе привлечь новыхъ поселенцевъ изъ-за границы, осуществлялось, но дурно. Въ Польшу приходили изъ сосѣднихъ странъ разные бродяги, люди дурного поведенія и дезертиры. Отсюда происходили недоразумѣнія. Люккезини нѣсколько разъ жаловался, что въ Польшу убѣгаютъ прусскіе военные дезертиры и преступники и требовалъ ихъ выдачи. Такія же заявленія поступали со стороны Австріи и Россіи. Польское правительство должно было исполнять эти требованія, но въ то же время невольно подрывало довѣріе къ своимъ уставамъ, обезпечивавшимъ свободу пришельцамъ вообще. Впрочемъ, эти пришельцы, приходя въ города, приносили имъ вредъ, а не пользу. Правительство, думая поощрить приходъ иноземцевъ, назначило ежегодный фондъ для пособія вновь поселявшимся: пришельцы брали деньги, проматывали ихъ, а потомъ оста-

вались безъ средствъ. Правительство принуждено было давать предписанія принимать въ предѣлы Рѣчи-Посполитой желающихъ поселиться не иначе, какъ съ большою осторожностью. Не такъ скоро, по этому поводу, могъ разсѣяться фанатизмъ католиковъ и предубѣжденіе противъ иновѣрцевъ. Это показалось особенно по отношенію къ іудеямъ. Коллонтай сильно старался уравнять іудеевъ въ мѣщанскихъ правахъ съ христіанами, тѣмъ болѣе, что іудеи предлагали за то пожертвованія въ пользу отечества. Самъ король былъ съ нимъ согласенъ. Но мѣщане въ городахъ боялись расширенія правъ іудеевъ. Изъ города Хенцинъ прислана была въ Стражу замѣчательная просьба, какъ видно, писанная какимъ-то ксендзомъ. Мѣщане умоляли не допускать до равенства правъ съ ними этотъ неопрятный, мошенническій, не имѣющій никакихъ добрыхъ качествъ народъ («tego żydowskiego niechlujnego szacherskiego bez najmniejszej cnoty będącego narodu). «У нихъ напитки скверные, вѣсы невѣрные, товары негодные, залежалые, съ христіанами они не сходятся, въ браки съ ними не вступаютъ; деньги, которыя они получаютъ, расходятся только между ними; они много пріобрѣтаютъ и мало потребляютъ; ничего у католиковъ не покупаютъ; не заботятся объ украшеніи домовъ; въ приданое за дочерьми даютъ только деньги, а не вещи; они привели города въ упадокъ, споили съ-кругу и развратили христіанъ, принимаютъ краденыя вещи, возятъ контрабанду, дѣлаютъ фальшивую монету. Пусть прежде попробуетъ сеймъ перемѣнить ихъ дурные нравы, а потомъ уже старается уравнять ихъ въ правахъ съ христіанами. Трудъ будетъ напрасенъ; если Спаситель не могъ ихъ исправить и внѣдрилъ во всѣхъ народахъ непримиримую вражду къ нимъ, то сеймовые чины, съ меньшею силою, чѣмъ Богъ, ничего съ ними не сдѣлаютъ». Эта записка доказывала, что если евреямъ даровать права, то это отвратитъ населеніе отъ консти-

туціи 3-го мая, вмѣсто того, чтобъ привязать къ ней. Убогая шляхта могла бы селиться въ городахъ и заниматься промыслами, но это будетъ невозможно: какъ только жиды получатъ права, они всѣхъ подорвутъ; изъ городовъ будутъ бѣгать жители; торговля не поднимется, а упадетъ; городское населеніе не обогатится, а обнищаетъ.

Въ 1792 году поступило въ ассессорскій судъ отъ городовъ пятьсотъ четыре жалобы по поводу утѣсненій и своеволія владѣльцевъ и поссессоровъ, о чемъ Коллонтай уже въ началѣ іюня представилъ въ Стражу записку. Наиболѣе дѣлъ этого рода происходило въ южно-русскихъ земляхъ, въ воеводствахъ: брацлавскомъ, волынскомъ, кіевскомъ и подольскомъ. Къ обычному своевольству тамъ присоединялась ненависть къ православію и къ русскому народу. Жители города Кальниболота жаловались, что проходившій черезъ ихъ городъ намѣстникъ полка польной булавы послалъ четырехъ жолнѣровъ за членами магистрата, но члены, увидѣвши войско, разбѣжались, остался только одинъ, по имени Малиновскій. Намѣстникъ полка приказалъ отлупить его нагайками, приговаривая: «вы бунтовщики, рѣзуны, вотъ мы будемъ васъ бить и вѣшать». Городъ Смотричъ жаловался на старосту Потоцкаго, что онъ, въ противность закону, требуетъ отъ нихъ поборовъ, посылаетъ козаковъ ихъ тиранить и бить; въ особенности жаловались на его эконома Вилинскаго, который привелъ къ нимъ на экзекуцію козаковъ и сверхъ того набралъ шляхту изъ имѣній Потоцкаго; эта шляхта безчинствовала въ городѣ, кричала, гонялась за мѣщанами, а самъ Вилинскій, стоя на рынкѣ съ обнаженною саблею, заохочивалъ шляхту къ безчинству и неистово ругался. Рѣшенія ассессорскаго суда не исполнялись. На представленія объ этомъ Коллонтая послѣдовало рѣшеніе Стражи, чтобъ владѣльцы и поссессоры никакъ не смѣли требовать отъ мѣщанъ болѣе того, чѣмъ слѣдуетъ по люстраціи. Въ этихъ ви-

дахъ положили, чтобъ ассессорскій судъ продолжалъ свою дѣятельность и на то время, когда ему по закону давалась вакація. Но такія мѣры только усилили число враговъ конституціи: тѣ владѣльцы и поссессоры, которымъ угрожало наказаніями правительство новаго порядка, увидали прекрасное средство избавиться отъ такихъ угрозъ, приставъ къ той силѣ, которая заступилась за старое.

Смотрѣвшіе со стороны безпристрастно на поляковъ не признавали никакого ручательства не только на выдержку, но даже и на долговременность борьбы съ Россіею. Заемъ, предполагавшійся въ Голландіи, не удавался; голландцы, предостереженные Пруссіей, не дали Польшѣ денегъ, такъ какъ видѣли, что дѣло свое она проиграетъ. Вмѣсто желаемыхъ 30.000,000 злотыхъ, кредитъ Рѣчи-Посполитой могъ дойти до 797,000 злотыхъ, изъ которыхъ 500,000 обѣщалъ доставить, черезъ голландскаго банкира Гана, Протъ Потоцкій.

Польское войско доходило всего-на-все до 37,394 чел. въ королевствѣ и до 16,245 въ Литвѣ, съ оставленіемъ гарнизоновъ въ городахъ (Варшавѣ, Краковѣ, Ченстоховѣ, Познани и пр.), 15,000 оставлено было королю [1]).

[1]) По комплекту 22-го мая 1792 г., всего войска слѣдовало быть 98,551, а въ наличности 67,868, кавалеріи около 21,340 и пѣхоты – 46,528. Устройство его было такое: кавалеріи — 16 полковъ народовой кавалеріи, каждый полкъ изъ 2 хоругвей въ 83 ч. каждая, получающія плату, кромѣ ротмистровъ, служащихъ безплатно и кантонистовъ,—*сыновъ господарскихъ*, находившихся въ десятилѣтнемъ отпуску, 20 человѣкъ, всего въ хоругви 103, а въ полку 849; всего народ. кавалеріи 13,584. Одинъ полкъ коронной гвардіи изъ 8 хоругвей въ 65 ч., получающихъ плату и 20 отпускныхъ, всего въ хоругви 85, а въ полку 706; одинъ полкъ литовской гвардіи изъ 8 хоругв. въ 85, всего въ полку 705; девять полковъ легкой конницы изъ 8 хоругвей полкъ, въ каждой хоругви 82, получающихъ плату, и отпускныхъ 20, всего 102, а въ полку 841; всего легкой конницы 7,569; два татарскихъ конныхъ полка въ 4 хоругви, каждая въ 122 ч., въ полку всего 500 ч.; два

Коронное войско сосредоточивалось въ Украинѣ, подъ главнымъ начальствомъ Іосифа Понятовскаго, племянника королевскаго. Числомъ войска у него было до 22,000. Другой корпусъ, подъ начальствомъ князя Любомирскаго, имѣлъ до 10,000. Кромѣ регулярнаго войска, въ украинскомъ обозѣ были два полка козацкіе, составленные изъ тамошнихъ русиновъ; это было красивое войско, одѣтое въ кармазиновые жупаны, въ черные шаровары и въ черные кунтуши, всѣ отличались природною красотою, статностію и чрезвычайно скорою понятливостью. Поляки, побаиваясь украинцевъ и козацкаго духа, старались задобривать ихъ и манили возстановленіемъ козачества. Кромѣ козаковъ, опредѣлено было составить два полка изъ татаръ и два батальона охочихъ. Понятовскій приказалъ сдѣлать наѣздъ на волости Браницкаго и другихъ пановъ, признавшихъ конфедерацію, забрать въ нихъ пушки, оружіе и привести въ армію ихъ надворныя команды насильно.

Начальство надъ литовскимъ войскомъ было поручено князю Александру Виртембергскому.

козацкихъ изъ 8 сотенъ, въ 123 ч. каждая, въ полку 1,000 ч. Въ пѣхотѣ три полка артиллеріи въ 212 ч., роты въ 105 ч., на службѣ и въ отпуску 34, всего въ ротѣ 139; корпусъ инженеровъ изъ 6 бригадъ, всѣхъ 308; три роты понтоньеровъ въ 66, а съ отпускными 96; два полка пѣшей гвардіи изъ 4 ротъ, каждый первый батальонъ гренадерскій, восемь ротъ фузильерскихъ, составляющихъ второй и третій батальоны, въ каждой ротѣ 122 состоящихъ на службѣ и 56 отпускныхъ, всего 178, а въ полку 2,169. Двадцать пять пѣшихъ полевыхъ полковъ, каждый въ три батальона, въ 12 ротъ каждый, рота въ 122 ч., а съ отпускными 178, въ полку 2,169 ч; три батальона стрѣлковъ изъ 4 ротъ, каждая рота въ 131 ч. и десять батальоновъ легкой пѣхоты, которая должна будетъ формироваться во время войны. На содержаніе этого войска расчитано 46,638,127. Доведеніе войска до такого числа должно было совершиться рекрутовкою и вербовкою. Каждый наборъ, по расчисленію, долженъ былъ дать 17,308 ч. (Изъ Малой Польши 9,036, изъ Великой 2,524, изъ Литовскаго в. кн. 5,860, изъ мазовецкаго 888).

По замѣчанію иноземныхъ министровъ, наблюдавшихъ въ Польшѣ за ходомъ дѣлъ, войско польское было плохо обучено; полки были скудно комплектованы; такъ, напр., тамъ, гдѣ нужно было быть въ полку по два батальона, было по одному, въ кавалеріи были у многихъ плохія лошади: по извѣстію генерала Сульковскаго, лично находившагося въ Литвѣ, изъ 6,400 лошадей 1,500 были негодны. Былъ недостатокъ шатровъ, аммуниціи и боевыхъ запасовъ. Въ литовскомъ войскѣ было всего у каждаго солдата по 60 патроновъ, и тѣмъ ограничивались боевые запасы; въ украинскомъ войскѣ было въ этомъ отношеніи также до того плохо, что впослѣдствіи, отступая передъ русскими, польскіе генералы должны были посылать въ Варшаву просить присылки снарядовъ по почтѣ. Въ литовскомъ войскѣ, которое при своей малочисленности должно было охранять длинную границу, было мало пушекъ, — всего было десять полевыхъ, съ тремя стами зарядовъ для каждой. Вообще артиллерія была въ дурномъ состояніи. 14-го мая, когда уже надобно было дѣйствовать противъ русскихъ, генералъ артиллеріи Казимиръ-Несторъ Сапѣга доносилъ правительству, что виленскій арсеналъ совсѣмъ развалился; нѣтъ мѣста для ученія и самое ученіе не производится; нѣтъ также мѣста для склада пороха и дровъ. Онъ просилъ обратить на это вниманіе. Уже по объявленіи Булгаковымъ декларацiи сдѣлано распоряженіе о постройкѣ новаго литейнаго завода и о выпискѣ желѣзныхъ пушекъ изъ Англіи. Это оправдывало какъ нельзя болѣе пословицу: когда на охоту ѣхать, тогда и собакъ кормить. Въ доставкѣ фуража и съѣстныхъ припасовъ господствовалъ безпорядокъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были магазины, построенные на скорую руку, но далеко другъ отъ друга. Для продовольствія войска изъ каждой гражданско-военной коммиссіи взяты были по два коммиссара, какъ люди спеціально знакомые съ дѣломъ и мѣстными

7*

условіями, но оказывалось, что они ничего не знали и не могли быть полезными. Не было ни подробныхъ картъ, ни описей народонаселенія, ни статистическихъ свѣдѣній; не назначено было тарифа по справочнымъ цѣнамъ. Управляющіе панскихъ имѣній, обыватели и поссессоры не слишкомъ поддавались увѣщаніямъ правительства изъ любви къ отчизнѣ доставлять въ польское войско запасы и все необходимое по установленнымъ сходнымъ цѣнамъ, притомъ безъ денегъ, по квитанціямъ въ счетъ будущей уплаты, тогда какъ они могли продавать то же самое евреямъ дороже и за чистыя деньги. Въ то время поднялась чрезмѣрно цѣна на лошадей къ ущербу для польской кавалеріи, оттого, что евреи скупали ихъ и продавали за границу, т. е. русскимъ. Обыватели говорили, что они охотнѣе принесутъ за отечество жизнь, чѣмъ достояніе (życie wszystkich jest gotowe, a majątek nie). Такъ прямо отвѣчала одна гражданско-военная коммиссія Понятовскому словами обывателей своего вѣдомства. Впрочемъ, Понятовскій давалъ необдуманныя, а потому неудобоисполнимыя требованія. Такъ, напримѣръ, въ концѣ мая онъ потребовалъ съ кременецкаго и надслуцкаго повѣтовъ для отправки въ Полонное, гдѣ закладывалъ главный магазинъ, такое огромное количество мяса, хлѣба, крупъ, сѣна, соломы, дровъ, что гражданско-военная коммиссія поставила ему на видъ то обстоятельство, что для отправки всего этого нужно было 158,738 подводъ, а въ двухъ повѣтахъ всѣхъ дымовъ, съ которыхъ только можно было взять подводы, считалось 42,855, не говоря уже о томъ, что самый сборъ запасовъ требовалъ времени. Другая коммиссія, сендомирская, на требованія военныхъ начальствъ о доставкѣ провіанта и фуража для войска отвѣчала, что обыватели не слушаются ея предписанія и не хотятъ давать войску ничего даже за чистыя деньги. У гражданско-военныхъ коммиссій не было средствъ принудить къ

послушанію владѣльцевъ, и поэтому ихъ предписанія исполнялъ только тотъ, кто хотѣлъ. При этой безалаберщинѣ, однако, обозъ Понятовскаго вначалѣ не терпѣлъ недостатка; край, гдѣ онъ стоялъ, былъ изобиленъ, но ничего не было прочнаго, сегодня могло быть черезчуръ много, такъ что дѣвать некуда, завтра — недостатокъ.

Войско пополнялось охотниками, которые кичились своимъ патріотизмомъ, но къ дѣлу эти охотники не годились; иные изъ нихъ вовсе не умѣли взяться за оружіе и большая часть приходила въ такомъ видѣ, что имъ надо было давать не только оружіе, но даже обувь. Притомъ, они только назывались охотниками, а многіе изъ нихъ забраны были насильно. При неустройствѣ полиціи, рекрутовка подавала поводъ къ безпорядкамъ и своевольствамъ. Лица, занимавшіяся вербункою, нагло вламывались въ домы обывателей, и вербовали даже прислугу; по замѣчанію англійскаго посланника, даже помѣщенія иностранныхъ пословъ не были отъ этого обезпечены.

Народъ совсѣмъ не стремился въ ряды защитниковъ отечества, какъ писали патріотическіе риторы, а напротивъ разбѣгался и прятался, какъ только заслышалъ зловѣщій бубенъ вербовщиковъ. Зато, для поощренія храбрости, выдумали особый орденъ: на голубой эмали въ срединѣ вѣнца изображеніе золотого креста съ бѣлымъ орломъ посрединѣ и съ надписью: virtuti militari; его слѣдовало носить на голубой лентѣ съ чернымъ краемъ. Четыреста такихъ крестовъ прислано было въ украинскій обозъ съ самаго начала. Офицеры и генералы, какъ по замѣчанію иноземцевъ, такъ и по сознанію самыхъ участниковъ, были мало способны и неопытны, кромѣ одного Костюшки, пріобрѣвшаго опытность и искусство въ американской войнѣ.

Но всего болѣе лишала Польшу надеждъ деморализація ея передовыхъ людей, начиная съ короля и кончая

патріотически увлекавшеюся шляхтою. Король прежде всего думалъ о себѣ. Изнѣженный, женолюбивый и ослабѣвшій отъ лѣтъ, онъ подчинялся кружку патріотовъ только до тѣхъ поръ, пока они дѣйствовали на него: онъ держался конституціи болѣе по узкимъ эгоистичнымъ цѣлямъ, надѣясь, что нація заплатитъ его долги, обезпечитъ старость, дастъ средства устроить родныхъ и близкихъ. Если онъ съ перваго раза не измѣнилъ конституціи, то потому, что, несмотря на жесткое обращеніе Пруссіи, онъ воображалъ и надѣялся, что, быть можетъ, все-таки Пруссія, увидя перевѣсъ Россіи въ Польшѣ, заступится за послѣднюю ради собственной безопасности, но уже при самомъ началѣ войны, восхищая патріотовъ своею готовностью воевать противъ москалей, Станиславъ-Августъ подумывалъ, какъ бы открыть себѣ дорогу къ примиренію съ Екатериной въ случаѣ неудачи, которая была очевидна для всякаго, кто взвѣшивалъ обстоятельства холоднымъ разсудкомъ. Въ Стражѣ были благопріятели Россіи и заискивали у Булгакова расположенія. Въ войсковой коммиссіи были также тайные доброжелатели Россіи.

Около короля составился военный совѣтъ, завѣдывавшій дѣлами войны и снаряженіемъ арміи. Главою въ немъ былъ Станиславъ Потоцкій, получившій, послѣ осужденія Щенснаго Потоцкаго, чинъ генерала артиллеріи. Кромѣ его, туда входили четыре маршала: два сеймовыхъ, два маршала конфедераціи и нѣсколько извѣстныхъ военныхъ особъ; но засѣданія этого военнаго совѣта дозволялось посѣщать всѣмъ членамъ бывшаго сейма. Отъ этого все, что тамъ дѣлалось, не могло сохраниться въ тайнѣ, и все, что задумывало польское правительство въ ходѣ военнаго дѣла, дѣлалось извѣстно русскимъ. Въ государствѣ тайныхъ недоброжелателей конституціи и приверженцевъ стараго анархическаго порядка было черезчуръ много; всѣ, пока, принуждены были молчать, когда ихъ

за противодѣйствіе могли усмирять польскимъ войскомъ, но они готовы были тотчасъ поднять высоко головы и заговорить, увидя, что за нихъ явилась вооруженная сила. Они не воображали, что конецъ шляхетскаго государства приближается; они думали, напротивъ, что оно зацвѣтетъ и разцвѣтетъ съ возвращеніемъ того, къ чему уже, въ продолженіи многихъ поколѣній, оно привыкло. Наконецъ, какъ всегда и вездѣ бываетъ, здѣсь много было такихъ, которые мало интересовались судьбою государства: будетъ ли въ Польшѣ конституція 3-го мая, или какая другая, они готовы были признать и то, и другое, и третье, что посильнѣе. Громада простого сельскаго народа и значительная часть городского была равнодушна къ переворотамъ, происходившимъ съ тою страною, гдѣ чувствовалась равнымъ образомъ только тягость близкаго знакомства съ воюющими арміями,—какъ съ польскою, такъ и съ русскою. Для этой громады было все равно, Польша ли останется, или Россія завоюетъ Польшу, потому что существованіе Польши не представляло для нея ничего отраднаго, и потому, кто бы ни овладѣлъ Польшею, ей хуже не могло быть. Что касается до русскаго народа въ южныхъ провинціяхъ, то онъ радовался, чувствуя, что съ возможностію поступить подъ власть единовѣрной Россіи, и судьба его облегчится. 20-го мая, изъ кіевскаго воеводства земянскій судья Головинскій доносилъ, что обыватели не въ силахъ доставить изъ своихъ имѣній рекрутъ, потому что *духи россійскіе* привлекли на свою сторону крестьянъ надеждою свободы и они примутъ москалей не какъ враговъ, а какъ друзей, будучи съ ними одной вѣры. 30-го мая изъ Украины доносили, что обыватели въ страхѣ бѣгутъ съ своими семьями и имуществами въ Австрію, опасаясь не столько москалей, сколько собственныхъ хлоповъ (nie tak moskalów jak własnych chłców obawiając się). Въ такомъ положеніи Польша, предо-

ставленная собственнымъ силамъ, выходила на роковую борьбу съ Россіею.

VI.

Вступленіе русскаго войска. — Тарговицкая конфедерація [1]).

День, въ который, по составленному заранѣе разсчету, Булгаковъ вручилъ декларацію своей государыни, былъ тотъ самый день, когда войска императрицы вошли въ предѣлы Рѣчи-Посполитой. Русскія силы двинулись изъ Бессарабіи въ польскую Украину въ числѣ 64,000 подъ начальствомъ генералъ-аншефа Коховскаго, четырьмя отдѣлами. Первый отдѣлъ (23,600), подъ начальствомъ Голенищева-Кутузова, перешелъ границу черезъ Днѣстръ у Могилева; второй (17,400), подъ командою Дунина, черезъ ту же рѣку у Сороки; третій, составлявшій центръ арміи, подъ начальствомъ генерала Дерфельдена (11,200), перешелъ въ польскія владѣнія черезъ рѣку Бугъ у Ольвіополя; четвертый (11,600), генерала Леванидова, двинулся въ польскую Украину изъ Василькова. Число конницы въ сравненіи съ числомъ пѣхоты составляло немного болѣе третьей части всего войска [2]). Планъ, избранный русскими (по предначертанію генерала Пистора), состоялъ въ томъ, чтобы окружить со всѣхъ сторонъ польскую армію, что̀ было удобно именно потому, что польская армія была малочисленнѣе русской. Польское войско раздѣлилось на отряды. Отрядъ подъ начальствомъ Вьельгорскаго былъ у Чечельника, другой, Грохольскаго, сторожилъ русскихъ у Могилева, третій отрядъ подъ начальствомъ Костюшки, поставленъ былъ на границѣ со стороны Кіева. Понятов-

---

[1]) См. ист. № 86.

[2]) Въ первомъ корпусѣ 1.600, во второмъ 4,300, въ третьемъ, наиболѣе богатомъ конницею, 4,600, а въ послѣднемъ 3,500.

скій расположилъ центръ своего войска по квартирамъ около Таврова, Немирова и Браславля.

Русскіе знали очень хорошо, что̀ происходило въ польскомъ лагерѣ, имѣли у себя точное расположеніе польскаго войска и заранѣе разсчитывали на успѣхъ. Кутузовъ шелъ на Винницу, Дунинъ на Немировъ; Леванидовъ долженъ былъ дѣйствовать противъ Костюшки, побѣдивъ его, пройти черезъ Бердичевъ и Махновку къ Винницѣ, и тамъ соединиться съ Кутузовымъ; они такимъ образомъ обошли бы непріятельское войско, а Дерфельденъ шелъ прямо на непріятеля и велъ съ собою реконфедерацію, которой роль состояла въ томъ, чтобы подъ прикрытіемъ русскаго войска устроить на Украинѣ старую республиканскую Польшу, въ противность новой, конституціонной, образовавшейся въ Варшавѣ, и сдѣлаться ядромъ, къ которому должны приставать недовольные новизною. Другое русское войско, подъ главнымъ предводительствомъ генерала Кречетникова, вторгнулось въ Литву. Оно было раздѣлено на четыре отдѣла. Два первые, князя Долгорукова (9,000) и Симона Коссаковскаго (8,300), должны были слѣдовать прямо на Вильну, столицу Великаго Княжества Литовскаго, третій, подъ начальствомъ графа Меллина (6,400), шелъ на Минскъ, четвертый, барона Ферзена и Кноррингa (8,300), на Несвижъ и на Гродно. Противъ нихъ въ защиту поляки поставили 15,000 войска, но въ самомъ дѣлѣ подъ ружьемъ у нихъ столько не было, такъ что можно было считать отъ 10,000 до 12,000 человѣкъ. Начальство надъ ними поручено было принцу Виртембергскому, но вскорѣ перехватили письмо его къ прусскому королю, гдѣ онъ, какъ братъ жены русскаго наслѣдника престола, изъявлялъ неохоту драться противъ Россіи за Польшу. Принцъ долженъ былъ поспѣшно оставить свой постъ и уйти изъ Польши. Вмѣсто него король далъ главную команду генералу Юдицкому, человѣку неспособному.

На челѣ конфедератовъ были Щенсный Потоцкій и Северинъ Ржевускій. Северинъ Ржевускій въ молодости, вмѣстѣ съ своимъ отцемъ Вацлавомъ, арестованный въ ночь съ 13-го на 14-го октября 1767 года, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Калугѣ и по возвращеніи въ отечество отличался ненавистью и злобою къ Россіи. Первый раздѣлъ Польши выводилъ его изъ себя. Его любимою идеею было поднять Польшу, за возвращеніе отнятыхъ земель, произвесть всеобщую войну. Онъ заводилъ тайные клубы, съ цѣлью образовать заговоръ. Удалившись въ Галицію, онъ успѣлъ составить большой кружокъ недовольныхъ и затѣвалъ возстаніе, думая воспользоваться тѣмъ случаемъ, что австрійское правительство занято было укрощеніемъ возстанія въ своихъ бельгійскихъ провинціяхъ. Но вѣнскій дворъ узналъ объ этомъ во́-время. Ржевускій долженъ былъ бѣжать. Въ Польшѣ онъ вооружалъ соотечественниковъ противъ Россіи. Когда еще въ провинціяхъ Рѣчи-Посполитой находилось русское войско, Ржевускій кричалъ, что полякамъ слѣдуетъ собраться и перерѣзать его. Гордый, необузданный въ страстяхъ, самолюбивый и впечатлительный, пылкій и неразсудительный,—это былъ человѣкъ всегда готовый увлечься и вести дѣло до крайности, но на первомъ планѣ у него, какъ вообще у польскаго пана, стояло собственное честолюбіе и своекорыстіе. Сперва онъ началъ бороться перомъ противъ распространившейся мысли о спасительности наслѣдственнаго правленія для Польши, и издалъ извѣстное сочиненіе о *сукцессіи*. Конституція 3-го мая задѣла его за живое. Онъ не могъ, какъ и другіе, вынести паденія, которое угрожало магнатству, а еще болѣе собственнаго униженія, которое постигало носимый имъ санъ польнаго гетмана послѣ преобразованій, сдѣланныхъ въ военномъ управленіи. Врагъ Браницкаго, врагъ Щенснаго Потоцкаго, онъ сошелся съ ними ради общаго для всѣхъ дѣла; врагъ Россіи, онъ теперь

для этого же дѣла опирался и на ея помощь. Изъ всѣхъ пановъ конфедераціи никто менѣе его не былъ способенъ видѣть дальнѣйшихъ послѣдствій того, на что онъ рѣшался; у него болѣе, чѣмъ у другого, бурная страсть заглушала разсудокъ. Подъ коноводствомъ такихъ лицъ недовольные, шедшіе съ русскими войсками, остановились въ Таргови-цѣ и здѣсь заложили станъ своей конфедераціи 18 мая.

Конфедераціи въ Польшѣ издавна были обычнымъ явленіемъ; это была одна изъ самыхъ гибельныхъ язвъ, заражавшихъ и умерщвлявшихъ польскую державу. Понятно, что какъ скоро установилось понятіе, что конфедерація есть не бунтъ, а легальное, справедливое явленіе политической жизни, такъ исчезло различіе между законною властью и мятежническимъ скопищемъ. Конфедерація, появляясь въ Рѣчи-Посполитой, считала себя законною властью, а прежнюю, существующую и признаваемую выставляла незаконною, требовала отъ всѣхъ правительственныхъ мѣстъ, войска и частныхъ лицъ покорности и присяги на вѣрность себѣ. Настоящая конфедерація устроена была по общему образцу, существовавшему въ давнія времена. Избранъ былъ начальникъ или маршалъ конфедераціи. Имъ былъ Щенсный Потоцкій. Около него были совѣтники (consyliarze); ими были въ Тарговицѣ изъ первыхъ: великій гетманъ Францискъ-Ксаверій Браницкій, польный гетманъ Северинъ Ржевускій, перемышльскій каштелянъ князь Антоній Четвертинскій, червоноградскій хорунжій Юрій Вьельгорскій, брацлавскій хорунжій Адамъ Мощенскій, владимирскій подчашій Янъ Загорскій, цеховскій войскій Янъ Сухоржевскій, полковникъ коннаго полка польной булавы Михаилъ Кобылецкій, воеводичъ подольскій Янъ Свѣйковскій, ловчій черниговскій Францишекъ Гулевичъ. Браницкому и Ржевускому поручалось, сообразно занимаемымъ ими должностямъ, номинальное начальство надъ войскомъ. Они должны были привести

все польское войско къ присягѣ конфедераціи. Объявлены непріятелями отечества всѣ тѣ, которые, находясь въ военной службѣ, не покорятся приговору конфедераціи; для того, чтобы приступившіе къ конфедераціи не были отвлекаемы позывами въ судъ, приказывалось трибуналамъ, коммиссіямъ и всякаго рода судебнымъ учрежденіямъ прекратить свое судопроизводство до водворенія спокойствія въ Рѣчи-Посполитой. Вмѣсто нихъ должны были учредиться суды конфедераціи для осужденія государственныхъ преступленій, которыми на языкѣ конфедераціи называлось несогласіе приступить къ конфедераціи. Способъ распространенія конфедераціи состоялъ въ томъ, что вслѣдъ за главною генеральною конфедераціею должны были образовываться провинціальныя конфедераціи по воеводствамъ, съ воеводскими маршалами и совѣтниками, пока такимъ образомъ всѣ части Рѣчи-Посполитой не приступятъ къ главной конфедераціи. Сеймъ, создавшій конституцію 3-го мая, объявленъ насильственнымъ и самый актъ составленія конституціи названъ заговоромъ; конфедерація объявляла всѣ постановленія этого сейма беззаконными и недѣйствительными; всѣмъ сенаторамъ, министрамъ и сеймовымъ посламъ вмѣнялось въ обязанность въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ гродскомъ или земскомъ судѣ учинить отреченіе (рецессъ) отъ конституціи и всѣхъ постановленій сейма, и пристать къ конфедераціи; если же кто не поступитъ такимъ образомъ, тотъ будетъ судимъ судомъ генеральной конфедераціи и лишенъ чести и имущества какъ непріятель отечества, покушавшійся ввергнуть его въ рабство. Маршалъ и совѣтники составили форму присяги и произнесли ее первые сами. Устроена была для дѣлопроизводства канцелярія. Первымъ дѣломъ учрежденной конфедераціи было составленіе и опубликованіе универсала къ народу. Въ немъ коротко излагалась исторія бывшаго четырехлѣтняго сейма и дѣятельность

его представлялась въ самомъ черномъ видѣ. Универсалъ этотъ, восходя къ 1787 году, находитъ, что въ то время все склонялось къ тому, чтобы обезпечить свободу, крѣпость и счастіе Рѣчи-Посполитой. Если бы въ тѣ времена все дѣлалось по желанію цѣлаго народа, которое выразилось на сеймикахъ, предварявшихъ сеймъ 1788 года, въ Рѣчи-Посполитой царствовала бы законная свобода; но, къ несчастію, люди властолюбивые и коварные, у которыхъ свобода была только на устахъ, а не въ сердцѣ, допущены были къ руководству надъ учредительными работами. Они ввели въ подозрѣніе у доброжелательныхъ гражданъ людей, которые бы могли предостеречь отъ зла, внушили народу желаніе перемѣнъ, распустили въ народѣ фальшивый страхъ объ опасности извнѣ; и когда кончилось время ихъ посслованія, они, боясь, чтобы народъ не выбралъ другихъ представителей, беззаконно присвоили себѣ продолженіе своей должности, только для вида допустивъ съ собою сидѣть новымъ посламъ; сдѣлали народу запросъ о назначеніи преемника живому королю, и когда девять частей народа въ инструкціяхъ своихъ выразительно объявили желаніе вольнаго избирательства, они, видя, что шляхетство препятствуетъ ихъ замысламъ, отстранили отъ преимуществъ шляхетскаго званія шляхту, не владѣвшую недвижимыми имуществами, а противъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ возбуждали ненависть, называя ихъ аристократами, и все-таки не въ силахъ будучи обмануть шляхетство, употребили мѣщанъ и посполъство орудіями для наложенія оковъ на цѣлый народъ, выставили несчастный примѣръ Парижа образцомъ для польскихъ городовъ; позаводили, по парижскому образцу, модные клубы, и чтобы не дать пройти обольщенію, выбравъ время, когда послѣ вакантнаго времени многіе послы, разъѣхавшіеся по провинціямъ, хотѣли возвратиться не иначе, какъ по прошествіи первой недѣли послѣ вакаціи, посвященной экономическимъ предметамъ, совершили злодѣй-

скій замыселъ 3-го мая, подъ страхомъ орудій, вывезенныхъ безъ вѣдома войсковой коммиссіи, наполнили замокъ и его окрестности посполъствомъ, однихъ возбуждали защищать друзей-мѣщанъ, которыхъ будто бы хотѣли противники убить; другихъ напугали фальшивыми или же нарочно сочиненными депешами, будто бы присланными отъ министровъ иностранныхъ дворовъ; третьихъ подстрекали жаждою пріобрѣтеній. «Почтенная законодательная Изба,— выражается универсалъ,—наполнилась наведенною толпою, обитель польскихъ королей, гдѣ нѣкогда была глава и твердыня Рѣчи-Посполитой, осаждена была сволочью; проектъ перешелъ въ законъ, безъ повѣрки большинства мнѣній баллотировкою, былъ выкрикнутъ толпою, а не признанъ законнымъ порядкомъ членами сейма, которыхъ было мало; король въ костелѣ присягнулъ конституціи 3-го мая, нарушилъ святость присяги данной на соблюденіе условій, съ которыми онъ былъ избранъ на престолъ; затѣмъ принудили присягнуть на гибель отечества магистратуры и войско, подъ страхомъ потери должностей и чиновъ, постановили преслѣдовать судомъ и войскомъ тѣхъ, которые не хотѣли присягать новой конституціи и такимъ образомъ шестьдесятъ тысячъ войска, приготовленнаго на защиту отечества, стали орудіемъ деспотизма, а сеймъ, избранный по закону только на шесть недѣль, присвоилъ себѣ постоянное управленіе страною, продолжая беззаконно свои занятія, уже три съ половиною года». Ставили сейму въ вину, что онъ запретилъ конфедерацію, какъ единственное средство освободить отъ него край, хотя самъ имѣлъ форму конфедераціи, и въ-добавокъ хотѣлъ впутать Польшу во вредную войну съ Россіею.

Противъ этихъ-то исчисленныхъ несправедливостей протестовала новообразованная конфедерація, и гласила въ своемъ универсалѣ, что она составилась по порученію шляхетства, оставшагося въ домахъ своихъ, а вмѣстѣ съ

тѣмъ заявляла намѣреніе остаться при прежнемъ республиканскомъ правленіи, избирательствѣ королей, при томъ строѣ, который былъ нарушенъ распоряженіями сейма. «Но какъ Рѣчь-Посполитая,—сказано было въ концѣ универсала,—находясь въ рукахъ утѣснителей, не можетъ освободиться отъ нихъ собственною силою, то намъ ничего иного не оставалось, какъ обратиться съ довѣріемъ къ великой Екатеринѣ, которая съ такою славою царствуетъ надъ народомъ, намъ дружелюбнымъ и союзнымъ, надѣясь равно на великодушіе этой великой монархини, какъ и на договоръ, обязывающій ее въ отношеніи Рѣчи-Посполитой. Желаемъ, чтобы Рѣчь-Посполитая всегда была самостоятельна, независима, цѣла въ своихъ границахъ, какъ отъ вѣковъ она была ни отъ кого независима и не была ничьею собственностью, ничьимъ наслѣдіемъ; желаемъ такой свободы, какая свойственна народу нашему; и предки наши отъ вѣковъ жили въ свободѣ, и мы свободными родились, свободными хотимъ и умереть; желаемъ утвердить у себя республиканское правленіе, потому что къ иному не можемъ привыкнуть и всякое другое принесло бы намъ разореніе; желаемъ внутренняго спокойствія и непреложнаго мира съ сосѣдями; ищемъ благосостоянія и безопасности нашихъ имуществъ, а не волненій и войнъ. Вотъ наши намѣренія, для ихъ-то исполненія мы обратились къ помощи великой государыни, которая, будучи украшеніемъ и славою нашего вѣка, столь же гнушается подлымъ коварствомъ и хитрыми кознями, сколько умѣетъ цѣнить счастіе народовъ и готова подавать имъ руку помощи».

Было много правды въ томъ, что говорилось въ этомъ универсалѣ о четырехлѣтнемъ сеймѣ, и о способахъ проведенія конституціи. Трудно было бы рѣшать, какая изъ конфедерацій была законнѣе, тарговицкая или та, которая произвела реформы въ Варшавѣ. Тарговицкая была кон-

сервативна, не думала производить насильственныхъ переворотовъ въ организаціи края, довольствовалась издавна существовавшимъ, а это оправдывало ее въ ту эпоху, когда вообще смѣлыя и рѣшительныя реформы наводили страхъ подобіемъ съ французскою революціею. Впослѣдствіи, исторія заклеймила ее позоромъ и проклятіемъ, какъ главную виновницу послѣдовавшаго вслѣдъ за нею паденія Польши, но, правду сказать, она не виновнѣе въ этомъ прежней конфедераціи, создавшей конституцію 3-го мая. Печальный исходъ событій этой эпохи не можетъ падать исключительно на нее одну; если она призвала Россію къ роковому вмѣшательству въ дѣла своего отечества, то въ этомъ виновата равнымъ образомъ и противная сторона, которая, легкомысленно раздраживъ Россію, дала поводъ къ такому призванію. Все равно,—призывала бы Россію какая-нибудь конфедерація на помощь или не призывала, —русская императрица нашла бы поводъ вмѣшаться въ польскія дѣла: она не простила бы полякамъ ихъ договора съ Турціею, ихъ дружбы съ Пруссіею въ надеждѣ европейской войны противъ Россіи, рѣзкихъ и оскорбительныхъ выходокъ, какія позволяли себѣ на сеймѣ послы противъ русской государыни и ея державы, гоненія православной вѣры, казни невинныхъ офеней — подданныхъ россійской императрицы, арестованія русскаго архіерея, клеветы на него и на русское духовенство и преобразованія правленія безъ согласія съ Россіею. Русская императрица, въ видахъ безопасности своего государства, никогда бы не допустила зависѣвшую отъ нея Польшу сдѣлаться независимою и вмѣстѣ съ тѣмъ враждебною для Россіи державою. Тарговичане конечно не предвидѣли, что непосредственнымъ слѣдствіемъ появленія ихъ конфедераціи будетъ дѣлежъ отечества, также, какъ и противники ихъ не предвидѣли, что всѣ ихъ блестящіе планы пишутся на пескѣ и уничтожатся отъ перваго дуновенія сѣвернаго вѣтра. Близорукость у

обѣихъ сторонъ была одинакова. Нельзя ставить исключительно въ вину тарговичанамъ, что они обратились къ сосѣдямъ: противники ихъ то же дѣлали, во время своихъ государственныхъ работъ находясь на привязи у Пруссіи; они и теперь умоляли ввести въ польскія владѣнія прусскія войска; — только разница была та, что имъ не дали чужихъ войскъ, а тарговичанамъ ихъ дали. Тарговичанамъ ставили въ упрекъ то, что они стояли за старую анархію, приведшую Польшу на край гибели. Но она имъ не казалась такою. Прежній строй былъ имъ милъ и дорогъ, какъ наслѣдіе предковъ, какъ атмосфера, въ которой они родились и воспитались. Ничто притомъ не даетъ права утверждать, чтобы то, что вымышляли ихъ противники, было такъ превосходно на дѣлѣ, какъ на бумагѣ. Ихъ полулиберальныя мѣры, приправленныя громкими фразами, въ силу непреложныхъ законовъ движенія обществъ, должны были открыть дорогу къ кровавымъ внутреннимъ потрясеніямъ. Разсказы, которые распускали сторонники конституціи о всеобщемъ сердечномъ принятіи народомъ новаго строя вещей, были преувеличены; восторгъ о возрожденіи отечества выражался только заздравными попойками, потѣшными выстрѣлами и огнями; большая часть польской публики казалась на сторонѣ переворота единственно потому, что это возрожденіе давало поводъ къ житейскому разнообразію и пріятнымъ ощущеніямъ; увлеченіе новизною было возможно только до тѣхъ поръ, пока эта новизна не успѣла стать слишкомъ чувствительною для выгодъ и привычекъ шляхетства; при ближайшемъ сопоставленіи съ дѣйствительностію оппозиція должна была проявиться неизбѣжно, и если бы тарговицкая конфедерація не получила помощи отъ Россіи, оппозиція, возрастая, явилась бы болѣе или менѣе въ увеличенномъ размѣрѣ, искала бы себѣ иныхъ путей, привлекала бы къ себѣ доброжелателей и употребляла бы всевозможныя уси-

лія не допустить новую конституцію стать на общественной почвѣ; да если бы эта конституція и восторжествовала надъ оппозиціею и старымъ порядкомъ, то все-таки неизбѣжно было впослѣдствіи возстаніе крестьянъ, борьба нешляхты со шляхтою, упорная защита своихъ правъ со стороны шляхты и, слѣдовательно, внутреннее междоусобіе. Этого явленія невозможно было никакъ предотвратить; пришлось бы кончать тѣмъ, чѣмъ не начали и съ чего слѣдовало начинать. Но тогда уже было бы поздно; внутренними усобицами воспользовались бы внѣшнія силы. Да и безъ того, брошенное въ свѣтъ и нерѣшенное дѣло о наслѣдствѣ, неминуемо навлекло бы на Польшу иноземное вмѣшательство и стало бы причиною раздоровъ и разорительныхъ войнъ. Партія 3-го мая, несмотря на свои наружные подвиги, отнюдь не упрочивала въ Польшѣ на будущее время порядка. Если противники этой партіи держались старой анархіи, то она сама вела къ новой; она не отклоняла отъ Польши печальной возможности быть игрушкою сосѣдей, съ тою разницею, что прежде пагубное вмѣшательство сосѣдей и возбужденіе междоусобій вращались около вопроса объ избраніи королей, а теперь средоточіемъ ихъ дѣлался вопросъ о томъ, къ кому перейдетъ наслѣдственное правленіе въ Польшѣ; а какъ наслѣдство важнѣе и заманчивѣе избранія по жизнь, и притомъ не существовало никакого неоспоримаго права наслѣдства еще ни для кого, то естественно, сосѣди, руководствуясь каждый исключительно своими видами, старались бы или не допустить чужихъ принцевъ до польскаго наслѣдственнаго престола, или пособить своимъ сѣсть на немъ. Въ самой Польшѣ, конечно, тогда образовались бы стороны, придерживающіяся, ради своихъ выгодъ и видовъ, того, другого или третьяго изъ претендентовъ; вопросъ усложнился бы и запутался бы до того, что въ концѣ концовъ все-таки сосѣди порѣшили бы сдѣлать то, что они сдѣ-

лали—уничтожить самостоятельность Польши и раздѣлить ее между собою. Нѣтъ ничего легкомысленнѣе фразъ, повторявшихся нѣсколько разъ поляками, а за ними и писателями другихъ народовъ, что Польша съ конституціею 3-го мая могла бы возродиться къ иной жизни, если бы ей не помѣшали извнѣ. Она никакъ не могла избѣжать внѣшняго вмѣшательства, когда самое это возрожденіе предпринято по внушеніямъ, подстрекательствамъ и одобренію одной державы съ тѣмъ, чтобъ избавиться отъ давленія другой. Въ обществѣ человѣческомъ, какъ въ природѣ, пустоты не терпится; какъ скоро какой-нибудь народъ не показываетъ силы и умѣнья поддержать и сохранить у себя государственную связь, такой народъ непремѣнно долженъ войти въ составъ другихъ государствъ. Разлагающееся государство, въ такомъ случаѣ, дѣлается обыкновенно добычею другихъ не сразу; сперва сильные, не покоряя слабыхъ оружіемъ окончательно и не лишая ихъ формъ государственной самобытности, оказываютъ надъ слабыми вліяніе, пріобрѣтаютъ отъ этого вліянія для себя выгоды, привыкаютъ къ такимъ отношеніямъ и считаютъ ихъ своимъ достояніемъ по праву, готовы защищать это право и не выпускать его изъ рукъ. Въ такомъ случаѣ стремленіе слабаго государства къ возрожденію и къ самоусиленію невольно бываетъ въ ущербъ сильному и возбуждаетъ его противодѣйствіе; а какъ слабый съ сильнымъ не сладитъ, то попытки перваго къ пріобрѣтенію независимости ведутъ его обратно къ бо̀льшей зависимости отъ другого, и наконецъ доводятъ до покоренія и уничтоженія. Слабый можетъ въ такомъ случаѣ спасти себя только заступничествомъ другихъ сильныхъ, но какъ ничего на свѣтѣ не дѣлается безъ вознагражденія, то естественно, что спасители въ свою очередь пожелаютъ выгоднаго для себя покровительства надъ слабымъ, а такое покровительство можетъ, въ свою очередь, возрасти,

смотря по обстоятельствамъ, до полнаго подчиненія и покоренія. Польша по своей слабости уже подпала въ извѣстной степени подъ зависимость отъ Россіи и уже утратила часть земель своихъ. Чтобы ей возродиться, нужно было освободиться отъ Россіи, а для этого нужна была чужая сила. Поляки хотѣли опираться на Пруссію, но Пруссія требовала уже себѣ выгодъ въ ущербъ Польши, и совершенно справедливо, ибо не могла защитить ее иначе, какъ выдержавъ борьбу съ Россіею; должна же была Пруссія вознаградить себя за это, а вознаградить себя она не могла иначе, какъ только на счетъ Польши. Да и всякая другая держава, рѣшившись помочь Польшѣ, не могла бы этого сдѣлать иначе, какъ имѣя въ виду вознагражденіе за свои траты и усилія, и этого вознагражденія скорѣе всего искать пришлось бы ей на счетъ той же Польши. Разныя гарантіи независимости Польши, въ родѣ бишофсвердеровскихъ договоровъ и пильницкихъ свиданій, были только временныя мѣры. Легко было написать на бумагѣ взаимное условіе, чтобы Польша была независима, но на дѣлѣ трудно было выполнить это, потому что Польша собственною слабостію побудила бы сосѣдей вмѣшиваться въ ея дѣла и имѣть на нее вліяніе, которое было бы для сосѣдей выгодно и заманчиво. Государство уважается только тогда, когда оно само не обращается къ чужимъ съ заявленіемъ своего безсилія и не нуждается въ чужихъ болѣе того, сколько само имъ дать можетъ.

Польша въ своемъ положеніи могла быть безопасна отъ сосѣдей и возрождаться независимо отъ нихъ развѣ тогда только, когда бы не имѣла вовсе сосѣдей, помѣщалась бы на какомъ-нибудь островѣ, отдѣлялась бы отъ другихъ государствъ горами и степями, или же, еслибъ она по какимъ либо инымъ причинамъ была никому не-

подручна, такъ что обладаніе ею не возбуждало бы въ сосѣдяхъ зависти и надеждъ на выгоды.

Такимъ образомъ несправедливо будетъ считать за тарговичанами исключительно вину, препятствовавшую Польшѣ возродиться. Конституція 3-го мая во всякомъ случаѣ не могла ее возродить. Оставивъ крестьянъ подъ гнетомъ владѣльцевъ, ограничившись нѣсколькими благородными фразами въ ихъ пользу и приготовляя въ будущемъ не мирное ихъ освобожденіе, а кровавую рѣзню, воскресители Польши, собственно говоря, почти ничего важнаго не сдѣлали къ возрожденію ея. Пока польскій крестьянинъ оставался въ привычномъ отъ вѣковъ состояніи панскаго *быдла*, а мѣщанъ только подразнили свободою, написавши имъ такой уставъ, который не исполнялся, Польша оставалась все тою же Польшею, какою была, и только подвергалась опасности, къ обычнымъ безпорядкамъ своимъ прибавить еще два—междоусобія по поводу наслѣдства и крестьянскій бунтъ, подобный тому, какой уже она испытала въ XVII вѣкѣ въ русскихъ провинціяхъ, а быть можетъ и хуже. Съ пресловутою конституціею 3-го мая Польша была далеко какъ нельзя больше отъ истинной свободы; ей все-таки суждено было вращаться въ прежнемъ омутѣ анархіи. Даже при особенно счастливомъ сочетаніи обстоятельствъ и при появленіи необыкновенныхъ дѣятелей, которые бы съумѣли опереться на массу чернаго народа, Польша могла бы скорѣе сдѣлаться деспотическимъ государствомъ, чего такъ боялись тарговичане, чѣмъ свободнымъ, конституціоннымъ, какъ мечтали патріоты.

Въ положеніи Польши послѣ конституціи 3-го мая мы не видимъ никакихъ благопріятныхъ условій къ обновленію, напротивъ слишкомъ выпукло и рѣзко представляется то, что должно было помѣшать этому развитію. Административныя и судебныя преобразованія, послѣдовавшія

за провозглашеніемъ конституціи, касались болѣе формъ: извѣстно, что если деморализованному обществу дать хорошія формы, то деморализація общества скорѣе успѣетъ исказить эти формы, чѣмъ послѣднія поправятъ испорченное общество. Важнѣйшія реформы, какъ, напр., дарованіе правъ городамъ или законъ о королевщинѣ, не будучи еще приведены въ исполненіе, успѣли только уже увеличить число враговъ конституціи. Оказывалось, что все, клонившееся къ усиленію государства, къ увеличенію средствъ его, къ водворенію порядка, къ благосостоянію нешляхетскаго народа, подрывало матеріальныя выгоды дворянъ и противорѣчило понятіямъ о сословной чести, предразсудкамъ и привычкамъ дворянскаго класса въ Польшѣ. Тарговицкая конфедерація, принося съ собою иноземное владычество, не дала времени усилиться ни новымъ порядкамъ, ни оппозиціи старыхъ порядковъ противъ новыхъ. Паденіе государства стало скорбію польской націи на многія поколѣнія; и такъ какъ въ свое время враги конституціи 3-го мая обращались къ иностранной силѣ, участвовавшей въ раздѣлѣ польскаго государства, поэтому съ воздыханіями о погибели Рѣчи-Посполитой соединилось уваженіе къ самой конституціи и мечты о томъ, что если бы ее не задушили въ самомъ началѣ, она принесла бы великіе плоды. Безпристрастное разсмотрѣніе обстоятельствъ и условій той эпохи вовсе не оправдываетъ такого взгляда. Безъ тѣхъ событій, которыя непосредственно послѣдовали за конституціею 3-го мая, эта конституція если не черезъ годъ, то черезъ нѣсколько лѣтъ все равно довела бы Польшу до тѣхъ же послѣдствій; такъ или иначе, а дни Польши были сочтены и отсрочить послѣднюю агонію ея могло бы скорѣе пребываніе Польши въ томъ чахломъ состояніи, въ какомъ она находилась до переворота; самая конституція была, при ея неисцѣлимой болѣзни, черезчуръ героическимъ средствомъ, ускорившимъ ея

смерть. Тарговичане, опасаясь гибельныхъ слѣдствій этого героическаго средства, хотѣли по крайней мѣрѣ сохранить свое отечество въ томъ болѣзненномъ состояніи, въ какомъ оно могло бы еще прозябать. Тарговичанъ обвиняютъ совершенно справедливо за ихъ эгоистическія и честолюбивыя побужденія, но вѣдь противники ихъ большею частью не были также чужды этого; если прусская партія упрекала русскую въ томъ, что она получала пенсіоны и имѣнія отъ Россіи, то русская обвиняла противниковъ въ томъ, что они получали деньги отъ Пруссіи. Несомнѣнно то, что большая часть рьяныхъ патріотовъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, легко отступилась отъ своихъ убѣжденій ради сохраненія своего достоянія и значенія, и тѣмъ неоспоримо показала, что заботы о возрожденіи отечества для нея не были важнѣе и священнѣе эгоистическихъ видовъ. Всѣ иностранные послы, поощрявшіе польскія выходки противъ Россіи, согласно говорили, что многіе прославляли конституцію 3-го мая за красную ленту Станислава.

Опираясь на Россію, тарговичане по своей недальновидности и легкомыслію не подозрѣвали, что послѣдствія выйдутъ не тѣ, какихъ они ожидали. Но они совершенно были правы, когда говорили, что дѣйствуютъ по волѣ шляхетской націи. Безспорно, большинство шляхты чувствовало и мыслило какъ они. Въ то время даже и тѣ, которые, не раскусивши хорошенько въ чемъ суть 3-е мая, участвовали въ пиршествахъ и праздникахъ въ честь переворота, искренно переходили къ ихъ убѣжденіямъ. Если бы Екатерина, возстановивъ прежній строй въ Польшѣ, оставила ее прозябать въ прежнемъ видѣ, безъ дѣлежа и безъ присвоенія провинцій, партія тарговицкая была бы надолго самою популярною въ странѣ, и имена Щенснаго и Ржевускаго величались бы какъ имена спасителей золотой шляхетской вольности, а конститу-

ція 3-го мая надолго могла быть забытою и осуждаемою. Шляхетскій идеалъ былъ именно тотъ, который былъ у тарговичанъ.

Нѣкоторые, желая показать свое усердіе къ Россіи, думали защищать ее въ нравственномъ значеніи и утверждали, что въ то время императрица не думала о присоединеніи къ Россіи провинцій польскаго государства. Но могла ли Екатерина не имѣть намѣренія осуществить того, къ чему стремилось ея государство цѣлые вѣка, и не воспользоваться самымъ удобнымъ случаемъ къ разрѣшенію вѣковой тяжбы Россіи съ Польшею? Если бы тарговичане обладали сколько-нибудь основательнымъ, осмысленнымъ знаніемъ своего прошедшаго, если бы у нихъ было здравое пониманіе политическихъ дѣлъ вообще, они бы ничего не могли ожидать отъ русской государыни, кромѣ того, что́ она съ ними сдѣлала.

30-го мая конфедерація издала другой универсалъ, гдѣ оповѣщала обывателей о вступленіи въ предѣлы Рѣчи-Посполитой союзныхъ русскихъ войскъ, убѣждала не бояться союзниковъ, ибо они идутъ только противъ тѣхъ, которые поддерживаютъ варшавскій заговоръ, увѣряла, что воинство императрицы не станетъ дѣлать насилія и вреда владѣльцамъ и ихъ подданнымъ, а напротивъ будетъ охранять ихъ отъ бродягъ и своевольниковъ. Въ особенности этотъ универсалъ заботился о повиновеніи крестьянъ владѣльцамъ и ихъ управляющимъ. Крестьяне не только не должны были допускать у себя своеволія, но обязаны были увѣдомлять команды о собраніяхъ своевольныхъ шаекъ и задерживать тѣхъ, кто вздумаетъ подговаривать къ бунту панскихъ подданныхъ, а если бы кто, по своей собственной волѣ или по чужому наущенію, оказался виновнымъ въ мятежническихъ замыслахъ и укрывательствѣ подстрекателей къ бунту, тѣмъ грозили суровымъ наказаніемъ. Паны сильно боялись, чтобы противники ихъ, подъ вліяніемъ

французскаго духа, не стали объявлять крестьянамъ свободу. Впрочемъ, въ томъ же универсалѣ было заявлено, что паны не ждутъ отъ крестьянъ черной неблагодарности за свои къ нимъ благодѣянія.

Другой универсалъ обращенъ былъ къ духовенству; предписывалось во всѣхъ епархіяхъ, деканатахъ, приходахъ, возсылать горячія молитвы объ успѣхѣ конфедераціи и о спасеніи отечества отъ пропасти, въ которую хотѣла его ввергнуть конституція 3-го мая. Духовные всякаго чина обоего обряда должны были каждую недѣлю съ амвоновъ оглашать народу о спасительныхъ намѣреніяхъ конфедераціи, а главное, именемъ религіи внушать крестьянамъ повиновеніе владѣльцамъ. Въ тотъ же день изданъ третій универсалъ—ко всѣмъ кредиторамъ Рѣчи-Посполитой: объявлялось, что если кто, по требованію сейма, будетъ давать на имя Рѣчи-Посполитой суммы, въ чистой монетѣ, или въ товарахъ, или въ какихъ-нибудь произведеніяхъ, такія суммы или товары должны считаться пропавшими,—нація за нихъ не отвѣчаетъ. Ко всѣмъ наслѣдственнымъ и пожизненнымъ владѣльцамъ, заставникамъ и всякаго рода поссессорамъ, старостамъ и вообще къ управляющимъ имѣніями подъ какимъ бы то ни было видомъ, посланъ былъ универсалъ, а также и въ города, о томъ, чтобы всѣ подати, какія только идутъ въ скарбовую коммиссію подъ разными наименованіями черезъ посредство сборщиковъ, называемыхъ экзакторами, суперинтендентами, кассирами и ревизорами, были платимы не туда, а въ казну генеральной коронной конфедераціи, съ полученіемъ квитанцій. Всѣмъ чиновникамъ, зависящимъ отъ скарбовой коммиссіи, запрещалось слушаться ея предписаній и предписывалось привозить собираемыя деньги въ казну конфедераціи. Наконецъ, въ тотъ же день посланъ былъ универсалъ ко всѣмъ оберъ-секретарямъ почтамтовъ съ приказаніемъ, въ теченіи двухъ не-

дѣль, присягнуть на вѣрность конфедераціи, не дозволять себѣ дѣлать чего-нибудь въ ущербъ письменной корреспонденціи конфедераціи и доносить о всякомъ вредѣ, могущемъ для нея произойти.

3-го іюня конфедерація была переведена въ Умань, а 9-го іюня въ Тульчинъ, слѣдуя такимъ образомъ за успѣхами русскаго войска. Здѣсь конфедерація издала универсалъ, обязывавшій всѣ типографіи, какія существуютъ въ Польшѣ, не печатать ничего оскорбительнаго для конфедераціи. Было оповѣщено также, что если кто изъ посполъства или мѣщанъ осмѣлится сказать хотя одно слово въ противность конфедераціи, тотъ отъ мѣстнаго начальства долженъ быть схваченъ и доставленъ въ судъ конфедераціи; учрежденъ былъ, на подобіе польскихъ судовъ, судъ съ двумя инстигаторами и реентомъ (письмоводителемъ). Конфедерація возстановляла всѣ уничтоженные бывшимъ сеймомъ акты, и одновременно объявляла прекращеніе платежей, наложенныхъ прежнимъ сеймомъ, какъ-то: пожертвованія десятаго гроша, двойного подымнаго, поголовнаго, и объявила, что не имѣетъ намѣренія продавать королевщины и признаетъ справедливыми только тѣ подати съ нихъ, какія платились до 3-го мая, каковыя и должны съ настоящаго времени доставляться въ казну конфедераціи. Сбавка податей, оставленіе королевщинъ за владѣвшими на прежнихъ основаніяхъ, освобожденіе пристающихъ къ конфедераціи отъ судебныхъ позывовъ,—все это были подстрекательные способы, привлекавшіе къ конфедераціи сообщниковъ, а присутствіе войскъ императрицы давало надежду на успѣхъ предпринятаго дѣла. Вслѣдъ за генеральною, открывались подчиненныя ей конфедераціи по воеводствамъ: сначала въ тѣхъ воеводствахъ, которыя заняты были русскимъ войскомъ. Избраны маршалки и коммиссары. Члены конфедераціи, Мощенскій, Гулевичъ, Злотницкій, Четвертинскій, разъѣзжали по южнымъ

воеводствамъ и привлекали шляхту къ конфедераціи. Гдѣ дѣйствовали убѣжденіемъ, а гдѣ и страхомъ; противники ихъ говорили, что они разсыпали въ одномъ мѣстѣ рубли, въ другомъ батоги.

Нѣсколько человѣкъ шляхты, не хотѣвшіе пристать къ конфедераціи, убѣжали въ Кременецъ и тамъ занесли въ судъ жалобу, что ихъ брали козаки, сѣкли нагайками, принуждали присягать конфедераціи. «Если бы, — говорили они,—у Щенснаго и его товарищей были добрыя намѣренія, то не нужно было бы иноземнаго войска, не нужно было бы не только принуждать, но и просить; всякаго убѣждали бы собственные глаза». Такъ какъ всѣ суды, установленные сеймомъ, объявлялись закрытыми и тѣ, которые пойдутъ въ нихъ судиться, провозглашались врагами отечества, отъ этого распространилось безправіе и своевольство, и потому въ половинѣ іюня послѣдовало учрежденіе временныхъ конфедераціонныхъ судовъ по воеводствамъ: они подчинялись суду генеральной конфедераціи. Такимъ образомъ маршалы были вмѣстѣ правителями и судьями. Не менѣе важною была ихъ обязанность доставлять въ русское войско провіантъ.

Несмотря на требованіе приносить подати въ конфедерацію вмѣсто скарбовой коммиссіи, сборщики очень лѣниво и неисправно приносили ихъ; запрещеніе вносить въ скарбовую коммиссію принималось и исполнялось охотнѣе, чѣмъ предписаніе приносить деньги въ конфедерацію. 21-го мая конфедерація должна была поставить на видъ суперинтендентамъ и зависѣвшимъ отъ нихъ экзакторамъ ихъ неисправность.

Конфедерація занималась формированіемъ войскъ; такимъ образомъ въ концѣ іюня устроено было два полка и назначенъ начальникомъ конфедераціоннаго войска Рудницкій.

При конфедераціи былъ уполномоченный отъ импера-

трицы, генералъ баронъ Бюлеръ. «Такъ какъ конфедерація составлена по моему внушенію и подъ моимъ спеціальнымъ покровительствомъ,—писала ему Екатерина,—то я избираю васъ быть истолкователемъ моихъ намѣреній, спасительныхъ для Рѣчи-Посполитой». Въ іюлѣ конфедерація была въ Литинѣ, а потомъ въ Дубнѣ. Оттуда 25-го числа этого мѣсяца отправленъ былъ въ Петербургъ одинъ изъ совѣтниковъ конфедераціи графъ Вьельгорскій съ благодарственнымъ письмомъ къ императрицѣ. Маршалъ отъ имени конфедераціи писалъ: «Польша была свободна и утѣшалась тѣмъ, что спокойно могла быть забыта всѣми и жить счастливо. Не первый разъ честолюбцы хитростью захватывали власть и во зло употребляли мнѣніе о своихъ доблестяхъ. Не первый разъ народъ прибѣгаетъ къ благородной помощи иностранцевъ. Безъ Екатерины Польша была бы въ оковахъ и можетъ быть окончила бы свое существованіе. Уже имя Екатерины оглашается въ двухъ третяхъ Рѣчи-Посполитой: въ воеводствахъ Браславскомъ, Кіевскомъ, Черниговскомъ, Бельзскомъ, Холмской землѣ и во всей Литвѣ».

VII.

Война русскихъ съ поляками въ 1792-мъ году [1]).

Рядомъ съ успѣхомъ конфедераціи двигалось впередъ съ побѣдою и русское войско. Вступленіе его въ предѣлы Рѣчи-Посполитой застало войска Іосифа Понятовскаго разсѣянно расположенными на квартирахъ около Браславля, Тульчина и Винницы. Польскій военачальникъ предупредилъ ихъ и быстро двинулся на Волынь къ мѣстечку Полонному, гдѣ у нихъ была крѣпость и складъ запасовъ. Очевидецъ Охоцкій говоритъ, что паническій страхъ одо-

[1]) См. источники №№ 86, 98, 19, 59, 12, 101, 52, 28, 47, 120, 115.

лѣлъ обывателей, какъ только они услышали о приближеніи русскихъ. Польскій военачальникъ, не обладая выходящими изъ ряда военными способностями, хотѣлъ быть строгимъ дисциплинаторомъ въ службѣ и дѣлался даже деспотомъ. Онъ запретилъ подъ смертною казнію въ своемъ обозѣ вести разговоръ о непріятелѣ, и когда ему осмѣливались доносить, что непріятель близко, онъ говорилъ: «я знаю самъ, что̀ дѣлать». Это не мѣшало ему, однако, внѣ службы быть очень привѣтливымъ въ обращеніи и веселымъ хлѣбосоломъ, какъ прилично было поляку. Каждый день, по окончаніи военныхъ экзерцицій, за завтракомъ, часовъ въ десять, было у него человѣкъ сто, а за обѣдомъ въ три часа человѣкъ по пятидесяти гостей офицеровъ, и тамъ щедрою рукою наливались кубки венгерскимъ, курился изобильно турецкій табакъ, нарочно привезенный изъ Молдавіи нѣсколькими фурами и проводилось время въ разговорахъ соблазнительнаго содержанія, которые очень любилъ предводитель. Одинъ Костюшко не бывалъ въ такихъ компаніяхъ; зато его хотя уважали, но не любили и насмѣхались надъ его манерами, которыя казались нелюбезными и странными. Въ обозъ безпрестанно приходили охотники, кто приводилъ съ собою пять, кто шесть, а кто и десять человѣкъ верховыхъ. По старопольскому обычаю въ ожиданіи непріятеля всѣ пировали, играли въ карты и кости, пѣли пѣсни. Около обоза толпились іудеи съ товарами, искушавшими военныхъ людей, но не смѣли входить въ обозъ; только надежда на большіе барыши заставляла ихъ иногда отваживаться на не совсѣмъ безопасное дѣло. При малѣйшемъ подозрѣніи на кого-нибудь изъ нихъ въ способности переносить вѣсти въ русскій лагерь, ихъ грозили вѣшать на первомъ деревѣ, и нѣкоторые испытали эту непріятность, попавшись съ воззваніями конфедераціи и съ нѣсколькими червонцами въ карманѣ, данными за распространеніе этихъ воззваній.

Нѣсколько отрядовъ, посланныхъ Понятовскимъ для собиранія вѣстей, человѣкъ въ 300 и 400, были по одиночкѣ истреблены русскими. Генералъ Кутузовъ и Дунинъ гнались за ними съ своими отрядами такъ сказать по пятамъ. Съ другой стороны отъ Кіева Леванидовъ гналъ отрядъ Костюшки, спѣшившаго присоединиться къ главному войску. Поляки, утомленные отступленіемъ, принуждены были остановиться у Любара на Случи. По дорогѣ къ Любару и въ самомъ Любарѣ они видѣли, одни за другими, брики и кареты пановъ, выѣзжавшихъ изъ своихъ имѣній за границу, въ Галицію, убѣгавшихъ отъ москалей, отъ которыхъ ожидали разоренія.

Здѣсь, неподалеку отъ тѣхъ роковыхъ мѣстъ, гдѣ за 132 года передъ тѣмъ подъ Чудновымъ произошло страшное пораженіе русскихъ войскъ, пораженіе, послѣ котораго поляки возвратили себѣ уже отпавшую отъ нихъ Южную Русь, здѣсь же, повидимому суждено было теперь русскимъ поправить ошибку своихъ предкомъ, снять съ нихъ пятно и снова добыть оружіемъ утраченныя въ оное время южно-русскія земли. По составленному заранѣе плану, русскіе съ двухъ сторонъ должны были перейти за Случь, захватить Цолонное, отрѣзать путь полякамъ въ Польшу и истребить ихъ, притиснувъ къ западному берегу Случи. 14-го іюня Кутузовъ и Дунинъ перешли Случь у Острополя и готовились напасть на поляковъ съ тыла, а Леванидовъ стоялъ у Мирополья, версты за 23 отъ поляковъ и долженъ былъ скорѣе захватить Полонное, отстоявшее отъ него верстъ за 15, прежде чѣмъ поляки успѣютъ дойти туда. Но Костюшко искуснымъ движеніемъ къ Чарторіи, отстоявшей отъ Мирополья верстъ за 10, заставилъ Леванидова пріостановиться. Русскій генералъ боялся, чтобы на него не ударилъ съ тыла Костюшко, когда онъ самъ двинется къ Полонному, а тѣмъ временемъ Понятовскій со всѣмъ войскомъ 4 (15) іюня

поспѣшилъ прямымъ путемъ къ Полонному, отстоявшему за 30 верстъ, прежде чѣмъ Кутузовъ и Дунинъ могли зайти ему въ тылъ. По слѣдамъ за поляками гнались отряды бригадира Орлова и генерала Тормасова (2 полка козаковъ, 20 эскадроновъ легкой кавалеріи и два батальона егерей екатеринославскаго полка), напали на шедшій позади обозъ и отбили нѣсколько рядовъ возовъ съ запасами. Остальные въ страхѣ и безпорядкѣ бросились бѣжать, и привели въ безпорядокъ шедшую впереди ихъ колонну подъ начальствомъ графа Вьельгорскаго. Русскіе генералы, увидя это, послали своимъ въ подкрѣпленіе три батальона, подъ начальствомъ Лобанова. Поляки Вьельгорскаго отступили черезъ лѣсъ по худой дорогѣ, подъ проливнымъ дождемъ. Пришлось имъ, по выходѣ изъ лѣса, проходить черезъ лѣсную плотину, называемую Борушковскою. Плотина была дурная, мостъ черезъ прудъ еще хуже,—обвалился подъ поляками мостъ; много ихъ потонуло. Русскіе ударили на нихъ сзади и съ боковъ. Поляки бросили въ болотѣ семь орудій, пустились въ бродъ черезъ прудъ, вязли въ болотѣ; разбитые остатки колонны Вьельгорскаго едва спаслись бѣгствомъ. До 600 человѣкъ погибло, 375 человѣкъ достались плѣнными и должны были присягнуть конфедераціи. Русскіе взяли у поляковъ орудія и войсковую казну.

Это пораженіе возбудило въ польскомъ войскѣ всеобщую неурядицу. Достигли поляки Полоннаго. Уже мѣсяцъ передъ тѣмъ генералъ Сѣраковскій строилъ тамъ укрѣпленія, а Понятовскій приказалъ свезти туда арсеналъ, муку и всякіе запасы изъ имѣній Щенснаго Потоцкаго. Прибывши въ Полонное, Понятовскій нашелъ укрѣпленія, сдѣланныя Сѣраковскимъ, недостаточными. Въ польскомъ войскѣ не стало дисциплины. Утомленные переходомъ жолнѣры, безъ соблюденія порядка бросились въ городъ отдыхать, роптали, кричали; такъ прошла ночь, а

русскіе между тѣмъ спѣшили къ Полонному. Услышавъ, что врагъ приближается, поляки всполошились и стали разбѣгаться, и въ такой суматохѣ загорѣлось мѣстечко. Съ большимъ трудомъ Костюшко угасилъ пожаръ, а Понятовскій приказалъ скорѣе всему войску собраться къ отступленію.

6 (17) іюня оставили поляки Полонное. Нельзя было забрать съ собою всѣхъ запасовъ, туда свезенныхъ: они принуждены были сжечь ихъ. Но русскіе, вошедши въ Полонное тотчасъ по уходѣ поляковъ, еще успѣли спасти изъ пламени до шести тысячъ кулей съ мукой. Сорокъ пять орудій досталось побѣдителямъ, не истратившимъ у Полоннаго ни капли крови.

Понятовскій съ своимъ войскомъ отправился къ Заславлю, гдѣ стоялъ Любомирскій съ своимъ отрядомъ. Коховскій послалъ за нимъ въ погоню генерала Маркова съ восемью тысячами. Марковъ догналъ поляковъ подъ деревнею Зеленцами, подлѣ Шепетовки. Понятовскій успѣлъ уже поставить свое войско въ боевой порядокъ, усиливъ его отрядомъ Любомирскаго и генераловъ Троцкина и Заіончека Марковъ ударилъ прямо на средину польскаго войска, обратилъ въ бѣгство батальонъ Любомирскаго, а этотъ батальонъ опрокинулъ стоявшій за нимъ другой батальонъ Потоцкаго. Послѣ того Марковъ послалъ кавалерію (два полка гусаровъ и одинъ козаковъ) на лѣвое крыло польскаго войска; русскіе сломили первый рядъ польской конницы, но наткнулись на другой рядъ: предводитель его, генералъ Мокроновскій, отбилъ приступъ и русская конница отступила съ урономъ. Вслѣдъ затѣмъ Понятовскій поспѣшно отступилъ по направленію къ Заславлю. Уронъ, понесенный въ этой битвѣ русскими, далъ полякамъ право огласить битву подъ Зеленцами блистательною побѣдою надъ москалями. Въ литовскомъ войскѣ, въ Варшавѣ и въ другихъ мѣстахъ, по этому поводу пѣли

«Te Deum», стрѣляли на радостяхъ изъ пушекъ. Вѣсти о побѣдѣ, переходя изъ устъ въ уста, принимали чудовищные размѣры. Въ Варшавѣ говорили, что польскія войска уже завоевали Кіевъ, а нѣкоторые въ порывахъ патріотической фантазіи ожидали даже, что скоро побѣдоносное польское войско возьметъ Петербургъ. Въ «Народовой газетѣ», органѣ партіи 3-го мая, потери русскихъ возвысились до 4,000 человѣкъ; по донесенію генерала Маркова онъ потерялъ не болѣе 730 человѣкъ. Въ то время, когда вдалекѣ отъ театра войны восхищались успѣхами польскаго войска, въ самомъ этомъ войскѣ отвага падала, распространялось уныніе. Съ самаго начала кампаніи каждый день обманывали войско, твердили, что не сегодня-завтра прибудетъ въ войско самъ король; но дни проходили, курьеры каждый день, иногда по два раза въ день, бѣгали изъ лагеря въ Варшаву, изъ Варшавы въ лагерь, содержаніе депешъ составляло тайну, но всѣмъ стало ясно, что короля не дождаться, и съ каждымъ днемъ увеличивалось число такихъ, которые убѣждались, что кровь льется напрасно, что Польша не сладитъ съ Россіею и чѣмъ поляки будутъ упорнѣе, тѣмъ для нихъ дѣло кончится хуже.

Понятовскій выступилъ изъ Заславля въ Острогъ. Любомирскій, не ладившій съ Понятовскимъ, шелъ съ своимъ отрядомъ особою дорогою на Куневъ. 9 (20) іюня Коховскій занялъ Заславль. Пріѣхавшій съ нимъ гетманъ Браницкій устроилъ тамъ великолѣпный балъ, въ знакъ радости объ успѣхахъ въ дѣлѣ возвращенія старинной польской свободы. Но русскіе офицеры, которымъ втайнѣ претило въ конфедератахъ то, что они призывали на свое отечество и на своего короля чужія силы, подсмѣивались надъ нимъ и говорили: «пану Браницкому танцовать хочется. Если бы я былъ паномъ Браницкимъ, я бы отрекся и отъ баловъ и отъ танцевъ, ѣсть-пить бы омерзѣло».

Изъ Острога Понятовскій послалъ къ Коховскому курьера съ письмомъ, и просилъ четырехнедѣльнаго перемирія. Это онъ сдѣлалъ по предписанію короля, который въ это время хотѣлъ объясниться съ Екатериною. Коховскій отвѣчалъ ему такимъ письмомъ: «Никто болѣе меня не желаетъ окончанія войны, но я не уполномоченъ пріостановить ее, и буду продолжать военныя дѣйствія до тѣхъ поръ, пока въ Польшѣ будетъ находиться какое бы то ни было войско, и какая бы то ни была партія, не желающая добровольно принять великодушныя мѣры ея величества моей государыни, соединившейся со всѣми истинными польскими патріотами съ цѣлью возвратить польской Рѣчи-Посполитой спокойствіе, нарушенное беззаконною конституціею 3-го мая. Отъ вашей княжеской свѣтлости и отъ состоящихъ подъ вашею командою зависитъ принять этотъ здравый совѣтъ, я же несказанно былъ бы радъ, если бы вашу княжескую свѣтлость могъ считать въ числѣ умѣющихъ уважать благодѣтельные замыслы моей государыни: или приступить къ конфедераціи, или положить оружіе—другихъ средствъ къ прекращенію кровопролитія нѣтъ. Я бы желалъ удержаться отъ дальнѣйшихъ маршей, но теперь предупреждаю вашу княжескую свѣтлость, что войска ея императорскаго величества будутъ слѣдовать далѣе тремя колоннами».

Вслѣдъ затѣмъ, исполняя данное слово, Коховскій двинулся къ Острогу 14 (25) іюня, и прибылъ туда вечеромъ въ тотъ же день. Русскій военачальникъ намѣревался занять поляковъ канонадою, а тѣмъ временемъ приказалъ генералу Дунину и Леванидову перейти рѣку Горынь и безпокоить ихъ съ другой стороны. Канонада прекратилась съ наступленіемъ ночи и возобновилась на другой день. Поляки сначала думали здѣсь защищаться, мѣсто было для нихъ хорошее: они заняли возвышенности, а внизу были болота; но рѣшившись на это, генералы не

сообразили, что у нихъ мало пороха, оставалось не болѣе 18 зарядовъ на каждое орудіе, притомъ съ ихъ четырьмя двѣнадцати-фунтовыми и двадцатью восемью шести-фунтовыми пушками неудобно было мѣряться съ русской артиллеріей, гдѣ было, какъ говорятъ, до 120 орудій большого калибра. По извѣстію генерала Заіончека, у поляковъ могло быть пятьдесятъ двѣнадцати-фунтовыхъ орудій, но предводитель не взялъ ихъ съ собою, по высокимъ соображеніямъ, не доступнымъ для простого смысла. Въ-добавокъ ихъ страшило появленіе непріятельскихъ отрядовъ въ-тылу. Итакъ, Понятовскій поспѣшно снялся и удалился.

Уже ропотъ польскаго войска доходилъ до высшей степени. Генералы успокоивали жолнѣрство и говорили: «вотъ дойдемъ до Дубно, тамъ найдемъ хорошее помѣщеніе, вкусную пищу, свѣжее войско, и самъ король придетъ къ намъ». Но ничего подобнаго не нашли поляки въ Дубно. Первая злость ихъ изливалась на Любомирскаго, владѣльца Дубно, который не приготовилъ никакихъ удобствъ для войска. Около самого Понятовскаго поднялись такіе толки: «за что мы воюемъ? Это война Потоцкихъ. На одной сторонѣ Щенсный Потоцкій, а на другой Игнатій Потоцкій, и мы за Игнатія терпимъ и умираемъ. Сопротивляться такой силѣ величайшая глупость, надобно покориться. Екатерина одолѣваетъ; уступимъ лучше ей, пусть будетъ такъ, какъ ей угодно». Понятовскій не въ силахъ былъ удержать негодованія. Теперь уже безсильны и невозможны были строгія мѣры, и неумѣстенъ оказался деспотическій тонъ по службѣ, какой принималъ на себя въ-началѣ предводитель. Самъ онъ получалъ отъ короля тревожныя письма. Король, какъ сообщаетъ знавшій дѣло Булгаковъ, тайно приказывалъ Понятовскому избѣгать сраженій и не раздражать черезчуръ русскихъ. Приказаніе за приказаніемъ шло, чтобы онъ отступилъ во внутрь

9*

Польши. Понятовскій колебался и поступалъ такъ, что никому не угодилъ; недовольны имъ были рьяные патріоты за то, что онъ уходилъ, недовольны были русскіе и конфедераты, зачѣмъ онъ не приступаетъ къ конфедераціи и защищаетъ конституцію.

Въ краѣ, гдѣ происходила война, народъ оказывалъ полное сочувствіе къ русскимъ и смотрѣлъ на нихъ какъ на освободителей. Іосифъ Понятовскій доносилъ королю, какъ видно изъ писемъ самого короля, что украинскіе хлопы доставляли москалямъ свѣжіе припасы и очевидно показывали расположеніе къ Москвѣ [1]). Костюшко жаловался, что въ этихъ русскихъ земляхъ нельзя было найти лазутчиковъ, чтобы вывѣдать о состояніи непріятельскаго войска, шедшаго посреди громады народа, принадлежавшаго польскому государству; напротивъ, непріятель могъ повсюду имѣть вѣрныхъ агентовъ. Костюшко въ этомъ случаѣ буквально повторилъ то, что говорили во время Хмельницкаго Николай Потоцкій и Адамъ Кисель. Бельзская гражданско-военная коммиссія отъ 16-го іюня доносила правительству, что хлопы готовы подняться, схизма грозитъ овладѣть краемъ, и просила не выводить изъ подвѣдомаго ей края войскъ, иначе русское посполъство въ одинъ день перерѣжетъ всѣхъ католиковъ. «Если,—писала она,—войско нужно въ битвѣ, то оно еще нужнѣе для внутренней безопасности и охраненія жизни и имуществъ шляхетства». Заіончекъ въ своихъ запискахъ жалѣетъ, что поляки тогда не опустошили русскаго края, подобно тому, какъ поступали когда-то ихъ предки.

Войсковая коммиссія составлена была, какъ говорили, изъ людей мало опытныхъ. Обмундированіе войска лежало на попеченіи главнаго коммиссаріата, подъ вѣдѣніемъ ко-

---

[1]) Cała Ukraina żywi, tuczy moskalów i przez żywnoeść świeżą y przez oczywistą przychylność chłopòw tamecznych do Moskwy.

тораго находились полевые коммиссаріаты при трехъ корпусахъ. Недостатокъ одежды и обуви былъ чрезвычайный. Поляки шли всѣ оборванные, и самъ Костюшко принялъ какъ дорогой подарокъ отъ пана Лубенскаго пару сапоговъ. Свезенные въ разные пункты запасы доставались непріятелю. За порохомъ послали курьера въ Варшаву, прося прислать эту необходимость по почтѣ. Въ ожиданіи пороха по почтѣ поляки вышли изъ Дубно по направленію къ Владимиру. Любомирскій шелъ отдѣльно на Вербу. Соперники не хотѣли идти вмѣстѣ и подвергались черезъ это усиленію опасностей, особенно Любомирскій, котораго отрядъ былъ слабѣе. Эта черта, столь обычная въ польской исторіи, много разъ повторявшаяся къ ущербу націи, показывала, какъ крѣпко поляки держались обычаевъ отцовъ своихъ. Тогда одинъ изъ генераловъ, Рудницкій, оставилъ армію, перешелъ къ русскимъ, призналъ тарговицкую конфедерацію и назначенъ былъ генераломъ формировавшихся польскихъ войскъ конфедераціи. Его имя было повѣшено на висѣлицѣ, за невозможностью повѣсить его особу. Достойно замѣчанія извѣстіе «Народовой газеты», что Понятовскій хотѣлъ-было скрыть этотъ преступный поступокъ и публиковать, что Рудницкій погибъ въ битвѣ, какъ честный воинъ, но его преступленіе разнеслось уже достаточно. Изъ этого наивнаго извѣстія можно сдѣлать заключеніе, какъ мало слѣдуетъ вѣрить подлиннымъ извѣстіямъ поляковъ вообще о своихъ дѣлахъ, когда они даже не запирались, что считали позволительнымъ публиковать невѣрныя извѣстія.

Коховскій опять послѣдовалъ за поляками, и 26 іюня (7 іюля) дошелъ до Владимира. Поляки уходили за Бугъ, но Понятовскій ушелъ впередъ, а Любомирскій слѣдовалъ позади его своею дорогою. Говорятъ, что Понятовскій, ссорясь съ Любомирскимъ, не далъ ему знать о приближеніи русскихъ. Русскіе нагнали послѣдняго и онъ на-силу убѣжалъ въ

лѣсъ, потерявъ до двухъ-сотъ человѣкъ и оставивъ въ рукахъ непріятеля свою воинскую кассу (до 40,000 р.). Этимъ дѣломъ Любомирскій окончилъ свое поприще и уѣхалъ въ Варшаву.

Поляки перешли за Бугъ и намѣревались защищать линію этой рѣки, оставивъ такимъ образомъ за русскими всю южно-русскую землю, и ограничиваясь своею собственною польскою землею. Коховскій на этотъ разъ не спѣшилъ за ними и остановился во Владимирѣ, чтобы дать укрѣпиться провинціальной волынской конфедераціи, которая основалась въ Луцкѣ: ея маршаломъ былъ Пулавскій, братъ того, который во время барской конфедераціи такъ отличался непріязнью къ Россіи. Не ранѣе, какъ 3 (14) іюля н. ст. вышелъ Коховскій изъ Владимира, и 6 (17) іюля послѣ обѣда достигъ Буга, у Кладнева. Отряды подъ начальствомъ Тормасова и Леванидова отправлены были правѣе, одинъ къ Турчанамъ, другой къ Любомлю, чтобы перейти Бугъ въ разныхъ мѣстахъ и охватить польскую армію. Поляки стояли станомъ у Дубенки; чтобы воспрепятствовать русскимъ переходить Бугъ, они сожгли паромы и набросали въ воду острозубчатыхъ боронъ, для порчи лошадямъ ногъ. Потомъ они расположились по теченію Буга отъ австрійской границы при деревнѣ Волѣ до Влодавы: на протяженіи отъ Воли до Дубенки стоялъ Костюшко, отъ Дубенки до Свѣржова—Понятовскій, отъ Свѣржова до Влодавы — Вьельгорскій.

Русскіе нашли два парома, не успѣвшіе сгорѣть, потому что были зажжены неудачно, и на нихъ переправили часть своего войска. Перешедшіе на другой берегъ подъ польскими выстрѣлами построили понтоны и по нимъ все войско благополучно перебралось на лѣвый берегъ Буга.

Позиція Костюшки, между деревнями Волею и Уханкою, примыкала правою стороною къ Волѣ, за которою

была австрійская граница, а лѣвою къ утесистому берегу Буга. Впереди сдѣланы были баттареи. За его станомъ былъ лѣсъ. По сказаніямъ поляковъ, у него было всего 5,000, по извѣстію русскихъ —10,000 ч. Послѣднее извѣстіе слѣдуетъ признать болѣе вѣроятнымъ, потому что вообще польскія донесенія того времени не отличаются вѣрностію, въ чемъ, какъ мы видѣли, поляки сами сознавались.

У Коховскаго было въ дѣлѣ 19,000. Расположивъ свое войско тремя частями, такъ, что они охватывали всю переднюю линію непріятельскаго войска, военачальникъ вывелъ впереди баттареи, открылъ сильный огонь и въ то же время отрядилъ разомъ на правое и на лѣвое крыло польской арміи отряды. На первомъ изъ нихъ отличился храбростію полковникъ елисаветградскаго конно-егерскаго полка Пальмбахъ, на другомъ полковникъ фанагорійскаго—Золотухинъ, и оба пали въ битвѣ. Потерявши своего полкового командира, конные егеря смѣшались, потерпѣли потери и это впослѣдствіи подало поводъ полякамъ считать эту битву для себя побѣдою. Но минутная неудача русскихъ была скоро заглажена. Русскіе побрали на всѣхъ пунктахъ непріятельскія баттареи и, послѣ пяти-часовой битвы, разстроенное польское войско бѣжало въ лѣсъ въ безпорядкѣ. Костюшко, опомнившись верстъ за двадцать, увидалъ около себя изъ всей своей арміи только два батальона и одинъ егерскій полкъ, и думалъ, что остальные всѣ перебиты; но скоро они сошлись. По извѣстіямъ самого Костюшки, русскихъ убито до 4,000, а поляковъ до 900. Заіончекъ уменьшилъ число убитыхъ москалей до 2,000, а поляковъ до 98 солдатъ и 10 офицеровъ. Само собою разумѣется, если бы извѣстія поляковъ имѣли хотя тѣнь справедливости, сраженіе не окончилось бы ихъ бѣгствомъ въ лѣсъ.

Это было послѣднее сраженіе Коховскаго съ польскою арміею. Послѣдняя отступила къ Люблину. Коховскій слѣ-

довалъ за нею уже безъ битвъ и вступилъ въ Люблинъ 14 (25) іюля, а Леванидова послалъ къ Бресту, для соединенія съ русскою арміею, дѣйствовавшею въ Литвѣ.

Въ Литвѣ успѣхи русскихъ были еще быстрѣе, чѣмъ въ Украинѣ. Генералы Долгоруковъ, Коссаковскій и Денисовъ достигли 31-го мая (11 іюня) безотпорно до Вильны. Въ городѣ былъ отрядъ охотниковъ, недавно поступившихъ; они не защищали города. Приверженцы конституціи 3-го мая бѣжали или въ Варшаву, или въ Пруссію. Было объявлено заранѣе дозволеніе тѣмъ, кто не хотѣлъ отрекаться отъ конституціи 3-го мая, оставить городъ. Двѣсти восемьдесятъ дворянъ, жившихъ въ Польшѣ, поспѣшили заявить о своей преданности и готовности покориться конфедераціи, которую началъ составлять Коссаковскій. Самъ Коссаковскій, будучи русскимъ генераломъ, былъ нареченъ польнымъ литовскимъ гетманомъ. Маршаломъ конфедераціи былъ назначенъ старый князь Александръ Сапѣга, канцлеръ Великаго Княжества Литовскаго, а помощникомъ его ловчій Велик. Кн. Литовскаго Іосифъ Забѣлло; назначены совѣтники по воеводствамъ и повѣтамъ [1]). Не всѣ были

[1]) Значатся совѣтниками: изъ виленскаго воеводства Іосифъ Коссаковскій и князь Гедройцъ; изъ повѣта ошмянскаго Іосифъ Важинскій подкоморій и Игнатій Хоминскій, судья ошмянскій; изъ лидскаго: Игнатій Тизенгаузъ, полоцкій староста, и Ѳедоръ Нарбутъ, хорунжій лидскій; изъ повѣта вилькомирскаго: Бенедиктъ Мориконп, писарь Велик. Кн. Литовскаго, и подкоморій Игнатій Косцялковскій; изъ браславскаго: Янъ Рудницкій и графъ Станиславъ Мануцци; изъ воеводства троцкаго: Антоній Ромеръ, подвоевода, и Игнатій Сивицкій, бывшій посолъ; изъ воеводства гродненскаго: князь Радзивиллъ, воеводичъ, и Март. Данкевичъ, скарбникъ; изъ повѣта ковенскаго: Михаилъ Коссаковскій, подкоморій, и Іосифъ Милошъ; изъ упитскаго: Михаилъ Страшевичъ, маршалъ упитскаго повѣта, и Іосифъ Коссаковскій; изъ княжества жмудскаго: Іосифъ Забѣлло (онъ же помощникъ) и Мих Гелгудъ, писарь польный литовскій, Лауданскій, Феликсъ Ренни, Билевичъ, Бялозоръ; изъ воеводства смоленскаго: Ант. Храповицкій и Іосифъ Швейковскій; изъ повѣта стародубскаго: Биттингъ и

на лицо и потому опредѣлено было замѣстить другими тѣхъ изъ нихъ, которые бы не могли явиться. Это обстоятельство даетъ вѣроятіе извѣстію, сообщаемому сторонниками конституціи 3-го мая, что сообщники Коссаковскихъ, кружокъ, составленный большею частію изъ ихъ родственниковъ и кліентовъ, написали въ своемъ актѣ имена такихъ особъ, какихъ не было тогда не только въ Вильнѣ, но даже и въ Литвѣ. Такъ и самъ король въ своихъ письмахъ извѣщалъ, что нѣкоторые, записанные въ литовскую конфедерацію, находились тогда около него въ Варшавѣ и не подавали никакого желанія быть тамъ помѣщенными. Впрочемъ, по извѣстіямъ Кречетникова, до тысячи собравшихся изъ повѣтовъ дворянъ подписали свои имена.

14 (25) іюня прибылъ самъ Кречетниковъ и отправлено торжественное объявленіе новой конфедераціи. Епископъ Коссаковскій, братъ новонареченнаго гетмана, служилъ обѣдню у св. Яна; народъ сошелся туда большою толпою; кто и не хотѣлъ—все-таки долженъ былъ идти: боялись русскихъ солдатъ и козаковъ. Впрочемъ, большинству, составленному изъ людей убогихъ и незнатныхъ, было все равно, чтò бы ни происходило въ ихъ отечествѣ, до тѣхъ поръ, пока они не ощущали непріятностей на собственной шкурѣ. Такимъ образомъ, городскіе цехи съ хоругвями и бубнами шли торжественной процессіей; мо-

---

Канутъ Романовичъ; изъ слонимскаго: Маковецкій, маршалъ слонимскій и князь Сапѣга (сынъ канцлера); изъ повѣта волковыскаго: Зыневъ и Забѣлло; изъ воеводства минскаго: Ванковичъ и Павликовскій, бывшіе послы; изъ повѣта оршанскаго: Іозефовичъ и Штейнъ; изъ мозырскаго: Еленскій и Оскерко, стражникъ литовскій; изъ новогродскаго воеводства: Ант. Радзивиллъ и Рейтанъ, бывшій посолъ; изъ воеводства Полоцкаго: Шпинка и Снарскій; изъ княжества инфлянтскаго: Бурзинскій, староста браславскій, Кипр. Загорскій, Іеронимъ Шейковскій, Ант. Домейко, Родзевичъ и подстоличъ Коссаковскій.

нахи всѣхъ орденовъ, академики въ своихъ тогахъ собрались въ костелъ такимъ же порядкомъ, какъ и прежде сбирались на торжество въ память 3-го мая. Послѣ обѣдни епископъ прочиталъ актъ конфедераціи. Онъ былъ написанъ гораздо короче, чѣмъ актъ коронной конфедераціи въ Тарговицѣ. Богослуженіе окончилось торжественнымъ «Te Deum», при громѣ русскихъ орудій. Народу устроили обѣдъ, гдѣ было изобиліе жареной говядины и пива. На третій день послѣ этого, назначенный маршаломъ провинціальной виленской конфедераціи, Игнатій Швейковскій выдалъ замѣчательный манифестъ, гдѣ въ рѣзкихъ чертахъ порицались дѣйствія противной партіи. «Паны сторонники этой партіи,—было тамъ сказано,—разобрали себѣ публичныя должности; изъ городскихъ казначействъ назначили себѣ пенсіи, торговали мѣстами, захватили сенаторскія и министерскія должности, произвели себя въ военные чины, сочинили новые, чтобы доставать по нимъ пенсіи, оскорбляли короля своими выходками, что̀ видно изъ сеймовыхъ дневниковъ, разсѣявали печатные пасквили, допускали въ псевдо-народныхъ газетахъ оскорбленія религіи, свободы и обычаевъ: столица разливала по всей странѣ ядъ, чтобы все извратить, разложить, уничтожить. Священнику этой партіи велѣно было не знать надъ собою духовнаго начальства, вмѣшиваться въ политическія смятенія; съ того мѣста, откуда излагалось ученіе евангелія въ духѣ кротости, проповѣдывались убійства и жестокости, выставлялись языческіе философы образцами подражанія и искоренялось у правовѣрныхъ уваженіе къ религіи и пастырямъ церкви. Нашъ пастырь, епископъ Масальскій, испыталъ въ самой своей резиденціи оскорбленія и угрозы, а разъѣзжая по своей епархіи, въ мѣстечкѣ Кальваріи подвергся задержанію и неприличному обращенію отъ муниципальной сволочи. Въ школахъ велѣно было внушать юношеству мнѣнія и убѣжденія, противныя закону; велѣно было полиціи въ городахъ и мѣстеч-

кахъ для шпіонства вторгаться въ шляхетскіе дома, вскрывать письма, раздавать знаки, съ надписью: *шея или конституція.* У старосты опецкаго, графа Мануцци, въ Вильнѣ, ограбили лошадей, бумаги, серебро, отобрали прислугу безъ всякаго слѣдствія; вольно было на публичныхъ обѣдахъ составлять заговоры, назначать людей для совершенія тайныхъ убійствъ и собирать «офяры» (пожертвованія) на награду убійцамъ». Конфедерація объявляла, что она желаетъ «умноженія военной силы, порядка, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраненія республиканскаго правленія. Насъ обвиняютъ, — говорится въ этомъ актѣ, — что мы призываемъ чужую помощь, допускаемъ чуждой монархіи писать намъ законы, и черезъ то попадемъ въ зависимость, потеряемъ свободу. О! если бы уста, такъ говорящія, никогда не противорѣчили себѣ, — не навлекли бы мы на себя этого несчастія, не нуждались бы въ помощи, подобно французскому дворянству, котораго устрашаютъ преслѣдованія и убійства, тогда бы мы лучше съумѣли уважать свою независимость и свободу».

Генералъ Хрущовъ занялъ Ковно и тамъ открылъ конфедерацію. Мѣщанство этого города отличилось тѣмъ, что добровольно учинило присягу на подданство императрицѣ. Двѣсти мѣщанъ подписались на присяжномъ листѣ, но главнокомандующій отправилъ къ ковенскому магистрату свѣдѣніе, что государыня не принимаетъ себѣ присяги отъ польскихъ городовъ, а великодушно и безкорыстно покровительствуя республикѣ, хочетъ только возвратить ей права.

Въ то время, когда Коссаковскій, Денисовъ и Кречетниковъ заняли Вильно, а Хрущовъ Ковно, командиръ другого русскаго корпуса, графъ Меллинъ, безъ боя достигъ до Минска, занялъ городъ, и потребовалъ отъ города и отъ всего воеводства покорности Россіи. Предводитель польскаго войска, Юдицкій, думалъ защищать пе-

реправу черезъ Нѣманъ и сталъ сначала у Свѣржова, но черезъ нѣсколько дней нашелъ свою позицію неудобною, и перешелъ къ Миру. Высланный изъ обоза, находившійся въ войскѣ Станиславъ Потоцкій (бывшій люблинскій посолъ), взявши отрядъ, отправился для узнанія о непріятелѣ и послалъ военачальнику курьера, побуждая его напасть на русскихъ какъ можно скорѣе, и увѣрялъ, что у русскихъ въ войскѣ безпорядокъ. Но прежде, чѣмъ Юдицкій сдвинулся съ мѣста, русскіе прогнали Станислава Потоцкаго, и вслѣдъ за нимъ явились передъ польскимъ войскомъ. 11-го іюня Юдицкій, какъ сказано, человѣкъ неспособный и неопытный, растянулъ свое войско въ одну линію, не обезпечивъ боковъ и тыла. Генералъ Меллинъ открылъ канонаду. По свидѣтельству очевидца (польскаго генерала Сулковскаго), послѣ третьяго пушечнаго выстрѣла вся польская кавалерія обратилась въ бѣгство, а какъ вслѣдъ за тѣмъ русскіе заняли возвышенность, которую Юдицкій безразсудно оставилъ впереди своего войска, и ударили изъ 80-ти орудій—все польское войско пошло въ разсыпную. «Такого страшнаго огня мы отродясь не видывали», говорили поляки.

Тѣмъ не менѣе въ Польшѣ и это дѣло въ «Народовой газетѣ» оглашено побѣдою поляковъ надъ москалями. Разбитое войско отступило къ Гродно и генералъ Юдицкій окончилъ свое военное поприще. Его смѣнили. Вмѣсто него назначили главнокомандующимъ литовскаго войска Михаила Забѣлло.

Генералъ Меллинъ послѣ побѣды подъ Миромъ прибылъ въ Новогродекъ, занялъ этотъ городъ 20-го іюня (2 іюля н. ст.) и разослалъ приказъ ко всѣмъ обывателямъ новогродскаго воеводства, назначая имъ двухъ-недѣльный срокъ, въ который они должны были явиться въ Новогродекъ и заявить покорность волѣ всемилостивѣйшей россійской императрицы, которая, какъ сказано было

въ приказѣ, изъ состраданія къ упадающему польскому народу послала свои войска не для разоренія края, а для спасенія погибающей свободы и оказанія помощи тѣмъ, кто прибѣгнетъ къ ея высокому покровительству. «Я совѣтую и прошу, писалъ графъ Меллинъ, всѣхъ обывателей, желающихъ сохранить жизнь, имущество и свободу, пожаловать въ Новгродекъ къ назначенному сроку, не подвергаясь поступленію съ собою, какъ съ врагами отечества». Этотъ приказъ, подъ страхомъ жестокаго наказанія, велѣно было ксендзамъ и русскимъ священникамъ читать въ храмахъ съ амвона.

Назадъ тому двѣнадцать дней, 8-го іюня, въ томъ же Новгродкѣ съѣзжались дворяне новгродскаго воеводства и составили актъ, подписанный сто семидесятью особами, гдѣ обѣщали стоять за конституцію 3-го мая. «А если бы насиліе чужого оружія,—сказано было въ этомъ актѣ,—или внутренней измѣны, подкрѣпленной чужими, вынудило у какого-нибудь обывателя какое-нибудь отреченіе или поступокъ, противный настоящему заявленію и конституціи 3-го мая 1791 года, все это, какъ дѣло насилія и принужденія, не должно имѣть силы въ глазахъ отечества и свѣта». Теперь литовскіе дворяне спѣшили, кто въ Вильно, кто въ Новгродекъ, ради спасенія своихъ имѣній заявлять покорность русской государынѣ, а между тѣмъ въ Гродно, гдѣ была тогда главная квартира литовской арміи, подъ ея прикрытіемъ собрались друзья конституціи 3-го мая, и 19-го іюня составили актъ, написанный вычурнымъ слогомъ, гдѣ жаловались на русское войско, которое приневоливало обывателей подписывать конфедерацію; они протестовали предъ Богомъ, мстителемъ несправедливости, передъ народами, государствами и правителями, чтобы всѣ знали, какъ имъ больно разставаться съ конституціею 3-го мая. Въ этомъ актѣ, какъ и въ новогродскомъ, сказано было: «А если бы когда-нибудь, отъ

кого-нибудь насиліемъ чужого оружія или внутренней измѣны, подкрѣпляемой чужими, вынудили какое-нибудь отреченіе, или какой-нибудь поступокъ, противный настоящему заявленію и конституціи, то все это, какъ дѣло насилія и принужденія, не должно имѣть силы въ очахъ отечества и свѣта». Такъ поляки приготовляли себѣ лазейки на будущія времена; можно было, склоняясь передъ насиліемъ, давать обѣщанія и присяги, а потомъ говорить, что это дѣлалось по принужденію и оправдывать нарушеніе присяги. Упрямыхъ хватали и привозили насильно; впрочемъ, враждебныя Россіи тогдашнія извѣстія единогласно говорятъ, что русскіе обращались кротко, вѣжливо и справедливо. За то свои поляки, приставшіе къ конфедераціи, позволяли себѣ грубости и даже безчеловѣчныя варварства. Такимъ показалъ себя нѣкто Пршисецкій; два года назадъ онъ судился въ люблинскомъ трибуналѣ и едва ушелъ отъ казни; теперь, назвавшись маршаломъ конфедераціи, онъ наѣзжалъ на дворы обывателей, которые показывали себя приверженцами конституціи, и производилъ грабежи. Графъ Мануцци, надъ которымъ за недоброжелательство къ конституціи издѣвались виленскіе мѣщане, выпекалъ глаза мѣщанамъ принадлежавшаго ему мѣстечка за то, что тѣ, опираясь на права, предоставленныя мѣщанскому званію конституціею 3-го мая, подали на него жалобу за причиняемыя отъ него утѣсненія. Въ памятникахъ того времени осталось очень характерное письмо какого-то Якутовича изъ Клосова къ Северину Ржевускому. Укоряя его за произведенную въ государствѣ смуту, онъ такъ описываетъ свое положеніе: «сожгли мой домикъ, мои амбары, забрали во дворѣ и въ деревнѣ птицу и скотъ, потравили луга и нивы, а меня самого козаки связали, привезли въ Вильно и тамъ меня розгами принудили подписывать реконфедерацію и отреченіе отъ конституціи 3-го мая, которой я присягнулъ добро-

вольно. Моя невѣстка со страха выкинула и умерла, а сынъ мой, ея мужъ, убитъ на службѣ въ литовскомъ войскѣ. Уже вотъ три раза терпитъ мой фольваркъ; первый разъ при Лещинскомъ, другой—во время конфедераціи при нынѣшнемъ королѣ, а теперь въ третій разъ, я потерялъ болѣе, чѣмъ на 30,000 злотыхъ. Бѣда намъ, убогой шляхтѣ, но бѣда и вамъ, великіе паны! Кровь наша и слезы наши предстанутъ предъ лицомъ Божіимъ и мщеніе небесное падетъ на головы ваши и дѣтей вашихъ. Не стану входить съ вами въ разсужденія: сами знаете, что дурно дѣлаете. *Польша нѣкогда войдетъ въ вѣчное соединеніе съ Россіею, выгодное обоимъ народамъ*, и тогда вы будете презираемы, а намъ воздадутъ честь за доблесть нашу».

Когда Коссаковскій занялъ Вильно, а Меллинъ Новогродекъ, Ферзенъ подступилъ къ Несвижу. Зaмокъ несвижскій расположенъ на удобномъ къ защитѣ мѣстѣ; съ двухъ сторонъ его окружалъ большой прудъ, съ третьей болото; отъ мѣстечка отдѣлялся онъ рвомъ, окруженнымъ палисадомъ, имѣлъ хорошій запасъ оружія, сорокъ девять пушекъ, гарнизонъ изъ восьмисотъ человѣкъ и много пороха. Комендантомъ былъ нѣкто Дедерко. Ферзенъ подошелъ къ Несвижу вечеромъ 17-го іюня, на другой день хотѣлъ было спустить воду изъ пруда, но это оказалось неудобно. 19-го іюня онъ устроилъ баттарею у несвижскаго костела, находящагося въ мѣстечкѣ противъ воротъ замка, и за первыми выстрѣлами Дедерко выкинулъ бѣлое знамя. Русскіе вошли въ замокъ, въ обширныхъ залахъ радзивилловскаго дворца обезоружили всѣхъ, составлявшихъ гарнизонъ, и отпустили на всѣ четыре стороны, взявъ съ нихъ обязательство не воевать противъ русскихъ. Поляки, давши слово, поспѣшили въ полки, въ надеждѣ бить москалей. Дедерко прибылъ въ Гродно. Забѣлло хо-

тѣлъ-было судить его, но получилъ изъ Варшавы приказаніе оставить всякое преслѣдованіе.

Изъ Несвижа Ферзенъ двинулся на Слонимъ и занялъ этотъ городъ 14 (24) іюня безъ сопротивленія; нѣсколько дней русскіе веселились; балы, праздники, обѣды давались друзьями конфедераціи.

Между тѣмъ Долгоруковъ двинулся къ Гродно; Кречетниковъ далъ приказаніе обоимъ отрядамъ, Ферзена и Меллина, соединившись, тѣснить литовцевъ за Бугъ.

Новый предводитель литовской арміи, Забѣлло, раздѣлилъ свою армію на три части: оставивъ часть въ Гродно, другую послалъ къ Новогрудку, а третью самъ повелъ противъ Ферзена. Планъ этотъ, самъ по себѣ неумѣстный при слабыхъ силахъ литовскаго военачальника, совершенно ему не удался. Поляки сознаются, что имъ здѣсь, какъ и въ украинскихъ провинціяхъ, трудно было находить себѣ шпіоновъ и добывать вѣрныя вѣсти о движеніяхъ непріятельской арміи, тогда какъ, по выраженію одного изъ ихъ историковъ, Сулковскаго, вся окрестность была наполнена московскими шпіонами изъ русиновъ, служившими шпіонами русскимъ, и вообще въ народонаселеніи этого края было очень мало желанія защищать Польшу. Это приписывали сильному вліянію Щенснаго Потоцкаго; у него были тамъ имѣнія, и какъ сильный магнатъ, онъ имѣлъ громадное вліяніе на весь прилежащій край: въ Польшѣ шляхта издавна привыкла идти за тѣми знатными панами, которые были къ ней ближе, держали ее въ рукахъ своей силой и богатствами. Поссессоры и чиншовники Потоцкаго, когда ихъ призывали къ конфедераціи, были безъ дальнихъ разсужденій за то, за что̀ былъ ихъ патронъ.

Командовавшій передовымъ отрядомъ литовской арміи маіоръ Ведельштедтъ хотѣлъ-было беречь переправу черезъ рѣку Зельву, но былъ опрокинутъ и примкнулъ къ

Забѣлло, стоявшему подъ мѣстечкомъ Изабелинымъ. 25-го іюня (6-го іюля), Забѣлло уходилъ черезъ лѣсъ, Ферзенъ и Меллинъ его преслѣдовали, а между тѣмъ Долгоруковъ занялъ Гродно и, не останавливаясь въ немъ, выступилъ къ Крынкамъ по направленію къ югу, чтобъ перерѣзать путь литовскому войску. «Ужъ видно свыше такъ было опредѣлено, чтобы на насъ сыпались несчастія, говоритъ описывающій эти событія Сулковскій. Двѣ недѣли сряду была непогода, а тутъ наступила гроза съ проливнымъ дождемъ. Глинистые косогоры стали недоступными для артиллеріи. Войско шло по колѣни въ грязи, узкая дорога была завалена дохлыми лошадьми и опрокинутыми возами, отголоски выстрѣловъ изъ непріятельскихъ карабиновъ соединялись съ шумомъ ночной грозы; въ дополненіе безпорядка, наша артиллерія была въ полнѣйшемъ разстройствѣ, и жолнѣры, будучи не въ состояніи идти по дорогѣ, пустились черезъ лѣсъ безъ команды. Счастье наше, что москали, по своему обычаю, пропустили лучшее время уничтожить, по крайней-мѣрѣ, половину нашей арміи». Поляки приписывали это, между прочимъ, несогласіямъ, которыя были между предводителями русской арміи, Ферзеномъ и Меллинымъ.

Забѣлло послалъ отрядъ на Мстибову, чтобы занять Долгорукова, а самъ усиленнымъ маршемъ спѣшилъ далѣе на западъ; потерпѣвши отъ грязи и непогоды, его войско стало терпѣть отъ зноя и жажды до того, что многіе приставали, а иные даже умирали. Польское военное начальство не подумало сдѣлать запаса воды на сутки. 2-го (13) іюля поляки дошли до города Бѣльска. Здѣсь предводитель раздѣлилъ свое войско: одну часть, подъ предводительствомъ своего родственника Шимона Забѣлло, отправилъ къ Бресту-Литовскому, а самъ съ другою 7-го (19-го) іюня сталъ на Бугѣ, у села Гранно.

Въ то же время и въ русской арміи было сдѣлано раз-

дѣленіе силъ. Ферзенъ получилъ приказъ идти къ Бресту и прикрывать генеральную конфедерацію, которая туда переходила, а Долгоруковъ и Меллинъ пошли на главныя литовскія силы. Забѣлло принялъ возможныя мѣры не пускать русскихъ черезъ Бугъ.

13-го (24-го) іюля русскіе открыли битву. Поляки разсказываютъ, что здѣсь они показали чудеса храбрости. Разсказы эти и преувеличены и подозрительны,— во всякомъ случаѣ храбрость ихъ не имѣла никакихъ послѣдствій. Князь Долгоруковъ, перейдя черезъ Бугъ съ четырьмя тысячами, сталъ обходить ихъ правое крыло, а Забѣлло, сообразивъ, что цѣль сраженія—оборона переправы—не достигается, ушелъ поскорѣе къ Венгрову. Тутъ пришло къ нему извѣстіе изъ Варшавы о перемиріи; онъ отправилъ къ русскому военачальнику письмо и получилъ отъ него отвѣтъ, что ему не мѣшаютъ идти къ Варшавѣ, а въ противномъ случаѣ будутъ дѣйствовать оружіемъ. Черезъ нѣсколько времени къ нему прислано было предложеніе отъ гетмана Коссаковскаго вступить съ нимъ въ разговоръ. Вечеромъ произошло свиданіе враговъ. Коссаковскій показалъ ему письмо короля, гдѣ король просилъ Забѣлло, какъ можно скорѣе, во что бы то ни стало. спѣшить къ Варшавѣ, и прибыть туда не позже 1-го августа.

VIII.

Финансовыя затрудненія. — Неудачное посольство Игнатія Потоцкаго.—Переговоры съ Булгаковымъ.—Письмо къ Екатеринѣ.—Отвѣтъ ея. —Король приступаетъ къ конфедераціи.—Бѣгство патріотовъ.—Впечатлѣніе событій [1]).

Въ то время, какъ польскія войска такъ неблистательно защищали падающее бытіе Рѣчи-Посполитой, король, получивъ отъ сейма диктаторскую власть, колебался то въ

[1]) См. источ. 18, 81, 28, 49, 80, 115, 25: дѣла сейма и Стражи, хран. въ Литовской Метрикѣ.

ту, то въ другую сторону. Денегъ недоставало. Попытка займа въ Голландіи окончательно не удалась; тѣ средства, которыя присылались жертвователями, были крайне малозначительны. Во всемъ мазовецкомъ княжествѣ, напримѣръ, собрано было по іюль мѣсяцъ всего 34,379 злотыхъ, кромѣ необходимыхъ приношеній оружіемъ. Скарбовая коммиссія объявила заемъ внутренній, предложивъ, чтобы приносили къ ней не менѣе 500 злотыхъ, и на эти взносы она будетъ выдавать знаки, приносящіе проценты 7%; военная коммиссія приходила безпрестанно въ недоразумѣнія съ скарбовою; еще 6-го мая скарбовая коммиссія доносила Стражѣ, что за выдачами для военнаго дѣла она не въ силахъ будетъ выдавать на жалованье войску. Такое же замѣчаніе отъ той же коммиссіи послѣдовало 21-го мая, между тѣмъ требованія болѣе и болѣе увеличивались, а средства полученія доходовъ умалялись.

Тарговицкая конфедерація успѣла парализовать экономическія силы противной стороны. Изъ тѣхъ воеводствъ, которыми овладѣла конфедерація, скарбовая коммиссія не получала ни гроша: все уже шло въ казну конфедераціи; въ тѣхъ же краяхъ, которые еще оставались за правительствомъ, припрятывали деньги, уклонялись отъ платежей, разсчитывали, что если конфедерація возьметъ верхъ, то придется платить ей и слѣдовательно поплатиться вдвойнѣ. Угрожающій универсалъ конфедераціи, гдѣ вмѣнялся въ преступленіе платежъ податей правительству, удерживалъ многихъ отъ такого платежа; къ тому же, многіе сборщики податей, почуявъ въ рукахъ у себя деньги, заблагоразсудили воспользоваться положеніемъ дѣлъ и перешли въ конфедерацію, обративъ собранныя деньги въ свою частную собственность. Наконецъ, нѣкоторые патріоты попользовались казною, собранною для военнаго дѣла. Аббатъ Пьятоли какъ увидалъ, что въ Польшѣ дѣло не клеится, подобралъ къ рукамъ своимъ значительную

сумму и уѣхалъ изъ Польши вмѣстѣ съ Мостовскимъ въ Дрезденъ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы, развѣдавши тамъ о состояніи дѣлъ, ѣхать въ Берлинъ обращать своимъ дипломатическимъ искусствомъ берлинскій кабинетъ въ пользу Польши. Въ самомъ же дѣлѣ Пьятоли, какъ разсчетливый авантюристъ, хотѣлъ заранѣе уйти подальше, не хлебавши той каши, которую варилъ вмѣстѣ съ другими. Тѣ, которые мѣряли умъ собственнымъ искусствомъ пользоваться обстоятельствами не разбирая средствъ, говорили: «онъ теперь составилъ себѣ состояніе тысячъ на сорокъ червонныхъ злотыхъ и разумѣется не воротится къ намъ, если не сдѣлается глупцомъ».

Въ первыя недѣли послѣ закрытія сейма, король то готовился ѣхать въ обозъ подъ Козеницами, то оставался въ своихъ Лазенкахъ и занимался тамъ своими прудами, картинами и статуями. Въ его жизни произошла теперь перемѣна. Послѣ многихъ сердечныхъ переворотовъ, король въ послѣднее время былъ подъ вліяніемъ пани Грабовской (урожденной Шидловской). Сдѣлавшись его женою (не королевой), она, не мѣшаясь въ интриги, не придерживаясь партій, постоянно, однако, внушала ему любовь къ отечеству, и ей-то, между прочимъ, онъ былъ обязанъ тѣмъ увлеченіемъ, съ какимъ до сихъ поръ предавался дѣлу реформъ.

Но въ послѣднее время пріѣхала въ Варшаву французская эмигрантка дѣвица Люлли съ своею теткою. Это была восьмнадцатилѣтняя особа необычайной красоты, несмотря на свою молодость, владѣвшая въ высокой степени женскимъ умѣньемъ завлекать и привязывать. Король плѣнился ею; родные, особенно братья напрасно хотѣли остановить его. Не жаль ему было Грабовской; m-lle Люлли овладѣла старымъ женолюбцемъ, сосала изъ него подарки, въ противоположность пани Грабовской, которая сама много отдавала на пользу отечества; француженка потре-

бовала пышныхъ экипажей, арабскихъ лошадей, брилліантовыхъ серегъ, браслетовъ. Король, который былъ уже и безъ того, какъ говорится, въ долгу, какъ въ шелку, удовлетворялъ прихоти своей возлюбленной, похищая общественныя деньги, врученныя въ его распоряженіе. Чуждая Польшѣ, она останавливала его отъ порывовъ отчизнолюбія и направляла къ эгоистичнымъ цѣлямъ. Она была одною изъ причинъ, почему король не имѣлъ духа выѣхать изъ Варшавы и колебался, не зная, за что взяться, куда прильнуть. Кружокъ, раздѣлявшій съ нимъ совѣты о государственныхъ дѣлахъ, дѣлился на двѣ партія и тянулъ слабаго короля въ разныя стороны. Малаховскій, Коллонтай, Потоцкіе, Сапѣга убѣждали его отважиться и ѣхать въ армію; Тышкевичъ, Анквичъ, канцлеръ Малаховскій, Дзѣконскій, Хребтовичъ представляли ему, что надобно постараться во что бы то ни стало помириться съ Екатериною. Король былъ утромъ въ одномъ, вечеромъ въ иномъ расположеніи духа, то возбуждалъ народъ къ отпору русскому войску, то посылалъ Понятовскому приказы отступать и не раздражать русскихъ. Первыя непріятныя извѣстія о неудачѣ, о взятіи Вильна, о дурныхъ оборотахъ литовскаго войска, испугали короля и пановъ: когда 7-го (19-го) іюня, въ засѣданіи военнаго совѣта, курьеръ, прибывшій съ поля битвы, краснорѣчиво разсказывалъ о неутѣшительномъ состояніи польской арміи и о силѣ русскихъ, на всѣхъ нашелъ ужасъ, говоритъ генералъ Комаржевскій. Сверхъ того, изъ Петербурга, отъ Деболи, присланы были новыя угрожающія вѣсти; онъ писалъ, что любимецъ императрицы Зубовъ, и съ нимъ по-русски мыслящая партія побуждаютъ Екатерину присвоить Украину. «Надобно опасаться, писалъ Деболи, чтобы императрица не схватилась за эти совѣты, и хотя въ послѣдней декларацiи она увѣряетъ, будто не хочетъ овладѣвать землею нашею, но сомнительно, чтобы Москва не покусилась те-

перь пріобрѣсть Украину; а тогда и королю прусскому уступятъ Гданскъ и Великую Польшу, да и венгерскому королю что-нибудь посулятъ за нанесеніе вреда Франціи».

Пока Игнатій Потоцкій былъ въ Берлинѣ, надежда на помощь Пруссіи, хотя и при сомнѣніяхъ, не покидала поляковъ. Прибывши въ прусскую столицу, Игнатій не засталъ тамъ Фридриха-Вильгельма, совершавшаго путешествіе въ Померанію. Министръ Шуленбургъ съ перваго же раза обдалъ Потоцкаго холодомъ и замѣтилъ, что поляки не могутъ получить отъ Пруссіи рѣшительнаго отвѣта; последней нужно напередъ снестись съ Австріею. Потоцкій однако дождался возвращенія короля, добился у него аудіенціи. Его приняли любезно, если вѣрить ему самому. Фридрихъ-Вильгельмъ замѣтилъ, что носятся слухи, будто польскій король началъ сношенія съ Россіею, но онъ этому не вѣритъ. Поговоривъ нѣсколько съ Потоцкимъ и не сказавъ ничего опредѣлительнаго, прусскій король назначилъ ему конференцію съ Шуленбургомъ. Потоцкому дали такой отвѣтъ: «прусскій король не считаетъ себя обязаннымъ къ исполненію союзнаго договора, заключеннаго въ 1790 году, потому что онъ договаривался съ республикою, а послѣ того Польша превратилась въ монархическое государство». При этомъ было Потоцкому поставлено на видъ, что въ Польшѣ распространились французскія демократическія идеи въ такомъ размѣрѣ, который не позволяетъ сосѣднимъ государствамъ оставаться равнодушными. Указывали на допущеніе мѣщанскаго сословія къ равнымъ правамъ съ дворянскимъ. Люккезини впослѣдствіи говорилъ въ Варшавѣ, что прусскій король сказалъ или приказалъ тогда сказать Потоцкому: «вы напрасно трудились ѣздить въ Берлинъ; есть прусскій посланникъ въ Варшавѣ, облеченный королевскимъ довѣріемъ». Потоцкій былъ отпущенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ доставленъ былъ чрезъ Люк-

кезини польскому королю отвѣтъ отъ прусскаго, такого содержанія:

«Съ великимъ сожалѣніемъ изъ письма вашего величества, поданнаго маршаломъ Потоцкимъ, узнали мы о печальномъ состояніи, въ какое поставлена Польша возникшею войною; но это надобно было предвидѣть со времени перемѣнъ, произведенныхъ въ Польшѣ назадъ тому уже годъ. Потрудитесь ваше величество припомнить, что, по многимъ поводамъ, маркизъ Люккезини имѣлъ отъ меня порученіе сообщить вамъ мои предостереженія на счетъ новаго порядка. Съ того времени, какъ водвореніе мира въ Европѣ дало мнѣ возможность ясно понять, что россійская императрица оказывала постоянное недоброжелательство къ постановленіямъ 3-го мая, образъ мыслей моихъ и моихъ министровъ никогда не измѣнялся и, вникая въ новую конституцію, которую Рѣчь-Посполитая измыслила безъ моего вѣдома, безъ моего вліянія, я никогда не думалъ ее поддерживать и защищать. Напротивъ, я предсказывалъ, что угрожающія выходки и приготовленія къ войнѣ, къ чему не разъ приступала Рѣчь-Посполитая, безспорно навлекутъ неудовольствіе россійской императрицы и повергнутъ Рѣчь-Посполитую въ тѣ несчастія, которыхъ она хотѣла избѣжать. Послѣдствія оправдали эти вѣрные взгляды, и въ настоящихъ обстоятельствахъ нельзя не сознаться, что если бы не новый образъ правленія и не новыя заявленія о готовности его поддерживать, петербургскій дворъ никогда бы не прибѣгнулъ къ тѣмъ мѣрамъ, какія предпринялъ теперь. Хотя расположеніе вашего королевскаго величества меня сильно обязываетъ и хотя я принимаю участіе во всемъ, что только касается благосостоянія Польши, но ваше королевское величество сами убѣдитесь, что учрежденія, установленныя съ того времени, какъ я вступилъ въ союзъ съ Польшею, и настоящія обстоятельства, вызванныя конституціею 3-го мая,

возникли позже договора, заключеннаго со мною, и самая эта конституція не согласна съ этимъ договоромъ: а поэтому удовлетвореніе ожиданій вашего королевскаго величества не составляетъ моей обязанности, преимущественно же въ такомъ случаѣ, если желанія патріотической партіи неизмѣнны и если она будетъ упорно добиваться во что бы то стало отстоять свое дѣло. Но если, возвращаясь къ прежнему порядку, патріоты примутъ во вниманіе, что для нихъ со всѣхъ сторонъ возникаютъ затрудненія, я готовъ обратиться къ россійской императрицѣ и въ то же время войти въ объясненія съ вѣнскимъ дворомъ, съ цѣлію уладить взаимные интересы и согласиться въ прiисканіи средствъ, могущихъ дать Польшѣ прочное спокойствіе».

Прусскій король отказалъ на-отрѣзъ въ просьбѣ объ оружіи и не допустилъ генераламъ Калькрейту и Гайнану служить въ польскомъ войскѣ, какъ того домогались поляки. На это имъ отвѣчали, что генералы эти имѣютъ особыя назначенія. Изъ королевскихъ писемъ того времени видно, что при дворѣ прусскомъ всѣ министры и вліятельные люди оказались тогда недоброжелателями Польши и даже самъ Бишофсвердеръ.

Не болѣе успѣха получили поляки и въ сношеніяхъ съ Австріею. Еще прежде Кобенцель выговаривалъ Вòйнѣ, что поляки болѣе довѣряли Пруссіи, чѣмъ Австріи и замѣтилъ, что у нихъ существовали замыслы отнять у Австріи Галицію. Вóйна увѣрялъ, что этого не было. «Мы сохраняли, говорилъ онъ, добрыя отношенія къ Пруссіи, слушаясь совѣтовъ вѣнскаго двора». Но этимъ онъ не расположилъ австрійскій кабинетъ къ Польшѣ. Кауницъ отпускалъ насмѣшки надъ приготовленіями поляковъ къ войнѣ и называлъ польское войско ксерксовымъ ополченіемъ. Чарторыскій, несмотря на свое давнее знакомство съ Вѣною, не возбудилъ своимъ посольствомъ бóльшаго вниманія къ Польшѣ. Напрасно онъ дѣлалъ намеки, что

поляки готовы избрать себѣ въ короли кого-нибудь изъ австрійскихъ принцевъ. Австрійскіе дипломаты слишкомъ хорошо понимали положеніе поляковъ, не вѣрили польскимъ сеймамъ, не цѣнили польской короны и не прельщались никакими видами. Австрія нуждалась въ Россіи, потому что послѣдняя была ея союзницею въ коалиціи противъ Франціи, и Австрія должна была дозволить Россіи и Пруссіи распространять свои предѣлы на счетъ Польши, ради того, чтобы ее самую допустили овладѣть сѣверными французскими провинціями и присоединить ихъ къ своимъ бельгійскимъ владѣніямъ или же провести свои виды на Баварію, которую думала промѣнять на Бельгію. Между дворами шли тогда переговоры о томъ, что̀ кому слѣдуетъ отдать. Это называлось на дипломатическомъ языкѣ вознагражденіемъ (indemnité, Entschädigung) за издержки на войну противъ Франціи. Австрія хотя и побаивалась Россіи, чтобы послѣдняя, вмѣшиваясь въ дѣла Польши, не утвердилась до того, что потомъ не будетъ нуждаться въ содѣйствіи сосѣдей,—но такъ какъ у Австріи шло дѣло объ увеличеніи своей территоріи посредствомъ вмѣшательства во французскія дѣла, поэтому она и не могла заявлять ничего противнаго Россіи, союзъ которой былъ для нея важенъ. Выходило, что и для Австріи, какъ для Пруссіи, Польша была въ будущемъ матеріаломъ вознагражденія за издержки, понесенныя коалиціею противъ Франціи.

Изъ Константинополя Петръ Потоцкій извѣщалъ, что всѣ его попытки подѣйствовать на Турцію оказываются безуспѣшными, и, 13-го іюля, Станиславъ-Августъ писалъ къ своимъ ближнимъ, что на Турцію нѣтъ ни малѣйшей надежды и надобно отозвать польское посольство изъ Константинополя: оно обходилось очень дорого.

Маршалъ Потоцкій прибылъ въ Варшаву изъ своей берлинской миссіи въ совершенномъ отчаяніи относительно Пруссіи. Патріоты, собравшись у короля, сожалѣли о сво-

ей довѣрчивости къ прусскому королю, называли его измѣнникомъ. Между тѣмъ королю донесли, что прусскія войска приближаются къ польской границѣ. Станиславъ-Августъ послалъ къ Люккезини Дзѣдушицкаго спросить его: правда ли это?—«Я объ этомъ не знаю, — сказалъ Люккезини,—но вотъ австрійскій посланникъ Де-Кашѐ показывалъ мнѣ свою депешу, которую въ свое время долженъ сообщить и вамъ. Въ ней говорится, что если Польша приступитъ къ вооруженію крестьянъ и вообще прибѣгнетъ къ какимъ-нибудь сильнымъ мѣрамъ въ такомъ родѣ, — вѣнскій дворъ не можетъ оставаться хладнокровнымъ и долженъ будетъ принять съ своей стороны нѣкоторыя мѣры, чтобы воспрепятствовать распространенію безпорядковъ. Скажу вамъ: если у васъ будутъ составляться реконфедераціи, то, вѣроятно, и я получу отъ своего двора депешу, подобную той, какую получилъ г. Де-Кашé отъ своего».

Маршалъ Потоцкій, бывшій до сихъ поръ такимъ свирѣпымъ врагомъ русской государыни, первый тогда подалъ совѣтъ обратиться къ Россіи. Коллонтай былъ того же мнѣнія. Тѣ, которые и прежде были за примиреніе съ Россіею, побуждали короля поскорѣе начать переговоры съ нею. Изливаясь въ проклятіяхъ на прусскаго короля, они даже стали надѣяться, что съ помощью Россіи можно будетъ отомстить коварному сосѣду, такъ что онъ дорого поплатится за свое предательство. Маршалъ Потоцкій, находя что теперь необходимо просить у Россіи пощады, хотѣлъ однако, чтобы при этомъ сохранено было достоинство независимой Рѣчи-Посполитой и въ то же время оставлялъ лазейку и для Пруссіи: его и сообщниковъ его утѣшало еще то, что послу Рѣчи-Посполитой въ Берлинѣ не дали отпуска, когда онъ просилъ его, и замѣтили, что онъ не долженъ показывать этимъ, какъ будто бы Польша находится въ разладѣ съ Пруссіею. Изъ этого заключили, что прусскій король, побаиваясь Екате-

рины, соображалъ, что быть можетъ еще встрѣтятся обстоятельства, когда ему придется прикрѣпиться къ тому союзу съ Польшею, на который Польша постоянно ссылалась. Послѣ споровъ и толковъ, рѣшились послать Хребтовича къ Булгакову.

Литовскій подканцлеръ явился къ русскому послу 7-го (19-го) іюня ночью, и просилъ перемирія.

«Я не имѣю на то полномочія отъ государыни,—отвѣчалъ Булгаковъ.—Нужно прежде раскаяться всѣмъ и принять за основаніе декларацію, мною поданную».

«Король, — сказалъ Хребтовичъ,—желаетъ прекратить кровопролитіе. Имѣютъ ли русскіе генералы полномочіе заключить перемиріе?»

«Мнѣ неизвѣстны ихъ инструкціи, — сказалъ Булгаковъ, – но я думаю, онѣ сходны съ моими. Отъ васъ все зависитъ,—войска русскія вошли къ вамъ дружески».

«Дайте намъ совѣтъ, что намъ дѣлать?» спросилъ Хребтовичъ.

«Одинъ совѣтъ могу дать,—сказалъ русскій посолъ, — не теряя времени, прибѣгните къ великодушію императрицы, которое всему свѣту извѣстно. Нужно только съ вашей стороны нелицемѣрное чистосердечіе и добрая воля».

Хребтовичъ сказалъ: «Уже не только король, самъ Малаховскій и Коллонтай и другіе зачинщики склонны прибѣгнуть и отдаться на волю ея величества».

«Если въ самомъ дѣлѣ такъ,—сказалъ Булгаковъ,—я готовъ вамъ служить».

«Мы сами видимъ,—сказалъ Хребтовичъ,—что нѣтъ намъ иного спасенія. Я такъ и прежде думалъ, и за то подвергался злобѣ. Король и всѣ истинно любящіе отечество хотятъ предложить польскій тронъ великому князю Константину Павловичу и просятъ императрицу учредить прочное правленіе въ Польшѣ. Если же это встрѣтитъ какое-нибудь политическое препятствіе, или просто не бу-

детъ угодно императрицѣ, то мы просимъ выбрать намъ въ государи, при нынѣшнемъ королѣ, кого угодно. Если государыня и на это не согласится, то пусть заключится союзъ съ Россіею вѣчный или временный на какихъ угодно основаніяхъ, съ обязанностью взаимной помощи другъ другу, съ правомъ прохода русскимъ войскамъ черезъ владѣнія Рѣчи-Посполитой, какъ бывало прежде, и съ выгоднымъ торговымъ трактатомъ. Иначе: если и того не угодно, пусть Россія перемѣнитъ намъ правленіе и выброситъ изъ него что̀ угодно; если же наконецъ и это не понравится, мы предаемся неограниченной волѣ государыни, ея великой мудрости и неизреченнымъ щедротамъ».

На все это Булгаковъ сказалъ: «Я не знаю высочайшей воли и остаюсь пока въ почтительномъ молчаніи, а изъ того что вы сказали, послѣднее лучше всего. Союзный трактатъ существуетъ между нами, несмотря на дерзкій поступокъ настоящаго сейма; но если окажется потребность расширенія его, государыня не будетъ противиться. Независимость и вольность ваша тѣмъ и утверждается, что всякій сеймъ собирается изъ новой партіи и отмѣняетъ прежнее только единогласіемъ; однако нынѣшій сеймъ не годится; нужно составить новый съ помощію генеральной конфедераціи».

«Этого мы и боимся, — сказалъ Хребтовичъ, — кто будутъ въ новомъ сеймѣ? Все такіе же поляки, та же злоба, тѣ же легкомысленныя личности, собственный интересъ. Они могутъ сочинить конституцію еще похуже, а мы желаемъ, пусть ея величество поправитъ намъ форму правленія или дастъ готовую».

«Основательна ваша боязнь,—сказалъ Булгаковъ,—но теперь вамъ нечего бояться конфедераціи; она составилась подъ покровительствомъ государыни и не выступитъ изъ тѣхъ предѣловъ, какіе сама себѣ предписала и изъ

декларацiи, которая должна служить всему основанiемъ. Россiйскiй министръ будетъ имѣть за нею смотрѣнiе и не допуститъ, чтобы сеймъ будущiй былъ подобенъ нынѣшнему, на которомъ, при отсутствiи благомыслящихъ, часто двадцать человѣкъ сеймующихъ постановляли законы. Чрезвычайно полезно было бы, если бы король препроводилъ государынѣ предложенiя, исполненныя не краснословiя, но искренности».

Прошло два дня послѣ того; король получилъ новыя непрiятныя извѣстiя изъ Украины о пораженiи на Борушковской плотинѣ, и объ оставленiи Полоннаго. Это сдѣлало короля и его окружающую среду еще уступчивѣе. 10-го числа, вечеромъ Хребтовичъ представилъ Булгакову проектъ письма къ государынѣ и записку съ предложенiями. Посолъ нашёлъ письмо короля темнымъ и несходнымъ съ тѣмъ, что говорилъ Хребтовичъ; онъ понялъ, что поляки хотятъ хитрить, и сказалъ:

«Эти пьесы не походятъ на то, что было условлено между нами, и не произведутъ дѣйствiя на ея величество. Все это перепутано маршаломъ Потоцкимъ; онъ хоть и согласенъ съ королемъ на поступокъ, но совѣтуетъ не забывать республики и равенства съ прочими державами».

«Король, — сказалъ Хребтовичъ, — велѣлъ сказать, что онъ перемѣнитъ все, когда вы найдете нужнымъ.»

«Да, — сказалъ Булгаковъ, — если король признаетъ мое мнѣнiе для себя нужнымъ, пусть держится того, что мы вчера съ вами говорили; пусть король прежнее подпишетъ или включитъ въ свое письмо».

Хребтовичъ вышелъ и воротившись черезъ нѣсколько часовъ, привезъ Булгакову черновое письмо. Булгаковъ самъ сдѣлалъ нѣсколько примѣчанiй и отдалъ Хребтовичу.

Послѣ того, ему доставили пакетъ для доставленiя

государынѣ и просили съ своей стороны ходатайствовать и свидѣтельствовать о чистосердечіи намѣреній польскаго короля.

Хребтовичъ коснулся Пруссіи, увѣрялъ, что теперь всѣ начинаютъ злиться на Пруссію, всѣ жалѣютъ, зачѣмъ слушали внушеній противъ Россіи со стороны Пруссіи и намекалъ на желаніе поляковъ, чтобы Россія отомстила Пруссіи за ея козни.

«Я прошу васъ не заблуждаться,—сказалъ Булгаковъ,—и не думать, чтобы Россія, для извиненія передъ свѣтомъ сумасбродствъ нынѣшняго сейма, захотѣла когда-нибудь помочь вамъ въ мщеніи прусскому королю вооруженною рукою».

Въ письмѣ, посланномъ государынѣ, послѣ перваго вступленія, Станиславъ-Августъ припоминалъ прежде всего русской государынѣ то писаніе, которое онъ подалъ ей на галерѣ въ Каневѣ, и замѣтилъ, что если его усилія не осуществили этотъ планъ, то вина была не его. «Вамъ, государыня,—говорилъ онъ затѣмъ,—нужно имѣть вліяніе на Польшу и безпрепятственно проводить черезъ нее свои войска, всякій разъ, когда вамъ будетъ угодно заняться Турціею или Европою, а намъ нужно избавиться отъ безпрестанныхъ потрясеній, которыя неизбѣжно у насъ происходятъ въ каждое безкоролевье, оттого, что мы приглашаемъ вмѣшиваться въ наши дѣла сосѣдей и сами вооружаемся другъ противъ друга. Намъ нужно правленіе устроенное внутри лучше, чѣмъ-то, которое было у насъ до сихъ поръ. Дайте намъ въ наслѣдники мнѣ вашего внука, князя Константина, пусть вѣчный союзъ соединитъ двѣ страны, и къ этому присоединится взаимнополезный торговый договоръ; нѣтъ нужды говорить, что обстоятельства дѣлаютъ исполненіе этого плана легкимъ. Не мнѣ давать совѣты или указывать виды вашему величеству. Я обращаю къ вамъ теплыя мольбы: удостойте

выслушать меня и войти въ мое положеніе. Сеймъ поручилъ мнѣ власть заключить, безъ его участія, перемиріе, а не окончательный миръ. Я начинаю съ просьбы даровать намъ перемиріе, а за остальное отвѣчаю я, лишь бы вы мнѣ дали время и средства. Въ настоящее время происходитъ великая перемѣна въ умахъ и вы можете быть увѣрены, что энтузіазмъ къ тому, что я предложилъ вамъ будетъ еще больше, чѣмъ къ тому, что до сихъ поръ совершено сеймомъ. Но не скрою отъ васъ: если вы станете требовать строго того, что изложено въ декларації, тогда не въ моей власти будетъ исполнить то, что я желалъ бы сдѣлать.

«Я знаю, вы можете думать, что силы, которыя у васъ въ рукахъ, достаточны для того, что требуетъ декларація, безъ всякихъ уступокъ. Но на это мнѣ остается отвѣчать надеждою, что ваше сердце, которое, какъ я льщу себя, мнѣ извѣстно, не предпочтетъ путей крайней строгости путямъ кроткимъ, сообразнымъ съ вашею славою и нашими желаніями. Еще разъ повторяю, не отриньте, заклинаю васъ, моей усердной мольбы, дайте намъ перемиріе какъ можно скорѣе; смѣю повторить, все, что я вамъ предложилъ, будетъ принято и исполнено націей, лишь бы вы снисходительно удостоили принять средства, нами представленныя».

«Польша у ногъ вашего величества,—писалъ Булгаковъ Екатеринѣ, — я не думалъ, чтобы такъ рано это сдѣлалось».

Письмо короля къ Екатеринѣ было подписано 11-го (22-го) іюня. Нѣсколько дней потомъ поляки утѣшали себя инымъ. Въ тотъ самый день, какъ написано было письмо по исправленной Булгаковымъ редакціи, король получилъ донесеніе отъ Іосифа Понятовскаго о дѣлѣ подъ Зеленцами, единственномъ, сколько-нибудь удачномъ дѣлѣ поляковъ въ этой войнѣ. Оно представлено было, какъ во-

дится, въ преувеличенномъ видѣ и поляки воображали, что москали, потерявъ, какъ имъ было донесено, до 4,000 въ стычкѣ, стоившей полякамъ не болѣе 800 человѣкъ, согласятся на перемиріе, размысливъ, что не легко воевать съ такими храбрецами.

Люккезини и послѣ королевскаго письма не переставалъ все-таки нѣкоторое время кружить полякамъ головы. Перехваченное письмо Виртембергскаго принца къ прусскому королю отдано было Люккезини по его требованію, и прусскій посолъ при свиданіи съ королемъ, замѣтивъ слегка о неудовольствіи своего короля за то, что вскрываютъ письма, адресованныя къ нему, сказалъ: «Я, однако, получилъ отъ короля своего письмо, гдѣ онъ положительно отрекается отъ всего, что̀ бы могли приписывать ему въ поступкахъ принца Виртембергскаго, котораго онъ. независимо отъ интереса къ нему, какъ къ родственному лицу и брату великой княгини россійской, не хотѣлъ ни къ чему ни побуждать, ни останавливать въ его дѣйствіяхъ по отношенію къ его мудрой тещѣ.» Когда Станиславъ-Августъ навелъ разговоръ на письмо прусскаго короля, Люккезини сказалъ: «я самъ не знаю хорошо смысла конца письма его величества, короля моего, и если ваше величество уѣдете въ обозъ, нужно, чтобы здѣсь оставалось отъ васъ довѣренное лицо, съ которымъ бы я могъ говорить, когда будетъ необходимо». Король указалъ на Хребтовича.

Эти ласковыя отношенія къ прусскому послу стали было оживлять легковѣрныхъ слабою надеждою, но 17-го (28-го) іюня, когда въ военномъ совѣтѣ хотѣли дѣлать распоряженія по поводу изъявленной дворянствомъ Великой Польши готовности вооружиться на защиту конституціи 3-го мая, Пруссія объявила черезъ своего посла, что прусскія войска войдутъ въ Польшу, если поляки не прекратятъ войны съ Россіею. Тогда король сообщилъ Люк-

кезини о томъ, что онъ отправилъ къ императрицѣ просьбу о перемиріи и просилъ русскаго посла, чтобы берлинскій кабинетъ ходатайствовалъ у нея объ амнистіи (o uprgszeniu amnestyi). Съ своей стороны Де-Каше подтвердилъ то, что говорилъ о немъ Люккезини и показалъ Хребтовичу депешу, гдѣ было предписано ему, на случай если въ Польшѣ возникнутъ ложныя надежды и химерическіе планы, сообщить варшавскому двору, что его величество венгерскій и чешскій король, въ отношеніи польскихъ дѣлъ вообще и въ особенности по вопросу о престолонаслѣдіи, не имѣетъ другихъ взглядовъ, кромѣ тѣхъ, которые показываютъ дворы петербургскій и берлинскій. Но въ то же время поляки получили изъ Вѣны ободрявшія ихъ слухи, будто Кейтъ говорилъ: если поляки продержатся противъ русскихъ недѣли двѣ, то найдутъ себѣ пріятелей.

Переходъ къ самоуниженію отъ задорнаго тона становился рѣзче по мѣрѣ того, какъ извѣстія изъ арміи приходили все хуже. Пораженіе Юдицкаго, занятіе литовскихъ воеводствъ, одного за другимъ, наводило ужасъ, а съ западной границы приходили извѣстія, что прусскія войска подвигаются къ польскимъ предѣламъ. Средства истощались; онѣ важны казались только на бумагѣ, но не удовлетворяли разнообразныхъ потребностей, возникавшихъ въ то время. Вслѣдъ за отправкою письма къ Екатеринѣ, король писалъ: «у насъ такъ мало денегъ, что мнѣ не съ чѣмъ подняться, чтобы ѣхать до Козеницъ, и потому мы перемѣняемъ мѣсто стана—заложимъ его въ Прагѣ, близъ самой Варшавы». Кавалерія, которая собиралась въ Козеницахъ, перешла въ Прагу, и къ ней присоединена была пѣхота, находившаяся въ Варшавѣ. Но этотъ обозишко (станъ), какъ называлъ его самъ король, въ десять дней едва могъ устроиться. Всего войска, по извѣстію короля, набралось въ немъ не болѣе пяти тысячъ. Хотя патріотическія га-

зеты того времени и восхваляли всеобщую готовность поляковъ идти въ службу и проливать кровь за отечество, но, по свидѣтельству современника, близко знавшаго дѣла, Комаржевскаго, мало принесли пользы воззванія короля къ обывателямъ и порученія, данныя бывшимъ посламъ, разъѣхавшимся по воеводствамъ, о наборѣ охотниковъ и о снаряженіи изъ нихъ войска: иные напрямикъ отказывались стоять за конституцію 3-го мая и перешли на сторону конфедераціи, другіе, и такихъ больше всего было, не отвѣчали на воззваніе ничѣмъ, выжидая, чья возьметъ; меньшая же часть показала свой патріотизмъ и дѣйствительно заявляла охоту служить отечеству, но просила у правительства денегъ и оружія, а правительство не могло дать ни того, ни другого.

23-го іюня король издалъ универсалъ къ гражданско-военнымъ коммиссіямъ и вообще къ начальствующимъ надъ воеводствами, землями и повѣтами, предписывая собирать охотниковъ и препровождать, какъ можно скорѣе, въ обозъ въ Прагу, снарядивъ ихъ сколько возможно на счетъ получаемыхъ пожертвованій; потомъ разосланы были правила назначеннымъ надъ охотниками начальникамъ или регментарямъ, получавшимъ отъ короля патентъ на эту должность. Но съ каждымъ днемъ надежды умалялись. 11-го іюля король писалъ, что уже вся Литва и Украина потеряны и не могутъ доставлять ни гроша, а половина Польши безъ того уже совсѣмъ не платитъ поборовъ и не доставляетъ войска. Тарговицкая сторона повсюду начала брать верхъ, по мѣрѣ того, какъ узнавали навѣрное, что русскія войска берутъ верхъ надъ польскими.

Каждый день нетерпѣливо ожидали письма отъ императрицы и удивлялись, что долго оно не присылалось. Самъ Булгаковъ этому дивился. Король и окружавшая его партія 3-го мая боялись болѣе всего, чтобы императрица не отдала ихъ произволу конфедератовъ. Король ожидалъ

отъ нихъ для своей особы всевозможнѣйшихъ униженій, а его сторонники опасались даже за жизнь.

Въ Варшавѣ уже не стало прежней горячности къ защитѣ отечества. Большинство роптало на короля и на патріотовъ, зачѣмъ раздражали Россію, зачѣмъ довѣряли Пруссіи. Только самые завзятые патріоты, подстрекаемые Малаховскимъ и Коллонтаемъ, для поддержки народнаго духа распускали ложные слухи, что Порта опять объявила Россіи войну, что французы побили союзниковъ и будутъ защищать Польшу, а Игнатій Потоцкій, бывъ у каштелянши Каминской, говорилъ: «вольно меня повѣсить, а я утверждаю, что мы выйдемъ счастливо изъ войны съ Россіею. Русскіе, если не будутъ побѣждены, то будутъ вырѣзаны всѣ вдругъ, тогда, когда имъ на мысль это не придетъ». Такія выходки повторяли другіе въ иныхъ домахъ, и Булгаковъ узналъ объ нихъ: на то у него были повсюду шпіоны, даже между прислугою Игнатія. Такимъ образомъ, мысль расправиться съ русскими, коварнымъ образомъ мирясь съ ними, уже тогда была брошена между поляками; съ тѣхъ поръ она возрастала и, какъ увидимъ, была приведена въ исполненіе въ свое время.

Наконецъ отвѣтъ императрицы былъ полученъ 12-го (23-го) іюля. Онъ былъ написанъ изъ Царскаго Села отъ 2-го іюля, и состоялъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Я получила письмо, которое вашему величеству угодно было писать ко мнѣ 22-го іюня н. с. Сообразно съ вашимъ желаніемъ уклоняюсь отъ всякихъ прямыхъ разсужденій о томъ, что произвело настоящій кризисъ въ дѣлахъ, но желаю въ свою очередь, чтобы средства соглашенія, предложенныя вашимъ величествомъ, были сообразны съ моими чистыми и прямыми намѣреніями, объявленными въ декլараціи, опубликованной мною въ послѣднее время въ Польшѣ. Слѣдуетъ возвратить Рѣчи-Посполитой ея древнюю свободу и ея форму правленія,

гарантированную моимъ договоромъ съ нею и насильственно ниспроверженную революціею 3-го мая, съ попраніемъ самыхъ священныхъ законовъ и преимуществъ Pacta Conventa, къ точному соблюденію которыхъ обязываютъ васъ и права вашего величества и повиновеніе вашихъ подданныхъ. Только слѣдуя этимъ священнымъ и спасительнымъ видамъ, ваше величество можете убѣдить меня въ искренности расположенія, которое вы мнѣ свидѣтельствуете, и въ желаніи содѣйствовать дѣйствительному благу польской націи. Самая здоровая часть ея образовала конфедерацію для возстановленія правъ, неправедно похищенныхъ. Я обѣщала ей мою помощь и буду оказывать ее со всею силою, насколько позволятъ мои средства. Льщу себя надеждою, что ваше величество не захотите ожидать послѣдней крайности для того, чтобы признать эти мѣры, и немедленнымъ приступленіемъ къ конфедераціи, составленной подъ моимъ покровительствомъ, поставите меня въ состояніе, согласно съ моимъ искреннимъ желаніемъ, быть вашего величества доброю сестрою, другомъ и сосѣдкою».

Письмо русской государыни пришло въ критическія минуты. Передъ тѣмъ только скарбовая коммиссія донесла Стражѣ, что у нея нѣтъ болѣе никакихъ фондовъ, она не можетъ отпускать на военныя потребности требуемыхъ суммъ и не въ состояніи выдавать войскамъ денегъ на обыкновенные раціоны и порціоны. Естественно, письмо Екатерины навело ужасъ. Сбылось то, чего король и виновники 3-го мая такъ боялись. Императрица предавала ихъ въ руки ненавистной для нихъ конфедераціи. О предложеніи возвести на польскій престолъ внука—Екатерина не говорила ни слова. Поддѣть ее на эту удочку было невозможно.

Политика Екатерины не дозволяла ей допустить себя одурачить неловко скрытою хитростію, клонившеюся толь-

ко къ тому, чтобы поссорить сосѣдей. Поляки на этотъ разъ хотѣли провести русскихъ тѣмъ же самымъ способомъ, какъ они въ XVII вѣкѣ провели ихъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, обѣщавши сдѣлать его преемникомъ Яну Казимиру, но извѣстно, что два раза позволяютъ обманывать себя одной и той же сторонѣ только глупцы. Для Россіи уроки исторіи не проходили даромъ, особенно когда на ея престолѣ сидѣли умныя личности. Принять Россіи предложеніе поляковъ въ это время значило ни болѣе ни менѣе какъ завязать неминуемую войну съ Пруссіею и вѣроятно съ Австріею, и притомъ въ такое время, когда вообще въ Европѣ монархическимъ правленіямъ угрожала опасность, когда по нравственнымъ понятіямъ, проповѣдуемымъ тогдашними государями, въ томъ числѣ и Екатериною, на нихъ лежала обязанность передъ Богомъ и совѣстію защищать старые порядки, и поэтому, удаляясь отъ причинъ, могущихъ возбудить между ними несогласія, всѣмъ становиться подъ одно общее знамя. Сверхъ того, и безъ этого послѣдняго обстоятельства, если бы Россія и отважилась принять тогдашнее предложеніе поляковъ и чрезъ то нажила бы себѣ враговъ, то не было сомнѣнія, что въ числѣ этихъ враговъ стали бы также поляки.

Вице-канцлеръ Остерманъ тогда же писалъ къ Булгакову, что предложеніе короля не что иное какъ «ловушка, разставляемая намъ коварными его совѣтниками. Предлагать ея императорскому величеству избрать наслѣдникомъ польскаго престола ея внука, великаго князя Константина, въ то время, когда она уже объявила, что главнѣйшая цѣль ея вооруженія есть возвратить старинные законы и порядокъ въ Рѣчи-Посполитой и въ томъ числѣ избирательное правленіе, не значитъ ли бросать подозрѣніе на ея безкорыстіе, воображать, что она думаетъ только объ обезпеченіи своей фамиліи (къ чему

у нея средства есть и безъ того) и стараться подорвать доброе согласіе петербургскаго двора съ вѣнскимъ и берлинскимъ по польскимъ дѣламъ? Что же касается до перемирія, предлагаемаго королемъ, то между Россіей и Польшей нѣтъ войны вовсе. Россія находится въ полнѣйшемъ согласіи и дружественныхъ отношеніяхъ съ истинной Рѣчью-Посполитою и помогаетъ ей противъ внутреннихъ враговъ. Въ глазахъ ея величества одна конфедерація составляетъ Рѣчь-Посполитую, а потому отговорка короля, что ему дали право только заключить перемиріе, а не вѣчный миръ, не имѣетъ смысла». Остерманъ замѣчалъ при этомъ, что не слѣдуетъ терять времени; пусть король, приступя къ конфедераціи, скорѣе прекратитъ кровопролитіе, иначе своей медленностію онъ уменьшитъ къ себѣ великодушное вниманіе императрицы, которая до сихъ поръ удерживаетъ его на тронѣ, тогда какъ можетъ всегда столкнуть съ него.

Получивъ роковое письмо императрицы и объясненія на него отъ Булгакова, король собралъ маршаловъ сейма и маршаловъ конфедераціи, своего брата, примаса и министровъ, всего двѣнадцать человѣкъ. Король просилъ у нихъ совѣта, что̀ теперь дѣлать.

«Ничего не остается, какъ пожертвовать конституціею 3-го мая, для спасенія отечества», сказалъ примасъ.

«Ни одной минуты нельзя медлить, приступить къ тарговицкой конфедераціи, чтобы избѣгнуть напраснаго кровопролитія», сказалъ канцлеръ Малаховскій.

«Я знаю одну законную конфедерацію,—сказалъ Игнатій Потоцкій,—всякая другая, хоть бы за нее было пять монарховъ, незаконна».

«Я давно былъ несогласенъ съ новою формою правленія; не надобно терять драгоцѣннаго времени», сказалъ Мнишекъ.

«И я всегда былъ противъ конституціи 3-го мая», сказалъ Тышкевичъ.

«Надобно во всемъ покориться волѣ государыни, — какъ она требуетъ, такъ и поступить», сказалъ Хребтовичъ.

Маршалъ Малаховскій спросилъ подскарбія: сколько въ скарбѣ денегъ въ наличности?

«301,000 злотыхъ», отвѣчалъ подскарбій.

«Этого мало», сказали всѣ.

«Если къ этому присоединить, —сказалъ король,—все, что можно собрать, и тогда четырехъ недѣль нельзя содержать войска».

Коллонтай, такой горячій противникъ Россіи, теперь также совѣтовалъ королю поддаться волѣ превозмогающей силы.

Маршалъ Малаховскій показывался рѣшительно непримиримымъ врагомъ Россіи. Когда датскій посланникъ Баурокъ заявлялъ ему мысль что для Польши лучше будетъ какъ нибудь уладить дѣло съ Россіею переговорами, онъ отвѣчалъ: «скорѣе пролью послѣднюю каплю крови, чѣмъ стану входить въ переговоры». Малаховскій во всю свою жизнь смотрѣлъ легкомысленно на окружавшую его среду, и теперь ему казалось, что далеко не все проиграно. «Наияснѣйшій панъ,—говорилъ онъ королю:—непріятель приближается къ намъ, но войско наше еще не совсѣмъ разбито, напротивъ, оно много одержало побѣдъ. Силы наши теперь соединены, а непріятель отдаляется отъ своихъ границъ и съ трудомъ можетъ получать продовольствіе. Притомъ, въ тылу у него Каменецъ-Подольскій, крѣпость, находящаяся въ нашихъ рукахъ; она можетъ служить мѣстомъ соединенія обывателей для охраненія отечества. Мы отъ нихъ можемъ надѣяться всего добраго, лишь бы они имѣли время выйти изъ перваго и минутнаго одуренія. Войско наше, стоя надъ Вислою, можетъ еще долгое время удерживать непріятеля въ значительномъ отдаленіи отъ столицы, лишь бы только обыватели Подоли и Во-

лыни одушевились и стали дѣятельными; непріятель, лишась средствъ получать оттуда продовольствіе, потерпитъ голодъ. Да наконецъ, если бы и всѣ наши надежды были напрасны, если мы не въ состояніи побѣдить, развѣ не должно намъ погибать со славою? Входить съ Москвою въ переговоры—значитъ показать себя подлыми и добровольно положить ярмо на Польшу. Это путь вѣчнаго безчестья. Заклинаю ваше величество, поѣзжайте немедленно въ обозъ; не хочу, чтобы вы тамъ долго оставались: покажитесь только войску, наияснѣйшій панъ, напомните каждому о строгомъ выполненіи обязанностей, а потомъ поѣзжайте въ Варшаву заниматься тамъ дѣлами управленія».

«Все это такъ, любезный Малаховскій,—сказалъ король,—я согласенъ съ тобою, но гдѣ же деньги, чѣмъ подняться? Чѣмъ я самъ жить буду? На что̀ я поѣду?».

«Наияснѣйшій панъ, —сказалъ Малаховскій, — войско имѣетъ на три мѣсяца запасовъ, а на нужду вашего величества я дамъ 10,000 червонцевъ, съ тѣмъ, чтобы мнѣ позволено было передать ихъ въ руки тогда, когда будете садиться въ экипажъ, чтобы ѣхать къ обозу».

«А Пруссія, вѣдь ея войска готовы войти? Булгаковъ, передавая письмо императрицы, сказалъ: до сихъ поръ только Россія препятствовала Пруссіи послать войско въ предѣлы Рѣчи-Посполитой; при дальнѣйшемъ упрямствѣ съ нашей стороны ее удерживать не станутъ, а вошедши въ Польшу, она уже не выйдетъ отсюда безъ пріобрѣтеній. У насъ войска 35,000 и содержать его нѣтъ денегъ, у императрицы 100,000, да еще прусскія войска войдутъ. Мы, какъ надобно ожидать, потерпимъ пораженіе. Куда король уйдетъ?» спрашивали противники патріотовъ.

«При неудачѣ надобно королю бѣжать въ Венгрію или въ Галицію, какъ сдѣлалъ Янъ Казимиръ; онъ возвратилъ свою корону», сказалъ кто-то изъ патріотовъ.

«Но Янъ Казимиръ, — возразили ему,—былъ въ свое время союзникомъ австрійскаго дома, и все-таки, хотя и возвратилъ корону, но принужденъ былъ подписать тяжелыя для Рѣчи-Посполитой условія; притомъ же, когда рѣшено было предложить императрицѣ перемиріе, тогда никто не думалъ, что король убѣжитъ изъ Варшавы, и навлечетъ подозрѣніе на свои сношенія».

Игнатій Потоцкій замѣтилъ: «мы должны подождать; почему знать, намъ можетъ придти неожиданная помощь къ спасенію».

«Такъ и было—сказалъ Солтыкъ—съ Голландіей, когда она воевала съ королемъ испанскимъ. Не надобно отчаяваться въ храбрости нашей».

Восемь голосовъ совѣтовало приступить къ конфедераціи, упорствовало пять: маршалъ Малаховскій, Игнатій Потоцкій, краковскій посолъ Солтыкъ, Казимиръ-Несторъ Сапѣга и Островскій. Впослѣдствіи Коллонтай считалъ себя также принадлежащимъ къ числу послѣднихъ, но въ то время онъ стоялъ на противной сторонѣ. Объ этомъ говорятъ и русскій посланникъ Булгаковъ и англійскій, находившійся тогда въ Варшавѣ. Король присталъ къ большинству.

На другой день онъ подписалъ свой приступъ (акцессъ) къ конфедераціи. Булгаковъ прочелъ ему такую угрозу изъ данной императрицею инструкціи: «если король польскій не исполнитъ этого буквально, то я отдамъ его на самое жестокое мщеніе конфедераціи». «Соглашаюсь—сказалъ Станиславъ-Августъ въ роковую минуту подписанія—сдѣлать это только въ той надеждѣ, что предложеніе императрицы возвратитъ спокойствіе странѣ».

Акцессъ короля былъ отосланъ къ Щенсному Потоцкому. Въ то же время отправленъ былъ курьеръ въ оба войска, украинское и литовское, съ приказаніемъ прекратить всякія непріязненныя дѣйствія противъ русскихъ и признать конфедерацію. Тогда же написанъ и разосланъ

универсалъ къ народу, вообще. «Сеймъ—писалъ король—возложилъ на меня защиту отечества оружіемъ. Я все сдѣлалъ, что могъ. Но казна наша истощилась; скоро невозможно будетъ давать обычнаго жалованья военнымъ чинамъ, не останется ничего для ежедневныхъ безконечныхъ потребностей войска, какъ-то: на ремонтъ, на одежду, обувь, запасы, оружіе и продовольствіе. Голландскій заемъ не удался вовсе. Сосѣди намъ не только не помогаютъ, но показываютъ сочувствіе Россіи и готовы соединиться съ нею. Пусть всѣ посудятъ и размыслятъ, достоинъ ли я за это упрековъ и не удостоюсь ли заслужить скорѣе благодарность отечества за прекращеніе кровопролитія и вражды; если стало невозможно удержать всѣхъ узаконеній нашего сейма, то по крайней мѣрѣ можно надѣяться сохранить нѣкоторыя изъ нихъ».

Какъ только въ этотъ же день разнеслось по Варшавѣ, что король призналъ конфедерацію, крайняя партія патріотовъ разразилась страшнымъ негодованіемъ. Толпа человѣкъ въ триста въ Саксонскомъ саду кричала: надобно убить короля измѣнника. Случилось въ это время проходить черезъ садъ Казимиру-Нестору Сапѣгѣ. Его подняли на руки и понесли; толпа затѣмъ направилась къ маршалу Малаховскому, чтобы и ему оказать честь. Маршала не застали дома: онъ былъ въ гостяхъ. Толпа отправилась туда, гдѣ онъ былъ, и тамъ сначала перепугала женщинъ, не понявшихъ въ чемъ дѣло; взяли маршала и также понесли его на рукахъ, слѣдуя къ его дому. Потомъ отправились къ Игнатію Потоцкому, вызвали его, благодарили за труды, желали благополучія. Всѣ эти господа собирались уѣзжать, народъ прощался съ ними. Для выраженія своего нерасположенія къ тарговицкой конфедераціи, толпа разбила окна у канцлера Малаховскаго. Король приказалъ усилить у себя караулъ на нѣсколько дней и сидѣлъ во

дворцѣ, никуда не показываясь; иначе ему пришлось бы натерпѣться оскорбленій.

27-го іюля уѣхали изъ Варшавы патріоты, неподписавшіе акцесса. Передъ отъѣздомъ они записали въ земскихъ варшавскихъ книгахъ свои протестаціи. Малаховскій писалъ, что такъ какъ сеймъ, при своемъ закрытіи, далъ королю право собрать его въ случаѣ нужды, король же, не собравъ сейма, безъ рѣшенія его, приступилъ къ конфедераціи, то онъ, маршалъ сейма, для очищенія совѣсти считаетъ долгомъ заявить, что по его убѣжденію дѣло тарговицкой конфедераціи есть дѣло противное волѣ Рѣчи-Посполитой, и послѣдствіемъ его будутъ огонь, мечъ, анархія и погибель отечества. «Народъ!—восклицалъ Малаховскій въ концѣ своей протестаціи: —ничего у меня не осталось для тебя, кромѣ вѣрности и слезъ; только это и посвящаю тебѣ, ибо всѣ другія средства изъ рукъ моихъ отняты!» Вмѣстѣ съ тѣмъ Малаховскій взялъ съ собой изъ скарбовой коммиссіи пожертвованныя имъ суммы, въ количествѣ 18,000 черв. и 150,000 злотыхъ. Казимиръ-Несторъ Сапѣга въ своей протестаціи расхвалилъ свою особу, припоминалъ, какъ онъ несъ на жертву отчизнѣ свое имѣніе и здоровье, сослался на сеймовой дневникъ, гдѣ записаны были его подвиги въ день 3-го мая, и объявилъ, что въ настоящую минуту, когда полякамъ уже ничего не остается кромѣ слезъ и жалобъ, онъ заявляетъ, что считаетъ сеймъ, начатый въ 1788 г., неоконченнымъ, только отсроченнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не снимаетъ съ себя своей должности. Послѣднее расходилось съ протестаціею Малаховскаго, который въ квитанціи, данной за взятыя суммы изъ скарбовой коммиссіи, объявилъ, что снимаетъ съ себя свой санъ.

Эмигранты избрали мѣстомъ пребыванія Дрезденъ. Игнатій Потоцкій, прощаясь съ королемъ, сказалъ: «ваше величество, уѣдемте съ нами! по крайней мѣрѣ избавитесь

отъ униженія». Но король махнулъ на все рукою и остался. Защитники репутаціи Коллонтая говорятъ, что и онъ уѣхалъ. Но изъ донесеній Булгакова видно, что онъ прежде попытался заискать расположенія Россіи. «Его всякій купить можетъ,—не даромъ онъ съ курляндскаго герцога взялъ 2,000 червонцевъ за выигрышъ его дѣла». Такъ писалъ Булгаковъ 11-го августа. Только въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Коллонтая дѣйствительно не было въ Варшавѣ. Поэтому правдоподобно извѣстіе Линовскаго, который говоритъ, что Коллонтай оставилъ акцессъ въ двухъ мѣстахъ, въ канцеляріи Булгакова и у Хребтовича. Когда Коллонтая стали упрекать за это Малаховскій и Потоцкій, онъ сказалъ: «хорошо вамъ, богатымъ панамъ, уходить изъ отечества, а я, *худой пахолекъ*, добившись до мѣста, не могу такъ легко выпускать изъ рукъ моей судьбы». Самому Линовскому онъ говорилъ: «для васъ лучше будетъ, если я войду въ конфедерацію, я васъ буду защищать отъ преслѣдованій». Но ему не посчастливилось. Конфедерація не хотѣла съ нимъ сходиться, потому что не довѣряла ему, какъ одному изъ главныхъ виновниковъ конституціи, а русскій посолъ давно презиралъ его. Этотъ человѣкъ, безспорно талантливый, послѣ паденія своей партіи, видя что съ измѣнившимся порядкомъ вещей онъ уже не поправитъ своей карьеры, ударился опять на прежнюю роль патріота, и уѣхалъ съ тѣмъ, чтобы затѣвать заговоръ за границею.

Король запирался и удалялся отъ людей. Онъ часто плакалъ, въ рѣчахъ его была несвязность; онъ былъ близокъ къ умопомѣшательству; онъ чувствовалъ свою ничтожность, говорилъ, что хочетъ отречься отъ престола, но не отрекался: чувство униженія пересиливалось желаніемъ устроить своихъ ближнихъ, обезпечить свою старость, хотя извѣщая о своемъ поступкѣ польскаго посла въ Лондонѣ, Букатаго, онъ старался придать своему поступку болѣе

благовидное побужденіе. «Я не задумался бы ни мало, еслибъ моя гибель могла спасти конституцію. Но я сообразилъ, что мое отреченіе отъ короны повлечетъ за собою разореніе края, напротивъ, будетъ меньшее зло, если я удержу корону и, приставши къ конфедераціи, сдѣлаюсь ея главою: я надѣюсь, что этимъ путемъ можно спасти хоть что-нибудь изъ добрыхъ дѣлъ нашего сейма.» Когда каштелянша Каминская пріѣхала узнать о его здоровьѣ:—«можетъ ли быть хорошо мое здоровье,—отвѣчалъ король,—когда мнѣ остается въ удѣлъ только стыдъ и безчестіе!» Люккезини опять заговорилъ другимъ языкомъ; недавно равнодушный къ судьбѣ поляковъ, теперь опять показывалъ къ нимъ сочувствіе, и досадовалъ, что поляки окончили войну. Онъ какъ будто забылъ, что за нѣсколько дней грозилъ вступленіемъ прусскаго войска въ предѣлы Рѣчи-Посполитой, если поляки не помирятся съ императрицею. «Король—говорилъ онъ—всегда былъ русской партіи, онъ только притворялся патріотомъ. Честь Польши потеряна, ничто не можетъ смыть этого пятна. Польша должна была искать посредничества сильныхъ державъ. Вотъ видите: не хотѣли составлять конституціи съ-вѣдома прусскаго короля,—тогда бы вамъ помогли, и Россія никогда бы не посмѣла напасть. Вы не хотѣли знать Пруссіи, когда составляли конституцію, оттого и Пруссія не захотѣла знать васъ. Теперь однако, еще можно сколько-нибудь пособить дѣлу: обратитесь къ Пруссіи, отдайтесь во всемъ на ея волю. Независимость ваша конечно уже потеряна,—по крайней мѣрѣ на васъ наложатъ не такія тяжелыя цѣпи». Онъ отзывался съ презрѣніемъ и злобою противъ Россіи, распалялъ поляковъ ненавистью противъ русскихъ, и въ то же время вооружалъ знатныхъ лицъ одного противъ другого, — все это съ тою цѣлью, чтобы усилить безпорядокъ. Это была послѣдняя лебединая пѣсня

въ Польшѣ знаменитаго дипломата. 7-го августа онъ уѣхалъ оттуда навсегда, сдѣлавъ свое дѣло блистательно.

Въ войскѣ вѣсть о признаніи королемъ конфедераціи была принята съ негодованіемъ и досадою. Тѣ, которые можетъ быть внутренно были и довольны, для очищенія себя считали за благо все-таки заявить досаду. Понятовскій послалъ къ королю генерала Вьельгорскаго, и совѣтовалъ королю, сдѣлавши угодное императрицѣ, дозволить назначенному для этой цѣли отряду войска поймать себя и увезти въ обозъ, а потомъ можно будетъ продолжать войну. Король плакалъ, падалъ на колѣни, заклиналъ и умолялъ не думать объ этомъ, и самъ не соглашался участвовать въ уловкѣ добровольно. Заіончекъ, описывая это происшествіе, порицаетъ короля за несогласіе, упрекаетъ Іосифа Понятовскаго, зачѣмъ онъ, вмѣсто того, чтобы просить короля, не исполнилъ своего намѣренія безъ его согласія. Такой замыселъ былъ во всякомъ случаѣ безплоденъ. Если можно упрекать короля въ недостаткѣ мужества и благородства, то никакъ не за то, что онъ не захотѣлъ безразсудно склониться на продолженіе войны, а за то, что, видя невозможность сохранить въ Рѣчи-Посполитой порядокъ, за который стоялъ нѣсколько лѣтъ, не отрекся отъ престола.

IX.

Господство конфедераціи.—Униженіе короля.—Злоупотребленія конфедераціи.—Тайныя сношенія державъ о раздѣлѣ Польши.—Прусская нота.—Тревога конфедераціи [1]).

Войску приказано было приступить къ конфедераціи, послѣ чего слѣдовало распустить его. Нѣкоторые изъ генераловъ и офицеровъ подали въ отставку; въ числѣ ихъ видное мѣсто занимаютъ: Понятовскій, Костюшко, Вьель-

[1]) См. источн. №№ 86, 38, 98, 100, 18, 3, 30, 47, 72.

горскій, Забѣлло, Заіончекъ и Макрановскій; кромѣ того два полковника: Понятовскій и Стршалковскій; майоры: Гавронскій, Хоментовскій, Іосифъ Вьельгорскій и Щутовскій. Другіе, скрѣпя сердце, для спасенія семей своихъ и средствъ къ жизни, признали конфедерацію. Жолнѣрство стало расходиться. Но конфедерація, узнавъ объ этомъ, отношеніемъ отъ 22-го іюля (1-го августа), обратилась къ агенту императрицы при конфедераціи барону Билеру и просила принять мѣры. Она боялась нарушенія спокойствія. «Если польскіе жолнѣры—было сказано въ нотѣ конфедераціи—станутъ возмущать неопытныхъ гражданъ, то мы просимъ средствъ принудить ихъ силою произнести присягу конфедераціи». Приказано было отъ конфедераціи генераламъ, давшимъ свой акцессъ, снестись съ генералами русскаго войска, чтобы занять приличныя квартиры сообразно безопасности. Видно конфедерація еще побаивалась польскаго войска.

Коронное войско поступало подъ власть прежнихъ начальниковъ, Браницкаго и Ржевускаго; литовское подъ власть нареченнаго литовскаго гетмана Коссаковскаго. Оружіе слѣдовало отобрать и отправить въ варшавскій арсеналъ.

Всѣмъ провинціальнымъ конфедераціямъ вмѣнено было въ обязанность приглашать, въ случаѣ нужды, для поддержки порядка, русское войско. Такимъ образомъ, конфедерація, составленная подъ русскимъ покровительствомъ, показывала, что не можетъ существовать безъ русскаго войска. Но въ то же время конфедерація жаловалась Билеру и на своихъ союзниковъ, на безчинства и насилія, причиняемыя будто бы солдатами императрицы. «Война уже окончилась,—писали конфедераты,—но обыватели, показавшіе привязанность къ императрицѣ, должны терпѣть наравнѣ съ тѣми, которые въ своемъ ослѣпленіи сопротивлялись ея благодѣтельнымъ намѣреніямъ. Мы просимъ, чтобы всеобщая радость освобожденія не возмущалась такими

поступками». Коховскій на это представленіе объяснилъ, черезъ барона Билера, что безчинства, дѣйствительно произведенныя на границѣ, произошли не отъ служащихъ солдатъ, а отъ дезертировъ и молдавскихъ волонтеровъ, которые въ Молдавіи составили разбойничьи шайки и вторгались въ Украину, и что двадцать изъ нихъ уже казнено. Но какъ вслѣдъ затѣмъ снова приносились жалобы на безчинства и насилія отъ русскихъ войскъ, то конфедерація опубликовала, чтобы напередъ приносили ей только такія жалобы въ подобномъ родѣ, гдѣ бы указывались, поименно и точно лица, на которыхъ жаловались, а не въ общихъ словахъ.

9-го августа, конфедерація, находясь въ Дубно, отправила въ Варшаву делегацію; въ ней были: Петръ Ожаровскій, Войцѣхъ Свентославскій, Доминикъ Каменецкій, Рафаилъ Холоневскій. Имъ дали порученіе привести къ присягѣ: гвардію, скарбовый батальонъ, маршалковскую хоругвь, всѣхъ особъ, числящихся въ военной службѣ, по формулѣ: «буду вѣренъ королю, а послушенъ только одной конфедераціи», скарбовую коммиссію въ томъ, что она не будетъ выдавать денегъ безъ ассигнацій конфедераціи, почту—въ томъ, что не отважится распечатывать писемъ, комендантовъ и офицеровъ корпуса кадетовъ и эдукаціонную коммиссію—въ томъ, чтобы обѣщали не внушать кадетамъ и всѣмъ воспитанникамъ монархическихъ, а также и противныхъ римско-католической вѣрѣ правилъ, духовенство—въ томъ, что оно будетъ поучать народъ покорности генеральной конфедераціи; магистратъ старой и новой Варшавы, цехи и конфратерніи—по формѣ: не сноситься съ противниками конфедераціи и доносить о замѣчаемомъ вредѣ для нея. Для послѣднихъ они должны были учинить при себѣ выборъ новыхъ президентовъ, лавниковъ, радныхъ, писарей, не протягивая этого дѣла болѣе трехъ дней, отворить суды въ Варшавѣ для обычнаго

теченія дѣлъ, по порядку, существовавшему до конституціи 3-го мая, возвратить полицію въ вѣдомство коронныхъ маршаловъ, запретить печатать всякія писанія противъ конфедераціи и непремѣнно закрыть «Газету Народовую», за то, что она постоянно держалась конституціи 3-го мая, объявить угрозу—отдать подъ судъ конфедераціи тѣхъ, которые бы осмѣлились дѣлать противъ нея какія бы то ни было заявленія; слѣдовало у всѣхъ варшавянъ отобрать оружіе и боевые запасы и сложить въ арсеналъ съ увѣреніемъ, что за все это заплатится или все это по желанію владѣльцевъ возвратится въ свое время, отобрать рецессы (отказъ) отъ конституціи и акцессы къ конфедераціи отъ канцлера Малаховскаго и подканцлера Хребтовича, и объявить иностраннымъ министрамъ, что въ важныхъ дѣлахъ они должны относиться къ генеральной конфедераціи. О королѣ не говорилось, какъ будто его не было. Наконецъ, приказано было сдѣлать распоряженіе объ облегченіи ареста переяславскаго епископа, если нужно будетъ. Такимъ образомъ, генеральная конфедерація уже не была только протестомъ противъ нововведеній,—она сама сдѣлалась верховной властью, захватила исключительно весь механизмъ управленія. Подъ предлогомъ возстановленія свободы, подъ криками противъ монархическаго деспотизма, она правила всею страною съ такимъ деспотизмомъ, который былъ произвольнѣе и беззаконнѣе всякаго другого. Ея правители и совѣтники, которыхъ было тогда 89, постановили для себя неподсудность; во время исправленія должности ни въ какомъ судѣ не слѣдовало принимать жалобъ на нихъ. Не только совѣтники, но и вообще всѣ, считавшіе себя вѣрными конфедераціи, спасителями республиканской свободы, поднимали голову, снимали всякую узду съ своего произвола, доносили на тѣхъ, на кого были злы, тянули ихъ къ суду конфедераціи; сказать что́-нибудь не въ похвалу конфе-

дераціи почиталось преступленіемъ. Обязанность доносить, налагаемая въ присягѣ, произносимой на вѣрность конфедераціи, до того грозила размноженіемъ ябедъ и нарушеніемъ спокойствія, что самъ Булгаковъ не одобрялъ этого.

Власти королю не давали никакой. У каждаго конфедерата было болѣе возможности заставить себя слушать чѣмъ у короля. Генеральная конфедерація въ распоряженіяхъ, данныхъ своимъ делегатамъ, поручила засвидѣтельствовать ему почтеніе, но это казалось скорѣе поруганіемъ при той обстановкѣ безвластія, въ которую его поставили. На письмо короля къ Шенсному послѣдній отвѣчалъ тономъ до крайности надменнымъ и оскорбительнымъ. Онъ припоминалъ королю словно учитель школьнику, какъ онъ, Щенсный, нѣкогда предостерегалъ его хранить договоръ, по которому онъ сдѣлался королемъ. «Голосъ мой,—писалъ онъ,—былъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ, я припоминалъ вамъ обязанности избраннаго короля, а васъ подлецы называли государемъ. Я говорилъ, что не годится нарушать присягу, данную народу, для выгодныхъ проектовъ, и не слѣдуетъ начинать того, что не можетъ удержаться. Ваше величество отвратили уши свои отъ моихъ здравыхъ совѣтовъ, а послушались льстецовъ, которые чуть было не довели Рѣчь-Посполитую до погибели. Теперь, милостивый король, слѣдуетъ вашему величеству вознаградить за это республиканскій народъ, если не хотите быть вѣроломнымъ, ибо за то, что онъ васъ посадилъ на первомъ мѣстѣ, вы хотѣли его поработить и сдѣлать своею собственностію. Вы не должны были защищать и поддерживать такихъ поступковъ, а скорѣе отречься отъ нихъ навсегда. Насъ устрашаетъ ваше писаніе къ обывателямъ; вы жалѣете объ утратѣ конституціи, говорите, что только потому перестаете защищаться, что у васъ нѣтъ средствъ содержать войско. Слѣдовательно, если бы у васъ были деньги, то вы бы еще не пере-

стали лить кровь республиканцевъ, ради своей монархической власти. Стало быть, не кровь братій завопіяла въ вашемъ сердцѣ, а только истощеніе казны васъ удержало; вы хотѣли бы для вашего честолюбія найти у чужихъ помощь. Вы пишете, что надѣетесь удержать хотя часть вашей конституціи. О, видно вамъ очень дорогà эта рабская конституція, когда вы хотите хотя бы часть ея спасти; а я вамъ искренно скажу: забудьте объ установленіи новыхъ законовъ, предсѣдательствуйте надъ вольнымъ народомъ; пусть народъ самъ себѣ законы составляетъ,—и вамъ будетъ спокойнѣе, и намъ свободнѣе. Вы выражаетесь, что не можете противостоять непріятелю. А кто же непріятель? Не тотъ ли, кто вамъ способствовалъ получить корону, кто васъ поддерживалъ на тронѣ; не тотъ ли, кого вы много разъ просили о вспомоществованіи, не тотъ ли, кто не позволяетъ вамъ измѣнить въ монархію Рѣчь-Посполитую, желая видѣть ее уважаемою, благоустроенною и спокойною? Не за то ли великая монархиня считается теперь непріятелемъ Польши, что снимаетъ съ нея кандалы, надѣтые измѣною? Будьте лучше теперь благодарны ей за то, что все сдѣлалось по ея желанію; вольный и независимый народъ можетъ простить вамъ, какъ обольщенному, но если бы удалось по вашему, онъ бы проклиналъ васъ, какъ похитителя власти и виновника несчастій, которыя, быть можетъ, погубили бы и самое имя Польши».

Не менѣе тяжка была формула, предложенная королю для акцесса. Король долженъ былъ чернить людей, съ которыми вмѣстѣ работалъ, а себя выставлять ограниченнымъ. «Я всегда (было сказано въ формулѣ акцесса отъ лица короля) желалъ добра отчизнѣ и стремился къ тому, чтобы учинить ее счастливою и безопасною; но этимъ намѣреніямъ не всегда содѣйствовали мои сотрудники. Увлеченіе новизною и новыя, не безопасныя для спокойствія

народовъ ученія покушались сокрушать вѣковѣчныя права Рѣчи-Посполитой и преобразить Польшу изъ республики въ монархію. Но теперь, когда полякъ чувствуетъ и узнаетъ заблужденія тѣхъ, которые такъ увлекались въ своихъ трудахъ, я. какъ король, обязанный быть главою благородной Рѣчи-Посполитой, и какъ полякъ, признаю, что крѣпость Рѣчи-Посполитой почіетъ на республиканскомъ правленіи, издавна свойственномъ ей, и всякій разъ, когда народъ предпринимаетъ не исправлять, а измѣнять вѣковое свое правленіе и установлять новое, всегда потрясеніе политическаго тѣла должно принести народу громаду несчастій. Искренно сознавая передъ республиканскимъ народомъ эту истину, отступаю отъ конфедераціи революціоннаго варшавскаго сейма, продолжавшагося, вопреки обычаямъ и закону, четыре года подъ маршальствомъ Станислава Малаховскаго, отрекаюсь отъ всѣхъ уставовъ этой конфедераціи и сейма, и отъ всего сердца приступаю къ конфедераціи, составленной 14 мая 1792 г. подъ маршальствомъ Щенснаго Потоцкаго; признаю и принимаю вполнѣ всѣ акты этой конфедераціи, тѣмъ охотнѣе, что убѣжденъ въ благодѣтельности этого дѣла, ибо великодушное и безкорыстное покровительство ея величества императрицы всероссійской обѣщаетъ Рѣчи-Посполитой счастливыя послѣдствія и постоянную безопасность».

Все терпѣлъ и все сносилъ Станиславъ-Августъ, и только когда уже не ставало у него силъ нести этотъ тяжелый крестъ, разливался горькими слезами. Примасъ, обращаясь къ Булгакову, указывалъ, что въ формулахъ присяги разнымъ вѣдомствамъ, привезенныхъ делегатами отъ конфедераціи въ Варшаву, даже и имени короля не упоминается. Самъ Булгаковъ въ донесеніяхъ своихъ императрицѣ замѣчалъ, что конфедераты захватили излишнюю власть и обращаются съ королемъ непочтительно. Но это

не помогло королю: отъ самой государыни Станиславъ-Августъ чрезъ Булгакова получилъ выговоръ за то, что наградилъ генеральскимъ чиномъ Костюшку, Вьельгорскаго и Карвицкаго. Король объяснялъ, что они вышли въ отставку, и вліянія на дѣла не имѣютъ. «Воздержитесь — сказалъ Булгаковъ — покровительствовать подобнымъ людямъ, и не пользуйтесь правомъ раздаванія мѣстъ, иначе у васъ еще болѣе стѣснятъ власть». Екатерина не довѣряла ему, презирала его, какъ и вообще не довѣряла никому изъ поляковъ и презирала ихъ почти всѣхъ. Въ своемъ рескриптѣ отъ 3 августа, Булгакову она поручаетъ остерегаться, чтобы покорность короля и всѣхъ прочихъ не была суетное обольщеніе. На похвалы Булгакова о Хребтовичѣ государыня замѣтила, что напрасно Булгаковъ такъ довѣряется и хвалитъ этого человѣка, который ничѣмъ еще не заявилъ своей искренней преданности. Король покорялся, и чтобы болѣе заявить свое послушаніе и совершенное незлобіе къ врагамъ, съ дружескимъ участіемъ замѣтилъ Булгакову: «конфедерація избираетъ себѣ резиденцію въ Брестѣ-Литовскомъ; къ сожалѣнію, это мѣсто нездоровое».

Не менѣе унизительно и тяжело королю было, когда 9 августа прибылъ въ Варшаву Коссаковскій въ качествѣ генерала императрицы и Булгаковъ представилъ его королю. Станиславъ-Августъ долженъ былъ ласкать и привѣтствовать этого человѣка, котораго ненавидѣлъ. 12-го, въ воскресенье, Коссаковскій давалъ праздникъ и пиръ, и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ особъ изъ варшавскаго панства; и все варшавское посполъство приглашали тогда ликовать объ освобожденіи отечества отъ тиранніи той конституціи, которую успѣли вывести на свѣтъ только подъ защитою варшавскаго посполъства. Надобно было притворяться, иначе сновавшіе въ народѣ шпіоны, угодники конфедераціи, тотчасъ донесутъ и потянутъ въ судъ

конфедераціи, а тутъ еще въ Варшаву долженъ былъ прибыть Коховскій съ русскимъ войскомъ.

Занятіе столицы иностраннымъ войскомъ на этотъ разъ, послѣ печальнаго исхода войны, казалось конечнымъ завоеваніемъ страны. Коховскаго ждали съ тревогою каждый день. Онъ наконецъ прибылъ 19 августа и, въ сопровожденіи генераловъ и офицеровъ, пріѣхалъ прямо въ зàмокъ, гдѣ въ пріемной залѣ Булгаковъ представлялъ его королю. Коховскій препоручилъ вниманію короля русскихъ генераловъ и офицеровъ; многіе изъ нихъ украшены были только-что полученными орденами за храбрость и усердіе въ послѣдней службѣ въ дѣлѣ ниспроверженія той конституціи, которую клялся защищать польскій король.

Конфедерація между тѣмъ укрѣплялась. Грозный универсалъ ея назначилъ срокъ до 15 августа для отреченія отъ конституціи и акцесса къ конфедераціи. Чтобы сохранить свое имущество и оградить свои особы, дворяне варшавскаго воеводства, 2-го августа, составили провинціальную конфедерацію варшавской земли подъ маршальствомъ короннаго конюшаго Онуфрія Кицкаго. Но ея актъ былъ написанъ хитро и неискренно; такъ, напр., говоря объ отреченіи отъ конституціи 3-го мая, не изливали обычныхъ у конфедератовъ ругательствъ надъ нею и надъ всѣмъ строемъ, установленнымъ четырехъ-лѣтнимъ сеймомъ, а ставили цѣлью своей конфедераціи только общія потребности заботъ о благосостояніи, которыя также могли подходить къ конфедераціи Щенснаго, какъ и къ ниспроверженной конституціи. Такъ они, по выраженію ихъ акта, заключили конфедерацію съ тѣмъ, чтобы, «хранить достоинство трона Станислава-Августа, шляхетскихъ правъ и вольностей, независимость Рѣчи-Посполитой, искать средствъ облегченія тягостей налоговъ, уменьшенія роскоши, прекращенія ненужныхъ и лишнихъ расходовъ, обезпечить правосудіе, безопасность лицъ, имуществъ и чести

жителей, ввести дисциплину и порядокъ въ войскѣ, порядокъ въ уплатѣ жалованья, уменьшить число должностныхъ лицъ, ради сокращенія отяготительныхъ для общественныхъ суммъ расходовъ, и вообще стараться о всемъ томъ, что только можетъ осчастливить народъ». Такого рода конфедерація не понравилась генеральной конфедераціи, и 13-го августа она послала Кицкому замѣчаніе, что актъ варшавской конфедераціи не соотвѣтствуетъ акту генеральной конфедераціи и впредь она признаетъ только такія конфедераціи своими, которыхъ акты составлены одинаково съ актомъ генеральной конфедераціи и съ одинаковою формулою присяги. Такъ точно не понравился генеральной конфедераціи актъ конфедераціи закрочимской земли, и 20-го августа Щенсный Потоцкій послалъ туда выговоръ и требованіе, чтобы актъ былъ передѣланъ. Угрожаемые русскими войсками дворяне этихъ земель должны были исполнить волю овладѣвшихъ Польшею. Воеводство бельзское составленіемъ конфедераціи удостоилось заслужить расположеніе и благодарность генеральной. То же случилось въ Люблинѣ, гдѣ составилъ конфедерацію Казиміръ Міончинскій, по извѣстію знавшаго его лично Козьмяна—шулеръ, человѣкъ продажный, безстыдный, лживый и хвастливый.

29-го августа составлена конфедерація въ Познани подъ маршальствомъ Бнинскаго, нареченнаго маршаломъ конфедераціи воеводствъ: познанскаго, калишскаго, гнѣзненскаго и земли веховской. Этотъ край передъ тѣмъ только отличался особенною ревностью къ конституціи 3-го мая; собирались пожертвованія, составили 24-го іюня актъ, отправленный для свѣдѣнія въ войсковую коммиссію, гдѣ обыватели воеводствъ заявляли въ своей мѣстности гражданско-военнымъ коммиссіямъ готовность охранять конституцію 3-го мая, въ надеждѣ, что каждый, носящій имя поляка, не станетъ выродкомъ своего отечества и не от-

ступитъ отъ единомыслія съ ними. Теперь тамъ же составили актъ, гдѣ обыватели обѣщались всѣми силами истреблять конституцію 3-го мая, какъ гробъ свободы, не допускать наслѣдственности престола, выдавать генеральной конфедераціи всѣхъ тѣхъ, которые бы стали строить козни для расширенія королевской власти, а также обѣщались не дозволять ни малѣйшаго отторженія земель отъ Рѣчи-Посполитой. Посланникъ великопольской конфедераціи, Францишекъ Мощинскій, передъ генеральною конфедераціею въ рѣчи, преисполненной напыщенной риторики, восхвалялъ доблести Щенснаго Потоцкаго, называлъ конституцію 3-го мая гибельною отравою, которую обыватели въ заблужденіи называли лекарствомъ и увѣрялъ въ преданности всей Великой Польши спасительному дѣлу сверженія рабскаго ярма и возстановленія республиканской свободы. Около того же времени составились провинціальныя конфедераціи въ воеводствѣ сѣрадзскомъ, въ земляхъ нурской, сохачевской, добрженской, мѣльницкой, велюнской, черской, равской, дрогицкой. Въ Краковѣ составилась конфедерація 13-го августа подъ маршальствомъ Валевскаго, который тамъ подобралъ себѣ партію. Вездѣ актъ составленія конфедераціи праздновался съ обычными признаками торжества, обѣднею, пѣніемъ «Te Deum», пальбою изъ пушекъ, иллюминаціями и пирами, а на пирахъ происходила выпивка за благоденствіе конфедераціи точно также, какъ прошлый годъ ѣли и пили за конституцію 3-го мая.

Генеральная конфедерація избрала своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ Брестъ-Литовскій и тамъ, 11-го сентября, отпраздновала соединеніе свое съ литовскою. «Да здравствуетъ свобода и независимость!» кричали пировавшіе конфедераты. Съ этихъ поръ она называлась генеральною конфедераціею обоихъ народовъ. Маршалы конфедерацій—отъ Короны Щенсный Потоцкій, а отъ Литвы

Александръ Сапѣга — пользовались чрезмѣрнымъ значеніемъ; при въѣздѣ въ Гродно они встрѣчены были пушечною пальбою; мѣщане отъ магистрата, жиды отъ своего кагала передъ городскими воротами говорили имъ поздравительныя рѣчи. Сенаторы, паны, избранные въ число коммиссаровъ генеральной конфедераціи, и знатнѣйшіе обыватели изъ окрестностей ждали ихъ съ подобострастіемъ. Оба маршала угощали гостей великолѣпно и безпрестанно. Отсюда-то управляли они Рѣчью-Посполитою, предписывали распоряженія провинціальнымъ конфедераціямъ и получали отъ послѣднихъ рапорты. Тогда по всей Литвѣ и Польшѣ подняли голову искатели карьеры, люди, въ прежнее время забытые и загнанные за свою неспособность или за убѣжденія, теперь, пользуясь случаемъ, они спѣшили показать свое усердіе къ конфедераціи и получить отъ нея либо мѣсто, либо имѣніе на счетъ другихъ. Тогда вышли въ люди разные отставленные подъячіе, выгнанные за плутовство реенты, вице-реенты, а также экономы, служившіе у пановъ, составлявшихъ конфедерацію. Многимъ удавалось выскакивать посредствомъ доносовъ; свидѣтельствовали на того, на другого, что вотъ такой-то или другой говорилъ дурно о конфедераціи, что онъ приверженецъ 3-го мая, или же, что онъ якобинецъ, въ Бога не вѣруетъ, и за это получали награды.

«Трудно было — говоритъ Козьмянъ — честному человѣку на свѣтъ показаться, чтобы надъ нимъ не издѣвались или не оказывали ему покровительственнаго состраданія. Каждый, входившій въ люди, заламывалъ шапку на бекрень, точно на лбу носилъ надпись: пришелъ и намъ чередъ! Впрочемъ, по замѣчанію того же писателя-современника, въ Польшѣ это случалось всегда при каждомъ переворотѣ. Теперь если какой-нибудь помѣщикъ оказывалъ себя нерасположеннымъ къ конфедераціи, къ нему посылали экзекуцію и его имѣніе подвергалось разоренію.

Правительственныя коммиссіи, приведенныя къ присягѣ на вѣрность конфедераціи посредствомъ ея делегатовъ, получали отъ нея предписанія и давали ей отчеты. Всѣ доходы, собранные прежде, и всѣ пожертвованія, какія собраны были для войны, теперь должны были отсылаться въ конфедерацію. Многіе, собравши эти приношенія, не представляли ихъ никуда и взяли себѣ; теперь иные для того, чтобы ихъ не искали, удалились заграницу. Войско было умалено; всѣмъ, которые въ послѣднее время были завербованы, приказано возвратиться къ занятіямъ своего званія. Генеральная конфедерація уничтожила установленный послѣ конституціи 3-го мая орденъ virtuti militari, и запретила носить его не только состоявшимъ въ службѣ Рѣчи-Посполитой, но и тѣмъ, которые вышли въ отставку, подъ страхомъ удаленія отъ всякой публичной дѣятельности; это распоряженіе сильно огорчило короля, какъ и отнятіе изъ-подъ его начальства любимаго имъ корпуса кадетовъ. Министрамъ Рѣчи-Посполитой при иностранныхъ дворахъ велѣно возвратиться въ отечество и подать отчетъ конфедераціи. Французскому послу приказано выѣхать изъ Польши вовсе, и всѣхъ вообще французовъ обязали оставить владѣнія Рѣчи-Посполитой, въ виду совершившагося переворота 10-го августа, измѣнившаго Францію изъ монархіи въ якобинскую республику.

Несмотря на свою силу, конфедерація чувствовала, что противная партія только притихла, не умерла, и можетъ воскреснуть снова; отъ этого конфедерація не довольствовалась обвиненіемъ своихъ враговъ въ коварныхъ намѣреніяхъ ввести въ Польшѣ монархическій деспотизмъ, она хотѣла очернить послѣдователей 3-го мая и новомодными французскими идеями, которыя тогда наводили такой паническій страхъ на всѣхъ сильныхъ міра сего.

Въ октябрѣ конфедерація учинила мировую съ королемъ и отправила къ нему делегованными двухъ своихъ

совѣтниковъ, Залускаго и Корвина Коссаковскаго; изъ нихъ послѣдній, въ рѣчи своей при представленіи королю Станиславу-Августу, говорилъ: «Новомодные принципы предали посмѣянію религію и законъ, потрясли алтари, троны и обычныя вольности нѣкоторыхъ народовъ. Это обольстительное ученіе и къ намъ прокралось и устроило подкопъ подъ республиканскимъ правленіемъ шляхетской Рѣчи-Посполитой, ниспровергая извѣчныя права предковъ, распространяя неуваженіе къ старшинству, не оставляя ничего святого, что только не было его твореніемъ». Злосчастный король, не имѣвшій настолько благородства, чтобы хотя теперь отказаться отъ короны, долженъ былъ, сидя на опозоренномъ тронѣ, выслушивать такія рѣчи, а канцлеръ Малаховскій, въ отвѣтѣ делегатамъ, выражалъ надежду, что почтенные члены конфедераціи, особенно ея руководители, своими дѣйствіями заслужатъ славу въ потомствѣ, и король считаетъ для себя самыми пріятными часами въ жизни, когда будетъ въ состояніи доказать свое расположеніе къ конфедераціи.

Въ ноябрѣ, конфедерація приказала вывести изъ Варшавы два полка польскаго войска, полкъ гвардіи литовской и пѣшій полкъ Дзялынскаго, въ тѣхъ видахъ, чтобы у противной партіи, которая, какъ думали, главнымъ образомъ сосредоточивалась въ Варшавѣ, отнять, какъ выражалась конфедерація, на будущее время способы, употребленные противъ Рѣчи-Посполитой въ постыдный день 3-го мая. Защита сторонниковъ конфедераціи передавалась такимъ образомъ русскому войску. Королю, какъ будто въ насмѣшку, писали по этому поводу: «Вашему величеству это должно быть пріятно; черезъ то мѣщане избавляются отъ лишнихъ тягостей», и при этомъ прибавлялось: «ваше величество, родившись вольнымъ польскимъ шляхтичемъ, не будете роптать на мѣры для безопасности истинной свободы; только такое честолюбіе и дозволительно королю, который

долженъ быть главою, а не господиномъ». Поведеніе конфедераціи производило быструю перемѣну въ настроеніи умовъ. Многіе изъ тѣхъ, которые недавно радовались и даже сами способствовали паденію конституціи, стали вздыхать по ней. Квартированіе русскихъ войскъ, твердый властительный тонъ русскихъ генераловъ и безпрестанныя недоразумѣнія съ русскими войсками задѣвали національное шляхетское самолюбіе. Близость къ русскимъ и столкновенія съ ними пробуждали уснувшую на короткое время вѣковую вражду, которую носилъ каждый шляхетный полякъ въ своемъ сердцѣ къ русскому народу, а тутъ еще выѣхавшіе за границу сторонники 3-го мая составляли планы для измѣненія дѣлъ въ отечествѣ, и вліяли на оставшихся въ немъ своими письмами и сношеніями.

Въ ноябрѣ конфедерація издала универсалъ, въ которомъ жаловалась, что виновники несчастія Рѣчи-Посполитой раздуваютъ духъ несогласія; вмѣняла въ обязанность воеводскимъ конфедераціямъ и всѣмъ полицейскимъ властямъ закрывать и уничтожать всякія сходбища, особенно клубы, и предавать суду возмутителей спокойствія. Въ то же время генеральная конфедерація при такой строгости сдѣлала уступку, продолживъ срокъ для отреченія отъ конституціи 3-го мая и для акцессовъ къ конфедераціи еще на два мѣсяца, и тѣмъ давала знать, что предпринятое ею дѣло не такъ-то принимается въ Польшѣ, какъ она думала, что возстановленіе прежняго порядка вещей встрѣчаетъ почти такое же затрудненіе, какъ и устроеніе новаго.

Обвиненіе прежней патріотической партіи въ разрушительныхъ идеяхъ, угрожавшихъ старымъ порядкамъ въ Европѣ, были какъ нельзя болѣе на-руку правительствамъ, замышлявшимъ уничтоженіе польскаго государства; они давали имъ поводъ въ свое время придраться именно къ этой сторонѣ дѣла. Генеральная конфедерація, увлекаясь

злобою къ противникамъ, не видала и не соображала, что пускаетъ въ оборотъ такое мнѣніе, противъ котораго ей скоро придется самой ополчиться. Между тѣмъ желанію очернить противниковъ тѣнью новомодныхъ принциповъ, помогло и то, что папскій нунцій, 25-го ноября, прислалъ конфедераціи отъ св. отца поздравленіе, одобреніе и удовольствіе, что поляки возвратились къ старинѣ, какъ и слѣдовало народу, который всегда отличался преданностью къ римско-католической вѣрѣ. Такимъ образомъ составлялось мнѣніе, что переворотъ третьяго мая былъ плодомъ тѣхъ же ученій, которыя доводили Францію до 10-го августа, и слѣдовательно коалиція, составленная противъ того, что угрожало Европѣ изъ Франціи, могла также имѣтѣ дѣло съ Польшею.

Въ противность новомодному люберализму, въ которомъ обвинялись противники, генеральная конфедерація хотѣла показать себя въ строгомъ духѣ соблюденія старинныхъ обычаевъ и уваженія къ религіозной внѣшности. По ея распоряженію отъ 28 ноября, коронные маршалки, по поводу наступившаго рождественскаго поста (адвента), запретили въ постные дни содержателямъ кофеенъ, шинковъ, ресторацій и редутовъ (собраній) музыку и танцы, подъ карою 500 гривенъ въ пользу убогихъ и больницъ. 17-го декабря конфедерація издала вновь универсалъ, гдѣ говорила, что она не можетъ смотрѣть равнодушно на богохульства, прикрытыя плащемъ философіи, которыя допускаютъ нѣкоторые выродки отечества; «безбожіе современныхъ умниковъ дошло до того, что о Польшѣ оправдывается нѣкогда сказанное о ней однимъ иностраннымъ писателемъ: свобода совѣсти и богохульства наполнили Польшу такою заразою, какой никакая религія въ мірѣ не можетъ выносить. Конфедерація не хочетъ приневоливать никого къ исповѣданію господствующей религіи, но не можетъ дозволить рожденному въ нѣдрѣ христіанства обывателю

не знать никакой религіи, хулить Спасителя и Искупителя рода человѣческаго, издѣваться надъ святою религіею и тѣмъ самымъ заражать сердца невинныхъ, соблазнять простыхъ, обманывать слабыхъ, разсѣявать развратъ, и молодыхъ сыновъ отечества, будущую его подпору и надежду, превращать въ дѣтей Веліала».

Главныя занятія конфедераціи, по отношенію къ союзнымъ русскимъ войскамъ, состояли въ доставленіи фуража войскамъ, и тутъ конфедерація обыкновенно наваливала доставку фуража и квартированія войскъ на тѣхъ помѣщиковъ, на кого была зла, а имѣнія своихъ совѣтниковъ увольняла отъ такихъ тягостей. По сношеніямъ съ русскимъ военнымъ начальствомъ конфедерація установила цѣны на фуражъ и сдѣлала распоряженіе, чтобы мѣстныя конфедераціи выдавали русскимъ командамъ *полеты*, гдѣ значилось, что слѣдуетъ брать столько-то и въ такихъ-то имѣніяхъ; то же давалось равно и на подводы и на всякія потребы, если же гдѣ случалась отъ русскихъ обида, тамъ жители должны были подавать жалобы въ мѣстную конфедерацію, которая уже сносилась объ этомъ съ генеральною. Получать деньги за взятый провіантъ слѣдовало по квитанціямъ въ Варшавѣ, или тамъ, гдѣ находилась конфедерація. Такой порядокъ не способствовалъ тому, чтобы требованія обывателей удовлетворялись скоро. Недоразумѣнія между жителями и квартировавшими русскими войсками черезъ то не уменьшались, напротивъ усиливались. То и дѣло что отъ разныхъ мѣстныхъ конфедерацій поступали въ генеральную жалобы на утѣсненія отъ русскихъ войскъ; русскіе (жаловались обыватели) вымогали фуражъ и провіантъ болѣе положеннаго, и не въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ положено брать ихъ, не платили за то, что въ волостяхъ забирали, брали лишнія подводы, солдаты дѣлали жителямъ насилія, а военное начальство не оказывало правосудія, когда обиженные обращались къ нему. Генеральная кон-

федерація черезъ повѣреннаго императрицы, барона Билера, списывалась объ этомъ съ Коховскимъ, но результата никакого не было до самаго новаго года. «Надобно потерпѣть, писала генеральная конфедерація брестъ-куявской. Зато намъ возвращается республиканская свобода; сердце трепещетъ какъ вспомнимъ, что̀ намъ готовилось. Еще и теперь не отступаютъ отъ обольщенія наши враги новаторы, нарушаютъ права вольности, производятъ убійства, разбои, грабежи подъ именемъ защиты правъ человѣчества, забывая, что право собственности есть первое человѣческое право въ обществѣ».

Жалобы на русскихъ увеличивались зимою. Генеральная конфедерація, по полученнымъ жалобамъ, обращалась неоднократно къ Билеру о томъ, что за доставленный фуражъ и провіантъ не платятъ денегъ. Но русскіе офицеры съ своей стороны роптали, что поляки не доставляютъ провіанта въ магазины, при которыхъ они были приставлены. Конфедерація возражала, что жалобы со стороны русскихъ были несправедливы, и это доказывается квитанціями въ доставкѣ опредѣленнаго количества провіанта; при этомъ она замѣчала, что изъ доставленнаго провіанта не идетъ на солдатъ ничего, потому что солдатъ кормятъ хозяева, у которыхъ они были помѣщены; поэтому конфедерація просила установить коммиссію по-поламъ изъ русскихъ офицеровъ и коммиссаровъ отъ конфедераціи для разсмотрѣнія этого дѣла. Конфедерація недовольна была главнокомандующимъ россійскими войсками генералъ-аншефомъ Коховскимъ за то, что онъ распредѣлилъ равную раскладку на дымы, тогда какъ дымы, во владѣніяхъ Рѣчи-Посполитой, не представляли чего-нибудь однообразнаго; были дымы грунтовые, при которыхъ находилась земля, и были дымы огородные, мѣйскіе (городскіе) и халупные (бобыльскіе), не имѣющіе земли. Брать провіантъ слѣдовало только съ грунтовыхъ, а Ковов-

скій включилъ въ число подлежащихъ повинностямъ и остальные. Послана была делегація къ Коховскому—просить расплатиться за забранный провіантъ, а впередъ провіантъ и фуражъ брать только за наличныя деньги. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчалось, что давно уже поданы были жалобы на разныя утѣсненія и оскорбленія, причиненныя русскими военными людьми, но удовлетворенія на нихъ не послѣдовало.

Эта делегація воротилась отъ Коховскаго безъ отвѣта, и конфедерація обращалась еще разъ къ Билеру съ объясненіемъ, что такой поступокъ генералъ-аншефа оскорбляетъ достоинство кофедераціи, которая, по волѣ народа, образуетъ теперь верховное правительство края. Заявленіе это ни къ чему не послужило, и генеральная конфедерація, не получивъ ни удовлетворенія по жалобамъ, ни расплаты за провіантъ, 21-го декабря писала къ барону Билеру, что она посылаетъ во всѣ воеводства приказаніе о сборѣ и доставкѣ россійскимъ войскамъ провіанта и фуража, съ замѣчаніемъ, что это дѣлается въ угодность барону, тогда какъ генеральная конфедерація знаетъ, что россійскіе солдаты кормятся на квартирахъ, и надѣется, что будетъ учреждена делегація, которая установитъ выгодныя для обѣихъ сторонъ средства. Вмѣстѣ съ тѣмъ посланъ былъ во всѣ воеводства черезъ мѣстныя конфедераціи универсалъ о собраніи вновь провіанта и фуража для русскихъ войскъ. Генеральной конфедераціи опять пришлось утѣшать мѣстныя конфедераціи тѣмъ, что если русскія войска и надѣлали достаточно безчинствъ, то всетаки это дѣлалось противъ воли императрицы.

Впрочемъ, независимо отъ столкновеній и недоразумѣній, которыя были неизбѣжны при стеченіи въ краѣ многочисленннаго иноземнаго войска, въ войскѣ русскомъ было болѣе дисциплины и порядка, чѣмъ можетъ казаться по тѣмъ случаямъ, когда возникали жалобы на тягости отъ

войска. Очевидцы, сколько-нибудь безпристрастные, свидѣтельствуютъ объ этомъ. Укажемъ, напр., на Козьмяна. По его замѣчанію, многіе русскіе не только не относились съ высокомѣріемъ и надменностію къ полякамъ, какъ къ побѣжденнымъ, но чувствуя, что они, русскіе, ниже поляковъ по цивилизаціи, смотрѣли на послѣднихъ съ уваженіемъ и прилаживались къ ихъ обычаямъ, да и поляки часто принимали ихъ съ тѣмъ радушіемъ и добродушіемъ, которымъ всегда отличалось ихъ племя. Если кто изъ военныхъ гостей въ Польшѣ дѣйствительно возбуждалъ противъ себя справедливыя жалобы, то это были казаки, которыхъ, при недостаткѣ строевой дисциплины, не всегда можно было удержать отъ произвола и безчинствъ, тѣмъ болѣе, что тутъ примѣшивалась традиціонная ненависть къ панамъ-ляхамъ, перешедшая отъ малоруссовъ и къ казакамъ великорусскаго происхожденія.

Сама конфедерація не представляла, однако, чего-нибудь стройнаго, согласнаго; напротивъ, обычная полякамъ безладица господствовала въ этомъ сборищѣ. Въ Литвѣ всемогущими были Коссаковскіе. Епископъ, носившій неважный титулъ инфлянтскаго (in partibus), поддѣлался къ Зубову и выпросилъ для себя въ администрацію краковское епископство, а вмѣстѣ съ нимъ до семисотъ тысячъ годоваго дохода съ этого епископства. Эту сумму, послѣ смерти епископа Солтыка, четырехъ-лѣтній сеймъ отчислилъ отъ доходовъ епископства и обратилъ-было въ собственность скарба. Теперь, въ силу уничтоженія всѣхъ распоряженій сейма, признаннаго революціоннымъ и беззаконнымъ, эта сумма возвращена была администратору епископства, которымъ назначенъ Коссаковскій за услуги отечеству. Тѣмъ не менѣе, такое чрезмѣрное присвоеніе доходовъ, уже составлявшихъ государственное достояніе, возбудило неудовольствіе всей малопольской провинціи, и

въ слѣдующемъ году, въ апрѣлѣ, подана была противъ этого распоряженія протестація за подписомъ всѣхъ совѣтниковъ въ означенной провинціи. Около братьевъ Коссаковскихъ роились многочисленные кліенты. Литовскіе дворяне, ради своихъ дѣлъ и видовъ, старались пріобрѣсть благосклонность этихъ сильныхъ міра въ Литвѣ, управлявшихъ безконтрольно Литвою по милости Россіи. Старикъ Сапѣга, выбранный маршаломъ литовской конфедераціи, былъ собственно орудіемъ въ рукахъ партіи Коссаковскихъ и пользовался только почетомъ, который окружалъ тогда его званіе. Браницкій, Ржевускій, Щенсный Потоцкій были врагами Коссаковскихъ, но между собою находились также въ непріязни. Браницкій былъ врагомъ Щенснаго и Ржевускаго, Ржевускій—врагомъ Потоцкаго и Браницкаго вмѣстѣ. У каждаго изъ нихъ были свои партіи, готовыя хоть сейчасъ на междоусобную брань, и если бы въ такомъ положеніи Россія оставила Польшу на произволъ судьбы, то несогласія между конфедератами разразились бы кровавыми смутами. По всеобщему отзыву современниковъ, въ томъ числѣ русскихъ, тогда господствовало ужасающее безправіе, насилія, безстыдное обирательство и грабежи, въ конфедераціонныхъ судахъ было крайнее кривосудіе. Конфедераты овладѣвали чужими имѣніями и были оправдываемы, когда на нихъ искали судомъ. По инымъ дѣламъ назначались особыя коммиссіи, которыя рѣшали дѣла неправильно и пристрастно. Прикрываясь силою конфедераціи, можно было совершать всякія самоуправства. «Конфедерація—замѣчаетъ Сиверсъ, бывшій русскимъ посломъ послѣ Булгакова — хотя въ-началѣ и оказала намъ услуги, но потомъ надѣлала намъ же несравненно болѣе зла своимъ неправосудіемъ, насильствами, грабежами, именно тѣмъ, что все это производилось подъ охраною русскаго оружія, и подъ покровительствомъ Россіи дозволено было ей имѣть неограниченное вліяніе на занятіе должно-

стей, и особенно на судебные приговоры, чрезъ что она заслужила великую ненависть».

X.

Сношенія кабинетовъ между собою по дѣламъ Польши. — Делегація въ Петербургѣ.—Тревога конфедераціи.

Самостоятельность Польши, болѣе чѣмъ когда-нибудь, сдѣлалась невозможною. Россія не могла уже ее оставить, потому что никогда еще не была такъ сильна надъ нею. Прусскій король, не выманивъ у поляковъ Гданска и Торуня прежде, теперь увидѣлъ предъ собою самое удобное время пріобрѣсти инымъ путемъ отъ Польши болѣе того, сколько онъ просилъ поляковъ уступить ему добровольно. Велась война съ Франціею. Прусскій король участвовалъ въ ней какъ союзникъ Австріи и домогался за труды и издержки вознагражденія на-счетъ Польши. Австрія могла согласиться на это съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ и ей также слѣдовало вознагражденіе. Въ іюнѣ, посланникъ русской императрицы въ Вѣнѣ, Разумовскій, говорилъ, что Австріи всего бы сподручнѣе вознаградить себя обмѣномъ Баваріи на Бельгію, — проектъ этотъ имѣла Австрія давно; исполненію его помѣшалъ когда-то Фридрихъ Великій. Когда Разумовскому замѣтили, что въ такомъ случаѣ прусскій король захочетъ также равной части, то Разумовскій отвѣчалъ, что теперешній прусскій король не сталъ бы мѣшать, какъ прежній.

Австрія принялась за эту мысль. Францъ уѣхалъ во Франкфуртъ, гдѣ 14-го іюля принялъ императорскую корону, а 19-го имѣлъ свиданіе съ прусскимъ королемъ въ Майнцѣ; здѣсь въ первый разъ произошла конференція, гдѣ присутствовали австрійскіе и прусскіе дипломаты, и обѣ стороны высказали прямо и ясно свои желанія. Прус-

сія объявила, что за участіе въ войнѣ противъ Франціи она желаетъ вознагражденія въ Польшѣ; Австрія объявила, что желаетъ промѣна Бельгіи на Баварію, но при этомъ Австрія находила, что вознагражденіе будетъ неравномѣрно, Пруссія получитъ больше, Австрія останется въ убыткѣ на два милліона, а потому будетъ справедливо, если Авсврія вознаградится еще, сверхъ вымѣна Баваріи, хотя бы принадлежащими Пруссіи, недавно уступленными ей отъ маркграфа княжествами Аншпахомъ и Байрейтомъ. Но Пруссія сразу на это не согласилась. Дѣла не кончили.

Сношенія продолжались потомъ между прусскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, Гаугвицемъ, и вѣнскимъ министромъ Шпильманомъ.

Самъ король прусскій отправился въ походъ на Францію. Сначала союзники думали, что имъ ничего не будетъ стоить разсчитаться съ Франціею. Эмигранты увѣряли, что къ нимъ присоединится сильное войско изъ недовольныхъ, что вся Франція приметъ союзниковъ какъ освободителей, что громада народа недовольна переворотомъ, и что она въ душѣ осталась вѣрна прежнему порядку, готова умирать за своихъ королей и за свое дворянство, а съ противной стороны между французскими либералами раздоры и несогласія, слѣдовательно, успѣхъ коалиціи не подлежитъ сомнѣнію. Сама Екатерина такъ думала и считала Францію чѣмъ-то въ родѣ своей сосѣдки Польши.

25-го іюля публикованъ былъ грозный манифестъ къ французамъ, съ подписью предводителя прусскихъ войскъ, герцога брауншвейгскаго: предлагались французамъ милости австрійскаго императора и прусскаго короля, если они будутъ покорными подданными своего государя; въ случаѣ же, если французы окажутъ малѣйшее оскорбленіе или стѣсненіе своему королю, его фамиліи и тюльерійскому двору, то грозили произвести надъ Парижемъ такую примѣрную экзекуцію и такъ перевернуть въ немъ

все вверхъ дномъ, что французы это навсегда будутъ помнить. Такой манифестъ, вмѣсто того, чтобы испугать французовъ, побудилъ ихъ только поскорѣе покончить съ монархіею, висѣвшею на волоскѣ. 10-го августа низвели короля, объявили республику; 2-го сентября перерѣзали въ тюрьмахъ друзей стараго порядка, а 20-го того же мѣсяца показали пруссакамъ обратную дорогу изъ Франціи. Послѣ безполезной канонады при Вальми, прусскія войска отступили назадъ въ чрезвычайномъ разстройствѣ, страдая равнымъ образомъ отъ проливныхъ дождей и грязи, какъ и отъ смертельнаго поноса, распространившагося между нѣмецкими солдатами. Послѣ этого союзными державами устроено было въ Люксембургѣ совѣщаніе о томъ, что̀ дѣлать далѣе. Со стороны Пруссіи были: находившійся въ Вѣнѣ посланникомъ Гаугвицъ и Люккезини, со стороны Австріи—баронъ Шпильманъ и князь Рейссъ. Россію изображалъ посланникъ при прусскомъ дворѣ, Алопеусъ, а баронъ Бретейль представлялъ лицо Людовика XVI, тогда уже сидѣвшаго въ заключеніи въ Тамплѣ. Квартира прусскаго короля находилась недалеко отъ Люксембурга, въ селеніи Мерль. Послѣ совѣщаній, подана была прусскими уполномоченными подписанная королемъ нота, гдѣ было заявлено, что такъ какъ предпринятый походъ стоилъ издержекъ и траты людей, и оказывается, что дальнѣйшее продолженіе войны потребуетъ еще бо́льшихъ утратъ, то его прусское величество не иначе будетъ принимать въ ней участіе на будущее время, какъ пожелавши вознагражденія въ виду будущихъ своихъ издержекъ и усилій. Это вознагражденіе должно состоять въ присоединеніи къ Пруссіи извѣстной полосы Польши. Ихъ величества императоръ и русская императрица пусть признаютъ за нимъ это право, и онъ вступитъ въ дѣйствительное владѣніе этими польскими землями.

Подавши такую ноту, прусскіе уполномоченные пода-

ли и карту Польши, на которой проведена была линія, показывавшая, чего желаетъ его прусское величество. Предлагалась при этомъ двоякая сдѣлка отъ его прусскаго величества. Если отъ него будутъ требовать большихъ услугъ, то слѣдуетъ заплатить его прусскому величеству пощедрѣе Польшею, а если услугъ потребуется меньше, то и польской земли прусское величество получитъ менѣе. Такимъ образомъ, если согласятся отдать прусскому королю то, что онъ намѣтилъ на картѣ, онъ обѣщался дѣятельно вести войну и самъ идти въ походъ во Францію, а если не согласятся на означенную имъ пропорцію, то обѣщалъ только двадцать тысячъ вспомогательнаго войска и все же за это требовалъ части Польши по сопредѣльности съ границами его государства.

Это требованіе не могло быть рѣшено тотчасъ на мѣстѣ. Уполномоченные должны были представить его на обсужденіе своимъ дворамъ, и потому, вслѣдъ за тѣмъ, началась переписка съ австрійскимъ и русскимъ дворомъ, и продолжалась всю осень. Императрица держалась системы водить прусскаго короля, во-первыхъ для того, чтобы возбудить въ немъ расположеніе уступить Россіи то, чего послѣдняя пожелаетъ для себя; во-вторыхъ, она для своихъ плановъ хотѣла, чтобы Австрія не только дала свое согласіе, но сама бы ходатайствовала за прусскаго короля; въ-третьихъ, ей хотѣлось такимъ образомъ свалить съ себя починъ въ этомъ дѣлѣ, которое, разумѣется, должно было имѣть очень важныя послѣдствія на грядущія времена. Графъ Остерманъ писалъ прусскому двору такія депеши, изъ которыхъ прусскій дворъ не могъ получить яснаго отвѣта на свои представленія.

Не добившись толку отъ Россіи прямо, Пруссія обращалась къ посредничеству Австріи, чтобы Австрія съ своей стороны склонила Россію. Австрія стала недовольна, однако, промѣномъ Баваріи на Бельгію, и имѣла причину

быть недовольною, тѣмъ болѣе, что возможность этого факта подвергалась сомнѣнію, потому что, послѣ изгнанія союзниковъ изъ Франціи, французы заняли Бельгію. Нельзя было поручиться, что пфальцскій князь-избиратель, наслѣдникъ Баваріи, соглашавшійся прежде на промѣнъ, и теперь, при измѣнившихся обстоятельствахъ, согласится на то же. Австрія, чтобы удержать за собою право обмѣна, заявляла еще желаніе получить часть Польши, хотя временно, съ обязанностью возвратить ее, если только Австрія можетъ быть вознаграждена инымъ образомъ. Это желаніе не встрѣтило согласія со стороны Россіи, а Пруссія, ссылаясь на послѣднюю, тоже старалась отклонить Австрію отъ ея требованій. Екатерина побуждала прусскаго короля продолжать войну съ Франціею, признавала за нимъ вполнѣ право вознагражденія, но уклонялась отъ прямого согласія на занятіе Польши, а прусскій король упирался, ни за что не хотѣлъ продолжать войны, прежде чѣмъ союзныя государства не дадутъ ему согласія вступить въ Польшу, и притомъ такъ, чтобы занятіе польскихъ провинцій не зависѣло отъ удовлетворенія Австріи. Австріи когда-то удастся получить въ Баваріи или въ Польшѣ, а прусскій король хотѣлъ немедленно ввести войска въ Великую Польшу и присоединить ее къ своему государству.

Какъ ни упиралась съ своей стороны Австрія, но планъ ея пріобрѣсти Баварію и попользоваться на-счетъ Франціи могъ удаться только при успѣхѣ войны,—успѣхъ же войны зависѣлъ отъ участія прусскаго короля; а какъ прусскій король не хотѣлъ продолжать войны, не занявши Польши, то Австрія должна была сдѣлать угодное прусскому королю. Министру ея при петербургскомъ дворѣ дано порученіе просить императрицу о согласіи на то, чтобы его величество прусскій король немедленно вступилъ во владѣніе польскими землями, которыя онъ желаетъ пріобрѣсть

въ качествѣ вознагражденія, независимо отъ осуществленія видовъ императора на Баварію или на соотвѣтственныя польскія провинціи. Императрица приказала, наконецъ, 5-го декабря 1792 г., вице-канцлеру Остерману дать рѣшительный отвѣтъ графу Гольцу, прусскому посланнику, содержащій согласіе на вступленіе прусскихъ войскъ въ Польшу. Гольцъ подалъ карту, гдѣ его король обозначилъ демаркаціонную линію отъ Ченстохова у силезской границы, черезъ Раву до Сольдау, на сѣверной границѣ Польши съ восточной Пруссіею, такъ что города Гданскъ, Торунь, Лэнчица, Сѣрадзь, Піотрковъ, Калишъ, Гнѣзно и Познань отходили къ Пруссіи. Это, на вѣжливомъ дипломатическомъ языкѣ, называлось округленіемъ (arrondissement) границъ.

Съ своей стороны россійская императрица назначила линію, означавшую пространство, какое было ей угодно присоединить отъ Польши для округленія послѣдней. Сообщая объ этомъ своему королю, прусскій посланникъ въ Петербургѣ не оставилъ назвать такого рода заявленіе императрицы чрезмѣрными притязаніями (die enormen Ansprüche). Мнѣніе Екатерины препровождено было прусскому королю 5-го (16-го) декабря, а окончательный договоръ былъ подписанъ уже 12-го (23-го) января 1793 года, въ Петербургѣ.

Не смотря на то, что эти переговоры велись въ строгомъ секретѣ, гамбургскія газеты еще въ ноябрѣ напечатали, въ видѣ частныхъ писемъ, о собирающейся надъ Польшею грозѣ, и вслѣдъ затѣмъ конфедерація получила конфиденціальныя извѣстія отъ командира польскаго войска въ Великой Польшѣ, Ожаровскаго, что въ Пруссіи пошли слухи о готовности ввести прусскія войска во владѣнія Рѣчи-Посполитой въ скоромъ времени. Маршалы генеральной конфедераціи въ испугѣ обратились конфиденціально къ барону Билеру отъ 22-го ноября. «Генеральная конфедерація — сказано было въ письмахъ маршаловъ — считаетъ эти слухи лож-

ными, выдуманными и распространенными съ цѣлью отравить довѣріе гражданъ и волновать умы, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ нужнымъ объяснить націи какъ можно скорѣе всю лживость подобной клеветы и упрочить внутреннее спокойствіе, а потому конфедерація вмѣняетъ себѣ въ обязанность объясниться съ прусскимъ посланникомъ».

Вслѣдъ затѣмъ, 5-го декабря, конфедерація отнеслась къ Бухгольцу, замѣнившему Люккезини. Въ нотѣ конфедераціи было сказано: «Польская Рѣчь-Посполитая вѣритъ неизмѣнному доброму расположенію и союзу наияснѣйшаго прусскаго короля и подобные слухи признаетъ ложью, преднамѣренно разсѣеваемою тѣми, которые хотятъ внушить націи недовѣріе къ сосѣдской дружбѣ прусскаго короля, возбудить въ умахъ тревогу и возмутить спокойствіе, но, для утишенія всего этого, категорическій отвѣтъ Бухгольца былъ бы вѣрнѣйшимъ и приличнѣйшимъ средствомъ. Конфедерація не можетъ сомнѣваться, что Бухгольцъ не замедлитъ дать ей утѣшительный отвѣтъ».

Желаннаго отвѣта пришлось конфедераціи ждать болѣе мѣсяца. Изъ Петербурга между тѣмъ вѣяли успокоительныя вѣсти. Посланникомъ при императорскомъ дворѣ, вмѣсто отставленнаго Деболи, оказавшагося сторонникомъ майской конституціи, назначенъ былъ Вьельгорскій. Еще въ сентябрѣ отправлена была депутація къ императрицѣ; на челѣ ея былъ гетманъ Браницкій. Съ нимъ отъ Короны были гетманъ польный Ржевускій, Грановскій, Миръ и Вьельгорскій, а изъ Литвы гетманъ польный Коссаковскій, другой Коссаковскій (воеводичъ витебскій), князь Радзивиллъ (сынъ виленскаго воеводы), Сапѣга (сынъ канцлера) и троцкій каштелянъ Пляттеръ.

14-го ноября эта депутація представлялась Екатеринѣ и приносила благодарность за возстановленіе старопольской свободы. «Уже—говорилъ Браницкій—полякъ, подавляемый грознымъ бременемъ, началъ преклонять колѣна

предъ божествомъ, невѣдомымъ ему отъ вѣковъ и съ отчаяніемъ взиралъ на вѣковые кандалы, которые должны были связывать его правнуковъ. Но Богъ и Екатерина воззрѣли на него. Обольстительный истуканъ палъ; его творцы и почитатели разбѣжались, полякъ возсталъ, подобно своимъ предкамъ, свободный, и простеръ руки къ небу, а полные чувствительности очи къ своей избавительницѣ! О, если бы возвращенная свобода сдѣлалась вѣчно неизмѣняемымъ счастіемъ для польскаго народа! Полякъ жаждетъ этого и видитъ свое счастье только въ вѣчномъ союзѣ съ краями, которые Провидѣніе вручило вѣчно памятному твоему скипетру».

Отъ имени императрицы отвѣтилъ делегаціи вице-канцлеръ въ такихъ выраженіяхъ: «въ чувствахъ сосѣдняго вольнаго и дружелюбнаго народа императрица видитъ себѣ награду за стараніе, оказанное ею для возстановленія древней свободы и независимости Польши». Онъ передалъ удовольствіе императрицы за предложеніе союза между двумя государствами. «Я имѣю приказаніе,—сказалъ онъ въ концѣ,—сообщить почтенной делегаціи взаимное желаніе ея величества такого естественнаго союза и увѣрить всѣхъ членовъ ея въ высокомъ вниманіи къ ней ея императорскаго величества».

Затѣмъ нѣсколько времени оставались поляки въ Петербургѣ. Ихъ забавляли празднествами и увеселеніями. Кромѣ делегатовъ, въ Петербургъ то и дѣло пріѣзжали поляки по собственнымъ дѣламъ: кто просить староства, кто получить орденскую ленточку. Жившій въ то время въ Ливоніи графъ Сиверсъ, будущій рѣшитель судьбы Рѣчи-Посполитой, видя какъ они сновали мимо его имѣнія черезъ Вольмаръ, замѣчалъ: «этакъ они цѣлый Петербургъ запрудятъ! Вотъ что значитъ насмѣхаться надъ свободою; французы такъ не смѣялись надъ своею, когда раздѣлались съ герцогомъ брауншвейгскимъ».

Императрица всѣхъ обворожила своею благосклонностію. Въ числѣ пріѣзжавшихъ былъ Михаилъ Огинскій, бывшій сторонникъ конституціи 3-го мая, племянникъ бывшаго гетмана литовскаго; онъ пріѣзжалъ просить о снятіи секвестра съ своихъ имѣній. Получивъ желаемое, онъ, какъ разсказываетъ самъ въ своихъ запискахъ, представляясь любимцу императрицы графу Зубову, изъявилъ желаніе оставить навсегда свое отечество, предвидя, что Польша быть можетъ опять подвергнется раздѣлу.

«Выкиньте это изъ головы, — сказалъ Зубовъ. — Эти сказки сочиняютъ враги Россіи. Императрица принимала къ сердцу судьбу польскаго народа, съ сожалѣніемъ видѣла сѣти, которыя разставляетъ Польшѣ прусскій король, и бездну, куда хотѣли ее ввергнуть французскіе революціонеры. Но поляки были глухи ко всѣмъ благоразумнымъ совѣтамъ, которые имъ давались посредствомъ русскаго посланника въ Варшавѣ, и потому императрица склонилась къ мольбамъ знатнѣйшихъ членовъ сейма, думавшихъ разсудительнѣе, чѣмъ другіе, послала войска свои затѣмъ только, чтобы спасти Польшу. Вы думаете, императрицѣ нужны новыя пріобрѣтенія? Да развѣ бы она не могла, если бы хотѣла, овладѣть Турціею и посадить на престолъ въ Константинополѣ своего внука? Польша для нея болѣе полезна въ дружескомъ союзѣ, какъ оплотъ противъ остальной Европы. Пусть себѣ кричитъ въ вашихъ провинціяхъ это мелкое шляхетство, не знающее само, чего ему хочется,—ваши якобинцы санкюлоты, которымъ терять нечего, да ваши старые барскіе конфедераты. Люди умные, которыхъ въ вашей землѣ много, могутъ ли допустить, чтобы русская императрица согласилась на раздѣлъ Польши? Увѣряю васъ, что не таковы ея намѣренія, и если вы узнаете величіе ея души и благородство ея чувствъ, то первый станете уничтожать въ вашей землѣ ложные слухи, возникшіе по этому поводу». Такъ

относилась Россія къ тревогѣ, возникшей въ Польшѣ по поводу гамбургскихъ газетъ.

Намѣренія императрицы и сношенія съ Пруссіею о раздѣлѣ Польши хотѣли сохранить въ непроницаемой тайнѣ до тѣхъ поръ, когда придетъ время нанести роковой ударъ. Англійскій посолъ Уисвортсъ, наканунѣ послѣдняго формальнаго договора съ Пруссіею о раздѣлѣ Польши, говорилъ съ Марковымъ объ этомъ предметѣ. Тогда Англія уже пристала къ коалиціи противъ Франціи. Англійскій посолъ изъяснялъ, что его государству было бы очень прискорбно, если бы въ тотъ самый моментъ, когда лондонскій дворъ готовится дѣйствовать за одно въ честномъ и справедливомъ дѣлѣ, приводился въ исполненіе планъ, который могъ только увеличить безпорядокъ въ Европѣ и которому противодѣйствовать всѣ обязаны. «Я надѣюсь,—говорилъ онъ,—что ея величество никогда не можетъ быть участницею такого дѣла, но естественнымъ образомъ на ея величество будетъ падать отчасти негодованіе, возбуждаемое такимъ несправедливымъ поступкомъ, если онъ предпринятъ будетъ въ ту минуту, когда оба двора показываютъ сильнѣйшіе знаки дружбы и довѣрія, и объявляютъ Европѣ возстановленіе полнѣйшей гармоніи, которая къ несчастію была нарушена». Марковъ уклонился отъ объясненія того, что желалъ объяснить англичанинъ и отвѣчалъ только въ общихъ выраженіяхъ, распространялся о томъ, что императрица возложила на себя большія заботы и потерпѣла много убытковъ для возстановленія порядка въ Польшѣ. «До сихъ поръ, — сказалъ онъ, — все, что было сдѣлано, оказало противныя послѣдствія, а для сосѣдственныхъ республикѣ странъ необходимо освободиться отъ препятствій въ этомъ отношеніи, чтобы имѣть возможность направить свои силы въ иную сторону. Я не думаю, чтобы опасенія поляковъ были основательны; мѣры, предпринятыя прусскимъ королемъ, равно и тѣ мѣры, какія избирала или бу-

детъ избирать Россія, скорѣе мѣры предосторожности, чѣмъ планы присвоенія какой бы то ни было части польской территоріи».

Когда трактатъ о раздѣлѣ былъ уже окончательно подписанъ, а прусскій король ввелъ свои войска въ Польшу, англійскій посолъ, узнавъ объ этомъ 29-го января, опять обратился къ Маркову съ просьбою удѣлить ему, какъ представителю союзной державы, свѣдѣнія: какія мѣры принимаются по отношенію къ Польшѣ и вмѣстѣ сообщилъ ему свои основанія на счетъ слуховъ о предстоящемъ раздѣлѣ. «Подобный поступокъ въ такую минуту—говорилъ Уисвортсъ—до крайности опасенъ и вѣроятно обратитъ въ противную сторону общественное мнѣніе въ Англіи, которое теперь благопріятно защищаемому нами дѣлу; такимъ образомъ онъ помѣшаетъ согласію, столь желаемому и полезному. Кромѣ того, такое сильное средство напугаетъ и другія страны, которыя уже готовы участвовать въ войнѣ противъ Франціи. Поступокъ этотъ навлечетъ въ высшей степени непопулярность предпріятію противъ Франціи и поможетъ французамъ сильнѣе, чѣмъ сколько они сами надѣются».—«Поступокъ, котораго вы боитесь,—сказалъ Марковъ,—не будетъ исполненъ; въ этомъ можете увѣрить вашъ дворъ. Я не беру на себя предсказывать то, что будетъ позже, но въ настоящее время дѣло стоитъ на объявленіи его величества прусскаго короля, и не принимается дальнѣйшихъ шаговъ, которые могли бы обезпокоить Польшу».

Конфедерація, между тѣмъ, удвоила ревность въ занятіи внутренними дѣлами. 8-го декабря назначили коммиссію для пересмотра литовскаго статута. Желая расположить къ себѣ сколько-нибудь и мѣщанское сословіе, которое имѣло поводъ сожалѣть о конституціи 3-го мая, она предписала отъ пяти значительнѣйшихъ городовъ изъ каж-

дой провинціи (въ Великой Польшѣ отъ Познани, Калиша, Варшавы, Піотркова, Вехова, и въ Малой Польшѣ отъ Кракова, Люблина, Сендомира, Каменца, Житомира, въ Литовскомъ Великомъ Княжествѣ отъ Вильна, Гродно, Ковно, Минска и Бреста) прислать по два депутата, выбравъ ихъ изъ числа давнихъ мѣщанскихъ жителей—непремѣнно изъ такихъ лицъ, которые до 1790 года были въ мѣщанскомъ званіи, для представленія по 15-е февраля 1793 г. просьбъ и желаній своихъ въ Гродно. Другимъ городамъ дозволили, по желанію ихъ, доставлять въ генеральную конфедерацію свои заявленія и мнѣнія. Съ другой стороны, всѣмъ повѣтовымъ маршаламъ объявлено, что отселѣ они возводятся въ сенаторское званіе и являются въ конфедераціи наравнѣ съ каштелянами. Объявлено, чтобы къ 15-му февраля всѣ, кто пожелаетъ, представляли проекты устройства правленія и общественнаго порядка на будущее время, а для разсмотрѣнія проектовъ выбрана была изъ членовъ конфедераціи депутація, которая должна была изъ прежнихъ законоположеній извлечь кардинальные или основные законы для Польши, сдѣлавъ это такъ, чтобы вольность каждаго обывателя была ограждена отъ интригъ, устроить администрацію такъ, чтобы исполнительная власть не могла нарушать общественной и личной свободы, и управленіе дѣлами въ воеводствахъ не могло быть поглощено высшею наблюдательною властью, указать мѣры, чтобы войско могло быть только полезно, а не страшно отечеству, и наконецъ, чтобы былъ обезпеченъ вѣчный и неизмѣнный миръ съ сосѣдями.

Къ 15-му февраля должны съѣхаться всѣ депутаты, а потомъ будетъ созванъ сеймъ, долженствующій утвердить форму правленія въ республиканскомъ духѣ. На вѣчную память грядущимъ поколѣніямъ установлена была медаль въ память освобожденія Польши; она была установлена

еще 5-го декабря, но къ раздачѣ поступила 5-го января [1]).

Среди такихъ постановленій 16-го января 1793 года появилась зловѣщая нота прусскаго посла Бухгольца. Въ ней было сказано, что въ Польшѣ сталъ распространяться духъ французскаго демократизма и правила ужасной секты: якобинскіе агенты находятъ себѣ поддержку; открываются революціонные клубы;—въ особенности Великая Польша отравлена этимъ ядомъ, и сокрываетъ въ себѣ большое число поклонниковъ фальшиваго патріотизма; ихъ связи съ французскими клубами внушаютъ прусскому королю опасеніе за безопасность собственныхъ владѣній и принуждаютъ его прибѣгнуть къ дѣйствительнымъ средствамъ. Обязанный продолжать войну противъ Франціи вмѣстѣ съ союзными государствами, король прусскій совѣтовался съ австрійскимъ и россійскимъ дворами, и оба союзные двора признали, что здравая политика не дозволяетъ оставлять въ Польшѣ свободными руки заговорщиковъ, и такимъ образомъ имѣть въ тылу у себя непріятеля, котораго зловредныя попытки могутъ сдѣлаться источниккомъ новыхъ безпокойствъ, тѣмъ болѣе, что пограничные края прусскаго государства уже испытали всякаго рода нарушенія территоріи со стороны поляковъ. По этой причинѣ прусскій король рѣшился ввести въ Великую Польшу значительную часть войска подъ командою генерала Мёллендорфа для удержанія въ этомъ краѣ спокойствія. На жителяхъ лежитъ обязанность принять эти войска

---

[1]) Посреди вѣнца слова: Civibus quorum pietas conjuratione die tertia mai 1791 obrutam et deletam libertatem polonam tueri conabatur Respublica resurgens; около надпись: gratitudo concivibus exemplum posteritati. На другой сторонѣ по срединѣ: Decreto Reipublicae nexu confederationis junctae quinta decembris 1792. Regnante Stanislawo-Augusto. На рубчикѣ вѣсъ серебра: ex marca pura colon. 10⁷/₁₆.

и снабжать ихъ продовольствіемъ, а генералъ Мёллендорфъ обязанъ платить за доставленное и удерживать подначальныя ему войска въ надлежащей дисциплинѣ.

Нота прусскаго посла отправлена была въ Гродно для свѣдѣнія генеральной конфедераціи, а тѣмъ временемъ Бухгольцъ, объявивши, что 26 января вступитъ прусское войско въ предѣлы Рѣчи-Посполитой, спросилъ находившагося делегатомъ отъ конфедераціи въ Варшавѣ Ожаровскаго: какъ поведетъ себя стоявшій въ Великой Польшѣ съ военной силою генералъ Бышевскій при вступленіи прусскихъ войскъ? Ожаровскій отвѣчалъ, что Бышевскій имѣетъ отъ конфедераціи приказъ не впускать ни одного чужаго солдата въ предѣлы Рѣчи-Посполитой. «Ну это можетъ имѣть худыя послѣдствія!» отвѣчалъ Бухгольцъ.

Генеральная конфедерація на прусскую ноту поручила канцлеру Малаховскому дать отвѣтъ въ такомъ смыслѣ: «Дѣло конституціи 3-го мая, со всѣми его вредными послѣдствіями для спокойствія отечества, уже уничтожено при помощи императрицы, и генеральная конфедерація отъ 28-го ноября 1792 года уже запретила всякіе клубы, угрожая суровымъ наказаніемъ ихъ составителямъ; затѣмъ туземное польское правительство имѣетъ достаточно силы для удержанія спокойствія, особенно при сильной и великодушной помощи императрицы, почему проситъ прусскаго короля удалить изъ предѣловъ Рѣчи-Посполитой свои войска, и въ надеждѣ, что прусскій король исполнитъ ея просьбу, не дѣлаетъ никакихъ распоряженій относительно содержанія прусскихъ войскъ, введенныхъ въ Польшу. Что же касается до нарушенія прусской территоріи, то конфедерація желаетъ знать подробно, въ чемъ оно состоитъ, и кто виноватъ въ этомъ, дабы предать виновныхъ достойному наказанію».

Въ одинъ и тотъ же день, когда конфедерація послала Малаховскому инструкцію объ отвѣтѣ на прусскую ноту,

она отправила письмо къ Екатеринѣ, жаловалась на поступокъ прусскаго короля, замѣчала, что онъ производитъ тяжелое впечатлѣніе на умы, просила о содѣйствіи императрицы къ тому, чтобы убѣдить прусскаго короля отмѣнить свой приказъ, и выражалась такъ: «мы не боимся за наши лучшія провинціи, колыбель польскаго государства, но Рѣчь-Посполитая, возстановленная вашимъ величествомъ, желаетъ не имѣть другого счастія, какъ пользоваться спокойствіемъ и цѣлостью, достигнутыми собственными возможными усиліями и благодѣяніями вашего величества».

Въ то же время генеральная конфедерація показывала видъ, что поступокъ короля прусскаго для нея еще не очень страшенъ; она, по поводу введенія прусскимъ королемъ своихъ войскъ въ польскія владѣнія, приказывала всѣмъ офицерамъ, взявшимъ отпускъ, возвратиться къ своимъ корпусамъ на службу, а командирамъ пѣшихъ полковъ немедленно, изъ вакантныхъ кассъ, находящихся при корпусахъ, покупать лошадей подъ батальонныя орудія и аммуниціонные возы; впрочемъ, всѣмъ войскамъ приказывалось сохранять строгое спокойствіе и отнюдь не начинать непріязненныхъ дѣйствій съ пруссаками.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I *).

Отозваніе Булгакова.—Назначеніе Сиверса.—Игельстромъ.—Прибытіе Сиверса.—Обращеніе Сиверса съ королемъ.—Его выѣздъ въ Гродно [1]).

Въ Варшавѣ совершилась великая перемѣна лицъ, грозившая приближеніемъ грозы. Послѣ торжества конфедераціи и прибытія русскихъ войскъ, столица на время какъ будто забыла потрясеніе края, паденіе конституціи, въ честь которой такъ недавно и такъ шумно пировала; все въ ней пахло праздникомъ: балъ за баломъ, обѣдъ за обѣдомъ,—поляки какъ будто радовались гостямъ; братъ любимца императрицы, Валеріанъ Зубовъ, казалось, хотѣлъ превзойти поляковъ пышностію своего гостепріимства; польскія дамы плѣняли сердца русскихъ генераловъ; самъ Зубовъ былъ у ногъ Потоцкой, первой красавицы въ Польшѣ, жены самаго безобразнѣйшаго по наружности и одного изъ умнѣйшихъ людей въ Польшѣ, предпріимчиваго Прота Потоцкаго. Слѣдуя примѣру Зубова, и другіе русскіе были безъ ума отъ очаровательныхъ полекъ. Но веселость Варшавы была только наружная; за этою веселостью чув-

---

[1]) См. источники №№ 3, 1, 18, 23, 30, 34, 38, 47, 71, 80, 84, 87, 88, 91, 111, 112, 115.

ствовались грусть, смущеніе и ожиданіе чего-то ужаснаго. Это замѣтилъ русскій посолъ. Всѣхъ грустнѣе былъ самъ король, часто удалялся отъ большого общества и проводилъ время въ кругу своихъ племянницъ, Мнишковой и Тышкевичъ.

Въ это время императрица, готовясь къ великому шагу, перемѣнила нѣкоторыхъ своихъ дѣятелей въ Польшѣ. Вмѣсто Коховскаго назначенъ былъ главнокомандующимъ въ Польшѣ баронъ Игельстромъ; надъ войскомъ, стоявшимъ въ Литвѣ и въ Украинѣ, главнокомандующимъ былъ генералъ-аншефъ Кречетниковъ. Неугоденъ императрицѣ сталъ и Булгаковъ; говорятъ, что ему повредилъ рагузинецъ Альтести, котораго онъ вывезъ изъ Константинополя, облагодѣтельствовалъ, въ люди вывелъ, рекомендовалъ любимцу государыни Зубову: теперь онъ въ благодарность рылъ подъ нимъ яму при дворѣ. Впрочемъ, отозваніе Булгакова произошло и потому, что императрица разсчитывала предстоявшее дѣло возложить на личность, болѣе чѣмъ всякая другая, способную къ такому дѣлу; личность эта былъ Яковъ Евфимовичъ Сиверсъ, бывшій нѣкогда новгородскимъ губернаторомъ, и не ладившій съ Потемкинымъ, вслѣдствіе чего онъ нѣсколько лѣтъ сидѣлъ въ своемъ лифляндскомъ имѣніи. Теперь императрица вспомнила о немъ и призвала его снова къ дѣятельности.

Трудно было найти человѣка, болѣе подходящаго къ дѣлу, какъ графъ Сиверсъ. Несмотря на старость, это былъ человѣкъ въ высокой степени дѣятельный и проницательный, легко схватывавшій положеніе, въ которомъ находился, узнающій насквозь и оцѣнивающій людей, не пылкій, не заносчивый, но ни на минуту не терявшій своего достоинства, хладнокровно разсматривающій вещи въ ихъ надлежащемъ видѣ, не злой и не упрямый, не дѣлавшій ничего по своенравію, безмѣрно терпѣливый, мягкій къ человѣческому несчастію, но твердый какъ камень въ ис-

полненіи избраннаго средства, неподатливый впечатлѣніямъ и потому неспособный ни выйти изъ себя, ни дать провести себя. Для него въ дѣлѣ было одно дѣло; онъ видѣлъ ясно цѣль свою, умѣлъ находить прямыя дороги и простѣйшія средства, ведущія къ этой цѣли, не отступалъ съ нихъ ни шагу, не бросался въ сторону, не размѣнивался на мелочи; добродушный съ виду и съ постоянною простодушною улыбкою, вѣжливый въ обращеніи, онъ не вдавался въ риторику, умѣлъ помолчать тамъ, гдѣ нужно было молчаніемъ сказать болѣе, чѣмъ языкомъ, говорилъ мало и дѣльно, и даромъ не отступалъ отъ своего слова. Это былъ человѣкъ, какого именно въ Польшѣ въ то время было нужно, который бы полякамъ былъ и страшенъ, и въ то же время пріятенъ.

Такого старика избрала Екатерина. Вызванный изъ своего имѣнія въ Петербургъ, онъ получилъ отъ 22 декабря рескриптъ императрицы такого содержанія. Государыня вспомнила, какъ она, со вступленія своего на престолъ, заботилась о сохраненіи вольности и независимости Польши, и удерживала алчность и жадность другихъ дворовъ, но обстоятельства вынудили ее согласиться на раздѣлъ Польши въ 1773, навлеченный междоусобіями поляковъ. «Казалось бы по всѣмъ вѣроятностямъ,—выражалась она,—что вышеупомянутое событіе послужитъ поученіемъ и убѣжденіемъ для переду, что дальняя цѣлость и спокойствіе польскихъ владѣній зависитъ отъ соблюденія тѣснаго и непрерывнаго согласія съ нами и державою нашею. Но время и весьма короткое доказало, что легкомысліе, надменность, вѣроломство и неблагодарность сему народу свойственныя не могутъ быть исправлены ниже самыми бѣдствіями». Указавъ, что вины поляковъ противъ Россіи побудили императрицу пригласить къ своему двору недовольныхъ произведенными въ Польшѣ перемѣнами и составить конфедерацію, Екатерина высказывала очень

нелестное мнѣніе о составителяхъ конфедераціи, замѣчала, что всѣ они, исключая Щенснаго Потоцкаго, помышляли не о благѣ отечества, а о своихъ личныхъ и корыстолюбивыхъ видахъ и при соглашеніи ихъ съ русскимъ министерствомъ о предварительныхъ мѣрахъ и о началахъ будущаго правленія «примѣчено было разнообразіе видовъ, не предвѣщавшихъ ни единодушія, ни прочности въ созидаемомъ зданіи, какимъ бы образомъ оно ни устроилось». Она считала признаніе конфедераціи со стороны Станислава-Августа поступкомъ неискреннимъ и упрекала его въ томъ, что онъ, какъ ей, по ея словамъ, было достовѣрно извѣстно, продолжаетъ возбуждать въ польскомъ народѣ злобу и недоброжелательство къ Россіи и ея войскамъ. Но болѣе всего безпокоило императрицу то, что въ Варшавѣ развелись клубы на подобіе якобинскихъ, и французское ученіе могло оттуда распространиться по всей Польшѣ и коснуться границъ ея сосѣдей. «Нѣтъ мѣръ предосторожности и строгости,—говорила Екатерина въ своемъ рескриптѣ,—каковыхъ бы опасеніе столь лютаго зла оправдать не долженствовало. Рѣшительный отзывъ короля прусскаго принудилъ насъ войти въ ближайшее соображеніе всѣхъ обстоятельствъ и околичностей въ ономъ встрѣчающихся. Тутъ усмотрѣли мы очевидно и ощутительно, во 1) что по испытанности прошедшаго и по настоящему расположенію вещей и умовъ въ Польшѣ, т. е. по непостоянству и вѣтренности сего народа, по доказанной его злобѣ и ненависти къ нашему, а особливо по изъявляющейся въ немъ наклонности къ разврату и неистовству французскимъ, мы въ немъ никогда не будемъ имѣть ни спокойнаго, ни безопаснаго сосѣда иначе, какъ приведя его въ сущее безсиліе и немогущество; во 2) что неподатливостью нашею на предложеніе короля прусскаго и послѣдуемымъ затѣмъ его отпаденіемъ отъ римскаго императора въ настоящемъ ихъ общемъ дѣлѣ,

мы подвергаемъ сего естественнаго и важнаго союзника нашего такимъ опасностямъ, что слѣдствія онаго вовсе опровергнутъ европейское равновѣсіе, и безъ того уже потрясенное нынѣшнимъ положеніемъ Франціи; и въ 3) что король прусскій, ожесточенный безполезностію употребленныхъ имъ издержекъ, не взирая и на отчужденіе наше отъ его видовъ, можетъ по извѣстной горячности его нрава или теперь силою завладѣть тѣми землями, или для достиженія къ тому надежнѣйшаго способа, навлечь на насъ новыя отяготительныя хлопоты, къ усугубленію которыхъ сами поляки готовы будутъ содѣлаться первымъ орудіемъ. Сіи и многія другія уваженія рѣшили насъ на дѣло, которому началомъ и концомъ предполагаемъ избавить землю и грады, нѣкогда Россіи принадлежавшіе, единоплеменниками ея населенные и единную вѣру съ нами исповѣдующіе, отъ соблазна и угнетенія имъ угрожающихъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, назначенный начальникомъ войскъ баронъ Игельстромъ получилъ подобный рескриптъ отъ государыни въ такихъ словахъ:

«Нѣтъ нужды излагать причины, побудившія насъ присоединить къ нашему государству земли, вошедшія въ составъ польской республики, которыя въ древности принадлежали Россіи, гдѣ города построены русскими князьями, гдѣ жители происходятъ отъ одного племени какъ и русскіе, и притомъ—наши единовѣрцы. Все сіе узнаете изъ манифеста, долженствующаго быть обнародованнымъ въ свое время. Теперь же вы должны узнать о тѣхъ мѣрахъ, которыя слѣдуетъ предпринять, чтобы на все быть готовымъ.

«Прусскій дворъ, вошедшій, какъ и вѣнскій, съ нами въ союзъ, и съ послѣднимъ ведущій общее дѣло противъ мятежныхъ французовъ, по причинѣ неудачи послѣдняго похода, увидѣли себя въ невозможности продолжать войну,

не получивъ соразмѣрнаго вознагражденія за понесенныя потери. Прусскій король требуетъ этого вознагражденія въ особенности для того, чтобы съ обновленными силами предпринять общую всѣмъ монархамъ и всѣмъ благоустроеннымъ правительствамъ войну, поставить въ границы послушанія необузданный народъ и не допустить дальнѣйшаго распространенія по Европѣ духа безначалія. По этимъ причинамъ прусскій король и императоръ предложили намъ раздѣлъ Польши, какъ единственное средство достиженія вышеупомянутаго, какъ сообразнаго съ ихъ ожиданіями, вознагражденія. На этотъ конецъ король прусскій далъ уполномочіе своему довѣренному министру, съ которымъ мы, вошедши въ переговоры, заключили слѣдующія прелиминарныя статьи:

«Берлинскій дворъ получитъ Данцигъ и Торнъ и всю Великую Польшу, за исключеніемъ Мазовецкаго воеводства, проводя границу отъ Ченстохова на Раву и Солдомъ. Вѣнскій дворъ долженъ быть вознагражденъ Баваріею. Намъ предстоитъ расширить нашу грань слѣдующимъ образомъ: отъ конца Семигаліи на Поставы и Велико на Виліи, оттуда вдоль границы Виленскаго воеводства до Столпецъ, отъ Столпецъ перейдя черезъ Нѣманъ на Несвижъ, далѣе Припетью на Пинскъ и Куновъ, оттуда посредствомъ прямой линіи на Вышегородъ на галиційской границѣ, а оттуда къ Днѣстру, гдѣ эта новая граница совпадаетъ съ существующею границею между Польшею и Австріею, а далѣе вдоль Днѣстра образуетъ границу съ Молдавіей. Всѣ въ этой чертѣ заключающіяся земли останутся на вѣки въ нашемъ владѣніи и должны быть намъ уступлены сеймомъ польской республики и обезпечены взаимными гарантіями союзныхъ съ нами государствъ.

«Въ ожиданіи ратификаціи со стороны прусскаго короля, которая не замедлитъ быть сюда доставленною, вы должны для удобнаго исполненія всего вышеупомянутаго

приготовить и найти мѣры, какія окажутся необходимыми, какъ въ отношеніи расположенія войскъ, такъ и ихъ содержанія. Вы не должны никому открывать причинъ этихъ мѣръ, но подавать видъ, что это дѣлается для удобнаго содержанія войска ради демонстраціи со стороны турокъ, и это во-первыхъ для того, чтобы въ занимаемыхъ нами земляхъ не произошло возмущенія, во-вторыхъ, чтобы никто не могъ сказать, что мы самовольно начали этотъ раздѣлъ, такъ какъ мы принуждены были къ этому прусскимъ королемъ. Послѣдній уже рѣшилъ ввести свои войска въ Великую Польшу, и занять вышеупомянутую линію подъ предлогомъ удерживать тамъ спокойствіе, не прежде присоединяя эти земли къ своему государству, какъ послѣ точнаго опредѣленія границъ между нами.

«Такое вступленіе прусскихъ войскъ въ Польшу поставляетъ насъ въ необходимость прибѣгнуть къ соотвѣтствующимъ средствамъ съ нашей стороны, тѣмъ болѣе, что того требуетъ какъ положеніе всей Европы, такъ и состояніе Польши. Господствующія между поляками несогласія, отчасти внушеніями якобинцевъ, отчасти приверженцами конституціи 3-го мая, недовольными тарговицкою конфедераціею, грозятъ ниспровергнуть все сдѣланное нами для водворенія порядка въ Польшѣ».

Съ перваго взгляда бросается разница въ инструкціяхъ Сиверсу и Игельстрому. Послѣднему говорится яснѣе о конечной цѣли, чѣмъ первому, хотя и въ инструкціи Сиверсу эта цѣль не скрывается. Инструкція Игельстрому писана позднѣе (6-го января), тогда уже, когда, какъ видно, дѣло съ Пруссіею представлялось опредѣленнѣе. Вѣроятно императрица сообщила своему посланнику изустно то, что не хотѣла еще сообщать на бумагѣ, не зная, какимъ образомъ должно совершиться предначертанное намѣреніе.

Сиверсъ прибылъ въ Гродно 20-го (31-го) января, и прибытіе его, какъ водится, было предлогомъ къ праздне-

ствамъ и веселостямъ. Ему оказывали чрезвычайныя почести. Щенсный устроилъ для него великолѣпный обѣдъ, затѣмъ послѣдовали другіе обѣды и балы. Конфедераты, между собою несогласные, одинаково заискивали милостей и расположенія посла Екатерины. Сиверсъ помѣстился у состоявшаго при конфедераціи отъ русской императрицы барона Билера.—«Спасибо нашей государынѣ,—говорилъ Сиверсу Билеръ,—Польша была бы демократическою страною, если бы не спасла ее отъ этого государыня: теперь въ ней установится прочное республиканское правленіе, и весь свѣтъ будетъ имъ доволенъ».—Онъ, казалось, говоря такъ, не понималъ, что Польша никогда не была демократическою страною, и никакого твердаго республиканскаго правленія для нея не предстояло.

Черезъ десять дней послѣ пріѣзда своего въ Гродно, Сиверсъ прибылъ въ Варшаву, получивъ отъ Булгакова вѣсть о казни Людовика XVI; это казалось чѣмъ-то пророческимъ для него, въѣзжавшаго въ столицу государства, также осужденнаго на казнь, которой исполненіе возлагалось на него. Онъ остановился въ наемномъ домѣ русскаго посольства, который предоставилъ ему Булгаковъ со всѣми удобствами—прислугою, кухнею, экипажами, мебелью, со всѣмъ, кромѣ (какъ говорилъ прежній посолъ къ новому) библіотеки, которая у него оставлена на старость, какъ лекарство отъ скуки. Новый посланникъ, пообѣдавши на первый разъ съ Игельстромомъ и русскими генералами, далъ знать о своемъ пріѣздѣ иностраннымъ посламъ и надворному маршалу. Начались визиты. Чужіе послы первые являлись къ представителю Россіи. 3-го (14-го) февраля, въ 12 часовъ дня Сиверсъ отправился представляться королю въ щегольскомъ экипажѣ, запряженномъ прекрасными лошадьми, съ блестящею прислугою. Народъ толпился на улицѣ и по окнамъ домовъ. У всѣхъ было тревожное желаніе взглянуть на лицо этого новаго гостя: ни одинъ еще

русскій посланникъ не возбуждалъ такого любопытства, вниманія, надеждъ, страха, ни одинъ еще не являлся въ польскую столицу въ такую знаменательную эпоху крайняго безсилія Польши и крайняго могущества надъ нею Россіи. Всѣ дамы были въ глубокомъ траурѣ. Польша надѣла его по Людовикѣ XVI, но вмѣстѣ съ тѣмъ безсознательно надѣла его и по себѣ. Изобильныя синія ленты Бѣлаго Орла и красныя Станислава нарушали однообразіе черныхъ одеждъ.

Въ тронной залѣ Станиславъ-Августъ сидѣлъ на тронѣ въ порфирѣ, подъ балдахиномъ, и увидя посла, сдѣлалъ къ нему два или три шага. Сиверсъ отвѣсилъ два поклона. Король указалъ послу на кресло. Сиверсъ подалъ ему довѣрительную грамоту и сказалъ комплиментъ; король отвѣтилъ комплиментомъ, а посланникъ всталъ, отвѣсилъ три поклона и удалился. Этимъ кончилось первое свиданіе. Между тѣмъ они были старые знакомые; сорокъ лѣтъ тому назадъ, Сиверсъ и Понятовскій проводили вмѣстѣ весело время въ Лондонѣ, и теперь въ первый разъ послѣ того встрѣтились стариками.

На другой день, въ одиннадцать часовъ, назначено было, черезъ посредство маршала Мнишка, у котораго въ тотъ день обѣдалъ посолъ, свиданіе съ королемъ, въ его кабинетѣ.

«Я долженъ—сказалъ сидя съ нимъ посланникъ—объявить вашему величеству, что если неудовольствіе ея императорскаго величества, которое ваше величество навлекли на себя принятымъ поведеніемъ во время послѣдняго сейма и особенно въ день 3-го мая, причинило вамъ нѣкоторыя непріятности въ настоящемъ положеніи вашемъ, вы должны ихъ приписать себѣ самому; тѣмъ не менѣе ея императорское величество склоняется къ тому, чтобы васъ вывести изъ этого положенія, и я получилъ соотвѣтствующее повелѣніе пригласить ваше величество въ Гродно на конфе-

дерацію; тамъ, независимо отъ вліянія варшавскихъ козней и хитростей, дѣла республики постепенно пойдутъ своимъ законнымъ путемъ и придутъ скорѣе къ концу; тамъ легче принять сообразные способы къ выбору пословъ на сеймъ. Наконецъ, исполнить желаніе ея величества будетъ для вашего величества единственнымъ средствомъ возвратить себѣ ея благосклонность. Сношенія вашего величества съ польскими выходцами привели дѣла къ худшему состоянію, нежели какъ они были послѣ 3-го мая».

Король клялся, что не имѣлъ сношеній съ эмигрантами со времени приступленія къ конфедераціи, но только старался побудить ихъ къ возвращенію въ отечество. Король началъ длинную рѣчь, продолжавшуюся до трехъ четвертей часа, разводя сущность дѣла водою риторики. Смыслъ этой рѣчи былъ таковъ:

«Никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ я не нарушалъ привязанности и долга благодарности къ моей благодѣтельницѣ, императрицѣ всероссійской, но мнѣ приписывали, совершенно напрасно, деспотическія и въ то же время демократическія наклонности. Моя преданность государынѣ вѣдома ей издавна; будучи въ Каневѣ, я подавалъ ея величеству записку съ проектомъ преобразованія Польскаго королевства въ провинцію Россійской Имперіи, но я получилъ на это уклончивый отвѣтъ. Составленіе сейма совершилось при условіяхъ, самыхъ согласныхъ съ видами Россіи, и мое собственное поведеніе было заранѣе охуждено вмѣстѣ съ поведеніемъ гр. Штакельберга. Несчастный поворотъ дѣлъ на сеймѣ слѣдуетъ приписать тѣмъ узамъ, которыя на меня были наложены въ средствахъ дѣйствовать на выборы сеймовыхъ пословъ покойнымъ княземъ Потемкинымъ и гетманомъ Браницкимъ; черезъ ихъ посредство рекомендованы были послы, которые сдѣлались буйными и задорными подстрекателями къ тому, что̀ случилось; многіе изъ нихъ теперь ушли изъ

отечества. Я присталъ къ генеральной конфедераціи и съ тѣхъ поръ терплю невыносимыя оскорбленія отъ графа Щенснаго Потоцкаго; въ этомъ королевскомъ замкѣ я нахожусь въ качествѣ плѣнника; мнѣ не позволяютъ даже раздавать паролей караульнымъ. Моя поѣздка къ генеральной конфедераціи не принесетъ никакой пользы дѣлу, а мнѣ она очень тяжела; мое нездоровье препятствуетъ предпринимать это путешествіе въ такое время года; я не имѣю средствъ на это, и главное, поѣздка эта была бы для меня безмѣрно унизительна. Я умоляю ея величество и надѣюсь, что государыня не будетъ настаивать на этомъ. Я прошу васъ, господинъ посланникъ, представить ея величеству о моемъ ужасномъ положеніи».

«Всѣ эти жалобы сами собой уничтожатся,—сказалъ посланникъ,—какъ только ваше величество соединитесь съ конфедераціею. Если вы туда пріѣдете, права ваши будутъ возстановлены, а чтобы васъ никто не оскорбилъ, надъ этимъ буду наблюдать я».

Король продолжалъ просить, чтобы его не неволили ѣхать въ Гродно.

Сиверсъ сказалъ: «Я не думаю, чтобы ея величество согласилась на отмѣну своей воли. Лучше будетъ, если ваше величество рѣшитесь ѣхать. Могу вамъ дать время обдумать эту поѣздку, но если ея императорское величество будетъ настаивать на своемъ, то, вѣроятно, и тогда вы все-таки сдѣлаете такъ, какъ ей угодно, только тогда вамъ не будетъ у нея заслуги; теперь, по крайней мѣрѣ, начните дѣлать приготовленія къ отъѣзду».

Король сталъ распространяться о своемъ униженіи, о бѣдствіяхъ, которыя угрожаютъ и ему и Польшѣ. Сиверсъ сказалъ: «я вамъ совѣтую, не какъ посланникъ. а какъ человѣкъ, искренно желающій вамъ добра, рѣшиться на поѣздку».

«Позвольте нѣсколько подумать», сказалъ король.

Сиверсъ согласился и удалился отъ него.

Какъ только возвратился посланникъ въ свое помѣщеніе, къ нему явился разорившійся Тепперъ и принесъ записку о своихъ долгахъ: оказалось, что ему король долженъ 1,566,000 червонцевъ, что̀ составляло болѣе тридцати милліоновъ польскихъ злотыхъ ходячею монетою. Не говоря уже о многихъ другихъ панскихъ долгахъ, Тепперъ считалъ королевскій долгъ одною изъ главныхъ причинъ своего разоренія и просилъ посредничества Россіи въ этомъ дѣлѣ. «Прежде, чѣмъ король не поѣдетъ въ Гродно,—сказалъ Сиверсъ,—я не могу для васъ ничего сдѣлать». Сиверсъ разсчитывалъ, что если кредиторы атакуютъ сильно короля, то ему представится надежда на уплату своихъ долговъ отъ Россіи, и онъ можетъ быть поѣдетъ въ Гродно.

Король прислалъ послу черновое письмо къ императрицѣ. Сиверсъ сказалъ, что отошлетъ его въ такомъ видѣ, въ какомъ оно сочинено.

Нѣсколько дней послѣ того пошли угощенія и пиры; Сиверсу не давали покоя,—сегодня обѣдъ у примаса, въ его нарядномъ домѣ, завтра у короля, на семнадцать близкихъ особъ въ укромномъ отдѣленіи дворца, гдѣ одна дверь изъ столовой вела въ кабинетъ, другая въ спальню короля; послѣ завтра у королевской сестры, Браницкой—(madame de Cracovie), потомъ обѣдъ у самого Сиверса, данный дипломатическому корпусу и русскимъ генераламъ, всего на двадцать шесть персонъ.

Между тѣмъ прусскія войска, вступивши въ Польшу, съ успѣхомъ разбили и разсѣяли польскія войска, не хотѣвшія уступить, и заняли Торунь. Пруссаки обезоруживали польскіе гарнизоны, забирали польскую казну въ таможняхъ. По приказанію генеральной конфедераціи, канцлеръ Малаховскій снова подалъ ноту прусскому послу Бухгольцу, гдѣ заявлялъ, что вѣроятно такіе поступки

дѣлаются безъ воли прусскаго короля, что вѣроятно и нота, которая была подана въ отвѣтъ на прусскую ноту отъ 15-го января, не дошла до его прусскаго величества. «Мы думаемъ, — сказано было въ нотѣ, — что самое вступленіе прусскихъ войскъ въ Польшу предварило время, въ которое представленія, сдѣланныя по распоряженію генеральной конфедераціи, могли дойти до прусскаго короля, и событія, послѣдовавшія затѣмъ, вѣроятно навлекутъ порицанія его величества прусскаго короля». Черезъ три дня послѣ того, генеральная конфедерація послала ноту Сиверсу, гдѣ жаловалась на вторженіе прусскихъ войскъ, и просила увѣреній со стороны императрицы, покровительницы Польши, которыя бы могли успокоить напуганныхъ обывателей. Въ протестаціи, опубликованной вмѣстѣ съ тѣмъ, конфедерація разсыпалась въ чрезвычайныхъ похвалахъ русской императрицѣ и возлагала единственную надежду на ея великодушіе.

Игельстромъ, чрезъ Сиверса, по поводу размѣщенія войскъ и прохожденія ихъ въ южныхъ провинціяхъ для демонстраціи противъ турокъ, требовалъ отъ конфедераціи распоряженія о выдачѣ фуража и провіанта. Конфедерація исполнила его требованіе безропотно и назначила коммиссаровъ для этого дѣла, но замѣтила въ своемъ универсалѣ такъ: «что касается до уплаты, слѣдуемой за взятый фуражъ, для войскъ ея императорскаго величества, генеральная конфедерація не имѣетъ никакого свѣдѣнія, чтобы кому-нибудь была учинена такая уплата», и въ этихъ видахъ ссылаясь на цѣну, которая была подана черезъ делегованныхъ отъ обоихъ народовъ, «снова обращается къ великодушію той монархини, которой повѣрена не только цѣлость отечества, но и судьба всего существованія нашего».

Но дальнѣйшія дѣйствія Пруссіи показывали, что на протестаціи изъ Гродно не обращается ни малѣйшаго вни-

манія. Пруссаки безцеремонно обращались въ Польшѣ, вступали въ города, не давая предварительно знать о своемъ вступленіи, нападали съ оружіемъ на польскихъ солдатъ, выгоняли ихъ съ занимаемыхъ ими квартиръ, не мало ихъ пострѣляли и переранили. Когда объ этомъ донесъ рапортомъ генеральной конфедераціи генералъ Бышевскій, генеральная конфедерація обратилась съ жалобою къ Бухгольцу, но такая жалоба осталась безъ послѣдствій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разносились уже вѣсти, что русскія войска не съ добрыми видами размѣщаются по Украинѣ и будто бы хотятъ отдалить отъ Днѣстра и Каменца дивизію войскъ Рѣчи-Посполитой и обезоружить ее. Тогда конфедерація отъ 11-го февраля издала универсалъ о посполитомъ рушеньѣ. По поводу вторженія пруссаковъ, всякій, исключая слабыхъ и больныхъ, долженъ быть готовъ къ посполитому рушенью, забывъ всякіе споры, духъ партій. Мѣстныя конфедераціи должны были выбрать региментарей и ротмистровъ по землямъ, повѣтамъ и приходамъ; приказывалось сохранять согласіе съ русскими и ждать въ вооруженіи, когда послѣдуютъ третьи вици, какъ издавна велось въ случаяхъ подобныхъ опасностей и тогда выходить всѣмъ разомъ. Универсалъ обращается и къ королю и ко всѣмъ тѣмъ согражданамъ, которые прежде иначе думали; ихъ просили забыть все противное, и вмѣстѣ съ народомъ защищать отечество. Къ королю послано было письмо, гдѣ, какъ всегда и прежде бывало въ Польшѣ, поручали ему принять начальство надъ посполитымъ рушеньемъ. Къ Сиверсу послѣдовала нота отъ 19-го февраля, гдѣ извѣщалось о слухахъ, ходившихъ о замыслахъ русскаго войска, и говорилось, что конфедерація уповаетъ на честныя и великодушныя намѣренія государыни, и для нее довольно будетъ одного успокоительнаго и увѣрительнаго слова посланника ея величества; вмѣстѣ съ тѣмъ конфедерація напоминала, во имя долга и справедливости,

заплатить за взятый войскомъ фуражъ и провіантъ. На все это отъ Сиверса послѣдовала такого рода нота:

«Удивляюсь, что генеральная конфедерація сочла умѣстнымъ отъ 11-го февраля предписать націи приготовленіе къ посполитому рушенью, не входя о такомъ крайнемъ поступкѣ въ сужденія со мною, министромъ дружественнаго сосѣдняго двора, отъ котораго конфедерація должна единственно ожидать счастія и спокойствія Польшѣ. Одно размышленіе объ этомъ долженствовало бы угасить огонь, воспламенившій генеральную конфедерацію, когда она рѣшалась на вызовъ мятежей и неизбѣжныхъ волненій, которыя естественно были бы послѣдствіями ея патетическаго воззванія. Предписывается выборъ полковниковъ и ротмистровъ по землямъ, повѣтамъ и приходамъ съ обѣщаніями будущихъ наградъ! Какъ же это можетъ произойти безъ многочисленныхъ и шумныхъ собраній, часто безчинныхъ, какъ опытъ показывалъ? Полковники будутъ сбирать полки, ротмистры станутъ производить вербунки; начнутся военныя упражненія и эволюціи, въ ожиданіи сбора всѣхъ войскъ, и необходимое для блага страны спокойствіе сдѣлается призрачнымъ. Нижеподписавшійся не можетъ не высказать своего безпокойства и о томъ, что наияснѣйшая конфедерація тайно обѣщаетъ амнистію тѣмъ, которые, по ея собственному сознанію, старались возмутить республику и причинить ей всякое зло: этимъ эмигрантамъ, которые своими интригами и безразсудными заявленіями предъ національною конвенціею въ Парижѣ, осмѣлились признать ужасный принципъ, унизившій французскую націю въ глазахъ всей вселенной; этимъ эмигрантамъ, которые дерзнули увѣрять, будто громада польской націи думаетъ также какъ они,—какъ могутъ они опять войти въ нѣдра націи, не внося новыхъ элементовъ огня и раздора? Нижеподписавшійся, не ожидая новыхъ приказаній императрицы, считаетъ обязанностью, сообразно

данной ему инструкціи, заботиться, вмѣстѣ съ конфедератами, въ согласіи съ генералами россійской арміи, о спокойствіи Рѣчи-Посполитой, и удалять все, что можетъ его нарушить, а потому проситъ наияснѣйшую конфедерацію повсюду, гдѣ только обнародованъ прежній универсалъ о посполитомъ рушеньѣ, обнародовать новый универсалъ о томъ, что наияснѣйшая конфедерація не желаетъ какихъ бы то ни было собраній, чтобы избѣжать всякой смуты и волненія, чтобы всякій добрый гражданинъ соблюдалъ спокойствіе до будущаго призыва націи, смотря по обстоятельствамъ. Нижеподписавшійся не можетъ умолчать, что, въ видахъ совершеннаго спокойствія въ земляхъ Рѣчи-Посполитой, командиры арміи ея величества, стоящей на зимнихъ квартирахъ, имѣютъ положительное приказаніе препятствовать сходбищамъ».

Получивъ это нравоученіе, конфедерація поспѣшила тотчасъ (отъ 22-го февраля) опубликовать другой универсалъ, и въ немъ объясняла, что въ первомъ ея универсалѣ говорилось о посполитомъ рушеньѣ въ видѣ предположенія, на случай опасности, а затѣмъ объявляла націи такъ: «если для нашей Рѣчи-Посполитой есть еще на что-нибудь надежда, то единственно на великодушіе великой Екатерины; отвергнуть ея совѣты, значило бы губить отечество преждевременно. Заклинаемъ соотечественниковъ и обязываемъ ихъ любовью къ отечеству, ранними движеніями не приблизить конца Рѣчи-Посполитой». Вмѣстѣ съ тѣмъ конфедерація отослала объяснительный отвѣтъ Сиверсу, доказывая въ немъ, что назначеніе начальниковъ предполагаемаго посполитаго рушенья не могло произвести волненій, и присовокупляла: «генеральная конфедерація могла бы поручиться за внутреннее спокойствіе и хорошія отношенія къ русскому войску, если бы довѣріе къ великодушію императрицы возбуждало равную взаимность, и если бы не препятствовали конфедерованному

правительству Рѣчи-Посполитой употреблять средства и собственныя силы для сохраненія спокойствія и цѣлости Рѣчи-Посполитой; теперь же, когда польскому войску запрещають передвигаться, а провинціальнымъ конфедераціямъ собираться для совѣщаній, одинъ человѣкъ, ловкій въ интригахъ, можетъ надѣлать смутъ». На счетъ упрековъ за амнистію, конфедерація въ этомъ же письмѣ увѣряла Сиверса, что, не видя себѣ никакого сопротивленія, конфедерація не имѣла повода оглашать амнистію и призывать къ возвращенію эмигрантовъ, ибо никто не былъ изгнанъ. Наконецъ, замѣчалось, что если кто-то въ Парижѣ говорилъ подобныя рѣчи, то эта личность не имѣетъ ничего общаго съ Польшею и обывателями ея. Письмо это кончалось такъ: «Г. посолъ увѣряетъ, что монархиня, которую мы умоляемъ о спасеніи и цѣлости Рѣчи-Посполитой, поручила ему наблюдать надъ спокойствіемъ нашего края. Эти слова утѣшили бы народъ, если бы г. посолъ имѣлъ также порученіе увѣрить Рѣчь-Посполитую въ цѣлости ея владѣній. Одно слово великой Екатерины, какъ ручательницы существованія и цѣлости Рѣчи-Посполитой, было бы сильнѣйшею порукою, чѣмъ всѣ наши усилія».

На это не было утѣшительнаго отвѣта. Сиверсъ въ Варшавѣ распоряжался такъ, что верховное правительство изображали не король, не конфедерація, а онъ, посолъ императрицы. Онъ приказалъ удалить изъ Варшавы французовъ, на которыхъ тогда въ глазахъ всего стараго порядка лежала печать отверженія, арестовалъ одного изъ нихъ, Бонно̀, не обращая вниманія на его республиканскія угрозы, и отослалъ въ Петербургъ; запретилъ канцлерамъ сообщать иностраннымъ посланникамъ универсалы конфедераціи; не позволялъ воротиться въ отечество Іосифу Понятовскому за то, что послѣдній, въ пылу полемической переписки съ Щенснымъ Потоцкимъ, вызывалъ Потоцкаго на поединокъ; не дозволилъ кредиторамъ обан-

крутившагося банкира Теппера пересмотрѣть его книги, потому что тамъ записаны были пенсіоны, которые платила Россія разнымъ должностнымъ лицамъ; чтобы не навлечь на нихъ пятна, Сиверсъ приложилъ къ этимъ книгамъ печать, и по его приказанію конфедерація назначила коммиссію для разсмотрѣнія дѣлъ Теппера, а члены выбраны были угодные Сиверсу, и въ томъ числѣ былъ надворный маршалъ Рачинскій, издавна получавшій отъ Россіи пенсіонъ и дѣлавшій все по приказанію русскихъ пословъ. Сиверсъ раздавалъ пенсіоны: назначилъ Коссаковскому въ мѣсяцъ тысячу червонцевъ, генералу Ожаровскому, начальнику польскихъ войскъ въ Варшавѣ, 500 черв. въ мѣсяцъ. Ожаровскій передъ тѣмъ стоялъ съ своими войсками въ Великой Польшѣ, и, при вступленіи пруссаковъ, спрашивалъ у конфедераціи, слѣдуетъ ли ему давать отпоръ? Конфедерація нашла страннымъ такой вопросъ въ устахъ воина, котораго беретъ сомнѣніе: долженъ ли онъ защищаться, когда на него нападаютъ. Теперь его перевели въ Варшаву, тамъ онъ долженъ былъ наблюдать за общимъ спокойствіемъ, и, получая отъ Сиверса хорошій пенсіонъ, повиноваться ему во всемъ. Сиверсъ размѣщалъ государственныхъ дѣятелей, а Игельстромъ войска. Послѣ приведенія войскъ на мѣста сообразно плану, ожидали оглашенія деклараціи о новомъ раздѣлѣ. Войска русскія были расположены такъ, что окружали столицу; фуражъ и провіантъ собирались съ понужденіемъ. Выдавая квитанціи, о платежѣ не думали. Не только за то, что забиралось въ настоящее время, но и за то, что было забрано еще во время главной команды Коховскаго, не было выплачено.

Сиверсъ ни однимъ словомъ не проговорился предъ поляками о томъ, что̀ будетъ съ ихъ отечествомъ, напротивъ, когда литовскій подскарбій Огинскій выразилъ ему опасеніе о раздѣлѣ, Сиверсъ сказалъ: «это все выдумки

пустоголовыхъ и безпокойныхъ повѣсъ, которые ищутъ средствъ навлечь неблаговоленіе государыни, презирая ея благодѣянія. Васъ пугаетъ то, что большая часть Польши занята иностранными войсками. Да что же дѣлать съ вами, безпокойными и безалаберными, когда вы возмущаетесь какъ морскія волны въ бурю? Императрица хочетъ созвать въ Гродно сеймъ, чтобъ испытать, умнѣе ли на этотъ разъ будутъ представители Польши, чѣмъ прежде были? Она бы сама была рада вывести отъ васъ свои войска, которыя введены сюда только для того, чтобы вамъ открыть глаза. Неужели вы думаете, что императрицѣ очень пріятно видѣть, какъ ея сосѣдъ, прусскій король, усилится на счетъ Польши? Все зависитъ отъ мудрости тѣхъ, которые будутъ руководить сеймомъ и отъ того, какъ они поведутъ себя съ Россіею. По крайней мѣрѣ у меня нѣтъ инструкцій, гибельныхъ для польской націи, а что дальше будетъ, и что мнѣ прикажется, того я не знаю. Несомнѣнно могу васъ увѣрить, что если вы поведете себя такъ, что заслужите довѣріе и покровительство государыни, то вамъ еще останется политическое существованіе въ Европѣ, подъ покровительствомъ собственнаго вашего мудро устроеннаго правленія».

Подобный отвѣтъ отъ Сиверса послѣдовалъ и королю, когда Станиславъ-Августъ просилъ его сказать откровенно: на время ли только заняли пруссаки Польшу или съ цѣлію оторвать часть ея навсегда? «Прусская алчность очевидна,—сказалъ Сиверсъ,—но я не знаю какъ на этотъ счетъ было условлено въ Петербургѣ». Сиверсъ, остановивши приготовленія поляковъ къ посполитому рушенью противъ прусскаго вторженія, не предпринималъ съ своей стороны никакихъ дѣйствій, чтобы остановить дальнѣйшее движеніе пруссаковъ и забираніе подъ свою власть польскихъ городовъ: единственное вниманіе, какое оказалъ русскій посолъ въ этомъ отношеніи къ полякамъ,

была просьба, обращенная чрезъ Бухгольца къ главнокомандующему прусскою арміею генералу Мёллендорфу, выпустить изъ Ченстохова, сдавшагося на капитуляцію, польскій гарнизонъ и пощадить церковныя сокровища и имущество обывателей.

Сиверсъ продолжалъ тянуть короля въ Гродно. Станиславъ-Августъ упирался изо всѣхъ силъ. 18-го февраля (1-го марта) Сиверсъ обѣдалъ у него въ Уяздовѣ; король подалъ ему записку о своихъ долгахъ, которую Сиверсъ снабдилъ своими примѣчаніями и измѣненіями. Тогда король сказалъ:

«Сознаюсь вамъ, г. посолъ, меня давитъ страхъ, при мысли, что меня принудятъ къ чему-нибудь насиліемъ! Я уже теперь краснѣю отъ стыда, какъ только подумаю, что меня заставятъ подписать новый раздѣлъ Польши».

Сиверсъ отвѣчалъ ему: «Никакого насилія не сдѣлаютъ ни надъ вами, ни надъ кѣмъ; это слишкомъ несообразно съ образомъ мыслей моей государыни. Главная цѣль вашего присутствія — та, чтобы удалить васъ отъ гнѣзда интригъ въ Варшавѣ, учинить нѣкоторыя распоряженія о срокѣ сеймиковъ и сейма, на которомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на улучшенія въ конституціи 1775 года, и усовершенствовать ее сколько возможно. Дѣйствуя такимъ образомъ, вы приблизите то время, когда ея императорское величество найдетъ благоумѣстнымъ объявить свои конечныя намѣренія. Примиреніе ваше съ ея императорскимъ величествомъ послѣдуетъ тогда, когда поступки ваши будутъ показывать полную преданность ея волѣ».

Король дѣлалъ ему еще вопросы, а Сиверсъ увертывался. Король, наконецъ, сказалъ ему, что онъ его успокоилъ.

Возвратившись домой, Сиверсъ засталъ курьера съ письмомъ государыни къ королю. На другой день онъ вручилъ его по принадлежности. Письмо было ласковое;

король, прочитавъ его, разсыпался въ благодарности, потомъ сказалъ:

«Ея императорское величество ничего не пишетъ о поѣздкѣ въ Гродно».

«Во вниманіе къ важности тѣхъ причинъ, которыя для вашего величества содѣлаютъ это путешествіе желательнымъ, мнѣ дано приказаніе уговорить васъ ѣхать въ Гродно. Я самъ твердо рѣшился ѣхать черезъ восемь дней».

«Нѣтъ, я надѣюсь,—сказалъ король,—ея императорское величество обратитъ вниманіе на тѣ причины, которыя я приведу. У меня нѣтъ ни денегъ, ни кредита; банкрутство Теппера совершенно подорвало меня, да и другіе банкиры на волоскѣ висятъ. Кромѣ этого я подвергаюсь личнымъ опасностямъ. Если сдѣлается попытка на новый раздѣлъ Польши, конфедерація поднимется, сдѣлаетъ смѣлое заявленіе противъ раздѣла: что мнѣ дѣлать? если я ей покорюсь—мой поступокъ совсѣмъ подорветъ меня въ глазахъ ея величества, а не покорюсь—стыдно будетъ передъ націей».

«Но вѣдь и въ Варшавѣ,—сказалъ Сиверсъ,—въ этомъ случаѣ остается для васъ одинаковое сомнѣніе, только въ Варшавѣ у васъ не будетъ такой поддержки, какъ въ Гродно. Я не стану отлагать моей поѣздки и совѣтую вашему величеству ускорить вашу».

Король опять свернулъ на недостатокъ средствъ. Сиверсъ долженъ былъ согласиться, что это была отговорка справедливая; не только король, но и его министры нуждались въ деньгахъ. Сиверсъ писалъ Зубову: «Думаю, что главныхъ лицъ, Малаховскаго, Хребтовича, Рачинскаго, слѣдуетъ тайно расположить, давши имъ на дорогу тысячи по двѣ или по три червонцевъ». Что касается до короля, то Сиверсъ счелъ за нужное побудить его къ отъѣзду, объяснивъ ему, что вопросъ о его долгахъ бу-

детъ разсматриваться на предстоящемъ сеймѣ, какъ предметъ государственный и экономическій.

Не смотря на то, что государыня, отправляя Сиверса въ Польшу, назначила ему 100,000 руб., да сверхъ того экстраординарной суммы 200,000 руб., Сиверсъ имѣлъ затрудненіе и жаловался на задержки въ присылкѣ денегъ. Къ концу февраля онъ получилъ только 10,000 руб., черезъ генералъ-прокурора, а 2,000 червонцевъ привезъ ему полковникъ Дивовъ; сверхъ того, онъ имѣлъ отъ 12 до 13 т. червонцевъ у Теппера, оставленныхъ Булгаковымъ, и долженъ былъ занять у банкировъ 12,000 червонцевъ, но занимать было трудно, такъ какъ банкиры одинъ за другимъ лопались. Это было причиною, что Сиверсъ долженъ былъ болѣе обѣщать, чѣмъ давать. Впрочемъ, было что обѣщать—на то въ Польшѣ были королевщины, на которыя можно было имѣть виды въ награду за услуги, оказанныя Россіи.

Дня черезъ три Сиверсъ съ курьеромъ опять получилъ письмо Екатерины къ королю и передалъ его. Императрица требовала, чтобы король ѣхалъ въ Гродно, гдѣ долженъ открыться сеймъ. «Боже мой!—воскликнулъ со слезами Станиславъ-Августъ,—меня будутъ принуждать къ подписи новаго раздѣла Польши, къ моему стыду. Да лучше пусть меня засадятъ въ тюрьму, пусть лучше въ Сибирь сошлютъ: я не подпишу!»

«Ваше величество,—сказалъ Сиверсъ,—вы себѣ воображаете нелѣпость: никогда объ этомъ рѣчи не будетъ, чтобы васъ принуждать. Вы останетесь королемъ; письмо императрицы ручается за это, и я увѣряю васъ ея именемъ. Чего же вамъ болѣе?»

«Да для чего мнѣ ѣхать?—говорилъ король:—я никакой пользы тамъ не принесу. Нѣтъ, я еще напишу къ ея императорскому величеству и подожду, пока курьеръ воротится съ ея отвѣтомъ».

«Это безполезно,—сказалъ Сиверсъ,—это даже оскорбитъ государыню; вѣдь она уже въ трехъ письмахъ писала вамъ, что вы должны исполнять ея волю».

«Да у меня денегъ нѣтъ,—сказалъ ему король,—вѣдь на это нужно по крайней мѣрѣ тысячъ двадцать червонцевъ».

«Мы какъ-нибудь найдемъ для васъ», сказалъ Сиверсъ.

Король говорилъ опять о своемъ роковомъ положеніи и заливался слезами. «Я поѣду», сказалъ онъ наконецъ.

«Я ѣду завтра», сказалъ Сиверсъ.

«Нѣтъ, останьтесь еще нѣсколько времени, посѣтите меня».

Сиверсъ обратился къ примасу и къ сестрѣ короля, упрашивая ихъ дѣйствовать на брата, чтобы онъ болѣе не упрямился. Они обѣщали и съ своей стороны находили, что королю слѣдуетъ ѣхать. Послѣ этого король уже не отрекался ѣхать, но выдумывалъ разныя увертки, чтобы тянуть время—говорилъ, что погода дурная, рѣки разливаются, ледъ не прошелъ, и послѣдняя отговорка была прилична: дѣйствительно половодье задерживало нѣсколько дней самого Сиверса. Потомъ король сталъ говорить: къ чему въ Гродно собираютъ сеймъ, развѣ нельзя въ Варшавѣ? Сиверсъ повторилъ ему то, что уже говорилъ по этому поводу:—что въ Варшавѣ собрать сеймъ нельзя потому, что въ Варшавѣ господствуетъ безпокойный духъ, тамъ гнѣздо революціонеровъ. Король обѣщалъ ѣхать, но на другой день пригласилъ къ себѣ Сиверса и говорилъ:

«Приближается страстная недѣля, я всегда говѣю въ это время; ранѣе 4-го или 5-го апрѣля я не поѣду». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ замѣтилъ: «я ни за что не подпишу смѣщенія отъ должностей, которыя были розданы прошлымъ сеймомъ».

«Ваше величество должны знать, что все, постановленное сеймомъ и революціею, объявлено уничтоженнымъ и

недѣйствительнымъ, а всѣмъ тѣмъ, которые раскаются, обѣщано прощеніе».

«Позвольте, я напишу къ ея императорскому величеству письмо,—сказалъ король,—увѣрю императрицу, что назначу время, когда поѣду, и представлю причины, по которымъ не могу ѣхать раньше».

Сиверсъ согласился и откланялся. Король съ чувствомъ просилъ его еще посѣтить его.

Сиверсъ, сообщая императрицѣ всѣ увертки, какія выдумывалъ съ нимъ король, замѣчалъ:

«Ваше императорское величество изволите убѣдиться, что нужно большого труда склонить его. Онъ себя выявилъ; нѣтъ сомнѣнія, что въ глубинѣ души онъ исповѣдуетъ начала 3-го мая. Это однако ничего. По пріѣздѣ въ Гродно будетъ ему красное яичко—декларація; универсалы будутъ ему готовы къ подпису; всѣ мѣры приняты. Четыре недѣли дается на сеймики, и четыре на сеймъ, вмѣсто шести недѣль. Четыре недѣли мы выигрываемъ. Сеймъ можетъ начаться 10-го іюня».

Дѣйствительно, изъ записокъ Огинскаго мы видимъ, что король въ это время колебался, и люди, которые подлаживались къ Сиверсу, въ одно и то же время настроивали короля къ оппозиціи. Такъ дѣйствовалъ Огинскій, подскарбій литовскій, о которомъ Сиверсъ получилъ мнѣніе какъ о сговорчивомъ, покорномъ человѣкѣ. Ему вторили Мошинскій и Тышкевичъ, маршалы коронный и литовскій, также передъ русскимъ посломъ старавшіеся показаться преданными Россіи. Они совѣтовали королю ѣхать въ Гродно, но открывая сеймъ, упереться на томъ, что ни онъ, ни члены сейма не станутъ подписывать никакихъ унизительныхъ уступокъ. Король, унывъ духомъ, возражалъ: «А что сдѣлаетъ моя выходка, которая не идетъ ни къ моимъ лѣтамъ, ни къ моимъ силамъ, истощеннымъ страданіями и безпрестанными непріятностями?

Развѣ мы можемъ предотвратить раздѣлъ Польши?» — «Можемъ, государь,—говорилъ ему Огинскій, — вы увлечете всѣхъ своимъ примѣромъ, никто не посмѣетъ открыть рта, послѣ того, какъ вы себя заявите такимъ образомъ и покажете свою готовность принести себя въ жертву за отечество. Я слишкомъ хорошаго мнѣнія о моихъ соотечественникахъ: между ними нѣтъ измѣнниковъ; если нѣкоторые унизились до того, что брали подачки отъ иностранныхъ дворовъ для своихъ нуждъ, то все-таки не думаю, чтобы это они дѣлали съ намѣреніемъ способствовать новому раздѣлу: я думаю, три четверти собранія окажутся уже убѣдившимися, по опыту, что конституція 3-го мая полезна для отечества. Не найдется такого негодяя, который приложилъ бы руку къ подписи о раздѣлѣ Польши, когда вы, король, смѣло откажетесь это сдѣлать. Всѣ угрозы русскаго посланника уступятъ передъ страшнымъ единодушіемъ; онъ его не ожидаетъ. Онъ долженъ будетъ писать въ Петербургъ, а между тѣмъ выиграется время, отсрочатъ или закроютъ сеймъ, можетъ быть захотятъ созвать другой; время еще протянется, а тутъ могутъ случиться событія, которыя заставятъ Россію и Пруссію пріостановить свое дѣло. Успѣхъ французской революціи возрастаетъ, и непремѣнно обратитъ на себя вниманіе всѣхъ европейскихъ кабинетовъ. Да если бы и не такъ,—что смѣетъ сдѣлать русскій посланникъ съ королемъ и со всѣмъ собраніемъ сейма? если бы ему на счетъ этого и дана была власть поступать круто съ нѣкоторыми личностями, не можетъ же онъ отправить въ Сибирь всѣхъ членовъ сейма или изрубить ихъ саблями! Наконецъ, если все-таки приведутъ въ исполненіе раздѣлъ Польши—и тогда лучше пусть насъ возьмутъ военною силою, съ которою мы не можемъ бороться, чѣмъ принудятъ насъ самихъ оправдывать наѣздъ на страну нашу». Такъ благородно высказывался человѣкъ, въ то же

время увивавшійся около Сиверса съ цѣлію подслужиться Россіи. Король только вздыхалъ.

Чтобы еще больше попугать короля, Сиверсъ написалъ въ коммиссію, назначенную по дѣламъ банкира Теппера, чтобы она наложила запрещеніе на часть доходовъ королевскихъ для удовлетворенія долговъ короля, и чтобы такимъ образомъ генералъ Игельстромъ находился въ состояніи покрыть средства на содержаніе войска и фуража, а когда королевскій секретарь Фризе явился къ Сиверсу и заговорилъ объ обѣщанныхъ на дорогу королю двадцати тысячахъ червонцевъ, то Сиверсъ сказалъ: «Я не знаю, будетъ ли довольна императрица шестинедѣльною проволочкою и дастъ ли, при этой проволочкѣ, тѣ же средства, какія дала бы безъ этого. Нужно имѣть вторичное приказаніе».

Когда ледъ на рѣкахъ сталъ проходить, Сиверсъ 19-го марта выѣхалъ изъ Варшавы; надзирать за королемъ остался въ Варшавѣ баронъ Игельстромъ, помѣстившійся въ палацѣ Рѣчи-Посполитой, въ томъ самомъ, гдѣ жилъ Штакельбергъ. Этотъ домъ, во время четырехъ-лѣтняго сейма, въ порывѣ нерасположенія поляковъ къ Россіи, былъ отобранъ, и Булгаковъ, во время своего короткаго пребыванія въ Варшавѣ, жилъ въ наемномъ домѣ, очень удобномъ. Теперь Игельстромъ занялъ прежній домъ и, при отъѣздѣ, получилъ отъ Сиверса такую оффиціальную инструкцію:

«Если бы король, не смотря на данное обѣщаніе ѣхать 23-го марта (4-го апрѣля), вопреки нашему ожиданію вздумалъ увертываться, поручаю вамъ объявить ему въ секретной аудіенціи, именемъ государыни, что онъ навлечетъ гнѣвъ императрицы и на себя и на свою фамилію, не получитъ двадцати тысячъ червонцевъ, которые ему обѣщала государыня, и не можетъ уже разсчитывать на ея помощь въ будущемъ; напротивъ, я наложу се-

квестръ на его доходы, не стану болѣе и думать о проектѣ уплаты долговъ его, а дѣла въ Гродно приведутся къ концу и безъ него. Въ случаѣ, если онъ будетъ изъявлять страхъ возстанія черни, можете его увѣрить, что, кромѣ полковъ генералъ-лейтенанта (польнаго гетмана) Ожаровскаго, будетъ подъ ружьемъ до 15,000 готоваго войска, по вашему приказанію,—что на всѣхъ открытыхъ площадяхъ и улицахъ поставятъ орудія, что это средство достаточно для того, чтобы никто не осмѣлился тронуться. Чтобы дать вашимъ увѣреніямъ болѣе вѣса, можете сообщить роднѣ короля, что новые полки, именно конные, уже на пути въ Варшаву. Въ случаѣ, если король начнетъ отговариться болѣзнію, извольте, черезъ посредство Булгакова, познакомиться съ какимъ-нибудь докторомъ и посредствомъ подарка 250 дукатовъ расположить его сказать, что легкое нездоровье не помѣшаетъ поѣздкѣ короля. Если король пришлетъ къ вамъ своего тайнаго секретаря, человѣка почтеннаго, по какому-нибудь неважному дѣлу, скажите ему, что у васъ лежатъ 20,000 червонцевъ: онъ не замедлитъ сообщить объ этомъ королю. Слѣдуетъ королю угождать въ мелочахъ; онъ придаетъ большой вѣсъ мелочамъ. Прилагаю вексель на банкира Мейснера; по немъ банкиръ отпуститъ королю 10,000 червонцевъ. При случаѣ и этотъ вексель можно показать. По извѣстнымъ вамъ причинамъ, прошу васъ обращайте вниманіе, чтобы по кошелькамъ, бумагамъ, нумерамъ не узнали, откуда достались эти деньги въ ваши руки. При малѣйшемъ подозрѣніи прошу сдѣлать перемѣну».

II.

Сиверсъ въ Гродно.—Приготовленія.—Отъѣздъ короля изъ Варшавы въ Гродно.—Декларація россійской императрицы и прусскаго короля о второмъ раздѣлѣ.—Король въ Бѣлостокѣ.—Протестаціи Ржевускаго и Валевскаго.—Ноты Сиверса.—Возобновленіе Постояннаго Совѣта.—Прибытіе короля въ Гродно.—Универсалъ о созваніи сейма.

Сиверсъ прибылъ въ Гродно 21-го марта (2-го апрѣля) при громѣ пушекъ и при огромномъ стеченіи народа. Конфедерація находилась тогда въ очень неполномъ составѣ. Щенсный Потоцкій отправлялся въ Петербургъ. Видя, что приходятъ бѣды, этотъ магнатъ, заваривъ кашу, поспѣшилъ убраться по-добру по-здорову, чтобы не быть маршаломъ конфедераціи тогда, когда уже ей придется расплачиваться за свое существованіе. Его супруга, съ которою онъ собирался разводиться, прежде него отправилась въ Петербургъ и была принята съ почестями. Потоцкій собирался туда же; конфедераты долго не пускали его. Но императрица дала приказаніе Сиверсу сообщить конфедераціи ея желаніе, чтобы Потоцкій ѣхалъ въ Петербургъ, и Потоцкій былъ отпущенъ. У Щенснаго блистала еще надежда, что быть можетъ личное присутствіе его въ Петербургѣ будетъ полезно для отечества. Конфедерація дала ему инструкцію отъ 7-го марта, въ которой было сказано, что конфедерація, оставаясь при своемъ желаніи сохранить независимость и свободу Польши, надѣется счастья отечеству только отъ тѣснѣйшаго соединенія съ Россіею. Въ этихъ видахъ конфедерація и посылала къ императрицѣ своего маршала Потоцкаго, поручая ему освѣдомиться объ условіяхъ, на которыхъ можетъ совершиться соединеніе обоихъ народовъ, составить объ этомъ предметѣ прелиминарныя статьи и сообщить конфедераціи; вмѣстѣ съ тѣмъ поручалось ему имѣть въ

виду присягу, данную конфедераціей и цѣлымъ народомъ: охранять цѣлость границъ краевъ Рѣчи-Посполитой, обезпеченныхъ торжественными трактатами; никакое противное предложеніе, откуда бы оно ни происходило, не должно быть предметомъ договора съ польскимъ народомъ.

Вмѣсто Потоцкаго въ Гродно избранъ былъ маршаломъ Пулавскій.

Сиверсъ, прибывъ въ Гродно, помѣстился во второмъ ярусѣ трехъ-этажнаго дома Сапѣги, первый ярусъ онъ отдалъ для хозяйственныхъ принадлежностей, а третій для своихъ чиновниковъ. Помѣщеніе его было хотя, по его замѣчанію, съ невысокими потолками, но просторное; ему надо было давать обѣды и балы. Это, впрочемъ, отлагалось до скоро наступавшихъ праздниковъ Пасхи: но пока была страстная недѣля, пріемъ его не сопровождался церемоніями и пирами, какъ бы случилось въ другое время.

Одни конфедераты предвидѣли, другіе навѣрное знали, что̀ появится черезъ нѣсколько дней. Одни молчали, страшась вдумываться въ то, чего боялись, другіе спѣшили заявлять передъ посланникомъ свое расположеніе къ Россіи, припоминать свои услуги императрицѣ, увѣряли, что они на прошедшемъ сеймѣ старались говорить и дѣлать угодное императрицѣ; тѣ, которые прежде одобрительно покрикивали въ честь 3-го мая, извинялись, говоря, что это былъ невольный грѣхъ. Тѣ искали старостввъ, тѣ должностныхъ мѣстъ, и на мѣста такъ много являлось охотниковъ, что приходилось, какъ выражается Сиверсъ, на каждое мѣсто по двадцати конкуррентовъ. Сиверсъ раздавалъ имъ пенсіоны, обязывая каждаго получавшаго дѣлать то, что ему прикажутъ. Такимъ образомъ Сиверсъ далъ надворному маршалу Забѣллѣ тысячу червонцевъ на мѣсяцъ, съ обѣщаніемъ удвоить, если онъ будетъ вести себя какъ слѣдуетъ. Со всѣми, кто только имѣлъ вліяніе въ конфедераціи, поступалъ онъ также; прусскій министръ Бух-

гольцъ, пріѣхавшій въ Гродно, долженъ былъ принимать на себя половину этихъ издержекъ.

Северинъ Ржевускій неистовствовалъ противъ Россіи и возбуждалъ къ тому же другихъ конфедератовъ; онъ оказался самымъ задорнымъ изъ пановъ, и сдѣлался Сиверсу несноснѣе всѣхъ. Но посланникъ, привыкшій во всѣхъ полякахъ видѣть слабость и податливость на приманку выгодами, замѣчалъ въ письмѣ къ Зубову, что и Ржевускій поумнѣетъ, если ему дать два хорошихъ староства, о которыхъ уже онъ старается, да прибавить еще другихъ два, которые ему обѣщалъ Зубовъ прежде. «Одно слово отъ ея императорскаго величества,—писалъ Сиверсъ,—было бы истиннымъ бальзамомъ и произвело бы хорошее вліяніе въ здѣшней публикѣ». Сиверсъ, какъ и вообще всѣ дипломаты того времени, считалъ, что громада польскаго дворянства не имѣетъ ни твердыхъ убѣжденій, ни смѣлости, а всегда идетъ за сильными и вліятельными панами, привыкши отъ дѣдовъ и прадѣдовъ лакействовать передъ ними; всѣ готовы кричать и сопротивляться, когда есть между важными панами такіе, что кричатъ и сопротивляются, а потому надобно было, какъ прежде всегда и дѣлалось, ублажить важныхъ и вліятельныхъ пановъ, склонить ихъ на свою сторону или по крайней мѣрѣ заставить молчать,—тогда и крику поубудетъ настолько, насколько велико вліяніе замолчавшихъ пановъ. Въ противномъ случаѣ, когда бы такія мѣры оказались слабыми, Сиверсъ всегда готовъ былъ употребить болѣе энергическія мѣры, въ родѣ секвестра на имѣнія, или высылки. Государыня, услыхавъ еще прежде о сопротивленіи Ржевускаго, велѣла Сиверсу внушить ему, что русская императрица не хочетъ дѣлать непріятнаго полякамъ, но судьба государствъ не можетъ подчиняться частнымъ отношеніямъ; у государыни въ виду благо своихъ подданныхъ и самихъ поляковъ, чтобы избавить ихъ отъ бурь, которыя ихъ волнуютъ; но если

онъ, Ржевускій, желаетъ выйти и удалиться отъ дѣлъ, пусть выходитъ.

Надѣясь на твердость своей политики, императрица, по поводу Ржевускаго, писала: «не слѣдуетъ отъ поляковъ требовать пожертвованій ихъ чувствами и политическими убѣжденіями, хотя бы и ошибочными. Не слѣдуетъ требовать отъ Ржевускаго отчета; нужно оставить ему полную свободу, въ надеждѣ, что онъ оцѣнитъ это доказательство великодушія императрицы».

День, въ который должна быть обнародована декларація генераломъ Кречетниковымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поданы ноты отъ русскаго и прусскаго пословъ, назначенъ былъ 27-го марта (8-го апрѣля). Намѣревались принудить конфедерацію издать универсалъ о созваніи сеймиковъ, для выбора пословъ на сеймъ; сеймики эти допускались только въ тѣхъ воеводствахъ, которыя не входили въ область земель, отходившихъ отъ Польши. Чтобы въ Гродно послы были посговорчивѣе, рѣшено было двинуть поближе къ городу корпусъ войска; Игельстромъ былъ готовъ къ услугамъ по приказанію Сиверса. Онъ приказалъ заранѣе заготовить кантониръ-квартиры для корпуса, но въ самый городъ не рѣшался вводить много войска, а поставить тамъ только четыре роты егерей.

До времени слѣдовало все еще хранить молчаніе. Тайна раздѣла должна была грянуть внезапно, какъ бомба, на Польшу. Самого Сиверса бралъ невольный страхъ съ приближеніемъ дня, въ который должна была рѣшиться судьба государства. «Если бы не надежда принести пользу человѣчеству,—писалъ онъ къ своей дочери,—то я бы попросилъ увольненія отъ этой должности». Этотъ страхъ не происходилъ, однако, отъ убѣжденія, чтобы дѣло, которое ему поручено, было нехорошо или недостойно его; какъ ливонца, его немного смущало воспоминаніе о томъ, какъ Польша нѣкогда защищала его рыцарскую родину

отъ Москвы, но какъ вѣрный слуга Россіи, онъ радовался увеличенію своего государства и даже смотрѣлъ впередъ на будущее обрусеніе края, который возвращался во владѣніе Россіи. «Хорошо было бы, — писалъ онъ императрицѣ,—все, относящееся къ губерніямъ, которыя пріобрѣтетъ Россія, приказать печатать по-русски, латинскими буквами, по польскому произношенію. Ручаюсь, что въ десять лѣтъ всѣ будутъ превосходно знать по-русски, а инымъ способомъ не научатся и въ пятьдесятъ. Я говорилъ объ этомъ съ Захаромъ Григорьевичемъ (Чернышевымъ), но онъ черезчуръ московскаго духа и человѣкъ гордый— не хотѣлъ говорить объ этомъ съ вашимъ величествомъ; а мнѣ кажется, такимъ бы образомъ русскій языкъ не только въ Литвѣ, но и въ остальной Польшѣ распространился. Можетъ быть ваше императорское величество скажете, что старый новгородскій слуга заглядываетъ черезчуръ впередъ».

Въ ожиданіи королевскаго пріѣзда, Сиверсъ безпрестанно писалъ къ Станиславу-Августу и посылалъ ему одну за другой горькія, хотя позолоченныя пилюли. Такимъ образомъ, онъ потребовалъ отъ короля, чтобы онъ назначилъ начальникомъ коронной гвардіи Ожаровскаго, человѣка, ненавистнаго королю. Станиславъ-Августъ повиновался. Познанскій епископъ былъ, какъ говорили, при смерти; Сиверсъ потребовалъ, чтобы король, согласно желанію императрицы, далъ коадъюторство познанскаго епископства одному изъ родственниковъ Рачинскаго. Король прежде обѣщалъ то же самое другому лицу, но долженъ былъ нарушить свое обѣщаніе и повиноваться послу Екатерины. Наконецъ, Сиверсъ, по приказанію государыни, наложилъ секвестръ на имѣнія князя Іосифа и не хотѣлъ снять его. На-силу король выпросилъ одно староство для его матери. Сиверсъ послалъ объ этомъ просьбу императрицѣ, и утѣшалъ короля, что, вѣроятно, императрица сдѣ-

лаетъ для него эту милость, а между тѣмъ торопилъ ѣхать скорѣе въ Гродно. «Мои поступки напоминаютъ, писалъ Сиверсъ дочери, того римскаго консула, который начертилъ кругъ около одного азіатскаго царя и приказалъ ему дать отвѣтъ не выходя изъ круга». Король не отрекался ѣхать, но жаловался на судьбу и громко говорилъ своимъ родственникамъ, что не подпишетъ трактата о раздѣлѣ, если ему его поднесутъ; тѣмъ не менѣе однако американецъ Литтльпажъ, вмѣстѣ и любимецъ короля и шпіонъ Игельстрома, объявилъ послѣднему, что король ему съ глаза-на-глазъ сказалъ, что все сдѣлаетъ, что ему велятъ, разсуждая такимъ образомъ: большинство голосовъ составляетъ народъ, а что народъ приговоритъ, то не будетъ преступленіемъ подписать.

Сиверсъ 1-го апрѣля писалъ королю такое утѣшеніе: «Могу васъ увѣрить, по истинной правдѣ, что вашему величеству не будутъ дѣлать здѣсь личныхъ непріятностей, напротивъ, дѣло идетъ о реформѣ, которая принесетъ счастіе Рѣчи-Посполитой и королю, ея главѣ. Судьбы личностей только отчасти будутъ здѣсь касаться, и я долженъ увѣрить васъ, что ни съ характеромъ ея императорскаго величества, ни съ моимъ, смѣю сказать, не сообразно причинять кому бы то ни было огорченіе, если только общественное благо не потребуетъ этого. Ваше величество можете смѣло выѣхать изъ Варшавы и прибыть въ Гродно безъ малѣйшаго опасенія. Я боюсь только одного, чтобы время года не подѣйствовало вредно на ваше драгоцѣнное здоровье и чтобы это не произвело неожиданнаго замедленія въ желанномъ прибытіи вашемъ въ Гродно».

Въ то же время, по донесенію Игельстрома, онъ сообщалъ государынѣ, что король сходится съ шведскимъ посломъ, и въ этомъ онъ видитъ что-то предосудительное.

Въ назначенный день, 24-го марта (4-го апрѣля), король выѣхалъ наконецъ изъ Варшавы, въ двадцать пять

экипажей. Игельстромъ далъ ему въ провожатые подполковника Штакельберга (своего племянника), какъ будто для почета и для безопасности при проѣздѣ черезъ русскія войска, а въ самомъ дѣлѣ для наблюденія надъ королемъ. Вмѣсто того, чтобы ѣхать скоро, какъ хотѣлось послу, король каждый день ѣхалъ верстъ по двадцати или тридцати и останавливался. Такимъ образомъ, выѣхавши 4-го апрѣля, онъ доѣхалъ до Окунева, имѣнія пана Кицкаго, и тамъ остановился у владѣльца обѣдать, потомъ легъ отдыхать, а на другой день слушалъ обѣдню. Выѣхавши оттуда, онъ доѣхалъ до имѣнія другого пана, и тамъ то же самое; и такъ далѣе. Проѣзжая черезъ мѣста, гдѣ квартировали русскія войска, онъ былъ принимаемъ русскими генералами со знаками вниманія и почестями. Во многихъ мѣстахъ къ нему являлись обыватели и духовные для изъявленія чувствъ своихъ. Такимъ образомъ, 11-го апрѣля, онъ едва добрался до Бѣлостока, и тамъ зажилъ на нѣсколько дней. Мимо его проѣзжали и спѣшили въ Гродно разные паны изъ Варшавы, являлись къ нему и уѣзжали туда, куда ѣхали, а онъ медлилъ, слушалъ обѣдни, посѣщалъ школы и отдѣлывался то нездоровьемъ, то другими предлогами. Король напоминалъ собою вола, который, чуя, что его ведутъ на закланіе, упирается и ногами и рогами, отчаянно реветъ и все-таки, подгоняемый бичемъ, слѣдуетъ на мѣсто смерти.

Наступилъ праздникъ Пасхи. Въ Гродно начались торжества. Въ понедѣльникъ Сиверсъ далъ у себя балъ и ужинъ; потомъ прусскій министръ далъ обѣдъ, въ пятницу далъ обѣдъ Сиверсъ, а въ субботу епископъ Масальскій далъ роскошный обѣдъ и балъ для цѣлаго города. Посланники, пріѣхавшіе убивать Польшу, угощали поляковъ, а поляки, по своему обычаю, пили и танцовали надъ вырытою могилою своего отечества.

Курьеры во множествѣ бѣгали изъ Гродно въ Варша-

ву, изъ Варшавы въ Гродно, изъ Гродно и Варшавы въ Полонное, гдѣ стоялъ Кречетниковъ, и въ Великую Польшу, гдѣ стоялъ прусскій главнокомандующій Меллендорфъ, изъ Гродно въ Петербургъ и обратно. Отовсюду шли тревожные вопросы, и отовсюду приносились отвѣты, что все пока спокойно и благополучно.

Между тѣмъ Гданскъ, столь дорогой полякамъ, который такъ упорно поляки отстаивали отъ Пруссіи, палъ въ руки пруссаковъ. Прусскій генералъ Раумеръ блокировалъ его съ 6-го марта по 15-е, и требовалъ сдачи укрѣпленій и устья Вислы. Магистратъ просилъ его не брать укрѣпленій и предлагалъ принять городъ съ округомъ въ прусское владѣніе. Послали просить прусскаго короля. Повѣренный Рѣчи-Посполитой, тамъ находившійся, напрасно протестовалъ противъ этого. Лишенные подвоза, жившіе торговлею граждане Гданска, бо̀льшею частію нѣмцы, не слишкомъ душевно привязаны были къ Рѣчи-Посполитой. 25-го марта пришелъ отвѣтъ короля. Фридрихъ-Вильгельмъ принялъ желаніе Гданска, но требовалъ допущенія войскъ своихъ въ городъ, и обѣщалъ покровительство и льготы. 27-го марта объявили Раумеру, что городъ сдается. Но на другой день, когда Раумеръ сталъ занимать укрѣпленія, толпа мѣщанъ, къ которой присталъ польскій гарнизонъ, овладѣла пушками и стала стрѣлять по пруссакамъ. Бой продолжался до трехъ съ половиною часовъ, пока зачинщики не были перехватаны и гарнизонъ не обезоруженъ. Раумеръ вошелъ въ городъ и обнародовалъ манифестъ, въ которомъ грозилъ строгою казнію за составленіе всякихъ сборищъ.

Наконецъ пришло воскресенье 27-го марта (7-го апрѣля). «Наступилъ день,—писалъ Сиверсъ своей дочери,—памятный и знаменитый въ исторіи Польши, Россіи и Пруссіи». Въ мѣстечкѣ Полонномъ, на Волыни, опубли-

ковано было генераломъ Кречетниковымъ такое объявленіе отъ имени императрицы всероссійской [1]):

«Участіе ея императорскаго величества императрицы всероссійской, принимаемое въ дѣлахъ польскихъ, всегда основывалось на ближайшихъ коренныхъ и взаимныхъ пользахъ обоихъ государствъ. Но это благожелательство ея императорскаго величества и заботливость о сохраненіи въ сосѣдней державѣ спокойствія, согласія и свободы не только были безплодными, но сдѣлались безполезнымъ и напраснымъ бременемъ для ея императорскаго величества и нанесли ея государству неисчислимыя потери, въ чемъ очевидно убѣждаетъ тридцатилѣтній опытъ. Между многими безобразіями и насиліями, вытекавшими изъ несогласія и взаимныхъ ссоръ, и тяготившими безпрестанно польскую Рѣчь-Посполитую, ея императорское величество съ особеннымъ прискорбіемъ взирала на тѣ утѣсненія, которыя должны были переносить города и провинціи, прилегавшіе къ владѣніямъ ея императорскаго величества, нѣкогда бывшіе ея истиннымъ наслѣдіемъ, обитаемые и наполненные людьми одного происхожденія и племени, просвѣщенными православною христіанскою вѣрою и до сихъ дней исповѣдующими эту вѣру. Въ наше время нѣкоторые выродки поляки, измѣнники собственнаго отечества, не устыдились поджигать правительство, составленное изъ безбожныхъ бунтовщиковъ во французскомъ королевствѣ, и искать у него опоры, чтобы съ его помощію навлечь на Польшу кровавыя бѣдствія междоусобной войны. Но ближайшею и вѣрнѣйшею опасностью какъ для святой христіанской вѣры, такъ и для благоденствія общаго для упомянутыхъ краевъ угрожаетъ ихъ наглость чрезъ распространеніе ядовитаго ученія, клонящагося къ разрыву всѣхъ связей религіи, гражданственности и политики, на кото-

[1]) Переводъ съ польскаго текста.

рыхъ основывается и которыми держится совѣсть, безопасность и имущество каждаго. Ненавистные непріятели общественнаго спокойствія, подражая безбожной, бѣшеной, преступной и разбойнической шайкѣ французскихъ бунтовщиковъ, стараются по всей Польшѣ разсѣять и привить ихъ ученіе и тѣмъ самымъ навсегда погубить спокойствіе и собственной страны, и ея сосѣдей.

«По этимъ-то поводамъ, ея императорское величество, моя всемилостивѣйшая государыня, какъ въ вознагражденіе многихъ своихъ утратъ, такъ и заботясь о благѣ и безопасности россійской имперіи и самыхъ польскихъ провинцій, а равнымъ образомъ и для того, чтобы навсегда укротить и отнять причину всякихъ замысловъ своевольныхъ, частыхъ и враждебныхъ одна другой перемѣнъ правленія, постановила наконецъ принять подъ свою державу и на вѣчныя времена присоединить къ россійской имперіи всѣ края съ обитателями ихъ въ ниже описанныхъ границахъ, именно: начиная линію отъ селенія Друи, лежащаго на лѣвомъ берегу Двины, на углу границы Семигаліи и проводя ее на Нарочъ и Дуброву, оттуда слѣдуя по частному рубежу виленскаго воеводства на Столицы, потомъ на Несвижъ, потомъ до Пинска, а оттуда переходя черезъ Куневъ между Вышегродомъ и Новой Греблей, близъ границы Галиціи, съ которою соединясь и слѣдуя по ней до рѣки Днѣстра, откуда идя внизъ по рѣкѣ Днѣстру, доходитъ до Ягорлика, до пункта, прежде составлявшаго границу между Россіею и Польшею. Всѣ земли, города и повѣты, занимаемые вышеописанною линіею новой границы между Россіею и Польшею, будутъ навсегда оставаться подъ скипетромъ россійской имперіи; обыватели этихъ провинцій и жители всякаго званія поступятъ въ число россійскихъ подданныхъ. Для этой цѣли, отъ ея императорскаго величества дано мнѣ, какъ генералъ-губернатору новоприсоединяемыхъ краевъ, высочайшее повелѣ-

ніе торжественно увѣрить, священнымъ именемъ ея императорскаго величества и словомъ (что̀ я этимъ оглашеніемъ для вѣдома каждому и для несомнѣннаго увѣренія и исполняю), всѣхъ новыхъ подданныхъ ея императорскаго величества, моихъ отнынѣ любезныхъ соотчичей, что всемилостивѣйшая государыня не только изволитъ подтвердить имъ полную и неограниченную свободу публичнаго отправленія обрядовъ ихъ религіи, законное владѣніе достояніями и имуществами, недвижимыми и движимыми, но приспособляя совершенно и внѣдряя въ россійскую имперію, пріобщая къ славѣ и благоденствію россійской имперіи, на образецъ вѣрноподданныхъ ея императорскаго величества, обитателей бѣлорусскихъ, живущихъ въ ненарушимомъ спокойствіи и изобиліи подъ мудрымъ и милостивымъ господствомъ ея, каждому дается право въ полной мѣрѣ и безъ всякаго изъятія съ этого времени пользоваться всякими пожалованными льготами и преимуществами, какими пользуются ея давніе подданные, такъ, что каждое сословіе обывателей новоприсоединяемыхъ провинцій съ этого дня начинаетъ участвовать во всѣхъ выгодахъ и пользахъ, присвоенныхъ его сословію; взаимно же ея императорское величество надѣется и требуетъ признательности и преданности новыхъ своихъ подданныхъ, чтобы, такъ какъ она по благости своей допускаетъ ихъ къ равнымъ выгодамъ и къ имени русскихъ, и они съ своей стороны старались бы содѣлаться достойными этой чести истинною любовью къ своему теперь новому, а современемъ старому отечеству, и ненарушенной вѣрностью могущественной и великодушной государынѣ, и поэтому всѣ и каждый въ особенности, начиная отъ знатнѣйшей шляхты и чиновниковъ, до послѣдняго, кому надлежать будетъ, обязаны въ продолженіи мѣсяца произнести торжественную присягу на вѣрность, при свидѣтеляхъ, нарочно для того назначенныхъ. Если же бы кто-нибудь

изъ шляхты или изъ лицъ другого сословія, владѣющій земскимъ имуществомъ, мало заботясь о собственномъ счастіи, не хотѣлъ произнести присяги, тому дается трехъмѣсячный срокъ для продажи своего имѣнія и добровольнаго выѣзда изъ края, по минованіи котораго срока все остающееся у него имущество будетъ секвестровано и взято въ казну.

«Высшее и низшее духовенство, какъ духовные пастыри, должны дать собою примѣръ, произнесши первые присягу, и каждый день въ общественномъ богослуженіи возсылать горячія молитвы о здравіи ея императорскаго величества, нашей августѣйшей и всемилостивѣйшей государыни и вселюбезнѣйшаго сына ея и наслѣдника престола, цесаревича и великаго князя Павла Петровича и всего августѣйшаго императорскаго дома, по формѣ, которая для этой цѣли въ скорѣйшемъ времени предпишется. При торжественномъ обезпеченіи всѣхъ и каждаго въ свободѣ вѣроисповѣданія и въ сохраненіи собственности, само собою разумѣется, и еврейскія общества, живущія въ городахъ и селеніяхъ новоприсоединенныхъ провинцій должны быть сохранены и содержимы въ цѣлости, со всѣми правами, служившими ихъ вѣрѣ и имуществамъ, ибо человѣколюбіе и милосердіе августѣйшей государыни не дозволяетъ ей исключать ихъ однихъ отъ всеобщей ея ко всѣмъ благости и отъ наступающаго подъ благословенною ея державою благоденствія, доколѣ они съ своей стороны будутъ пребывать въ покорности и послушаніи, занимаясь, какъ до сихъ поръ, торговлею и промыслами. Суды и расправы, оставаясь на своихъ мѣстахъ, должны отправлять свои занятія именемъ и властію ея императорскаго величества, съ точнѣйшимъ соблюденіемъ порядка и правосудія. Наконецъ, исполняя волю августѣйшей государыни, признаю необходимымъ извѣстить еще и о томъ, что всѣ войска, находясь уже въ своемъ краю, будутъ со-

блюдать наистрожайшую дисциплину, а потому ни вступленіе ихъ въ различныя мѣста, ни самое измѣненіе правленія, не можетъ препятствовать спокойному занятію хозяйствомъ, торговлею и промыслами, напротивъ, чѣмъ болѣе возростаніе всего этого умножитъ частныя выгоды, тѣмъ болѣе это пріятно будетъ августѣйшей государынѣ и заслужитъ ея вниманіе.

«Это объявленіе 27-го марта текущаго мѣсяца должно быть читано по всѣмъ церквамъ, записано въ судебныя книги и гдѣ слѣдуютъ публично вывѣшено для всеобщаго свѣдѣнія. А для полнаго увѣренія утверждаю его по власти, мнѣ данной, подписомъ руки моей съ приложеніемъ моей гербовой печати. Въ Полонномъ, въ главномъ лагерѣ. — Михаилъ Кречетниковъ».

Въ то же время, на противоположномъ концѣ умиравшей и раздираемой Польши, былъ опубликованъ другой манифестъ отъ имени прусскаго короля, такого содержанія:

«Всѣмъ сословіямъ, епископамъ, аббатамъ, прелатамъ, воеводамъ, каштелянамъ, старостамъ, подкоморіямъ, земскимъ судьямъ, рыцарству, вассаламъ, шляхтѣ, начальствующимъ, обывателямъ городовъ, земледѣльцамъ и инымъ всѣмъ, какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ чинамъ, обывателямъ и жителямъ воеводствъ познанскаго, гнѣзненскаго, калишскаго, сѣрадзьскаго, города и магистрата Ченстохова, земли велюнской, воеводства ленчицкаго, повѣта куявскаго, земли добржинской, воеводствъ равскаго и плоцкаго, и проч. по пограничному пути, также городовъ Гданска и Торуня, которые находились прежде подъ владѣніемъ Польши, всѣмъ вообще и каждому объявляемъ особо нашу королевскую благосклонность.

«Каждому извѣстно, что польскій народъ не переставалъ подавать причины къ справедливому неудовольствію пограничнымъ монархамъ, особенно прусскому государству и не довольно того, что вопреки всѣмъ правамъ добраго

сосѣдства частыми наѣздами дѣлалъ вредъ прусской странѣ, безпокоилъ пограничныхъ жителей, и обращался съ ними презрительно, всегда почти отказывая имъ въ провосудіи и немедленномъ удовлетвореніи, но еще затѣвалъ зловредные замыслы, которые должны были возбудить опасеніе пограничныхъ правительствъ. Все это извѣстно каждому, кто въ послѣднее время слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлалось въ Польшѣ. Но преимущественно возбуждаетъ опасенія пограничныхъ монарховъ духъ несогласій и смутъ, котораго опасное вліяніе, возростая съ каждымъ днемъ, клонится къ тому, чтобы разорвать всѣ политическія и религіозныя связи и предать жителей всѣмъ ужасамъ анархіи. Если эти правила, разрушающія всякій общественный порядокъ, были зловредны во всякомъ государствѣ, гдѣ только допускались, то какъ не опасаться ихъ послѣдствій у народа, который всегда отличался страстію къ безпорядкамъ и горячкою, съ которою, сломя голову, кидался ко всему, что питало и распространяло безпорядки въ народѣ, который притомъ довольно силенъ, чтобъ сдѣлаться страшнымъ для сосѣдей, противъ которыхъ постоянно направлялъ свои замыслы? Было бы несогласно съ предусмотрительною политикою и съ обязанностями охранять спокойствіе въ краѣ нашемъ, если бы мы оставались только спокойными зрителями и ожидали бы времени, когда эта дерзкая партія безпорядка почувствуетъ возможность возстать съ надеждою на успѣхъ, и наши пограничныя Польшѣ провинціи подвергнутся опасностямъ анархіи, противъ которой уже поздно будетъ предпринимать мѣры.

«Поэтому, вмѣстѣ съ августѣйшею россійскою императрицею, съ согласія августѣйшаго римскаго императора, мы признали, что безопасность нашихъ провинцій требуетъ провести польской Рѣчи-Посполитой такія границы, которыя болѣе бы соотвѣтствовали ея внутреннимъ силамъ и подали бы ей возможность безъ ущерба свободы учредить

у себя мудрое, сильное, прочное и несложное правленіе, и, при спокойномъ пользованіи онымъ, избѣгать тѣхъ безпорядковъ, которые такъ часто возмущали ея собственное спокойствіе и безопасность сосѣдей. Чтобы достигнуть этого и избавить Рѣчь-Посполитую отъ страшныхъ бѣдствій, которыя должны быть слѣдствіемъ внутреннихъ тревогъ, и такимъ образомъ спасти ее отъ уничтоженія, въ особенности же чтобы отвлечь обывателей ея отъ той зловредной науки, которой ядомъ они такъ сильно заразились, по нашему убѣжденію, раздѣляемому единомысленно и ея величествомъ императрицею всероссійскою, нѣтъ другого способа, какъ присоединить къ нашему государству пограничныя съ нами провинціи, и на этотъ конецъ взять ихъ теперь же во владѣніе, дабы такимъ образомъ предупредить всякое зло, могущее возникнуть изъ настоящихъ волненій въ Польшѣ.

«Итакъ, съ вѣдома ея императорскаго величества государыни россійской, предприняли мы вышеупомянутыя области польскія, а также города Гданскъ и Торунь принять въ наше владѣніе и присоединить къ нашему государству. Настоящій манифестъ имѣетъ цѣлію привести въ извѣстность таковое наше твердое и неизмѣнное намѣреніе. Ожидаемъ отъ польскаго народа, что онъ какъ можно скорѣе соберется на сеймъ и помыслитъ о дѣйствительнѣйшихъ средствахъ дружелюбно исполнить дѣло, отъ котораго зависитъ спокойствіе Польши и избавленіе ея жителей отъ ужасныхъ послѣдствій анархіи. Милостиво и вмѣстѣ строго предостерегаемъ жителей повѣтовъ и городовъ, отходящихъ въ наше владѣніе, не противиться принятію ихъ края въ наше владѣніе и не сопротивляться приказаніямъ генераловъ и дѣйствіямъ войскъ нашихъ, посланныхъ съ этой цѣлью, подчиниться съ охотою нашимъ законамъ, признать насъ своимъ законнымъ королемъ и господиномъ, наравнѣ съ другими нашими вѣрными под-

данными и устраниться отъ всякаго общенія съ Рѣчью-Посполитою. Мы же взаимно настоящимъ патентомъ торжественно обѣщаемъ обывателямъ всѣхъ классовъ и каждому въ особенности, оставить ихъ съ правами и преимуществами, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, въ особенности обѣщаемъ исповѣдующимъ римско-католическую вѣру предоставить свободное отправленіе богослуженія, покровительствовать ихъ и вообще управлять цѣлымъ краемъ такъ правосудно и человѣколюбиво, чтобы разсудительные и благомыслящіе обыватели, будучи счастливыми и довольными, не имѣли никакой причины сожалѣть о прежней власти.

«Чтобы увѣриться въ вѣрности и преданности нашихъ новыхъ подданныхъ, мы признали за благо потребовать обычной въ такихъ обстоятельствахъ присяги; но какъ по причинѣ отдаленности не можемъ сами лично принять ее, поэтому назначаемъ вмѣсто себя уполномоченныхъ, генерала отъ инфантеріи и орденовъ нашихъ кавалера, вице-оберъ-кригсъ-президента, губернатора столицы нашей Берлина, шефа полка инфантеріи Вейхарта-Іоакима-Гейнриха фонъ-Меллендорфа, и нашего дѣйствительнаго статсъ и юстицъ-министра и шефа-президента всѣхъ регенцій Адольфа-Альбрехта-Генриха-Леопольда барона фонъ-Данкельмана, съ тѣмъ, чтобы они вмѣсто насъ именемъ нашимъ приняли вышеупомянутую присягу. Всемилостивѣйше приказываемъ всѣмъ вышеупомянутымъ обывателямъ, въ теченіи двухъ дней срока послѣ назначенія отъ уполномоченныхъ коммиссаровъ мѣста для присяги, присягнуть на вѣрность и подданство намъ и наслѣдникамъ нашимъ. Епископы, аббаты, прелаты, воеводы, каштеляны, старосты, подкоморіи и земскіе судьи должны явиться лично или черезъ своихъ довѣренныхъ, а прочія сословія присягнуть чрезъ выбранныхъ изъ своей среды депутатовъ съ надлежащимъ полномочіемъ, такъ, чтобы изъ каждаго повѣта

по крайней мѣрѣ было четыре особы изъ шляхетства, четыре духовныхъ и плебановъ и шесть солтысовъ изъ селъ, а отъ городскихъ начальствъ по два бурмистра и по одному синдику. Всѣ эти уполномоченные изъ своихъ повѣтовъ и городовъ должны получить инструкціи, по которымъ они должны произнести присягу. Такая присяга будетъ имѣть силу вѣчнаго закона и потому должна быть засвидѣтельствована въ земскихъ судахъ и внесена въ акты ихъ канцелярій, съ выдачею копій нашимъ коммиссарамъ. Надѣемся, что каждый, кого это касается, окажется послушнымъ; если жъ бы, сверхъ нашихъ ожиданій, какое-нибудь сословіе или какой-нибудь обыватель вышеупомянутыхъ повѣтовъ и городовъ дерзнули не повиноваться настоящему нашему манифесту и отказались присягнуть намъ на вѣрность и признать нашу власть, или же осмѣлились не повиноваться приказаніямъ нашихъ генераловъ и сопротивляться нашему войску, такіе подвергнутся немедленно обычнымъ въ подобныхъ обстоятельствахъ наказаніямъ, не взирая на свои особы. Для бо̀льшей вѣры, мы подписали нашъ манифестъ собственноручно и приказали, утвердивъ его нашею королевскою печатью, огласить его гдѣ надлежитъ и опубликовать посредствомъ печати. Берлинъ. 25-го марта 1793 года.—Фридрихъ-Вильгельмъ».

Черезъ два дня по появленіи этихъ декларацій на своихъ мѣстахъ, Сиверсъ подалъ конфедераціи ноту такого содержанія:

«Намѣренія, которыя ея императорское величество императрица всероссійская приказала огласить въ декларацій, поданной ея министромъ въ Варшавѣ 7-го (18-го) мая прошлаго года по поводу вступленія войскъ своихъ въ Польшу, безъ сомнѣнія были такого рода, что долженствовали пріобрѣсть расположеніе, уваженіе и даже благодарность цѣлаго польскаго народа. Однако Европа увидала, какимъ образомъ они были встрѣчены и оцѣнены. Для

открытія тарговицкой конфедераціи пути къ достиженію своихъ правъ и законной власти, надлежало прибѣгать къ оружію, и творцы конституціи 3-го мая 1791 года съ своими сторонниками сошли съ поля борьбы только послѣ пораженія ихъ россійскими войсками.

«Но явное противодѣйствіе прекратилось только для того, чтобъ уступить мѣсто скрытнымъ козням, которыхъ тонкія пружины тѣмъ опаснѣе, что часто ускользаютъ отъ прозорливѣйшаго наблюденія и избѣгаютъ преслѣдованія законовъ. Духъ партій и смутъ пустилъ такіе глубокіе корни, что тѣ, которые взяли на себя зловредный трудъ внушать и распространять его, послѣ неудачныхъ интригъ у иностранныхъ дворовъ, съ цѣлью набросить подозрѣніе на намѣренія Россіи, обратили свои усилія къ обольщенію черни, всегда легко способной быть обманутою, и успѣли настолько, что и она стала раздѣлять ненависть и злобу, которую они возъимѣли противъ нашей имперіи, за то, что послѣдняя уничтожала ихъ преступныя надежды. Не говоря уже о многихъ поступкахъ, всѣмъ извѣстныхъ, доказывающихъ злобныя наклонности большаго числа поляковъ, достаточно сказать, что они употребили во зло правила человѣколюбія и умѣренности, съ которыми, по данному нами строгому приказанію, сообразжались въ своемъ поведеніи и поступкахъ генералы и офицеры войска ея императорскаго величества, начали съ ними дурно обходиться и дѣлать имъ оскорбленія, а самые дерзкіе стали даже поговаривать о сицилійскихъ вечерняхъ и угрожать имъ чѣмъ-то подобнымъ. Такую награду великодушнымъ намѣреніямъ этой монархини готовили враги спокойствія и добраго порядка. Можно поэтому судить, насколько искренно приступила бо́льшая часть поляковъ къ тарговицкой конфедераціи и насколько прочно и непоколебимо внутреннее и внѣшнее спокойствіе Рѣчи-Посполитой. Но ея императорское величество, привыкши въ продолженіи трид-

цати лѣтъ бороться съ непрестанными волненіями въ этой странѣ и уповая на данные ей Провидѣніемъ способы къ удержанію въ границахъ господствующихъ тамъ раздоровъ, неизмѣнна была бы въ своихъ безкорыстныхъ усиліяхъ и предала бы забвенію всѣ поводы неудовольствія, какъ равно и справедливыя притязанія, на которыя они даютъ право, если бы не оказывались безпорядки иного рода, важнѣе и опаснѣе.

«Противоестественное сумасбродство народа, нѣкогда цвѣтущаго, нынѣ же упавшаго, растерзаннаго и стоящаго на краю готовой пожрать его пропасти, вмѣсто того, чтобы приводить въ содроганіе этихъ возмутителей, показалось имъ предметомъ достойнымъ подражанія. Они стараются ввести въ нѣдра Рѣчи-Посполитой адское ученіе, порожденное безбожною, святотатственною и нелѣпою сектою на несчастіе и разрушеніе всякаго общества духовнаго, гражданскаго и политическаго. Уже въ столицѣ и во многихъ польскихъ областяхъ учреждены клубы, состоящіе въ связи съ французскимъ клубомъ якобинцевъ. Они извергаютъ тайно ядъ свой и возмущаютъ умы. Появленіе такого жерла, опаснаго для всѣхъ сосѣднихъ государствъ, побудило послѣднихъ принять на себя трудъ взаимно отыскать средства къ истребленію зла въ самомъ зародышѣ и къ отвращенію заразы отъ собственныхъ своихъ предѣловъ.

«Ея императорское величество, государыня императрица всероссійская и его королевское величество, король прусскій, съ согласія его величества императора римскаго, не нашли для своей безопасности иного средства, какъ заключить Рѣчь-Посполитую въ болѣе тѣсныя границы, устроивъ для нея существованіе и пропорцію, приличныя государству средняго размѣра, чтобы этимъ способомъ облегчить ей способы, не нарушая своей старинной свободы, устроить и удержать мудрое и стройное правленіе, достаточно сильное для укрощенія и предотвращенія всякихъ безпоряд-

ковъ и смутъ, такъ часто вредившихъ спокойствію и ея собственному и сосѣднихъ съ нею государствъ.

«По совершенномъ соглашеніи цѣлей и правилъ, ея императорское величество императрица всероссійская, и его королевское величество, король прусскій, глубоко убѣждены, что не могутъ иначе предотвратить совершеннаго уничтоженія Рѣчи-Посполитой, которымъ угрожаютъ ей господствующія въ ней несогласія, а въ особенности чудовищныя заблужденія, какъ присоединеніемъ къ своимъ государствамъ пограничныхъ провинцій, и немедленнымъ принятіемъ ихъ въ свое владѣніе. Вышереченные монархи, извѣщая польскій народъ о такомъ своемъ крѣпкомъ и неизмѣнномъ постановленіи, приглашаютъ его собраться на сеймъ и по-дружески обсудить этотъ предметъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ избрать спасительныя мѣры, по отношенію къ устройству невозмутимаго спокойствія и прочнаго твердаго правительства.—9-го апрѣля 1793 года».

Всѣ три документа, приведенные здѣсь по ихъ важности цѣликомъ, краснорѣчиво показываютъ, безъ всякихъ съ нашей стороны комментаріевъ, какого рода были пріемы, употребленные политикою сильныхъ государствъ, рѣшавшихъ судьбу слабой Польши.

Въ тотъ же день Сиверсъ отослалъ копію съ деклараціи королю въ Бѣлостокъ, и писалъ ему: «Мнѣ приказано, августѣйшій государь, сообщить вашему величеству, что опасенія ваши на счетъ судьбы Польши къ несчастію оправдались. По приказанію ея императорскаго величества я подалъ сегодня, вмѣстѣ съ прусскимъ посломъ, ноту, съ приложеніемъ деклараціи, рѣшающей судьбу Рѣчи-Посполитой. Довѣріе, которое ваше величество мнѣ изволили оказывать, дозволяетъ мнѣ надѣяться, что ваше величество приметѣ это сообщеніе какъ знакъ сочувствія, какое я имѣю къ вашей священной особѣ. Если бы случайно я не имѣлъ возможности повѣрить врученіе этихъ бумагъ

кавалеру Литтльпажу, то рѣшился бы предпринять путешествіе въ Бѣлостокъ самъ, чтобы увѣдомить обо всемъ ваше королевское величество, доказать вамъ, какъ много участія я принимаю въ этомъ событіи какъ человѣкъ частный, и склонить васъ къ единственному рѣшенію, какое вамъ можно принять въ этомъ случаѣ, то есть, подчиниться во всемъ волѣ ея императорскаго величества. Я надѣюсь, впрочемъ, что ваше королевское величество, послѣ однодневнаго или двухдневнаго отдыха въ Бѣлостокѣ, будете въ состояніи предпринять путь въ Гродно, съ цѣлію подумать о томъ, съ чего слѣдуетъ начать, именно объ универсалахъ на сеймики: объ этомъ предметѣ существуютъ различныя мнѣнія, и многія изъ нихъ только затруднили бы положеніе дѣлъ».

Короля такъ поразило это извѣстіе, хотя уже давно предвидѣнное, что у него не ставало духа выѣхать изъ Бѣлостока и сидѣлъ онъ въ немъ еще недѣли двѣ, проматывалъ данныя ему деньги и приказывалъ разрисовывать себѣ комнаты.

«Литтльпажъ привезъ мнѣ вѣсть о горькой судьбѣ отечества, писалъ онъ Сиверсу; я теперь ничего иного не могу выразить вамъ, кромѣ глубокаго чувства страданія! Оно поражаетъ разомъ и мой умъ, и мое здоровье».

Тогда Сиверсъ отвѣчалъ ему: «Я чувствую всю великость, всю глубину страданій вашего величества. Пріѣзжайте же, вылейте эти страданія на сочувствующую вамъ грудь расположеннаго человѣка; это можетъ быть принесетъ вамъ облегченіе». Тайная иронія виднѣлась въ этихъ выраженіяхъ. Но король показывалъ видъ, что принимаетъ ее за чистую монету и говорилъ: «этого бы не сдѣлалось, если бы все зависѣло отъ пана Сиверса». Сиверсъ понималъ, что король весь составленъ изъ фразъ, декламаціи, сантиментальности, но на самомъ дѣлѣ, если онъ дѣйствительно страдалъ въ это время, то болѣе отъ крайняго уни-

женія, нанесеннаго его самолюбію, чѣмъ отъ бѣдствій отечества; иначе бы онъ, ради личныхъ своихъ выгодъ, не игралъ такой печально-комической роли.

Въ то же время Сиверсъ, въ письмѣ къ императрицѣ, доносилъ, что король сносится съ шведскимъ посломъ, изображалъ его притворщикомъ, интриганомъ, которому ни въ чемъ нельзя довѣрять. Приглашая Станислава-Августа изливать свои страданія на дружескую грудь, русскій посолъ въ то же время извѣщалъ его, что по изъявленному конфедераціею желанію онъ возобновляетъ Постоянный Совѣтъ, который вмѣстѣ съ королемъ выдастъ универсалъ на сеймики для собранія сейма. Это были новыя пилюли для короля. Во-первыхъ, онъ зналъ, что этотъ Совѣтъ будетъ выбранъ изъ людей враждебныхъ ему; во-вторыхъ, на него грозили возложить обязанность подписывать универсалъ, созывающій сеймъ, который долженъ узаконить гибель отечества и тѣмъ самымъ принуждали самого принимать въ этомъ участіе. Онъ писалъ къ Сиверсу:

«Сами знаете, что генеральная конфедерація соединила въ себѣ весь укладъ правленія. Она одна имѣла значеніе высочайшей власти въ краѣ, обвѣщала народу манифесты и постановляла распоряженія; всѣ обыватели, признавшіе конфедерацію, ее одну слушаютъ и почитаютъ законными ея воззванія. Поэтому и оглашеніе универсаловъ на сеймъ, по праву принадлежитъ исключительно конфедераціи».

Но Сиверсъ не могъ допустить до этого; право созывать сеймы принадлежало только королю, и сеймъ, созванный инымъ путемъ, былъ бы незаконнымъ. Король приглашалъ Сиверса къ себѣ. Сиверсъ отговаривался болѣзнію, и упрашивалъ короля поспѣшить въ Гродно. Русскій и прусскій послы объяснили увертки короля тѣмъ, что онъ во-первыхъ побесѣдовалъ съ шведскимъ посломъ, и запасся отъ него совѣтами, во вторыхъ—его пріятно по-

щекотали вѣсти, будто у Турціи начинаются недоразумѣнія съ Россіей, а въ-третьихъ, Австрія, какъ писалъ канцлеру Малаховскому изъ Вѣны Во̀йна, недовольна была раздѣломъ, который предприняли Россія и Пруссія. Императоръ, видя, что его сосѣди обогащаются немедленно, ему же предоставляютъ дожидаться лучшихъ обстоятельствъ тогда, когда напротивъ обстоятельства для него дѣлались хуже, говорилъ Во̀йнѣ: «Я не одобряю этого раздѣла и не беру въ немъ никакого участія, но мое положеніе не дозволяетъ мнѣ противиться. Успокойте земляковъ вашихъ; пусть не отчаяваются; найдется возможность поправить Польшу послѣ всѣхъ несчастій, которыя ее постигли». Де-Каше въ Варшавѣ говорилъ явно, что его государь никогда бы не допустилъ до этого, еслибъ не такое положеніе.

Канцлеръ Малаховскій, до сихъ поръ, какъ извѣстно, вѣрнѣйшій слуга Россіи, спохватился; онъ не ожидалъ того, что случилось, и не хотѣлъ болѣе вести дѣла, которому такъ ревностно помогалъ. Онъ взялъ отставку.

Многіе изъ конфедератовъ, по объявленіи декларацiи, думали о томъ, какъ бы самимъ заслужить благосклонность государыни покорностью ея волѣ и готовностью быть орудіями ея замысловъ надъ Польшею. Такими были: Коссаковскій, Пулавскій, Масальскій, Міончинскій, Рачинскій. Епископъ Коссаковскій, составившій центръ для всѣхъ угодниковъ Россіи, первый заявлялъ Сиверсу свое удовольствіе о томъ, что Россія воспользуется на счетъ его отечества; онъ безпокоился, однако, о судьбѣ церковныхъ имѣній въ тѣхъ земляхъ, которыя отойдутъ къ Россіи; въ качествѣ коадъютора виленскаго епископства, получая до 15,000 злотыхъ въ годъ, онъ соображалъ, что значительная часть фундушей коадъюторства заключается въ земляхъ, отходившихъ къ Россіи. «Ея величество — говорилъ Сиверсъ—не отнимаетъ ни у кого владѣній, а

вѣрныхъ еще и сверхъ того наградитъ всещедро. Католическая религія будетъ строжайшимъ образомъ обезпечена; будетъ по два и по три епископства въ губерніи». Но не всѣ были такъ покорны какъ этотъ епископъ. Между конфедератами рѣзче всѣхъ заявляли недовольство Ржевускій и Валевскій; послѣдній, воевода сѣрадзьскій, пріѣхалъ недавно на генеральную конфедерацію и, вмѣсто Пулавскаго, избранъ намѣстникомъ маршала; за ними высказывали себя недовольными человѣкъ шесть совѣтниковъ конфедераціи. Надобно было конфедераціи дать отвѣтъ Сиверсу на представленную декларацію. Отвѣтъ, разумѣется, по желанію посла долженъ быть исполненъ покорности. Но Валевскій написалъ протестацію противъ русской декларации и напоминалъ, что конфедерація обязана хранить цѣлость границъ Рѣчи-Посполитой. Сиверсъ сначала звалъ его къ себѣ и кротко уговаривалъ. Узнавши снова, что Валевскій продолжаетъ возбуждать ропотъ, онъ призвалъ его снова, въ сопровожденіи Анквича, Юзефовича и Забѣлла, людей покорныхъ Россіи. «Если вы не отстанете отъ вашей протестаціи, — говорилъ ему Сиверсъ, — я велю занять городъ войсками и прикажу запереть сплавъ на Нѣманѣ». Эти угрозы не слишкомъ испугали пана Валевскаго, но онъ сталъ чувствительнѣе и не могъ удержаться отъ слезъ тогда, когда Сиверсъ сказалъ ему: «Я выслалъ курьера къ Кречетникову и написалъ, чтобы онъ вашу милость не считалъ подданнымъ ея императорскаго величества и взялъ подъ секвестръ ваши имѣнія, находящіяся въ областяхъ, отходящихъ къ Россіи, какъ слѣдуетъ поступать съ возмутителемъ общественнаго спокойствія. То же самое сдѣлаютъ и пруссаки съ вашими имѣніями, въ краковскомъ и сендомирскомъ воеводствахъ». — «Дайте мнѣ время какихъ-нибудь два или три дня, пока пріѣдетъ король и министры». — «Король и министры не имѣютъ ничего общаго съ вами въ этомъ», сказалъ по-

солъ.—«Вы допустите баллотировку?» — «Нѣтъ! Подпишете вы отвѣтъ на декларацію, какъ маршалъ, хотя бы несогласно съ вашими мнѣніями?» спросилъ Сиверсъ.—«Нѣтъ», былъ отвѣтъ.—«Я вамъ даю время подумать!» сказалъ Сиверсъ.

Конфедерація, возбуждаемая Валевскимъ и Ржевускимъ, медлила десять дней написать отвѣтъ на декларацію, и Сиверсъ послалъ ей ноту, изъявилъ удивленіе и прискорбіе на счетъ долгаго молчанія конфедераціи; онъ выражался: «посолъ ея императорскаго величества не требуетъ, чтобы наияснѣйшая конфедерація немедленно рѣшила важный вопросъ, но желаетъ, чтобы она прекратила возникающія препятствія, и приняла необходимыя мѣры для созванія сейма. Несправедливо и противозаконно мнѣнію одного имѣть значеніе закона и останавливать мнѣнія цѣлаго состава генеральной конфедераціи, которая будетъ отвѣчать за всѣ послѣдствія своей медленности».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Сиверсъ приказалъ заградить путь сплаву по Нѣману и Вислѣ. Тогда къ нему явились четверо членовъ конфедераціи (изъ нихъ два епископа) умолять о снисходительности. Сиверсъ встрѣтилъ ихъ упреками. «Вы всѣ — говорилъ онъ—привыкли къ интригамъ и ковнямъ, но все это напрасно. Какъ ни увертывайтесь, я все-таки достигну цѣли; видно съ вами другихъ средствъ нѣтъ, кромѣ суровыхъ. Да, я вамъ покажусь безчеловѣчнымъ».

Протестовавшіе, и послѣ этого внушенія, не поддавались. Между тѣмъ Игельстромъ донесъ Сиверсу, что Ржевускій въ качествѣ гетмана возбуждаетъ войско, стоявшее въ Варшавѣ, приказываетъ въ арсеналѣ производить работы и распаляетъ жолнѣровъ надеждою войны съ пруссаками. Ржевускій въ это время написалъ отъ себя протестацію еще болѣе рѣзкую, чѣмъ Валевскій. «Связанный узами свободной конфедераціи подъ дѣйствительнымъ по-

кровительствомъ ея императорскаго величества, я чувствовалъ благодарность къ этой великой государынѣ, благословлялъ ея имя и думалъ, что молясь за нее, молюсь вмѣстѣ съ тѣмъ за мое отечество. Такъ думалъ я, и всѣ поляки также думали. Но день 9-го апрѣля, когда появилась декларація петербургскаго и берлинскаго дворовъ, угрожающая съ двухъ сторонъ несправедливымъ отторженіемъ польскихъ областей, отравилъ нашу радость о возвращеніи свободы. Новый роковой ударъ отечеству тѣмъ болѣе доводитъ насъ до отчаянія, что онъ постигъ насъ во время существованія конфедераціи, которая возникла съ самыми чистыми намѣреніями спасенія отчизны, а теперь должна окончиться ужаснѣйшимъ бѣдствіемъ, которому помочь нельзя. Съ моей стороны, призываю высочайшаго Бога судію, вѣдующаго помышленія мои, и свидѣтельствуюсь предъ Богомъ и отечествомъ и предъ самою императрицею, что не зналъ ничего о раздѣлѣ Польши, напротивъ того, имѣя предъ глазами ея свободу и цѣлость, самъ написалъ статью присяги для конфедераціи, которою каждый членъ обязывался не дозволять ни малѣйшаго умаленія Рѣчи-Посполитой. Омочая въ слезахъ перо мое, хочу оставить память несчастія отечества и моего собственнаго, протестую противъ всякаго ущерба польскихъ границъ, свидѣтельствую, что никогда не положу моей подписи на подобномъ актѣ, и никогда не дозволю чего-нибудь противнаго присягѣ, которую произнесъ передъ Богомъ и отечествомъ. Мой протестъ не отвратитъ всеобщаго несчастія, но я долженъ его заявить, сообразно моей присягѣ! Не стану избѣгать личнаго моего несчастія. Какова бы ни была моя судьба, которую мнѣ приготовило Провидѣніе, я перенесу ее со смиреніемъ, и если буду несчастливъ, то никогда не буду достойнымъ наказанія. Подписывая этотъ протестъ, прилагаю его къ актамъ кон-

федераціи, предоставляя себѣ право возобновить его со всѣмъ народомъ».

Этотъ протестъ приказано напечатать.

Этимъ протестомъ Ржевускій вполнѣ выявилъ всего себя. Въ немъ дышала досада оскорбленнаго пана, который вдругъ увидѣлъ себя въ дуракахъ, который считалъ себя важнымъ двигателемъ дѣлъ и вдругъ оказался нулемъ, воображалъ себя великимъ политикомъ, думалъ, что онъ употребляетъ для своихъ цѣлей силу чужеземныхъ государствъ, и вдругъ почувствовалъ, что онъ, по своей недальновидности, только предложилъ себя орудіемъ для такой цѣли, о какой и не подозрѣвалъ. Его безпокоило болѣе всего то, что объ немъ могутъ подумать, что онъ заранѣе зналъ о гибели отечества—отъ этого только онъ и хотѣлъ очиститься. Положеніе его было не только жалкое, но и комическое; это почувствовалъ Ржевускій, и оттого горячился, выходилъ изъ себя, и выходками безсильной злобы и досады становился еще комичнѣе, чѣмъ прежде.

Сиверсъ, послѣ этой протестаціи, послалъ еще одну ноту такого содержанія: «Я, нижеподписавшійся, съ прискорбіемъ узналъ о второй протестаціи, которую представилъ Ржевускій для включенія въ акты конфедераціи. Хотя авторъ задалъ себѣ трудъ прикрыть непріязненныя свои чувствованія покровомъ восторженнаго патріотизма, но декларація эта одного смысла съ тою, которую заявилъ г. Валевскій, назадъ тому десять дней прибывшій къ генеральной конфедераціи играть въ оппозицію. Нижеподписавшійся презиралъ эти выходки, считая ихъ маловажнымъ пустословіемъ. Курьеръ отъ генерала Игельстрома привезъ извѣстіе, что въ варшавскомъ арсеналѣ, по секретному распоряженію гетмана Ржевускаго, происходятъ тайныя приготовленія къ войнѣ; поэтому нижеподписавшійся полагаетъ своимъ долгомъ предупредить генеральную конфедерацію, что онъ выдастъ приказаніе секвестровать по-

средствомъ войска е. и. в. имѣнія тѣхъ пановъ, которые такъ явно выказываютъ свои непріязненныя намѣренія, печатая и разсылая свои протестаціи, а затѣмъ, такой же секвестръ постигнетъ имѣнія всѣхъ тѣхъ гг. членовъ генеральной конфедераціи, которые осмѣлятся выступить съ протестомъ противъ деклараціи союзныхъ государствъ. Нижеподписавшійся считаетъ себя въ-правѣ требовать отъ конфедераціи, чтобы, за непріязненныя чувствованія г. Валевскаго, который до сихъ поръ не имѣлъ вліянія на дѣла генеральной конфедераціи и Рѣчи-Посполитой, и не держалъ маршальскаго жезла иначе, какъ будучи первымъ по ряду, а не по выбору въ эту должность, немедленно отнятъ былъ у него маршальскій жезлъ и отданъ тому, кто держалъ его передъ тѣмъ. Это самое незначительное удовлетвореніе, о которомъ проситъ нижеподписавшійся, за подобные поступки, такъ явно клонящіеся ко введенію въ заблужденіе слабыхъ умовъ, къ возбужденію смутъ и къ произведенію новыхъ несчастій для страны, для которой приближается время возрожденія и новой конституціи, ожидаемой отъ мудрыхъ трудовъ какъ генеральной конфедераціи, такъ и наступающаго сейма».

Нота эта подана была 20-го апрѣля вмѣстѣ съ другою нотою, гдѣ требовалось отъ конфедераціи секвестрованіе имѣній, принадлежащихъ тѣмъ, которые, будучи виновниками конституціи 3-го мая, до сихъ поръ упорствуютъ въ своемъ революціонномъ духѣ и, находясь въ Лейпцигѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, не перестаютъ, посредствомъ интригъ и козней, возбуждать вредный демократическій духъ.

Въ засѣданіи конфедераціи 20-го апрѣля господствовалъ большой раздоръ. Литовская половина, руководимая Коссаковскими, готова была оказать всяческую покорность волѣ россійскаго посла и потому согласилась на возстановленіе упраздненнаго въ 1789 году Постояннаго Совѣта. Коронная половина, разжигаемая Валевскимъ и Ржевускимъ, не

допускала этого. «Польша — говорилъ Валевскій—должна склониться подъ гнетомъ страшной силы, но мы, связанные присягой, не должны быть святотатцами. Пока у меня не отнято право вздыхать и заявлять о чистотѣ намѣреній моихъ, свидѣтельствуюсь передъ Богомъ, передъ вами, обыватели, и передъ цѣлымъ свѣтомъ, не дозволю никакого проекта, имѣющаго цѣлью возвращеніе Постояннаго Совѣта и всѣхъ учрежденій 1772 года, истиннаго источника нашихъ бѣдствій». Тогда была прислана приведенная выше нота Сиверса. Рѣшительный тонъ, показывавшій, что этотъ господинъ не желаетъ тянуть дѣлъ, заставилъ многихъ членовъ энергически воспротивиться протестующимъ. Буря поднялась большая, но кончилась, однако, тѣмъ, что Валевскаго стали покорно просить, и Валевскій оставилъ маршальскій жезлъ намѣстничества и передалъ его Антонію Пулавскому.

На другой день возобновленіе Постояннаго Совѣта было рѣшено; прежніе члены вступили въ прежнія обязанности, а на мѣсто тѣхъ, которые выбыли по какому-либо поводу, назначены новые [1]).

---

[1]) Виленскій воевода Михаилъ Радзивиллъ, коронный подскарбій Рохъ Коссовскій, королевскій секретарь Грановскій, паны: Свѣнтославскій, Модзелевскій, Храповицкій, Забѣлло, Юндзило, Юзефовичъ, Швейковскій, Мануцци, Ксаверій Валевскій; на третій день, 25-го апрѣля, прибавлены были слѣдующіе члены: Ѳеофилъ Залускій, Валицкій, Влодекъ, секретарь и шефъ канцеляріи иностранныхъ дѣлъ Тенгоборскій. Залускій и Тенгоборскій были помѣщены по рекомендаціи Игельстрома, и первый изъ нихъ вслѣдствіе любовной связи съ графинею Залуской, на которой Игельстромъ послѣ женился. Затѣмъ, за вакансіею маршала, Мнишекъ, маршалъ коронный, обязанъ былъ созвать прежнихъ членовъ Постояннаго Совѣта: плоцкаго епископа Шембека, жмудскаго Гедройца, троцкаго каштеляна Платтера, брестскаго воеводу Зиберга, сѣрадзьскаго каштеляна Бернадскаго, ленчицкаго каштеляна Липскаго; зарновскаго каштеляна Шидловскаго, сен-

Между тѣмъ Сиверсъ каждый день призывалъ короля изъ Бѣлостока. Онъ такъ силился убѣдить его, что написалъ ему письмо на девяти страницахъ, соглашался даже, чтобы король сидѣлъ въ Бѣлостокѣ и дожидался сейма, но пріѣхалъ бы на нѣсколько дней въ Гродно присутствовать на одномъ только засѣданіи Постояннаго Совѣта и подписать универсалы объ открытіи сеймиковъ и собранія сейма. Станиславъ-Августъ все еще увертывался подъ ничтожными предлогами; сперва къ нему въ Бѣлостокъ пріѣзжала депутація отъ конфедераціи, а потомъ король послалъ въ Гродно своего конюшаго Кицкаго, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы приготовить себѣ покои въ Гродно, наконецъ съ крайнимъ нежеланіемъ и стѣсненнымъ сердцемъ онъ прибылъ въ Гродно 22-го апрѣля.

Послѣ энергическихъ заявленій Сиверса, конфедерація не выступала болѣе съ протестаціями. 27-го апрѣля данъ отвѣтъ на ноту 9-го апрѣля. Въ началѣ этого отвѣта изъявлена была причина, почему конфедерація замедлила отвѣтомъ: она не надѣялась никогда услышать декларацію объ отторженіи провинцій Рѣчи-Посполитой, и потому находилась въ трудномъ положеніи соединить чувство страданія, возбужденное декларацією, съ долгомъ въ отношеніи союзныхъ дворовъ. Далѣе говорилось: «Генеральная конфедерація полагала, что предметъ отторженія отъ Рѣчи-Посполитой богатѣйшихъ областей не можетъ быть предметомъ сношеній и взаимныхъ объясненій, и декларація написана только для свѣдѣнія о томъ, что́ угодно было государствамъ присоединить подъ свою власть. Конфедераціи казалось, что никакая власть, и даже самихъ сей-

---

домирскаго каштеляна Попеля, варшавскаго каштеляна Соболевскаго, и пановъ старостъ: Осмяловскаго, Шидловскаго, Курженецкаго, Янковскаго, Дзержбицкаго, полковника Конарскаго, ленчицкаго подкоморія Стаховскаго, генералъ-маіора Валевскаго и польнаго литовскаго писаря Гелгуда.

мовъ не можетъ имѣть достаточной силы для отвращенія несчастій, упавшихъ на Рѣчь-Посполитую, поэтому конфедерація, присягнувъ разъ передъ Богомъ соблюдать цѣлость страны своей до наименьшихъ ея частей, не можетъ принимать участія въ этомъ дѣлѣ, ибо въ противномъ случаѣ на нее падало бы обвиненіе въ вѣроломствѣ. Но какъ въ нотѣ г. посла отъ 18-го апрѣля, сказано, что всѣ квитанціи, данныя войску ея императорскаго величества не иначе будутъ ликвидованы, какъ послѣ выдачи универсаловъ на чрезвычайномъ сеймѣ, то генеральная конфедерація поручила нижеподписавшимся (намѣстнику маршалковъ Антонію Пулавскому и Іозифу Забѣллѣ) именемъ ея заявить, что генеральная конфедерація свидѣтельствуетъ передъ Богомъ, сострадательными сосѣдними и союзными государствами, и предъ своимъ справедливымъ и безпристрастнымъ народомъ, что она не принимала участія въ раздѣлѣ Польши и чувствуетъ себя совершенно правою по отношенію къ средствамъ, которыя она принимала по силѣ законовъ, гарантированныхъ тѣми же государствами, именно: призывая вновь Постоянный Совѣтъ, не отдавшій еще отчета въ своей прошлой администраціи, назначая новыхъ членовъ на мѣсто умершихъ или выбывшихъ на законномъ основаніи для пополненія комплекта, установленнаго въ 1775 году, сообщая этому учрежденію достодолжную дѣятельность для удовлетворенія настоятельныхъ потребностей Рѣчи-Посполитой и представительства ея правленія».

Этотъ отвѣтъ не понравился Сиверсу: онъ желалъ другого, болѣе покорнаго, безъ всякихъ жалобъ, но императрица не велѣла ему сердиться и дозволяла полякамъ излить естественную въ ихъ положеніи скорбь объ ударѣ, постигшемъ ихъ отечество. Она требовала покорности, а не насилія чувствъ. Вслѣдъ затѣмъ, оба упрямца, Валевскій и Ржевускій, смирились, удовольствовавшись тѣмъ, что показали передъ всѣми свое мужество и патріотизмъ.

Валевскій произнесъ присягу на вѣрность императрицѣ, а Сиверсъ, все-таки не совсѣмъ довѣряя ему, обѣщалъ снять секвестръ съ его имѣній не ранѣе, какъ только тогда, когда окончатся сеймики. Ржевускій сложилъ съ себя званіе польнаго гетмана, объявилъ, что не будетъ участвовать ни на сеймикахъ, ни на сеймѣ, и удалится за границу. Сиверсъ не только приказалъ тотчасъ снять секвестръ съ его имѣній, но даже предлагалъ ему мѣсто канцлера. Ржевускій сказалъ, что не приметъ никакой должности и не станетъ вмѣшиваться въ политическія дѣла вообще.

Надобно было подписать универсалъ о созваніи сейма. Это была самая тяжелая минута для короля, этой минуты онъ такъ давно боялся; по мѣрѣ того, какъ она приближалась къ нему, онъ изнемогалъ духомъ. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, грустный и задумчивый, онъ пригласилъ къ себѣ Сиверса. Они обѣдали за маленькимъ столомъ, въ кругу королевской родни и самыхъ близкихъ особъ. Послѣ обѣда онъ позвалъ русскаго посланника въ свой кабинетъ и сталъ говорить о своихъ долгахъ, потомъ перешелъ къ своему положенію, къ своему стыду въ глазахъ всей современной Европы и потомъ сказалъ: «Ахъ, если бы мнѣ дозволили сложить корону! Долги меня безпокоятъ; я не столько забочусь о томъ, чѣмъ мнѣ жить, но долги—вотъ моя тягость; если бы только заплатили мои долги, и дали немного на содержаніе—я былъ бы доволенъ! Много найдется охотниковъ принять послѣ меня эту корону изъ рукъ ея императорскаго величества. Напишите объ этомъ императрицѣ, или позвольте написать мнѣ самому». Рѣчь его была длинна; нѣсколько разъ король прерывалъ ее и принимался за нее снова.

Сиверсъ сказалъ королю:

«Ея императорское величество совсѣмъ не желаетъ вашего отреченія; она уже сообщала объ этомъ въ первомъ

своемъ милостивомъ письмѣ, и мнѣ о томъ писала тоже нѣсколько разъ».

«Я знаю цѣну этого»,—сказалъ король, и продолжалъ свое:—«если не приметъ короны великій князь Константинъ, другихъ много найдется, которые примутъ этотъ подарокъ». Со злобою и презрѣніемъ онъ упомянулъ о Щенсномъ Потоцкомъ въ числѣ кандидатовъ на престолъ.

«Я увѣренъ,—сказалъ Сиверсъ,—что онъ не будетъ королемъ».

«Принцъ Виртембергскій,—продолжалъ король,—только не тотъ, котораго мы въ Польшѣ видѣли, или графъ д'Артуа? Говорятъ, они старались оба о коронѣ; но они оба не сдѣлаютъ Польшу счастливою».

«А саксонскій электоръ,—сказалъ Сиверсъ, очевидно испытывая его,—онъ не принялъ бы ее?»

«Онъ бы ее принялъ,—сказалъ король, — у него нѣтъ сыновей, но есть дочь, которую онъ любитъ и которая будетъ богата».

Сиверсъ показалъ суровый видъ и сказалъ: «этотъ князь не заслужилъ благоволенія государыни».

Король смутился, помолчалъ и сказалъ: «мнѣ не остается ничего—только отречься, лишь бы мои долги уплатили».

Сиверсъ сказалъ: «уплата можетъ уладиться, разумѣется съ пожертвованіями съ вашей стороны».

«Вы возьмете у меня экономіи?» сказалъ король.

«Да, ваше величество,—сказалъ Сиверсъ,—но онѣ приносятъ вашему величеству только половину доходовъ».

«А что же вы мнѣ оставите?» спросилъ король.

«Пять или шесть милліоновъ; изъ нихъ половина пойдетъ на уплату вашихъ долговъ. Думаю, дадутъ шесть милліоновъ. Если вы отречетесь отъ престола, вашему преемнику нечѣмъ будетъ жить, или уплата долговъ встрѣтитъ затрудненіе. Могли ли бы ваше величество жить въ уединеніи на полтора милліона?»

Король вдругъ повеселѣлъ. «Это 80 тысячъ червонцевъ! О, столько даже не нужно въ Римѣ или въ Неаполѣ». Онъ протянулъ дружески Сиверсу руку. «Ахъ, если бы вы могли это для меня сдѣлать, любезный посолъ», сказалъ онъ по-нѣмецки. «Поѣдемте въ Италію, тамъ будемъ счастливы!»

Но Сиверсъ какъ будто холодною водою облилъ его своимъ сухимъ дѣловымъ тономъ. Король просилъ его писать къ императрицѣ объ отреченіи. «Хорошо,—сказалъ холодно посолъ,—я напишу, но знаю, что это напрасно».

Изъ этого разговора съ королемъ Сиверсъ тотчасъ вывелъ заключеніе, и донесъ императрицѣ, что, вѣроятно, король сносится съ эмигрантами, находящимися въ Дрезденѣ, и ему обѣщаютъ какую-нибудь пожизненную пенсію, если онъ отречется въ пользу саксонскаго электора.

Изготовленный универсалъ о созваніи сеймиковъ поданъ былъ королю 3-го мая. Нарочно ли выбрали этотъ день, или такъ неумышленно случилось, какъ увѣряетъ Сиверсъ, только для короля это обстоятельство увеличило скорбь. Въ тотъ самый день, который такъ недавно думали праздновать на вѣчныя времена, какъ день независимости и обновленія Польши, въ этотъ самый день король первый невольно долженъ былъ подымать топоръ на свое отечество. Станиславъ-Августъ обливался слезами, когда подписывалъ. Приступъ въ этомъ универсалѣ былъ таковъ:

«Нѣтъ надобности и причины распространяться о настоящемъ положеніи нашего отечества во всѣхъ отношеніяхъ, не хотимъ умножить скорби собственнаго сердца и вашей, почтенные обыватели, мы обращаемся къ нашимъ соотечественникамъ, для которыхъ опубликованное въ печати не составляетъ тайны».

Извѣщалось, что возобновленный конфедераціею Постоянный Совѣтъ призналъ за благо поручить королю со-

брать сеймъ въ Гродно, и потому шляхетство призывалось на сеймики 27-го мая, а сеймъ въ Гродно назначался 17-го іюня.

Страданія короля усилились послѣ этого шага, и онъ написалъ императрицѣ письмо въ такихъ выраженіяхъ: «Тридцать лѣтъ труда, въ которыя я, желая всегда дѣлать добро, долженъ былъ бороться съ несчастіями всякаго рода, привели меня, наконецъ, къ безнадежности служить отечеству съ пользою, и исполнять мою обязанность съ честью. Настоящія обстоятельства таковы, что мой долгъ возбраняетъ мнѣ всякое личное участіе въ мѣрахъ, ведущихъ къ разрушенію Польши. Я желаю оставить должность, которую мнѣ невозможно исполнять съ достоинствомъ, предоставляя болѣе счастливому тотъ тронъ, который и безъ того черезъ нѣсколько лѣтъ мои годы и болѣзни сдѣлаютъ вакантнымъ».

III.

Мѣры Сиверса къ устройству сейма.—Открытіе гродненскаго сейма.

До открытія сеймиковъ, Сиверсъ принялъ мѣры къ тому, чтобы выборъ палъ на такихъ пословъ, которые бы могли подписать все, что имъ прикажутъ. Два сильнѣйшихъ двигателя приведены были въ дѣйствіе для этой цѣли: подкупъ и страхъ. Около Сиверса были паны, получавшіе отъ Россіи жалованье за свои услуги и деньги для подкупа пословъ. Этимъ панамъ поручалось вести выборы. Эта обязанность въ Литвѣ была повѣрена Коссаковскимъ. Епископъ получилъ на выборы 4,000 червонцевъ. Онъ просилъ восемь, но Сиверсъ напомнилъ ему, что онъ уже и безъ того получаетъ черезчуръ много, именно 50,000 руб. годоваго дохода съ краковскаго епископства. Трехъ братьевъ Коссаковскихъ глубоко презиралъ

Сиверсъ и не довѣрялъ имъ. Онъ боялся, что они могутъ, при случаѣ, измѣнить ему изподтишка. Другой агентъ въ Литвѣ былъ исправлявшій должность литовскаго маршала въ конфедераціи, Забѣлло, человѣкъ глубоко безнравственный, эгоистъ, грабитель казеннаго и частнаго достоянія, творецъ разныхъ мерзостей, коварный и безстыдный; пользуясь своимъ значеніемъ, онъ съ корыстными цѣлями уничтожалъ приговоры судовъ, назначалъ по разнымъ дѣламъ коммиссіи, производившія большія несправедливости. Онъ ограбилъ собственнаго брата и даже мать свою, которая по этому поводу подала на него жалобу. Самъ Сиверсъ, чтобы прекратить такого рода насилія, дозволяемыя себѣ вліятельными членами конфедераціи, запретилъ конфедераціи безъ своего позволенія устроивать сходки и назначать коммиссіи. Этого-то человѣка съ самою дурною репутаціею Сиверсъ употребилъ для выборовъ и давалъ ему, кромѣ того, по 1000 червонцевъ въ мѣсяцъ, но не довѣряя ему, объявилъ, что будетъ не додавать ему жалованье, какъ только онъ позволитъ себѣ какія-нибудь уловки, не заслуживающія одобренія посланника. Пулавскій, назначенный маршаломъ конфедераціи, получилъ отъ Сиверса 1000 червонцевъ платы въ мѣсяцъ и кромѣ того взялъ двѣ тысячи для выборовъ на Волыни, пятьсотъ на выборы въ Холмѣ, да сверхъ того тысячу восемьсотъ червонцевъ на десять пословъ, и тысячу червонцевъ на издержки своего путешествія. Міончинскій и Анквичъ, маршалъ Постояннаго Совѣта, поѣхали въ краковское и сендомирское воеводства; имъ Сиверсъ далъ 1,500 червонцевъ, а 3,000 червонцевъ они получили отъ Игельстрома для той же цѣли. Анквичъ былъ выбранъ люблинскимъ посломъ, и за это, какъ и за направленіе сеймика, получилъ особенно тысячу пятьсотъ червонцевъ. Оба, кромѣ того, получали по 1,500 червонцевъ въ мѣсяцъ. Изъ получавшихъ тогда жалованье и руководившихъ выборами, большую роль

игралъ Ожаровскій; онъ получалъ между 500 и 1000 червонцевъ въ мѣсяцъ, и сверхъ того ему дали на выборы 1000 червонцевъ. Этотъ человѣкъ былъ очень облагодѣтельствованъ отъ Россіи, получалъ жалованье издавна, еще при Штакельбергѣ и Булгаковѣ, а теперь ему дали званіе коменданта Варшавы, приносившее ему 24,000 злот. годового дохода. По сложеніи гетманства Ржевускимъ, его назначили гетманомъ. Несмотря на свои огромныя средства, онъ жилъ такъ роскошно, что былъ весь въ долгахъ, сумма которыхъ доходила до 30,000 червонцевъ.

Маршаломъ предстоявшаго сейма предназначался Билинскій, человѣкъ развратный, игрокъ и плутъ. Сиверсъ смотрѣлъ на него какъ на орудіе, на все готовое, давалъ ему 1000 черв. въ мѣсяцъ, и сверхъ того 2,500 на открытіе сейма. Кромѣ этихъ, работали надъ сеймиками Оссолинскій въ Подлясьѣ, получавшій 500 черв., Залускій, Понинскій и другіе, менѣе значительные. Прусскій посолъ обязанъ былъ давать за Пруссію, какъ Сиверсъ за Россію. У Игельстрома въ распоряженіи было 10,000 черв., сумма, предназначенная для той же цѣли. Его обязанностью было разослать отряды русскихъ войскъ въ тѣ мѣста, гдѣ будутъ отправляться сеймики. Порядокъ въ этомъ случаѣ былъ таковъ: прежде раздавали деньги шляхтѣ, которая должна была съѣзжаться на сеймики, суммы на это выходили небольшія: кому десять, кому двадцать червонцевъ. Имъ приказывалось заранѣе выбрать маршаломъ сеймика такого-то, и послѣднему давали 500 червонцевъ. На сеймикахъ не дозволяли читать ничего такого, что́ бы могло волновать, и не допускали разсужденій. Получившая чужія деньги шляхта, угрожаемая русскими штыками, которые видѣла во-очію, избирала такихъ пословъ, какихъ указывалъ посланный агентъ-полякъ, и избранному послу назначали жалованье: размѣръ его былъ различенъ, смотря по достоинству того, кому давали; были послы, что получали по 500 черв.

въ мѣсяцъ, другіе менѣе, даже по сту, но всего выходило со стороны Россіи среднимъ числомъ червонцевъ по 200 на каждаго посла въ мѣсяцъ. Въ Литвѣ подъ ферулою Коссаковскаго и Забѣлла на каждаго посла приходилось также по 200 черв. Кромѣ того Сиверсъ обѣщался нѣкоторыхъ содержать на русскій счетъ во время пребыванія на сеймѣ. Въ такомъ способѣ не было ничего новаго или необычнаго въ Польшѣ. Игельстромъ употреблялъ ту же систему двадцать слишкомъ лѣтъ назадъ, да и безъ вліянія иностраннаго дѣлалось такъ изстари предъ каждымъ сеймомъ, только тогда вліятельные паны дѣлали то же самое, что теперь дѣлали Россія и Пруссія. Для большей безопасности, по приказанію Сиверса, генеральная конфедерація издала 11-го мая санциту (распоряженіе), чтобы не допускать на сеймикахъ къ участію не только тѣхъ, которые не отступились отъ конституціи 3-го мая, но даже и такихъ, которые прежде заявляли какъ-нибудь похвалы этой конституціи, или впослѣдствіи осуждали дѣянія генеральной конфедераціи.

Около Сиверса составился кружокъ сотрудниковъ. Такимъ былъ маршалъ Рачинскій, человѣкъ издавна получавшій отъ Россіи жалованье еще во времена Штакельберга, продажный и безнравственный во всѣхъ отношеніяхъ, но умный и работящій. Другой его товарищъ въ дѣлахъ былъ Мошинскій, внукъ короля Августа. Никто не могъ укорять его, чтобы онъ бралъ когда-нибудь жалованье отъ иностранныхъ дворовъ, или кривилъ душою для выгоды. Онъ служилъ прежде въ скарбовой коммиссіи и считался, а еще болѣе самъ себя считалъ великимъ финансистомъ. Во время конституціи 3-го мая, онъ призналъ ее и произносилъ ей похвалы; при появленіи тарговицкой конфедераціи, уѣхалъ въ Дрезденъ съ Малаховскимъ и Коллонтаемъ, но тамъ пожалѣлъ объ имѣніяхъ, которыя конфедерація хотѣла секвестровать, воротился въ отечество, при-

сталъ къ конфедераціи и поддѣлался къ Сиверсу. У него въ земляхъ, отходившихъ къ Россіи, было двадцать пять тысячъ душъ крестьянъ, и расположеніе къ Россіи этого Аристида, какимъ онъ самъ себя выставлялъ, вполнѣ понятно. Русскій посланникъ любилъ его. Вдвоемъ съ Рачинскимъ, они состряпали конституцію для Польши и толковали о разныхъ улучшеніяхъ, въ томъ числѣ о каналахъ и путяхъ сообщеній, а это былъ, такъ сказать, любимый конекъ Сиверса. Составляя съ ними проекты, онъ посылалъ ихъ Екатеринѣ, но государыня не отвѣчала на нихъ вовсе, и когда наконецъ, какъ видно, они ей надоѣли, приказала отложить занятія конституціей на будущее время. Прозорливая Екатерина уже не считала возможнымъ существованіе самостоятельной Польши на дальнѣйшее время. Дни ея были сочтены въ умѣ государыни; поэтому-то она и не обращала вниманія на то, что̀ охотникъ до преобразованій и учрежденій, бывшій новгородскій губернаторъ, съ такою наивною довѣрчивостію и добродушною болтовнею присылалъ ей. Въ числѣ лицъ, на которыхъ разсчитывалъ Сиверсъ, были тогда люди, занимавшіе правительственныя мѣста. Мѣсто канцлера, по выходѣ Малаховскаго, Сиверсъ далъ князю Антонію Сулковскому, котораго имѣнія лежали въ областяхъ земель, отходившихъ къ Пруссіи. Этотъ панъ съ молодыхъ лѣтъ уже служилъ тайно Россіи, но Сиверсъ увѣренъ былъ, что онъ способенъ всегда измѣнить Пруссіи для Россіи, вообще же мало довѣрялъ ему. Епископъ Масальскій издавна извѣстенъ былъ какъ вѣрный и постоянный слуга Россіи. Любитель веселаго житья, хорошаго вина, женщинъ и игры, славный издавна своими пирами, Масальскій въ Гродно долженъ былъ служить Россіи тѣмъ, чтобы кормить, поить и забавлять въ своемъ домѣ пословъ и настроивать ихъ въ такомъ духѣ, какой нуженъ былъ Сиверсу и Бухгольцу.

Изъ другихъ пановъ, окружавшихъ Сиверса, два под-

скарбія, Дзѣконскій и Огинскій были въ распоряженіи русскаго посланника; первый, приверженецъ короля, человѣкъ уклончивый, обращавшійся на сторону Россіи потому, что это была сила болѣе всякой другой внушавшая страха; второй — сторонникъ конституціи 3-го мая, ради своихъ имѣній, отходившихъ къ Россіи, пріставшій притворно къ конфедераціи, ѣздившій для спасенія этихъ имѣній въ Петербургъ, поклонами Зубову выхлопотавшій себѣ должность въ Польшѣ по указу Екатерины, и постоянно показывавшій себя въ двухъ лицахъ: между патріотами онъ говорилъ, что дѣйствуетъ по неволѣ, передъ Сиверсомъ и русскими разыгрывалъ полезнаго для Россіи человѣка. Къ этому разряду пановъ, увивавшихся около русскаго посла, слѣдуетъ отнести и богатаго Людовика Тышкевича, котораго прочили въ литовскіе маршалы для будущаго сейма. За нимъ слѣдуютъ члены Постояннаго Совѣта: Юзефовичъ, Мечковскій, Модзелевскій, Швейковскій, Гелгудъ, Пляттеръ, Тенгоборскій, Лопота, Высоцкій, Валицкій и пр.,—всѣ до поры до времени ради своихъ имѣній готовы были поклоняться тому божеству, отъ котораго зависѣли ихъ маетности. Надобно замѣтить, что тогда не только полученіе жалованья отъ русскаго посланника и надежды на личныя выгоды отъ императрицы наклоняли многихъ къ Россіи; были люди, которымъ надоѣли безпрестанныя неустройства и безвыходныя смуты польской Рѣчи-Посполитой, люди, которые перестали надѣяться на что-нибудь въ будущемъ для нея и приходили къ убѣжденію, что при соединеніи съ Россіею будетъ болѣе спокойствія. Изъ двухъ золъ предпочитали меньшее. Всѣ тогда готовы были идти лучше подъ власть Россіи, чѣмъ Пруссіи. Отъ этого холмская земля добровольно обратилась къ Екатеринѣ и просила принять ее подъ свою власть.

«Если намъ — писано въ ея прошеніи—суждено неизбѣжно отпасть отъ тѣла Рѣчи-Посполитой, то мы хотимъ

подъ кроткимъ господствомъ вашего императорскаго величества пользоваться свободою наравнѣ съ другими новозанятыми краями». Императрица приказала Сиверсу (отъ 15-го іюня) благодарить шляхту холмской земли за такое желаніе и, призвавши холмскихъ пословъ, объявить имъ, что, оставляя ихъ землю въ составѣ Рѣчи-Посполитой, она будетъ ихъ охранять отъ дурныхъ событій, которыхъ они боятся, и стараться о благоденствіи Рѣчи-Посполитой, которой они всегда будутъ принадлежать».

Въ такомъ разложеніи, до какого достигала Польша, дѣлившія польскую державу государства были въ то же время охранителями дворянскихъ правъ и даже жизни дворянъ. Давняя ненависть южно-русскаго народа на Волыни и на Украинѣ постоянно готова была вспыхнуть, какъ бывало въ прежнія времена: только русскія войска удерживали народъ отъ бунтовъ, и не только въ этой заповѣдной странѣ ненависти къ ляхамъ, даже въ коренной Польшѣ прорывалась долго сдерживамая злоба простого народа къ дворянству. Въ странѣ, занятой пруссаками, началось волненіе между крестьянами; подданные не хотѣли слушаться пановъ своихъ, не шли на работы, требовали вольности, подавали на имя прусскаго короля жалобы на утѣсненія своихъ пановъ, такъ что паны прибѣгли съ просьбой къ Меллендорфу, принудить непокорныхъ къ работѣ войскомъ. Меллендорфъ отъ королевскаго имени отвѣтилъ крестьянамъ, чтобы они оставались въ послушаніи панамъ до тѣхъ поръ, пока не наступитъ новое устройство области и королевскій судъ не разберетъ ихъ жалобъ, а обывателямъ—вмѣнялъ въ обязанность не раздражать крестьянъ и не облагать ихъ повинностями болѣе того, сколько они отбывали прежде.

Казалось бы, съ такою обстановкой и въ такихъ условіяхъ, дѣло Сиверса должно было пойти какъ по маслу, и дѣйствительно, все давало поводъ надѣяться, какъ и

надѣялся Сиверсъ окончить свою работу присоединенія областей какихъ-нибудь недѣли въ двѣ. Послы съѣхались въ Гродно; Сиверсъ давалъ на шестьдесятъ пословъ одинъ за другимъ обѣды, нанималъ для нихъ черезъ своего агента Боскампа квартиры и экипажи. Къ 17-му іюня большая часть ихъ заручена была полученнымъ жалованьемъ. Но тутъ оказалось, что довѣренные Сиверса, и особенно Коссаковскіе, провели его. Во-первыхъ, несмотря на всѣ предосторожности, прорвались въ число пословъ люди противныхъ убѣжденій, и даже участники бывшаго сейма; во-вторыхъ, изъ получившихъ русскія и прусскія деньги, нашлось не мало такихъ, которые, поживляясь на счетъ дѣлившихъ Польшу державъ, въ то же время сочли удобнымъ поиграть въ патріотизмъ, поступая такъ, чтобы, какъ говорится, и козы были цѣлы, и волки сыты. Отъ этого суть дѣла хотя не испортилась, хотя предотвратить грозящей бѣды для Рѣчи-Посполитой ея представители не были въ состояніи, но они могли тянуть время, строить козни, интриговать, лукавить, выдумывать недоумѣнія и вообще ставить посланникамъ подъ ноги бревна, и черезъ то самое затруднять ихъ и приводить въ досаду. Въ этомъ и состоитъ исторія этого сейма, послѣдняго сейма Рѣчи-Посполитой.

На первомъ же засѣданіи, при открытіи сейма, началась буря. Сеймы въ Польшѣ открывались маршаломъ прошедшаго сейма, но таковаго тогда не было, и этотъ сеймъ открылъ маршалъ Постояннаго Совѣта Анквичъ, бывшій въ то же время краковскимъ посломъ, а это званіе давало ему старшинство между прочими послами. Избраны были, по желанію Сиверса, единогласно маршаломъ сейма, короннымъ Билинскій и литовскимъ Тышкевичъ. Тутъ возникъ вопросъ. Еще не бывало въ Польшѣ, чтобы собирался сеймъ при нераспущенной конфедераціи. Какъ надобно было присягать? Анквичъ обратился съ этими

вопросами къ конфедераціи, и конфедерація прислала формулу присяги, въ которой внушали сейму обязанность зависѣть отъ конфедераціи и слушаться ея, засѣданія открывать при закрытыхъ дверяхъ, безъ арбитровъ или свидѣтелей, и не прибѣгать при рѣшеніи дѣлъ къ баллотировкѣ. Противъ этого поднялись голоса. «Что это,—кричали многіе послы, — конфедерація предписываетъ намъ законы; вѣдь сеймъ выше всѣхъ конфедерацій». Первое засѣданіе не кончилось ничѣмъ.

Собрались на другой день—опять шумъ, крики. Когда маршалъ Билинскій подошелъ цѣловать крестъ и хотѣлъ произносить присягу, толпа недовольныхъ членовъ вырвала у него распятіе. Въ залу впустили постороннихъ; они шумѣли противъ конфедераціи. Одни послы кричали, чтобы посторонніе ушли; другіе требовали, чтобы посторонніе оставались въ залѣ. Такъ продолжалось нѣсколько часовъ. Всѣ кричали, никто никого не слушалъ. На третій день— та же сцена. Между тѣмъ по польскимъ обычаямъ, было такъ, что если двѣ Избы, сенаторская и посольская, не сойдутся вмѣстѣ на третій день сейма, до заката солнца, то сеймъ считается прерваннымъ. Сиверсъ, которому обо всемъ доносили, подозрѣвалъ, что здѣсь можетъ быть такъ дѣлается съ хитростью, затѣмъ, чтобы прекратить сеймъ, заставить собирать другой, и тѣмъ самымъ тянуть время: онъ послалъ русскаго генерала Раутенфельда арестовать тѣхъ членовъ, которые кричали и не давали маршалу присягать. То были Шидловскій, князь Адамъ Понинскій, Выгановскій, Блешинскій, Раковскій, Служевскій, Микорскій и Карскій. Послѣдній убѣжалъ къ королю въ его переднюю; генералъ выманивалъ его оттуда, подъ предлогомъ приглашенія обѣдать, но онъ упрямился и не выходилъ. Когда не стало въ залѣ всѣхъ этихъ крикуновъ, велѣно было удалить всѣхъ постороннихъ, и тогда маршалъ сейма произнесъ присягу по формѣ, присланной кон-

федераціей, но съ тою разницею, что присягалъ слушать не конфедерацію, а собранныхъ чиновъ Рѣчи-Посполитой. Затѣмъ обѣ Избы соединились, и всѣ были поражены бѣдностью числа лицъ въ сенаторской Избѣ; кромѣ министровъ Тышкевича, Дзѣконскаго, Огинскаго, Мнишка, гетмана Коссаковскаго, Сулковскаго, Пляттера, было только три сенатора, именно: епископъ Коссаковскій, его братъ виленскій воевода и Суходольскій. Отъ этого нельзя было даже соблюсти обычной при этомъ формы, по которой король долженъ былъ назначить нѣсколько сенаторовъ для приглашенія посольской Избы къ соединенію съ сенаторскою. По соединеніи Избъ, новоизбранный маршалъ произнесъ рѣчь, въ которой постарался елико возможно обругать предшествовавшій сеймъ и назвалъ его виновниковъ бездны золъ, въ которую упала Рѣчь-Посполитая.

На слѣдующемъ послѣ того засѣданіи — опять новое недоумѣніе. Въ залу нашли посторонніе. Нѣкоторые послы, опираясь на то, что конфедерація приказывала держать засѣданія безъ арбитровъ, требовали ихъ выхода; другіе хотѣли, чтобы они оставались, потому что по прежнимъ обычаямъ всегда допускались арбитры, исключая тѣхъ засѣданій, когда разсматривались особой важности политическіе предметы. Маршалъ литовскій Тышкевичъ поддерживалъ право присутствовать арбитрамъ, ради большей пышности и блеску. Билинскій настаивалъ, чтобы они вышли, такъ какъ наступаютъ разсужденія такого рода, которыя и по прежнимъ обычаямъ обходились безъ свидѣтелей. Посторонніе должны были уйти. Тышкевичъ, послѣ того, получилъ отъ Сиверса строгое внушеніе.

По уходѣ постороннихъ были представлены сейму ноты обоихъ посланниковъ, Сиверса и Бухгольца, съ предложеніемъ сейму въ самомъ началѣ заняться содержаніемъ деклараціи 9-го апрѣля, «чтобы облегчить исполненіе этого неизбѣжно-необходимаго дѣла, —сказано было въ нотахъ, —

которое должно возвратить въ возможно-скоромъ времени спокойствіе Рѣчи-Посполитой и установить въ то же время спасительный и угодный націи образъ правленія, нижеподписавшійся проситъ собранныхъ членовъ безотлагательно назначить делегацію съ достаточнымъ полномочіемъ, съ которою онъ могъ бы войти въ совѣщанія и заключить окончательно трактатъ на основаніи означенной деклараціи, каковый окончательно будетъ ратификованъ впослѣдствіи королемъ съ сеймомъ».

Всталъ король и сказалъ: «Я приступилъ къ генеральной конфедераціи, гарантированной императрицею, только потому, что актъ ея увѣрилъ меня въ цѣлости и независимости Рѣчи-Посполитой. Я не могу никакъ освободить себя отъ обязательствъ принятыхъ при моемъ приступленіи къ конфедераціи, и рѣшился ни подъ какимъ видомъ не подписывать какого бы то ни было трактата, который имѣетъ цѣлью лишить Рѣчь-Посполитую хотя бы самой малѣйшей части ея владѣній; надѣюсь, что и члены сейма, связанные тою же клятвою, съ удовольствіемъ послѣдуютъ моему примѣру. Дадимъ на присланныя ноты отвѣтъ въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ и представимъ сильные и убѣдительные доводы, которые бы могли произвести возвращеніе намъ занятыхъ земель, въ надеждѣ, что мудрость и великодушіе ихъ величествъ россійской императрицы и прусскаго короля признаютъ, что наша нація не дала никакихъ поводовъ къ такому поступку».

Эта рѣчь принята была съ видимымъ восторгомъ; даже и тѣ, которые видѣли здѣсь препятствіе къ скорѣйшему успѣху дѣла, за которое имъ платили деньги, находили нужнымъ показать свой патріотизмъ.

На слѣдующій день, 21-го іюня, въ началѣ засѣданія возникъ вопросъ, слѣдуетъ или нѣтъ допускать къ засѣданіямъ арбитровъ. Актъ, — говорили нѣкоторые послы, — который послужилъ поводомъ къ удаленію арбитровъ, не

есть подлинный актъ генеральной конфедераціи, а только его копія, и потому вопросъ еще не рѣшенъ. Анквичъ и Ожаровскій говорили за легальную силу этой копіи. Вдругъ Тышкевичъ объявилъ: «я согласился на удаленіе арбитровъ во вниманіе къ обстоятельствамъ прошлаго засѣданія, а соображаясь съ закономъ, я не вижу ничего чтȯбы уполномочивало насъ на ихъ удаленіе». Тотчасъ на галереяхъ, куда успѣли проникнуть посторонніе, раздались рукоплесканія. Но со стороны противной партіи, между послами, раздались крики неодобренія, негодованія: видѣли въ этомъ даже опасный якобинизмъ. Стали потомъ разсуждать объ отвѣтѣ. «Намъ, говорили нѣкоторые, слѣдуетъ просить ея императорское величество русскую императрицу и короля прусскаго отложить ихъ намѣреніе учинить новый раздѣлъ Польши; послѣ 1775 г., когда произошелъ первый раздѣлъ владѣній Польши, былъ гарантированъ договоръ съ Польшею; Польша не сдѣлала ничего такого, чтȯ бы могло считаться нарушеніемъ договора съ ея стороны. Въ декларація императрицы 18-го мая 1792 г. не угрожали намъ раздѣломъ; спросимъ же, по крайней мѣрѣ, императрицу, чѣмъ именно Польша навлекла на себя несчастіе». Янковскій, посолъ сендомирскій, прибавилъ къ этому, что слѣдуетъ, кромѣ того, обратиться къ нѣмецкому императору, къ Англіи, Швеціи и другимъ государствамъ, съ просьбою о ходатайствѣ съ ихъ стороны предъ россійскою императрицею и прусскимъ королемъ, а для этого послать особыхъ пословъ, но какъ оказалось, что финансовыя средства для содержанія такихъ пословъ недостаточны, то рѣшили ограничиться тѣмъ, что обратиться съ такими вопросами къ посламъ иностранныхъ государствъ, находящимся въ Польшѣ. Къ посланникамъ составили ноту уклончиваго свойства. Въ ней между прочимъ говорилось: «декларація 9-го апрѣля, гдѣ упоминается о съуженіи границъ Рѣчи-Посполитой,

никакъ не была понята чинами въ смыслѣ акта, извѣщающаго о безповоротномъ отобраніи провинцій и послѣдовавшія распоряженія, вытекавшія отсюда, считались дѣломъ второстепенныхъ властей, а не выраженіемъ воли государыни, которой великодушіе и чувствованія превышаютъ ея могущество»; сеймъ извѣщалъ, что онъ не имѣетъ достаточной власти отдѣлять отъ республики какія бы то ни было ей принадлежащія земли и всякая подобнаго рода уступка не будетъ имѣть законной силы. Въ заключеніе просили посланниковъ яснѣе выразить предметъ обсужденій требуемой делегаціи. Все это только протягивало время; чтобы еще болѣе протянуть его, новые члены требовали изложить сейму состояніе финансовъ, другіе—состояніе политическихъ дѣлъ въ Европѣ.

Но Сиверсъ не далъ долго задумываться сейму, и 13-го (24-го) іюня отправилъ снова ноту, гдѣ выразился, что онъ, сообразно своей инструкціи, по неизмѣннымъ намѣреніямъ ея величества императрицы, не можетъ входить въ разсужденія о предметѣ декларацій, а потому вторично требуетъ безотлагательнаго назначенія делегаціи съ полномочіемъ для заключенія договора въ смыслѣ декларацій 9-го апрѣля. Почти дословно такую же ноту послалъ и Бухгольцъ.

IV.

Дѣло о назначеніи делегаціи для подписи договора съ Россіей. — Увертки сейма.—Энергическія мѣры Сиверса. — Назначеніе делегаціи.—Уступка Россіи земель.

Послѣ этого прошло три дня въ продолжительныхъ засѣданіяхъ и толкахъ о назначеніи делегаціи. Маршалъ сейма Билинскій былъ того мнѣнія, чтобы назначить делегацію по предписанію посланниковъ и исполнить ихъ волю. Поддерживая его, Ожаровскій говорилъ: «Назначе-

ніе делегаціи есть единственное средство, которое намъ осталось, чтобы дать Польшѣ спокойствіе, а потому слѣдуетъ выбрать делегацію и теперь же дать инструкцію». За безусловное послушаніе волѣ посланниковъ говорили послы: равскій Влодекъ, краковскій Анквичъ, люблинскіе Залѣскій и Міончинскій, закрочимскій Виламовскій, но противъ нихъ поднялъ протестъ цѣлый кружокъ рьяныхъ пословъ, между которыми отличались сендомирскіе Блешинскій, Гославскій и Случевскій, черниховскій Голинскій, вышегродскій Микорскій, рожанскіе Цѣмневскій и Модзолевскій. Они кричали, что не допустятъ назначенія делегаціи и стоятъ за поданный проектъ ихъ товарища Янковскаго, состоявшій въ томъ, чтобы, не входя въ требуемыя посланниками объясненія, назначить пословъ къ императрицѣ, королю прусскому, и просить ихъ отмѣнить раздѣлъ Польши, а вмѣстѣ съ тѣмъ отправить и къ другимъ дворамъ просьбу о ходатайствѣ предъ императрицею, въ особенности же къ императору. Канцлеры, по прежнему приговору сейма уже писали къ находившимся въ Варшавѣ иностраннымъ министрамъ, австрійскому, голандскому, шведскому, англійскому и къ папскому нунцію, но получили отъ нихъ короткія записки, гдѣ не было ничего, кромѣ дружескихъ чувствъ и обѣщаній сообщить своимъ дворамъ, что слѣдуетъ. Это естественно показалось Избѣ недостачнымъ. Главное, хотѣли какъ бы то ни было протянуть время и думали, что вмѣшательство другихъ дворовъ затянетъ вопросъ, и отдалитъ его роковое разрѣшеніе. Лидскій посолъ Александровичъ говорилъ: «Европейскіе дворы не могутъ оставаться равнодушными къ судьбѣ Польши въ виду того чрезвычайнаго могущества, какое пріобрѣтаютъ двѣ союзныя державы, нарушая равновѣсіе». Увлекаясь порывами краснорѣчія, онъ обратился къ королю и восклицалъ: «веди насъ, наияснѣйшій государь, и мы всѣ за тобою!» Холмскій епископъ Скаржевскій объ-

являлъ, что на основаніи религіи, насильственная присяга, произнесенная жителями отобранныхъ провинцій, недѣйствительна. Но маршалъ сейма не допустилъ проектъ Янковскаго къ голосованію, несмотря на сильную бурю противъ себя: въ особенности отличался рѣзкимъ тономъ противъ Билинскаго Микорскій. Холмскій посолъ Куницкій, казавшійся расположеннымъ къ Россіи, допускалъ только съ нею, а никакъ не съ Пруссіею, вступать въ переговоры, и говорилъ: «надобно на нѣсколько мѣсяцевъ отсрочить сеймъ; можетъ быть въ это время случится какая-нибудь благопріятная для насъ перемѣна».

Епископъ Коссаковскій принялъ на себя роль примирителя обѣихъ крайностей. представлялъ, что можно соединить оба проекта во-едино. «Надобно — говорилъ онъ — обратиться къ иностраннымъ дворамъ, но незачѣмъ посылать особыхъ пословъ: это ввело бы насъ въ издержки; достаточно сообщить наши просьбы посредствомъ нашихъ министровъ, находящихся при иностранныхъ дворахъ. Между тѣмъ въ требованіи назначить делегацію, я не вижу ни малѣйшаго шага къ требованію уступокъ, иначе я бы самъ отвергъ его; но въ немъ не упоминается ни о полномочіи делегаціи, ни объ инструкціяхъ, какія слѣдуетъ дать членамъ делегаціи. Я думаю, очень опасно отвергать всякую возможность соглашенія, предлагаемаго намъ министрами дворовъ». Король принялъ это мнѣніе, произнесенное его личнымъ врагомъ, какимъ былъ всегда епископъ. Анквичъ, зная, какъ много значили для того общества, въ которомъ онъ находился, слова и фразы, предлагалъ, вмѣсто делегаціи, назвать ее депутаціею, иначе слово делегація напоминала ту делегацію, которая оставила по себѣ возмутительную память о первомъ раздѣлѣ. Коссаковскій подхватилъ эту мысль и повторялъ ее. Многихъ это обрадовало, казалось уже одна перемѣна названія на половину спасала Польшу. Мысль объ отдѣленіи трактата

съ Россіею отъ трактата съ Пруссіею, овладѣла мало-помалу большинствомъ Избы. Ярые противники всякаго трактата должны были умолкнуть предъ ясными доводами о крайней неизбѣжности. Ожаровскій говорилъ: «Европа достаточно видитъ, что мы, назначая депутацію, сдѣлали это по-неволѣ, а не по доброй волѣ; этого отъ насъ требуютъ вооруженною рукою, стало быть нельзя не исполнить требованія; русская сила можетъ насъ сломить въ одну минуту, и безразсудно было бы намъ безплоднымъ упрямствомъ причинять разореніе нашему отечеству».

Многіе изъ членовъ, Скирмонтъ (новогродскій), Случевскій (сендомирскій), Коссаковскій (ковенскій), Нарбутъ, Шишко (лидскіе) и другіе одинъ за другимъ говорили въ пользу соединенія съ Россіею. Рѣчистѣе всѣхъ былъ Нарбутъ. «Сознаемся, говорилъ онъ, что у Россіи есть причины жаловаться на Польшу; на послѣднемъ сеймѣ къ Россіи было мало уваженія, разорванъ былъ трактатъ о гарантіи; мы предпринимали противъ нея войну. Все это заслуживало, чтобы Рѣчь-Посполитая теперь прибѣгнула къ такимъ средствамъ, которыя бы заставили Россію забыть все прошедшее и привели къ истинному примиренію съ великодушною императрицею, которой дружба можетъ еще воскресить для Польши счастливые дни. Назначимъ же депутацію для заключенія вѣчнаго союза съ Россіею. Но совсѣмъ другое у насъ съ Пруссіею. Берлинскому кабинету мы одолжены всѣми настоящими несчастіями; онъ первый побудилъ Польшу разорвать гарантію Россіи и требовать очищенія краевъ Рѣчи-Посполитой отъ русскихъ войскъ, черезъ то ему удалось устроить недружелюбныя отношенія къ Россіи. Нынѣшнія притязанія прусскаго короля противны его дружественнымъ договорамъ съ Польшею, ибо онъ торжественно гарантировалъ ей цѣлость ея владѣній. Когда приписывали берлинскому двору проектъ присвоенія Гданска, его министры объявили намъ, что они

удивляются, какъ люди образованные, каковы члены сейма, могутъ вѣрить такимъ выдумкамъ. Теперь его величество прусскій король ввелъ въ Польшу войска подъ тѣмъ предлогомъ, будто польскія провинціи заражены якобинствомъ; но вѣдь онъ могъ увѣриться, что никакихъ якобинцевъ нѣтъ въ Польшѣ, и потому слѣдуетъ просить его прусское величество вывести свои войска изъ Польши». Древновскій (ломжинскій) говорилъ за переговоры и съ Пруссіею, указывая на то, что Россія дѣйствуетъ совмѣстно съ Пруссіею. Его сторону приняли послы мазовецкіе, потому что боялись Пруссіи: ихъ край прилегалъ къ захваченнымъ Пруссіею землямъ, и они могли ожидать, что, за сопротивленіе, прусскія войска войдутъ и станутъ разорять ихъ имѣнія. Послѣ многихъ споровъ, наконецъ, положили рѣшить дѣло голосованіемъ по вопросу: вести ли переговоры съ одной Россіей, или въ одно время и съ Пруссіей? Большинство голосовъ (107 противъ 24) рѣшило въ пользу того, чтобы ихъ вести съ одной Россіей. Изъ двадцати четырехъ противныхъ голосовъ двадцать были даны лицами самыми преданными Россіи, и послушными ей; они не хотѣли пристать къ большинству оттого только, что буквально слушались русскаго посланника.

Это непослушаніе, однако, могло быть, съ извѣстной стороны втайнѣ пріятно русскому послу; оно показывало, что поляки гораздо наклоннѣе къ Россіи, чѣмъ можно было предполагать; оно притомъ объяснялось бесѣдою съ Коссаковскимъ, которую велъ Сиверсъ наканунѣ этого дня.

Епископъ увѣрилъ русскаго посланника, что Литва и часть Короны готовы соединиться съ Россіею и совершенно отдаться въ подданство императрицѣ. «Лишь бы—говорилъ онъ — наши привилегіи были ненарушимы, повѣрьте, всѣ къ этому пристанутъ». —«Я—сказалъ Сиверсъ— въ этомъ отношеніи могъ бы заранѣе вамъ поручиться, что государыня оставила бы вамъ свободу избранія судей

и раскладки податей. Впрочемъ, я скажу вамъ, что въ Россіи повинности легче, чѣмъ въ Польшѣ, а что касается другихъ отношеній къ престолу, то льготы, которыя ея величество даровала своимъ подданнымъ, могутъ свидѣтельствовать о благости ея намѣреній».

Но когда, послѣ того, въ голосованіи одержало верхъ мнѣніе, показывавшее, что поляки предпочитаютъ Россію Пруссіи, Сиверсъ нашелъ его несогласнымъ съ оффиціальнымъ требованіемъ своего правительства и написалъ грозную ноту вмѣстѣ съ Бухгольцемъ. Впрочемъ, Сиверсъ, какъ нѣмецъ по происхожденію, не могъ по чувству через мѣру увлечься предпочтеніемъ, какое оказывали славяне славянамъ передъ нѣмцами, а какъ умный и проницательный человѣкъ, не могъ не видѣть хитрости за этимъ признакомъ дружелюбія. Поляки хватались за все, какъ утопающій за бритву. Они воображали, что можно будетъ затянуть въ дѣло иностранныя державы, устроить изъ польскаго вопроса обще-европейскій и передать его безконечной работѣ кабинетной дипломаціи; помышляли вмѣстѣ съ тѣмъ прельстить Россію надеждами овладѣть всею Польшею и поссорить ее съ Пруссіею. Такого рода хитрость была простодушна. Дѣло было рѣшено заранѣе, все разсчитано, и естественно, хитрость этого рода удаться не могла. Сиверсъ вмѣстѣ съ Бухгольцемъ 28-го іюня послали ноту, очень короткую, замѣчали неумѣстность видовъ отдѣлить интересы россійскаго двора отъ интересовъ прусскаго, взвѣшенные мудростью ихъ монарховъ, и объявляли, что только принятіе способа равныхъ отношеній къ обоимъ союзнымъ дворамъ можетъ привести сношенія къ счастливому окончанію и возвратить Польшѣ желанное спокойствіе.

Въ выходкахъ короля, въ особенности въ его рѣчи, въ которой онъ возбуждалъ сеймъ къ несогласію на добровольную уступку земель, Сиверсъ видѣлъ прямую измѣну и тотчасъ объявилъ наложеніе секвестра на всѣ королевскіе

и казенные доходы, да вмѣстѣ съ тѣмъ наложилъ секвестрацію на имѣнія литовскаго маршала Тышкевича, въ особенности за то, что онъ допускалъ постороннихъ, которые, по соображеніямъ Сиверса, способствовали патріотическимъ выходкамъ Избы. Онъ объявилъ, что не сниметъ секвестра до тѣхъ поръ, пока не составится требуемая делегація или депутація для трактата съ Россіею и Пруссіей въ томъ смыслѣ, въ какомъ хотѣлось союзнымъ дворамъ.

Когда, 28-го іюня, нота была прочитана на сеймѣ, люблинскій посолъ Міончинскій. состоявшій на жалованьи у Россіи, подалъ проектъ о назначеніи делегаціи для переговоровъ съ послами обоихъ государствъ, но противъ него поднялось множество голосовъ; требовали читать проектъ инструкціи для депутаціи, которую предназначали для переговоровъ съ однимъ только русскимъ посланникомъ. Напрасно Билинскій, маршалъ сейма, силился склонить членовъ сейма къ послушанію новой нотѣ обоихъ посланниковъ; кричали, что вести переговоры съ однимъ Сиверсомъ посредствомъ депутаціи уже постановлено закономъ. И это мнѣніе взяло верхъ; положили вопросъ о присланной нотѣ отнести къ делибераціи (по нашему, въ длинный ящикъ), и канцлеръ Сулковскій началъ чтеніе проекта инструкціи предварительно. Въ началѣ онъ замѣтилъ, что въ тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ, Польшѣ не на кого и ни на что нельзя надѣяться. Прочитанный проектъ состоялъ изъ четырехъ пунктовъ: въ первомъ, прежде всего хитро была припомянута декларація императрицы, изданная при началѣ тарговицкой конфедераціи (какъ бы въ огражденіе обѣщанной тогда цѣлости государства), и потомъ предоставлялось депутаціи совѣщаться съ россійскимъ посломъ объ устройствѣ такого вѣчнаго союза Рѣчи-Посполитой съ Россіей, при которомъ обѣ державы считались какъ бы единымъ тѣломъ по отношенію къ безопасности

и общности выгодъ жителей, а также по взаимности издержекъ въ каждой потребѣ и взаимной помощи. Во второмъ пунктѣ поручалось депутаціи установить правила объ устраненіи недостатковъ польскаго правленія. Въ третьемъ—имъ поручалось установить договоръ о торговлѣ Польши съ Россіею, и о взаимномъ устройствѣ путей сообщенія. Въ четвертомъ—поручалось просить русскаго посланника посредствовать для заключенія выгоднаго торговаго трактата съ Пруссіею. Объ уступкѣ земель не говорилось, но въ концѣ было сказано: «Рѣчь-Посполитая убѣждена, что, соединяясь сколько возможно тѣснѣе съ россійскимъ государствомъ, она бо̀льшую приноситъ жертву, чѣмъ если бы отдавала свои земли и имущества для вѣрности вѣчнаго союза». Депутація въ важныхъ случаяхъ должна была обращаться для разрѣшенія вопросовъ къ сейму, и сама не имѣла права рѣшать ничего.

На слѣдующій день, 1-го іюля, сеймъ былъ пораженъ наложеніемъ секвестраціи на польское казначейство и королевскія экономіи. Случевскій потребовалъ, чтобы канцлеры просили отмѣны такого насилія; король же, поблагодаря членовъ сейма за участіе къ его положенію, замѣтилъ, что лучше этотъ вопросъ отнести къ делибераціи, а теперь заняться разсмотрѣніемъ инструкціи депутаціи. Тутъ Голынскій подалъ проектъ допустить къ конференціямъ депутаціи австрійскаго посланника, и заключить вѣчный союзъ съ Россіею не иначе, какъ на такомъ условіи, чтобъ Россія возвратила Польшѣ присвоенныя по первому раздѣлу области. Онъ боялся, чтобы предлагаемый союзъ Польши съ Россіею не сдѣлался актомъ присоединенія польской Рѣчи-Посполитой къ Россійской имперіи.

Не окончивъ дѣла о проектѣ и въ этотъ день, послы занялись вопросомъ о продолженіи сейма. По польскимъ законамъ, экстраординарный сеймъ, какимъ былъ гродненскій, выбирался только на двѣ недѣли, но можно было

продолжить его. Подань проектъ отсрочить его еще на двѣ недѣли. Тогда послы Скаржинскій (ломжинскій), Млодзіановскій (цѣхановскій) и Случевскій заявили такую мысль: отвѣты на отношенія къ иностраннымъ дворамъ не могутъ придти въ двѣ недѣли, потому лучше прекратить всѣ занятія до того времени, пока эти отвѣты получатся, а Случевскій прибавилъ, что слѣдуетъ отсрочить сеймъ до 1-го сентября и потомъ начать его въ Варшавѣ. Такого рода проектъ пошелъ-было на обсужденіе. Все это были уловки съ тѣмъ, чтобъ тянуть время. «Я не согласенъ на перенесеніе сейма въ Варшаву,—сказалъ посолъ Лобаржевскій:—Варшава, какъ объявилъ прусскій король, наполнена якобинцами». Послѣ спора обратились опять къ вопросу о делегаціи и рѣшили большинствомъ 108 противъ 27 голосовъ на томъ, чтобы вести переговоры съ одною только Россіею, а не съ Россіею и Пруссіей вмѣстѣ. Карскій не забылъ при этомъ помянуть недобрыми словами Люккезини за его дипломацію.

На другой день послѣ этого засѣданія, Сиверсъ приказалъ арестовать въ ихъ помѣщеніяхъ шестнадцать пословъ, которые предлагали и поддерживали мысль о прекращеніи сеймовыхъ занятій и отличались выходками противъ видовъ союзныхъ дворовъ.

Адамъ Понинскій первый объявилъ въ сеймовомъ засѣданіи объ арестованіи пословъ и самъ вопіялъ противъ насилія. Изба заволновалась; члены вскакивали съ мѣстъ, толпились около маршаловъ и канцлеровъ, кричали: насиліе вольному народу! На-силу король успокоилъ ихъ. Стали изготовлять ноту къ Сиверсу, а между тѣмъ король отправилъ канцлеровъ и нѣкоторыхъ пановъ къ русскому посланнику съ просьбою выпустить изъ-подъ ареста пословъ, иначе сеймъ прекратится. Домогались также истребовать отъ Сиверса снятія секвестра съ королевскихъ имѣній и съ имѣній Тышкевича. Сиверсъ удовольство-

вался тѣмъ, что только напугалъ Избу; онъ приказалъ выпустить арестованныхъ, обязавъ ихъ впередъ быть осторожнѣе, а епископъ Коссаковскій, явившись отъ Сиверса въ Избу, объяснялъ, что это арестованіе случилось по ошибкѣ; всему виною нѣкоторые изъ своихъ, которые донесли на своихъ товарищей и оклеветали ихъ.

Это, какъ и слѣдовало ожидать, подало поводъ къ разнымъ подозрѣніямъ. Между тѣмъ нота, приготовленная къ Сиверсу, не была ему послана, такъ какъ главное, чего въ этой нотѣ просили—освобожденіе арестованныхъ членовъ, было уже исполнено Сиверсомъ. Тѣмъ не менѣе, въ слѣдующее засѣданіе, 3-го іюля, послы напали на маршала Билинскаго, зачѣмъ онъ не отослалъ ноты; въ ней, кромѣ просьбы объ освобожденіи арестованныхъ, что уже было сдѣлано, была также просьба о снятіи секвестраціи. Споръ дошелъ до того, что Случевскій сказалъ: «г. маршалъ, въ публикѣ говорятъ, что вы участвовали въ дѣлѣ арестованіяословъ, извольте оправдаться противъ этого». Но Міончинскій (люблинскій) заявилъ такое требованіе: «маршалъ долженъ подвергнуться смертной казни, если окажется виновнымъ, а если г. Случевскій не докажетъ его виновности, то пусть подвергается тому же наказанію самъ». Подканцлеръ Пляттеръ даромъ своего краснорѣчія кое-какъ пріостановилъ этотъ споръ.

Тогда Понинскій предлагалъ проектъ такого рода: если еще разъ окажется какое-нибудь малѣйшее посягательство на личность или собственность членовъ, то сеймъ прерываетъ свои занятія. Сохачевскій посолъ Плихта говорилъ: «если мы еще народъ свободный, то пусть намъ дадутъ обезпеченіе отъ подобныхъ насилій, а если мы уже завоеваны, то пусть лучше, вмѣсто сейма, посылаютъ намъ приказы изъ лагеря. Я совѣтую прекратить засѣданія и не начинать ихъ, пока россійскій посолъ не объявитъ,

что онъ впередъ не станетъ поступать съ нами такъ насильственно».

Предложеніе Плихты было принято всѣми. Къ довершенію храбрости, холмскій посолъ Куницкій, какъ бы для того, чтобы дразнить русскаго посланника, заявилъ требованіе отсрочить сеймъ до 15-го октября и потомъ перенести его въ Варшаву. Его проектъ не былъ принятъ, да и онъ заявлялъ это болѣе для того, чтобъ порисоваться своею храбростію. Требованіе о снятіи секвестра не было послано по настоянію короля, который совѣтовалъ прежде окончательно составить инструкцію и назначить депутацію, такимъ образомъ удовлетворить посла, а потомъ уже просить его.

Обсуждали вопросъ объ инструкціи для депутаціи и никакъ не могли ни на чемъ остановиться. Въ проектѣ, прочитанномъ канцлеромъ, членовъ сейма пугала инкорпорація Польши съ Россіею, хотя нѣкоторые сразу оправдали ее. Другіе хотѣли непремѣнно, чтобы делегація заключила союзъ съ Россіею не иначе, какъ съ соблюденіемъ цѣлости границъ Рѣчи-Посполитой; нѣкоторые предлагали спросить объ этомъ цѣлый народъ. Порѣшили, наконецъ, собраться на частное засѣданіе и тамъ обсудить вопросъ предварительно. Вечеромъ 3 іюля н. с. кружокъ членовъ собрался у епископа Коссаковскаго; тамъ составили новую редакцію проекта инструкціи и на другой день, 4-го іюля, она была прочтена въ сеймовой Избѣ. Но тѣ члены, которымъ не довелось быть на совѣщаніи у Коссаковскаго, требовали, чтобъ имъ также дозволили собраться на предварительное засѣданіе и обсудить вопросъ по своему. 5-го іюля утромъ, до засѣданія, въ той же сеймовой Избѣ послы составили новую, уже третью редакцію проекта инструкціи. Въ сеймовомъ засѣданіи того же дня поднялся споръ о томъ, какую изъ трехъ редакцій слѣдуетъ принимать. Но вышло такъ, что прежде чтенія третьей ре-

дакціи, состоялось чуть не единогласное утвержденіе второй, сочиненной у Кассаковскаго.

Въ этой редакціи проекта инструкціи было очень важно то, что вмѣсто выраженій, которыя имѣли для Польши смыслъ совершеннаго соединенія съ Россіею, вставлены были такія, въ которыхъ говорилось только о союзѣ ихъ какъ отдѣльнаго государства съ другимъ [1]). Здѣсь-то показалось все коварство Коссаковскаго. Наканунѣ подачи первой редакціи, Коссаковскій разговаривалъ съ Сиверсомъ и съ участіемъ говорилъ о готовности Литвы соединиться съ Россіею; теперь же, у него въ домѣ, и конечно подъ его вліяніемъ, составилась вторая, противоположная ре-

[1]) Напр., въ первой редакціи сказано: „дабы съ этихъ поръ оба государства считались однимъ и нераздѣльнымъ тѣломъ навсегда" (aby odtąd oba państwa uważały się być jakoby jednym i nierozdzielnym na zawszeciałem); во второй редакціи сказано: „къ оборонѣ цѣлости отдѣльно каждаго государства (do obrony całości każdego oddzielnie państwa)". Въ статьѣ о торговлѣ выпущено объ употребленіи взаимныхъ таможень между Россіею и Польшею, а въ концѣ слово złączenie (сложеніе, соединеніе) замѣнено словомъ związek (союзъ); въ первой редакціи сказано было: „Рѣчь-Посполитая вполнѣ убѣждена, что посредствомъ наитѣснѣйшаго соединенія съ Россійскимъ государствомъ, она покажетъ желаніе принести собою угоднѣйшую жертву, чѣмъ если бы она имѣла возможность и способность отдать свои имущества и даже области (Rzecz Pospolita jest w zupełnym u siebie przeświadczeniu, że przez złączenie się jako nayścisłejsze z państwem Rossyjskim dogodnieyszą z siebię czynić chce ofiarę, jak żeby była w sposobności i możności skarby swoje i nawet kraje etc.)"; во второй—это мѣсто измѣнено такъ: „Рѣчь-Посполитая вполнѣ убѣждена, что посредствомъ этого торжественнаго дружественнаго союза съ Россійскимъ государствомъ, сообразнаго съ достоинствомъ свободнаго народа, она даетъ доказательство сильнѣйшаго желанія быть въ союзѣ, и довѣрія къ ея императорскому величеству (Rzecz Pospolita jest w zupełnem przeświadczeniu że przez związek przyiacielski jak nayuroczystszy z godnością narodu wolnego stosowny z państwem Rossyjskim daje dowód naymocniejszej chęci sprzymierzenia się i ufności w Nayjas. Imperatorowey etc.)".

дакція. Сиверсъ за это былъ очень озлобленъ противъ него.

По утвержденіи инструкціи, 6-го іюля, маршалъ сейма напомнилъ сейму, что пора уже дать отвѣтъ посланникамъ россійскому и прусскому на присланную ноту, которую отложили къ делибераціи. Канцлеръ вслѣдствіе этого представилъ проектъ отвѣта, въ такомъ смыслѣ: Изба раздѣлила предметы сношеній съ двумя посланниками и дала преимущество русскому, на основаніи различія въ предметахъ, составляющихъ сущность сношеній съ Россіею и Пруссіею; но это не значило, чтобъ сеймъ вовсе не хотѣлъ вести сношеній съ Пруссіею, онъ приступитъ къ нимъ въ свое время. Только что былъ прочитанъ такой проектъ, какъ Ожаровскій, въ качествѣ главнаго начальника польскаго войска, извѣстилъ, что, по донесенію подначальныхъ ему генераловъ, пруссаки вступаютъ въ краковское и сендомирское воеводства и требуютъ тамъ фуража. Изба пришла въ смятеніе. Гетманъ Коссаковскій задорнѣе всѣхъ кричалъ противъ Пруссіи: «не надобно водить съ нею никакихъ переговоровъ; силу противопоставимъ силѣ; будемъ защищаться оружіемъ противъ новаго насилія надъ польскою территоріею». Его хитрый братъ, епископъ, прибѣгнулъ сейчасъ къ такой уловкѣ: «не надобно—говорилъ онъ—показывать теперь съ нашей стороны досады больше, чѣмъ прежде, а то подумаютъ, что мы уже успокоились послѣ перваго занятія польскихъ провинцій; напротивъ, слѣдуетъ намъ отвѣчать съ умѣренностію на ноту посланниковъ; присовокупимъ только замѣчаніе, что вступленіе войскъ его величества короля прусскаго въ глубину Польши противорѣчитъ ходу сношеній». Но братъ его горячился, доказывалъ, что слѣдуетъ употреблять военную силу противъ силы. За него поднялось-было много голосовъ; но мало-по-малу патріотическая кровь начинала успокоиваться, и король произнесъ такое слово: «Если бы не было очень

многихъ обстоятельствъ, намъ неблагопріятствующихъ, то одного печальнаго состоянія нашихъ финансовъ достаточно, чтобы доказать намъ невозможность отважиться въ настоящее время на войну съ Пруссіею. Мое мнѣніе—уклониться отъ всякаго рѣшенія по этому предмету и обратиться къ россійскому посланнику».

Мнѣніе короля было принято. Канцлеры, по назначенію сейма, отправились лично объясняться по этому поводу съ Сиверсомъ.

Русскій посланникъ сказалъ имъ такъ: «намѣреніе прусскихъ войскъ вступить далѣе въ польскія области и идти къ столицѣ, вѣроятно, есть послѣдствіе, во-первыхъ, того, что сеймъ до сихъ поръ не постановилъ никакого рѣшенія о сношеніяхъ съ берлинскимъ дворомъ, а во-вторыхъ, того, что нѣкоторые члены въ своихъ рѣчахъ позволяли себѣ не совсѣмъ умѣренныя выраженія объ особѣ его величества прусскаго короля. Я полагаю, Бухгольцъ уже отправилъ приказаніе прекратить дальнѣйшее движеніе этихъ войскъ, но совѣтую сейму не навлекать новыхъ несчастій на Польшу и поскорѣе назначить депутацію съ достаточнымъ полномочіемъ вести переговоры съ обоими дворами, которыхъ интересы между собою одинаковы, какъ это показываютъ вамъ достаточно ихъ поступки и ноты».

8-го іюля, послѣ того, когда канцлеры сообщили сейму отвѣтъ Сиверса, отправлена отвѣтная нота на его ноту отъ 28-го іюня. Демонстрація прусскихъ войскъ и объясненіе русскаго посланника подвинули назначеніе депутаціи, которое умышленно тянули до сихъ поръ. Состоявшій на русскомъ жалованьи инфлянтскій посолъ Юзефовичъ подалъ проектъ дать депутаціи самое широкое полномочіе, такое, чтобы король и сеймовые чины обязывались утверждать все, что только депутація постановитъ въ сношеніяхъ своихъ съ посланниками, «иначе, говорилъ онъ, посланникъ русскій, имѣющій полномочіе отъ своей

государыни, не приметъ такой депутаціи, которая не будетъ имѣть равнаго полномочія. Русскій посланникъ только въ такомъ случаѣ можетъ довѣрять депутаціи, когда будетъ знать, что слова ея имѣютъ окончательную силу. Русскій посланникъ не станетъ говорить съ нашими депутатами, если у нихъ не будетъ такого же полномочія, какое онъ получилъ отъ своей государыни».

Сначала это возбудило оппозицію и раздѣленіе. Послы, предварительно подрядившіеся дѣлать угодное Россіи, поддерживали Юзефовича. Противники указывали на составленную уже иструкцію для депутаціи; она буквально противорѣчила требуемому теперь полномочію. «По крайней мѣрѣ,—говорили они,—если давать полномочіе, то все-таки обязавъ депутатовъ держаться данной прежде инструкціи». На это говорили: «иное дѣло полномочіе, иное дѣло инструкція. Русскій посланникъ имѣетъ отъ государыни полномочіе и вмѣстѣ съ тѣмъ у него есть и инструкціи, которыя ограничиваютъ его полномочіе; такъ точно и наши депутаты будутъ имѣть полномочіе, которое должны предъявить посланнику, и инструкцію, которую они должны получить отъ сейма. За ея несоблюденіе они будутъ отвѣчать не передъ посланникомъ, а передъ сеймомъ. Посланнику же необходимо видѣть только ихъ полномочіе; своей инструкціи они не обязаны ему предъявлять».

Послѣ многихъ споровъ и измѣненій въ редакціи, наконецъ, 9-го іюля, полномочіе было принято единогласно. Депутатамъ предоставлялось составлять, установлять, заключать и подписывать все, что ими признано будетъ полезнымъ и согласнымъ съ интересами Рѣчи-Посполитой. «Все, сказано было въ этомъ полномочіи, что означенные депутаты наши по сему учинятъ, заключатъ, постановятъ и подпишутъ, все это нами, королемъ, съ предварительнаго согласія чиновъ и съ сознаніемъ справедливости дѣ-

ла, сходнаго съ условіями, предписанными депутаціи, будетъ принято и ратификовано.»

На слѣдующемъ засѣданіи, 10-го числа, начали толковать о выборѣ въ депутаты. Патріоты [1]) заявляли желаніе, чтобы выборъ состоялся секретными голосами. Маршалъ сейма не допустилъ до этого подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ въ данной имъ присягѣ обязался не допускать секретной подачи голосовъ. Послѣ долгаго спора, король предложилъ такой способъ: опредѣливъ число депутатовъ, пусть раздадутъ всѣмъ посламъ списокъ членовъ сейма и каждый изъ нихъ означитъ тѣхъ, которыхъ желаетъ избрать въ депутаты, назвавъ каждаго громко по имени, а потомъ пусть составится счетъ голосовъ, и тѣ, которые получатъ наиболѣе голосовъ, будутъ черезъ то самое признаны депутатами. Это было принято большинствомъ 100 голосовъ противъ 26.

Положено допустить трехъ епископовъ, всѣхъ министровъ, трехъ сенаторовъ, и по восьми пословъ изъ каждой изъ трехъ провинцій Рѣчи-Посполитой. Тогда нѣкоторые патріоты стали требовать, чтобъ депутаты произнесли присягу въ томъ, что они ничего не брали и брать не будутъ ко вреду Рѣчи-Посполитой. Противъ этого проекта возстало много противниковъ, и прежде, чѣмъ подвергать его голосованію, предложенъ былъ вопросъ: можетъ ли этотъ проектъ быть пущенъ на голоса. Вопросъ этотъ рѣшенъ утвердительно большинствомъ (75 голосовъ).

Сиверсъ узналъ объ этомъ въ тотъ же день отъ маршала и вѣрныхъ пословъ. Онъ былъ очень недоволенъ. Ему нужно было такихъ депутатовъ, которые бы согласились на все, чего онъ потребуетъ, и потому-то онъ заранѣе далъ именной списокъ тѣхъ, кого желаетъ онъ назначить депутатами. Способъ избранія на сеймѣ не со-

---

[1]) Блешинскій, Скаржинскій, Микорскій и др.

отвѣтствовалъ его цѣлямъ. Такимъ образомъ могли попасть въ число депутатовъ люди, съ которыми произойдутъ затрудненія. Требованіе присяги отъ депутатовъ въ томъ, что они ничего не брали и не будутъ брать, прямо направлялось противъ дѣйствій русскаго посланника и поражало тѣхъ пословъ, которые были у него на жалованьи, а онъ изъ числа такихъ-то и желалъ видѣть депутацію. Поэтому утромъ русскій посланникъ отправилъ на сеймъ грозную ноту; онъ замѣчалъ, что въ сеймѣ постоянно господствуетъ безпорядокъ и неприличіе. Онъ указывалъ, что сеймъ 1771 года долженъ служить настоящему сейму образцомъ относительно выбора членовъ делегаціи; тогда не выбирали делегатовъ: они были назначены изъ сената королемъ, изъ рыцарскаго сословія сеймовымъ маршаломъ; по этому примѣру требовалось назначить депутатовъ и теперь. «Вчерашнее засѣданіе, замѣчалъ Сиверсъ, отзывается якобинствомъ революціоннаго сейма 3-го мая». Ему не нравилось, что въ полномочіи хотѣли упомянуть имя тарговицкой конфедераціи, очевидно потому, что этой конфедераціи обѣщана была цѣлость Рѣчи-Посполитой. Но болѣе всего Сиверсъ гнѣвался за мысль обязать депутатовъ присягою въ томъ, что они не брали и брать не будутъ. «Этотъ шагъ,—говорилось въ его нотѣ, — нижеподписавшійся долженъ почитать особеннымъ оскорбленіемъ какъ себѣ лично, такъ и своему званію. Подобная присяга была бы безчестіемъ самому почтеннѣйшему собранію, если бы въ нѣдрѣ его не было особъ, неподлежащихъ подозрѣнію въ подкупѣ. Нижеподписавшійся надѣется, что сеймъ удержится отъ наложенія на себя самого подобнаго пятна. Нижеподписавшійся желаетъ, чтобы непремѣнно была установлена делегація 1-го (12-го) іюля и безъ потери времени вступила бы въ конференціи, въ противномъ случаѣ онъ увидитъ себя въ печальной необходимости сдѣлать то, о чемъ говорилъ въ своей нотѣ отъ 23-го іюня (3-го іюля), именно удалить подстрека-

телей и возмутителей спокойствія и порядка, истинныхъ враговъ своего отечества, какъ единое препятствіе правильному ходу дѣлъ на сеймѣ, который потерялъ уже болѣе четырехъ недѣль дорогого времени на то, что могъ бы окончить въ четыре дня, и увеличилъ черезъ то несчастіе народа, вмѣсто того, чтобъ даровать ему спокойствіе и прочное благоденствіе, сообразно спасительнымъ намѣреніямъ высокихъ дворовъ, изложеннымъ въ декларации отъ 9-го апрѣля».

Когда 2-го (13-го) іюля прочитали въ Избѣ эту ноту, сохачевскій посолъ Плихта объявилъ, что секвестрація имѣній Тышкевича приводится въ исполненіе. « Я требую— сказалъ онъ—исполнить законъ, постановленный нами,— не приступать ни къ какому рѣшенію о предметахъ, означенныхъ въ нотѣ посланника, прежде, чѣмъ секвестръ не будетъ снятъ».—«Неблагоразумно — возразилъ состоявшій у Россіи на жалованьѣ Лобаржевскій—держаться за формальности, когда отечество подвергается угрожающей опасности, видимой изъ самой этой ноты. Если Россія теперь намъ дѣлаетъ насилія, то, конечно, она рѣшится прибѣгнуть еще къ дальнѣйшимъ крайностямъ, какъ скоро мы станемъ упрямиться и не подчиняться ея видамъ. Позвольте просить чтенія составленной мною записки о мѣрахъ къ положенію конца этимъ несчастіямъ». «Нѣтъ, нѣтъ, не позволяемъ», кричали противники, знавшіе напередъ, что долженъ былъ написать и читать Лобаржевскій. «Нельзя разсуждать ни о какихъ предметахъ, Изба въ бездѣйствіи; пусть прежде снимется секвестръ съ имѣнія пана Тышкевича».—«Этимъ — сказалъ король—мы перервемъ всякія сношенія съ Россіею и навлечемъ на себя новыя несчастія; я предлагаю отправить къ г. посланнику канцлеровъ и маршаловъ сейма представить ему побужденія, которыя руководили собраніемъ». «Мнѣ идти вмѣстѣ съ гг. канцлерами нельзя,—сказалъ маршалъ сейма,—сеймъ

долженъ оставаться въ засѣданіи до ихъ возвращенія, и я, какъ маршалъ сейма, по закону не долженъ оставлять Избы; притомъ же обязанность сношеній съ иностранными посланниками лежитъ на гг. канцлерахъ, а не на мнѣ».

«Нѣтъ, нѣтъ, панъ маршалъ долженъ идти съ гг. канцлерами», кричали послы.

Сами канцлеры просили, чтобы съ ними шелъ маршалъ и былъ свидѣтелемъ того, что произойдетъ. «Мы знаемъ,—говорили они,—что ничего не выйдетъ изъ сношеній съ упрямымъ посланникомъ».

«Видя, что чины Рѣчи-Посполитой прекращаютъ свои занятія изъ-за обстоятельства, касающагося меня,—сказалъ Тышкевичъ,—я прошу забыть все, что мнѣ сдѣлала секвестрація моихъ имѣній; все это—слѣдствіе неблагопріятныхъ извѣщеній, сдѣланныхъ г. посланнику нашими собственными согражданами. Оставьте мое дѣло; займитесь другими болѣе важными. Если я буду и совершенно разоренъ этимъ секвестромъ, то для меня будетъ болѣе чести при окончаніи этого сейма сдѣлаться беднѣе того, чѣмъ я былъ при началѣ его».

Вознесены были похвалы такому благородному патріотическому заявленію. Канцлеры отправились къ Сиверсу.

Сиверсъ имъ сказалъ такъ: «Даю вамъ слово, что секвестръ съ имѣній пана Тышкевича снимется немедленно, какъ только назначатся депутаты. Я предоставляю сейму, кромѣ того, свободу поручить назначеніе всѣхъ депутатовъ самому королю».

Сиверсъ надѣялся, что король, имѣя въ рукахъ списокъ лицъ, какихъ Сиверсу хотѣлось, не рѣшится пойти противъ его воли.

Канцлеры сообщили объ этомъ сейму. Тогда задорнѣйшіе патріоты говорили: «Нельзя перемѣнять, ради произвола россійскаго посла, уже состоявшееся вчера рѣшеніе сейма о способѣ избранія членовъ. Мы готовы под-

вергнуться гнѣву посланника: и безъ того мы рано или поздно станемъ его жертвами; но мы не хотимъ получать приказы отъ иностранцевъ посреди нашихъ совѣщаній».

Другіе представляли безплодность такой отваги и говорили: «Если уже приходится измѣнять состоявшійся законъ, то по крайней мѣрѣ измѣнимъ его такъ, чтобы назначеніе депутатовъ предоставлялось одному королю».

«Почтенные паны,—сказалъ король,—въ продолженіи моего двадцатидевяти-лѣтняго царствованія я еще никогда не былъ въ такомъ ужасномъ положеніи, какъ сегодня. Чувствую, господа, вопіющую несправедливость: требуютъ, чтобы вы перемѣнили законъ, составленный единогласнымъ мнѣніемъ; но кто же изъ васъ не видитъ, что наша свобода существуетъ только на словахъ? Мы окружены иностранными войсками; они расположились у воротъ этого города; мы должны быть свидѣтелями безпрестанныхъ насилій, совершаемыхъ надъ личностію и собственностію членовъ этого сейма; мы даже не имѣемъ полнаго права выходить изъ этого города безъ билетовъ отъ россійскихъ генераловъ. Россійскій посланникъ каждую минуту угрожаетъ намъ новыми несчастіями. Къ чему же послужитъ наше сопротивленіе? Дѣлайте, что угодно: ваша воля всегда будетъ и моей волею; но въ званіи отца и короля, которое я ношу, я всегда желалъ, по крайней мѣрѣ, предупредить бо̀льшее бѣдствіе; г. подканцлеръ Пляттеръ видѣлъ у г. посланника изготовленное приказаніе арестовать двадцать пословъ и наложить секвестръ на имѣнія еще бо̀льшаго числа членовъ сейма, если депутація не будетъ назначена сегодня. Я думаю, вы убѣждены, господа, что я мало домогаюсь, чтобы право назначенія депутатовъ предоставлено было мнѣ, но если таково ваше доброе желаніе, то я смѣю льстить себя надеждою, что мой выборъ будетъ отвѣчать вашему довѣрію».

«Пусть будетъ извѣстно,—произнесли нѣкоторые, же-

лая все еще прихвастнуть своею отвагою,—что не страхъ угрозъ заставитъ насъ измѣнить вчерашнее рѣшеніе, а единственно увѣренность, что королевскій выборъ будетъ еще лучше выбора, зависящаго непосредственно отъ членовъ сейма».

Король наименовалъ членами депутаціи изъ министровъ: литовскаго маршала Тышкевича, литовскаго польнаго гетмана Коссаковскаго, канцлера короннаго Сулковскаго, литовскаго подканцлера Пляттера, литовскаго подскарбія Огинскаго, литовскаго надворнаго подскарбія Дзѣконскаго, короннаго польнаго гетмана Забѣлло; люблинскаго и холмскаго епископа Скаржевскаго, войницкаго каштеляна Ожаровскаго; пословъ: краковскихъ Анквича и Коссаковскаго, сендомирскихъ Залускаго и Янковскаго, холмскаго Куницкаго, волынскаго Валевскаго; изъ провинціи великопольской: инфлянтскаго епископа Коссаковскаго; плоцкаго Рокитницкаго, черскихъ Станишевскаго и Остророга, варшавскихъ Бѣлинскаго и Клицкаго, нурскаго Замбржицкаго; изъ Великаго Княжества Литовскаго сенаторовъ: виленскаго епископа князя Масальскаго, виленскаго воеводу Радзивилла, и пословъ: лидскаго Шишку, троцкаго Клечковскаго, гродненскаго Зынева, жмудскаго Гелгуда и новогродскаго Лопату.

Но Сиверсъ не былъ доволенъ, увидавъ, что въ спискѣ нареченныхъ депутатовъ не было тѣхъ, которыхъ онъ прежде требовалъ у короля. Онъ заявилъ требованіе о прибавкѣ къ назначеннымъ въ депутацію еще семерыхъ членовъ. Въ засѣданіи 12-го іюля, король объявилъ объ этомъ, и назвалъ имена пословъ, угодныхъ Сиверсу; то были: волынскій Пулавскій, любельскій Міончинскій, ломжинскій Древновскій, закрочимскій Александръ Понинскій, равскій Скарбекъ, и инфлянтскіе Юзефовичъ и Снарскій.

Взрывъ негодованія потрясъ Избу. «Это невозможно,

кричали, вчера законъ состоялся, сегодня перемѣна: стало быть король не свободенъ», а король, всегда примиряющій, пытался охолодить горячившихся пословъ. Король довелъ дѣло до того, что на сеймѣ состоялось все-таки угодное Сиверсу.

На слѣдующемъ засѣданіи сеймъ былъ отсроченъ еще до 30-го іюля.

Депутація начала конференціи съ русскимъ посланникомъ. Сиверсъ подалъ имъ готовый трактатъ: уступка провинцій была его главнымъ предметомъ. Виленскій епископъ, начальникъ депутаціи, обратился съ просьбой къ Сиверсу дать сроку на двѣ недѣли, чтобы отправить прошеніе къ императрицѣ, съ цѣлью упросить ее пощадить Польшу.

«Это ловушка,—говорилъ Сиверсъ,—хотятъ выиграть время. Напрасная уловка — не проведутъ меня!» Онъ рѣзко отвергъ просьбу Масальскаго.

Депутаты начали отговариваться, что у нихъ нѣтъ полномочія для подписанія трактата. Сиверсъ немедленно требовалъ полной довѣренности депутаціи подписать трактатъ. «Мои предъидущія ноты,—писалъ онъ,—которыя я долженъ былъ подавать сейму въ продолженіе четырехъ недѣль времени, потраченнаго въ пустыхъ толкахъ, достаточно показали сейму, что дальнѣйшія увертки могутъ только увеличить тягость судьбы народа, который, послѣ такихъ смятеній, имѣетъ право ожидать, что сеймъ искренно займется тѣмъ, что ему единственно осталось, дабы даровать народу спокойствіе и благосостояніе».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Сиверсъ утѣшалъ поляковъ, что будетъ заключенъ выгодный для Польши торговый трактатъ съ Россіею.

Эта нота была прочитана на сеймѣ въ засѣданіи 4-го (15-го) іюля, но въ тотъ же день на нее не отвѣчали. Изба занялась чтеніемъ неутѣшительныхъ депешъ, при-

сланныхъ польскими министрами при иностранныхъ дворахъ. Послы изъ нихъ видѣли, что отечество ихъ теперь гибнетъ ради вознагражденія трудовъ и издержекъ тѣхъ, которые воюютъ съ французами. Одно только лелѣяло ихъ тогда надеждою: имъ казалось, что Австрія не потерпитъ у себя подъ бокомъ усиленія Пруссіи и Россіи на-счетъ Польши.

Сиверсъ, узнавши, что на этомъ засѣданіи не обратили на посланную имъ ноту скораго вниманія, написалъ другую такого содержанія:

«Нижеподписавшійся, извѣстившись, что наияснѣйшіе чины конфедераціоннаго сейма въ засѣданіи прошлаго 4-го (15-го) іюля, въ которомъ читаны были рапорты делегаціи и нота нижеподписавшагося, не сочли умѣстнымъ объясниться объ этомъ предметѣ, и даже не указали дня, когда они желаютъ разсуждать объ немъ, усматриваетъ, что заключеніе трактата еще оттягивается на дальнѣйшее время, и чины конфедераціоннаго сейма, закрывая себѣ глаза предъ плачевною судьбою отечества, забываютъ, чѣмъ они обязаны своимъ избирателямъ; и потому онъ видитъ себя принужденнымъ объявить. что дальнѣйшія увертки и отказы снабдить делегацію надлежащимъ полномочіемъ будутъ считаться не только за нежеланіе вести переговоры и окончить по-дружески дѣло съ нижеподписавшимся, но даже за явное объявленіе войны Россіи. Печальныя послѣдствія, вытекающія изъ такихъ поступковъ сейма, которому народъ довѣрилъ устроеніе своего настоящаго и будущаго благоденствія, должны быть ужасны для народа, особливо же для несчастныхъ и невинныхъ поселянъ. Нижеподписавшійся, въ случаѣ отказа, явно означающаго объявленіе войны, будетъ принужденъ съ крайнимъ сожалѣніемъ послать войска ея императорскаго величества на военную экзекуцію въ имѣнія и мѣста жительства тѣхъ членовъ сейма, которые будутъ

противиться всеобщему желанію добродѣтельныхъ людей и народа, страдающаго подъ бременемъ анархіи. Такая военная экзекуція, въ случаѣ, если король будетъ склоняться на сторону оппозиціи, распространится на всѣ королевскія экономіи, а равно и на имѣнія всѣхъ тѣхъ особъ, которыя въ какомъ бы то ни было отношеніи принадлежатъ вѣдомству его величества; наконецъ, слѣдствіемъ такого поступка сейма будетъ конфискація всѣхъ государственныхъ доходовъ и задержка платежа за взятый провіантъ и фуражъ для войска, которое тогда будетъ содержаться на счетъ несчастныхъ поселянъ. Поэтому нижеподписавшійся надѣется, что мѣры, принятыя сообразно съ данною ему инструкціею, произведутъ на сеймѣ достаточное дѣйствіе, и что слѣдующаго же дня 6-го (17-го) іюля дано будетъ депутатамъ надлежащее полномочіе для заключенія трактата. Наконецъ, нижеподписавшійся не можетъ скрыть передъ сеймомъ, что всѣ такія мѣры противны тѣмъ правиламъ, которыми онъ думалъ руководствоваться въ порученномъ ему посольствѣ; мѣры эти угрожаютъ сейму, вмѣсто тѣснаго, выгоднаго союза и торговаго трактата съ Россіею, потерею этихъ выгодъ и лишеніемъ благожелательства и пріязни ея императорскаго величества, безъ которыхъ Польша не можетъ существовать и ожидать въ будущемъ успѣха отъ выгодъ утверждаемыхъ предполагаемымъ трактатомъ. Въ Гродно, 5-го (16-го) іюля».

Утромъ, передъ тѣмъ какъ эта нота должна быть прочитана на сеймѣ, Сиверсъ позвалъ къ себѣ депутацію и началъ внушать ей строгое нравоученіе, особенно припугнулъ епископа Коссаковскаго, котораго онъ считалъ большимъ плутомъ.

«Вы, вы въ особенности причина всѣхъ этихъ увертокъ,—говорилъ Сиверсъ епископу,—вы хвастали, что у васъ шестьдесятъ голосовъ въ Литвѣ, а теперь дозволяете

на сеймѣ проходить безъ оппозиціи конституціямъ, оскорбительнымъ для моего двора и для моей личности. Вы съ вашею партіею спокойно слушаете, чтò говорятъ фанатики! Я уже вамъ дѣлалъ внушенія, но вы не исправились. Слушайте же: если вы и вашъ братъ гетманъ сегодня не сдѣлаете такъ, какъ я требую, то знайте, что вы первые будете жертвами несчастія, которое постигнетъ отечество ваше. Сегодня же вечеромъ пошлю курьера съ приказаніемъ ввести войско на экзекуцію въ имѣнія краковскаго епископства. Знаете ли, что я могу у васъ также легко отнять все, что вамъ дано? Если у меня завтра не будетъ полномочія, и если вы не станете впередъ вести себя такъ, какъ я имѣю право ожидать отъ васъ, то вамъ будетъ худо».

16-го іюля происходило засѣданіе, одно изъ важнѣйшихъ въ исторіи гродненскаго сейма. Маршалъ открылъ его рѣчью: «Вы знаете состояніе Европы и можете заключить, что для Польши не видится надежды на спасительное посредничество государствъ въ ея пользу; она предоставлена своей собственной судьбѣ; ей осталось облегченіе въ настоящемъ положеніи—предотвратить благоразумною рѣшимостью новыя бѣдствія, которыя ей угрожаютъ. Пусть наияснѣйшіе чины обратятъ надлежащее вниманіе на новую ноту, полученную нами отъ господина россійскаго посланника, указывающую на рѣшительно враждебныя отношенія, въ случаѣ, если депутаціи не будетъ выдано 17-го іюля безграничное полномочіе заключить трактатъ съ нимъ».

Противъ этого поднялись голоса патріотовъ. Рѣшительный тонъ послѣдней ноты Сиверса возбудилъ досаду и оскорбленіе даже и въ тѣхъ, которые должны были по обязанности держаться стороны уступокъ. На челѣ оппозиціи явился плоцкій посолъ Шидловскій.

«Поляки!—восклицалъ онъ:—народъ ли мы или нѣтъ? Пусть всѣ народы знаютъ, что поляки могутъ быть не-

счастными, но никогда не будутъ подлецами. Посмотрите, у насъ хотятъ отбирать земли, а не говорятъ даже о религіи, о правахъ народа, о привилегіяхъ шляхты въ отбираемыхъ краяхъ. Въ XVIII столѣтіи человѣкъ уже не скотъ: великая государыня любитъ своихъ подданныхъ— зачѣмъ же считаетъ шляхту подлою? Въ случаѣ неподписанія трактатовъ намъ угрожаютъ неволею и Сибирью. Я все готовъ принять изъ любви къ отечеству, но хотя бы меня принуждали мученіями, я, даже изъ любви къ собратіямъ, не перестану носить имя поляка, вольнаго и честнаго гражданина. Я—потомокъ славныхъ защитниковъ свободы и вольностей! Иначе, я понесъ бы пятно безчестія и жизнь сдѣлалась бы для меня постоянною пыткою. Будемъ стоять твердо: ручаюсь, что мы побѣдимъ силу нашею твердостію. Екатерина будетъ насъ уважать. Убѣдившись въ нашемъ мужествѣ, она велитъ своему посланнику поступать съ нами какъ прилично съ народомъ, умѣющимъ понимать взаимныя пользы международныя. Не позволяю измѣнить полномочія»!

«Мы безоружны,—говорилъ краковскій посолъ Бобровницкій, — легко насъ устрашить, но мучить беззащитныхъ—это дѣло тигровъ, а не людей. Когда нѣтъ способовъ не допустить отнятія у насъ земель, будемъ молчать и сносить насиліе, но одобрять такой поступокъ—значитъ идти противъ собственнаго убѣжденія».

«Чего хотятъ отъ насъ дворы петербургскій и берлинскій? — говорилъ ломжинскій посолъ Скаржинскій, — получить согласіе наше на раздѣленіе Польши, чтобы оправдать себя въ глазахъ остальной Европы? показать, какъ будто Польша сама уступила имъ добровольно свои области? Нашъ прямой интересъ — не поддаваться и не узаконять подобной уступки; иначе мы отнимемъ у самихъ себя надежду возвратить такія обширныя провинціи».

За нимъ говорилъ Блешинскій, Варещака (брестскій) и другіе.

«О, если бы въ эту минуту пришелъ сюда самъ россійскій посланникъ!—воскликнулъ Стоинскій, люблинскій посолъ, весьма искусный въ риторикѣ:—какъ бы онъ удивился мужеству поляковъ! Пусть онъ не воображаетъ, что его ноты 15-го и 16-го іюля устрашили Избу нашу; пусть смѣло окружаетъ ее войсками своими: они найдутъ здѣсь мужей, готовыхъ скорѣе со славою умереть, чѣмъ согласиться на мельчайшее измѣненіе въ полномочіи для депутаціи; пусть потомство скажетъ: были поляки такіе, что губили свое отечество, но были и такіе, что спасали его, сколько могли, и за то остались разоренными, и погибли, не одобряя раздѣла своего края».

Предложеніе Шидловскаго встрѣтили одобреніями. Не говоря противъ него, маршалъ сейма, по своей обязанности въ подобномъ случаѣ, спрашивалъ: есть ли всеобщее согласіе на предложеніе Шидловскаго? Два раза онъ спрашивалъ. Два раза ему отвѣчали одобрительными криками; изъ купленныхъ Россіею одни, забывая взятые червонцы, переходятъ въ противный лагерь, другіе не смѣютъ разинуть рта въ минуту всеобщаго патріотическаго порыва. Оставалось маршалу сдѣлать въ третій разъ тотъ же вопросъ, и упорство противъ требованія русскаго посланника стало бы въ этотъ день закономъ не по большинству, а единогласно. Но епископъ Коссаковскій, помня вчерашнюю головомойку, полученную отъ Сиверса, рѣшается остановить увлеченіе. «Неизбѣжная необходимость—говоритъ онъ — обязываетъ меня. Я прошу делибераціи. По закону достаточно голоса одного члена, чтобы проектъ былъ отложенъ и пущенъ въ делиберацію».

Это охладило горячность членовъ. Начали разсуждать спокойнѣе. Блешинскій, кричавшій за Шидловскаго, говорилъ: «Я предлагаю объявить всей Европѣ: такъ какъ въ

трактатѣ, который намъ представляетъ посланникъ, есть пункты, которые превышаютъ власть самаго сейма, то мы рѣшились сообщить копіи съ этого трактата и ноты русскаго посланника иностраннымъ министрамъ; пусть всѣ державы знаютъ, чего требуютъ отъ государственныхъ чиновъ, пусть будетъ имъ извѣстно и какіе способы предпринимаются для того, чтобы насъ принудить».

Модзелевскій дѣлаетъ другое предложеніе. «Пусть—говоритъ онъ—нота, которую подастъ депутація посланнику, будетъ подписана всѣми членами сейма и отправлена нашему министру въ Петербургъ для представленія императрицѣ».

Оба предложенія слѣдовали къ делибераціи. Но тогда поднялъ голосъ вѣрный Сиверсу Лобаржевскій. Онъ началъ съ того, что восхвалялъ всѣмъ блистаніемъ риторики геройство патріотовъ, стоявшихъ въ оппозиціи, а потомъ поворотилъ такъ: «все это безполезно; система насилія, принятая надъ нами двумя дворами, все-таки достигнетъ своего. Два государства, отнимая у насъ провинціи въ глазахъ Европы, не думаютъ шутить. Чувствую, какъ унизительно склоняться и уступать области послѣ недавняго еще политическаго значенія. Но что же намъ дѣлать? Нашъ край безъ казны, безъ войска, безъ чужеземной помощи — можно ли подвергать собратій разграбленію, всякимъ несчастіямъ и можетъ быть скорой, затѣмъ, потерѣ имени поляковъ... Человѣколюбіе беретъ верхъ въ моемъ сердцѣ. Послѣ такихъ злоключеній, какія на насъ навлекли давнія наши ошибки, намъ, безсильнымъ, лучше склониться передъ насиліемъ, оставить Европѣ рѣшеніе дѣлъ нашихъ, а себѣ — спокойствіе и порядокъ, склоняя народъ къ той надеждѣ, которую онъ давно уже имѣетъ въ великой Екатеринѣ. Несчастный король! твоя корона, какъ выразился епископъ Коссаковскій, украшена терніемъ; всѣ эпохи твоего царствованія доказываютъ, что често-

любіе пановъ причиною гибели отечества. Жаль, что ты вѣрилъ прежде этимъ божкамъ! Насъ принуждаютъ въ двадцать четыре часа дать рѣшеніе. Я представляю проектъ; онъ внушенъ человѣколюбіемъ. Я прошу читать его».

И проектъ прочитали. Онъ гласилъ такъ:

«Члены настоящаго сейма, собранные съ намѣреніемъ принять мѣры къ предотвращенію раздѣла Польши, сообщаютъ, по этому поводу, всей Европѣ голосъ угнетеннаго народа; нѣтъ ни одного согражданина, который не былъ бы убѣжденъ, что означенные члены сейма готовы принести себя самихъ въ жертву, если бы только они могли спасти этимъ свое отечество. Но получивъ ноты русскаго посланника, отъ 15-го и 16-го іюля, угрожающія всей странѣ всеобщимъ разореніемъ и истребленіемъ самаго имени польскаго, они были бы виновны передъ собственнымъ народомъ, если бы рѣшились объявить войну, которую невозможно вести. Государство безъ войска, безъ денегъ, ни откуда не имѣетъ надеждъ на помощь; поэтому, принимая цѣлый міръ во свидѣтельство несчастнаго положенія, въ какомъ находится Рѣчь-Посполитая, настоящій сеймъ не видитъ другого спасенія для Польши, какъ отдать свою судьбу въ руки великой государыни, которая, видя безпредѣльное довѣріе, оказываемое ей польскою націею, безъ сомнѣнія, не захочетъ ея конечной погибели. По этимъ соображеніямъ, чины государства, узнавъ, что россійскій посланникъ не дозволяетъ никакой перемѣны въ проектѣ трактата, поданномъ имъ же, соглашаются, чтобы депутація, назначенная для переговоровъ съ означеннымъ посланникомъ, подписала этотъ проектъ».

«Прежде, чѣмъ рѣшиться на это,—сказалъ Суходольскій,—не подождать ли отвѣта отъ дворовъ, у которыхъ мы просили ходатайства?». Говорившій это ораторъ не замѣчалъ крайняго легкомыслія своихъ рѣчей и несбыточности своего предложенія при той обстановкѣ, когда Си-

версъ требовалъ отвѣта черезъ ночь. Это ему замѣтилъ бельзскій посолъ Дронговскій, а пинскій посолъ Орда предлагалъ отправить посольство къ Екатеринѣ и пріостановить работы сейма до полученія отъ нея отвѣта. Это многимъ понравилось, и самому королю въ томъ числѣ; но никто не смѣлъ быть увѣреннымъ, чтобы упрямый Сиверсъ поддался на такую ловушку.

Засѣданіе не окончилось ничѣмъ рѣшительнымъ. Между тѣмъ городъ Гродно былъ опоясанъ русскими военными силами, не выпускали никого оттуда, хотя бы на короткую прогулку безъ билета отъ генерала. Король хотѣлъ было устроить обѣдъ въ окрестностяхъ въ Понемунге въ воскресный день, свободный отъ сеймовыхъ занятій. Русскіе солдаты не пропускали отправленнаго туда поѣзда съ королевскимъ буфетомъ и столовымъ бѣльемъ, до тѣхъ поръ, пока не послѣдовало разрѣшенія на пропускъ отъ русскаго дежурнаго маіора. Слѣдующій день, 17-го числа, былъ роковой день, назначенный русскимъ посломъ какъ послѣдній срокъ. Продажный маршалъ обратился, какъ всегда водилось, со вступительною рѣчью, восхвалялъ твердость, мужество, геройство поляковъ, доблесть, достойную древнихъ римлянъ, и спустившись съ высоты риторики на низменность дѣйствительности, совѣтовалъ изслѣдовать: не будетъ ли проектъ, поданный вчера Лобаржевскимъ, самымъ удобнѣйшимъ средствомъ спасти, по крайней мѣрѣ, остатокъ отечества?

Тутъ возвысилъ голосъ король: «Наше отечество на краю гибели. Судьба Польши въ отчаянномъ положеніи. Если есть еще для нея какое-нибудь спасеніе, то развѣ въ великодушіи императрицы; къ ней единой слѣдуетъ прибѣгнуть, испытать послѣднія средства, если не отвратить навсегда, то, по крайней мѣрѣ, отсрочить ужасную минуту раздѣла нашего отечества. Пошлемъ къ русскому посланнику канцлеровъ просить его дать хотя короткій

срокъ сейму, пока посланный нами курьеръ воротится отъ императрицы».

Согласились на это. Канцлеры отправились къ Сиверсу. Между тѣмъ патріоты опять начали показывать свое геройство.

«Спасти остатокъ отечества! — говорилъ Гославскій, повторяя послѣднія слова маршала,—мы не спасемъ его. Послѣ перваго раздѣла, трактаты 1773 и 1775 г. гарантировали намъ цѣлость остатка отечества, а теперь мы видимъ, какъ можно надѣяться на трактаты. Нѣтъ, лучше погибнуть со славою, сохранивъ уваженіе къ себѣ всѣхъ народовъ, чѣмъ, покрывшись стыдомъ, съ обманчивой надеждой спасать остатокъ отечества! Наияснѣйшій король! Наступила великая минута; она рѣшитъ приговоръ, какой сдѣлаетъ объ васъ потомство. Если вы первый подпишете раздѣлъ, вы сдѣлаетесь виновникомъ стоновъ безчисленнаго множества вашихъ согражданъ, которые теперь васъ уважаютъ. Они будутъ гнушаться вашею памятью, за то, что въ ваше царствованіе свободные граждане подчинились тиранніи деспотовъ. Угрозы разорить столовыя королевскія имѣнія, которыми хочетъ устрашить васъ посланникъ, не извинятъ васъ въ глазахъ Европы; напротивъ, ваша слава будетъ блистательнѣе, когда вы пріобрѣтете ее потерею вашихъ доходовъ».

«Иду въ неволю,—восклицалъ Микорскій (вышегродскій)—не жалѣйте обо мнѣ. Я добровольно буду терпѣть».

«Прежде эта святыня заплыветъ кровью, чѣмъ мы подпишемъ трактатъ,—говорилъ другъ тарговицкой конфедераціи и врагъ 3-го мая, Карскій,—пусть Европа смотритъ, что дѣлается съ вольнымъ народомъ. Невозможно, чтобы, видя такой примѣръ, Европа не приняла мѣръ для безопасности другихъ государствъ и насъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не воздвигнула изъ упадка. Намъ посланникъ грозитъ непріятельскимъ обращеніемъ? Да лучше умереть, чѣмъ

продать въ оковы своихъ братьевъ и сдѣлаться посмѣшищемъ другихъ народовъ»!

Люблинскій посолъ Галензовскій говорилъ: «Объявимъ Сиверсу, что народъ польскій хладнокровно ожидаетъ слѣдствій страшныхъ его замысловъ, подобно тому, какъ нѣкогда римляне въ сенатѣ ожидали галловъ, и враги сочли ихъ статуями, а не людьми».

Но вотъ возвратились канцлеры. Сиверсъ объявилъ имъ такъ: «Я получилъ недавно еще приказаніе ея императорскаго величества не измѣнять ни одного слова въ проектѣ трактата. Поэтому, господа, толки ни къ чему не поведутъ. Если сегодня же не будетъ дано депутаціи полномочія подписать трактатъ, я буду поступать съ Польшею какъ съ непріятельскою землею».

Услышавши о безуспѣшности посольства канцлеровъ, патріоты разразились взрывомъ негодованія. Карскій выразился тогда: «Если въ этой Избѣ есть кто-нибудь, кто подпишетъ этотъ трактатъ, я первый подамъ примѣръ, какъ поступать съ измѣнниками». Но умѣренные мало-по-малу одинъ за другимъ подавали свои голоса. Лидскій посолъ Нарбутъ говорилъ: «Мы были бы измѣнники, если бы поступали добровольно. Но развѣ мы свободны? Развѣ мы не невольники? Вотъ уже пять недѣль сеймъ въ неволѣ; однихъ пословъ арестуютъ, у другихъ имѣнія секвеструютъ; безъ билетовъ нельзя выѣзжать изъ города; кругомъ Гродно чужеземное войско; всего этого мало — грозятъ лишить бѣдныхъ поселянъ куска хлѣба, разорить край—за что бѣдные жители будутъ страдать за насъ? Мы завоеваны. Я плѣнникъ. А плѣнникъ развѣ можетъ распоряжаться своимъ достояніемъ? Развѣ, будучи въ неволѣ, не согласится дѣлать все, что прикажутъ?»—«Дѣло нашего сейма — говорилъ епископъ Коссаковскій — беззаконно; но вѣдь мы уступаемъ насилію, и притомъ послѣ опыта борьбы. Развѣ можетъ кто-нибудь намъ это поста-

вить въ укоръ и сказать, что трактатъ подписывается по добровольному согласію; подписанный же поневолѣ, онъ не имѣетъ и силы до окончательной ратификаціи. Я совѣтую лучше не противиться посланнику; это единственное средство спасти остатокъ отечества; быть можетъ наши просьбы у императрицы въ промежутокъ времени до утвержденія трактата могутъ еще смягчить ее!» Тогда взоры многихъ обратились на короля; его просили заявить свое окончательное мнѣніе.

«Не думайте,—сказалъ король,—чтобы я мало цѣнилъ героическое мужество гражданъ, пренебрегающихъ опасностію, неподатливыхъ никакому устрашенію. Но что похвально въ нихъ, то принимаетъ совсѣмъ иное значеніе въ томъ санѣ, какой я ношу. Ихъ похвальная твердость сдѣлаетъ имя ихъ знаменитымъ, но можетъ также и способствовать исключенію нашей Польши изъ ряда государствъ. Я же не только какъ король, но и какъ отецъ, долженъ не гоняться за минутными рукоплесканіями, а говорить языкомъ истины. При открытіи сейма, я сказалъ, что не отступлю никогда отъ большинства, выражающаго волю Избы; я сказалъ также, что не подпишу первый трактата о раздѣлѣ. Я полагалъ, что съ нами будутъ обращаться какъ съ народомъ свободнымъ и предоставятъ дѣлать то, чего требуетъ долгъ; отъ того я такъ и сказалъ; я не предвидѣлъ, чтобы дошло до такихъ крайностей, какими угрожаетъ намъ нота, полученная вчера. Я обманулся, господа, также, какъ обманулся, приступивъ къ Тарговицкой конфедераціи. Тогда я думалъ этимъ поступкомъ предотвратить раздѣлъ Польши: мнѣ говорили, что онъ непремѣнно послѣдуетъ, если я не приступлю къ конфедераціи. Теперь же у насъ нѣтъ ни войска, ни денегъ, ни союзниковъ; сто тысячъ иностраннаго войска готовится внести въ нашу страну ужасы разоренія, угрожая каждому семейству... Есть ли для

насъ какая-нибудь свобода избирать то, что́ намъ кажется лучшимъ? Если вы станете упорствовать, то будете отвѣчать предъ вашими довѣрителями; они послали васъ спасать согражданъ отъ иностраннаго владычества. Вы же не только не успѣете сдѣлать того, что вамъ поручено, но еще и на тѣхъ, которые васъ послали, навлечете разрушительную войну и подвергнете ихъ въ конецъ тому же игу, отъ котораго хотѣли избавить другихъ согражданъ; напротивъ, уступая силѣ, мы, по крайней мѣрѣ, спасемъ остатокъ отечества отъ большихъ еще несчастій; и, кто знаетъ, быть можетъ великая государыня проникнется нашимъ смиреніемъ до того, что окажетъ великодушіе къ несчастной націи!»

Тонъ короля утишилъ многихъ. Но Шидловскій выступилъ опять съ своимъ проектомъ; его поддерживала небольшая уже кучка патріотовъ. Маршалъ сталъ читать проектъ Лобаржевскаго. Патріоты шумѣли при каждомъ словѣ, хотѣли, чтобъ никто не слыхалъ читаемаго. Проектъ, однако былъ прочитанъ до конца и пущенъ на голоса. Оказалось 64 голоса за него, а противныхъ было только двадцать. Эти двадцать человѣкъ единогласно кричали, что готовы жертвовать собою, подвергаясь тюрьмѣ или смерти, но имъ тогда возразили: вы можете располагать собственною своею личностью, однако сами говорите, что не можете располагать участью соотечественниковъ въ отрываемомъ краѣ поступающихъ въ неволю: подумайте, вы не смѣете и не можете подвергать избіенію нѣсколько милліоновъ соотечественниковъ, остающихся въ томъ краѣ, который еще дозволяютъ называть Польшею сосѣди. Чтеніе другихъ проектовъ объ этомъ предметѣ оказалось само собою неумѣстнымъ.

Депутація получила полномочіе. Послѣ похвалъ мужеству и безстрашію сеймовыхъ пословъ и горькихъ жалобъ на насиліе, оно кончалось такъ:

«Дошедши до крайнихъ предѣловъ бѣдствій, намъ ничего не остается, какъ призвавши во свидѣтельство Бога, судію сердецъ человѣческихъ и цѣлый свѣтъ, взирающій на насъ, отдать судьбу нашего отечества волѣ той великой государыни, которая. вѣроятно, будетъ побѣждена довѣріемъ къ себѣ польскаго народа, подастъ ему благодѣтельную руку и не пожелаетъ его погибели. А потому мы, король, съ согласія чиновъ сейма, поручаемъ депутаціи, назначенной для переговоровъ съ г. россійскимъ посломъ, заявивъ о силѣ довѣрія нашего къ справедливости и великодушію ея императорскаго величества, подписать, не допуская никакой отмѣны, трактатъ съ Россіею въ тѣхъ статьяхъ, какія даны г. посланникомъ въ его нотѣ, и какія признаны умѣстными тою государынею, которая такъ часто держала въ рукахъ своихъ судьбу народовъ, и которую несчастный народъ избираетъ судьею своей участи, не противопоставляя ея волѣ ничего, кромѣ избытка собственнаго несчастія и величія ея чувствованій».

Такъ окончилъ гродненскій сеймъ половину своей работы. Страннымъ быть можетъ покажется, какъ это, послѣ стольких заявленій горячаго патріотизма, все ограничилось однѣми фразами; но надобно принять во вниманіе, что многіе изъ пословъ, получивъ отъ Сиверса, что̀ слѣдуетъ въ мѣсяцъ, разыгрывали комедію своими рѣчами въ духѣ Тита Ливія. Они считали умѣстнымъ и приличнымъ, не устоявъ противъ искусительнаго блеска червонцевъ, въ то же время покрасоваться и благородствомъ, мужествомъ и твердостью, чтобы показать себя чистыми въ глазахъ Европы и скрыть свои грѣхи. Нельзя сказать, чтобы здѣсь не пробуждалось и дѣйствительное чувство и сожалѣніе потерять столько областей и унизить свое отечество; оно боролось съ любовью къ выгодамъ и еще болѣе со страхомъ и съ размышленіемъ о безплодности оппозиціи. Крутыя мѣры, какими угрожалъ Сиверсъ, были болѣе пло-

домъ его соображеній, чѣмъ прямыхъ предписаній Екатерины. Въ своемъ рескриптѣ отъ 13-го іюля, государыня изъявляла такого рода взглядъ на удобнѣйшее веденіе дѣла: «лучше по назначеніи делегаціи тотчасъ лимитовать сеймъ. Я ненавижу принудительныя средства и я не вижу даже, послѣ вашего отвѣта, чтобы строгія мѣры, предварительно вами предпринятыя, были полезны. Если же онѣ неизбѣжны, лучше употреблять ихъ надъ всею націею вообще и надъ королемъ. Тутъ онѣ по крайней мѣрѣ полезны, а въ другихъ случаяхъ онѣ только раздражаютъ умы и бросаютъ тѣнь на самые поступки. Прежде, чѣмъ прибѣгать къ фактическимъ мѣрамъ и насилію, сдѣлайте опытъ кроткихъ мѣръ съ начальниками оппозиціи: обѣщайте имъ награды, мѣста, повышенія, староства. Этимъ лучше всего теперь утишить волненіе умовъ. Повѣрьте: изъ тѣхъ, кто рѣшился явиться въ качествѣ пословъ на сеймъ, нѣтъ ни одного, кто бы не пришелъ съ цѣлью устроить свою приватную пользу. Поэтому и слѣдуетъ взять ихъ на эту удочку, какъ обстоятельства покажутъ. Большая часть ихъ думаетъ о староствахъ. Объявить имъ напередъ, что не допустится раздача земель, значитъ отнять у нихъ надежды, какія могутъ сдѣлать ихъ покорными. Продажу чиновъ тоже слѣдуетъ допустить. Это велось издавна въ Польшѣ. Прусскія войска вошли въ краковское и сендомирское воеводства. Вы всегда можете пригрозить ими непокорному сейму, когда онъ заупрямится, но только въ самомъ крайнемъ случаѣ. Вы можете устрашить лицемѣрную совѣсть короля и другихъ, напомнивъ имъ, какъ сами они принуждали насильно къ принятію конституціи 3-го мая не хотѣвшихъ раздѣлять ихъ мнѣнія. Да, примѣровъ насильства довольно въ царствованіе этого короля».

Депутація подписала трактатъ 22-го іюля, въ день рожденія великой княжны Ольги Павловны. Этотъ день выбралъ Сиверсъ, чтобы соединить торжество національное рус-

ское съ семейнымъ торжествомъ царствующаго дома. Въ этотъ день Сиверсъ устроилъ великолѣпный обѣдъ, пригласилъ къ нему иностранныхъ министровъ, иныхъ знатныхъ особъ и депутацію, покончившую съ нимъ дѣло. Пушечные выстрѣлы при заздравныхъ тостахъ возвѣстили радость Россіи о присоединеніи своего древняго достоянія и позоръ Рѣчи-Посполитой, такъ постыдно уступившей его послѣ долгаго владѣнія. Приглашенные къ столу поляки должны были раздѣлять это печальное для нихъ торжество.

Одинъ изъ ярыхъ патріотовъ, Краснодембскій, послѣ подписанія полномочія, говорилъ такъ: «можно уважать и тѣхъ, которые намъ не милы. Таковъ россійскій посланникъ. Я вижу въ немъ великую доблесть; тяжело намъ его могущество, но добродѣтель его и твердость достойны подражанія. Онъ сдѣлалъ все, чтó былъ обязанъ сдѣлать по долгу къ своему отечеству и къ своей монархинѣ. Онъ насъ и ласкалъ, и угрожалъ намъ, и поставилъ на своемъ. Вотъ если бы мы имѣли такое мужество, такую твердость въ предпріятіяхъ и ревность по отношенію своихъ обязанностей, и были также вѣрны своей отчизнѣ! Поблагодаримъ его за обѣщанное покровительство и помощь; но я бы ни за что не хотѣлъ пользоваться щедротами Россіи. Пусть бы она жаловала насъ изъ своего, а то вѣдь она готова намъ благодѣтельствовать изъ ограбленнаго у насъ же. Принимать у нея что-либо, значитъ сознать, что русскія притязанія правильны, значитъ признавать легальность отнятія у насъ края. Я всегда былъ и теперь остаюсь противъ этого; не хочу, чтобы мы обязывались какою-нибудь благодарностію къ Россіи; пусть она или возвратитъ намъ все отнятое, или возьметъ все, а назначенныя намъ границы носятъ видимое пятно насилія».

Содержаніе трактата заключалось въ десяти статьяхъ. Первая установляла вѣчный миръ между русскою импе-

ратрицею, ея потомками и наслѣдниками и всѣмъ государствомъ съ одной стороны, и между польскимъ королемъ и его преемниками на престолѣ Королевства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго, съ другой. Было сказано: «Для прочнѣйшаго утвержденія взаимной дружбы, высоко-договаривающіяся стороны обязываются и обѣщаютъ не только предать прошедшее совершенному забвенію, но и прилагать крайнее тщаніе о прекращеніи въ самомъ началѣ всякаго повода къ разрыву, могущаго вновь поколебать искреннюю между ними дружбу и взаимныя сношенія между народами». Во второй—означались отобранныя земли, въ порядкѣ, означенномъ въ декларацiи Кречетникова. Земли эти отбирались отъ Польши для того, «чтобъ установить сію счастливую систему мира на прочнѣйшемъ основаніи». Было сказано: «Его величество король и чины Королевства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго самымъ формальнымъ, торжественнымъ и наисильнѣйшимъ образомъ уступаютъ ея величеству императрицѣ всероссійской, наслѣдникамъ и преемникамъ ея все, что, вслѣдствіе того къ Имперіи Россійской принадлежать долженствуетъ, а именно всѣ земли и уѣзды, отдѣленные вышереченною чертою отъ настоящихъ польскихъ владѣній, со всею собственностію, самодержавіемъ и независимостію, со всѣми городами, крѣпостями, мѣстечками, селами, деревнями, рѣками и водами, со всѣми подданными и жителями, освобождая сихъ послѣднихъ отъ подданства и присяги въ вѣрности, учиненной ими его величеству и Коронѣ Польской, со всѣми правами какъ по политической и гражданской, такъ и по духовной части, и вообще со всѣмъ принадлежащимъ къ самодержавію сихъ земель, и реченные его величество король и Рѣчь-Посполитая, польскіе, обѣщаютъ точнѣйшимъ и торжественнѣйшимъ образомъ не дѣлать никогда ни явно, ни скрытно и ни подъ какими предлогами никакого при-

тязанія на сіи земли и области, настоящимъ трактатомъ уступленныя». Въ третьей—король за себя и за своихъ преемниковъ и генеральные чины отказались на вѣчныя времена отъ всякихъ притязаній на эти уступленныя земли. Въ четвертой было сказано, что императрица «отрицается на вѣчныя времена, какъ за себя такъ и за наслѣдниковъ и преемниковъ своихъ, отъ всякаго права и притязанія, какія бы она нынѣ или впредь учинить могла посредственно или непосредственно, и подъ какими бы видами, наименованіемъ, предлогомъ или условіемъ и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ или происшествіяхъ, на какую-либо область или малѣйшую часть владѣнія, заключающагося теперь въ Польшѣ». Въ пятой,—императрица обязывалась, «не сопротивляться никакой перемѣнѣ въ образѣ правленія, какую въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ польскихъ его величество король и Рѣчь-Посполитая признаютъ за лучшее учинить въ древней конституціи согласно съ желаніемъ народа, которое добровольно изъявлено будетъ его уполномоченными, законнымъ образомъ на настоящемъ сеймѣ созванными». Въ шестой предполагалось установить правила относительно взаимной торговли народовъ польскаго и русскаго, а въ седьмой — назначить коммиссаровъ для опредѣленія границъ между государствами. Въ восьмой, россійская императрица обѣщала свободное отправленіе богослуженія и церковнаго порядка римско-католической религіи, объявляя за себя и преемниковъ своихъ, что «никогда не соизволитъ употреблять права самодержавія въ предосужденіе римско-католическому обоихъ обрядовъ закону въ земляхъ, по силѣ сего договора въ ея подданство поступившихъ». Въ девятой сказано, что послѣ этого трактата будутъ составлены другія обоюдныя постановленія, а десятая обязывала обѣ стороны ратификовать трактатъ въ теченіи шести недѣль.

V.

Дѣло съ Пруссіею.—Споры о назначеніи депутаціи для совѣщанія съ прусскимъ посланникомъ. — Упрямство и увертки сеймовыхъ послов.—Твердость Сиверса.—Назначеніе депутаціи.

Дѣло съ Россіей покончилось. Началось дѣло съ Пруссіей. Оно было труднѣе прежняго, и посланникамъ пришлось помучиться съ упрямствомъ и уловками сейма еще цѣлыхъ два мѣсяца.

Еще до подписанія трактата съ Сиверсомъ, Бухгольцъ прислалъ 9-го (20-го) іюля ноту, гдѣ просилъ назначить делегацію съ надлежащимъ полномочіемъ, для окончанія переговоровъ съ е. в. прусскимъ королемъ.

Въ продолженіи трехъ дней толковали о несправедливости притязаній Пруссіи. «Намъ объявляли, что прусскій король ввелъ войска въ Польшу для преслѣдованія якобинцевъ. Ну, что же? теперь они истребили якобинцевъ. которыхъ тамъ и не было, такъ мы можемъ назначить делегацію, которая бы вела переговоры единственно о выводѣ прусскихъ войскъ изъ польской территоріи». Такъ говорили послы.

Ихъ ободрила депеша Вóйны изъ Вѣны, которая гласила, что хотя русскій и прусскій министры при вѣнскомъ дворѣ сильно стараются у императора о признаніи законнымъ раздѣла Польши, но императоръ боится увеличенія территоріи союзныхъ государствъ. Это и располагало поляковъ какъ можно болѣе тянуть время въ ожиданіи благопріятныхъ поворотовъ въ политикѣ. Предлагали обратиться къ императору съ просьбой о посредничествѣ, а между тѣмъ пріостановить занятія сейма. Другіе совѣтовали просить защиты противъ прусскихъ притязаній у русской императрицы. «Мы уступили Россіи области, какъ бы понеся справедливое наказаніе за то, что нарушили

гарантіи Россіи, объявили вражду этой монархіи, по наущенію Пруссіи,—говорилъ Карскій,—но за что же мы будемъ давать области прусскому королю? Скорѣе онъ, какъ главный возбудитель противъ Россіи, долженъ бы былъ теперь поплатиться за насъ».

«Москва и Пруссія,—говорилъ Краснодембскій,—не одно и то же. Москва происходитъ отъ одного съ нами племени, и мало отъ насъ разнится по образу мыслей, обычаямъ и нравамъ; въ соединеніи съ Москвою, можетъ быть, мы увидимъ обоюдное счастіе обоихъ народовъ. Но съ Пруссіей мы не сойдемся никогда. Старая пословица говоритъ: Пока свѣтъ стоитъ свѣтомъ—полякъ не будетъ нѣмцу братомъ».

«Что дѣлать? — говорилъ литовскій подскарбій Огинскій,—судьба многихъ государствъ въ мірѣ была такова, что они падали съ вершины своей славы, и потомъ, при счастливыхъ обстоятельствахъ, опять поднимались. Польша не должна приходить въ отчаяніе оттого, что ей предписываетъ законы тотъ, кто былъ нѣкогда ея вассаломъ. Будущность, быть можетъ, еще и поправитъ насъ».

Наконецъ, 26-го іюля, обратились къ королю съ просьбой дать совѣтъ.

«Если бы мои совѣты—сказалъ король—были принимаемы на прошедшемъ сеймѣ, можетъ быть Польша не была бы въ такомъ печальномъ положеніи. Я всегда поддерживалъ ту мысль, что тѣснѣйшій союзъ съ Россіею, за исключеніемъ всякихъ другихъ, былъ бы выгоднѣе всего для Рѣчи-Посполитой. Теперь я убѣжденъ, что никакія личныя пожертвованія не отвратятъ отъ Польши несчастія; испытаемъ косвенныя средства. Обратимся къ императрицѣ, укажемъ на несправедливость прусскихъ притязаній, на то, что трактаты 1773 и 1790 годовъ, заключенные съ пруссаками, гарантируютъ намъ не только

цѣлость нашихъ областей, но обязываютъ прусскаго короля защищать насъ; что Польша не подала ни малѣйшаго повода къ нарушенію этого трактата, что дѣло 3-го мая не можетъ давать права прусскому королю на захватъ областей, ибо это дѣло было одобрено прусскимъ королемъ, наконецъ,—что по всѣмъ изысканіямъ у насъ вовсе не существовало никакихъ якобинцевъ».

Въ такомъ смыслѣ король подалъ проектъ ноты, которую должно представить русскому посланнику. Ему возразили, что подобная нота, вмѣсто того, чтобы отдалить сношенія съ Пруссіей, только дастъ русскому министру печальную необходимость требовать скорѣйшаго начатія этихъ сношеній. Проектъ короля былъ, однако, принятъ большинствомъ, нота послана Сиверсу, и на другой день, 27-го іюля, былъ отъ него полученъ и въ засѣданіи прочтенъ отвѣтъ. Посланникъ Екатерины объявлялъ, что инструкціи, данныя ему, не дозволяютъ обѣщать ходатайства объ отсрочкѣ сношеній съ Пруссіею, напротивъ, обязываютъ его содѣйствовать скорѣйшему начатію переговоровъ съ прусскимъ посломъ.

«Если г. русскому посланнику — сказалъ ломжинскій посолъ Скаржинскій—иструкція не представляетъ возможности принять на себя содѣйствіе, то намъ остается обратиться прямо къ великой государынѣ, посредствомъ особаго посольства, представить ей критическое положеніе Польши, и просить ея милостивой помощи».

Эта мысль очень понравилась многимъ, такъ какъ она всетаки подавала предлогъ къ затяжкѣ дѣла. Другіе, развивая ее, прибавляли, что, въ такомъ случаѣ, слѣдуетъ пріостановить дѣятельность сейма. Но противъ этого Лобаржевскій подалъ проектъ продолжить сеймъ до 15-го августа. Цѣль его была привести сеймъ къ необходимости угодить посланникамъ, но онъ не выставлялъ ее наружу, а указывалъ на необходимость заниматься дѣлами вну-

тренняго устройства, тѣмъ болѣе, что тарговицкая конфедерація своими злоупотребленіями запутала доходы и расходы, и вообще привела край въ состояніе крайняго безпорядка во всѣхъ отношеніяхъ. Указывалось и на то, что польская армія, хотя значительно убавленная тѣмъ, что Россія уже завербовала часть ея въ отобранныхъ провинціяхъ, состоя изъ 25,000 человѣкъ, въ земляхъ, оставшихся за Польшею, не получаетъ жалованья и предается своевольствамъ. Вопросъ этотъ остался нерѣшеннымъ и оставленъ на слѣдующее засѣданіе 18-го (29-го) іюля. При началѣ этого засѣданія, члены сейма замѣтили, что многихъ пословъ не было на лицо, и боялись, не арестованы ли они снова. Шидловскій, не зная еще въ чемъ дѣло, кричалъ, что по этому поводу слѣдуетъ прекратить совѣщанія. Товарищи, о которыхъ безпокоились, однако явились, и одинъ изъ нихъ, Скаржинкій, объяснилъ, что вчера ихъ пугали разореніемъ земель, если они подадутъ такіе голоса, которые будутъ задерживать продолженіе сейма. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и его товарищи объявляли, что несмотря на такія угрозы, они все-таки будутъ поступать такъ, какъ указываютъ имъ истинныя нужды отечества. Передъ тѣмъ Сиверсъ намылилъ голову Скаржинскому и его брату, у которыхъ были имѣнія въ Украинѣ. «Если — говорилъ онъ — вы будете дозволять себѣ выраженія, противныя волѣ ея императорскаго величества, я наложу военную экзекуцію на ваши имѣнія».

Патріоты домогались закрытія сейма. Краснодембскій кричалъ болѣе всѣхъ. Другіе представляли, что въ городѣ, по случаю многолюдства, произошла такая дороговизна, что имъ невозможно содержать себя. «Распущеніе сейма—возражали Коссаковскій и Рачинскій—было бы теперь для страны хуже самаго раздѣла. Оно подвергло бы Польшу крайнему разстройству и военному своеволію. Мы бы окон-

чательно раздражили императрицу, а въ ея рукахъ судьба наша».

Послѣ долгихъ споровъ приступили къ голосованію, и большинство восьмидесяти голосовъ передъ двадцатью семью рѣшило продолжить сеймъ до 15-го августа. Иначе и быть не могло. Сиверсъ заранѣе объявлялъ, что не выпуститъ изъ Гродно ни одного посла, прежде окончанія сейма. Никто изъ пословъ не осмѣливался подавать голоса о баллотировкѣ голосовъ по вопросу объ иной отсрочкѣ.

На слѣдующее засѣданіе, 19-го (30-го) іюля, благопріятель Пруссіи, Древновскій, выступилъ съ проектомъ дать инструкцію депутаціи, назначенной для переговоровъ съ Пруссіею.

Но посолъ противной партіи, Микорскій, началъ домогаться разсмотрѣнія своего проекта, гдѣ предлагалось, прежде сношеній съ прусскимъ посломъ, спросить его, г. Бухгольца: считаетъ ли Пруссія существующими прежніе договоры съ Рѣчью-Посполитою 1773 и 1790 годовъ, и если они нарушены, то пусть объяснитъ, по какимъ побужденіямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ просить его о выводѣ прусскихъ войскъ изъ польскихъ областей. Едва начались пренія по поводу этихъ двухъ проектовъ, какъ явилась нота Сиверса. Посолъ императрицы дѣлалъ сейму замѣчаніе, что съ 9-го (20-го) іюля, когда была подана нота Бухгольца, сеймъ дѣлаетъ ежедневно остановки и занимается предметами, не имѣющими никакой связи съ прусскимъ дѣломъ. «Нижеподписавшійся,—выражался Сиверсъ, — опасаясь, чтобы и настоящее засѣданіе, какъ и другія, послѣдующія за нимъ, не окончились ничѣмъ, находитъ себя вынужденнымъ объявить наияснѣйшимъ чинамъ, собраннымъ на конфедераціонный сеймъ, что онъ имѣетъ повелѣніе требовать скорѣйшаго начинанія сношеній съ прусскимъ министромъ, и немедленнаго постановленія о надлежащихъ инструкціяхъ и о полномочіи по этому вопросу».

По прочтеніи этой ноты, секретарь сейма сталъ-было читать проектъ Древновскаго, но плоцкій посолъ, Карскій, закричалъ: «Если вы осмѣлитесь читать, то станете сами первою жертвою вашей снисходительности къ извѣстной партіи». Секретарь испугался и остановился. Одни поддерживали Карскаго, другіе были противъ него. Поднялся такой шумъ, что дѣло готово было дойти до драки. Тогда смущенный маршалъ сейма обратился къ королю и просилъ его, какъ главу, рѣшить своей мудростію вопросъ, раздирающій собраніе. Король объявилъ, что прежде, чѣмъ произнесетъ свое сужденіе, онъ хочетъ узнать мнѣніе сейма. Начали отбирать голоса. Явилось раздвоеніе. Половина была за Древновскаго, другая за Микорскаго. Король предложилъ пустить на голоса такой вопросъ: «чей проектъ долженъ быть прежде читанъ? Начали отбирать голоса; оказалось равенство голосовъ и на той, и на другой сторонѣ. По закону приходилось рѣшать королю. Станиславъ-Августъ, чтобы угодить обѣимъ партіямъ, предложилъ читать проектъ Древновскаго, но въ то же время послать къ Бухгольцу ноту, и потребовать объясненій, сообразно желанію Микорскаго. Нота была написана отъ имени канцлера и послана Бухгольцу въ такихъ выраженіяхъ:

«Его величество король, со всѣми чинами конфедераціоннаго сейма, разсматривая ноту г. Бухгольца, экстраординарнаго и уполномоченнаго министра его королевскаго величества прусскаго короля, отъ 20-го іюля, гдѣ говорится о постановленіи новаго договора между Рѣчью-Посполитой и его величествомъ королемъ прусскимъ, и принимая во вниманіе, что оба государства соединены уже, кромѣ трактата 1773 г., еще и новымъ союзомъ 1790 г., которыхъ статей Рѣчь-Посполитая ни въ чемъ не нарушала, поручила намъ, нижеподписавшимся, освѣдомиться у г. посла прусскаго: считаетъ ли его величество король

прусскій себя обязаннымъ означенными трактатами или нѣтъ?

«Высокое мнѣніе объ искренности характера этого государя, съ каковымъ пріятно оставаться собраннымъ на сеймѣ посламъ, не дозволяетъ имъ имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія о его чистосердечномъ желаніи соблюденія торжественно принятыхъ обязанностей, которыя упрочили пріязнь и доброе согласіе между этимъ государемъ и Рѣчью-Посполитою. Поэтому члены, собранные на сеймъ, дали нижеподписавшимся приказаніе сообщить г. послу, что пребываніе прусскихъ войскъ въ областяхъ Рѣчи-Посполитой, будучи для нея отяготительнымъ, противно существу продолжающихся между Рѣчью-Посполитою и прусскимъ королемъ взаимныхъ обязанностей. Итакъ, нижеподписавшіеся, исполняя порученіе, просятъ г. посла съ своей стороны склонить дворъ свой къ изданію приказаній своему войску очистить польскія области, нынѣ ими занимаемыя, и надѣются сообразнаго въ этой мѣрѣ отвѣта».

Бухгольцъ отвѣчалъ на это въ тотъ же день такою нотою:

«Нижеподписавшійся, съ удивленіемъ прочитавъ содержаніе ноты чиновъ конфедераціоннаго сейма Рѣчи-Посполитой, подписанной настоящимъ числомъ, спѣшитъ отвѣчать въ ту же минуту, что предметъ ея не прямо относится къ деклараціи, поданной обоими высокими дворами, берлинскимъ и петербургскимъ, и къ нотамъ, въ началѣ сейма посланнымъ какъ отъ нижеподписавшагося, такъ и отъ чрезвычайнаго и полномочнаго россійскаго посла, а потому нижеподписавшійся оставляетъ подробное объясненіе объ этомъ предметѣ до того времени, какъ начнутся конференціи депутаціи съ нижеподписавшимся о тѣхъ предметахъ, о которыхъ означенная депутація уже вела переговоры съ посломъ россійскимъ».

Прочитавъ такой отвѣтъ, на сеймѣ стали читать проектъ

Древновскаго. Суходольскій потребовалъ сдѣлать тамъ прибавку, чтобы депутаты не принимали никакихъ предложеній объ уступкѣ провинцій, не снесясь съ сеймомъ. Въ такомъ видѣ проектъ о депутаціи рѣшенъ былъ большинствомъ 63 противъ 39 голосовъ. Епископъ Коссаковскій предложилъ прибавить еще въ инструкціи депутатамъ, что депутація, назначенная для переговоровъ съ прусскимъ министромъ, приступаетъ къ этому только вслѣдствіе иноземнаго насилія. Въ свое утѣшеніе, по предложенію Янковскаго, сеймъ положилъ сообщить разнымъ иностраннымъ министрамъ оба акта: ноту сейма къ прусскому министру и отвѣтъ послѣдняго, и записать ихъ въ книги сейма, чтобы вся Европа и будущія поколѣнія знали, какъ можно полагаться на твердость договоровъ, заключенныхъ съ Пруссіею, а посолъ Буховецкій разсказалъ передъ собраніемъ исторію бранденбургскаго дома отъ тѣхъ временъ, когда этотъ домъ былъ въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Польшѣ, до настоящей минуты, и старался показать все коварство прусской политики. Вечеромъ, въ тотъ же день, Сиверсъ задалъ Коссаковскому головомойку за предложенный имъ въ Избѣ намекъ о насиліи.

Съ этихъ поръ, до 26-го іюля (7-го августа), сеймъ занимался вопросомъ о войскѣ и о финансахъ. Всѣ хотѣли елико возможно тянуть время, потому что обольщались разными надеждами. Польскіе министры при европейскихъ дворахъ писали въ отечество, что въ политикѣ произойдутъ измѣненія. Въ Польшѣ шведскій посланникъ оказывалъ радость, что Пруссія встрѣчаетъ затрудненіе, а австрійскій изподтишка поджигалъ поляковъ къ упрямству, и подавалъ имъ надежды, что Австрія не потерпитъ расширенія и усиленія давно уже соперничествующей съ нею Пруссіи. «Удивляюсь глупости поляковъ, — писалъ тогда Сиверсъ, — они дали инструкцію своей депутаціи

толковать только о торговыхъ дѣлахъ, думая, что дѣло объ уступкѣ земель не состоится».

Депутація, назначенная для переговоровъ съ Бухгольцемъ, состоявшая изъ тѣхъ самыхъ особъ, которые совѣщались съ Сиверсомъ, приступила къ конференціямъ съ прусскимъ посломъ, но эта конференція прервалась тотчасъ же. Слѣдовало, по принятому дипломатическому обычаю, прежде всего сдѣлать обмѣнъ полномочій. Полномочіе одной стороны должно было соотвѣтствовать полномочію другой. Но такого соотвѣтствія не было. У Бухгольца въ полномочіи было сказано объ уступкѣ Польшею Пруссіи земель, какъ о главномъ предметѣ, а въ полномочіи польской депутаціи не было объ этомъ ни слова; въ инструкціи же, данной имъ объ этомъ предметѣ, даже не велѣно было толковать безъ сношенія съ сеймомъ. Поэтому, депутація обратилась къ сейму съ рапортомъ, а Бухгольцъ съ нотою. Прусскій посланникъ требовалъ, чтобы сеймъ предписалъ депутаціи вступить съ нимъ въ совѣщанія и продолжать ихъ безъ малѣйшаго перерыва. Уже Фридрихъ Вильгельмъ заявилъ Бухгольцу свое неудовольствіе за медленность и замѣчалъ, что напрасно переговоры съ Пруссіею не производятся въ одно и то же время, какъ и съ Россіею.

Такъ какъ нота Бухгольца не сопровождалась такими угрозами, какими обыкновенно приправлялъ свои ноты русскій посланникъ, то поляки не очень испугались ея и не сдѣлали ее особымъ предметомъ совѣщаній, а продолжали нѣсколько дней толковать о прочихъ дѣлахъ и только между прочимъ касались дѣла о сношеніяхъ съ прусскимъ посломъ, ограничиваясь пустою казуистикою.

Посреди такой казуистики, 10-го августа, сеймъ получилъ отъ россійскаго посла ноту, гдѣ было сказано:

«Ясныя и возобновленныя приказанія ея императорскаго величества, данныя нижеподписавшемуся, обязы-

ваютъ его напомнить наияснѣйшимъ государственнымъ чинамъ конфедераціоннаго сейма, чтобы они поручили депутаціи обмѣняться полномочіями и начать переговоры съ прусскимъ посланникомъ такъ, чтобы вслѣдъ затѣмъ наступило скорое и полное окончаніе дѣла. Ужасныя слѣдствія, которыя неизбѣжно повлекутъ за собою дальнѣйшія проволочки, слишкомъ извѣстны. Нижеподписавшійся не хочетъ распространяться подробнымъ изложеніемъ оныхъ. Несчастные и невинные поселяне потерпѣли бы отъ этого болѣе всѣхъ, и Рѣчь-Посполитая подверглась бы чрезъ то новымъ опасностямъ, вмѣсто возвращенія себѣ, посредствомъ спокойной дѣятельности сейма, спокойствія и счастія, похищенныхъ предшествовавшимъ революціоннымъ сеймомъ. 30-го іюля (10-го августа)».

Бухгольцъ, приславшій одновременно свою ноту, выразился такъ:

«Нижеподписавшійся принужденъ вторично требовать отъ чиновъ конфедераціоннаго сейма немедленнаго предписанія депутаціи объ обмѣнѣ полномочій, и затѣмъ о скорѣйшемъ веденіи переговоровъ, долженствующихъ положить предѣлъ всѣмъ потрясающимъ націю несчастіямъ, которыхъ тягость будетъ увеличиваться, если поляки постоянно будутъ поступать неразсудительно».

Послѣ этихъ нотъ, вопросъ объ обмѣнѣ полномочій былъ пущенъ на голоса и рѣшенъ большинствомъ 63 противъ 26. Однако поляки сдѣлали еще уловку: предписали депутаціи сдѣлать обмѣнъ полномочій и вступить въ переговоры съ Бухгольцемъ, но обязывали ее вести эти переговоры только о торговыхъ дѣлахъ, а по вопросу о присвоеніи Пруссіею областей не входить въ совѣщанія безъ воли сейма. Тогда, съ досады, безъ прямого отношенія къ текущимъ дѣламъ, напали на короля, взваливали на него всю силу несчастій Польши, припоминали все старое съ самаго начала его царствованія. Особенно отличился рѣз-

кими выраженіями противъ его особы Цемневскій. Это вызвало со стороны короля длинную рѣчь: онъ изложилъ исторію своего царствованія съ самаго вступленія на престолъ. Станиславъ-Августъ оправдывался тѣмъ, что всегда поступалъ по волѣ народа, и особенно распространился о своемъ акцессѣ къ тарговицкой конфедераціи, извиняя себя въ этомъ поступкѣ во-первыхъ тѣмъ, что въ Польшѣ не было никакихъ средствъ вести войну, во-вторыхъ, тѣмъ, что въ случаѣ его дальнѣйшаго сопротивленія, Польшѣ грозили раздѣломъ, и онъ уступкою думалъ сохранить цѣлость земель Рѣчи-Посполитой.

Рѣчь его тронула многихъ. Дзѣконскій и Анквичъ стали защищать короля. Анквичъ доказывалъ, что все зло для Польши возникло не во времена Станислава-Августа, а въ прежнія времена до него. Дзѣконскій говорилъ, что это зло наиболѣе увеличивалось въ Польшѣ оттого именно, что король мало имѣлъ власти. Краснодембскій, сторонникъ 3-го мая, замѣтилъ: «я помню, какъ король говорилъ: и зачѣмъ вы такъ льнете къ этой Пруссіи? И я былъ тогда въ Избѣ противъ Пруссіи. Король говорилъ, что̀ онъ терпѣлъ тогда; и мы не меньше его терпѣли съ нимъ».

Передъ этимъ сеймъ обращался къ обоимъ посланникамъ съ просьбою о возвращеніи принадлежащихъ скарбу Рѣчи-Посполитой суммъ, находящихся въ краяхъ, занятыхъ русскими и пруссаками. Сеймъ получилъ отъ обоихъ отвѣтъ: Бухгольцъ, именемъ своего короля, обѣщалъ возвратить требуемыя суммы, но не ранѣе, какъ по окончаніи переговоровъ, а Сиверсъ просто объявилъ согласіе на требованіе и потомъ, августа 2-го (13), увѣдомилъ, что состоявшійся между Россіею и Рѣчью-Посполитою трактатъ ратификованъ императрицею; въ свою очередь онъ приглашалъ ратификовать его и со стороны сейма. Теперь, по существу дѣла, оказывались неумѣстными и безполезными всякіе толки о трактатѣ, уже подписанномъ

императрицею, но ратификація его на сеймѣ однако послужила еще въ продолженіи нѣсколькихъ дней предлогомъ ломанья, выказыванья храбрости и польскаго мужества, упрямства и риторическихъ способностей сеймовыхъ пословъ. 6-го (17-го) августа, по этому поводу произошло чрезвычайно бурное засѣданіе. Едва только секретарь, по приказанію сеймоваго маршала, сталъ читать проектъ ратификаціи, составленный Анквичемъ, какъ Микорскій, Краснодембскій и Карскій вскочили съ своихъ мѣстъ, схватили секретаря за руку и тащили прочь, не давая ему читать, но подбѣжалъ Подгорскій и иные, схватили секретаря за другую руку и принуждали читать. Секретарь—ни взадъ, ни впередъ. Въ это время король далъ знать, что хочетъ говорить. «Я удивляюсь—сказалъ онъ—и не понимаю, что̀ за причина такого безпорядка?» Слова короля возстановили спокойствіе. Секретаря выпустили изъ рукъ. Маршалъ приказалъ ему возобновить чтеніе. Но едва секретарь произнесъ нѣсколько словъ изъ проекта, какъ патріоты закричали: «этотъ проектъ можетъ быть только произведеніемъ измѣнника, и тотъ, кто способенъ читать его, также измѣнникъ!» Оскорбленный Анквичъ потребовалъ сеймового суда и сталъ подлѣ маршала, какъ дѣлали всегда тѣ, которые требовали суда. «И насъ пусть судятъ!» кричали патріоты. Но потомъ объяснили, что слова, оскорбившія Анквича, сказаны были насчетъ иноземнаго насилія и принужденія, какое позволялъ себѣ сеймовый маршалъ. Пользуясь этимъ объясненіемъ, канцлеры поспѣшили отвести Анквича отъ маршала, а секретарь, по приказанію послѣдняго, опять принялся читать проектъ. Его безпрестанно прерывали, кричали, шумѣли нарочно, чтобъ нельзя было услышать проекта. По прочтеніи его, разомъ нѣсколько человѣкъ потребовали у маршала голоса. Сеймовый маршалъ не дозволялъ произносить рѣчей. «Каждый посолъ—сказалъ онъ—имѣетъ право только заявить

свое мнѣніе, принимая или отвергая предложеніе». Патріоты обратились къ коронному маршалу Мошинскому. «Вотъ несчастіе,—сказалъ послѣдній,—изъ четырехъ маршаловъ на меня одного выпадаетъ жребій объясняться съ Избою въ такихъ горестныхъ обстоятельствахъ». Онъ совѣтовалъ успокоиться и поступать хладнокровно и разсудительно. «Приходится—сказалъ онъ — взвѣсить силу необходимости съ несчастіемъ, согласиться на потерю значительной части нашей земли и на разлуку съ ближними и согражданами». Онъ не утишилъ волненія. Масальскій, Коссаковскій, епископы, свѣтскіе сенаторы пытались уговорить кружокъ задорныхъ крикуновъ, все было напрасно: они кричали, говорили рѣчи, прерывали другъ друга, и такъ продолжалось до ночи, пока наконецъ всѣ устали и произошла баллотировка. Оказалось большинство шестидесяти шести за ратификацію; двадцать одинъ голосъ былъ противъ; одинъ посолъ отказался подавать голосъ. Такимъ образомъ выходило, что все это смятеніе цѣлый день производили двадцать два человѣка изъ восьмидесяти восьми.

Послѣ этого важнаго засѣданія, король пожелалъ видѣть Сиверса. «Ну, довольны ли вы,—сказалъ онъ посланнику,—я уже едва держусь на ногахъ и поддерживаю свою бодрость спиртуозными вещами. Довольна ли будетъ теперь государыня?»—«Я надѣюсь,—отвѣчалъ Сиверсъ,—что она будетъ довольна, если ваше величество будете поступать такъ, какъ она отъ васъ желаетъ».—«Я выношу ужасныя вещи,—сказалъ король.—Ахъ, что я претерпѣлъ въ субботу... на меня нападали послы, обвиняли меня во всемъ; что же будетъ послѣ трактата съ Пруссіею? Вы меня заставляете его подписывать, а я удовольствовался бы жалованьемъ русскаго солдата, еслибы мнѣ спасти эту часть Польши и не отдать ее Пруссіи».

Потомъ король расходился передъ Сиверсомъ въ разныхъ предположеніяхъ относительно будущаго устройства пра-

вленія Рѣчи-Посполитой, говорилъ объ арміи, о финансахъ, о конституціи, объ эдукаціонной коммиссіи. Сиверсъ отвѣчалъ ему холодными фразами. По этому поводу король сказалъ: «если бы можно было перенести сеймъ въ Варшаву».—«Этого не будетъ», сказалъ Сиверсъ. «По крайней мѣрѣ,—сказалъ король, дадите вы мнѣ хоть цѣлую четверть доходовъ до новаго года». Это обѣщалъ Сиверсъ.

«Въ этомъ несчастномъ краѣ — писалъ тогда Сиверсъ своей дочери—нѣтъ вовсе чести; можетъ быть, она скрывается гдѣ-нибудь въ крестьянскихъ хатахъ, но я того мнѣнія, что она очень далека отъ королевскаго дворца, сейма и всего панскаго общества. Всѣ обманщики, а король—истинная язва этой несчастной Польши, несмотря на всѣ его достоинства».

По поводу предстоявшихъ конференцій съ прусскимъ министромъ, сеймъ обратился къ Сиверсу и просилъ его быть въ качествѣ свидѣтеля и посредника. Сиверсъ хотя и неохотно, но долженъ былъ принять эти предложенія потому, что и Бухгольцъ желалъ того же. Посредничеству Сиверса много обязанъ былъ прусскій министръ тѣмъ, что конференціи съ депутатами начались. Сообразуясь съ своими инструкціями, депутаты требовали, чтобы конференціи шли о торговыхъ дѣлахъ. Бухгольцъ ни о чемъ иномъ не хотѣлъ говорить, кромѣ уступки Пруссіи занятыхъ прусскимъ войскомъ провинцій. Сиверсъ убѣдилъ депутатовъ по крайней мѣрѣ выслушать проектъ прусскаго посла и представить его сейму. Сиверсъ держалъ сторону поляковъ въ вопросѣ о торговыхъ дѣлахъ; даже когда дѣло дошло до проведенія границъ, при возникавшихъ недоумѣніяхъ, Сиверсъ склонялся на сторону поляковъ и удерживалъ прусскаго посла, когда онъ черезчуръ хотѣлъ все толковать въ исключительную пользу Пруссіи. «Бухгольцъ,—замѣчалъ Сиверсъ въ своихъ донесеніяхъ,—человѣкъ честный, но онъ связанъ своими инструкціями

и принципами своего двора, привыкшаго нападать и пользоваться всѣмъ на счетъ своего сосѣда». Сиверсъ потребовалъ, чтобы основано было епископство въ Варшавѣ, которая до сихъ поръ находилась подъ властью Познани въ церковной администраціи. Сиверсъ находилъ неудобнымъ, если Пруссіи будетъ возможность вмѣшиваться въ церковныя дѣла Рѣчи-Посполитой.

Предметъ торговли представлялъ чрезвычайно много спорныхъ сторонъ. Поляки жаловались на ужасныя стѣсненія со стороны Пруссіи. Сиверсъ требовалъ всевозможнѣйшихъ облегченій, наконецъ, поляки говорили, что они не согласятся ни за что на какой бы то ни было трактатъ съ Пруссіею, если онъ не будетъ гарантированъ Россіею. Они всѣми способами кололи глаза Бухгольцу Россіей, оказывали явное предпочтеніе и уваженіе къ Россіи передъ Пруссіею.

«Признаетъ ли прусскій король трактатъ 1790 года?» спрашивали депутаты.—«Король признавалъ и соблюдалъ этотъ договоръ,—отвѣчалъ Бухгольцъ,—до тѣхъ поръ, пока конституція 3-го мая не уничтожила его». Послы представляли доказательства, какъ прусскій король черезъ министра своего Гольца отзывался одобрительно объ этой конституціи. «Это одобреніе — сказалъ Бухгольцъ—было временное, вслѣдствіе ложнаго свѣта, въ какомъ представляли его величеству это дѣло, но, изслѣдовавши сущность вашей конституціи, мой дворъ не замедлилъ объясниться по этому поводу совсѣмъ инымъ образомъ. Что же касается до вашего требованія о выводѣ войскъ изъ Польши, это не можетъ имѣть мѣста до тѣхъ поръ, пока наши переговоры не окончатся. Объ этомъ можно говорить только послѣ всего».

Бухгольцу нужно было одно—принудить поляковъ къ уступкѣ отобранныхъ земель. Депутаты же хотѣли за эту горькую уступку какихъ-нибудь выгодъ для остального

отечества поляковъ. Сиверсъ ихъ въ этомъ поддерживалъ. Разсердившись на упрямство депутатовъ, Бухгольцъ спросилъ Сиверса: «если Меллендорфъ начнетъ непріязненныя дѣйствія противъ Польши, будутъ ли помогать ему войска ея величества?» Сиверсъ отвѣчалъ ему: «вотъ прекрасно: приказать дѣйствовать войскамъ нашимъ, за то, что польская нація полагаетъ на Россію надежды!»

И въ самомъ дѣлѣ, прусскій генералъ Меллендорфъ уже готовъ былъ начинать непріятельскія дѣйствія, но 12-го (23-го) августа Сиверсъ убѣдилъ его своимъ письмомъ подождать. «Ахъ, какъ мое сердце часто обливается кровью съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ посредникомъ между сильнымъ и слабымъ.... есть ли что хуже этого?» писалъ Сиверсъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Сиверсъ находился самъ въ печальномъ положеніи дѣйствовать противъ своихъ убѣжденій и чувствъ. Онъ соболѣзновалъ о судьбѣ несчастной Польши; онъ соображалъ, что поляки скорѣе могли примириться съ своею судьбою, если бы Рѣчь-Посполитая была вся нераздѣльно присоединена къ Россіи. Многіе и заявляли такое желаніе передъ Сиверсомъ, конечно, не столько изъ дѣйствительнаго расположенія, сколько изъ хитрости: авось-либо удастся поссорить Россію съ Пруссіею. Сиверсъ склонялся къ этому желанію въ особенности тогда, когда до него дошли слухи изъ Австріи, что австрійскій кабинетъ недоволенъ успѣхами Россіи и Пруссіи, желаетъ съ своей стороны имѣть часть въ Польшѣ, и считаетъ за собой право на овладѣніе соотвѣтствующею частію государства, снабжающаго своими областями другихъ сосѣдей, послѣ того, какъ Австріи не удавалось получать пріобрѣтенія на западѣ, оттого что во французской революціи произошелъ такой оборотъ, какого прежде не ожидали.

Поговаривали, что какъ бы то ни было, а Польша не уйдетъ еще и отъ третьяго раздѣла. Соображая положе-

ніе дѣлъ Европы, Сиверсъ писалъ своей государынѣ: «Ничего бы не оставалось лучше, ваше императорское величество, какъ подумать о возсоединеніи вновь всей Польши. Съ одной стороны отчаяніе, съ другой покорность легко бы къ этому привели».

Въ самомъ дѣлѣ, императрица не терпѣла Пруссіи и только по необходимости должна была уступать алчности прусскаго короля, какъ она выражалась. Она уже имѣла въ виду возможность, присоединивъ къ имперіи русскія земли, принадлежавшія Польшѣ, остальную Польшу посредствомъ договоровъ и дружественныхъ союзовъ подчинить Россіи. «Надобно,— писала она Сиверсу,—привести умы къ тому, чтобы сами поляки просили трактата съ Россіею, какъ благодѣянія съ моей стороны, и смотрѣли на него, какъ на палладіумъ своего политическаго существованія. Дать всѣми способами такой торжественный видъ принятію этого трактата, чтобы казалось, будто это сдѣлалось свободно и единодушно, безъ всякаго насилія. Но прежде надобно покончить съ Пруссіею. (Надѣюсь, вы уже покончили, иначе трактатъ съ нами, принятый съ энтузіазмомъ, будетъ мѣшать подписанію трактата съ Пруссіею). Тогда, не показывая никому проекта, вы сдѣлаете такъ, чтобы делегаты сами предложили вамъ постановленныя статьи, потомъ, сообразно съ нашими предположеніями, составьте свой проектъ, однако все-таки такъ, чтобы делегація покорно просила вашего согласія. На другой день послѣ такой конференціи проектъ долженъ быть представленъ сейму; нужно, чтобы сеймъ принялъ его par acclamation, съ такимъ восторгомъ, который бы выражалъ очевидную полезность для Польши договора съ нами. Вамъ не трудно будетъ возбудить этотъ восторгъ. Есть большое вѣроятіе, что большинство будетъ удовлетворено, но можетъ, однако, быть оппозиція. Попробуйте всѣ мѣры, кромѣ одного насилія, попытайтесь убѣдить

такихъ, которые станутъ противиться, или удалить ихъ. Договоръ, по которому одна нація соединяется съ другою, не походитъ на обыкновенные трактаты. Если онъ будетъ заключенъ единодушно, то содѣлается священною связью на многія времена; но только единодушіе можетъ зажать ротъ иностраннымъ государствамъ, которыхъ это событіе потревожитъ. Потомъ дастся полномочіе делегатамъ заключить и подписать договоръ, и постановится, что торжественная делегація отъ сейма поѣдетъ въ Петербургъ. Въ тотъ же день и вы подпишите. О королѣ я знаю, что онъ непостояненъ; нельзя поручиться за то, что́ онъ сдѣлаетъ завтра. Припомните ему, что незадолго до печальнаго сейма 1788 года онъ самъ предлагалъ союзъ: покажите ему копію его проекта. Скажите ему, что я забываю личныя оскорбленія и не стану думать о нихъ, когда вся польская нація соединится съ моими подданными такъ тѣсно; я не буду помнить и объ увлеченіяхъ нѣкоторыхъ горячихъ головъ, которыя уже сдѣлались жертвою самихъ себя».

Въ надеждѣ такого соединенія, императрица въ вознагражденіе отобранныхъ земель обѣщала не противорѣчить какимъ угодно перемѣнамъ въ правленіи, заранѣе признавая все, что постановится съ согласія сейма, но съ тѣмъ, чтобы сеймъ обѣщалъ не дѣлать никакихъ измѣненій безъ воли императрицы, и не входить ни въ какія сношенія съ иностранными государствами, предосудительныя союзу съ Россіей, а императрица будетъ имѣть право вводить свои войска въ польскія земли и охранять Польшу отъ всякихъ покушеній и притѣсненій со стороны иностранныхъ дворовъ.

Депутація получила отъ прусскаго министра составленный имъ проектъ трактата, и, не взирая на всѣ его доказательства, уперлась на томъ, что не имѣетъ полномочія подписать его и представила объ этомъ сейму $^{15}/_{26}$ августа.

На другой день, $^{16}/_{27}$ августа, передъ засѣданіемъ, плоцкій посолъ Шидловскій обратился къ сеймовому маршалу и просилъ ему первому дать голосъ. Маршалъ обѣщалъ, но зналъ, что Шидловскій хочетъ подать такой проектъ, который долженъ остановить рѣшеніе прусскаго дѣла. За Шидловскимъ другой посолъ волынскій, по имени Адамъ Подгорскій, проигравшійся шулеръ, состоявшій на прусскомъ жалованьи, попросилъ голоса съ противною цѣлію: онъ составилъ проектъ о дарованіи депутаціи права окончить договоръ съ Пруссіею; Бухгольцъ тайно поручилъ ему это дѣло. Маршалъ далъ позволеніе первому Подгорскому. Но намѣреніе его было уже извѣстно многимъ посламъ и чуть только Подгорскій открылъ ротъ, какъ со всѣхъ сторонъ поднялись крики и ругательства: «наемникъ! прусскій слуга, измѣнникъ!» Подгорскій долженъ былъ отступить. Вмѣсто него выступилъ Шидловскій.

«Вижу, почтенные чины,—говорилъ онъ,—куда идетъ дѣло. Кто-то изъ членовъ сейма хочетъ, заявивши свое сожалѣніе о судьбѣ отечества и свалившi всю вину на прошлый революціонный сеймъ, подать проектъ закона, предписывающаго депутаціи подписать съ Пруссіею такой трактатъ, какой продиктовалъ, заплативши ему, прусскій министръ. Для предупрежденія этого, я протестую противъ каждаго изъ пословъ, который осмѣлится подать подобный проектъ, и буду просить его съ собою *подъ жезлъ*, на судъ; я обвиняю его въ нарушеніи присяги тарговицкой конфедераціи; либо моя голова пусть падетъ, либо голова того, кто изъ васъ отважится на погибель отечества». И онъ подалъ свой проектъ, въ такомъ смыслѣ: «Прусскій министръ не хочетъ ничего знать о прежнихъ трактатахъ съ Пруссіею въ 1773 и 1790 годахъ, слѣдовательно нельзя надѣяться ничего добраго отъ какихъ-либо трактатовъ съ Пруссіею: они сохраняться не будутъ, по-

этому король и конфедерованные чины сейма предписывають депутаціи, назначенной для переговоровъ съ прусскимъ министромъ, прекратить всякія съ нимъ конференціи».

Шидловскій произвелъ энтузіазмъ противъ Пруссіи; въ залѣ находились посторонніе слушатели. Они закричали: «згода! згода! Спрашивайте, панъ маршалъ, о згодѣ собранія!» Нѣкоторые изъ умѣренныхъ пословъ, служившихъ вѣрнѣе другихъ иностраннымъ посланникамъ, какъ-то Міончинскій, Залѣскій и другіе, пытались-было потребовать отсрочки, но ихъ встрѣтили такими же ругательствами, какъ и Подгорскаго. Патріоты доходили до бѣшенства. Товарищъ Шидловскаго, плоцкій посолъ Карскій, обратился къ королю и сказалъ: «помнишь ли государь, какъ ты говорилъ: если бы у меня оставалось столько земли, сколько можетъ занять моя шляпа, и тогда не перестану быть королемъ. Покажи же теперь, что ты король и глава народа». Онъ началъ припоминать еще и другія какія-то слова, будто бы сказанныя когда-то королемъ, а король заявлялъ всей Избѣ, что онъ такихъ словъ никогда не говорилъ. Тогда всѣ прониклись чувствомъ уваженія къ королю, остановили Карскаго, осыпали его укорами, бранью, объявили, что онъ виновенъ въ оскорбленіи величества и долженъ лишиться головы. Но король въ свою очередь обратился ко всѣмъ членамъ и просилъ простить Карскаго, извиняя его горячность похвальнымъ патріотическимъ побужденіемъ. Сеймъ потребовалъ, чтобы Карскій просилъ прощенія, и когда Карскій подошелъ къ королю и извинялся за свою горячность, тогда всѣ члены встали съ своихъ мѣстъ, окружили короля и просили прощенія за своего товарища. Засѣданіе это кончилось тѣмъ, что ливскій посолъ Краснодембскій, такъ горячо защищавшій проектъ Шидловскаго, подалъ проектъ о сбавкѣ налога на мясниковъ, доказавъ отяго-

тительность его для этого промысла, и проектъ его былъ принятъ единогласно. Прошли и другіе проекты, касавшіеся внутренняго распорядка. Прусское дѣло осталось нерѣшеннымъ.

Смятенія, происходившія на сеймѣ $^{16}/_{27}$ августа, сдѣлались тотчасъ извѣстны посланникамъ, и утромъ, когда члены сейма собрались къ своимъ занятіямъ, Бухгольцъ прислалъ такого рода ноту:

«Нижеподписавшійся съ удивленіемъ узналъ о неприличномъ и буйномъ пріемѣ, сдѣланномъ на вчерашнемъ засѣданіи рапортамъ о переговорахъ съ его дворомъ. Считая это неуваженіе доказательствомъ того духа необузданности, который возбудилъ вниманіе сосѣднихъ дворовъ, видя, притомъ, что яростныя сцены вчерашняго засѣданія клонятся не только къ воспрепятствованію окончанія сношеній съ прусскимъ дворомъ, но даже и къ совершенному прекращенію оныхъ, нижеподписавшійся требуетъ, чтобы члены сейма, удержавшись впредь отъ дерзкихъ поступковъ, немедленно отвергнули предложеніе, вчера сдѣланное на сеймѣ въ такомъ духѣ, и тотчасъ же снабдили депутацію надлежащимъ полномочіемъ для окончанія переговоровъ и подписанія трактата, предварительно составленнаго и бывшаго предметомъ конференцій. Въ противномъ случаѣ его величество король прусскій увидитъ себя въ крайности приказать генералу Меллендорфу приступить къ непріятельскимъ дѣйствіямъ въ предѣлахъ Рѣчи-Посполитой и предпринять такія мѣры, которыя навлекутъ ужаснѣйшія бѣдствія на судьбу тѣхъ, которымъ угодно, посредствомъ безсмысленной оппозиціи, умножать бѣдствія своего отечества».

Вмѣстѣ съ этою нотою на сеймъ была прислана и нота Сиверса. Русскій посланникъ замѣчалъ съ своей стороны неприличіе выходокъ, происходившихъ въ Избѣ, извѣщалъ, что, только по его настоянію, прусскій генералъ Меллен-

дорфъ пріостановилъ вступленіе войскъ въ краковское и сендомирское воеводства, и убѣждалъ чиновъ Рѣчи-Посполитой немедленно снабдить депутацію полномочіемъ для подписанія трактата съ Пруссіею въ томъ видѣ, въ какомъ онъ составленъ при его посредничествѣ.

Въ засѣданіи $^{17}/_{28}$ августа было допущено еще больше постороннихъ зрителей, чѣмъ ихъ прежде было: тутъ было много членовъ тарговицкой конфедераціи, въ этомъ званіи они считали за собой право и обязанность принимать живѣйшее участіе въ сеймовыхъ дѣлахъ.

Маршалъ объявилъ о полученныхъ нотахъ: онѣ были прочитаны. Рѣзкій тонъ ноты Бухгольца произвелъ взрывъ негодованія; опять, какъ вчера, начались крики, угрозы, проклятія на Пруссію, восхваленія польскаго мужества, пышныя фразы о готовности умереть за отечество; все это слилось въ неясномъ говорѣ. Только и можно было понять, что желаютъ обращенія въ законъ проекта Шидловскаго, внесеннаго въ прошломъ засѣданіи. Посреди этого волненія является безстрашный Подгорскій, любитель фридрихсдоровъ; онъ и теперь посланъ былъ Бухгольцемъ. Онъ подошелъ къ маршалу и просилъ голоса. Маршалъ объявляетъ всей Избѣ, что Подгорскій хочетъ говорить. Крики кругомъ усиливаются. Подгорскій обладалъ крѣпкимъ горломъ и вздумалъ-было попытаться перекричать всѣхъ, но напрасно. Къ нему стали подходить съ намѣреніемъ заставить его молчать уже не только посредствомъ криковъ, но и побоевъ. Подгорскій вынулъ изъ кармана проектъ, отдалъ его маршалу, а самъ отошелъ.

Краснодембскій, Стоинскій, Кимбаръ, Гославскій, Скаржинскій, Карскій и другіе кричали ему: «измѣнникъ, предатель, продавецъ отечества пруссакамъ, вѣроломный клятвопреступникъ, подъ судъ, подъ судъ его!»

Шидловскій просилъ товарищей дать ему голосъ. Буря стихла постепенно. Шидловскій громко проговорилъ:

«Ваше величество, милостивый король, и почтенные чины! Я вчера не для того отдавалъ мою голову, чтобы мои слова пошли на вѣтеръ. Я прошу о назначеніи сеймоваго суда. Иду къ жезлу и обвиняю пана Подгорскаго въ измѣнѣ отечеству; не отступлю до тѣхъ поръ, пока не дождусь утѣшенія видѣть кровь измѣнника, пролитую на землю нашу».

И онъ подошелъ къ жезлу.

«Пана Подгорскаго къ жезлу!» кричали члены, но панъ Подгорскій сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и сказалъ:

«Обвиненіе противъ меня голословно и несвоевременно: мой проектъ еще не былъ читанъ. Изба еще не знаетъ, что́ въ немъ написано».

Горячія головы должны были согласиться и увидѣть, что они черезчуръ воспламенились, и призывая къ суду человѣка, забыли азбуку правосудія. Нѣкоторые подбѣжали къ столу и поглядывали на лежащій проектъ, не имѣя ни времени, ни спокойствія духа, чтобы пробѣжать его съ толкомъ, а другіе, не обращая вниманія на слишкомъ здравое замѣчаніе обвиняемаго, продолжали грозить Подгорскому и кричать: «измѣнникъ, злодѣй! Зачѣмъ нейдешь къ суду, стало быть виноватъ!» Все стало неясно и слилось въ яростныхъ крикахъ.

Когда буря стала нѣсколько утихать отъ естественнаго утомленія кричавшихъ, Міончинскій воспользовался этимъ и началъ говорить:

«Ни по какимъ законамъ невозможно судить человѣка, не зная, въ чемъ онъ виноватъ. Пока проектъ неизвѣстенъ, онъ не можетъ служить обвинительнымъ актомъ. Надобно прочитать его».

Но патріоты тотчасъ смекнули, что тутъ хитрость. Міончинскій нарочно вызывалъ на чтеніе проекта, чтобы потомъ, при помощи маршала, можно было пустить его на голоса; они боялись, что, несмотря на страшный крикъ въ залѣ, все-таки найдется большинство, которое его при-

метъ. Собственно коноводовъ всей этой сумятицы было немного; ихъ поддерживала толпа арбитровъ, такая толпа, которая всегда временно поддается всякой силѣ, сообразно съ настроеніемъ нервовъ, производимымъ на нее такимъ или другимъ вліятельнымъ явленіемъ. Наибольшая часть членовъ сеймовой Избы состояла изъ купленныхъ личностей, заранѣе обязанныхъ поступать такъ, какъ подрядили ихъ посланники. Но теперь многіе и *изъ нихъ* издавали патріотическіе крики. Они находились подъ вліяніемъ ораторскихъ движеній, возвышеній и пониженій голоса, сопровождавшихъ цвѣтистыя фразы патріотовъ. Десятокъ послѣднихъ не давалъ имъ опомниться и тащилъ ихъ за собою, привязавши своими фразами и междометіями. Они тотчасъ вошли бы опять въ свою колею, какъ только пришлось бы имъ подавать голоса.

«Изба—говорилъ Плихта—не можетъ заниматься дѣлами, коль скоро проектъ подъ запрещеніемъ, а вносившему проектъ объявлено публичное обвиненіе въ измѣнѣ и клятвопреступленіи. Прежде пусть Подгорскій выходитъ для отвѣта на сдѣланное противъ него обвиненіе».

«Такъ не лучше ли отложить дѣло это къ делибераціи въ иное время, а теперь заняться другими сеймовыми дѣлами», попытался сказать Юзефовичъ.

«Развѣ у васъ, панъ Юзефовичъ, въ инструкціи сказано, чтобы предметы, касающіеся измѣны отечеству, отлагать къ делибераціи!» сказалъ люблинскій посолъ Стоинскій. «Не позволю заниматься никакими сеймовыми дѣлами!»

Тутъ Гославскій сказалъ съ насмѣшкой: «панъ Подгорскій испугался суда. Мое расположеніе къ нему подаетъ мнѣ мысль доставить ему способъ уволиться отъ суда. Пусть онъ лучше сознается предъ всѣми въ своемъ грѣхѣ и возьметъ назадъ проектъ: признаніе будетъ ему наказаніемъ».

Подгорскій сидѣлъ на своемъ мѣстѣ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ; никакіе крики и разсужденія не выводили его изъ себя. Непріятели его, чѣмъ больше неистовствовали, тѣмъ больше чувствовали, что ихъ бѣшеная запальчивость разбивается о непоколебимое равнодушіе волынскаго посла.

«Что же,—сказалъ наконецъ Годашевскій,—онъ не выходитъ; такъ будемъ судить его, оставивъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сидитъ».

Но тутъ король всталъ и сказалъ:

«Явленія на нынѣшней сессіи могутъ зайти такъ далеко, что уже и воротиться будетъ невозможно, и такъ какъ я, король, обязанъ отвращать несчастія, то я не вижу иного способа, какъ отложить засѣданіе до завтрашняго дня».

Сиверсъ, узнавши о всемъ происходившемъ, написалъ на сеймъ нравоученіе въ слѣдующей нотѣ:

«Нижеподписавшійся съ величайшимъ сожалѣніемъ узналъ, что, не обращая вниманія на вчерашнюю ноту, съ цѣлью склоненія членовъ конфедераціоннаго сейма къ спокойному и зрѣлому обсужденію такого важнаго и многознаменательнаго предмета, какъ прусскій трактатъ, нѣкоторые члены сейма дозволили себѣ предосудительныя излишества, доказывающія, что въ этомъ несчастномъ краѣ вовсе нѣтъ законовъ, или ихъ не исполняютъ. Нарушеніе должнаго уваженія къ священной особѣ короля, къ двумъ маршаламъ, обязаннымъ соблюдать порядокъ, наконецъ ко всему, чѣмъ каждый членъ обязанъ, находясь въ почтенномъ законодательномъ собраніи своего отечества, принуждаетъ нижеподписавшагося вторично припомнить этому собранію вообще, и каждому особо, объ опасности, угрожающей несчастному ихъ отечеству; слѣдуетъ прекратить безпорядокъ и заняться единственно обсужденіемъ и рѣшеніемъ дѣла о трактатѣ съ Пруссіею,

слѣдуетъ дать немедленно полномочіе для подписанія этого трактата въ томъ видѣ, какъ онъ былъ составленъ при посредничествѣ нижеподписавшагося, который прилагаетъ всевозможнѣйшее стараніе о будущемъ благоденствіи Польши. Г. фельдмаршалъ Меллендорфъ вторично увѣдомилъ меня о вновь полученныхъ имъ повелѣніяхъ поступить по-непріятельски, вступивъ въ воеводства краковское и сендомирское, въ случаѣ если съ возвращеніемъ курьера онъ не получитъ извѣстія о подписаніи трактата или о назначеніи дня для этого дѣла. Нижеподписавшійся видитъ себя въ необходимости назначить срокомъ $^{20}/_{31}$ число текущаго мѣсяца для окончательной резолюціи государственныхъ чиновъ по предмету снабженія депутаціи полномочіемъ на подписаніе трактата съ Пруссіею, а будущій вторникъ, 3-го сентября, для подписанія самаго трактата. Неисчислимыя бѣдствія будутъ послѣдствіемъ безсмысленнаго упрямства и непослушанія спасительному совѣту, который предлагается единственно въ видахъ отклонить новыя пораженія, угрожающія Рѣчи-Посполитой. Мнимые патріоты должны будутъ отвѣчать передъ цѣлымъ свѣтомъ за свои поступки, за страшныя послѣдствія своего упрямства, за удаленіе отъ единственнаго способа, который остается имъ къ утвержденію будущаго существованія ихъ отечества. $^{18}/_{29}$ августа.—Яковъ Сиверсъ».

Вмѣстѣ съ этимъ, посланникъ Екатерины написалъ частное письмо къ Тышкевичу. Онъ считалъ его виновникомъ допущенія арбитровъ, и писалъ ему угрожающимъ тономъ, что если въ слѣдующемъ засѣданіи онъ не удалитъ изъ Избы всѣхъ постороннихъ, то Сиверсъ не только наложитъ секвестръ на всѣ его имѣнія, но и отправитъ въ его имѣнія русскихъ солдатъ на экзекуцію. Сиверсъ понялъ, что арбитры чрезвычайно способствовали остановкѣ дѣла: посолъ-патріотъ имѣлъ предъ собою случай

показаться и порисоваться, выходя съ фразистой рѣчью, поглядывалъ на публику, видѣлъ и слышалъ одобреніе; это поджигало его. Иной, погарцовавши языкомъ, можетъ быть уступилъ бы тотчасъ, да видъ публики его удерживалъ: самолюбію его черезъ чуръ было невыносимо, когда онъ увидитъ вмѣсто прежнихъ одобрительныхъ — презрительныя лица, услышитъ брань и, еще хуже, насмѣшки надъ своимъ прежнимъ патріотизмомъ. Тышкевичъ былъ человѣкъ суетный, до страсти любившій рядиться, становиться на подмостки, чваниться и производить шумиху. Ему было особенно пріятно пустить арбитровъ. Теперь, послѣ письма Сиверса, онъ расхаживалъ по сеймовой залѣ и просилъ всѣхъ, непринадлежащихъ къ посольскому кругу, уходить. Послы съ недоумѣніемъ смотрѣли, что̀ дѣлаетъ литовскій маршалъ, не сказавшій никому о полученіи письма отъ Сиверса. Наконецъ Гославскій отозвался.

«Господинъ великій литовскій маршалъ! Мы слишкомъ хорошо знаемъ вашу честность и гражданскія чувства, чтобы это нарушеніе закона и маршальской присяги, дозволяющей совѣтникамъ конфедераціи и высшимъ судьямъ присутствіе въ сеймовыхъ засѣданіяхъ, не приписать сильной рукѣ, которая васъ къ этому поступку принуждаетъ. Покажите эту руку, или же мы всѣ выйдемъ изъ Избы, если въ Избу не будутъ допущены совѣтники конфедераціи».

«Я буду имѣть честь оправдаться — сказалъ Тышкевичъ—передъ цѣлымъ сеймомъ, и представлю причины всему, а теперь прошу гг. арбитровъ выйти изъ засѣданія».

Онъ далъ знакъ маршалу сейма, чтобы тотъ открывалъ засѣданіе, и маршалъ Билинскій уже хотѣлъ выступить со вновь полученною нотою Сиверса, какъ вдругъ входитъ въ Избу Подгорскій. При одномъ видѣ его за-

кипѣло негодованіе такихъ патріотовъ, какъ Шидловскій, Гославскій, Краснодембскій, Карскій и братія ихъ. Начались ругательства. Подгорскій не обращалъ ни малѣйшаго вниманія и шелъ твердыми шагами къ своему мѣсту. Это пренебреженіе криками, бранью, напоминало патріотамъ безсиліе и пустоту ихъ патріотическихъ выходокъ. Они бросились къ нему толпою, не допускали до мѣста; загородили дорогу, кричали: «прочь! вонъ, измѣнникъ, негодяй, подлецъ», и онъ долженъ былъ невольно попятиться, а они тотчасъ заняли мѣсто, гдѣ онъ стоялъ. Подгорскій попятился еще—патріоты къ нему впередъ, не только съ криками, но и съ кулаками. Подгорскій еще попятился назадъ—патріоты опять къ нему и опять заняли его мѣсто, и такимъ образомъ Подгорскій очутился за дверями, въ корридорѣ; двери залы захлопнулись. Подгорскій увидѣлъ себя посреди гайдуковъ, которые смотрѣли на него насмѣшливыми глазами. Онъ отправился къ Сиверсу, а тотъ требовалъ, чтобы онъ снова отважился идти въ залу.

Выпроводивши Подгорскаго, всѣ усѣлись на мѣста. Маршалъ прочиталъ ноту Сиверса, а Тышкевичъ—письмо, полученное имъ отъ того же Сиверса. Взрывъ негодованія встрѣтилъ эти чтенія. Шидловскій торжественно сказалъ:

«Стою за вчерашнее мое предложеніе и протестую противъ Подгорскаго».

Гославскій, восхищенный подвигомъ Шидловскаго, говорилъ:

«Когда Римъ клонился къ упадку, то подлый римлянинъ предпочиталъ звукъ золота отечеству. Тогда явились Катилины. Но въ эти печальныя минуты среди испорченныхъ римлянъ показался доблестный Цицеронъ и, поражая измѣны и заговоры, указалъ согражданамъ, что извергъ Катилина злоумышляетъ на погибель отечества.

И въ нашемъ отечествѣ нашлись своего рода Катилины, но нѣтъ недостатка и въ Цицеронахъ».

Онъ указалъ на Шидловскаго, какъ на перваго изъ польскихъ Цицероновъ. «Но онъ не одинъ,— продолжалъ онъ.—Если его голова падетъ подъ мечемъ мстительнаго насильника,—я буду его преемникомъ, и положу голову за то, чтобы уменьшить въ нашемъ отечествѣ число Катилинъ. Есть у меня отецъ, покрытый сѣдинами; онъ живетъ въ небольшомъ имѣніи за три мили отъ владѣній насильника; это имѣніе должно быть моимъ достояніемъ, —я имъ жертвую, только бы никто изъ собратій не могъ сказать, что я содѣйствовалъ ихъ неволѣ».

Его круглосложенныя фразы еще больше разгорячили собраніе. Но всталъ король и далъ знакъ, что хочетъ говорить. Все умолкло.

Сдѣлавши небольшое риторическое вступленіе, король говорилъ:

«Я увѣренъ, что панъ Шидловскій, при подачѣ своего проекта, руководствовался патріотическими чувствами, также точно какъ и тѣ, которые его поддерживали. Но скажите, какое слѣдствіе вышло бы, если бы этотъ проектъ прошелъ? Мы бы только угодили алчному и сильному сосѣду. Король прусскій только того и хочетъ, чтобы мы прервали съ нимъ переговоры, чтобы тогда и россійскій посолъ не имѣлъ болѣе предлога удерживать движеніе прусскаго войска. До сихъ поръ мы хорошо дѣлали, что упорствовали: мы соображали, что, быть можетъ, время дастъ намъ какой-нибудь неожиданный, благопріятный поворотъ; мы надѣялись на помощь отъ императрицы, которой мы уступили значительную часть земель нашихъ. Но теперь присланъ курьеръ; съ возвращеніемъ его, войско прусское войдетъ въ глубину нашихъ земель; тамъ наберутъ они десятки тысячъ рекрутъ, возьмутъ милліонами контрибуціи, разорятъ край

въ конецъ и потомъ отъ насъ король прусскій потребуетъ себѣ еще болѣе Польши во владѣніе. Европа намъ не поможетъ; вы знаете настоящее положеніе дѣлъ. Императрица ясно требуетъ кончать дѣло съ Пруссіею. Почтенный панъ Гославскій приноситъ въ жертву отечеству своего отца, покрытаго сѣдинами, вмѣстѣ съ имѣніемъ. Это очень похвально. Каждый можетъ такимъ образомъ отвѣчать за себя и за своихъ родныхъ, но я, король и отецъ народа, долженъ снять патріотическую поволоку съ глазъ господъ членовъ сейма и отсовѣтовать принятіе проекта пана Шидловскаго, котораго знаю и уважаю, но мнѣнія его не одобряю. Лучше прибѣгнемъ къ такимъ средствамъ, которыя бы намъ возвратили опору со стороны россійскаго посла, чтобы, по крайней мѣрѣ, трактатъ прусскій былъ для насъ менѣе вреденъ. Героизмъ похваленъ только тогда, когда онъ можетъ приносить прямо счастіе своему краю, а теперь не такое время, и потому я прошу не стоять за такой проектъ, который въ настоящее время пагубенъ».

Кто знаетъ, можетъ быть рѣчь короля лучше подѣйствовала бы на собраніе, если бы въ ту минуту, когда она оканчивалась, не вошелъ въ залу Подгорскій. Какъ только увидали его, такъ со всѣхъ сторонъ раздалось опять: «измѣнникъ, предатель, негодяй, злодѣй, къ суду его! къ суду его!» Шидловскій тотчасъ всталъ съ своего мѣста и кричалъ: «do laski! do laski» (къ жезлу)! Ступай туда!» «Do laski!» повторяли другіе послы. Подгорскій выстоялъ эту бурю, съ прежнимъ непоколебимымъ и неизмѣннымъ лицомъ, потомъ молча отправился къ Шидловскому, и сталъ возлѣ него предавая себя, такимъ образомъ, суду.

«Надобно же окончить это,—сказалъ Гославскій,—ваше королевское величество, извольте назначить судъ!».

Тутъ выступилъ Міончинскій и домогался прежде всего пустить на голоса предложеніе: можетъ ли быть судимъ Подгорскій или нѣтъ?

«Нѣтъ, нѣтъ, не надобно,—кричали послы;—подъ судъ его, подъ судъ его!»

Обвиняемый стоялъ, ожидая суда. Но тутъ возникъ вопросъ: ка̀къ его судить? Всѣ стали въ-тупикъ. Случай былъ новый. Обратились къ епископу Коссаковскому, который считался большимъ и лучшимъ знатокомъ старинныхъ законовъ и обычаевъ.

«Почтенные члены!—сказалъ онъ.—Правда, я занимался актами и дневниками сеймовъ самыхъ старыхъ, но признаюсь: польское законодательство рѣшительно не даетъ мнѣ никакой возможности сказать, ка́къ слѣдуетъ поступить въ настоящемъ случаѣ. Не было примѣра, чтобы судили когда-нибудь посла въ соединенной Избѣ. Правда, былъ давно подобный случай, но тогда Изба посольская отдѣлилась отъ сенаторской и стала судить обвиняемаго посла. При настоящихъ критическихъ обстоятельствахъ, подобный шагъ имѣлъ бы роковыя послѣдствія. Ваше величество, призываю васъ сказать въ этомъ случаѣ свое мнѣніе».

Король произнесъ рѣчь.

«Видите ли, господа,—говорилъ онъ,—никто не найдетъ руководства, ка̀къ поступить въ этомъ случаѣ. Но если бы и нашли надлежащія формальности, что̀ бы вышло изъ этого? Наказанія существуютъ не столько для того, чтобы карать виновныхъ, сколько для того, чтобы другихъ удерживать отъ преступленій. Но теперь, если бы обвиняемый потерялъ голову, поправила ли бы кровь его наши несчастія, измѣнилась ли бы судьба наша? Нѣтъ, намъ было бы хуже. Чужеземная сила нашла бы новый предлогъ называть насъ безчеловѣчными якобинцами,— вотъ и все; а отторженіе областей останется по-прежнему. Впрочемъ и судъ нашъ былъ бы напрасенъ: насъ не допустили бы исполнить приговоръ его. Я считаю это достоинствомъ нашего народа, что у насъ не легко нахо-

дится такой, кто бы рѣшился подавать подобный проектъ; но если уже такой нашелся, который на это себя опредѣлилъ, то что̀ же такое? Изъ нотъ, присылаемыхъ къ намъ безпрестанно, можете ясно видѣть, что рано или поздно, все-таки мы должны будемъ исполнить то, что̀ два двора постановили съ нами сдѣлать. Я говорю къ просвѣщенному собранію: разсудите сами, не лучше ли оставить этотъ судъ, чтобы избѣжать бо̀льшихъ несчастій и бѣдствій, и приняться за дѣло, указываемое благоразуміемъ и настоятельною потребностію».

Умѣренные хотѣли-было помогать королю, но патріоты закричали, вскакивали съ мѣстъ, за ними и другіе, увлекаемые руководителями. Король, видя, что смятеніе увеличивается, подозвалъ къ себѣ сенаторовъ и сталъ съ ними совѣтоваться, что̀ дѣлать? Тогда съ одной стороны Карскій, съ другой Краснодембскій подхватили подъ обѣ руки сеймоваго маршала, и хотѣли тащить его насильно въ особую комнату, чтобы, отдѣливъ посольскую Избу отъ сенаторской, предать суду Подгорскаго. Король, увидя это, подозвалъ послѣдняго къ себѣ и сказалъ: «уйдите изъ Избы». Подгорскій ушелъ.

«Панъ Подгорскій ушелъ! ушелъ!» кричалъ вслѣдъ ему Скаржинскій. «Улизнулъ отъ суда, — значитъ показалъ, что виноватъ. До тѣхъ поръ не перестану требовать суда, пока панъ маршалъ не поручится, что Подгорскій не воротится и проектъ его не будетъ читанъ».

«Посланникъ требуетъ его чтенія и угрожаетъ намъ, — сказалъ маршалъ.—Секретарь, прочитайте проектъ».

«Нѣтъ, нѣтъ!—кричали Скаржинскій, Краснодембскій, Шидловскій, Гославскій.—Непозволяемъ чтенія».—«Нѣтъ!» повторяли за ними другіе голоса.

«По крайней мѣрѣ,—повторилъ Міончинскій то, что уже говорилъ прежде, — надобно прочитать проектъ для

того, чтобы убѣдиться изъ него, что Подгорскій долженъ быть судимъ».

«Нѣтъ, нѣтъ! Не позволяемъ!» кричали патріоты.

«Почтенные чины! — сказалъ, выступивши, холмскій епископъ Скаржевскій. Поневолѣ народъ долженъ уступать то, что удержать не въ его силѣ. Если мы не станемъ вести переговоры съ прусскимъ посломъ, то черезъ это не возвратимъ себѣ ни пяди земли, а ведя переговоры, можемъ надѣяться, что и братьямъ нашимъ, идущимъ подъ чужое владычество, окажемъ помощь и сами избавимся отъ большихъ несчастій. Если намъ противно уступить области, то по крайней мѣрѣ постараемся, чтобы былъ заключенъ выгодный торговый трактатъ, и непремѣнно за поручительствомъ Россіи».

Рѣчь Скаржевскаго дала смѣлость другимъ, получавшимъ жалованье отъ иностранныхъ пословъ: Юзефовичъ, Виламовскій, Влодекъ, Міончинскій, Залѣскій спѣшили сказать свое слово за Скаржевскимъ, доказывать небходимость уступки и требовать чтенія проекта.

Выступилъ Краснодембскій, не далъ имъ долго ораторствовать, и сказалъ: «Для меня долгъ выше угрозъ, честь выше пользы, слава дороже жизни. Никакія рѣчи, никакія ноты, никакіе Меллендорфы съ ихъ войскомъ не заставятъ меня согласиться на переговоры съ прусскимъ министромъ. Пошлемъ въ Петербургъ министровъ просить о помощи противъ прусскаго насилія; попросимъ г. россійскаго посланника, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, если не можетъ намъ помогать, не препятствовалъ намъ обороняться. Пусть исполнится рѣшимость гетмана Коссаковскаго двинуть наше войско, хотя бы и въ маломъ числѣ, противъ пруссаковъ. Пусть гг. гетманъ и регументарь дадутъ немедленно приказъ выступить войскамъ нашимъ противъ грознаго Меллендорфа. Требую, чтобы выданы были вици на посполитое рушеніе. Самъ я первый спѣшу на встрѣчу Меллендорфу.

Лучше благородная смерть, чѣмъ позорная жизнь, недостойная имени вольнаго народа. Вотъ мое мнѣніе. Не отступлю отъ него ни шагу, докажу, что свободный полякъ не долженъ показать себя трусомъ».

Это былъ самый рѣшительный и прямой голосъ изъ всѣхъ, раздававшихся въ Избѣ, но онъ былъ черезчуръ крайнимъ, чтобы имѣть вліяніе; напротивъ, онъ скорѣе способствовалъ охлажденію собранія. Какъ могли ордонансы къ войску и вици на посполитое рушеніе пробраться черезъ русскія и прусскія войска и производить свое дѣйствіе? Толпа членовъ, увлекаемая до сихъ поръ фразами, тотчасъ опомнилась, остановилась, какъ только стала лицомъ къ лицу съ дѣломъ.

Краснодембскій не былъ изъ числа патріотовъ тарговицкихъ. Открытый сторонникъ 3-го мая, другъ Костюшки, это былъ одинъ изъ очень немногихъ.

Шидловскій продолжалъ стоять, требуя суда. Маршалъ и умѣренная партія принуждали секретаря читать проектъ. Патріоты не допускали чтенія. Тогда сеймовый маршалъ сказалъ:

«Вотъ уже три дня споримъ мы и ни къ чему не приходимъ. Панъ плоцкій посолъ требуетъ суда и не хочетъ возвратиться на свое мѣсто. Проектъ волынскаго посла остается безъ подписи. Когда авторъ не подпишетъ, проектъ не можетъ имѣть силы. Приглашаю почтенныхъ членовъ сейма отложить частные споры и недоразумѣнія, и приступить къ рѣшенію вопроса: слѣдуетъ ли принять окончаніе переговоровъ съ прусскимъ министромъ или нѣтъ».

«Пусть лучше—заговорилъ вышегродскій посолъ Микорскій — чужой солдатъ нагрянетъ къ намъ въ залу и принудитъ насъ къ принятію неволи. По крайней мѣрѣ полякъ, принужденный насиліемъ, не утратитъ славы безчестнымъ дѣломъ, и будетъ имѣть право на сочувствіе другихъ народовъ».

Секретарь все это время стоялъ съ проектомъ въ рукахъ, дожидаясь, когда дозволятъ его читать. Вдругъ подскочилъ къ нему Карскій, вырвалъ у него проектъ и удалился съ нимъ въ глубину залы.

Маршалъ обратился къ нему съ строгимъ выраженіемъ и требовалъ отдать проектъ.

«Я взялъ не проектъ,—отвѣчалъ Карскій,—а какую-то бумагу безъ подписи. Если есть авторъ этого писанія, пусть покажутъ его, и кому онъ поданъ, я отдамъ его тотчасъ».

Маршалъ обратился къ королю.

«Вырываніе проекта — сказалъ сурово король — есть непристойность, которая подаетъ дурной примѣръ безпорядка. Если такимъ образомъ будетъ дозволено вырывать проекты, то это можетъ случиться и съ самымъ полезнѣйшимъ патріотическимъ проектомъ».

«Я возвращу бумагу,—сказалъ Карскій,—она не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ на ней нѣтъ подписи автора».

Онъ бросилъ проектъ на столъ подлѣ маршала и отошелъ. Секретарь взялъ его въ руки. «Читайте», сказалъ маршалъ, но едва секретарь прочелъ нѣсколько словъ, опять поднялся крикъ, сдѣлалось смятеніе, патріоты покидали свои мѣста, бросились на средину Избы. Противники ихъ тоже; обѣ стороны разсвирѣпѣли, кидались другъ на друга съ проклятіями. Маршалъ, видя, что доходитъ дѣло до драки, бросился между ними, махая своимъ жезломъ и раздѣлилъ имъ пословъ, готовыхъ уже вцѣпиться другъ другу въ лицо. Испуганные министры столпились вокругъ короля, думая защитить его особу. Шидловскій покинулъ свое мѣсто и подошелъ къ королю.

«Васъ-то мнѣ и надобно,—сказалъ ему король;—подойдите ближе. Я отдаю честь вашей гражданской доблести,

славѣ какую вы пріобрѣли, любви, которою вы достойно пользуетесь отъ вашихъ товарищей. Я не умѣю выразить, какъ я люблю васъ, уважаю и цѣню. Скажите мнѣ, прошу васъ, какой будетъ изъ всего этого конецъ и чего вы хотите».

«Ваше величество, — отвѣчалъ Шидловскій,—я знаю, что, желая добра народу и отечеству, вы не можете не сочувствовать той рѣшимости, какую я оказываю; видите, что въ средѣ подлостей и насилія находятся еще честные поляки. Милостивый панъ! мой поступокъ послужитъ нѣкогда свидѣтельствомъ, что въ тѣ времена, когда вы царствовали, доблесть еще не угасла въ полякахъ. Я не думаю, ваше величество, чтобы вы не пожалѣли моей крови; я обвинилъ его въ измѣнѣ; боюсь, интрига будетъ злоумышлять на мою погибель, боюсь, чтобы этотъ подлецъ не отрекался послѣ, что такой проектъ подавалъ онъ. Пусть онъ подпишетъ свидѣтельство бѣдствій отечества и своихъ злодѣяній и удалится отсюда навсегда, какъ недостойный пребыванія въ этой святынѣ».

Король велѣлъ позвать Подгорскаго, находившагося въ другихъ покояхъ. «Подпишите проектъ вашъ», сказалъ онъ. Подгорскій пошелъ къ столику подписывать проектъ, но патріотическая партія снова окружила его съ ругательствами, вырывала у него перо и чернила. Король передалъ ему карандашъ. Этимъ карандашемъ Подгорскій смѣло и твердо подписалъ свой проектъ. Когда онъ отошелъ отъ стола, толпа бросилась на него и не довольствуясь ругательствами, снабжала его пинками. «Панъ маршалъ литовскій,—закричалъ Подгорскій,—вы не исполняете вашихъ обязанностей; вы напустили сюда лицъ, не принадлежащихъ къ сейму. Извольте унять драчуновъ».

«Вы здѣсь не должны находиться,—кричалъ на него Тышкевичъ,—ступайте прочь!»

Потомъ Тышкевичъ съ волненіемъ обратился къ коро-

лю: «Милостивый панъ,—сказалъ онъ,—съ начала сейма я терплю разныя непріятности; недоставало только, чтобы панъ Подгорскій осмѣлился меня оскорблять. Онъ обвиняетъ меня въ несоблюденіи порядка, въ допущеніи арбитровъ. Онъ донесетъ на меня россійскому посланнику. Я оставлю свой жезлъ: пусть россійскій посланникъ отдастъ его кому хочетъ».

«Ахъ ты негодный измѣнникъ, мерзавецъ, подлецъ!» кричали со всѣхъ сторонъ на Подгорскаго, и гнали и толкали его въ шею. «Прочь, вонъ отсюда, и чтобы слѣду твоего не оставалось!»

Подгорскій протѣснился къ королю и просилъ его защиты. «Прочь отъ меня, выйдите отсюда вовсе», сказалъ король. И Подгорскій, толкаемый въ спину и провожаемый ругательствами, очутился за дверями залы.

«Теперь можно читать проектъ», сказалъ маршалъ.

«Читать, читать!» кричали Виламовскій, Міончинскій, Залѣскій, а за ними и другіе умѣренные и жалованные.

«Не читать, не читать!» вопили патріоты.

«Коль скоро автора вытолкали изъ Избы, какъ можетъ быть принято дѣло, за которое онъ подвергся изгнанію? значитъ—или мы будемъ участниками его преступленія или мы несправедливо съ нимъ поступимъ», сказалъ Скаржинскій.

«Я предлагаю пустить на голоса предложеніе: можетъ ли быть читанъ проектъ Подгорскаго или нѣтъ?» говорилъ маршалъ Билинскій.

«Законъ запрещаетъ допускать голосованіе послѣ восьми часовъ. Теперь уже десятый. Да и кто осмѣлится голосовать на проектъ, котораго автора вытолкали изъ Избы?» сказалъ инфлянтскій посолъ Мануци, тотъ, о которомъ говорили, что онъ выкалывалъ глаза сторонникамъ 3-го мая въ Литвѣ.

«Читать, читать!» кричали, осмѣлившись, умѣренные.

Маршалъ, надѣясь, что его поддержатъ, опять сдѣлалъ вопросъ, и опять тѣ же ругательства, проклятія и угрозы. Давши время утишиться волненію, маршалъ опять попытался сдѣлать тотъ же вопросъ —и опять то же явленіе. Тогда король сказалъ:

«Вотъ какъ уважается у насъ свобода; сеймовый маршалъ спрашиваетъ, можно ли читать проектъ: объ этомъ нельзя узнать иначе, какъ только посредствомъ голосованія!»

И опять маршалъ пытается повторить прежнее, и опять шумъ, крикъ, брань.

Такимъ образомъ дотянули до десяти часовъ вечера. Изба не переставала волноваться. Измученный король, выбившись изъ силъ, объявилъ, что засѣданіе отлагается до слѣдующаго дня.

На слѣдующій день 19/30 августа, едва только собрались члены въ залу, какъ тамъ уже готово было для нихъ, словно для провинившихся школьниковъ, новое отеческое внушеніе Сиверса, въ такихъ выраженіяхъ:

«Нижеподписавшійся узналъ съ величайшимъ сожалѣніемъ о маломъ вліяніи вчерашней своей ноты на умы чиновъ конфедерованнаго сейма. Онъ не скрылъ предъ чинами того ужаснаго поворота обстоятельствъ, какой ожидаетъ ихъ съ оставшеюся у нихъ частью Рѣчи-Посполитой, и теперь не можетъ скрыть справедливаго опасенія, внушаемаго по поводу замедленія въ теченіи дѣла, котораго послѣднее рѣшеніе упомянутою нотою указано на завтрашній день. Будучи формально приглашенъ наияснѣйшими чинами вступить въ переговоры съ министромъ его величества прусскаго короля, нижеподписавшійся тѣмъ самымъ уже почитаетъ своею обязанностію, въ видахъ отклоненія непреодолимыхъ препятствій, которыя были причиною живыхъ споровъ на четырехъ по-

слѣднихъ засѣданіяхъ, вмѣстѣ съ этою нотою, подать проектъ, котораго не хотѣли слушать, въ такомъ исправленномъ видѣ, что онъ уже не можетъ быть не принятъ при настоящихъ критическихъ обстоятельствахъ. Нижеподписавшійся надѣется, что сеймъ, наконецъ, согласится единомышленно на это средство, единственно могущее отвратить грозу, висящую надъ Рѣчью-Посполитою, особенно надъ двумя превосходнѣйшими ея воеводствами, которыя опустошены были бы несомнѣнно, что́ повлекло бы опасность утратить покровительство и благосклонность ея императорскаго величества, которой чувства достаточно выражены, какъ въ деклараціи и въ многократно подаваемыхъ на сеймъ нотахъ, такъ равно и въ трактатѣ, недавно заключенномъ, наконецъ въ увѣреніяхъ расположенія и благосклонности, которыя нижеподписавшійся имѣлъ повелѣніе объявлять со времени эпохи, столь благодѣтельной для Рѣчи-Посполитой. Одушевляясь примирительными побужденіями, нижеподписавшійся не можетъ безъ соболѣзнованія взирать на ужасную будущность, какая ожидаетъ Рѣчь-Посполитую въ такомъ случаѣ, если гг. чины конфедераціоннаго сейма своимъ упорствомъ, неизвинительнымъ въ очахъ страдающаго народа, отвергнутъ единственный способъ, ведущій къ спокойствію, столько необходимому послѣ потрясеній, терзавшихъ Польшу до настоящаго времени».

Прочитана была нота. Потомъ принялись читать присланный проектъ; но едва только секретарь произнесъ слова: «Мы, король, съ согласія» — вдругъ поднялись, какъ и вчера, крики и ругательства. «Не читать», кричали патріоты. «Это безчестно для славы свободнаго народа». — «Читать», кричали умѣренные. Члены выскакиваютъ съ мѣстъ, бѣгутъ на середину залы съ ругательствами, опять доходятъ до того, что уже дѣло близко до драки. Въ то время кто-то крикнулъ:

«Не читать какъ проектъ, но прочитать какъ добавленіе къ присланной нотѣ россійскаго посланника».

Этотъ оборотъ такъ понравился, что Изба замолчала и секретарь началъ читать.

Въ проектѣ было сказано, что король со всѣми чинами отдаются всецѣло великодушію Екатерины и даютъ право депутаціи подписать трактатъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ условленъ и составленъ при посредничествѣ великаго россійскаго посла, съ тѣмъ условіемъ, чтобы этотъ трактатъ былъ гарантированъ императрицею.

Послѣ прочтенія поднялся ужасный шумъ и безпорядокъ; бросились къ маршалу, оскорбляли его словами, начали даже толкать. Король поспѣшилъ закрыть собраніе.

Страшныя проклятія раздавались между патріотами. Грозили убить маршала вмѣстѣ съ секретаремъ, который осмѣлился читать проектъ. Другіе угрожали самому королю. Это дошло до Сиверса. Друзья его поляки совѣтовали приступить къ рѣшительнымъ и суровымъ мѣрамъ и немедленно удалить человѣкъ двѣнадцать патріотовъ, производящихъ буйство на сеймѣ. Сиверсъ сказалъ, что еще рано; достаточно окружить залу войскомъ и не выпускать никого, пока не рѣшится дѣло полномочія.

Въ то же время Сиверсъ продолжалъ имѣть недоразумѣнія съ Бухгольцемъ, и защищалъ передъ нимъ поляковъ. Прусскій посланникъ домогался, чтобы Пруссія, захвативъ у Польши значительное пространство земель, ничего не сдѣлала для остальной Польши. Сиверсу хотѣлось, чтобы, по крайней мѣрѣ, поляки, уступивши Пруссіи часть лучшихъ земель своихъ, не были впередъ стѣсняемы такими мѣрами, которыя до сихъ поръ въ торговыхъ сношеніяхъ съ Пруссіею обращали все въ пользу одной Пруссіи и во вредъ Польши. Свободное плаваніе по рѣкамъ было однимъ изъ главныхъ требованій. Бухгольцъ показывалъ полученный недавно рескриптъ отъ

своего короля, который предписывалъ ему отдѣлить предметъ объ уступкѣ земель отъ торговаго трактата. «Это невозможно,—сказалъ Сиверсъ;—поляки ни за что не примутъ такого трактата. Единственное средство убѣдить ихъ—указать на вознагражденіе посредствомъ торговыхъ выгодъ».—«Если поляки еще будутъ упрямиться,—говорилъ Бухгольцъ,—Меллендорфъ начнетъ непріятельскія дѣйствія. Игельстромъ долженъ, какъ союзникъ, дѣйствовать съ нимъ вмѣстѣ».—«Новыя повелѣнія императрицы—отвѣчалъ Сиверсъ—гарантируютъ Пруссіи уступленныя владѣнія строго по условію, но не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы Польшѣ были даны торговыя выгоды. Я не стану употреблять понудительныхъ мѣръ, если вы не подпишете трактата въ томъ видѣ, въ какомъ онъ составленъ подъ моимъ посредничествомъ».

Бухгольцъ находилъ неумѣстнымъ и то, что поляки требуютъ, чтобы договоръ съ Пруссіею былъ подъ гарантіею императрицы. Это оскорбляло честь Пруссіи, которая, въ этомъ отношеніи, была какъ бы подъ наблюденіемъ Россіи.

«Я не могу—сказалъ Сиверсъ—выбрасывать изъ договора тѣхъ статей, которыя дѣлаютъ честь императрицѣ. Я употребляю силу для вынужденія у поляковъ уступки земель, но не могу запретить имъ требовать выгодныхъ для себя торговыхъ условій за это».

«Меллендорфъ долженъ дѣйствовать; ему приказано выступить 20 августа», говорилъ Бухгольцъ.

«Это безполезно,—сказалъ рѣшительно Сиверсъ,—вѣроятно сеймъ въ такомъ случаѣ попроситъ васъ удалиться изъ Гродно, и тогда неизбѣжна война».

Кончилось тѣмъ, что Бухгольцъ, отговариваясь неимѣніемъ самому права рѣшить этотъ вопросъ, хотѣлъ отсрочки до полученія новой инструкціи, а между тѣмъ просилъ поторопить сеймъ. Сиверсъ обѣщалъ приступить къ энер-

гическимъ мѣрамъ для истребованія отъ сейма полномочія депутаціи для заключенія договора въ томъ смыслѣ, въ какомъ проектъ былъ составленъ при посредничествѣ Сиверса.

Сеймовое засѣданіе послѣ пятницы, $^{19}/_{30}$ августа, должно было происходить въ понедѣльникъ, 22 августа (2 сентября), въ 4 часа пополудни. Сиверсъ послалъ къ Тышкевичу предварительно такое письмо:

«Извѣстія, которыя доходятъ ко мнѣ о заговорѣ, составляемомъ противъ священной особы короля, сеймоваго маршала и почтенныхъ особъ изъ сената, министерства, посольскаго круга, принуждаютъ меня принять для ихъ безопасности мѣры осторожности. Въ два часа пополудни два батальона гренадеръ будутъ поставлены на террасѣ и на дворѣ зàмка. Генералъ Раутенфельдъ разставитъ пикеты, такъ, чтобы никто изъ арбитровъ и ни одна особа, не имѣющая обязанности находиться въ зàмкѣ, не могла войти въ Избу. Поставятся также караулы у оконъ зàмка, чтобы и черезъ нихъ никто не прошелъ. Для входа останется свободною одна только дверь подъ карауломъ офицеровъ, для осмотра подозрительныхъ лицъ. Если у кого-нибудь изъ пословъ найдется спрятанное оружіе, тотъ будетъ арестованъ, посаженъ въ тюрьму и преданъ уголовному процессу за намѣреніе совершить убійство. Слѣдуетъ осмотрѣть оружіе литовской гвардіи и караула, состоящаго подъ вашимъ начальствомъ и арестовать тѣхъ, у кого найдется порохъ или пули. Само собою разумѣется, что гвардія останется на своемъ мѣстѣ. Если кто-нибудь изъ арбитровъ и особъ, не имѣющихъ никакой должности, спрячется въ Избѣ или гдѣ-нибудь, тотъ будетъ также арестованъ и посаженъ въ тюрьму. Въ передней комнатѣ будетъ поставленъ пикетъ изъ двѣнадцати офицеровъ, которые могутъ войти въ Избу и сидѣть на посольскихъ лавкахъ. Генералъ Раутенфельдъ сядетъ на кресло близъ

короля, на лѣвой сторонѣ, и будетъ наблюдать, чтобы не произошло какого-нибудь насилія, въ особенности надъ особами его величества, сеймоваго маршала и вашею, ясновельможный панъ. Извольте огласить, чтобы никто изъ членовъ сейма не двигался съ своего мѣста, исключая случаевъ, когда будетъ позванъ къ королю, а затѣмъ остается членамъ сейма совершенная свобода говоренія. Я не могу дозволить единственно безпорядковъ и буйствъ; и тѣ, которые окажутся въ этомъ виновными, подвергнутся строгости законовъ. Извольте сообщить это письмо въ оригиналѣ или переводѣ его величеству, королю, и всѣмъ членамъ сейма, если пожелаютъ».

Сиверсъ приказалъ часть войска, стоявшаго около Гродно, вдвинуть въ городъ и занять главныя улицы и площади. Никому не приказано было выходить изъ домовъ иначе, какъ съ билетомъ; иностраннымъ посланникамъ и служащимъ при нихъ лицамъ выдавались особыя карточки; это сдѣлали послѣ того, какъ одинъ изъ свиты папскаго нунція, вышедши на улицу, былъ задержанъ. Два батальона введены въ самый за́мокъ. Всѣ входы были заняты караулами, поставлены баттареи и при нихъ артиллеристы съ готовыми фитилями, для внушенія страха. Самъ Сиверсъ около полудня ходилъ въ залу, осмотрѣлъ ее, указалъ мѣста, гдѣ сидѣть Раутенфельду, офицерамъ и гдѣ въ корридорахъ, при дверяхъ и нѣкоторыхъ окнахъ, помѣщаться карауламъ. «Вы—сказалъ онъ Раутенфельду — будете дѣйствовать для соблюденія порядка, вмѣстѣ съ маршаломъ Тышкевичемъ». Король пожелалъ видѣть русскаго посланника. Онъ пріѣхалъ къ королю. Станиславъ-Августъ благодарилъ его за вниманіе и заботливость о его безопасности, но горько жаловался на свою участь. Сиверсъ утѣшалъ его будущею милостію императрицы, и обѣщалъ, что прусскій трактатъ не иначе будетъ допущенъ, какъ только съ самыми выгодными для Польши торговыми условіями.

Въ четыре часа пополудни стали съѣзжаться послы. Пріѣхалъ король. Прошедши мимо карауловъ свободно, послы въ самой залѣ застали уже русскаго блюстителя порядка и русскихъ офицеровъ. Нѣкоторые поляки съ негодованіемъ хотѣли уйти назадъ, но гренадеры, стоявшіе въ дверяхъ, скрестили ружья, не пустили ихъ, и даже угрожали прикладами, когда тѣ думали прорваться назадъ силою.

«Г. маршалъ литовскій,—кричалъ Скаржинскій,—вы умѣли спровадить арбитровъ, нашихъ соотечественниковъ, извольте же, сообразно вашей обязанности, удалить чужеземныхъ офицеровъ, иначе мы не позволяемъ сейму приступать къ занятіямъ».

«Такъ, такъ!—повторили голоса.—Не позволяемъ открывать засѣданія при чужомъ войскѣ, подъ насиліемъ».

Шидловскій, за нимъ Гославскій, обращались къ королю, хвалили его, увѣряли, что онъ безопасенъ, и требовали удаленія войска.

«Я ничего не боюсь,—сказалъ король.—Посреди моего народа мнѣ не нужно чужеземной стражи. Я говорилъ это не разъ и теперь повторяю. Я не участникъ въ этомъ; меня окружаетъ чужеземное войско, а я его не приглашалъ».

Это было произнесено такимъ жалобнымъ голосомъ, что послы были очень тронуты и обратились къ Тышкевичу: «Г. маршалъ,—говорили они,—извольте просить московское войско отсюда выйти».—«Вотъ письмо г. посланника россійскаго,—сказалъ Тышкевичъ,—оно вамъ будетъ служить доказательствомъ, что я не участвовалъ въ событіяхъ настоящаго дня, но также какъ и вы нахожусь подъ принужденіемъ».

«Откройте засѣданіе, г. маршалъ, и прочитайте это письмо», сказалъ Міончинскій, которому, какъ и его партіи,

хотѣлось скорѣе открыть засѣданіе для того, чтобы приступить къ прусскому дѣлу.

«Нѣтъ, нѣтъ!—кричалъ Годашевскій (троцкій),—сеймъ уже постановилъ прежде, что, въ случаѣ насилія, сеймъ не можетъ открывать засѣданій».

Множество голосовъ повторили то же.

«Такъ позвольте мнѣ—сказалъ Тышкевичъ—для своего оправданія прочитать письмо россійскаго посланника до засѣданія».

Ему дозволили. Письмо было прочитано.

«Требуемъ,—сказалъ Микорскій,—чтобы намъ было объявлено имя того измѣнника, который выдумалъ, будто противъ короля составляется заговоръ».

«Я пошлю спросить объ этомъ къ посланнику», сказалъ панъ Плихта.

«Нельзя быть сейму тамъ, гдѣ мѣстомъ, назначеннымъ для представителей вольнаго народа, овладѣлъ чужеземный солдатъ», сказалъ Шидловскій.

За нимъ повторяли въ томъ же смыслѣ много голосовъ.

«Покажи, наияснѣйшій король,—сказалъ Янковскій,—что ты довѣряешь своему народу и не требуешь чужихъ солдатъ».

И за нимъ то же повторило много голосовъ.

«Сообразно съ собственнымъ желаніемъ и волею сейма,—сказалъ король,—я поручаю коронному канцлеру съ двумя епископами немедленно отправиться къ г. россійскому посланнику и просить отъ моего имени удаленія россійскихъ войскъ, которыя препятствуютъ теченію сеймовыхъ занятій».

Онъ просилъ идти съ канцлеромъ Коссаковскаго и Масальскаго, но тѣ отказывались, подъ предлогомъ, что подобныя делегаціи всегда поручались свѣтскимъ особамъ. Король отъ сената назначилъ Огинскаго и Суходольскаго, а отъ пословъ маршала Билинскаго и Анквича.

Прежде, чѣмъ отправили этихъ лицъ, Коссаковскій расхвалилъ короля и разбранилъ Подгорскаго, котораго дѣла былъ соучастникомъ, а въ знакъ преданности и вѣрности королю просилъ, чтобы король дозволилъ цѣловать свою руку цѣлому сейму. Тотчасъ съ тою же просьбою обратился къ королю Анквичъ отъ имени посольскаго круга.

Маршалъ сейма хотѣлъ было вызывать по порядку воеводствъ пословъ для цѣлованія королевской руки, но послы закричали, что если читать списокъ пословъ, то это будетъ означать, что засѣданіе открыто, а они не позволятъ открывать его прежде удаленія русскаго войска, и рѣшили, чтобы безъ вызова по списку, сперва сенаторы, потомъ послы по воеводствамъ подходили сами собою къ королевской рукѣ.

Такъ и сдѣлалось. По окончаніи этой церемоніи делегація отправилась къ Сиверсу.

Послы сѣли на свои мѣста въ молчаніи. Русскіе офицеры сидѣли на своихъ лавкахъ недвижно, какъ статуи.

Сиверсъ, выслушавши длинную просьбу делегатовъ, отвѣчалъ имъ: «Стòитъ только прочитать бюллетени пяти засѣданій прошлой недѣли. Буйства, которыя позволяли себѣ члены противъ короля и маршала, угрозы и невниманіе къ моимъ тремъ нотамъ вынудили меня напомнить вамъ долгъ порядка. Король тутъ не причастенъ. Я сдѣлаю угодное королю, велю выйти русскимъ офицерамъ изъ залы; останется одинъ Раутенфельдъ, но войску прикажу оставить зàмокъ не прежде, чѣмъ принятъ будетъ проектъ Подгорскаго. До тѣхъ поръ никто изъ членовъ сейма не выйдетъ изъ зàмка».

Делегація просила Сиверса сказать, кто ему донесъ о существованіи заговора противъ короля.

«Я узналъ это—сказалъ Сиверсъ—уже пять дней тому назадъ; ходятъ слухи, что готовится смятеніе, угрожаю-

щее его величеству и нѣкоторымъ членамъ сейма: моею обязанностію было для ихъ безопасности принять средства».

Делегація воротилась и все разсказала сейму. Суходольскій прибавилъ, что, высказавши россійскому послу о своемъ сопротивленіи прусскому дѣлу, онъ получилъ отъ него молчаливое одобреніе чувствъ своихъ. Это побудило его тотчасъ заявить, что онъ будетъ противъ прусскаго трактата.

Было уже половина девятаго. Маршалъ открылъ засѣданіе и началъ его чтеніемъ новой ноты, присланной Сиверсомъ. Въ ней, изложивъ вкратцѣ событія предшествовавшихъ бурныхъ засѣданій, посолъ говорилъ:

«Нижеподписавшійся видитъ себя окончательно принужденнымъ объявить чинамъ сейма, что невоздержные поступки очевидно показываютъ тѣ сѣмена якобинства, о которыхъ онъ упоминалъ въ предшествовавшихъ своихъ нотахъ, и потому онъ не можетъ не приступить къ искорененію этой пагубной во всѣхъ отношеніяхъ заразы и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно требуетъ, чтобы просмотрѣнный, поправленный и къ нотѣ отъ $^{19}/_{30}$ августа присоединенный проектъ г. Подгорскаго былъ немедленно прочтенъ, и, безъ малѣйшаго замедленія, принятъ и рѣшенъ. Вслѣдствіе сего, наияснѣйшіе чины благоволятъ тотчасъ же, не закрывая засѣданія, дать почтенной депутаціи полную власть и точное приказаніе подписать трактатъ, составленный при высочайшемъ посредствѣ августѣйшей государыни съ г. прусскимъ посломъ, а равно утвердить своимъ подписомъ и будущія статьи, какія составятся по силѣ выраженій протокола конференцій, на которыхъ находился нижеподписавшійся, дабы онъ чрезъ то самое былъ уволенъ отъ принятія такихъ мѣръ, какія ему предписаны, и отъ которыхъ онъ не можетъ отступить. Нижеподписавшійся долженъ также объявить наияснѣйшимъ чи-

намъ, что, въ видахъ предотвращенія неурядицы, онъ находится въ неизбѣжной необходимости командировать два батальона гренадеровъ съ четырьмя пушками, и окружить зàмокъ. Г. генералъ Раутенфельдъ будетъ командовать этими батальонами и предприметъ, вмѣстѣ съ г. Тышкевичемъ, великимъ литовскимъ маршаломъ, мѣры, необходимыя къ огражденію сеймоваго спокойствія. Нижеподписавшійся ожидаетъ, что засѣданіе не закроется до тѣхъ поръ, пока не будетъ сдѣлано рѣшеніе о подписаніи трактата».

Начались пренія. Скаржинскій произнесъ длинную рѣчь, длившуюся цѣлый часъ, преисполненную риторики; онъ стоялъ за проектъ Шидловскаго, но допускалъ въ немъ дѣлать такія поправки, по которымъ бы возобновились сношенія съ берлинскимъ дворомъ и измѣнилась рѣшимость не уступать отбираемые края.

За нимъ говорилъ Шидловскій. Его рѣчь была также длинна, но онъ соглашался допустить поправки въ своемъ проектѣ.

Это значило, что жаръ патріотовъ прохлаждался отъ вліянія ноты Сиверса и отъ близости русскихъ гренадеровъ. Шло дѣло къ тому, чтобы сдаться; хотѣли только, чтобы казалось на видъ, будто не отъ страха сдаются.

Видя, что патріоты стали подаваться и спѣшатъ предлагать поправки, черскій посолъ Станишевскій подалъ маршалу проектъ добавокъ къ проекту Шидловскаго, состоящихъ въ слѣдующемъ:

Возвратить взятый пруссаками образъ Ченстоховской Богородицы съ инвентаремъ сокровищъ и казны, принадлежащихъ ему. Опредѣлить наслѣдство въ случаѣ угашенія фамиліи Радзивилловъ и гарантировать доходы примаса въ забранномъ пруссаками краѣ; также дозволить свободно примасу проживать въ польскомъ краѣ.

Добавки къ проекту Шидловскаго никакъ не клеились

съ самымъ проектомъ. Добавка относительно примаса допускала, сама собою, возможность уступки областей Пруссіи, тогда какъ проектъ выразительно отвергалъ ее. Эту добавку приставляли къ проекту съ хитрымъ намѣреніемъ подорвать и уничтожить самый проектъ, съ которымъ она находилась въ прямомъ противорѣчіи, и тѣмъ поворотить его къ смыслу проекта Подгорскаго. Скаржинскій закричалъ, что эта добавка не можетъ быть принята и присоединена къ проекту Шидловскаго, потому что она допускаетъ то, что̀ проектъ отвергаетъ.

Тогда сеймовый маршалъ сдѣлалъ вопросъ: одинъ ли проектъ, навязываемый силою, долженъ быть принятъ, или же и проектъ Шидловскаго?

«Что это такое?—закричалъ Скаржинскій.—Какъ могутъ быть приняты два разнородные проекта?»

За нимъ принялись кричать другіе и напустились на маршала. Билинскій, послѣ неудавшейся хитрости, сообразивъ, что надобно подъѣзжать къ цѣли окольнымъ путемъ, и потихоньку, начиная съ общихъ мѣстъ, задалъ такой вопросъ: можетъ ли быть принятымъ поданное предложеніе? Патріоты противились пущенію на голоса такого вопроса, но умѣренные перекричали ихъ. Рѣшили голосовать такъ, чтобы сначала подавали голоса сенаторы, потомъ послы. Оказалось изъ сенаторскихъ утвердительныхъ 10 и отрицательныхъ 3, а въ посольскомъ кругѣ—утвердительныхъ 50 и противныхъ 25.

Вслѣдъ за этимъ маршалъ предложилъ другой вопросъ, уже яснѣе, но тоже не раздражая патріотовъ, и даже какъ будто угождая имъ: можетъ ли быть представленъ къ рѣшенію проектъ, присланный съ нотою россійскаго посланника, поддерживаемый насиліемъ и присутствіемъ чужеземнаго войска, или только проектъ Шидловскаго?

Отчаянные патріоты кричали и противъ этого, но составилось голосованіе и принятъ къ рѣшенію проектъ

Подгорскаго. Оказалось большинство 59 голосовъ противъ 26 (сенаторскихъ 10 противъ 3, посольскихъ 49 противъ 23).

Тогда умѣренные стали подавать разныя поправки и добавки.

Между тѣмъ курьеры, одинъ за другимъ, являлись отъ Сиверса, и приглашали къ нему то тѣхъ, то другихъ особъ изъ сейма. Сиверсъ напоминалъ имъ долгъ ихъ, дѣлалъ угрозы и побуждалъ торопиться.

Маршалъ отдалъ всѣ поправки конституціонной депутаціи, занимавшейся совокупленіемъ замѣчаній и редакціей проекта. Когда, по этимъ замѣчаніямъ, конституціонная депутація изготовила цѣлый проектъ и принесла его въ собраніе, маршалъ предложилъ на голосованіе вопросъ: обращается ли въ законъ проектъ, допущенный къ рѣшенію и поправленный конституціонною депутаціею?

Наступила рѣшительная роковая минута. Патріоты собирали всѣ силы, чтобы не допустить проектъ, но присутствіе русскаго генерала въ самой залѣ, сосѣдство гренадеровъ въ корридорахъ и невозможность выйти изъ залы не принявши этого проекта, лишали патріотовъ поддержки той толпы, которая прежде, поджигаемая ихъ огненными рѣчами, одобряла ихъ и производила суматоху во всей Избѣ; послы, въ этотъ разъ, уже не соскакивали съ мѣстъ, не выбѣгали на средину, а сидѣли по мѣстамъ тихо и покорно. Началось голосованіе. Оказалось за проектомъ большинство 61 голоса противъ 23 (сенаторскихъ 9 противъ 2, посольскихъ 52 противъ 21). Нѣкоторые не подавали голоса вовсе; другихъ не было въ залѣ.

Гетманъ Коссаковскій, Пляттеръ и Ледоховскій не хотѣли-было идти въ собраніе, но Сиверсъ послалъ къ нимъ русскаго маіора приказать имъ, именемъ своей государыни, чтобы они шли немедленно. Они повиновались, и Пляттеръ заслужилъ милостивое вниманіе русскаго пос-

ланника за то, что въ Избѣ сказалъ мудрую рѣчь о покорности ея императорскому величеству.

Такимъ образомъ, всѣ крики въ продолженіе многихъ дней, всѣ возгласы, вся рѣшимость показать свѣту достойную римлянъ твердость, вся пышная патріотическая риторика съ величественными тѣлопоставленіями и пламенными тѣлодвиженіями,—все было напрасно. Даже и жалкій Подгорскій выпилъ напрасно чашу оскорбленій. Одно только, въ чемъ видно было вліяніе патріотическихъ выходокъ—это тонъ, какимъ написано было полномочіе депутаціи, заявлявшій о сознаніи насилія. Оно было выражено въ слѣдующихъ словахъ:

«Мы, король, въ согласіи съ чинами Рѣчи-Посполитой, выслушали донесеніе депутаціи, назначенной для переговоровъ съ прусскимъ посланникомъ, и показанный намъ проектъ трактата; мы узнали, что, несмотря на усильное посредничество г. россійскаго посланника, дворъ берлинскій не отступаетъ отъ намѣреній, пагубныхъ для Рѣчи-Посполитой, допустивъ смягченіе только нѣкоторыхъ статей трактата. Находясь въ крайней степени несчастія, но будучи далекими отъ признанія законности причинъ, какими берлинскій дворъ хочетъ оправдать свое насиліе надъ нами, и напротивъ, не отступая отъ нашей декларации, помѣщенной въ первой отвѣтной нотѣ на ноту двухъ союзныхъ дворовъ, свидѣтельствуемъ передъ цѣлою Европою, къ которой много разъ обращались, что, опираясь на силу предшествовавшихъ трактатовъ, съ нашей стороны всегда сохраняемыхъ, а въ особенности на силу трактата, недавно заключеннаго въ 1790 году, по желанію самого прусскаго короля, которымъ обезпечивалась независимость и цѣлость областей Рѣчи-Посполитой, мы даемъ настоящій актъ не по доброй волѣ, а по поводу цѣлаго ряда насильственныхъ мѣръ, неоднократныхъ угрозъ ввести прусскія войска въ богатѣйшія области, остав-

шіяся во владѣніи Рѣчи-Посполитой, для ихъ окончательнаго разоренія, наконецъ, послѣ того, какъ въ глазахъ нашихъ, святилище нашего законодательства въ день, назначенный для обсужденія проекта, было окружено и запружено иноземными солдатами. Даемъ вынужденное отъ насъ порученіе вышеупомянутой депутаціи подписать трактатъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ составленъ за посредничествомъ г. россійскаго посланника, съ тѣмъ: 1) что онъ будетъ гарантированъ августѣйшею государынею со всѣми особыми, сообразными съ этимъ трактатомъ, статьями, какъ по отношенію къ торговлѣ, такъ и по отношенію къ инымъ предметамъ, касающимся духовенства, къ успокоенію Рѣчи-Посполитой и ея обывателей, какъ отходящихъ вполнѣ подъ чужое владычество, такъ и имѣющихъ въ обоихъ государствахъ свои имѣнія; 2) чтобы превелебнѣйшій отецъ нынѣшній примасъ могъ безпрепятственно, для отправленія своихъ обязанностей, жить въ Польшѣ и собирать свои доходы; 3) чтобы, въ случаѣ прекращенія фамиліи князей Радзивилловъ, бранденбургскій домъ не предъявлялъ никакихъ притязаній на наслѣдство, которое будетъ по закону принадлежать Рѣчи-Посполитой; 4) съ тою перемѣною послѣдней статьи трактата, что мы, король, не прежде будемъ ратификовать именемъ нашимъ и чиновъ Рѣчи-Посполитой трактатъ объ уступкѣ земель, какъ тогда, когда торговый трактатъ и всѣ взаимно признанныя отдѣльныя статьи будутъ признаны и подписаны обѣими договаривающимися сторонами при посредничествѣ и гарантіи россійскаго двора, и 5) чтобы подлинный образъ Ченстоховской Богоматери немедленно, по подписаніи трактата, со всѣмъ инвентаремъ драгоцѣнностей, серебра и всякой утвари, принадлежащихъ казнѣ этого образа, былъ намъ возвращенъ».

Когда унылые послы расходились изъ засѣданія, на старой башнѣ зáмка пробило четыре часа пополуночи.

«Ахъ, наше собачье житье! Ахъ, какая мука!» восклицалъ Сиверсъ въ задушевномъ письмѣ къ дочери, разсказывая объ этомъ событіи. «Чтò я перечувствовалъ, когда держалъ короля съ сеймомъ двѣнадцать часовъ взаперти, пока не прикажетъ подписать своего бѣдствія!»

VI.

Недоразумѣнія съ Бухгольцемъ. — Арестованіе четырехъ пословъ. — Сиверсъ окружаетъ Избу войскомъ.—Нѣмое засѣданіе.—Трактатъ съ Пруссіею.

Окончивъ съ поляками, Сиверсъ сталъ обращаться съ ними ласково, далъ великолѣпный балъ и ужинъ въ день рожденія императрицы. Зубовъ далъ такой же балъ въ день Александра. Концерты, спектакли, вечера каждый день располагали веселиться поляковъ. Самъ король далъ обѣдъ для русскихъ.

Оставалось покончить полякамъ съ Бухгольцемъ. Прусскій министръ, во время послѣдняго рѣшительнаго засѣданія сейма, былъ въ сильной тревогѣ; онъ боялся, что поляки, несмотря на всѣ принудительныя мѣры, упрутся, и никакія старанія Сиверса не заставятъ ихъ податься. Онъ не видѣлъ и не ожидалъ, со стороны Россіи, готовности въ такомъ случаѣ помогать Пруссіи своимъ оружіемъ. Можетъ быть, если бы члены сейма не уступили ни за чтó, просидѣли бы не только вечеръ и ночь, но нѣсколько дней подъ стражею русскаго войска, показали бы готовность скорѣе умереть съ голоду, чѣмъ сдѣлать угодное Пруссіи, и въ то же время отдавались бы съ покорностью императрицѣ,—въ концѣ концовъ пришлось бы Россіи оставить ихъ на произволъ судьбы раздѣлываться съ

Пруссіею, а это бы все-таки причинило большія затрудненія Пруссіи, какъ ни велики казались ея силы въ сравненіи съ польскими. На счастье Пруссіи сеймъ оказался храбрѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ.

Но Бухгольцъ и на другой день послѣ этого засѣданія не былъ доволенъ. Пруссіи совсѣмъ не по мысли былъ торговый трактатъ и льготы Польшѣ. Бухгольцъ видѣлъ со стороны Сиверса то же расположеніе, какъ и прежде, и жаловался, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Меллендорфу, что Сиверсъ мирволитъ полякамъ. «Поляки насъ ненавидятъ до крайности, гораздо больше, чѣмъ русскихъ. Они признаются, что оскорбляли Россію и вели съ нею войну, а мы имъ противны оттого, что мы нѣмцы». Послѣ назначенія депутаціи, Бухгольцъ былъ недоволенъ и не хотѣлъ принимать добавокъ, а болѣе всего не хотѣлъ, чтобы торговый трактатъ былъ условіемъ уступки земель. Но Сиверсъ рѣшительно отвѣчалъ ему: «изъ статей, требуемыхъ поляками, нѣтъ ни одной, которая бы могла потрясти согласіе двухъ дворовъ. Вы подпишите послѣ завтра трак татъ и все кончится».

«Нѣтъ,—возразилъ Бухгольцъ,—я подписать не могу съ приложеніями и съ условіями о торговомъ трактатѣ. Напротивъ, слѣдуетъ Меллендорфу прибѣгнуть къ военнымъ дѣйствіямъ въ двухъ воеводствахъ».

«Этого я на чистоту не допущу,—сказалъ Сиверсъ.— Это значитъ, получивъ уступку, начать войну за чужіе капризы. По справедливости, король вашъ не долженъ отказать въ признаніи тѣхъ выгодъ, какія поляки имѣютъ основаніе требовать въ своемъ печальномъ положеніи, находясь въ полномъ распоряженіи прусскаго короля. Притомъ видите, какъ они тверды и упорны: не доводите ихъ до отчаянія. Уступкою, сдѣланною вамъ, вы обязаны единственно волѣ императрицы и тѣмъ насильственнымъ мѣрамъ, какія я употреблялъ. Если Меллендорфъ войдетъ

съ войсками, вы должны будете отсюда тотчасъ же уѣхать. Тогда трудно будетъ удержать ихъ отъ крайностей. Если вы не согласны пріостановить дѣло, то пошлемъ курьера къ своимъ дворамъ, а если вы хотите окончить дружелюбно, надобно подписать трактатъ. Я бы на вашемъ мѣстѣ поступилъ такъ. Послѣдствія очень важны».

Бухгольцъ нѣсколько разъ обращался съ прежней просьбой допустить Меллендорфа войти въ воеводства, но Сиверсъ былъ непоколебимъ.

«Я говорю вамъ,—сказалъ онъ,—что вся негоціація разстроится, если вы на это рѣшитесь».

Меллендорфъ, узнавъ о разноголосицѣ, прислалъ къ Сиверсу своего адъютанта, но и адъютантъ не упросилъ Сиверса. Бухгольцъ отправилъ курьера къ своему королю въ лагерь.

Императрица сначала одобряла поведеніе своего министра съ Пруссіею. Въ августѣ, когда ей донесли объ упорствѣ поляковъ по отношенію къ Пруссіи, она секретно приказывала поддерживать поляковъ въ ихъ справедливыхъ претензіяхъ противъ прусскихъ угрозъ и увѣрить ихъ въ добромъ расположеніи своемъ и вѣнскаго двора. Отъ 14-го сентября, она писала къ Сиверсу: «во всемъ, что вы до сихъ поръ сдѣлали для пользы поляковъ, вы исполнили мои намѣренія, и хотя избранная дорога могла казаться противна интересамъ прусскаго двора, онъ не можетъ не признать основаній справедливости и человѣколюбія, какія вами руководили».

Но все измѣнилось черезъ нѣсколько дней. Бухгольцъ получилъ отъ своего двора требованія, чтобы трактатъ объ уступкѣ земель былъ оконченъ прежде торговаго трактата. Прусскій король, узнавши, что дѣла его въ Польшѣ встрѣчаютъ препятствія, хотѣлъ оставить войну съ Франціею и обратиться на Польшу.

Вѣроятно, государыня разсчитывала, что если прус-

скій король оставитъ Францію и обратится на Польшу, то съ одной стороны страшное революціонное движеніе будетъ лишено противодѣйствія, съ другой—Россія будетъ поставлена въ необходимость защищать Польшу и вступить въ войну съ Пруссіею. Въ то же время Австрія, терявшая надежду на успѣхъ вознагражденія на счетъ Франціи, станетъ показывать сильное желаніе вознаградить себя на счетъ Польши, и съ этою цѣлію пойдетъ съ Пруссіею. Россіи пришлось бы тогда вмѣстѣ съ поляками воевать противъ двухъ сосѣднихъ державъ. Такимъ образомъ, европейскій союзъ противъ Франціи разрушился бы самъ собою, между тѣмъ поляки могли измѣнить Россіи и перейти на сторону ея враговъ. Поэтому-то Екатерина приказывала Сиверсу поспѣшить окончаніемъ прусскаго дѣла, въ угоду прусскому двору.

Между тѣмъ, послѣ рѣшенія дѣла о подписи депутатовъ, сеймъ сталъ заниматься дѣлами внутренними. У Сиверса была готова конституція, написанная подъ его надзоромъ Мошинскимъ съ товарищами; она была представлена на сеймъ для обсужденія. Но главнѣйшее дѣло этихъ дней было уничтоженіе тарговицкой конфедераціи.

Сиверсъ считалъ ее величайшимъ зломъ, разъѣдающимъ Польшу. Онъ представлялъ объ уничтоженіи ея еще въ началѣ сейма, но государыня нашла это неумѣстнымъ до поры до времени; раздѣляя взглядъ своего посланника на всѣ дурныя стороны этого учрежденія, она находила, что нужно держать ее до тѣхъ поръ, пока окончательно не совершится уступка польскихъ провинцій Россіи, но держать ее въ ослабленномъ видѣ. Такимъ образомъ, у конфедераціи отнято было все управленіе, запрещены собранія, прекращено образованіе новыхъ мѣстныхъ конфедерацій. Но суды, созданные ею, оставались по прежнему. Теперь, когда трактатъ съ Россіею былъ подписанъ, государыня приказала, сообразно давнишнему желанію

Сиверса, совершенно уничтожить ее и составить новую, сеймовую, подъ начальствомъ короля. Составленіе новой конфедераціи сочтено нужнымъ единственно потому, что боялись, чтобы друзья тарговицкой не могли упорно защищать ее на сеймѣ, потому и рѣшились вести дѣло такъ, чтобы, съ образованіемъ новой конфедераціи, старая уничтожилась сама собою. Главою новой конфедераціи долженъ былъ стать король, маршаломъ—сеймовый маршалъ, а совѣтниками—только члены настоящаго сейма.

Актъ уничтоженія прежней конфедераціи и составленія новой написанъ былъ Мошинскимъ и прочитанъ королю, къ большому его утѣшенію. Коссаковскій и Забѣлло, видя въ этомъ свое паденіе, пытались у Сиверса какъ-нибудь удержать свое издѣліе, но напрасно. 15-го сентября Міончинскій подалъ на сеймъ проектъ о распущеніи конфедераціи. По этому проекту возобновлялись всѣ суды, какіе были до 1792 года, и должны были оставаться въ такомъ видѣ до реформы, долженствовавшей явиться съ новою формою правленія. Всѣ санциты конфедераціи, хотя не теряли сами по себѣ законной силы, но могли быть уничтожены сеймовымъ постановленіемъ. Они должны быть въ теченіи недѣли доставлены на сеймъ, для обслѣдованія ихъ, въ руки канцлеровъ.

Установлена была депутація для разбора жалобъ, которыя могли и должны были возникнуть на дѣйствія конфедераціи. Сторонники конфедераціи на сеймѣ не имѣли легальнаго повода сильно упорствовать, на томъ основаніи, что конфедерація все-таки существовала, только другая, и будучи членами сейма, они были членами этой новой конфедераціи. Поэтому актъ уничтоженія тарговицкой конфедераціи прошелъ единогласно, несмотря на то, что много было скорбѣвшихъ о ней и боявшихся, чтобы, при обслѣдованіи дѣлъ конфедераціи, не объявились ихъ преступленія.

Новая конфедерація, подъ названіемъ Гродненской, заключалась съ цѣлью поддерживать преимущества престола и неприкосновенность имуществъ всѣхъ гражданъ. Патріоты, подписавшіе этотъ актъ, прибавили при своей подписи нѣкоторыя оговорки, касавшіяся того, что они вступаютъ въ новую конфедерацію въ видахъ охраненія цѣлости границъ Рѣчи-Посполитой и политической свободы. Сиверсъ нахмурился, увидя эти прибавки, и сказалъ: «можно будетъ заставить исключить это, если произойдутъ смятеніе и толки». Въ то же время и сеймъ продолжилъ свое существованіе до октября.

Послѣ этого засѣданія, бывшаго 5-го (16-го) сентября, на слѣдующемъ, 7-го (18-го) сентября, Краснодембскій произнесъ длинную рѣчь, гдѣ громилъ бывшую конфедерацію и указывалъ на нѣкоторыя ея санциты, явно обличавшія ея пагубныя для отечества дѣйствія. Такъ онъ напалъ на произвольное ея обращеніе съ казною. Онъ упомянулъ, между прочимъ, о томъ, какъ Коссаковскій присвоилъ себѣ интригами администрацію краковскаго епископства, указалъ на то, что многими санцитами конфедераціи добродѣтельные граждане, въ угоду сильныхъ членовъ конфедераціи, лишены были всего имущества, показалъ растрату суммъ военнаго вѣдомства, злоупотребленія въ управленіи войска, назначеніе людей, несвѣдущихъ въ военномъ дѣлѣ, вмѣсто опытныхъ офицеровъ. Онъ обращался къ новосоставленной депутаціи, убѣждая ее отъискать и указать средства поправить вообще все, что конфедерація надѣлала вреднаго, какъ для страны вообще, такъ и для гражданъ въ частности. Краснодембскій указалъ, въ числѣ черныхъ дѣлъ конфедераціи, призваніе чужеземнаго войска, и при этомъ замѣтилъ, что она была создана Россіей съ вредными для Рѣчи-Посполитой намѣреніями и потомъ уничтожена Россіею же, когда это орудіе найдено болѣе ненужнымъ.

За нимъ Шидловскій началъ тоже произносить хулу на конфедерацію. «Торговицкая революція--говорилъ онъ — ниспровергла великія учрежденія, основанныя на старыхъ законахъ, и замѣнила ихъ неслыханнымъ произволомъ. Черезъ нее честные граждане лишились имущества, которымъ владѣли роды ихъ въ продолженіе вѣковъ; она оподлила народъ, и каждаго изъ насъ ввергла въ бездну взаимной ненависти и смятенія; у тебя самого, король, отняты твои преимущества; принудили тебя обманомъ пристать къ конфедераціи».

Королю щекотливо стало слушать это обращеніе къ себѣ. Краснодембскій, послѣ своихъ выходокъ противъ конфедераціи, изъявлялъ благодарность королю, и предложилъ цѣлованіе королевской руки, но король отклонилъ это, сказавши, что это будетъ умѣстно тогда, когда окончатся сеймовыя работы и слѣдовательно будетъ причина благодарить его за труды. «Лучше — сказалъ онъ — положимъ конецъ упрекамъ и обвиненіямъ конфедераціи; это только возбуждаетъ умы и поселяетъ вражду, когда для насъ теперь необходимо согласіе. Все, въ чемъ надобно будетъ обвинить бывшую конфедерацію, можетъ представиться въ учреждаемую на этотъ конецъ депутацію, а на сеймѣ слѣдуетъ лучше заниматься другими предметами, тѣмъ болѣе, что ихъ много».

Несмотря на эти успокоительныя убѣжденія короля, на другой день, 8 (19) сентября, Шидловскій началъ опять кричать противъ конфедераціи, но увлекся до того, что коснулся и новой, изъявилъ опасеніе, что и новая будетъ такая же, какою была старая, и назвалъ ее толпою, (zgraja). «Какая надежда можетъ быть –сказалъ онъ—на исправленіе вреда, который принесла бывшая конфедерація, когда многіе члены новой находились въ прежней, получали отъ ея существованія выгоды, и теперь, разумѣется, будутъ защищать всѣ ея несправедливыя постановленія?».

Эти возраженія возмутили всю Избу. Требовали предать суду Шидловскаго за оскорбленіе достоинства членовъ сейма. Король, сообразно всегдашней своей наклонности мирить и улаживать, требовалъ у Шидловскаго, чтобы онъ просилъ прощенія. Онъ исполнилъ требованіе, но вслѣдъ затѣмъ подалъ протестацію противъ дѣйствій сейма и акта конфедераціи, который, какъ онъ толковалъ, утверждалъ раздѣленіе Польши; выражалось желаніе устроить форму правленія, благодѣтельную, по крайней мѣрѣ, для той части Рѣчи-Посполитой, которая еще оставалась независимою.

Эти выходки не могли ускользнуть отъ вниманія Сиверса; русскій посланникъ видѣлъ въ нихъ прямое противодѣйствіе Россіи и привязанность къ принципамъ 3-го мая, осужденнымъ союзными державами. Онъ написалъ грозную ноту и въ то же время приказалъ арестовать пословъ, кричавшихъ на сеймѣ. Но король послалъ къ нему двухъ министровъ просить его отмѣнить строгое рѣшеніе, тѣмъ болѣе, что виновные уже получили прощеніе отъ оскорбленныхъ товарищей. Сиверсъ согласился на этотъ разъ оставить ихъ безъ преслѣдованія, но подтвердилъ, что если они осмѣлятся еще заявить что-нибудь въ подобномъ духѣ, то онъ принужденъ будетъ поступить съ ними сурово.

Сеймъ, между прочимъ, продолжалъ работы по внутреннимъ дѣламъ. Устроены были депутаціи для обревизованія управленій и учреждена коммиссія для разсмотрѣнія банкротства польскихъ банкировъ Прота Потоцкаго, Петра Теппера, Фредерика Кабрилля, Карла Шульца и Яна Давида Гейзлера. Коммиссія эта должна была состоять изъ двадцати двухъ членовъ (10 изъ дворянъ, съ голосомъ рѣшающимъ, 3 изъ мѣщанъ, съ голосомъ совѣщательнымъ, назначенныхъ королемъ, и 9 назначенныхъ дворами петербургскимъ, берлинскимъ и вѣнскимъ). Они должны были

наложить секвестрацію на всѣ имѣнія этихъ банкировъ и ихъ довѣренныхъ, пригласить всѣхъ кредиторовъ и должниковъ подъ страхомъ, въ случаѣ неявки, лишиться своихъ претензій; имущества должныхъ банкирамъ должны быть, въ случаѣ неуплаты ихъ долговъ, проданы съ публичныхъ торговъ и на вырученныя деньги слѣдовало удовлетворить кредиторовъ.

Въ субботу, 21-го сентября, Бухгольцъ послалъ въ Избу ноту, гдѣ говорилось:

«Его величество, прусскій король, не можетъ долѣе сносить преткновеній и затрудненій, вымышляемыхъ нарочно съ цѣлію не допустить до окончанія переговоры, начатые депутаціею, и потому прислалъ нижеподписавшемуся строгое приказаніе не входить ни въ какіе переговоры о торговомъ трактатѣ прежде, чѣмъ не будетъ оконченъ обмѣнъ ратификацій». При этомъ Бухгольцъ обѣщалъ, что совѣщанія о торговомъ трактатѣ и объ устройствѣ тарифа наступятъ тотчасъ послѣ означеннаго обмѣна ратификацій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и Сиверсъ, въ своей новой нотѣ, извѣщалъ, что онъ «какъ посланникъ посредствующаго и дружественнаго двора, долженъ представить наияснѣйшимъ чинамъ о неминуемой потребности подписать трактатъ о границахъ съ прусскимъ дворомъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ составленъ при его посредствѣ, безъ всякихъ прибавленій, если чины не желаютъ навлечь на Рѣчь-Посполитую ужаснѣйшихъ послѣдствій». Что касается до торговаго договора съ прусскимъ дворомъ, то Сиверсъ объявлялъ, что россійскій посланникъ будетъ содѣйствовать всѣми силами скорѣйшему начатію и окончанію дѣла, желаннаго и полезнаго для обоихъ государствъ.

Сиверсъ лично отправился къ королю, ловко объяснялъ ему, что надобно уступить, хоть ему самому это не по сердцу, иначе будетъ очень дурно, далъ слово стараться сдѣлать все возможное для торговаго трактата, и обнаде-

живалъ впередъ дружбою Россіи. Король, сначала взволнованный, мало-по-малу успокоился, соглашался, что дѣлать нечего, и просилъ только Сиверса позволить отправить къ нему съ засѣданія канцлера просить о посредничествѣ въ дѣлѣ торговаго трактата. Сиверсъ согласился.

Открылось засѣданіе. Маршалъ Билинскій объявилъ, что онъ только-что получилъ двѣ ноты отъ посланниковъ обоихъ дворовъ и чтеніемъ ихъ долженъ начать засѣданіе.

«Предчувствую содержаніе и послѣдствія этихъ нотъ,— сказалъ Кимбаръ.—Повторится ужасный день 2-го сентября; но все напрасно. Пусть заморятъ насъ голодомъ въ Избѣ, мы не положимъ позора на себя и на весь народъ. Не надѣюсь, чтобы сегодня кто-нибудь осмѣлился думать иначе».

Ноты прочитали. Краснодембскій произнесъ рѣчь огненную, задорную. Послѣ него, въ томъ же духѣ, говорилъ Шидловскій. Рѣчи ихъ возбудили энтузіазмъ; начали кричать: «не соглашаемся!» сыпали проклятія, вопіяли противъ насилія, взывали къ Богу, къ Европѣ, къ потомству. По слѣдамъ Краснодембскаго и Шидловскаго заговорили смѣло и горячо Скаржинскій и Микорскій. За ними выступилъ съ рѣчью хитрый и уклончивый Анквичъ; и онъ теперь разыгрывалъ патріота: «я, говорилъ онъ, во все продолженіе этого сейма наружно покорялся необходимости въ видахъ спасенія остатковъ нашей земли, но отчаяніе переполняетъ мое сердце, когда я вижу, что къ несправедливости, намъ оказанной, присоединяется презрѣніе къ намъ, и если все это слѣдствіе нашего смиренія, да будетъ проклята та минута, когда я думалъ, что смиреніе намъ необходимо».

Онъ обратился къ королю и совѣтовалъ послать депутацію къ Сиверсу, котораго величалъ добродѣтельнымъ посланникомъ великой государыни, и просить его о заступленіи.

Король на это сказалъ:

«Убѣжденный г. краковскимъ посломъ, совѣтую послать канцлеровъ къ россійскому посланнику представить ему несправедливость требованій объ измѣненіи того, что было уже составлено при его посредствѣ; этого вымогаютъ отъ насъ насильственно».

Всѣ согласились съ королемъ; тутъ не заключалось ничего, кромѣ попытки протянуть время, что̀ всѣмъ было по душѣ.

Король поручилъ составленіе ноты конституціонной депутаціи. Она въ особомъ покоѣ составила ноту и потомъ представила въ Избу. Въ нотѣ было заявленіе отъ цѣлаго сейма, что онъ готовъ скорѣе вовсе прекратить съ Пруссіею переговоры, чѣмъ допустить измѣненіе хотя малѣйшей части во вредъ націи, и обращается съ просьбою къ Сиверсу на основаніи принятаго имъ посредничества, съ просьбою убѣдить прусскаго министра отказаться отъ своего требованія. Вмѣстѣ съ канцлеромъ король послалъ Анквича.

По уходѣ депутатовъ къ Сиверсу, въ собраніи опять произносились патріотическія горячія рѣчи. Король, боясь, чтобы патріоты, въ увлеченіи, не наговорили очень много, закрылъ засѣданіе.

Сиверсъ, получивъ отъ канцлеровъ ноту, отвѣчалъ имъ, не изустно, а письменно и просилъ немедленно подписать проектъ трактата съ прусскимъ королемъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ составленъ при его посредствѣ и прочитанъ въ сеймѣ. «Всякая проволочка,—писалъ онъ,—всякая прибавка только отяготятъ судьбу Рѣчи-Посполитой, и потому нижеподписавшійся настоятельно проситъ уволить его отъ необходимости привести въ исполненіе предписанныя ему мѣры, возобновляя при этомъ случаѣ увѣренія, что скорость, съ какою они исполнятъ желаніе союзныхъ дворовъ, дастъ ему новое побужденіе къ участію,

насколько возможно, во всемъ томъ, что можетъ послужить къ благоденствію Рѣчи-Посполитой, въ особенности же относительно торговаго трактата съ Пруссіею».

Нѣкоторые послы сообразили, что въ понедѣльникъ должно происходить рѣшительное засѣданіе, и вздумали убѣжать изъ города въ воскресенье. Узнавъ это, Сиверсъ сталъ опасаться, чтобы такимъ образомъ и весь сеймъ не разбѣжался, и далъ приказаніе никого не выпускать изъ города. Ему донесли обо всемъ, что говорили рьяные послы, а чтобы не повторялось подобное на слѣдующій разъ, Сиверсъ далъ приказаніе Раутенфельду въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ арестовать Краснодембскаго, Шидловскаго, Скаржинскаго и Микорскаго. Такъ какъ они сами не хотѣли добровольно оставить сейма, то Сиверсъ опредѣлилъ отправить ихъ въ ихъ имѣнія.

Въ понедѣльникъ, 12 (23) сентября, два батальона окружили за́мокъ. Въ воротахъ поставили четыре пушки, подлѣ нихъ стали артиллеристы съ готовыми фитилями. Пикетъ въ пятьдесятъ человѣкъ сталъ на дворѣ. Солдаты заняли караулы въ корридорахъ и по всѣмъ входамъ. Въ Избу вошелъ генералъ Раутенфельдъ въ парадной формѣ, съ орденами; съ нимъ были его адъютанты. Сиверсъ велѣлъ, чтобы онъ черезъ этихъ адъютантовъ каждую четверть часа сообщалъ о томъ, что̀ происходитъ въ сеймовой Избѣ. Все это устроено было въ пять часовъ по-полудни. Посланникъ увѣдомилъ сеймъ объ арестованіи пословъ нотою, которая должна быть представлена сейму при самомъ началѣ засѣданія.

«Частыя напоминовенія, которыя нижеподписавшійся долженъ былъ дѣлать сейму по поводу необузданныхъ рѣчей, допускаемыхъ нѣкоторыми послами, такъ-называемыми зелантами, почти въ каждомъ засѣданіи, не достигали своей полезной цѣли приведенія ихъ къ приличію и порядку; напротивъ, нижеподписавшійся замѣтилъ против-

ное, что они свое заблужденіе простираютъ до крайности. Доказательствомъ того служатъ двѣ послѣднія рѣчи ливскаго посла Краснодембскаго 16-го сентября, и плоцкаго Шидловскаго 19-го того же мѣсяца: изъ нихъ первый, открыто восхваляя якобинскія правила революціоннаго сейма и конституціи 3-го мая, дерзнулъ изобразить чернѣйшими красками тарговицкую генеральную конфедерацію, составленную съ цѣлію спасенія отечества и покровительствуемую ея императорскимъ величествомъ; другой дошелъ еще до большей необузданности, дерзнувши назвать настоящій сеймъ, соединенный новою связью конфедераціи, къ которой и самъ приступилъ, толпою, которая будто бы обманомъ склонила короля приступить къ подписанію акта, по его словамъ преступнаго. Вся Изба была разгнѣвана и готова была осудить виновнаго за необузданныя правила якобинства, такъ нагло проповѣдуемыя. Однако просьба объ извиненіи была достаточна, чтобы такой поступокъ прошелъ безнаказанно, несмотря на то, что оскорбленіе касалось двухъ сосѣдственныхъ державъ и самого народа, въ лицѣ того собранія, которое шестнадцать мѣсяцевъ несло въ рукахъ своихъ верховную власть надъ Рѣчью-Посполитою. Нижеподписавшійся, будучи вынуждаемъ критическими обстоятельствами, и притомъ намѣреваясь предупредить ужасныя слѣдствія напраснаго сопротивленія, которое чрезъ то самое становится преступнымъ противъ самого отечества, думалъ, что дѣлаетъ ему услугу, приказывая арестовать и удалить изъ Гродно двухъ вышеименованныхъ пословъ, а также и двухъ другихъ, не менѣе преступныхъ по своимъ рѣчамъ и поступкамъ, вышегродскаго Микорскаго и ломжинскаго Скаржинскаго, и препроводить ихъ въ города и повѣты, откуда они были выбраны. Нижеподписавшійся никогда не думалъ стѣснять свободу говоренія и голосованія. Рѣчи, произнесенныя во все продолженіе этого сейма, вписывались въ акты, печа-

тались въ туземныхъ и заграничныхъ газетахъ, и несмотря на ихъ ѣдкость и оскорбительныя выраженія, онѣ не могли привести его до того, чтобы употребить противъ нихъ тѣ средства, какія находятся у него въ рукахъ къ пресѣченію такого безправія. Но въ такое время, когда дѣло идетъ объ избѣжаніи новыхъ несчастій для Польши, когда сеймъ долженъ приняться прилежно за устроеніе своего будущаго благоденствія, нижеподписавшійся увидѣлъ себя принужденнымъ приступить къ такимъ мѣрамъ, которыя безъ сомнѣнія одобритъ благомыслящая часть сейма, какъ и весь народъ».

Члены съѣхались въ залу около восьми часовъ вечера и ужаснулись, увидя, что съ ними намѣрены поступать рѣшительно. Они проходили на свои мѣста въ глубокомъ молчаніи. Когда явился король, и сеймовый маршалъ съ своего мѣста долженъ былъ открыть засѣданіе, поднялся Гославскій и сказалъ:

«Засѣданіе не можетъ быть открыто. Если бы я даже хотѣлъ, то не могъ бы этого дозволить, не преступая закона. Мы постановили, что при первомъ насиліи, сдѣланномъ членамъ нашего сейма, чины должны прекратить свои дѣйствія; въ эту ночь учинено неслыханное насиліе, арестованы четверо нашихъ товарищей. Я всѣми силами буду противиться открытію засѣданія, до тѣхъ поръ, пока означенные послы не будутъ возвращены сеймовой Избѣ. Пусть я паду жертвою; пусть чужеземный солдатъ, окружающій Избу, лишитъ меня жизни и голова моя падетъ къ ногамъ его, я объявилъ, что на основаніи закона, охраняющаго посла, не дозволю открывать сеймоваго засѣданія до тѣхъ поръ, пока не увижу между нами арестованныхъ пословъ и пока не удалится отъ сеймовой Избы россійское войско съ пушками».

Товарищъ Гославскаго, Янковскій, заявилъ, что надобно послать къ россійскому посланнику канцлера и маршаловъ

просить немедленно выпуска изъ-подъ ареста членовъ. Тоже совѣтовалъ Міончинскій. За нимъ множество голосовъ требовали того же.

«Хотя Изба находится въ страдательномъ положеніи,— сказалъ король,—но исполняя желаніе многихъ членовъ, я прошу гг. канцлеровъ ѣхать къ г. посланнику и объявить ему, что по поводу насилія, учиненнаго надъ особами, принадлежащими къ составу Избы, всѣ единогласно рѣшили не приступать ни къ какимъ работамъ до возвращенія пословъ въ Избу».

Канцлеръ Сулковскій, подканцлеръ Пляттеръ и сеймовый маршалъ отправились къ русскому посланнику.

Послѣ того въ сеймовой залѣ на цѣлый часъ воцарилось глубокое молчаніе, прерываемое шагами русскихъ адъютантовъ, которые черезъ каждую четверть часа входили въ залу и получали тихія приказанія отъ Раутенфельда.

Посланные отъ сейма къ Сиверсу застали у него Бухгольца и адъютанта Меллендорфа. Онъ въ это время просилъ пруссаковъ удержаться отъ военныхъ дѣйствій.

Канцлеръ разсказалъ ему въ чемъ дѣло.

«Я не стану съ вами говорить,—сказалъ сурово Сиверсъ,—отъ кого вы пришли? Не отъ сейма, когда засѣданія нѣтъ, а отъ вашего неправильнаго сборища! У васъ есть двѣ мои ноты. Съ нихъ надобно начинать засѣданіе. Онѣ получены и не прочтены. На нихъ не обращено вниманія. Это обида мнѣ. Я беру на себя трудъ написать вамъ отвѣтъ на бумагѣ, и вотъ онъ».

Сиверсъ сѣлъ и написалъ слѣдующую ноту:

«На требованіе гг. канцлеровъ и сеймоваго маршала, присланныхъ отъ членовъ сейма съ цѣлію просьбы объ освобожденіи четырехъ особъ, арестованныхъ пословъ, нижеподписавшійся не колеблется отвѣчать этимъ господамъ: пусть они донесутъ чинамъ, что такой новый образъ поведенія есть новое оскорбленіе союзнымъ дворамъ,—не

позволять открытія засѣданія, когда на очереди должны читаться двѣ ноты, присланныя отъ нижеподписавшагося, одна въ отвѣтъ на ноту, поданную гг. канцлерами, другая объясняющая побужденія, которыя принудили нижеподписавшагося арестовать четырехъ пословъ какъ четырехъ подстрекателей, и удалить ихъ изъ Гродно, откуда они уже и поѣхали въ свои повѣты. Законы, на которые ссылаются, очень извѣстны нижеподписавшемуся; онъ уже состарѣлся, уважая законъ, и другимъ приказывая уважать его. Онъ не хочетъ ставить на видъ Польшѣ, какъ мало въ ней уважались законы, но ему приходится напомнить первый законъ—уваженія къ властямъ, законъ, не признаваемый якобинскими правилами 3-го мая. Затѣмъ, нижеподписавшійся рекомендуетъ наияснѣйшимъ чинамъ прочитать вышеупомянутыя двѣ ноты, съ полнѣйшимъ увѣреніемъ въ томъ, что никакой перемѣны не можетъ произойти въ томъ, что въ нихъ содержится».

Въ присутствіи делегаціи Сиверсъ подписалъ паспорты четыремъ арестованнымъ посламъ и назначилъ деньги на издержки для слѣдованія ихъ на мѣста жительства.

Послѣдняя Сиверсова нота прочитана на сеймѣ. Раздались крики негодованія между патріотами. Маршалъ спросилъ: «слѣдуетъ ли читать ноты, присланныя прежде посланникомъ, которыя онъ теперь требуетъ прочитать?»

«Сейма нѣтъ! Засѣданіе невозможно подъ оружіемъ!» кричали патріоты.

Выступилъ Гославскій. Онъ держалъ надъ головою листъ, на которомъ былъ написанъ законъ 6-го іюля, запрещающій сеймовыя засѣданія, въ случаѣ насилія надъ послами.

«Сеймовать нельзя болѣе!—восклицалъ онъ.—Послы арестованы; Изба окружена москалями. Законъ, нами самими написанный, не дозволяетъ вести совѣщанія въ такихъ обстоятельствахъ. Выйдемъ лучше изъ Избы, если мы

должны въ ней причинять несчастія отечеству; покажемъ передъ цѣлою Европою, что можемъ быть угнетены, но не будемъ подлецами. Будьте послушны закону, окажите эту честь отечеству».

Это было через-чуръ рѣшительно. Собраніе молчало. Гославскій ушелъ изъ Избы. Никто не послѣдовалъ его примѣру. Раутенфельдъ велѣлъ пропустить его. Для русскаго посланника его выходъ былъ очень полезнымъ дѣломъ.

Тогда Раутенфельдъ обратился къ королю и просилъ открыть засѣданіе.

«Я не могу заставить ихъ говорить», сказалъ король.

Началъ говорить Міончинскій, и чтобы его не прервали въ началѣ, началъ превозносить мужество патріотовъ, а потомъ съѣхалъ на невозможность противиться силѣ, и совѣтовалъ прочесть ноты, присланныя Сиверсомъ. «По крайней мѣрѣ сдѣлаемъ это для того только, чтобы посланникъ не имѣлъ повода жаловаться на непочтеніе къ нему», говорилъ онъ.

«Нѣтъ нужды — сказалъ коронный надворный подскарбій Залускій—соблюдать формальности открытія засѣданія. Ноты могутъ быть прочитаны и не въ засѣданіи, какъ и та, которая у насъ была сейчасъ прочтена».

«Пусть—говорилъ новогродскій посолъ Войниловичъ—эти ноты будутъ прочитаны не секретаремъ, а кѣмъ нибудь инымъ, чтобы не походило, что у насъ открыто засѣданіе».

Много голосовъ разомъ одобряло это. Маршалъ приказалъ прочесть первую ноту, но черезъ секретаря. Чтеніе прошло спокойно, но при нотѣ приложенъ былъ проектъ трактата. Едва-было секретарь хотѣлъ читать и эту бумагу и уже началъ-было: «Мы, король»,—поднялась страшная буря.

«Это невозможно!—говорилъ Кимборъ.—Какъ можно читать проектъ, который навязываетъ намъ чужого государства посланникъ!»

«Нѣтъ засѣданія! — кричали другіе. — Нельзя читать никакого проекта!»

«Проектъ—говорили третьи—не можетъ быть поданъ лицомъ, не принадлежащимъ къ посольскому кругу, тѣмъ болѣе чужестраннымъ посланникомъ».

«Такъ, мы не можемъ открыть засѣданія — сказалъ Анквичъ:—законъ намъ этого не позволяетъ, пока не будутъ возвращены арестованные послы; но надобно прочитать другую ноту, въ которой посланникъ объясняетъ поводы, побудившіе его къ этому шагу. Чтобы не дать права обвинять насъ со стороны посланника, слѣдуетъ прочесть и другую его ноту».

Другая нота была прочитана.

Нѣкоторые, начиная съ Кимбора, стали разсуждать о несправедливости ареста.

«Я предлагаю—сказалъ король—еще разъ послать гг. канцлеровъ къ посланнику. Извольте, господа, назначить изъ своей среды такихъ, которые бы съ ними отправились и представили посланнику, что по прочтеніи нотъ чины должны исполнить законъ, недозволяющій имъ держать засѣданія, пока не будутъ возвращены арестованные ихъ товарищи».

«Только никакъ не приступать ни къ чему до ихъ возвращенія», подтвердилъ Олдаковскій.

«Да, да», повторили многіе голоса.

«Задержка пословъ касается всѣхъ насъ,—сказалъ Гродзицкій (краковскій);—прошу ваше величество, чтобы посылаемая делегація представила г. посланнику, пусть онъ или уволитъ ихъ, или всѣхъ насъ прикажетъ засадить!»

Выбрали Гродзицкаго, вышегродскаго посла Богуцкаго и упитскаго Кимбора. Нѣкоторые при этомъ стали просить, чтобы высланъ былъ еще и отъ сената Суходольскій. Онъ отговаривался тѣмъ, что не имѣетъ никакихъ заслугъ у

посланника, и просилъ назначить кого-нибудь иного, но многіе послы убѣждали его, и Суходольскій согласился.

Сиверсъ этой депутаціи отвѣчалъ: «если бы въ эту минуту пріѣхалъ ко мнѣ курьеръ отъ ея императорскаго величества, и привезъ повелѣніе выпустить этихъ пословъ, я принужденъ бы былъ не исполнить высочайшее повелѣніе, а представить прежде государынѣ о большомъ вредѣ, какой произойдетъ, если эти послы будутъ здѣсь оставаться. Я сейчасъ велю ихъ отправить. Еще разъ объявляю вамъ, что войска не удалятся до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ проектъ, присланный при моей нотѣ сейму, и не обратится въ законъ».

«А въ случаѣ,—сказали делегаты,—если большинство голосовъ отвергнетъ его?»

«Я далъ уже приказаніе на этотъ случай г. Раутенфельду, и онъ поступитъ указаннымъ ему способомъ».

По уходѣ делегаціи къ Сиверсу, въ сеймовой Избѣ соблюдалось гробовое молчаніе. Въ 12 часовъ воротились делегаты и объявили отвѣтъ Сиверса. На всѣхъ пословъ нашелъ нѣкотораго рода столбнякъ. Съ четверть часа никто не открылъ рта. Наконецъ Міончинскій прервалъ молчаніе и пожаловавшись, какъ водится, на судьбу, окончилъ предложеніемъ открыть засѣданіе и читать проектъ, присланный Сиверсомъ. За нимъ то же повторило множество пословъ, и секретарь держалъ уже въ рукахъ проектъ. Вдругъ очнулись изъ своего оцѣпенѣнія патріоты Кимборъ, Янковскій, Цемневскій, Олдаковскій, Шидловскій, братъ арестованнаго. Опять посыпались патріотическія похвалки, порывы мужества, проклятія насильникамъ и измѣнникамъ. Но крики ихъ уже не дѣйствовали на громаду пословъ. Раутенфельдъ, который самъ съѣздилъ къ Сиверсу, возвратившись, объявилъ громко, что всѣ члены сейма будутъ оставаться на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не рѣшится дѣло, иначе онъ имѣетъ предписаніе

употребить тотчасъ суровыя мѣры. «И самъ его величество король—сказалъ онъ маршалу — не можетъ двинуться съ своего трона, и гг. сенаторы будутъ спать въ этой Избѣ, на соломѣ, если имъ угодно, но не выйдутъ отсюда, пока не удовлетворятъ требованій посланника». Испуганная такими угрозами представителя императрицы Екатерины и звукомъ оружія посольская громада была уже готова ко всему; оставался небольшой кружокъ патріотовъ. Анквичъ громко спрашивалъ: «г. сеймовый маршалъ, открыто ли у насъ засѣданіе или нѣтъ?»

«Открыто, открыто!—раздается множество голосовъ.— Читайте проектъ, г. секретарь».

Но едва секретарь проговорилъ: «Мы, король»,—какъ усиливаются крики и проклятія. «Засѣданіе не открыто! Засѣданіе не можетъ быть открыто!» провозглашаютъ патріоты.

«Не открывать засѣданія—сказалъ Міончинскій—и не читать проекта напрасно; это не можетъ принести ничего хорошаго. Посланникъ исполнитъ свою угрозу. Пусть бывшіе у него повторятъ, какъ онъ выразился, и чего можно опасаться отъ него».

Богуцкій, человѣкъ уклончиваго свойства, выразился неясно: «Я ничего не могу прибавить къ тому, что сеймъ уже слышалъ. Угрозы посланника есть дѣло его силы, а то, что я здѣсь исполняю, есть голосъ права и убѣжденія».

Видно было, что Богуцкій хотѣлъ угодить и тѣмъ и другимъ. Но Кимборъ былъ прямодушнѣе его.

«Пусть—сказалъ онъ—меня держатъ въ этой Избѣ подъ замкóмъ сколько угодно, я не нарушу закона. Склониться на предложенное желаніе можетъ только тотъ, для кого собственныя выгоды выше отечества. Засѣданіе не открыто, и не можетъ быть открыто. Я не позволяю».

«Это упорство можетъ повести къ несказанной бѣдѣ»,

говоритъ Залускій, и за нимъ то же повторяетъ Міончинскій и другіе.

«Г. маршалъ,—раздались голоса,—извольте громко объявить, что засѣданіе открыто, и читайте проектъ!»

«Вотъ что надобно читать», говорилъ Цемневскій, и началъ громогласно читать законъ 6-го іюля, не дозволяющій открывать засѣданія въ случаѣ насилія. «Г. маршалъ,—говорилъ онъ, обращаясь къ Билинскому,—я васъ позову къ суду, если вы осмѣлитесь объявить, что засѣданіе открыто».

«Засѣданіе не открыто, а проектъ пусть прочтется», говорили нѣкоторые.

«Читайте проектъ!» сказалъ секретарю маршалъ.

Секретарь опять взялся за проектъ, и только успѣлъ проговорить: «Мы, король»—какъ опять крики, угрозы, проклятія не дозволили ему читать.

«Въ такомъ трудномъ положеніи, пусть сенатъ дастъ намъ совѣтъ и рѣшеніе», сказалъ Міончинскій, надѣясь, что еслибы такъ сдѣлалось, то ему удалось бы провести проектъ.

«Къ чему отдаваться на волю сената,—сказалъ Шидловскій (цѣхановскій),—законъ ясенъ. Не позволю отдаваться на совѣтъ сенатскій».

Нѣсколько разъ маршалъ приказывалъ секретарю прочитать проектъ, но патріоты не допускали. Раутенфельдъ нѣсколько разъ подходилъ къ маршалу и говорилъ, что если еще будутъ испытывать его терпѣніе, то онъ прибѣгнетъ къ такимъ суровымъ мѣрамъ, какія ему предписаны. Но въ чемъ состоятъ эти мѣры, онъ не говорилъ, и самъ, быть можетъ, ясно не сознавалъ ихъ.

Наконецъ сендомирскій посолъ Блешинскій, тоже патріотъ, но характера мягкаго, сказалъ:

«Я съ своими товарищами держался до сихъ поръ того мнѣнія, что засѣданіе не можетъ быть открыто, но теперь уже такъ поздно; не вижу никакихъ средствъ кончить

споръ, а между тѣмъ надобно обратить вниманіе и на здоровье его величества. Я бы согласился на открытіе засѣданія, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы тотчасъ же рѣшили: можемъ ли мы продолжать сеймовую дѣятельность, пока не возвратятся арестованные послы? Надѣюсь, что законъ, существующій для такихъ обстоятельствъ, возьметъ верхъ, а я всегда за него».

«Изба въ страдательномъ положеніи,—сказалъ сендомирскій посолъ Рачинскій, — на кого ни обращу взоры, на сенатъ, на короля, на все собраніе пословъ,—вижу невольниковъ. Дѣятельное лицо здѣсь одинъ г. Раутенфельдъ, россійскій генералъ. Я припоминаю славный примѣръ Августа II, когда, принужденный оружіемъ Карла XII, онъ долженъ былъ подписать договоръ, который поправило время. И мы, щадя здоровье его величества, изрекши, что ничего не можемъ дѣлать и по закону Изба остается въ страдательномъ положеніи, приблизимъ дѣло къ концу такимъ образомъ: запишемъ торжественно въ книгахъ свидѣтельство утѣсненія нашего, составимъ декларацію о насиліи надъ нами, и не приступимъ ни къ какой формальности, ни къ баллотировкѣ, ни къ единогласію, но по прочтеніи проекта вашему королевскому величеству примемъ его глухимъ молчаніемъ».

«Я долго молчалъ,—сказалъ Анквичъ,—и думалъ, что твердость пословъ отвратитъ несчастіе отъ отечества; за проектъ говорить не чувствовалъ себя способнымъ; теперь же вижу ясно, что ничто насъ не освободитъ отъ принятія проекта. Проектъ деклараціи отъ сейма можетъ быть принятъ, какъ надѣюсь, единогласно, а на проектъ раздѣла — пусть всѣ отвѣчаютъ полнѣйшимъ и всеобщимъ молчаніемъ».

Эта хитрая выдумка понравилась очень многимъ. Послѣ Анквича сталъ говорить Коссаковскій и утѣшалъ сеймъ тѣмъ, что добавки относительно торговаго трактата въ

сущности не принесутъ большихъ выгодъ жителямъ. «У насъ въ Литвѣ еще и не было постановлено никакихъ таможенныхъ пошлинъ со стороны Пруссіи, а всѣ жители нашей провинціи, торгующіе съ Кролевцемъ, терпятъ тамъ отъ пошлинъ большое разореніе. Такъ что же значитъ, когда на бумагѣ напишется что-нибудь хорошее, если его на дѣлѣ не будетъ? Напротивъ, если мы будемъ упрямиться и стоять за эти добавки, то черезъ то скорѣе можемъ навлечь стѣсненія на народъ».

Анквичъ прочиталъ свой проектъ, выражавшій то, что онъ прежде изустно изложилъ.

«Согласна ли Изба?» спрашивалъ маршалъ.

«Пусть лучше — сказалъ кто-то — конституціонная депутація составитъ декларацію и подпишетъ какъ декларацію, такъ и проектъ, присланный посланникомъ, безъ спросовъ и согласія».

«Это невозможно, — сказалъ Анквичъ. — Особы, принадлежащія къ депутаціи, и я въ томъ числѣ, не смѣютъ подписывать того, что не прошло на сеймѣ и не принято единогласіемъ или большинствомъ голосовъ; а какъ же узнать это безъ вопроса отъ маршала о согласіи? Я не стану отвѣчать на вопросы, а какъ посолъ, подпишу, не будучи виновенъ; это дѣло насилія, потому что я, по своей присягѣ, долженъ подписать то, на что не слыхалъ оппозиціи».

«Это единственный способъ выйти изъ затруднительнаго положенія», сказали нѣкоторые, и вскорѣ мысль эта стала господствующею.

«Мы считаемъ, что, по причинѣ окружающаго насъ войска, сеймъ не открывается и голосованія быть не можетъ; молчаніе самый лучшій исходъ, когда не позволяютъ высказывать своихъ убѣжденій».

И вся Изба замолчала. Раутенфельдъ глядѣлъ, вставалъ, прохаживался, опять садился и, наконецъ, подошелъ къ трону и сказалъ:

«Ваше величество, прикажите читать проектъ».

Король исполнилъ его желаніе. Но едва секретарь взялъ проектъ, нетерпѣливые патріоты опять стали кричать.

Раутенфельдъ громко объявилъ, что если не замолчатъ и не дадутъ прочесть проекта, то онъ приметъ предписанныя ему мѣры.

Все замолчало, доказавъ, что если прежде не прекращались крики, то не отъ того, чтобы трудно было найти средство ихъ прекратить.

Секретарь прочиталъ проектъ, присланный съ нотою русскимъ посланникомъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ составленъ еще въ концѣ августа, безъ послѣдовавшихъ потомъ добавокъ. Потомъ секретарь началъ читать декларацію, составленную Анквичемъ:

«2-го числа текущаго мѣсяца мы были окружены чужеземными войсками и угрожаемы вступленіемъ прусскихъ войскъ въ глубину земель Рѣчи-Посполитой, съ цѣлію разорить ихъ въ конецъ. Подъ гнетомъ насилія, мы, члены сейма, дали вынужденное позволеніе депутаціи подписать навязанный намъ трактатъ, допустивши въ этомъ актѣ съ нашей стороны выраженія такихъ желаній, на которыя насилующая насъ власть сама изъ состраданія къ намъ, казалось, соизволяла; но, къ удивленію, теперь мы узнали, что берлинскій дворъ видимо недоволенъ этимъ, что новое насиліе вводитъ въ Избу новый проектъ, и для его проведенія не только окружаетъ мѣсто нашихъ совѣщаній чужеземнымъ войскомъ, не только угрожаетъ посредствомъ нотъ, но беретъ изъ между насъ и увозитъ пословъ и нигдѣ неупотребительнымъ образомъ держитъ въ неволѣ нашего короля, угнетеннаго лѣтами и ослабѣвшаго отъ многихъ скорбей, въ позднюю ночную пору, и всѣхъ насъ, членовъ сейма. Поставленные въ такое положеніе, мы объявляемъ, что не въ силахъ будучи даже съ опасностію жизни избѣжать послѣдствій напряженнаго

насилія, поручаемъ потомству, которое, можетъ быть, будетъ счастливѣе насъ, тѣ средства спасенія отечества, какихъ теперь нѣтъ у насъ, и принимаемъ, по принужденію. присланный посланникомъ россійскимъ въ Избу проектъ, противный нашимъ желаніямъ и нашимъ правамъ».

На это всѣ согласились. Тогда секретарь прочиталъ порученіе депутаціи, прежде назначенной для переговоровъ съ прусскимъ министромъ:

«Мы, король, вмѣстѣ съ чинами Рѣчи-Посполитой, собранными на конфедераціонный сеймъ, принимая во вниманіе положеніе нашей отчизны и желая избѣгнуть бѣдствій, которыми угрожаютъ намъ ноты, получаемыя отъ г. россійскаго посланника Сиверса и отъ г. прусскаго посланника Бухгольца, поручаемъ депутаціи, назначенной для переговоровъ съ послѣднимъ, немедленно подписать трактатъ съ его величествомъ королемъ прусскимъ, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ составленъ и условленъ за посредничествомъ великаго посла ея императорскаго величества императрицы всероссійской, и читанъ на сеймѣ, обязываясь ратификовать его именемъ нашимъ и всего собраннаго сейма черезъ шесть недѣль послѣ подписанія, или скорѣе, если это можно будетъ».

Ни одинъ голосъ не раздался по прочтеніи этихъ бумагъ. Члены сидѣли бездвижно какъ статуи. Время проходило. Былъ четвертый часъ на исходѣ.

Раутенфельдъ потерялъ терпѣніе. Онъ подошелъ къ трону и сказалъ королю:

«Ваше величество, прикажите начать разсмотрѣніе прочитанныхъ проектовъ.

«У меня—сказалъ король—нѣтъ власти заставить членовъ говорить, когда они молчатъ».

«Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Раутенфельдъ,—мнѣ остается только прибѣгнуть къ тѣмъ мѣрамъ, какія мнѣ предписаны. Я долженъ ввести сюда гренадеровъ».

И онъ пошелъ къ дверямъ.

Увидя это, сеймовый маршалъ сказалъ:

«Соизволяетъ ли Изба на подписаніе трактата объ уступкѣ земель Пруссіи?»

«Нѣтъ!» проговорило немного голосовъ съ тономъ отчаянія, какъ бы собирая послѣднія силы.

«Въ такомъ случаѣ я долженъ отдать дѣло на голоса».

Анквичъ вскочилъ съ своего кресла и сказалъ:

«Если вы, панъ маршалъ, отдадите проектъ на голосованіе, я возьму назадъ свою декларацію».

Участвовавшій въ депутаціи по проекту, этотъ господинъ долженъ былъ бы дать отрицательный голосъ, сообразно высказанному убѣжденію, но тогда трудно было ему выпутаться отъ гнѣва той стороны, отъ которой получалъ жалованье. И другимъ тоже хотѣлось угодить сильнымъ и похвастаться гражданскою честностію.

Маршалъ сказалъ:

«Если теперь я услышу оппозицію, то долженъ буду отдать дѣло голосованію».

Онъ перемѣнилъ форму вопроса и поставилъ его такъ:

«Согласна ли сеймовая Изба на то, чтобы депутація подписала прусскій трактатъ, присланный на сеймъ русскимъ посланникомъ?»

Все молчало.

Маршалъ повторилъ тотъ же вопросъ.

Изба молчала.

Маршалъ въ третій разъ спросилъ тѣми же словами.

Никто не отвѣчалъ.

«Молчаніе—знакъ согласія», сказалъ маршалъ. «Проектъ принятъ единогласно».

Всѣ встали молча, и выходили изъ залы, отирая слезы. На башнѣ ударило четыре часа; въ монастыряхъ раздавался звонъ, зовущій благочестивыхъ къ утренѣ и на-

поминавшій о суетѣ всего мірского, и вмѣстѣ съ тѣмъ о суетѣ пропадавшей такъ безславно Рѣчи-Посполитой.

Сиверсъ, прочитавъ декларацію и сообщая ее своему правительству, замѣтилъ, что она рѣзка, но что онъ не могъ ее преслѣдовать. «Надобно же—выразился онъ—позволить несчастнымъ поплакать». Король въ своихъ письмахъ того времени извинялъ суровые поступки Сиверса тѣмъ, что ему такъ приказано было поступать сверху и, кромѣ того, онъ мимо Бухгольца получилъ отъ прусскаго министерства укоръ въ явномъ пристрастіи къ польской сторонѣ.

Прусскій трактатъ былъ подписанъ депутаціею и окончательно ратификованъ 10-го октября.

Статьи его были таковы:

1. Съ этихъ поръ будетъ искренняя и постоянная дружба между его величествомъ королемъ прусскимъ, его наслѣдниками и преемниками и всѣмъ его государствомъ съ одной стороны, и его королевскимъ величествомъ польскимъ королемъ и великимъ княземъ литовскимъ и его преемниками и Королевствомъ Польскимъ и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ съ другой, съ тѣмъ, что обѣ договаривающіяся стороны будутъ оказывать бдительность къ поддержанію между собою добраго согласія и взаимныхъ сношеній, избѣгая всего того, что могло бы нарушить спокойствіе и благоденствіе обоихъ государствъ.

2. Для прочнаго утвержденія счастливой системы единенія и дружбы на болѣе твердыхъ основахъ, признано умѣстнымъ и потребнымъ означить и установить границы, которыя впредь на вѣчныя времена будутъ отдѣлять земли его королевскаго величества прусскаго короля и Польскаго королевства. Почему его величество польскій король, за себя и за своихъ преемниковъ, а равно и чины Польскаго королевства и Великаго Княжества Литовскаго, уступаютъ настоящимъ трактатомъ на вѣчныя времена, безъ востребованія, безъ возврата, безъ всякаго какого либо исключенія его величеству прусскому королю, его наслѣдникамъ и потомкамъ обоего пола, воеводства, города и повѣты, занятые его величествомъ прусскимъ королемъ въ свое владѣніе послѣ своего патента отъ 25-го марта текущаго года, означаемые настоящимъ трактатомъ, посредствомъ проведенной черты, начиная отъ Силезской границы за милю ниже Ченстохова и слѣдуя вправо до

Пилицы, немного выше Конецполя, сообразно тому, какъ было занято, до впаденія рѣки Бялой, текущей отъ Лелова, идя далѣе вдоль Пилицы до Гротовицъ, а оттуда прямою линіею на Сохачевъ, оставляя влѣво Раву, на нѣмецкую полумилю и слѣдуя на милю за городъ Раву, а оттуда прямымъ угломъ до малой рѣки Скерневки, иначе называемой Ежовка, до того мѣста, гдѣ эта рѣчка соединяется съ Бзурой, потомъ по теченію этой рѣки къ Вислѣ, противъ Вышегрода, а отъ этого послѣдняго города прямою линіею до Дзялдова, такъ, чтобъ правый берегъ рѣкъ Пилицы, Скерневки (иначе Ежовки) и Бзуры оставался за Польшею, а лѣвый за прусскимъ государствомъ, съ оставленіемъ свободнаго плаванія подданнымъ обоихъ государствъ, и съ возбраненіемъ обѣимъ сторонамъ предпринимать такого рода работы, которыя бы могли измѣнить теченіе означенныхъ рѣкъ; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ демаркаціонная коммиссія найдетъ граничные знаки поставленные не въ томъ порядкѣ, она прикажетъ перенести ихъ сообразно означеннымъ границамъ. Кромѣ того, его величество польскій король и Рѣчь-Посполитая уступаютъ прусскому королю города Гданскъ и Торнъ съ ихъ территоріями. Его величество король польскій и чины Короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго уступаютъ его величеству прусскому королю и его наслѣдникамъ и преемникамъ всѣ вышеименованныя земли съ правомъ собственности, верховной власти и независимости, со всѣми городами, крѣпостями, мѣстечками, деревнями, берегами, гаванями, рѣками, со всѣми подданными и обитателями, увольняя ихъ отъ долга вѣрности и присяги, данной польскому королю и Польской Коронѣ, со всѣми правами, касающимся политическихъ, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, словомъ со всѣмъ тѣмъ, что принадлежало къ верховной власти, и обязываются точнѣйшимъ и торжественнѣйшимъ образомъ не составлять ни прямымъ, ни косвеннымъ, ни подъ какимъ предлогомъ, никакихъ притязаній на края и повѣты, уступленные настоящимъ трактатомъ. Обѣ договаривающіяся стороны обязываются назначить немедленно коммиссаровъ съ той и другой стороны для составленія демаркаціи нынѣшнихъ границъ между Пруссіею и Польшею съ возможною точностью, а равно для полюбовнаго разрѣшенія споровъ, ссоръ и тяжбъ, могущихъ возникнуть по этому поводу между подданными того и другого государства. Подобные коммиссары будутъ назначаться и на будущее время, каждый разъ, какъ возникнутъ какіе нибудь споры какъ относительно самыхъ границъ, такъ и по поводу законовъ о границахъ.

3. Взамѣнъ уступокъ, сдѣланныхъ его величествомъ королемъ польскимъ и Рѣчью-Посполитою по настоящему трактату, его величество

прусскій король отрекается положительно за себя и за своихъ преемниковъ обоего пола отъ всякихъ претензій, какія могли бы возникнуть прямо или косвенно и подъ какимъ бы то ни было наименованіемъ, предлогомъ и условіемъ, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ или случаяхъ, на какую бы то ни было провинцію или на малѣйшую часть той земли, которою владѣетъ король польскій. Его величество прусскій король отрекается равнымъ образомъ отъ правъ своихъ на владѣніе Сереею и Таурогеномъ съ ихъ принадлежностями, лежащими въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Сверхъ того онъ обязывается поддерживать Польшу въ состояніи ея настоящихъ владѣній и гарантируетъ настоящею статьею, точнѣйшимъ и обязательнѣйшимъ способомъ, цѣлость и верховную власть надъ вышеозначенными существующими владѣніями, со всѣми вытекающими изъ того правами.

4. Равнымъ образомъ его величество польскій король за себя и за своихъ преемниковъ и чины Королевства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго отрекаются на вѣчныя времена торжественнѣйшимъ образомъ отъ всѣхъ правъ и притязаній какого бы то ни было рода и наименованія, вытекающихъ подъ какими бы то ни было предлогами и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ на провинціи, земли и повѣты съ ихъ принадлежностями, уступленные 2-ю статьею нынѣшняго договора, а равно его величество король и польская Рѣчь-Посполитая гарантируютъ его величеству прусскому королю и его потомкамъ не только провинціи, уступленныя нынѣшнимъ договоромъ, но и тѣ, которыя прежде уступлены Пруссіи, по варшавскому трактату 18-го сентября 1775 года.

5. Послѣдователи римско-католической вѣры наравнѣ съ тѣми ихъ единовѣрцами, которые прежде поступили подъ прусское владычество, будутъ пользоваться во всѣхъ краяхъ, уступленныхъ настоящимъ трактатомъ, всякими своими правами и имуществами въ гражданскомъ отношеніи, а въ церковномъ будетъ предоставляться имъ свобода отправленія религіозныхъ обрядовъ и церковной дисциплины, съ сохраненіемъ всѣхъ постановленій и церковныхъ имуществъ въ томъ видѣ, въ какомъ они владѣли до этого времени. Его королевское величество обѣщаетъ за себя и за всѣхъ преемниковъ, что никогда не захочетъ употреблять монархическихъ правъ къ ущербу настоящаго состоянія римско-католической религіи въ краѣ, поступившемъ въ его владѣніе. Что касается до костеловъ и благочестивыхъ учрежденій, которые, будучи помѣщены въ одномъ государствѣ, имѣли бы часть фондовъ въ другомъ, то высокія договаривающіяся стороны уступаютъ

ихъ взаимно со всѣми правами, какъ духовными, такъ и свѣтскими, съ сохраненіемъ для себя свободнаго распоряженія ими, такъ однако, чтобы вышеименованные фонды не измѣняли своего существа и не могли быть употреблены ни на что, кромѣ на взаимную поправку тѣхъ костеловъ и братствъ, которые бы подверглись ущербу при настоящемъ устройствѣ дѣлъ, съ обязанностію назначить особою статьею срокъ, до котораго пользованіе доходами оныхъ костеловъ и братствъ въ обоихъ государствахъ можетъ продолжаться по силѣ настоящаго положенія, безъ ущерба праву пожизненнаго владѣнія нынѣшнихъ поссесоровъ и ихъ коадъюторовъ, исключая однако фондовъ познанскаго епископства, оставшихся и въ Польшѣ, которые тотчасъ переходятъ въ управленіе Рѣчи-Посполитой, для установленія изъ ихъ доходовъ содержанія для новаго варшавскаго епископства.

6. Его величество прусскій король, желая содѣйствовать спокойствію Рѣчи-Посполитой, сколько отъ него можетъ зависѣть, согласенъ, если народъ пригласитъ его участвовать въ гарантированіи тѣхъ учрежденій, которыя будутъ установлены чрезвычайнымъ гродненскимъ сеймомъ.

7. Всѣ особыя конвенціи, какія впослѣдствіи могутъ быть заключены, какъ по отношенію къ торговлѣ обоихъ народовъ, такъ и по другимъ какимъ либо отдѣльнымъ предметамъ, будутъ имѣть равную силу и вѣсъ, какъ онѣ были вписаны слово въ слово въ нынѣшній трактатъ; установляя новыя торговыя правила, обѣ высокія договаривающіяся стороны обязываются принимать за основаніе взаимную уплату по 2% съ привоза, вывоза и транзита, а равно руководствоваться началами умѣренности при составленіи тарифа посредствомъ коммиссіи, долженствующей быть установленной съ обѣихъ сторонъ немедленно. Его величество прусскій король и Рѣчь-Посполитая сохраняютъ за собой свободу пригласить къ посредничеству ея императорское величество императрицу всероссійскую во всѣхъ затрудненіяхъ, которыя бы въ продолженіе переговоровъ о торговомъ трактатѣ могли возникнуть.

8. Обѣ высокія договаривающіяся стороны согласились еще на возобновленіе и подтвержденіе въ точнѣйшей формѣ трактата, заключеннаго между ними въ Варшавѣ, 18-го сентября 1773 года, во всемъ томъ, что не противорѣчитъ содержанію и постановленіямъ настоящаго трактата, дабы содержаніе особыхъ статей трактата 1773 года не произвело ни въ чемъ препятствій условіямъ, заключающимся въ особыхъ статьяхъ настоящаго.

9. Настоящій трактатъ будетъ ратификованъ его величествомъ

прусскимъ королемъ съ одной стороны и его величествомъ королемъ польскимъ и Рѣчью-Посполитою съ другой, въ продолженіи шести недѣль, начиная отъ дня подписанія, или того скорѣе, если возможно, и текстъ будетъ внесенъ въ конституцію настоящаго сейма. Обѣ высокія договаривающіяся стороны обязываются просить у ея императорскаго величества россійской императрицы гарантіи настоящаго трактата.

Пруссія пріобрѣла пространство въ 1,000 кв. миль съ народонаселеніемъ около милліона душъ.

VII.

Послѣднія работы сейма.—Союзный трактатъ съ Россіею.—Неудовольствіе Екатерины II.—Возвращеніе короля въ Варшаву; и новый характеръ его власти.

Со времени знаменитой ночи съ 23-го на 24-е сентября, сеймъ, продолжавшійся до 9-го октября, уже не представлялъ настолько важности, чтобы стоило слѣдить за ходомъ его въ подробности. Работы его были обращены на внутреннія дѣла. Опредѣлено регулярное жалованье королю въ мѣсяцъ изъ Короны 156,250 зл. и изъ Литвы 93,750. До этого времени король получалъ только 150,000 въ мѣсяцъ, что было для него недостаточно. Учреждена была коммиссія погашенія государственныхъ долговъ, коммиссія для приведенія въ порядокъ долговъ короля и королевскихъ экономій, служившихъ гарантіею въ уплатѣ долговъ; коммиссія для изданія гражданскихъ и уголовныхъ законовъ; коммиссія для разграниченія съ Россіей и Пруссіей, вслѣдствіе новаго раздѣла; предписано было всѣмъ французамъ, живущимъ въ Польшѣ, принести присягу на вѣрность сыну казненнаго короля своего, Людовику XVII. Установленъ заемъ въ 10.000.000 зл. и сверхъ того 2.000.000 на уплату процентовъ. Долгъ Рѣчи-Посполитой оказался простиравшимся до 34 милліоновъ. Императрица взяла на

себя уплату 300,000 червонцевъ. Составленъ бюджетъ на будущее время; по немъ указано всего дохода, въ Коронѣ 11.080.681, въ Литвѣ 6.490.458, а расхода въ Коронѣ 5.471.162, въ Литвѣ 2.961.968, изъ чего оказывалось, что оставалось еще въ казнѣ въ Коронѣ 5.609.519, а въ Литвѣ 3.528.490 зл.

Дѣломъ первой важности была реформа войска; такъ какъ границы Рѣчи-Посполитой съузились, то очевидно, что и число войска должно было сократиться: этого требовалъ и недостатокъ финансовъ, а болѣе всего къ этому побуждала Россія: она не позволила бы Польшѣ имѣть слишкомъ большое войско. Посолъ Лобаржевскій 2-го октября подалъ проектъ о *редукціи* войска, предложивъ, чтобы оно простиралось не болѣе 15,000, и не менѣе 12.000 человѣкъ. Споръ шелъ нѣсколько дней о способахъ редукціи. Наконецъ, 7-го октября, проектъ Лобаржевскаго былъ принятъ большинствомъ 46 противъ 19 голосовъ; въ немъ было сказано, что военные чины, остающіеся за штатомъ, будутъ награждены, сообразно заслугамъ.

Установлено и сокращено производство жалованья должностнымъ лицамъ, которые во многихъ случаяхъ не получали ничего со времени безпорядковъ, произведенныхъ въ государствѣ тарговицкою конфедераціею. Были отмѣнены несправедливыя санциты тарговицкой конфедераціи. Возстановленію правосудія мѣшало то, что нѣкоторыя санциты касались членовъ сейма; такимъ образомъ, Міончинскій, по претензіи на обанкротившагося банкира Шульца, получилъ санциту на мѣстечко Радзивилловъ, но депутація, назначенная для пересмотра санцитъ, нашла это противозаконнымъ, и сеймъ приказалъ передать Радзивилловъ вмѣстѣ съ другими имѣніями Шульца въ конкурсъ, для удовлетворенія всѣхъ вообще заимодавцевъ, потерпѣвшихъ отъ банкротства Шульца. Замѣчательно, что Игельстромъ, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ панею За-

лускою (на которой послѣ и женился), упрашивалъ униженнымъ образомъ Сиверса спасти санциту въ пользу Залуской, указывая на возможность удовлетворить претензіи съ имѣній ея мужа. Не видно, чтобы Игельстромъ получилъ отъ Сиверса удовлетвореніе въ покровительствѣ неправому дѣлу. Сиверсъ особенно настаивалъ на открытіи злоупотребленій, произведенныхъ конфедераціею и на возвращеніи въ государственный скарбъ захваченныхъ казенныхъ имуществъ, и между прочимъ понудилъ епископа Коссаковскаго уступить часть доходовъ управляемаго имъ краковскаго епископства на общественныя потребности.

7-го октября принятъ былъ законъ объ уничтоженіи всѣхъ санцитъ, ограничивающихъ преимущества королевскаго достоинства. Во всемъ, что касалось конфедераціи, Сиверсъ показывался обличителемъ и этимъ раздражилъ противъ себя Коссаковскихъ и ихъ партію, ненавидѣвшихъ его сильно. Сама государыня не совсѣмъ была довольна преслѣдованіемъ конфедераціи. Въ одномъ изъ рескриптовъ своихъ, въ ноябрѣ, она говоритъ, что отнюдь не слѣдуетъ предавать противной партіи на преслѣдованіе вѣрныхъ императрицѣ людей, какими показали себя конфедераты. Она дозволяла уничтожить только тѣ санциты, которыя заключаютъ въ себѣ явныя несправедливости, оказанныя частнымъ лицамъ, но вообще приказывала покровительствовать актамъ конфедераціи и защищать тѣ выгоды, которыя пріобрѣли ея члены. Императрица понимала, что дѣло еще не кончено; за обладаніе Польшею придется еще побороться, и потому она считала нужнымъ не оставлять примѣра, чтобъ тѣ, которые служили императрицѣ, могли впослѣдствіи жаловаться и жалѣть объ этомъ.

Важнѣйшее дѣло сейма въ это время былъ союзъ съ Россіей. Онъ былъ предложенъ Анквичемъ, 28-го сентября, въ рѣчи, въ которой онъ доказывалъ, что нынѣшній союзъ съ Россіею—единственное спасеніе, и только на покро-

вительство сильной сосѣдней державы можетъ опереться въ будущемъ Рѣчь-Посполитая.

Прусскій министръ поглядѣлъ на это съ завистью, и началъ разсѣевать между членами деньги, подъ предлогомъ, будто это благодарность за трактатъ, но въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы набрать голосовъ не допускать союзъ съ Россіею. Онъ былъ очень скупъ до того времени, когда дѣло шло о насильственномъ присоединеніи польскихъ земель къ Пруссіи; онъ надѣялся, что угрозы русскаго оружія замѣнятъ для него трату денегъ; теперь же, чтобы помѣшать успѣхамъ Россіи, кошелекъ его открылся. Тѣ самые поляки, которые прежде поднимали голову высоко и кричали противъ Пруссіи, надѣясь на Сиверса, теперь унижались передъ Бухгольцемъ. «Всегда была и теперь остается все та же презрѣнная нація»! замѣчалъ по этому поводу прусскій посланникъ.

Старанія его остались напрасны. Ему осталось въ утѣшеніе только то, что было нѣсколько голосовъ, говорившихъ противъ трактата; 16-го октября проектъ трактата съ Россіею былъ принятъ единогласно. Маршалъ показывалъ видъ, будто не слышитъ противниковъ, а партизаны Россіи такъ усердно кричали, что противникамъ нельзя было дать себя замѣтить. Сиверсъ, видѣвшій это, стоялъ на галлереѣ въ числѣ арбитровъ, вмѣстѣ съ Валеріаномъ Зубовымъ. Только на слѣдующемъ засѣданіи Цемневскій заявилъ, что сеймовый маршалъ нарушалъ законъ, объявивъ единогласіе, когда его на дѣлѣ не было, и не пустивъ на голоса проекта, а Кимборъ говорилъ: «Польша сдѣлалась теперь провинціею Россіи. Гораздо лучше было бы намъ прежде присоединиться къ Россіи совсѣмъ, мы были бы тогда цѣлѣе и счастливѣе». Маршалъ увѣрялъ, что онъ не слыхалъ оппозиціонныхъ голосовъ; самъ Анквичъ увѣрялъ въ томъ же. Тогда король сказалъ: «Уже союзный трактатъ подписанъ и толковать объ

немъ теперь напрасно, иначе Россія будетъ недовольна. Лучше заняться важнымъ дѣломъ реформы правительства». Только глухимъ ропотомъ и окончилась оппозиція. Вдругъ воцарилась видимая дружба между посланниками и поляками. Казалось, забыто было все прошлое. Король обнималъ Сиверса и говорилъ: «Слава Богу, мы теперь друзья. Теперь только мы просимъ ея величество уменьшить число ея войска, которое тяготѣетъ надъ Литвою, гдѣ уже начинается голодъ».—«Я напишу Игельстрому,—сказалъ Сиверсъ,—и приказаніе не замедлитъ». Поляки безпрестанно жаловались, что за фуражъ и провіантъ русскому войску ничего не заплачено. Русскіе увѣряли, что за все было правильно уплачиваемо, а осталось недоплаченнымъ только то, на что не представлены счеты.

Эти жалобы на отягощеніе крестьянъ не мѣшали, однако, полякамъ веселиться въ Гроднѣ, по поводу союзнаго трактата. Обѣдъ слѣдовалъ за обѣдомъ, балъ за баломъ. Король, старый женолюбецъ, несмотря на свою скорбь о погибающей Рѣчи-Посполитой, предавался любви съ маркизою Люлли, находившеюся тогда въ Гродно, и въ угоду ей разсыпалъ послѣднія свои крохи на удовольствія. Во всемъ обществѣ, окружавшемъ эту высокую чету, господствовали утѣхи сладострастія и бѣшеная страсть къ забавамъ.

Сиверсъ, Зубовъ—давали обѣды и балы; Раутенфельдъ угощалъ въ клубѣ роскошнымъ обѣдомъ всѣхъ пословъ, которыхъ такъ недавно подчивалъ соломою на ночлегъ въ сеймовой залѣ. «Я танцовалъ на моемъ балѣ пять полонезовъ, — писалъ Сиверсъ дочери, — балъ для поляковъ первая необходимость. Я начинаю любить этотъ народъ, и онъ меня любить начинаетъ». Но любя поляковъ и короля, онъ, однако, все-таки не мирволилъ имъ, и когда король, обнимая и цѣлуя Сиверса, хотѣлъ испросить администрацію новоучрежденнаго варшавскаго епископства

своему брату примасу, Сиверсъ отказалъ ему. Сиверсъ обѣщалъ уже это мѣсто холмскому епископу Скаржевскому.

Смыслъ союзнаго трактата съ Россіею былъ таковъ, что Польша дѣлалась уже вассальною страною Россіи, хотя и оставляла за собою видимую самостоятельность. Обѣ державы заключили условіе помогать всѣми силами другъ другу въ случаѣ войны, съ тѣмъ, чтобы начальство надъ войскомъ было у той страны, у которой болѣе войска, слѣдовательно всегда должно было оставаться за Россіею. Подобное постановленіе состоялось подъ тѣмъ предлогомъ, что на Россію, какъ на страну сильнѣйшую, падаетъ вся тягость въ случаѣ войны; но въ сущности это вело къ тому, чтобы въ Польшѣ совсѣмъ не было самостоятельнаго войска, и оно все перешло бы подъ главную русскую команду. Россіи оставлялось преимущественное право заключать военные и политическіе договоры. Россіи предоставлялось право вводить въ Польшу свои войска и держать ихъ тамъ по надобности, ограничивъ самую Польшу опредѣленнымъ числомъ войска. Россія выговаривала себѣ право, въ случаѣ войны, требовать увеличенія войска, слѣдовательно, право по усмотрѣнію устроивать изъ поляковъ для себя военную силу. Польша лишалась права входить съ иностранными государствами въ какіе либо союзы и сношенія безъ воли и согласія Россіи и обязывалась не позволять себѣ ни малѣйшаго шага по отношенію къ иностраннымъ государствамъ, который бы могъ повести къ безпокойствамъ. Польскіе министры при иностранныхъ дворахъ должны сноситься съ русскими послами, и открывать имъ все, и хотя для вида то же обѣщалось и со стороны русскихъ пословъ въ отношеніи къ польскимъ министрамъ, но такъ какъ преимущество силы было за Россіею, то само собою разумѣлось, что со стороны Польши дѣлалось это обязанностію, нарушеніе которой могло имѣть неблагопріятныя послѣдствія, тогда какъ въ подобномъ

случаѣ нарушенія со стороны Россіи, Польша не имѣла возможности ничѣмъ подкрѣпить своихъ требованій, тѣмъ болѣе, что русскіе посланники при другихъ иностранныхъ дворахъ должны были тамъ, гдѣ не было посланниковъ Рѣчи-Посполитой, замѣнять ихъ; а такъ какъ сношенія съ иностранными державами могли производиться только съ позволенія Россіи, то Россія всегда могла не дозволить въ томъ или другомъ мѣстѣ имѣть особыхъ польскихъ посланниковъ, и могла замѣнить ихъ русскими. Императрица гарантировала кардинальныя права Польши, но эта гарантія не исключала возможности измѣненій, которыя окажутся необходимыми съ позволенія и желанія Россіи, безъ которой не позволялось приступать ни къ какимъ перемѣнамъ, такъ что, поэтому, Россія имѣла прямое и непосредственное вліяніе на сеймъ и на все законодательство и управленіе Польши [1]). Объ этомъ трактатѣ писалъ тогда Станиславъ-Августъ Букатому: не таковскій это трактатъ, какой я когда-то, лѣтъ шесть тому назадъ, проектировалъ, а такой, какой Москва намъ навязала, говоря: коли этого не подпишете, такъ не будетъ вамъ никакого! Если вы съ нами не будете въ союзѣ, мы не станемъ васъ оберегать отъ всѣхъ обидъ и вѣроломствъ, какія угодно будетъ пруссакамъ выдѣлывать съ вами. Сверхъ того императоръ, не получивши себѣ награды въ другой странѣ, обратится за нею на васъ, и мы ему не будемъ въ томъ перечить, хоть къ тому же и войско наше будетъ квартировать у васъ и обдирать васъ. Если же заключите съ нами союзъ, то мы отъ этого всего освободимъ васъ.

При заключеніи этого трактата, депутація, которой поручено было это дѣло, просила Сиверса о трехъ предметахъ: чтобы учреждено было въ Польшѣ православное епископство, дабы православные, которые тамъ остаются, не от-

[1]) Трактатъ союзный

носились бы въ тотъ край, который отошелъ къ Россіи. Другая просьба состояла въ томъ, чтобы полякамъ позволено было получать товары черезъ Ригу, съ пониженіемъ пошлинъ. Третья просьба была о свободномъ выѣздѣ за границу владѣльцевъ, отошедшихъ къ Россіи. Екатерина отказала полякамъ во всѣхъ трехъ просьбахъ. О первой она выразилась, что православные въ Польшѣ издавна подчинялись кіевскому митрополиту, и только революціонный сеймъ хотѣлъ ихъ подчинить константинопольскому патріарху, съ цѣлью оторвать отъ непосредственной духовной связи съ Россіею. «Вмѣсто того, чтобы ослаблять мое вліяніе,—писала Екатерина,—нужно, чтобы оно расширялось и утверждалось». Относительно свободнаго выѣзда за границу владѣльцевъ (т.-е. въ Польшу, ибо такова была цѣль этой просьбы), императрица выразилась: «слѣдуетъ укрѣплять ихъ въ моихъ владѣніяхъ, чтобы они тратили свои деньги внутри края».

Вообще государыня не была довольна самимъ трактатомъ, когда онъ былъ ей присланъ, за перемѣну нѣкоторыхъ фразъ, такъ какъ трактатъ былъ первоначально сочиненъ ею. По прочтеніи его, она съ неудовольствіемъ писала Сиверсу: «Нѣкоторые благоразумные поляки послѣ раздѣла Польши, ожидая, что за этимъ современемъ послѣдуетъ новый раздѣлъ и совершенное уничтоженіе польскаго имени, нашли, что лучше всего имъ отдаться подъ какое нибудь сильное государство и желали присоединиться къ Россіи. Я съ радостію приняла бы это предложеніе, но не могу этого сдѣлать въ настоящихъ обстоятельствахъ, чтобы не раздражить сосѣднихъ государствъ, которыя возстали бы противъ увеличенія предѣловъ Россіи, и чтобы ихъ удовлетворить, я выдумала систему союзнаго трактата, чтобы, соединивши подъ этой формой остатокъ Польши, не только съ частію, которую я отдѣлила къ своему государству, но и съ моимъ цѣлымъ государствомъ, я могу

быть предохраненною отъ жадности берлинскаго и вѣнскаго дворовъ, и поставить полезную и дѣйствительную преграду противъ покушеній того и другого. Съ этой цѣлью я начертала проектъ договора». Императрица изъявляла неудовольствіе за слѣдующее измѣненіе, какое поляки сдѣлали въ договорѣ: было сказано, что императрица оставляетъ за собою «необходимое вліяніе на Польшу». Поляки передѣлали слово «необходимое» въ «полезное». «Но слово «необходимое»—объясняла Екатерина—не подвержено толкованію и заключаетъ въ себѣ само собою и «полезное»; они предполагаютъ, что мое вліяніе можетъ быть неполезнымъ, и такимъ образомъ они являются судьями того, что̀ полезно и что́ неполезно. Далѣе, въ выраженіи «степень необходимаго вліянія въ военныхъ дѣлахъ по усмотрѣнію», они прибавили: «по предварительному согласію съ польскимъ правительствомъ». Эта несвязница идей и выраженій показываетъ тайное намѣреніе избѣгнуть духа и мысли настоящаго трактата. Я иначе понимала. Я хочу, чтобы мнѣ предоставлено было право давать совѣты республикѣ, ка́къ ей поступить и вести себя, и она должна испрашивать моихъ совѣтовъ и сообразоваться съ ними». Въ пунктѣ о правѣ ввода войскъ въ предѣлы Рѣчи-Посполитой государыня была недовольна измѣненіемъ словъ «во всякое время»—на слова: «въ случаѣ надобности и съ согласія Рѣчи-Посполитой». Императрица выражалась объ этомъ въ своемъ рескриптѣ такъ: «Мое намѣреніе было отклонить соображенія другихъ государствъ въ отношеніи вступленія моихъ войскъ, чтобы пріучить ихъ къ этому нечувствительно и во всякихъ случаяхъ. Польское правительство было бы избавлено отъ необходимыхъ объясненій, если бы у него спросили, на какомъ основаніи вошли наши войска; оно могло бы сказать: какъ въ договорѣ, и болѣе ничего. Само собою разумѣется, я бы не обременила себя тягостію защищать и поддерживать слабое

государство, лишенное собственныхъ средствъ, отъ котораго я могу надѣяться только пассивной пользы, если бы не разсчитывала, что съ его стороны будетъ полная покорность моимъ совѣтамъ, планамъ и видамъ. У кого я буду спрашивать согласія на вводъ моего войска? У короля? Но у него нѣтъ власти. У Постояннаго Совѣта или сейма? Но тогда слѣдовало бы каждый разъ излагать имъ причины, посвящать ихъ въ тайны моихъ намѣреній и рисковать, что они меня предадутъ, разгласятъ по причинѣ злобы, подкупа, или по неблагоразумію тѣхъ, которые составляютъ эти собранія».

Давая вообще Сиверсу наставленія, какъ ему вести дѣла и поступать на будущее время, Екатерина въ томъ же рескриптѣ говорила:

«Старайтесь, чтобы король не присвоивалъ себѣ излишней власти, противной нашимъ интересамъ, ибо онъ всегда злоупотреблялъ ею. Избѣгайте методы вашихъ предмѣстниковъ дѣйствовать на націю черезъ короля. Составьте, напротивъ, партію, независимую отъ него, и держите ихъ всѣхъ на уздѣ одного черезъ другого. Не дозволяйте его величеству дѣлаться адвокатомъ за мнимые интересы націи съ излишнимъ и лживымъ жаромъ. Этой тактикѣ онъ всегда слѣдовалъ, когда хотѣлъ сдѣлать мое вліяніе ненавистнымъ. Съ этою цѣлью онъ и поднялъ такія іереміады объ утѣсненіяхъ, причиняемыхъ народу моими войсками. Не отвѣчайте ему объ этомъ предметѣ, но совѣтуйтесь съ моими генералами; старайтесь не допускать и исправлять недостатки человѣколюбивѣйшимъ образомъ. Вы знаете, что для меня ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ предупреждать всякій поводъ къ жалобамъ на мои войска́. Старайтесь, чтобы мѣста въ правленіи были заняты не подозрительными людьми, и притомъ не имѣющими владѣній въ Пруссіи и въ австрійскихъ предѣлахъ. Поэтому замѣните Сулковскаго въ великомъ канцлерствѣ

кѣмъ нибудь другимъ. Мнѣ нужны въ сношеніяхъ вѣрные и скромные слуги. Такими не могутъ быть зависящіе отъ другихъ дворовъ. Не допускайте короля назначать должностныхъ важныхъ лицъ безъ вашего согласія и вашей рекомендаціи, чтобы не было между ними такихъ, которые не доказали испытанной преданности къ настоящему союзу съ нами». Между прочимъ императрица выговаривала Сиверсу за то, что онъ дозволилъ выбрать въ депутацію для разсмотрѣнія дѣлъ о банкахъ нѣсколькихъ лицъ, которыхъ императрица считала приверженцами 3-го мая. Она требовала, чтобы они немедленно были замѣнены другими. «На будущее время—продолжаетъ императрица—король долженъ вести себя въ этомъ отношеніи сообразнѣе съ обязательствами, на него возложенными договоромъ; онъ долженъ расширять мое вліяніе до права назначать на мѣста и должности общественнаго управленія людей, которые въ послѣднее время оказали намъ услуги и должны расчитывать преимущественно на выгоды, происходящія отъ этихъ должностей». Научая его, какъ онъ долженъ все знать, что̀ дѣлается въ польскомъ государствѣ, какъ главный начальникъ въ этомъ краѣ, императрица говорила: «вы должны получать свѣдѣнія не однимъ оффиціальнымъ путемъ, а найти тайные каналы, и какъ только узнаете, что король и его кабинетъ преступаютъ границы, не замедлите увѣдомить меня, и вы получите приказаніе привести ихъ на надлежащій путь представленіями, болѣе или менѣе энергическими». О самомъ королѣ императрица послѣ заключенія трактата отзывалась такъ: «Скажите ему, что недостаточно заключать трактаты: нужно еще ихъ и исполнять. Всѣ его несчастія происходятъ отъ желанія бо̀льшей власти и независимости. Пусть теперь совершенно мнѣ предастся, пусть заслужитъ, чтобы я измѣнила мнѣніе о немъ. Но я на него мало надѣюсь и не довѣряю ему».

Трактатъ, заключенный ею съ польскою націею, имѣлъ значеніе ступени къ совершенному овладѣнію Польшею и къ полному прекращенію ея назависимости. Этотъ трактатъ неизбѣжно долженъ былъ скоро нарушиться со стороны поляковъ, и Россія, въ наказаніе за это, лишила бы Польшу того, что̀ даровалось ей трактатомъ. Такъ бывало всегда въ исторіи, когда сильное государство покоряло слабое или ослабѣвшее. Всегда, прежде окончательнаго покоренія, слабое ставится въ тяжелое положеніе зависимости отъ сильнаго, при видимой, кажущейся самостоятельности—и это вызываетъ взрывъ. Сильное государство называетъ такой взрывъ мятежемъ, нарушеніемъ правъ своихъ, усмиряетъ возстаніе, и въ необходимости предупредить его повтореніе стѣсняетъ или вовсе уничтожаетъ остававшіеся признаки независимости слабаго. Въ русской исторіи довольно примѣровъ подобныхъ переходныхъ положеній. Россія, въ этомъ отношеніи, съ Польшей шла по слѣдамъ прежнихъ вѣковъ. Россію влекли къ этому обстоятельства.

Сиверсъ оправдывался передъ Екатериною и доказывалъ въ своемъ оправдательномъ рапортѣ, что измѣненія, сдѣланныя въ трактатѣ, не вредятъ дѣлу; что Россія, будучи поставлена твердою ногою по силѣ этого трактата, достаточно сильна, чтобы уничтожить какія либо столкновенія, которыя могли бы возникнуть изъ этихъ выраженій. «Будущій король,—писалъ Сиверсъ—будетъ избранъ ея императорскимъ величествомъ и получитъ себѣ палатнаго мэра (majordomus), подъ именемъ русскаго посла, съ безконечно большею властью, чѣмъ власть какого нибудь вице-короля сицилійскаго, или же генералъ-губернаторство тверскаго намѣстника вашего императорскаго величества, который отъ вашего императорскаго величества имѣетъ только власть смотрѣть за исполненіемъ законовъ».

Незадолго передъ закрытіемъ, сеймъ утвердилъ консти-

туцію, написанную Мошинскимъ съ товарищами подъ надзоромъ Сиверса. Эта конституція долженствовала дать счастіе и благоденствіе Польшѣ. Мы не станемъ излагать ее, потому что она не была приведена въ дѣйствіе, по причинѣ возникшей въ скорости революціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановленіемъ 23-го октября были уничтожены всѣ законы бывшаго сейма въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Дабы не оставлять потомству слѣдовъ ординарнаго сейма, открытаго въ 1788 г. и превращеннаго въ революціонный сеймъ 3-го мая 1791 года, мы объявляемъ какъ бы никогда не существовавшими всѣ его постановленія, законы и декреты, какъ причины бѣдствій всякаго рода и потери огромныхъ провинцій, уничтожаемъ ихъ и объявляемъ неимѣющими никакой силы, и желаемъ, чтобы они не были вписаны въ кодексъ нашихъ законовъ», и пр.

На послѣднемъ засѣданіи сейма Коссаковскій удружилъ Сиверсу. Когда перебирали такія сантицы тарговицкой конфедераціи, которыя слѣдовали къ уничтоженію, чрезъ посредство другихъ, онъ подставилъ сантицу, уничтожающую орденъ, установленный въ честь 3-го мая. Такимъ образомъ этотъ орденъ, по закону, остался существующимъ. Король пропустилъ это. Сиверсъ извѣщалъ объ этомъ императрицу, какъ бы со смѣхомъ, считая это пустымъ дѣломъ, не стоющимъ вниманія.

Сеймъ назначилъ послѣ того посольство къ Екатеринѣ, съ цѣлію благодарить ее. Посольство это поручено было Тышкевичу. Патріоты замѣчали, что благодарить совсѣмъ неумѣстно за тѣ благодѣянія, которыя, по ихъ мнѣнію, не принесли пользы Польшѣ; въ особенности, не считали они умѣстнымъ благодарить императрицу всероссійскую за содѣйствіе Пруссіи къ отобранію земель отъ Рѣчи-Посполитой.

Сеймъ разошелся. Король уѣхалъ.

Вѣрные Россіи поляки получили награды, или ордена,

или вещи на память. Награждены были знаками внимания: Мошинскій, Тышкевичъ, Сулковскій, Огинскій, Забѣлло, Залускій, Дзѣконскій, Ожаровскій и др. Получили въ награду: маршалъ Билинскій и Пулавскій по 100,000 злот., за то, что хорошо выполняли приказанія Сиверса.

Сиверсъ приказалъ удалить войско изъ Гродно и уѣхалъ въ Варшаву за королемъ; de facto онъ былъ истинный глава и правитель Польши. Всѣ мѣста зависѣли отъ него. Еще передъ концомъ сейма онъ велѣлъ выбрать гетманомъ короннымъ Островскаго, польнымъ Пулавскаго, подканцлеромъ—хелмскаго епископа Скаржевскаго, котораго онъ полюбилъ и покровительствовалъ ему. Онъ давалъ мѣста тѣмъ, которые продавали себя за мѣста. Въ одномъ изъ своихъ рапортовъ онъ сообщалъ свѣдѣнія, которыхъ не рѣшался повѣрять депешамъ, о пенсіяхъ для членовъ Постояннаго Совѣта и нѣкоторыхъ коммиссій. «Я—писалъ онъ—выбралъ изъ числа бывшихъ сеймовыхъ пословъ почтенныхъ людей для пополненія Постояннаго Совѣта и высшихъ властей края, причемъ руководствовался двумя основаніями: первое, чтобы они были намъ вѣрны; второе, чтобы нуждались въ службѣ. Половина изъ нихъ бѣдна, другая не очень богата, и такъ какъ сеймъ обрѣзалъ имъ жалованье на четверть для сокращенія расходовъ, то небольшое повышеніе пенсіоновъ отъ Россіи для нихъ было бы очень желательно».

Открывая свои засѣданія, Постоянный Совѣтъ былъ подъ контролемъ Сиверса, и всѣ его постановленія должны были показываться русскому министру. Онъ распоряжался произвольно личностію поляковъ и всѣхъ живущихъ въ Польшѣ. Такимъ образомъ, по пріѣздѣ въ Варшаву, онъ приказалъ арестовать Мостовскаго, прибывшаго недавно изъ Парижа, и пересмотрѣть его бумаги. Сиверсъ видѣлъ несомнѣнные слѣды его сношеній съ французскими революціонерами. Мостовскому приписывали статьи въ «Мони-

терѣ» о Польшѣ, написанныя въ духѣ крайне нерасположенномъ къ Россіи. Сиверсъ затруднялся, что́ дѣлать съ этимъ паномъ — судить ли его въ Варшавѣ, или сослать въ Россію. Письма на почтѣ вскрывались и пересматривались; изъ нихъ узнавалось: кто какого духа, и кто какъ мыслитъ. Расположеніе къ конституціи 3-го мая и даже сожалѣніе о ней считалось преступленіемъ. Кто выявлялъ себя сторонникомъ 3-го мая, на томъ уже лежала печать якобинства. Явился въ Варшавѣ генералъ Заіончекъ. Сиверсъ сейчасъ же учредилъ за нимъ надзоръ. Самъ король находился подъ строгимъ надзоромъ и не могъ ничего дѣлать безъ воли Сиверса. Каждый шагъ Станислава-Августа слѣдили и обо всемъ доносили русскому посланнику. Слуга-французъ передавалъ Сиверсу свѣдѣнія о домашней жизни польскаго короля. Сиверсъ обращался съ королемъ хотя очень вѣжливо, но уже какъ будто съ подданнымъ императрицы. «Я надѣюсь—говорилъ король — на великодушіе императрицы».—«Надѣяться можете, ваше величество, если будете поступать законно и не будете придерживаться партій».

Среди такого величія, тяжело откликнулось Сиверсу послѣднее засѣданіе сейма, когда выключена была санцита, уничтожавшая орденъ, установленный прежнимъ сеймомъ въ честь 3-го мая. Екатерина совсѣмъ не со смѣхомъ приняла эту выходку поляковъ, какъ хотѣлъ ее принять посланникъ императрицы, и 2-го декабря ст. ст. написала ему рескриптъ, гдѣ изъявляла сильное негодованіе, видѣла въ этомъ поступкѣ не менѣе, какъ свидѣтельство духа своеволія и мести. «Вы должны были этого не допускать,—писала она,—по силѣ вновь постановленнаго трактата, по которому польское правительство обязывалось не предпринимать какихъ бы то ни было измѣненій безъ нашего вѣдома и не спросясь объ этомъ насъ». «Теперь, — выражалась она далѣе,—плоды трудовъ вашихъ подвер-

гнуты непріятному окончанію». Екатерина находила, что трактатъ, недавно заключенный, уже нарушенъ, что Сиверсъ не умѣлъ вести своего дѣла въ одной изъ главныхъ задачъ, не умѣлъ наполнить Постоянный Совѣтъ людьми вѣрными и преданными Россіи; это видѣла она изъ того, что не нашлось такихъ, которые могли предостеречь посланника. «И для того,—говорила императрица,—повелѣваемъ вамъ прекратить настоящее ваше служеніе, оставить Варшаву и возвратиться ко двору нашему, объявивъ королю, министрамъ, президентамъ и главнымъ членамъ Постояннаго Совѣта прямыя причины вашего удаленія, прибавя, что мы нашли несходнымъ съ достоинствомъ нашимъ продолжать призваніе ваше въ настоящемъ званіи послѣ оказаннаго неуваженія, которое, разобравъ во всѣхъ подробностяхъ, выраженіяхъ и отношеніяхъ, сущимъ и самымъ непристойнымъ посмѣяніемъ по справедливости назвать можно; но по сродному намъ великодушію различая виновниковъ сего поступка отъ цѣлости націи, которую мы недавно столь щедро и благотворительно подъ сѣнь нашей защиты и наше покровительство приняли, не хотимъ ни мало ослабить или разорвать составившуюся связь, а напротивъ, для безпрерывнаго наблюденія и вящшаго оной укрѣпленія, мы покамѣстъ, не избирая вамъ преемника въ равномъ вамъ качествѣ, назначили съ именемъ полномочнаго министра, которому и препоручаемъ наше сильнѣйшее домогательство о надлежащемъ удовлетвореніи за оказанное намъ оскорбленіе. Сего послѣдняго избрали мы въ лицѣ генералъ-аншефа барона Игельстрома». Затѣмъ императрица потребовала отъ Сиверса счетъ истраченныхъ имъ денегъ, причемъ ему замѣчено, что онъ не присылалъ, подобно своимъ предшественникамъ, какъ слѣдовало, счетовъ, и кромѣ растраченныхъ суммъ, данныхъ ему, еще бралъ большіе векселя на казну, не объясняя, для какой цѣли. Сиверсъ дѣйствительно не представлялъ счетовъ,

объявивъ канцлеру, что онъ сообщитъ ихъ не иначе, какъ самой императрицѣ, и потому въ тогдашнихъ документахъ нѣтъ подробныхъ счетовъ издержкамъ во время Гродненскаго сейма.

Сиверсъ отправился къ королю и объявилъ ему обо всемъ. «Клянусь Богомъ,—сказалъ король со слезами,—я ничего не зналъ о возстановленіи ордена; многихъ членовъ не было тогда въ залѣ; за то много было арбитровъ: всѣ кричали, шумѣли, ничего не было слышно. Это не моя вина; это вина сеймоваго маршала, тутъ видна интрига, чтобы насъ погубить! Я все сдѣлаю, что̀ мнѣ прикажутъ. Я крайне несчастливъ. Я долженъ во всемъ повиноваться!» Сложивъ руки на груди, король просилъ увѣрить государыню въ его преданности и покорности. Сиверсъ обѣщалъ. Король обнималъ его, цѣловалъ и говорилъ: «Ахъ, какъ жаль, что вы покидаете Польшу. Прежде она васъ боялась, теперь начинаетъ уважать и любить». Онъ далъ ему, кромѣ Бѣлаго Орла, прощальный подарокъ, картину и свой портретъ. Король, сообщая объ этомъ Букатому, приписывалъ немилость императрицы къ Сиверсу интригамъ берлинскаго двора, который дѣйствовалъ на императрицу при вліяніи Коссаковскихъ и любимца Екатерины Зубова.

Такъ окончила свое существованіе польско-литовская Рѣчь-Посполитая—шляхетская республика съ избирательнымъ королемъ. За потерею земель, отошедшихъ къ Россійской имперіи и Прусскому королевству, остальная часть Польши была фактически теперь достояніемъ Россіи, только съ извѣстными признаками провинціальной автономіи. Оставалось лицо, носившее имя короля, но безъ дѣйствительной власти, или съ властью, которая была, по выраженію Сиверса, ниже власти тверского генералъ-губернатора.

Само собою разумѣется, не могли поляки сразу помириться съ своимъ новымъ положеніемъ и должны были наступить попытки возвратить самостоятельность Польшѣ. Главнымъ героемъ и руководителемъ первой такой попытки былъ Тадеушъ Костюшко.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I [1]).

Молодость Костюшки.—Очеркъ его предшествовавшей дѣятельности.— Зачатки возстанія.

Тадеушъ Костюшко былъ сынъ дворянина изъ новогродскаго повѣта. Въ 1764 г., при вступленіи на престолъ Станислава-Августа, будучи около 12 лѣтъ отъ роду, онъ поступилъ въ только-что заведенную школу кадетъ. Школа эта, подъ дирекціею Чарторыскаго, содержалась на счетъ отпускаемой изъ казны суммы, 400.000 злотыхъ; сверхъ того 200,000 злот. давалъ на нее король. Она была мѣстомъ воспитанія всѣхъ почти знаменитыхъ людей того времени, разсадникъ новой Польши. Костюшко былъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ. Разсказываютъ, что во время ученія онъ такъ былъ прилеженъ, что вставалъ утромъ въ 3 часа, и чтобы не проспать долѣе опредѣленнаго времени, привязывалъ къ себѣ шнурокъ, который былъ проведенъ къ

[1]) Источники: №№ 5, 13, 14, 17, 18, 19, 24, 26, 27, 29, 31, 32, 40, 41, 42, 44, 45, 47, 50, 54, 57, 61, 65, 75, 79, 82, 97, 100, 105, 114, 115, 120, 121, 122, 123. Кромѣ того, авторъ имѣлъ подъ рукою дѣла Высочайшаго Совѣта и Индигаціонной Коммиссіи, хранящіяся въ Литовской Метрикѣ, и собственноручныя бумаги Суворова, принадлежавшіе князю Александру Аркадіевичу Суворову-Рымникскому.

сторожу, и послѣдній получалъ приказаніе дергать за шнурокъ и будить примѣрнаго ученика; иногда же онъ не спалъ по нѣскольку ночей, и чтобы сохранить присутствіе умственныхъ способностей, обливался холодною водою. По окончаніи курса, въ его жизни случилось обстоятельство, которое потрясло его и оставило сильное вліяніе на строй его понятій. Его отецъ былъ человѣкъ жестокій съ крестьянами. Когда зашевелилась Украина и на всемъ пространствѣ, гдѣ были русскіе хлопы, вспыхнула непріязнь русскаго народа къ панамъ-ляхамъ, отца Костюшки убили крестьяне. Молодой Тадеушъ видѣлъ ужасную казнь хлоповъ, которые расплатились за смерть своего владѣльца. Талантливый юноша постигъ тогда тайну, которой не знали и знать не хотѣли цѣлыя поколѣнія: Польша была въ упадкѣ преимущественно отъ того, что громада народа, ей подвластнаго, живя въ государствѣ, которое называлось республикою, не имѣла ни гражданскихъ, ни человѣческихъ правъ; и прежде чѣмъ народу не отданы будутъ эти права, напрасны будутъ всякія усилія къ возрожденію націи, — такъ рѣшилъ въ своемъ умѣ молодой Тадеушъ. Онъ былъ отправленъ на казенныя деньги оканчивать воспитаніе во Франціи, оставался тамъ нѣсколько лѣтъ и учился инженерному искусству. То были времена всеобщаго либерализма, подготовлявшаго близкую революцію, эпоха высшаго поклоненія Вольтеру и Руссо, когда слова о правахъ человѣка, о равенствѣ, о свободѣ совѣсти и науки были въ ходу. Костюшко проникался ими.

По возвращеніи въ Польшу, Костюшко испыталъ, что его знанія и дарованія мало могли быть нужны отечеству. Въ Польшѣ подобный человѣкъ, незнатнаго происхожденія, небогатый, при самыхъ блестящихъ способностяхъ и съ образованіемъ, могъ не найти себѣ пріюта; ему оставалось увлечься общимъ потокомъ нравовъ и, по обычаю бóльшей части своихъ собратій, жить при дворѣ какого-нибудь пана

резидентомъ и цѣловать полы его одежды, или же сидѣть въ своемъ имѣньицѣ и одичать въ захолустьи, прерывая скуку однообразной обывательской жизни поѣздками на сеймики, гдѣ все-таки надобно было служить не отечеству, а какому-нибудь пану. Судьбы, одолѣвшей весь край, не могъ избѣгнуть и Костюшко. И онъ поселился у пана Сосновскаго, литовскаго польнаго писаря, который прежде покровительствовалъ его отцу и всему его роду. Костюшко сталъ учить его дочерей и влюбился въ одну изъ нихъ, Людвику. И дѣвица полюбила его. Тогда «Новая Элоиза» была любимымъ чтеніемъ молодежи и многимъ кружила головы; легко возникало желаніе осуществить въ собственной жизни то, что съ такою жадностію читалось въ книгахъ. Но бракъ былъ немыслимъ между бѣднымъ сыномъ новогродскаго обывателя и дочерью ясневельможнаго пана. Костюшко обратился къ покровительству князя Чарторыскаго, который зналъ его и любилъ еще въ школѣ. Князь, охотникъ до романическихъ приключеній, выслушалъ его съ участіемъ, но не взялся хлопотать за него передъ Сосновскимъ. Дѣло было черезчуръ неподходящее къ принятымъ издавна обычаямъ польскаго общества. Онъ совѣтовалъ ему искать въ этомъ дѣлѣ покровительства короля, и Костюшко обратился къ Станиславу-Августу. Король посовѣтовалъ ему выкинуть несбыточную мысль изъ головы. Но Костюшко, сговорившись съ молодыми друзьями и бывшими товарищами, затѣялъ увезти свою возлюбленную. Король какъ-то узналъ или можетъ быть подозрѣвалъ, что такъ будетъ, предостерегъ обо всемъ Сосновскаго, который былъ тогда въ Варшавѣ, и Сосновскій написалъ женѣ, чтобы она выѣхала съ дочерьми изъ имѣнія. Костюшко прибылъ туда поздно. Онъ видѣлъ только старую Сосновскую и не видѣлъ дочери. Онъ принужденъ былъ разстаться съ нею навсегда. Она забыла его скоро и вы-

шла замужъ за князя Іосифа Любомирскаго; богатый и знатный, онъ былъ не чета Костюшкѣ.

Это событіе еще болѣе увеличило ту пропасть, которая уже образовалась въ душѣ Костюшки между его убѣжденіями и старою Польшею. Костюшкѣ нечего было дѣлать въ отечествѣ. Душа его жаждала дѣла. Онъ уѣхалъ въ Америку безъ надежды когда-нибудь возвратиться на родину, гдѣ въ жизни не представлялось ему ничего утѣшительнаго. Костюшко отправился въ далекій край, не запасясь никакою рекомендаціею, съ пятью другими поляками, едва спасся отъ кораблекрушенія, прибылъ въ Филадельфію, и прямо отправился къ Франклину; своею откровенностію и прямотою онъ понравился ему, несмотря на то, что вначалѣ былъ принятъ сухо. Франклинъ самъ проэкзаменовалъ его, нашелъ въ немъ основательныя знанія, рекомендовалъ конгрессу, и Костюшко вступилъ въ американскую службу прямо съ чиномъ полковника.

Въ борьбѣ съ Англіею, которой послѣдствіемъ было существованіе федераціи Сѣверо-американскихъ штатовъ, Костюшко былъ не послѣднимъ человѣкомъ, и особенно отличился въ роковомъ дѣлѣ подъ Саратогою, гдѣ сдался англійскій генералъ Бургоинъ. По окончаніи войны, въ 1783 году, онъ, наравнѣ съ другими, приходившими изъ разныхъ странъ свѣта сражаться за свободу человѣка въ Новомъ Свѣтѣ, получилъ орденъ Цинцинната.

Надежда на возрожденіе Польши побудила Костюшку воротиться въ отечество. Наступившая война 1792 года доставила ему поле дѣйствія. Война окончилась безславно для Польши, но Костюшко былъ тогда единственный даровитый польскій предводитель, и эта война возвысила его въ глазахъ шляхетской націи. Когда пришлось склониться подъ гнетомъ необходимости, Костюшко оставилъ службу и сначала жилъ въ Варшавѣ частнымъ человѣкомъ, потомъ уѣхалъ во Львовъ, гдѣ, какъ говорили, пани Коссаков-

ская хотѣла дать ему имѣніе, но онъ не принялъ этого дара. Онъ уѣхалъ въ Саксонію, гдѣ его встрѣтили убѣжавшіе туда заранѣе творцы конституціи 3-го мая. Тамъ съ Малаховскимъ, Игнатіемъ Потоцкимъ, Коллонтаемъ, Нѣмцевичемъ и Вейсенгофомъ, Костюшко совѣщался о спасеніи отечества. Соображая, что Польша, тѣснимая Пруссіею и Россіею, должна возбуждать сочувствіе Франціи, они отправили туда Костюшку. Въ Парижѣ Костюшко видѣлся съ министромъ Лебренемъ, выслушалъ отъ него много любезностей, но ничего не услыхалъ положительнаго и воротился назадъ. Предъ началомъ Гродненскаго сейма, патріоты прочитали грозные манифесты Россіи и Пруссіи. Костюшко, какъ показываютъ записки Гонсяновскаго, переодѣвшись, подъ чужимъ именемъ прибылъ въ августѣ въ Гродно, побывавъ предварительно въ Пулавахъ у Чарторыскаго, прожилъ нѣсколько времени въ Гродно у Краснодембскаго, былъ у княгини Огинской и предложилъ планъ спасенія отечества. Совѣщаніе объ этомъ происходило ночью, въ послѣднихъ числахъ августа. На немъ были: генералъ Бышевскій, Гроховскій и еще другіе польскіе генералы и военные чины. Планъ Костюшки былъ таковъ: разослать расторопныхъ и опытныхъ офицеровъ по разнымъ краямъ Рѣчи-Посполитой. Каждый долженъ будетъ взять письмо за подписью какого-нибудь изъ важныхъ пановъ, извѣстныхъ своимъ патріотическимъ направленіемъ. Письмо это, сочиненное Костюшкою, для всѣхъ имѣло аллегорическій смыслъ, и составлено было въ такихъ выраженіяхъ: «Любезные земляки, такой-то, служащій въ войскѣ, отправляется въ отпускъ туда-то, по важному семейному дѣлу, именно, чтобы возвратить и возстановить разоренное свое имѣніе, захваченное у него въ значительной части врагами. Онъ просилъ моего ходатайства передъ вами; такъ какъ онъ безъ вашей помощи не можетъ никакъ привести въ исполненіе своего дѣла, я

обращаюсь къ вамъ, почтенные земляки, и прошу васъ, поддержите его вашими совѣтами, хотя бы даже и съ пожертвованіемъ части вашего собственнаго имѣнія, для удаленія интригъ, которыя могутъ внѣдриться въ судебныя инстанціи вопреки правосудію. Если, возлюбленные братья, эта почтенная фамилія будетъ поднята изъ своего упадка, то не только внуки и правнуки мои будутъ вамъ благодарны, но и въ народѣ слава о вашемъ человѣколюбивомъ поступкѣ никогда не умретъ». Были бланки за подписью Чарторыскаго, Огинскаго, Сапѣги, и еще вѣроятно другихъ. Сдѣлавши свое дѣло, Костюшко уѣхалъ въ Пулавы, и оттуда за границу, какъ бы его и не было въ Польшѣ. Впослѣдствіи, когда вѣсть о его путешествіи распространилась, и русскіе, взявши его въ плѣнъ, допрашивали его о такомъ путешествіи въ Польшѣ, онъ запирался; это было естественно и дѣлалось для того, чтобы не компрометтировать другихъ, которыхъ имѣнія достались Россіи.

Агенты отправлялись въ разныя мѣста дѣлать свое дѣло. Мы имѣемъ разсказъ одного изъ нихъ, Гонсяновскаго, и по немъ вообще можемъ представить себѣ, какъ это дѣлалось. Агентъ, получивъ деньги отъ пановъ, разъѣзжалъ по тѣмъ воеводствамъ, которыя каждому выпадали на долю при разсылкѣ. Онъ ѣздилъ отъ обывателя къ обывателю, выпытывалъ и узнавалъ ихъ образъ мыслей, и тамъ, гдѣ находилъ себѣ сочувствіе, открывалъ тайну. Было принято, для узнанія образа мыслей того, на кого нужно было дѣйствовать, не только не открываться ему съ перваго раза, и не говорить правды, а прикидываться человѣкомъ противнаго образа мыслей, завлекать въ споръ, доводить спорящаго до того, что тотъ, не узнавъ еще, что его хотятъ вербовать въ заговоръ, самъ высказывалъ необходимость заговора и охоту вступить въ него. Впрочемъ, пути были разнообразны, смотря по характеру и воспитанію тѣхъ, съ кѣмъ приходилось имѣть дѣло.

Иного нужно было разжигать риторикою, съ другимъ вести разговоръ объ экономическихъ предметахъ и заманивать въ заговоръ надеждою на выгоды, третьяго надобно было подпоить, четвертаго обыграть въ карты, съ тѣмъ шутить, съ другимъ хандрить; однихъ вербовать по одиночкѣ, другихъ цѣлою компаніей; однимъ достаточно сказать, что такъ думаетъ такой-то важный панъ, другихъ увлекать примѣромъ, что вотъ въ такомъ-то повѣтѣ обыватели уже подписали. Болѣе всего помогали тогда дѣлу духовные. У нихъ уже зарождалось опасеніе, что православная Россія будетъ стѣснять католичество и начнетъ уничтожать унію; въ южныхъ провинціяхъ отъ этого уніатскіе монахи были ревностными пособниками дѣла. Пріѣдетъ въ какой-нибудь монастырь къ пробощу или канонику агентъ; духовный сановникъ знаетъ въ своемъ околоткѣ обывателей, кто какого нрава и какихъ мыслей, собираетъ къ себѣ на обѣдъ такихъ какихъ нужно; здѣсь, выпивши венгерскаго, агентъ воспламеняетъ собесѣдниковъ, говоритъ рѣчь о горькой судьбѣ отечества, о несправедливостяхъ сосѣднихъ дворовъ, задаетъ руготню москалю и нѣмцу, плачетъ надъ гибелью шляхетской свободы, указываетъ на опасность церкви, и наконецъ, когда нужно, объявляетъ о тайнѣ. Обыватели иногда тутъ же даютъ подписки, иногда назначаютъ день, и въ этотъ день собирается еще больше обывателей. Духовный сановникъ служитъ обѣдню, призываетъ св. Духа, говоритъ проповѣдь о наступающей необходимости католикамъ защищать истинную вѣру противъ угрожающей проклятой фотіевской схизмы и въ такой же степени проклятаго нѣмецкаго лютеранства; потомъ слѣдуетъ обѣдъ, попойка и цѣлый потокъ рѣчей, гдѣ обывателямъ предстоитъ свободное поле отличиться краснорѣчіемъ. Религія возбуждала ихъ сильнѣе отечества: если дѣло отечества требовало размышленія, то опасность для вѣры, для будущаго спасенія души, не допускала долго размышлять. Дѣйствовать во

всякомъ случаѣ, казалось, хорошо; еслибы и успѣха не было, все равно хорошо умирать за истинную вѣру.

Этимъ дѣло не оканчивалось. Гостепріимные обыватели устроивали у себя обѣды; тамъ также лилось венгерское вино и польское краснорѣчіе, и дѣло отечества скрѣплялось. Чтобы заручить на свою сторону мелкою шляхту, духовные сановники дѣлали такіе же обѣды для вліятельныхъ изъ шляхты. Они выбирали изъ среды ея такихъ, о которыхъ знали, что ихъ пять или шесть двинутъ за собою тысячу; агентъ склонялъ ихъ на свою сторону именемъ знатнаго пана, отъ котораго имѣлъ уполномочіе; отъ его имени агентъ давалъ имъ по нѣскольку червонцевъ: панъ съ простою шляхтою не долженъ былъ говорить иначе, какъ показавши свои панскія щедроты. Эта отборная шляхта, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ и благоговѣнія къ пану, подписывала не только за себя, но и за своихъ товарищей, принимая званіе ихъ уполномоченныхъ. Вообще, какъ зажиточные обыватели, такъ и простые шляхтичи проникались чувствомъ подобострастія и благоговѣнія къ высокимъ именамъ, и обращеніе къ нимъ какого-нибудь Радзивилла (бердичевскаго), Чарторыскаго, Сапѣги, Потоцкаго, внушало имъ надежду на успѣхъ и обязывало ихъ содѣйствовать. Оттого возстаніе удобнѣе принималось въ тѣхъ воеводствахъ и повѣтахъ, гдѣ паны, давшіе уполномочіе агентамъ, издавна имѣли вѣсъ и значеніе. Много помогали дѣлу женщины. Въ повѣтахъ почти вездѣ были красивыя умныя дамы, въ той порѣ жизни, когда онѣ вертѣли головы всему околотку. Къ такой дамѣ обращался агентъ; дѣло шло какъ по маслу, если агентъ былъ ловокъ, красивъ и обладалъ способностію и навыкомъ обращаться съ женщинами, въ особенности тогда, когда у молодой госпожи былъ мужъ гораздо старѣе ея лѣтами. Тутъ женское кокетство переплеталось съ патріотизмомъ. Агентъ то говорилъ госпожѣ о ея красотѣ, о своихъ вздохахъ, то воспламенялъ ее ге-

роическимъ жаромъ любви къ погибающему отечеству; то бросался къ ея ногамъ, то цѣловалъ ея руки, то бралъ у нея деньги въ видѣ пожертвованія на общую пользу. Такова была, по извѣстію Гонсяновскаго, пани Прушинская въ овручскомъ повѣтѣ, молодая жена очень стараго мужа, великая патріотка и смѣлая, остроумная, ловкая, понятливая, съ даромъ краснорѣчія, подобнымъ Цицерону, но съ оттѣнкомъ романизма [1]). Гонсяновскій сознается, что онъ разомъ и ухаживалъ за нею и дѣлалъ ее орудіемъ патріотической пропаганды между обывателями повѣта, въ которомъ она имѣла вѣсъ и силу. Женщины особенно помогали тѣмъ, что устроивали складчины (коллекты) для поддержки дѣла спасенія отечества, и такимъ образомъ собирали капиталы, которые передавались вліятельнѣйшему обывателю; и такъ составлялась казна для будущаго возстанія. Заговоръ распространился по всей Польшѣ и счастливо избѣжалъ вниманія русскихъ и пруссаковъ. Для того, чтобы ускользнуть отъ ихъ вниманія, употреблялись тогда затѣйливыя выходки. Такъ Гонсяновскій разсказываетъ, что для этой цѣли, его, маіора арміи, посвятили въ ксендзы, и онъ нѣсколько времени пробылъ въ ксендзовскомъ званіи и одѣяніи, а когда это оказалось болѣе не нужнымъ, снова надѣлъ военный мундиръ.

Въ Варшавѣ пропагандою занимались Дзялынскій и банкиръ Капостасъ, иначе Капоста; около нихъ собирались молодые люди. Изъ нихъ на виду предъ всѣми стояли: Ельскій, Гореславскій, Ясинскій, Павликовскій. Ясинскій отправленъ въ Вильно. Общество варшавскихъ заговорщиковъ сносилось съ обществами Великой Польши, Малой Польши и Литвы. Въ Великой Польшѣ все было готово къ возстанію, и этотъ край, подпадавшій Пруссіи, болѣе

---

[1]) . . . patryotce wielkiej, żony dużo podeszłego męża, rozsądnej, śmiałej, każdą rzecz obejmującej, wymową oratorską, etc. (Pam. Gąsianowsk.).

другихъ порывался сбросить чужеземное иго. Они вели сношенія и съ эмигрантами въ Саксоніи. Костюшко между тѣмъ ѣздилъ по Европѣ и испытывалъ положеніе умовъ, отыскивалъ союзниковъ и пособниковъ готовящемуся возстанію. Между тѣмъ въ Варшавѣ собирались ночныя сходки, куда пріѣзжали изъ полковъ офицеры; тамъ избрали начальникомъ возстанія Костюшку и послали къ нему Ельскаго. Костюшко отправилъ Заіончека въ Варшаву провѣдать, что̀ тамъ дѣлается. Заіончекъ прибылъ туда въ декабрѣ 1793 года и самъ являлся къ лицамъ русской партіи; надъ нимъ устроенъ былъ надзоръ, но несмотря на это онъ выпытывалъ о состояніи края, сносился съ заговорщиками и доносилъ Костюшкѣ. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ имъ Костюшкѣ, средства, какими обладала страна, не были еще достаточны для начала возстанія, а главное, нельзя было положиться на народъ. Костюшко, съ своимъ демократическимъ духомъ, пріобрѣтеннымъ въ Сѣверной Америкѣ, полагалъ всю надежду на громаду народа, поэтому приказывалъ черезъ Заіончека разсылать по повѣтамъ патріотовъ возбуждать болѣе всего простой народъ. Чрезъ разговоры съ шляхтичами и присмотрѣвшись лично, Заіончекъ пришелъ относительно этого къ такому убѣжденію, что народъ въ Польшѣ ничего не выказывалъ, кромѣ тупого, ничѣмъ не оживленнаго терпѣнія, необходимаго слѣдствія закоснѣлой неволи, вѣчнаго гнета шляхты надъ многими поколѣніями. «Вся надежда на народъ, —говорилъ онъ сначала агентамъ,—выбирайте расторопныхъ солдатъ, разсылайте ихъ по краю; пусть подвигнутъ поселянъ къ свободѣ». Но то была китайская грамота для большей части поляковъ; воззвать простой народъ къ возстанію было для шляхты также трудно какъ возстать народу. Народъ въ Рѣчи-Посполитой могъ возставать только противъ владѣльцевъ.

Одинъ изъ современниковъ и участниковъ этихъ событій,

Войда, замѣчаетъ, что въ эту эпоху выражался тотъ же характеръ, какъ и въ прежнія времена. Шляхта твердила о свободѣ и вольности, но думала, что свобода состоитъ въ правѣ установлять законы, безнаказанно ихъ нарушать и не платить опредѣленныхъ закономъ налоговъ. Шляхтичъ полагалъ, что платить должны мѣщане и хлопы, самъ онъ, человѣкъ съ правами, могъ освобождать себя отъ этой непріятности. Третье мая не нравилось польской шляхтѣ, потому что конституція хотѣла обуздать ее; шляхта ошиблась и въ тарговицкой конфедераціи: вмѣсто возлюбленной шляхетской свободы, двѣ части страны поступили подъ власть Россіи и Пруссіи, а эти государства, конечно, не могли допустить въ своихъ владѣніяхъ такой свободы; третья часть, оставаясь по наружности независимою, на дѣлѣ уже поступала въ полную зависимость отъ Россіи. Многіе охотно отдавались Россіи, они надѣялись отъ новой власти выгодъ, а главное ихъ успокоивало то, что подъ властію Россіи у нихъ не отнимутъ власти надъ крестьянами. За то также многіе изъ тѣхъ, которые желали чего-нибудь болѣе неограниченной власти надъ хлопами и прежде боялись конституціи 3-го мая, теперь стали къ ней склоняться, видя въ ней средство удержать цѣлость и независимость отечества. Когда ихъ воспламеняли патріотическими рѣчами и воззваніями, они дѣлались сторонниками революціи, но когда нужны были пожертвованія, то они налагали новые поборы на своихъ хлоповъ, и послѣдніе должны были усилить свой трудъ для спасенія шляхетской свободы. Искренними сторонниками революціи были мѣщане, которые въ конституціи 3-го мая видѣли залогъ своей равноправности со шляхетствомъ и надѣялись, что имъ будетъ выгоднѣе жить. Были такіе обыватели, которыхъ обольщалъ въ революціи личный выигрышъ; они соображали, что если революція удастся, то они будутъ послѣ того играть первую роль и значеніе

въ Рѣчи-Посполитой, какъ ея спасители и избавители. Но наибольшая часть пристававшихъ къ революціи обывателей была такого рода, что въ сущности имъ было все равно, кто бы ни побѣдилъ: они приставали къ ней потому, что имъ ловко натолковали и представили, что за предпріятіемъ есть сила. Имъ говорили: «Австрія на нашей сторонѣ, потому что Австрія не хочетъ допустить усиливаться Пруссію и Россію; Швеція и Англія за насъ; Турція скоро объявитъ, если уже не объявила, Россіи войну; Франція естественно намъ благопріятствуетъ, потому что Россія и Пруссія во враждѣ съ ней; наконецъ, сами Россія и Пруссія уже не ладятъ между собою и скоро поссорятся. Всѣ обстоятельства сложились какъ нельзя превосходнѣе для Польши». Все это казалось правдоподобнымъ, особенно, когда въ этомъ увѣряли поляковъ именемъ какого-нибудь Чарторыскаго, Сапѣги, Потоцкаго, Огинскаго и т. п. Изъ подобнаго класса соучастниковъ революціи были и такіе, что приставали къ революціи только изъ трусости, чтобы впослѣдствіи имъ не было худо, когда возстаніе удастся. Но были люди, совершенно противоположные послѣднимъ: это молодыя и горячія головы. Эти люди мало разсуждали о томъ: возможенъ или невозможенъ успѣхъ; имъ лишь бы скорѣе начинать, и всякую хладнокровную и разсудительную осторожность они сейчасъ же клеймили подозрѣніемъ въ измѣнѣ. Эти люди желали и надѣялись черезчуръ многаго. Такихъ приходилось не возбуждать, а сдерживать, охлаждать, приводить на путь разсудка. Уже въ началѣ 1794 г. молодежь варшавская горячилась и готова была начинать: Капостасу и Дзялынскому стоило большого труда удерживать ихъ. Капостасъ показывалъ впослѣдствіи, что 23-го февраля назначена была конференція у одного изъ заговорщиковъ, Венгерскаго, гдѣ было до семидесяти человѣкъ. Заговорщики такъ разгорячились, что начали даже своихъ вожаковъ обвинять въ измѣнѣ, за ихъ благо-

разумную медленность. Артиллеристъ Миллеръ замахнулся даже на Капостаса шпагою, и говорилъ: «ты измѣнникъ, ты присталъ къ намъ, чтобы намъ мѣшать и отдать въ руки враговъ средства къ возстанію. Черезъ пять или шесть дней отнимутъ у насъ оружіе. Враги наши притворяются, будто не знаютъ о томъ, что̀ мы затѣваемъ; они дожидаются только уменьшенія войска, чтобы насъ перехватать». — «Что же, — отвѣчалъ Капостасъ, — лучше умереть отъ безумнаго человѣка, чѣмъ погибнуть вслѣдствіе несвоевременнаго предпріятія!»

Это совѣщаніе сдѣлалось извѣстнымъ. Игельстромъ приказалъ арестовать Венгерскаго. На снятомъ съ него допросѣ послѣдній объявилъ, что дѣйствительно существуетъ заговоръ произвести возстаніе; главными агитаторами были Чарторыскій, Казимиръ Сапѣга, маршалъ Малаховскій. На что̀ они надѣются? спросили его. — Венгерскій объявилъ, что говорятъ, будто Вѣна за Польшу и обѣщаетъ тридцать тысячъ войска, Англія даетъ на этотъ предметъ значительныя суммы; думаютъ также, что Пруссія скоро разсорится съ Россіею. Чтобы поддѣлаться къ русскимъ и облегчить судьбу свою, Венгерскій говорилъ, что онъ имѣлъ сношенія съ революціонерами только по денежнымъ дѣламъ, а самъ считаетъ невозможнымъ успѣхъ возстанія въ Польшѣ, что онъ только сдѣлался жертвою собственныхъ ошибокъ и неосновательности національнаго характера. По слѣдствію надъ нимъ, однако, Игельстромъ не открылъ собственно ничего. Всѣмъ было извѣстно, что эмигранты, живущіе за границею, помышляютъ о возстаніи, но эмигрантовъ достать было невозможно; важно было перехватить тѣхъ изъ ихъ соучастниковъ, которые находились въ краѣ. Игельстромъ бросилъ подозрѣніе прежде всего на Заіончека. Но Заіончекъ, предувѣдомленный заранѣе, предупредилъ русскаго военачальника, и не дожидаясь, пока за нимъ придутъ, отправился къ нему самъ. Игельстромъ оборвалъ

его самымъ солдатскимъ образомъ, но Заіончекъ хладнокровіемъ и притворствомъ поставилъ его въ-тупикъ, и дѣло окончилось тѣмъ, что Игельстромъ приказалъ Заіончеку выѣхать изъ Польши. Заіончеку и безъ того уже нужно было выѣзжать и донести посылавшимъ его эмигрантамъ о состояніи Польши, о томъ, что̀ онъ, присмотрѣвшись, могъ въ ней замѣтить. Дзялынскій былъ арестованъ и посланъ въ Кіевъ. Но заговора не открыли.

II.

Игельстромъ.—Мѣры въ Варшавѣ—Возстаніе Мадалинскаго.—Прибытіе Костюшки въ Краковъ.—Актъ повстанья.—Декларація Игельстрома.—Битва подъ Рацлавицами.—Успѣхъ Костюшки.—Волненіе въ Варшавѣ.—Мѣры русскихъ къ оборонѣ.

Постановивъ законъ объ уменьшеніи польскаго войска, гродненскій сеймъ еще прежде обращался къ Сиверсу съ просьбою о выводѣ русскихъ войскъ изъ Польши, по крайней мѣрѣ объ уменьшеніи ихъ числа въ государствѣ польскомъ. Сиверсъ сообщилъ о томъ Игельстрому, но генералъ-квартирмейстеръ Писторъ представилъ военачальнику, что выводъ русскаго войска преждевремененъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ уменьшено польское войско. Игельстромъ пріостановился съ этимъ и разставилъ русское войско около Варшавы, до тѣхъ поръ, пока польское войско не будетъ уменьшено. Тогда началось это уменьшеніе польскаго войска постепенно, и шло всю зиму чрезвычайно лѣниво. Офицеры, оставшіеся внѣ службы, расходились по домамъ, иныхъ изъ нихъ принимали обыватели къ себѣ въ дома̀, и эти отпущенные были самыми рьяными возмутителями. Ихъ положеніе казалось для нихъ тѣмъ ужаснѣе, что нѣкоторые изъ нихъ заплатили деньги за свои чины и потратили какое-нибудь скудное имѣніе, чтобы имѣть воз-

можность получать постоянное жалованье, которое теперь у нихъ отнимали.

Въ Варшавѣ русскіе замѣчали, что Польша уже готовится къ чему-то важному, и особенно боялись отпущенныхъ военныхъ, чтобы они не вошли въ столицу, а потому и разставили русское войско тремя концентрическими линіями, такъ что Варшава была трижды окружена рускимъ войскомъ.

Заговорщики очень много разсчитывали на уменьшеніе польскаго войска; съ одной стороны для нихъ подручно было то, что, такимъ образомъ, многіе военные, оставаясь безъ хлѣба, были настроены къ возстанію по крайней необходимости, съ другой, надобно было имъ спѣшить, чтобы предупредить дальнѣйшее уменьшеніе войска. Многихъ польскихъ военныхъ уже завербовали въ русскія и прусскія войска, но они готовы были измѣнить при первомъ случаѣ и пристать къ своимъ, и это послѣднее обстоятельство, производя безпорядокъ въ томъ войскѣ, которому приходилось бы усмирять возстаніе, должно было помогать самому возстанію.

Если Сиверсъ былъ человѣкъ, какъ будто созданный для управленія поляками, то Игельстромъ, его преемникъ, составлялъ съ нимъ въ этомъ отношеніи разительную противоположность—и замѣна имъ Сиверса была капитальною ошибкою императрицы Екатерины. Сиверсъ, ласковый, любезный въ обращеніи, строгій и рѣшительный въ дѣлѣ, заставлялъ ихъ и бояться себя, и уважать, и даже любить. Отъ этого, когда его смѣнили, многіе поляки приходили къ нему прощаться съ истиннымъ чувствомъ. Сиверсъ гнулъ ихъ, давилъ, но чрезвычайно любезно. Игельстромъ, напротивъ, былъ изъ такихъ господъ, у которыхъ даже самая любезность кажется грубостію. Храбрый и смѣлый, но мало образованный, мало проницательный, онъ началъ вести себя въ Польшѣ такъ, какъ могъ бы, съ бо́льшимъ

правомъ и благоразуміемъ, вести себя въ Азіи. Ему ни почемъ было оборвать пана, наговорить ему дерзостей и не извиниться; вмѣсто того, чтобы въ пору удерживать подозрѣніе и догадку, онъ высказывался преждевременно, вооружалъ противъ себя, давалъ вмѣстѣ съ тѣмъ противникамъ поводъ дѣйствовать осторожнѣе; вмѣсто того, чтобы щадить самолюбіе націи, въ высшей степени щекотливой къ собственнымъ истиннымъ и мнимымъ достоинствамъ, Игельстромъ, напротивъ, при всякомъ случаѣ любилъ показать, что русскіе здѣсь побѣдители, а поляки побѣжденные. Польскіе магнаты и должностныя лица были для него словно русскіе, подначальные ему, офицеры. Съ министрами и съ самимъ королемъ онъ обращался свысока, приказывалъ и предписывалъ, вмѣсто того, чтобы вѣжливо просить, напоминалъ о своемъ полновластіи въ Польшѣ и о ихъ зависимости отъ себя. Мало обнадеживая поляковъ, что подъ властію Россіи имъ будетъ въ томъ и другомъ отношеніяхъ лучше, онъ только угрожалъ имъ, пугалъ ихъ и тѣмъ располагалъ къ возстанію. Но въ то же время никто менѣе его не имѣлъ выдержки, энергіи и осторожности, необходимыхъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Оскорбляя и раздражая поляковъ своимъ солдатскимъ обращеніемъ, онъ готовъ былъ тѣмъ же полякамъ позволить водить себя за носъ, если они успѣвали къ нему поддѣлаться. Шведъ Бауръ былъ его любимцемъ—человѣкъ слабый, находившійся подъ польскимъ вліяніемъ; Игельстромъ во многомъ, касавшемся управленія, особенно военнаго, смотрѣлъ его глазами. Но болѣе всего надъ нимъ имѣла вліянія графиня Залуская, а черезъ нее и другіе поляки. По отношенію къ военной дисциплинѣ Игельстромъ былъ очень неудовлетворителенъ.Онъ умѣлъ кричать, горячиться, ругаться, выказывать свою власть, но распорядительности у него было мало. Его мало уважали, мало любили и мало боялись. Въ войскѣ у него между офицерами вкрались

безпорядки. Современникъ Войда положительно говоритъ, что если бы Сиверсъ не былъ отозванъ, революція не могла бы произойти въ Польшѣ, по крайней мѣрѣ такъ скоро; одинъ изъ ближайшихъ поводовъ къ ней подалъ именно самъ Игельстромъ своимъ высокомѣрнымъ поведеніемъ и запальчивымъ характеромъ.

Возстаніе ускорило именно то, что въ половинѣ марта назначенъ былъ послѣдній срокъ уменьшенія польскаго войска. Русская императрица хотѣла затянуть распущенное войско въ свою службу, и потому каждому вступавшему обѣщаны были 90 зл. по выслугѣ 12 лѣтъ, земли и усадьба. Нехотѣвшимъ вступить въ русскую службу предоставлялась свобода избирать родъ жизни. Современникъ Зёймэ замѣчаетъ, что это необходимое сокращеніе могло быть удобнѣе достигнуто, еслибы только давали отставки и отпуски желающимъ, а не принимали бы вновь никого въ военную службу. Тогда, при содѣйствіи обыкновенной смертности, войска сами собою, въ короткое время, дошли бы до требуемаго количества.

Въ числѣ бригадъ, которыя предназначались къ редукціи, (уменьшенію) была бригада Мадалинскаго, стоявшая въ Остроленкѣ, между Бугомъ и Наревою. Мадалинскій объявилъ, что не хочетъ подчиняться редукціи и написалъ объ этомъ рапортъ въ военную коммиссію. Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ гетмана, огласила измѣнниками его и ротмистра Зборовскаго. Игельстромъ отправилъ противъ Мадалинскаго генерала Багрѣева, стоявшаго въ Граннѣ, а вслѣдъ затѣмъ выслалъ изъ Варшавы батальонъ кіевскаго полка, подъ командою Нечаева, и два эскадрона ахтырскаго полка на перерѣзъ Мадалинскому. Узнавъ, что на него идутъ русскіе, Мадалинскій перешелъ Нареву, вошелъ въ ту часть Польши, которая присоединена была къ владѣніямъ Пруссіи, вступилъ въ Солдау, ограбилъ прусскую военную казну, оттуда бро-

сился къ Вышегроду, перешелъ тамъ Вислу, вторгся въ сендомирское воеводство, и пошелъ къ Кракову. зная, что въ это время тамъ явится Костюшко. Русскіе не могли ни догнать его, ни перерѣзать ему пути. Его шествіе было сигналомъ возмущенія прочихъ войскъ; стоявшія въ сендомирскомъ воеводствѣ войска взбунтовались, пристали къ Мадалинскому и готовились отражать силу силою.

Костюшко успѣлъ недавно съѣздить въ Италію, возвратился въ Дрезденъ и узналъ, что въ Варшавѣ русскіе открываютъ заговоръ, что польскія войска долѣе терпѣть не могутъ и, въ виду уменьшенія ихъ комплекта, поднимаютъ оружіе. Обстоятельства указывали время начинать. Костюшко не считалъ, какъ и его единомышленники, чтобы возстаніе созрѣло, и отважился на-авось. Онъ отправился въ Краковъ. Городъ этотъ давно уже настроенъ былъ въ духѣ революціи. Агентомъ, дѣйствовавшимъ тамъ по распоряженію Костюшки, былъ Ружницкій, поручикъ въ бригадѣ, которою командовалъ вице-бригадиръ Мангатъ. Военные вошли въ заговоръ. Еще 19 ноября 1793 г., они намѣревались-было начать возстаніе, хотѣли обезоружить русскій гарнизонъ, стоявшій въ городѣ подъ начальствомъ подполковника Лыкошина. Но этотъ планъ не удался, потому ли, что не согласились на способы, или потому, что разсудили, что такое преждевременное возстаніе принесло бы только вредъ дѣлу.

Городъ заволновался, услыша, что ѣдетъ Костюшко. Подполковникъ Лыкошинъ, съ своимъ отрядомъ, самъ ушелъ изъ Кракова. Костюшко прибылъ туда въ бричкѣ и остановился у генерала Водзицкаго. Онъ тотчасъ нареченъ былъ начальникомъ вооруженныхъ силъ народа.

Капостасъ прибылъ въ Краковъ изъ Варшавы и купилъ на свой счетъ пять тысячъ косъ для вооруженія крестьянъ. Костюшко отправился съ патріотами въ близ-

кій костелъ Капуциновъ, и тамъ монахи освящали ихъ сабли.

Составленъ актъ повстанья. Кромѣ раздѣла Польши, совершеннаго двумя державами, поводомъ возстанія объявлялось состояніе Польши послѣ Гродненскаго сейма. Оно изображалось такъ: «Царица обрекла Польшу въ жертву своей варварской и ненасытной мести, она попираетъ священнѣйшія права свободы, безопасность собственности, личности, обывательскихъ имѣній; мысли и чувства честнаго поляка не найдутъ убѣжища отъ ея подозрительныхъ преслѣдованій; слово въ оковахъ; только одни измѣнники покровительствуются и совершаютъ безнаказанно всякія преступленія; они разграбили имущества и общественные доходы, отняли у обывателей собственность, раздѣлили между собою должности, какъ добычу послѣ покоренія отечества, и святотатственно, присвоивая себѣ имя народныхъ правителей, служатъ чуждому тиранству. Постоянный Совѣтъ, уничтоженный народною волею и вновь возобновленный измѣнниками по волѣ московскаго посла, преступаетъ даже тѣ границы, какія онъ съ раболѣпствомъ принялъ отъ того же посла: правленіе, свобода, собственность—все въ рукахъ невольниковъ царицы, подъ защитою введеннаго въ нашъ край иноземнаго войска. Краковскіе обыватели единодушно объявили, что рѣшились или погибнуть подъ развалинами отечества, или освободить родную землю отъ хищническаго насилія и позорнаго ярма, не щадя никакихъ средствъ и пожертвованій». Избранному начальнику Костюшкѣ повѣрялся выборъ и организація высочайшаго народнаго совѣта, устроеніе вооруженной силы, назначеніе лицъ въ военныя должности, право судить и казнить преступниковъ. Высочайшій народный совѣтъ будетъ заботиться о покрытіи всѣхъ военныхъ издержекъ, о рекрутовкѣ войска, о снабженіи его всѣмъ потребнымъ, будетъ назначать сборы, управлять народными

имуществами, употреблять ихъ, дѣлать займы, наблюдать за порядкомъ, благочиніемъ и правосудіемъ въ краѣ, отстранять противныя повстанью намѣренія, стараться о снисканіи помощи отъ иностранныхъ народовъ. Этотъ совѣтъ долженъ дѣйствовать посредствомъ воеводскихъ порядковыхъ коммиссій, и краковское воеводство первое возобновляло таковую у себя. По открытіи высочайшаго совѣта, положено устроить верховный уголовный судъ, гдѣ будутъ судимы поступки, совершенные съ цѣлію вредить и препятствовать успѣху повстанья. Всѣ установленныя на время повстанья правительственныя учрежденія не будутъ имѣть права постановлять законовъ. Таково было въ главномъ содержаніе этого акта. Онъ весь покрытъ былъ множествомъ подписей; не доставало бумаги, и многіе подписывали на отдѣльныхъ листахъ, которые потомъ приклеивались и подшивались, такъ что, по замѣчанію очевидца, ихъ можно было легко приставить къ какому-нибудь другому листу.

Этотъ-то актъ, составленный въ Краковѣ, послужилъ руководящею канвою для всего наступившаго потомъ повстанья въ Польшѣ. Вслѣдъ затѣмъ явился рядъ воззваній къ народу. «Помогайте мнѣ, соотечественники, — писалъ Костюшко, — помогайте всѣми силами, спѣшите съ оружіемъ подъ знамя отчизны! единая ревность къ единому дѣлу должна овладѣть всѣми сердцами; посвятите отечеству часть вашего имущества, которое уже сдѣлалось добычею деспотовъ, не жалѣйте для войскъ нашихъ припасовъ, муки, сухарей, зерна, доставляйте лошадей, рубахи, обувь, простое сукно и полотно на шатры. Благодарность цѣлаго народа будетъ вамъ заплатою!» Краковское воеводство положило денежный поборъ, ротные командиры должны были выдавать квитанціи, которыя будутъ приняты при отдачѣ податей. Образована въ Краковѣ порядковая касса, и вслѣдъ затѣмъ начались при-

знаки революціоннаго террора. У подозрительныхъ дѣлали обыски, перечитывали ихъ бумаги; если подозрѣваемый не оказывался виновнымъ, то давали ему патентъ на очищеніе отъ подозрѣнія. Тогда можно было видѣть и молодыхъ и старыхъ, и умныхъ и глупыхъ, и честныхъ людей и плутовъ, равнымъ образомъ доходившихъ до ярости. То и дѣло, что кричали: «тотъ измѣнникъ, того слѣдуетъ посадить въ тюрьму, заковать въ кандалы, бить и мучить!»

Начались пожертвованія. Кто несъ пистолеты, сабли, ружья, свинецъ на алтарь отечества, кто полотно, рубахи, кто какой-нибудь подсвѣчникъ или чайникъ, кто бубенъ, кто деньги. Замѣчали, что небогатые больше давали сравнительно съ тѣмъ, что жертвовали зажиточные; послѣдніе обыкновенно давали по принужденію, со вздохомъ, а не могли не давать, потому что иначе имъ грозили сдѣлать у нихъ обыскъ и взять насильно. Лихоцкій, типъ спокойнаго мѣщанина, крѣпко жалуется на то, что онъ давалъ, давалъ, а съ него требовали все больше да больше, и говорили: мало даешь, ты бездѣтенъ, и ты президентъ; на тебя глядя, будутъ другіе мало давать! Бѣдному президенту было очень чувствительно давать и давать. «Я было-спряталъ себѣ кое-что на прожитокъ отъ непріятеля, это хотѣли ограбить и взять у меня земляки и почтенные патріоты въ противность Божіей заповѣди: не пожелай чужого,—все подъ предлогомъ пожертвованія для пользы отечества, а сами они ни одного шеляга не дали».

Въ отвѣтъ на прокламацію Костюшки, Игельстромъ написалъ декларацію (отъ 20 (31) марта); онъ называлъ ее чудовищнымъ соединеніемъ лживыхъ изъявленій патріотизма съ наглымъ покушеніемъ на права собственности, указывалъ, что мятежники осмѣливаются налагать произвольныя контрибуціи и подвергать цвѣтущіе города Рѣчи-Посполитой и ихъ окрестности разбойническому грабежу.

«Эти преступленія—выражался онъ—не могутъ оставаться безнаказанными. Войска ея императорскаго величества, которой дорого спокойствіе Рѣчи-Посполитой, получили приказаніе разсѣять мятежниковъ и уже начали свое дѣло съ успѣхомъ. Они перенесутъ свою дѣятельность въ центръ возмущенія и накажутъ злодѣянія дерзкихъ, возставшихъ противъ законной власти. Дай Богъ, чтобы ихъ удары поражали только виновныхъ и ихъ присутствіе оказало покровительство угнетенной невинности; великіе преступники, зачинщики стольких несчастій, должны быть наказаны, съ лицемѣровъ должна быть снята маска, итрига уничтожена; власть правительства должна выказаться ужасною, явить великій примѣръ правосудія и устрашить тѣхъ, которые дерзнутъ соблазнять и увлекать другихъ».

Игельстромъ требовалъ отъ короля и отъ Совѣта, чтобы немедленно созванъ былъ сеймъ и открыты трибуналы, которымъ принадлежитъ судъ надъ такими преступниками, чтобы передъ эти трибуналы были позваны мятежники, которые не убоялись поставить свои имена на зажигательной и оскорбительной прокламаціи, чтобы не только авторы, но и разнощики этой прокламаціи и всѣхъ вообще подобныхъ листковъ получили наказаніе, равно какъ и тѣ, которые посредственно или непосредственно способствовали ихъ распространенію, а на будущее время со всею бдительностію открывать писателей и разсѣевателей такихъ воззваній и предавать ихъ строжайшему наказанію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Игельстромъ хотѣлъ показать, что онъ не боится и вѣритъ въ свою силу. Онъ въ концѣ своей декларацiи выразился такъ: «Мятежники, которыхъ безумное бѣшенство требуетъ мщенія, внушаютъ только презрѣніе, если у нихъ отняты средства поддерживать мятежъ, и потому они не могутъ безпокоить насъ. При настоящихъ требованіяхъ нижеподписавшійся имѣетъ единственную

цѣль—утвердить въ Польшѣ спокойствіе, въ которомъ она нуждается».

Вмѣстѣ съ Игельстромомъ написалъ декларацію Бухгольцъ, и тоже презрительно отозвался о манифестѣ Костюшки, называлъ «хвастовство его смѣшнымъ», но заявлялъ, что нужно пресѣчь намѣренія преступныхъ начальниковъ возстанія. Бухгольцъ въ своей декларацiи извѣщалъ, что прусскія войска вмѣстѣ съ русскими войдутъ въ земли Рѣчи-Посполитой для положенія конца духу демагогическаго якобинства, разрушающаго Польшу, и просилъ короля и Постоянный Совѣтъ приказать встрѣтить прусскія войска дружески и давать имъ все необходимое, чтобы они имѣли возможность, вмѣстѣ съ русскими войсками, поскорѣе укротить дерзость преступниковъ и изгнать адскій духъ безначалія и безпорядка, угрожающій сосѣднимъ провинціямъ.

Въ тотъ же день подалъ декларацію и австрійскій посланникъ Де-Каше. Онъ не ругалъ мятежниковъ но объявлялъ, что слухъ, распространенный въ Польшѣ, будто вѣнскій дворъ благопріятствуетъ мятежникамъ, ложенъ; вѣнскій дворъ не можетъ поддерживать предпріятія, затѣяннаго въ подражаніе принципамъ, господствующимъ во Франціи.

Второго апрѣля Станиславъ-Августъ издалъ универсалъ противъ прокламаціи Костюшки. Король убѣждалъ поляковъ не слушаться «обманчивыхъ мечтательныхъ обѣщаній, которыя легко могутъ взволновать сердца, сильно пораженныя свѣжими несчастіями» «Васъ стараются возбудить видимыми надеждами улучшить ваше положеніе и возвратить отобранныя провинціи, но какое время для этого выбрали? Отъ васъ хотятъ, чтобы вы пожертвовали остатками вашего состоянія и малымъ количествомъ звонкой монеты, которая уже становится рѣдкостію въ краѣ. Развѣ вы будете слѣпы настолько, чтобы, въ неразсу-

дительной ревности, безъ связей, безъ помощи, безъ достаточныхъ средствъ, дать новый предлогъ тѣмъ, которые желаютъ вашей гибели и даже истребленія польскаго имени?»

Въ этихъ строкахъ русскіе увидѣли до нѣкоторой степени сочувствіе дѣлу революціи. Король выставлялъ на видъ какъ бы только несвоевременность начинанія, а не порицалъ самой сути дѣла. Онъ называлъ это дѣло незаконнымъ, но только потому, что оно начинается безъ иниціативы со стороны законныхъ властей, слѣдовательно беззаконность дѣла состояла только въ отсутствіи необходимыхъ формъ. Въ заключеніе онъ предписывалъ всѣмъ магистратурамъ, юрисдикціямъ и канцеляріямъ содѣйствовать, чтобы всякое писаніе, противное религіи, достоинству престола, правительству, добронравію, чести гражданъ, священнымъ правамъ собственности и преимуществамъ шляхетскаго сословія, было доставляемо къ свѣдѣнію Постояннаго Совѣта и короля, дабы авторы такихъ зажигательныхъ сочиненій были наказаны.

Игельстромъ отправилъ противъ взбунтовавшагося Мадалинскаго и приставшихъ къ нему войскъ—генерала Денисова, который остановился въ Скальмержѣ и послалъ на непріятеля отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Тормасова. Разсчитывая, что у непріятеля силъ еще немного, Денисовъ далъ Тормасову небольшой отрядъ, всего два батальона и двѣ роты пѣхоты, шесть эскадроновъ конницы и казацкій полкъ. Костюшко узналъ, что Мадалинскому угрожаетъ опасность, вышелъ изъ Кракова и соединился съ Мадалинскимъ прежде, чѣмъ достигъ до него Тормасовъ. Съ Костюшкою были бригады Мангета и Валевскаго, Заіончекъ съ народовой конницею и 16 пушекъ. По русскимъ извѣстіямъ, съ нимъ было 7 батальоновъ, 26 эскадроновъ и 11 пушекъ, да до двухъ тысячъ мужиковъ съ пиками и косами. Кромѣ войска, къ Костюшкѣ пришли

и приведены были отряды шляхты изъ воеводствъ равскаго, сѣрадзьскаго и ленчицкаго – молодые безземельные шляхтичи, которымъ терять было почти нечего.

Враждебныя войска встрѣтились при деревнѣ Рацлавицы. Глубокая долина раздѣляла оба войска. Тормасовъ сдѣлалъ нападеніе. Сначала дѣло шло для русскихъ успѣшно. Народовая конница не выдержала аттаки и бѣжала. Но Костюшко, сосредоточивъ свои силы, ударилъ на русскихъ; впередъ бросились косиньеры—хлопы, вооруженные косами; русскаго войска оказалось меньше и оно зашло въ долину, гдѣ неудобно было поворачиваться. Тормасовъ приказалъ пробиваться въ штыки. Но поляки наперли на нихъ такъ сильно, что русскіе не выдержали. Первый побѣжалъ гренадерскій батальонъ графа Томатиса, побросавъ ружья. Тормасовъ двинулъ въ сѣчу роту полка углицкаго, но эта рота послѣдовала примѣру товарищей и, побросавъ ружья, бѣжала. Держался болѣе другихъ третій батальонъ, но и тотъ наконецъ былъ смѣшанъ и побѣжалъ въ лѣсъ. Полковникъ Муромцевъ съ четырьмя эскадронами бросился на непріятельскую конницу, но былъ убитъ. Русскіе пушки достались побѣдителямъ. Русскіе насчитывали убитыми: двухъ штабъ-офицеровъ, десять оберъ-офицеровъ, и рядовыхъ 425. Въ числѣ убитыхъ, кромѣ Муромцева, былъ другой штабъ-офицеръ, подполковникъ Пустославовъ, отличавшійся прежде своею храбростію. Костюшко двухъ хлоповъ произвелъ въ офицеры за храбрость, оказанную при взятіи русскихъ пушекъ.

Денисовъ между тѣмъ спѣшилъ къ Тормасову на помощь, но было поздно. Костюшко, побѣдивъ русскихъ, отступилъ и сталъ въ укрѣпленномъ лагерѣ у Промника, недалеко отъ Кракова. Туда каждый часъ приходили къ нему новыя силы.

Этотъ первый успѣхъ оказалъ чрезвычайно важное нравственное вліяніе на поддержку возстанія. Сначала въ

Краковъ прибѣжала испуганная и разстроенная народовая конница и въ страхѣ наговорила, что все потеряно, что самъ Костюшко въ плѣну или убитъ. Но вслѣдъ затѣмъ Краковъ узналъ противное разглашаемому, а именно, что выигрышъ принадлежалъ хлопамъ, до тѣхъ поръ не бывавшимъ въ сраженіи. Народовая конница, какъ извѣстно, составлена была исключительно изъ дворянъ; ротмистры въ ней были лица высокихъ родовъ. Это избранное войско осрамилось теперь въ дѣлѣ. Хлопы, презрѣнные хлопы, считавшіеся неспособными и недостойными чести служить въ военной службѣ, показали, что они способнѣе спасать отечество, чѣмъ богатыри родовитые. Это приходилось по душѣ Костюшкѣ, съ его американскими понятіями. Радость и надежда наполнили поляковъ. Вѣсть о томъ, что на первой же стычкѣ «москали» разбиты, разнеслась по всей Польшѣ. Тѣ, которые до сихъ поръ не вѣрили въ возможность успѣха, теперь стали вѣрить. Но въ то же время усилился въ Краковѣ, главномъ центрѣ революціи, и терроръ. Прибылъ туда Коллонтай. «Этотъ почтенный прелатъ, говоритъ Лихоцкій, пожелалъ управлять казною и поддерживать равенство лицъ и имуществъ страхомъ. Около него столпились горячія головы. Онъ проповѣдывалъ равенство на основахъ французской революціи; мясники, сапожники, кожевники и всякіе ремесленники находили въ немъ своего идола; негодяямъ, плутамъ, пьяницамъ, также очень нравился такой порядокъ вещей, съ своей точки зрѣнія. Установленъ въ Краковѣ уголовный судъ подъ предсѣдательствомъ Стадницкаго изъ семи особъ. Этотъ судъ долженъ былъ, по представленію порядковыхъ коммиссій, судить преступленія противъ революціи».

Игельстромъ передъ началомъ возстанія не ожидалъ его и не принималъ мѣръ къ оборонѣ столицы. Когда Костюшко былъ въ Краковѣ, Игельстромъ, по донесеніямъ своихъ шпіоновъ, воображалъ, что Костюшко въ Римѣ.

Правда, Игельстромъ сдѣлалъ нѣсколько арестовъ [1]), но это только раздражало поляковъ, а не помогало русскимъ. Изъ найденныхъ у арестованныхъ лицъ бумагъ видно было, что существующій заговоръ распространился въ Малой Польшѣ, но не отыскано было нитей, за которыя бы можно было схватиться. Одинъ изъ арестованныхъ открылъ, что Капостасъ привозилъ въ Варшаву отъ эмигрантовъ 15,000 черв. для произведенія мятежа, но Капостаса не успѣли схватить: онъ убѣжалъ. Въ Варшавѣ до возстанія Мадалинскаго было русскаго войска всего одинъ батальонъ, да еще двѣ роты стояли за рѣкою въ Прагѣ, тогда какъ столица была наполнена польскимъ войскомъ. При малочисленности русскаго войска у поляковъ тамъ было два батальона коронной гвардіи, два батальона полка Дзялынскаго, пять канонирскихъ ротъ, 6 ротъ разныхъ наименованій, и восемь эскадроновъ конной гвардіи, народовой конницы, королевскихъ уланов. Варшавскій магистратъ безпрестанно просилъ Игельстрома освободить столицу отъ военныхъ тягостей, а его возлюбленная, графиня Залуская, подговаривала его дѣлать все, что̀ только было выгодно для ея единоземцевъ, хотя, быть можетъ, и безъ задней цѣли. Уже послѣ возстанія Мадалинскаго, Игельстромъ

---

[1]) Арестованными русскимъ посланникомъ, по документамъ того времени, значатся: литовскій маршалъ Станиславъ Солтыкъ, Михаилъ Радзишевскій, Мих. Бржостовскій, ксендзъ Францъ-Ксаверій Богушъ, Игнат. Грабовскій, Игнат. Дзялынскій, Ад. Вержейскій, Мих. Дзѣконскій, Кириллъ Моравскій, секретарь департамента иностранныхъ дѣлъ Маріонъ Филиберъ, учитель фехтовальнаго искусства въ кадетскомъ корпусѣ Дешампъ, учитель франц. языка Левъ Костъ, маіоръ литовской артиллеріи Спенсбергеръ, наконецъ Бонно, арестованный еще Сиверсомъ. Такой списокъ указанъ впослѣдствіи, когда поляки оправдывали себя въ задержаніи русскаго посольства тѣмъ, что это сдѣлано было въ вознагражденіе за арестованіе поляковъ. Господина, который показывалъ о привозѣ Капостасомъ 15,000 черв., Бухгольцъ въ своемъ письмѣ называетъ Потоцкимъ.

приказалъ усилить варшавскій гарнизонъ; въ городъ введены были изъ окрестностей и изъ-подъ Бреста десять гренадерскихъ батальоновъ (днѣпровскаго, сибирскаго и кіевскаго полковъ), шесть эскадроновъ конныхъ егерей, два легкоконныхъ полка (харьковскій и ахтырскій) и полкъ казаковъ подъ начальствомъ маіора Денисова, да еще два казацкихъ эскадрона и отрядъ конвойныхъ казаковъ. Съ этими войсками привезены были двадцать полевыхъ орудій. Прибылъ въ столицу также отрядъ Багрова, преслѣдовавшій Мадалинскаго и состоявшій изъ двухъ батальоновъ и карабинернаго полка. Но для спокойствія города ихъ помѣстили не въ самомъ городѣ, а поближе въ окрестностяхъ, въ Прагѣ, Волѣ и въ подгородныхъ деревняхъ. Только одинъ батальонъ ввели въ самый городъ. Варшава казалась спокойною, а между тѣмъ ненависть къ русскимъ и пруссакамъ достигала крайняго предѣла. Демократическіе клубы сходились тайно по ночамъ, вели сношенія съ провинціями; кипѣла дѣятельная работа. Игельстромъ ничего не могъ открыть Поляки не только избѣгали всякаго сближенія съ русскими, но даже не хотѣли имъ отвѣчать, когда къ нимъ обращались. Молодежь толпами уходила изъ столицы въ войско Костюшки, въ провинціи, въ чаяніи начать тамъ-и-сямъ возстаніе и подготовлять къ нему жителей. Но когда въ Варшавѣ узнали о пораженіи Тормасова, народъ явно сталъ показывать приближеніе грозы. Игельстромъ приказалъ изъ расположенныхъ въ подгородныхъ поселеніяхъ войскъ вдвинуть часть въ городъ, но часть ихъ еще оставалась въ Прагѣ. Всего въ городѣ было, по польскимъ извѣстіямъ, 7,948 человѣкъ.

Тѣ поляки, которые доказали свою преданность Россіи, участвовали въ раздѣлѣ Польши и слѣдовательно получили право на довѣріе къ себѣ со стороны русскихъ, увѣряли Игельстрома, что благомыслящіе граждане всѣ противъ мятежа, а сочувствуютъ ему какіе-нибудь пьяницы,

мошенники, игроки, которые, ради своихъ личныхъ выгодъ, желаютъ безпорядка. Игельстромъ такъ довѣрялъ этимъ представленіямъ, что призвалъ къ себѣ президента варшавскаго муниципальнаго совѣта и приказалъ сообщить совѣтникамъ, чтобы они наблюдали за духомъ горожанъ и доносили по начальству обо всемъ. Заносчивый въ обращеніи, безпрестанно и безтактно оскорблявшій каждаго своимъ тономъ, Игельстромъ былъ слабъ на дѣлѣ и довѣрчивъ. Онъ напоминалъ полякамъ, что можетъ съ ними сдѣлать и то, и другое, а когда нѣкоторые совѣтовали ему взять подъ свое управленіе польскій арсеналъ, онъ не рѣшился этого сдѣлать, потому что Рѣчь-Посполитая все еще государство самостоятельное и имѣетъ свое войско, которымъ, притомъ, начальствуютъ люди преданные Россіи. Такимъ дѣйствительно и былъ главноначальствующій, пожалованный недавно титуломъ великаго гетмана, Ожаровскій. Но этотъ восьмидесятилѣтній старикъ смотрѣлъ глазами варшавскаго коменданта Циховскаго, и во всемъ довѣрялъ ему, а Циховскій тайно мирволилъ возстанію. Игельстромъ, на предложеніе генералъ-квартирмейстера Пистора о взятіи отъ поляковъ арсенала, сказалъ: «У насъ есть договоръ съ Рѣчью-Посполитою; я не смѣю поступать вопреки договору. Рѣчь-Посполитая съ нами не во враждѣ. Мятежъ затѣваютъ негодяи, противъ которыхъ мы будемъ дѣйствовать съ польскими войсками вмѣстѣ. Взять у нихъ арсеналъ, значитъ раздражить поляковъ и побудить ихъ къ мятежу, когда безъ того они не рѣшились бы на это».

«Такимъ образомъ,— говоритъ Пистеръ, — никого изъ насъ не допускали до арсенала; всѣ мы хорошо знали, что тамъ днемъ и ночью льютъ пули и приготовляютъ все, чтó нужно для орудій».

Поэтому и положено было повѣрить защиту столицы польскимъ войскамъ, вмѣстѣ съ русскими. Генералъ Апрак-

синъ съ русской стороны, и генералъ Циховскій съ польской, завѣдывали размѣщеніемъ войскъ въ столицѣ. Циховскій постарался взять на долю поляковъ важнѣйшіе посты. Арсеналъ отданъ былъ подъ стражу батальону полка коронной гвардіи и четыремъ артиллерійскимъ ротамъ. Къ пороховымъ магазинамъ поставили другой батальонъ коронной гвардіи, полкъ королевскихъ улановъ и двѣ роты канонировъ. Въ зàмкѣ поставили королевскую стражу, отрядъ полка коронной гвардіи, четыре эскадрона конной гвардіи и отрядъ канонировъ съ восемью орудіями, да кромѣ того двѣ пушки у гауптвахты. Оставался полкъ Дзялынскаго, простиравшійся, за редукціею, до 600 человѣкъ. Циховскій хотѣлъ-было и его помѣстить у арсенала, но Ожаровскій не согласился: этотъ полкъ уже прежде заклейменъ былъ подозрѣніемъ въ революціонныхъ наклонностяхъ; тарговицкая конфедерація не терпѣла его, помнила, какъ онъ стоялъ вооруженный въ день 3-го мая, и первый присягнулъ новой конституціи. Ожаровскій приказалъ оставить его въ казармахъ, опасаясь, чтобы въ случаѣ возстанія онъ не присталъ къ повстанцамъ. Кромѣ того, часть коронной гвардіи и часть канонировъ оставлены въ своихъ казармахъ. Вообще польскаго войска въ городѣ было не болѣе четырехъ тысячъ.

Русскіе распредѣлились такъ:

Отъ зàмка, находящагося на берегу Вислы, сначала параллельно Вислѣ, потомъ, уклоняясь отъ нея вправо, идетъ большая улица, носящая названіе Краковскаго Предмѣстья до пересѣкающей ее улицы, которой одна половина называется Ординадскою, а другая Варецкою. За этимъ пересѣченіемъ Краковское Предмѣстье называется уже Новымъ Свѣтомъ. Между зàмкомъ и пересѣкающею улицею вправо отъ Краковскаго Предмѣстья есть обширная площадь, называемая Саксонскою, а далѣе въ глубинѣ ея находится Саксонскій садъ. Эту площадь съ садомъ можно

считать пунктомъ раздѣленія города. Прямо за садомъ по направленію къ Вольскимъ рогаткамъ находились казармы конной гвардіи. Сѣверная половина Варшавы была самая населенная часть города. Близъ замка находился тѣсно построенный старый городъ, а за нимъ къ западу, почти параллельно одна другой, шли улицы Сенаторская и Долгая (Dluga); послѣдняя доходила до площади, называемою Тлумацкою; близъ нея былъ арсеналъ; отъ него правѣе, на пути къ Повонзковской рогаткѣ, были казармы артиллеріи, а на противоположномъ концѣ Долгой улицы упиралась въ нее Закрочимская, и вела по Новому городу къ казармамъ коронной гвардіи до Маримонтскихъ рогатокъ. Между Сенаторскою улицею и Долгою шла, соединяя ихъ поперекъ, Медовая улица съ монастыремъ капуциновъ, и на этой улицѣ жилъ Игельстромъ. Въ этой части города были сосредоточены русскія войска. Кіевскій полкъ занималъ своими ротами площади Маривильскую, Тлумацкую, улицы Медовую, Долгую, Сенаторскую, Бонифратскую, и часть берега Вислы противъ Праги. Тѣсно населенная часть города, называемая Старымъ городомъ, оставалась незанятою. Предполагалось въ случаѣ мятежа зажечь ее. На другой половинѣ отъ Саксонскаго сада расположенъ былъ сибирскій полкъ; первый батальонъ его занималъ, подъ начальствомъ полковника Гагарина, Краковское Предмѣстье, сосредоточиваясь у костела св. Креста и начала Свято-крестовой (Swiętokrzyżska) улицы; второй стоялъ за Саксонскимъ садомъ, на Грибовѣ, и на улицѣ Твердой; третій у рогатокъ Вольской и Іерусалимской. Эти два батальона, съ прикомандированными къ нимъ двумя эскадронами харьковскаго полка, составляли бригаду подъ начальствомъ генералъ-маіора Сухтелена. Конница преимущественно располагалась на Новомъ Свѣтѣ. Побаивались болѣе всего полка Дзялынскаго, котораго казармы находились направо отъ Новаго Свѣта, и на случай измѣны,

при появленіи повстанцевъ, онъ могъ первый начать непріязненныя дѣйствія противъ русскихъ; поэтому сдѣлали распоряженіе о сообщеніи между собою войскъ и назначили подполковнику Клюгену съ батальономъ екатеринославскихъ егерей и подполковнику Игельстрому съ двумя эскадронами стоять на двухъ мѣстахъ, по которымъ полкъ Дзялынскаго долженъ былъ проходить изъ своихъ казармъ, чтобы преградить ему путь въ случаѣ нужды.

Костюшко, усилившись взятыми у русскихъ орудіями и новымъ наборомъ рекрутовъ, угрожалъ Варшавѣ. Ему представлялось два пути: онъ могъ напасть на прусскія войска, или идти на столицу. По замѣчанію Пистора, близко знакомаго съ дѣломъ, еслибы Костюшко выбралъ первое, то для него было бы лучше. Командовавшій прусскими войсками графъ Шверинъ распоряжался очень неблагоразумно: онъ распустилъ своихъ военныхъ въ отпускъ, не заботился ни о продовольствіи, ни о снарядахъ ни о палаткахъ, не устроилъ полевой пекарни; онъ считалъ польское возстаніе ничтожнымъ дѣломъ. Костюшко конечно разбилъ бы его на голову и черезъ то придалъ бы возстанію нравственную силу, поднялъ бы на ноги всю западную Польшу. Костюшко предпочелъ прежде овладѣть Варшавою. Услышавъ о его намѣреніи, Игельстромъ собралъ военный совѣтъ. Было два мнѣнія: одни говорили, что слѣдуетъ покинуть Варшаву, идти въ Сендомирское воеводство и уничтожить Костюшку; другіе представляли, что оставить Варшаву, центръ патріотическаго движенія, значитъ усилить возстаніе, оставить позади себя врага и сознаться передъ поляками, что ихъ боятся; рѣшили отправить противъ Костюшки отрядъ генерала Хрущова, состоявшій изъ трехъ батальоновъ, десяти эскадроновъ, казацкаго полка, съ четырьмя пушками. Онъ долженъ былъ охранять переправу на рѣкѣ Пилицѣ, а изъ Варшавы тѣми силами предполагалось заходить уже тогда, когда Костюшко будетъ недалеко.

Игельстромъ, поддаваясь полякамъ, увѣрявшимъ его, что громада жителей столицы не пристанетъ къ Костюшкѣ, чувствовалъ, однако, слабость своихъ силъ, еслибы случилось иначе, а ему доносили, что уже въ Холмѣ, Люблинѣ, Владимірѣ, Луцкѣ завелись клубы и готовится открытое возстаніе, что и Литва готова идти за Короною, что повсюду успѣхи Костюшки возбуждаютъ поляковъ къ возстанію. Въ Коронѣ русскихъ войскъ всего было 18,000, кромѣ стоявшихъ въ Варшавѣ. Въ письмахъ своихъ въ Петербургъ, Игельстромъ умолялъ о присылкѣ свѣжихъ силъ, замѣчалъ, что на прусскія войска надежда плоха. «Богъ знаетъ, гдѣ дѣлась эта сила, которая прежде такъ заявляла себя. Они только хитрятъ и всего боятся. Батальоны у нихъ состоятъ человѣкъ изъ 200, а эскадроны изъ 250. Меня страшатъ тайные враги и шпіоны. Не знаю, что̀ буду дѣлать безъ помощи союзниковъ и безъ свѣжихъ войскъ моей государыни, тѣмъ болѣе, что нужно отдалить отъ нашихъ границъ опасное возстаніе мужиковъ».

III.

Янъ Килинскій.—Приготовленія къ варшавской революціи.

Тотчасъ по составленіи краковскаго повстанья, Костюшко отправилъ къ варшавскому магистрату актъ краковскаго воеводства и просилъ пристать къ дѣлу возстанія; это воззваніе прочитано было въ магистратѣ радными. Всѣ только смотрѣли другъ на друга, всѣ другъ друга боялись, чтобы одинъ другого не выдалъ. Осмѣлился высказаться одинъ изъ радныхъ, Янъ Килинскій, башмачникъ: «не постараться ли намъ, въ самомъ дѣлѣ, оказать Костюшкѣ помощь въ его предпріятіи?» Но президентъ съ другими товарищами были противъ этого; Килинскій самъ спохватился, и убоявшись, чтобы объ немъ не до-

несли русскому военачальнику и чтобы не пришлось за патріотизмъ посидѣть въ тюрьмѣ, извинялся въ сказанномъ. Но самъ Килинскій тайно работалъ въ пользу возстанія.

Игельстромъ употребилъ полицейскія мѣры, чтобы до варшавянъ не доходили слухи о пораженіи русскихъ, но, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, эти мѣры приводили только къ тому, что вѣсти о событіи, столь отрадномъ для польскаго сердца, принимали баснословные, преувеличенные размѣры. Уже у многихъ варшавянъ возстаніе было на умѣ и на словахъ, недоставало еще опредѣленной мысли, твердой рѣшимости, обдуманныхъ средствъ; нуженъ былъ руководитель, который бы могъ собрать около себя патріотическія побужденія и направить къ дѣлу. Килинскій задумалъ быть этимъ руководителемъ. А между тѣмъ дѣлалось все, чтобы раздражить и взволновать умы. Такимъ образомъ, давали на театрѣ пьесу Богуславскаго: «Кракусы», смѣшеніе драмы, оперы и балета въ народномъ духѣ. Мошинскій, тогдашній маршалъ, не нашелъ ее предосудительною, ибо въ ней не было ничего политическаго, а только свое, народное, и позволилъ играть. Она казалась до того невинною, что даже русскіе военные музыканты наигрывали изъ нея мотивы. Но кому нужно было, тѣ понимали, что одно названіе «кракусы» указывало на Костюшку и на зачинавшееся въ Краковѣ возстаніе. «Мы были на представленіи, говоритъ бывшій въ Варшавѣ нѣмецъ, и сами почувствовали глубокое, поразительное впечатлѣніе. Пѣвецъ на сценѣ вставлялъ прибавки и дѣлалъ перемѣны въ пьесѣ, примѣнимыя къ текущимъ событіямъ». Игельстромъ приказалъ запретить піэсу, но уже тогда, когда она, между прочимъ, сдѣлала свое дѣло. Килинскій, одинъ изъ виновниковъ возстанія, составилъ объ этомъ дѣлѣ подробный разсказъ, къ сожалѣнію онъ весь проникнутъ такимъ

безмѣрнымъ хвастовствомъ и явными выдумками, что пользоваться имъ можно только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ онъ, по крайней мѣрѣ, не носитъ явныхъ слѣдовъ очевиднаго вымысла. По этому разсказу, Килинскій вмѣстѣ съ ксендзомъ Мейеромъ отправился въ кофейную поіезуитскаго коллегіума, и тамъ нашелъ толпу офицеровъ, которые объявили о себѣ, что они патріоты и сторонники возстанія; они хотѣли узнать мнѣніе Килинскаго.

«У меня одна душа,—сказалъ Килинскій, —и ту отдамъ на защиту отечества».

«А скажите откровенно, какъ вы думаете о революціи?» спросили его.

«Я—сказалъ Килинскій—спрошу у васъ, много ли особъ въ заговорѣ?»

Они сказали, что не знаютъ этого.

«А есть у васъ изъ поспольства такой, чтобы могъ стать на челѣ народа?»

«Будемъ просить пана Закржевскаго, — сказали офицеры,—онъ популяренъ въ городѣ».

«А мое мнѣніе такое,—сказалъ Килинскій:—есть у меня дядя въ Прагѣ, панъ Кіянскій, онъ коммиссаромъ при мостѣ. Я сдѣлаю то, что онъ прикажетъ свезти всѣ перевозы на середину Вислы, чтобы москали изъ Праги не могли подать помощи тѣмъ изъ своихъ, которые находятся въ Варшавѣ, и обратно, чтобы изъ столицы никто изъ москалей не могъ уйти на другой берегъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно поспольству стеречь всѣ рогатки, чтобъ москаль не убѣжалъ, а я самъ буду стараться, сколько моихъ силъ, поднять горожанъ. Вы же назначьте день и начинайте революцію. Нужно только, чтобы обыватели были заранѣе увѣдомлены объ этомъ дѣлѣ, чтобы каждый былъ готовъ».

За эти слова всѣ расцѣловали Килинскаго, а онъ ихъ просилъ къ себѣ, сказавши имъ, что живетъ на улицѣ Дунай, подъ № 145.

На другой день, въ 9 часовъ утра, явился къ Килинскому офицеръ и просилъ идти съ нимъ къ Игельстрому. «Ну, теперь придется посидѣть какой-нибудь мѣсяцъ въ тюрьмѣ», подумалъ Килинскій, и сталъ собираться, но офицеръ замѣтилъ ему, чтобы онъ поторопился, иначе онъ его поведетъ публично по улицѣ. Тогда Килинскій понялъ, что его зовутъ не за добромъ, схватилъ ножъ и воткнулъ его себѣ за голенище. «Если бы—говорилъ онъ—Игельстромъ велѣлъ меня посадить, я бы и его и себя убилъ». Однако онъ сознается очень наивно, что когда они подходили къ помѣщенію Игельстрома, то икры у него дрожали отъ страха. Его ввели къ Игельстрому. Русскій генералъ спросилъ: «Ты Килинскій?» и получилъ утвердительный отвѣтъ. «Ты башмачникъ?» спросилъ русскій генералъ.—«Да», отвѣчалъ башмачникъ. Игельстромъ по своему обыкновенію выпустилъ на него словарь ругательствъ—бестія, бунтовщикъ, измѣнникъ, шельма, мерзавецъ, каналья, и прочее и прочее, съ разными приправами. Килинскій спрашивалъ: «чѣмъ я виноватъ, какой я бунтовщикъ?» а Игéльстромъ прервалъ его словомъ «молчать!» снова угостилъ его разными ругательствами и заключилъ такими словами: «я велю тебя, каналья, повѣсить передъ капуцинами на новой висѣлицѣ».

Наругавшись вдоволь, Игельстромъ сталъ охладѣвать и болѣе спокойно сказалъ: «Ну чтó, дуракъ, думаешь?»—«Позвольте мнѣ объясниться», просилъ Килинскій. Игельстромъ сказалъ: «говори»!—«Позвольте спросить, за что вы на меня гнѣваетесь, до сихъ поръ я не вижу, въ чемъ мое преступленіе?» Игельстромъ пошелъ въ кабинетъ и принесъ оттуда бумагу. «Слушай», сказалъ онъ Килинскому, и началъ читать.

Это было донесеніе лазутчиковъ Игельстрома: описано было съ чрезвычайною точностію и правдивостью все, чтò говорилъ Килинскій офицерамъ въ поіезуитской ко-

фейнѣ. «Видишь, бестія, каналья, мерзавецъ? чтó ты дѣлалъ. Вотъ велю поставить висѣлицу и повѣсить тебя»!

«Ясно было,—говоритъ Килинскій,—кто-то меня предалъ, и еслибы я узналъ, кто это такой, то послѣ успѣха революціи наградилъ бы его первой висѣлицей».

Давши еще время Игельстрому побраниться, Килинскій сказалъ такъ: «Ясневельможный панъ добродѣй! Хоть я и кажусь передъ тобою виновнымъ, но кто же къ этому далъ поводъ, какъ не вы сами? А вотъ какимъ образомъ: третьяго дня былъ у васъ президентъ; вы поручили ему просить насъ всѣхъ, радныхъ, отъ вашего имени, чтобы мы ходили по кофейнямъ, распивочнымъ и бильярднымъ и слушали, чтó говорятъ шулеры и прочіе о бунтѣ, а объ немъ говорятъ уже громко, и люди затѣваютъ бунтъ — если кто изъ насъ о чемъ-нибудь узнаетъ, тотъ долженъ донести президенту, а президентъ тотчасъ доложитъ вамъ или прикажетъ самъ арестовать говорящихъ. Президентъ, воротившись отъ васъ къ намъ въ ратушу, отъ вашего имени просилъ всѣхъ радныхъ угодить желанію вашему, и я, узнавъ о такомъ желаніи вашемъ, старался отыскать говорящихъ о бунтѣ, и затѣмъ вчера вечеромъ отправился въ такое мѣсто, гдѣ собирались подобные люди, толковавшіе о бунтѣ, и какъ я къ нимъ вошелъ, они меня подговаривали. Я долженъ былъ прикинуться передъ ними и отвѣчать, что хочу съ ними принадлежать къ бунту, иначе я не узналъ бы отъ нихъ ничего. Я говорилъ точь-въ-точь тѣ самыя слова, за которыя обвиняюсь, но еслибы я имъ отвѣчалъ, что не хочу принадлежать къ нимъ, такъ они бы меня вытолкали, а можетъ быть гдѣ-нибудь въ уголку и убили изъ боязни, чтобы я не донесъ объ нихъ вамъ. Наблюдатель, который нарочно назначенъ для вывѣдыванія, долженъ необходимо прикинуться великимъ патріотомъ, если хочетъ что-нибудь узнать; такъ и я долженъ былъ поступить, и потому говорилъ всѣ эти слова для того,

чтобы узнать отъ нихъ, что они замышляютъ. Еслибы вашъ агентъ не донесъ объ нихъ, я уже самъ началъ-было писать объявленіе и хотѣлъ подать президенту списокъ именъ и прозваній этихъ людей, чтобы онъ сообщилъ вамъ для арестованія ихъ, потому что мы не смѣемъ арестовать офицеровъ, и я ихъ зазывалъ къ себѣ для того, чтобы тогда, какъ они придутъ, послать за городскимъ карауломъ и велѣть посадить ихъ въ ратушѣ, какъ бунтовщиковъ, и донести президенту; еслибы они ко мнѣ пришли, я бы непремѣнно такъ съ ними поступилъ, только вы уже знаете объ нихъ, такъ мнѣ уже нечего дѣлать вамъ донесенія. Теперь разсудите, ясневельможный панъ, кто изъ насъ виноватъ: еслибы вы не просили объ этомъ я бы конечно между ними не былъ. Если вы мнѣ не вѣрите, пошлите за президентомъ, пусть онъ самъ скажетъ, что онъ насъ всѣхъ, радныхъ, просилъ отъ вашего имени; а затѣмъ вы будете слышать и о другихъ, которые будутъ по всей Варшавѣ искать толкующихъ о бунтѣ, а ваши шпіоны, не зная этого, на насъ станутъ вамъ доносить».

Игельстромъ вынесъ изъ кабинета другое донесеніе; то былъ доносъ на другихъ членовъ магистрата (то были Тыкель, Лалевичъ и Балферсъ). «Что же? и ихъ также просилъ президентъ?» сказалъ онъ.—«Такъ точно, просилъ», отвѣчалъ Килинскій. Игельстромъ началъ успокоиваться, и Килинскій сказалъ: «Если вы, ясневельможный панъ добродѣй, не примете во вниманіе моего извиненія, то я буду съ своими товарищами искать судомъ на президентѣ; значитъ, онъ насъ подвелъ своими словами; значитъ, вы его не просили, а онъ, чтобы вамъ прислужиться, самъ выдумалъ и насъ просилъ, чтобы насъ подвести». — «Да, я точно просилъ президента,—сказалъ Игельстромъ,—чтобы онъ старался удерживать спокойствіе. Извините меня, г. Килинскій, что я погорячился и оскорбилъ васъ». Онъ велѣлъ принести ликеру и угощалъ Килинскаго.

«Если будете узнавать и вѣрно доносить о намѣреніяхъ бунтовщиковъ,—сказалъ онъ,—то получите награду. А много ли у васъ пріятелей, которыхъ вы обѣщались доставить бунтовщикамъ?» — «Еслибы—отвѣчалъ Килинскій—вы изволили огласить, что я подъ арестомъ, то увидѣли бы изъ окна, сколько у меня пріятелей. Позвольте только, я въ одинъ часъ поставлю вамъ тридцать тысячъ изъ ремесленниковъ, все тѣхъ, которые меня выбрали въ должность раднаго въ магистратѣ».

«О, какой вы опасный человѣкъ,—сказалъ засмѣявшись Игельстромъ.—Ступайте домой, а то они еще сюда за вами придутъ».

И Килинскій спокойно ушелъ домой.

«Я такъ былъ доволенъ,—замѣчаетъ Килинскій,—какъ будто бы въ другой разъ на свѣтъ родился. Богъ спасъ и его и меня отъ смерти; еслибы не такъ, то я и его и себя убилъ бы ножомъ».

Съ тѣхъ поръ Килинскій, находясь подъ покровительствомъ и благосклонностію главнаго русскаго начальника, могъ свободно и успѣшно работать для распространенія заговора.

Патріотизмъ однако на словахъ былъ сильнѣе, чѣмъ на дѣлѣ. Въ Варшавѣ было особенно много такихъ, какимъ былъ Лихоцкій въ Краковѣ, то-есть предпочитавшихъ всему на свѣтѣ собственную безопасность и выгоду; много было такихъ, которые способны были воспламеняться, кричать противъ насилія, восхвалять Костюшку, величать свободу и независимость, но когда все это, прекрасное и привлекательное въ отдаленіи, приближалось и становилось лицомъ къ лицу съ тяжелою необходимостью жертвовать жизнію и имуществомъ, то жаръ къ возстанію у нихъ охладѣвалъ. Надобно было, чтобы Варшаву возбудило что-нибудь явно опасное, черезчуръ страшное, что-нибудь такое, что требовало бы безотлагательныхъ мѣръ къ спасенію.

Игельстромъ успѣлъ въ послѣдніе дни раздражить поляковъ еще болѣе. По сношенію съ прусскимъ военачальникомъ Швериномъ, условились, что генералъ Хрущовъ вмѣстѣ съ пруссаками будетъ дѣйствовать наступательнымъ образомъ противъ Костюшки, а въ Варшаву на помощь русскимъ Шверинъ пришлетъ отрядъ прусскихъ войскъ. По этому соглашенію и явился подъ Варшаву прусскій генералъ Вольки съ небольшимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ батальона пѣхотнаго полка и шести эскадроновъ драгунъ съ двумя орудіями. Съ появленіемъ пруссаковъ, вообще, въ то время болѣе ненавистныхъ для поляковъ, чѣмъ русскіе, начался ропотъ. Думали, что пруссаки займутъ городъ, и магистратъ обратился къ Игельстрому съ просьбою, не допускать этого. Игельстромъ отвѣчалъ, что не пуститъ пруссаковъ въ городъ только съ такимъ условіемъ, если городъ будетъ спокоенъ. И дѣйствительно, городъ послѣ того сталъ какъ будто спокойнѣе, перестали появляться плакарды, но патріоты толковали, что появленіе пруссаковъ у воротъ Варшавы есть предвѣстіе чего-то рокового для Польши, волновали умы опасеніями, побуждали къ мысли о необходимости предупредить бѣду общимъ возстаніемъ. Килинскій вмѣстѣ съ соумышленникомъ своимъ, ксендзомъ Мейеромъ, старались ввести въ заговоръ, Килинскій—многихъ ремесленниковъ, а Мейеръ—обывателей и офицеровъ. Килинскій собралъ у себя сходку и объявилъ, будто у Игельстрома есть такое злодѣйское намѣреніе: въ вечеръ великой субботы, когда народъ уйдетъ на резурекцію, москали отнимутъ у поляковъ арсеналъ, запрутъ народъ въ костелахъ, поставивъ на караулахъ своихъ солдатъ, одѣтыхъ для обмана въ польскіе мундиры, и начнутъ избіеніе патріотовъ. «Мнѣ—говорилъ онъ — секретъ объ этомъ сообщилъ одинъ офицеръ-москаль изъ канцеляріи Игельстрома; онъ пришелъ ко мнѣ покупать башмаки своей любовницѣ, и сказалъ: забери жену и дѣтей и уходи изъ Варшавы не-

дѣли на двѣ. Я спрашивалъ, что̀ это значитъ, и онъ открылъ мнѣ, что въ великую субботу въ Варшавѣ будутъ васъ рѣзать. Москали хотятъ взять у васъ арсеналъ, обезоружить все ваше войско и перебить тѣхъ, которые будутъ защищать арсеналъ, а если имъ не удастся взять арсенала, то Игельстромъ далъ приказаніе зажечь Варшаву и все что можно, ограбить въ ней и вывезти изъ нея. Для доказательства онъ указалъ мнѣ на московскія орудія, поставленныя по близости костёловъ. Онъ открылъ мнѣ, что этотъ совѣтъ подали Игельстрому два измѣнника наши, гетманъ Ожаровскій и епископъ Коссаковскій. Коссаковскій съ этою цѣлью издалъ приказаніе, чтобы во всѣхъ костёлахъ резурекція началась непремѣнно въ одинъ часъ, именно въ восемь часовъ, а Ожаровскій приказалъ польскимъ командирамъ дѣйствовать противъ польскаго народа вмѣстѣ съ москалями, когда нужно будетъ. Кромѣ того, тотъ же офицеръ открылъ мнѣ по секрету, что въ Прагѣ у москалей приготовлено шесть сундуковъ острыхъ ножей; этими ножами москали будутъ рѣзать поляковъ, а чтобы не пропали при этомъ и такіе, которые продали себя Москвѣ, такъ Игельстромъ приказалъ надѣлать маленькихъ деревянныхъ табакерокъ съ печатью изъ сургуча и раздать ихъ всѣмъ тѣмъ, которые не подпадали подъ роковой приговоръ.»

Послѣ такого страшнаго донесенія, восемь офицеровъ отправились сейчасъ же повѣрить, точно ли поставлены московскія орудія вблизи костёловъ, и нашли, что дѣйствительно орудія поставлены такъ точно, какъ говорилъ Килинскій: это входило въ планъ распоряженій объ охраненіи города, сдѣланныхъ Циховскимъ. Вдобавокъ, Килинскій указалъ даже на сосѣда своего, портного, который будто бы получилъ заказъ нашить для москалей польскіе мундиры; не трудно было расположить портного подтвердить эту сказку. Килинскій прибѣгнулъ къ этимъ выдумкамъ для того, что иначе не видѣлъ возможности подвинуть на-

родъ къ возстанію: только явная, близкая опасность и необходимость защищать жизнь могли соединить поляковъ и направить къ желанному дѣлу. Ему помогали ксендзы, и они-то болѣе всего содѣйствовали тому, что взрывъ совершился скоро. Однимъ Мейеромъ не ограничивалась его дружба съ духовными. Другіе ксендзы говорили на исповѣдяхъ, что москали хотятъ перебить варшавянъ, возбуждали горожанъ именемъ короля и вѣры и заранѣе сулили отпущеніе грѣховъ.

Выдумки Килинскаго разошлись съ быстротою молніи по всей Варшавѣ и казались правдоподобными еще и оттого, что между русскими и поляками и безъ того происходили уличныя ссоры, при этомъ русскіе отпускали полякамъ ругательства и угрозы, которыя легко было согласить съ извѣстіями Килинскаго: такъ, напр., поляки хвастали передъ русскими тѣмъ, что Костюшко одержалъ побѣду надъ москалями, а русскіе говорили: «А вотъ забунтуйте только, такъ мы Варшаву сожжемъ. Смотрите, чтобъ съ васъ не было ветчины на пасху».

Насколько въ этой баснѣ было зачатковъ правды, опредѣлить трудно, но кажется, что Ожаровскій и Коссаковскій дѣйствительно пришли къ тому убѣжденію, что арсеналъ оставлять въ рукахъ поляковъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ опасно, и нужно, чтобы онъ быстро перешелъ въ руки русскихъ. Было очень сподручно воспользоваться для этой цѣли тѣмъ временемъ, когда народъ придетъ на резурекцію. Служившій тогда въ русской службѣ нѣмецъ Зейме говоритъ также, что Игельстромъ хотѣлъ захватить арсеналъ именно потому, что надѣялся выступить противъ Костюшки, о которомъ безпрестанно доносились вѣсти, что онъ приближается къ Варшавѣ, хотя Зейме и прибавляетъ, что онъ навѣрное не знаетъ. Обстоятельства вынуждали эту мѣру, какъ крайне необходимую, и потому нѣтъ ничего мудренаго, что Игельстромъ хотѣлъ это сдѣ-

лать. Рѣдкій преминулъ бы пойти въ храмъ на резурекцію. Въ то время русское войско могло овладѣть арсеналомъ, пороховыми складами и казармами. Что Игельстромъ былъ тогда въ большой тревогѣ, видно и потому, что въ апрѣлѣ онъ обратился къ Постоянному Совѣту и требовалъ отъ него арестованія двадцати шести подозрительныхъ лицъ. Постоянный Совѣтъ, въ 11 часовъ утра, отправилъ къ Игельстрому канцлера Сулковскаго съ представленіемъ. Игельстромъ отказалъ ему. «Едва возвратился Сулковскій въ засѣданіе Постояннаго Совѣта, какъ съ нимъ сдѣлался смертельный апоплексическій ударъ, и это избавило его отъ висѣлицы, которая иначе суждена была бы ему наравнѣ съ другими,» говоритъ современникъ Война.

Килинскій между тѣмъ обращался къ нѣкоторымъ военнымъ и получилъ отъ многихъ уклончивые отвѣты. Такимъ образомъ, обратился онъ къ ротмистру Пангowскому, записавшемуся въ число мѣщанъ, и тотъ отказался. Легко приставали къ заговору только низшіе офицеры. 15 апрѣля, на страстной недѣлѣ во вторникъ вечеромъ было большое засѣданіе заговорщиковъ въ казармахъ, куда были приглашены, кромѣ офицеровъ, цеховые мастера. Чтобы не подать на себя подозрѣнія, они шли на мѣсто сходки разными улицами. Сборище было въ квартирѣ поручика Кубицкаго. Тамъ положено, за неимѣніемъ начальниковъ изъ знатныхъ чиновъ, выбирать вождей полку изъ тѣхъ офицеровъ, которые были въ заговорѣ. Изъ офицеровъ артиллеристы дѣйствовали дружнѣе всѣхъ. Эта часть войска, вмѣстѣ съ полкомъ Дзялынскаго, давно уже рвалась къ революціи. Но дзялынцы не довѣряли своему полковнику Гауману.

Днемъ возстанія назначенъ четвергъ, въ три часа пополуночи. Распредѣлено, гдѣ кому стоять, куда идти и какъ начинать.

По полкамъ штабъ-офицеры были люди противные революціи, дорожившіе своимъ положеніемъ или привязан-

ные ко двору. Даже и тѣ немногіе въ артиллеріи, которые, будучи немолодыми, раздѣляли патріотическія побужденія, были черезчуръ осторожны; они желали революціи, но считали, что еще время къ ней не доспѣло. Молодежь не рѣшалась повѣрить такимъ своей тайны. Планъ былъ составленъ такой: отрядъ изъ мѣщанъ, подъ начальствомъ Килинскаго, постарается схватить Игельстрома въ его помѣщеніи, все же польское войско нападетъ на русскіе отряды въ разныхъ мѣстахъ. Если встрѣтится сопротивленіе въ Медовой улицѣ, то предполагали захватить порохъ, чтобы его не сожгли русскіе. Въ среду Килинскій молился въ церкви за успѣхъ своего дѣла, исповѣдывался и очистилъ совѣсть ксендзовскимъ разрѣшеніемъ, а потомъ цѣлый день ѣздилъ въ каретѣ отъ одного къ другому, посѣщалъ старшихъ цеховыхъ и далъ имъ инструкцію, гдѣ кому стоять съ своими ремесленниками. Килинскій назначилъ тремъ стамъ ремесленникамъ быть у уяздовскихъ казармъ готовыми на помощь полку Дзялынскаго, по сту человѣкъ у каждой заставы на караулѣ; толпу распущенныхъ изъ службы солдатъ до четырехсотъ человѣкъ послалъ къ казармамъ коронной гвардіи. Главную силу возстанія онъ думалъ направить на домъ русскаго посольства, чтобы внезапно схватить Игельстрома. Его безпокоило поведеніе полковника полка Дзялынскаго, Гаумана. Въ пять часовъ вечера ему далъ знать изъ этого полка маіоръ Зайдлицъ, что Гауманъ не расположенъ приставать къ возстанію. Килинскій, увѣренный въ томъ, что офицеры этого полка съ нимъ заодно, отправился туда, сговорился съ ними и пошелъ къ полковнику съ тремя обывателями, у дверей стали офицеры. «Полковникъ!—сказалъ онъ Гауману:—къ вамъ пришли обыватели отъ народа; не извольте отвергать ихъ просьбы; народъ полагаетъ на васъ надежду и проситъ васъ нашими устами: будьте на челѣ

вашего полка и всѣхъ насъ! Времени осталось мало до начала революціи; дайте намъ благосклонный отвѣтъ!»

Гауманъ былъ озадаченъ этою внезапностію, смѣшался, не зналъ что̀ отвѣчать. Килинскій продолжалъ: «теперь не время обдумывать; кто не за насъ, тотъ противъ насъ!»

«Вы всѣ пропадете,—сказалъ Гауманъ,—вы сейчасъ же будете арестованы!»

Тогда Килинскій, если вѣрить разсказу его самого, вынулъ изъ-за голенища большой ножъ и сказалъ:

«Панъ полковникъ! знайте, что вы пропадете сейчасъ, если намъ откажете; полковыя знамена взяты, и вы у насъ подъ арестомъ; либо произносите присягу на вѣрность, и мы поставимъ васъ въ ряду достойныхъ славы, либо вы окончите жизнь вашу позорно!»

Съ этими словами онъ положилъ передъ нимъ присяжный листъ и, растворивъ дверь, сказалъ стоявшимъ тамъ офицерамъ: «почтенные офицеры! Вашъ полковникъ за насъ, а не противъ насъ!»

Полковникъ преклонилъ колѣно, произнесъ присягу, поцѣловался съ Килинскимъ и его товарищами, приказалъ принести бутылку вина, роспилъ ее съ гостями и офицерами и разыгрывалъ изъ себя пламеннаго патріота. Килинскій, уходя, замѣтилъ офицерамъ, что полковнику не надобно слишкомъ довѣрять и слѣдуетъ смотрѣть за нимъ.

Въ арсеналѣ сидѣли офицеры подъ арестомъ за проявленіе патріотизма, а караульные офицеры, наблюдавшіе надъ ними, были въ заговорѣ. Килинскій, узнавъ объ этомъ отъ другихъ офицеровъ, поѣхалъ туда и просилъ зарядовъ. Солдаты, по приказанію офицеровъ, положили ему въ платокъ шесть тысячъ пистоновъ и Килинскій отвезъ ихъ въ каретѣ домой, потомъ поѣхалъ въ другой разъ и набралъ еще узелъ патроновъ. Возвращаясь уже ночью, Килинскій у костела св. Троицы встрѣтилъ отрядъ

королевскихъ улановъ, дѣлавшихъ ночной обходъ. Эти уланы три дня тому назадъ прибыли въ Варшаву. Обратившись къ начальнику улановъ Зелинскому, Килинскій объявилъ ему, что у него есть важное дѣло, и просилъ его зайти въ кофейню выпить съ нимъ вина. Такъ какъ обходъ уже кончался, то офицеръ отпустилъ своихъ солдатъ и отправился съ Килинскимъ къ купцу Брайниху въ кофейню. Наливая ему вина, Килинскій сталъ говорить: «Мосци добродѣй! я знаю, что вы охранитель нашей отчизны, вы польскій воинъ, скажите, прошу васъ, извѣстно ли вамъ, что завтрашній день москали хотятъ взять у насъ арсеналъ, обезоружить нашихъ солдатъ или же перебить ихъ и даже самую Варшаву сжечь вмѣстѣ съ нами? Я доложу вамъ, что мы, поспольство, рѣшились не допустить москалей овладѣть нашимъ арсеналомъ, будемъ всѣми силами защищать жолнѣровъ нашихъ. Извѣстно ли вамъ это или нѣтъ? Мы уже пришли въ соглашеніе со всѣмъ гарнизономъ, только васъ недостаетъ намъ, а такъ какъ вы присягнули королю, то мы боимся, чтобъ вы не пристали къ москалямъ и не били поляковъ. Завтрашній день москали положили напасть на насъ, такъ я, именемъ обывателей, прошу васъ помогать намъ отбивать непріятелей нашихъ, чтобы намъ не навлечь такого безчестія предъ всей Европой, когда мы отдадимъ нашъ арсеналъ, такое сокровище».

Сперва офицеръ обошелся съ Килинскимъ недовѣрчиво, но вскорѣ послѣдній, поговоривши съ нимъ, внушилъ къ себѣ довѣріе и самъ открылъ ему время, назначенное къ началу возстанія и объявилъ, что выстрѣлъ изъ тридцати орудій будетъ сигналомъ начинающейся революціи.

Варшава спала. Многіе изъ тѣхъ, которымъ пришлось дѣйствовать, не знали, что̀ произойдетъ утромъ въ страстной четвергъ. Посвященныхъ въ тайну заговора было незначительное число въ сравненіи съ тѣми, которые, не

будучи подготовлены къ дѣлу, должны были увлечься самымъ потокомъ дѣла. Килинскій, пріѣхавъ домой, нашелъ уже во дворѣ человѣкъ до двухсотъ ремесленниковъ-заговорщиковъ,—онъ роздалъ заряды, потомъ написалъ завѣщаніе, а передъ свѣтомъ отправился къ ратушѣ и выдалъ заряды вахмистру Климанкевичу для раздачи городской стражѣ. «Вотъ тебѣ пилюльки,—сказалъ онъ,—позови ко мнѣ трубача». Потомъ онъ сказалъ одному изъ служителей: «какъ услышите хоть одинъ выстрѣлъ—трубачъ пусть трубитъ тревогу, а если не захочетъ, такъ ты запусти въ него вотъ этотъ ножъ!» Онъ подалъ ему большой ножъ. «Прикажи, вахмистръ,—продолжалъ онъ,—запереть всѣ ворота ратуши и поставь солдатъ съ заряженными ружьями; какъ станутъ москали выходить на рынокъ — бить ихъ! Если все сдѣлаешь, какъ я тебѣ велѣлъ—будешь офицеромъ».

Оттуда Килинскій отправился на главную гауптвахту маршалковской стражи; караульные офицеры ушли; Килинскій призвалъ двухъ унтеръ-офицеровъ и сказалъ:

«Черезъ полчаса начнется революція. Если будете меня слушать — я васъ обоихъ произведу въ офицеры, только раздайте эти патроны вашимъ солдатамъ и будьте съ ними готовы къ бою, а какъ услышите сигналъ—сейчасъ бросайтесь и бейте москалей; не давайте имъ пройти на Подвале, чтобъ они не пробились во дворъ къ Игельстрому. Офицеровъ своихъ не будите. Вашъ маршалъ противъ насъ, но онъ намъ ничего не сдѣлаетъ, какъ начнется революція».

Они съ благодарностію приняли заряды и обѣщали дѣйствовать вмѣстѣ съ другими.

Воротившись домой, Килинскій послалъ своихъ слугъ на колокольни костеловъ доминиканскаго, св. Яна, бернардиновъ, павлиновъ, св. Креста, по два человѣка и приказалъ звонить въ набатъ, а самъ отправился вновь въ

ратушу приказать вахмистру, какъ только ударятъ въ набатъ, захватить русскую канцелярію, которая находилась на рынкѣ. Но тамъ онъ узналъ, что вахмистръ отправился къ президенту доносить на него.

Килинскій пришелъ въ ужасъ. Его планы были разрушены. Игельстромъ, предувѣдомленный во-время, приметъ свои мѣры. Килинскій собралъ своихъ приверженцевъ и разсказалъ имъ въ отчаяніи, что оказалось предательство. Это было передъ его домомъ на улицѣ. Въ это время какой-то русскій офицеръ подходилъ къ толпѣ, вѣроятно желая узнать, что за шумъ. Килинскій схватилъ у стоявшаго возлѣ него ксендза Мейера кортикъ и убилъ офицера. «Товарищи, закричалъ онъ, пора, послѣдуйте моему примѣру, бейте москалей». Всѣ бросились, и по всѣмъ костеламъ ударили въ набатъ, революція открылась.

IV.

Дни 17-го и 18-го апрѣля.—Изгнаніе русскихъ изъ Варшавы.–Возстаніе въ Вильнѣ.—Казнь Коссаковскаго.

Разбуженные набатомъ и криками, русскіе выскакивали изъ домовъ. Какой-то капитанъ, квартировавшій подлѣ Килинскаго, съ изумленіемъ выскочилъ изъ своей квартиры. Килинскій положилъ его на мѣстѣ. «Не будешь водить свои роты противъ насъ»! сказалъ онъ. За нимъ выскочилъ казакъ—Килинскій положилъ и его. «Не будешь колоть своею пикою мужчинъ и женщинъ нашихъ»! сказалъ онъ.

Въ это время выскочила изъ дома беременная жена Килинскаго, испугалась крови, проливаемой ея мужемъ, умоляла его пожалѣть семью, тащила въ домъ; Килинскій вошелъ съ нею въ свой домъ, заперъ ее съ дѣтьми на ключъ и пустился въ городъ бить русскихъ.

Въ то же время и польское войско вступило въ дѣло. Первый сигналъ показалъ командиръ какого-то патруля польскихъ королевскихъ улановъ; онъ застрѣлилъ русскаго офицера, бѣжавшаго во всю прыть, вѣрно всполошеннаго тревогою и хотѣвшаго дать знать высшему начальству. Вслѣдъ затѣмъ изъ казармъ конной гвардіи выскочилъ отрядъ человѣкъ въ пятьдесятъ, подъ командою Космовскаго, и напалъ на русскій пикетъ, стоявшій близъ Желѣзной брамы Саксонскаго сада, опрокинулъ пикетъ, подрубилъ у пушекъ колеса, заклепалъ пушки и воротился въ казармы. Полковникъ конной гвардіи ничего не зналъ о заговорѣ, преднамѣченномъ въ этотъ день, и когда ему сказали, что революція уже началась, онъ тотчасъ присталъ къ ней. Солдаты, не знавшіе ничего, услышали набатъ и крики и съ недоумѣніемъ спрашивали: что̀ это? Офицеры имъ объясняли: «это москаль хочетъ забрать у насъ порохъ и арсеналъ; не дадимъ, не дадимъ, у насъ есть руки, умремъ какъ слѣдуетъ честнымъ воинамъ, побьемъ непріятеля»! Человѣкъ триста гвардіи и два эскадрона бросились на арсеналъ. Русское начальство, предувѣдомленное о намѣреніи взять арсеналъ, заперло ворота. Но польскіе солдаты вошли въ боковые входы, вытащили маленькую пушку, разбили ворота, ворвались въ арсеналъ и овладѣли имъ. Изъ арсенала дали нѣсколько выстрѣловъ: это былъ сигналъ, что оружіе въ рукахъ заговорщиковъ, и толпа бросилась туда за ними. Разбирали оружіе, какое кому было нужно.

Между тѣмъ ремесленники и мѣщане, пущенные Килинскимъ, врывались въ квартиры, гдѣ помѣщены были русскіе, и били послѣднихъ; не было спуска ни офицерамъ, ни солдатамъ, ни прислугѣ. Впрочемъ, захваченныхъ во снѣ было немного; русскіе успѣли выскочить, стали собираться, и ихъ били на улицахъ выстрѣлами, направленными изъ домовъ.

По Варшавѣ возрасталъ ужасный шумъ; набатный звонъ гудѣлъ во всѣхъ костелахъ, выстрѣлы, свистъ пуль, неистовый крикъ убивающихъ: «до брони! бей москаля! кто въ Бога вѣруетъ, бей москаля!» вопли умиравшихъ, лай и вой испуганныхъ собакъ. Убивали не однихъ русскихъ. Довольно было указать въ толпѣ на кого угодно и закричать, что онъ московскаго духа, что онъ продавалъ себя москалямъ—толпа расправлялась съ нимъ, какъ и съ русскимъ.

Килинскій бросился на улицу Подвале, думая оттуда напасть на домъ русскаго посольства, выходившій главнымъ фасадомъ на Медовую, но Игельстромъ былъ уже предувѣдомленъ. Генералъ-квартирмейстеръ Писторъ, помѣщавшійся недалеко отъ Желѣзной брамы Саксонскаго сада, узналъ о первомъ нападеніи конной гвардіи на русскій пикетъ и прискакалъ къ Игельстрому, прежде чѣмъ заговорщики успѣли начать свое дѣло. Игельстромъ, узнавъ о возстаніи, далъ знать генераламъ Апраксину и Зубову, чтобы собрать около себя стоявшее близко войско. Уже самъ онъ былъ на лошади и русскіе заняли всю Медовую улицу, до двора Красинскихъ, когда мѣщане сдѣлали нападеніе съ улицы Подвале. Писторъ совѣтовалъ поскорѣе пригласить пруссаковъ войти въ городъ, но Игельстромъ отвѣчалъ ему: «пруссаки-то и причина этой тревоги, потому что ихъ патрули доходятъ до рогатокъ. Отъ этого и произошли волненія въ Варшавѣ». Игельстромъ не думалъ, чтобы произошло что-нибудь важное, и полагалъ, что все ограничится какими-нибудь криками и нѣсколькими выстрѣлами.

Уже былъ седьмой часъ. Русскіе успѣли занять улицы, прилегавшія къ Медовой, Сенаторскую и Долгую. Мѣщане не нападали. Мимо проходили польскія войска и приставали къ повстанью. Такъ, полкъ коронной гвардіи оставилъ своего полковника, который не приставалъ къ воз-

станію, прошелъ черезъ Новый городъ и отправился къ пороховымъ складамъ. Изъ Праги прибыли понтоньеры, эскадроны народовой кавалеріи и скарбовой милиціи и небольшими отрядами прошли къ арсеналу и къ пороховымъ складамъ. Игельстромъ не велѣлъ задѣвать ихъ. «Русскіе—говорилъ Килинскій—словно оглупѣли, не зная, что́ имъ дѣлать, бить насъ или нѣтъ». Самъ Килинскій, стѣсненный русскимъ войскомъ, въ небольшой улицѣ близъ Долгой, сталъ съ толпою мѣщанъ, и взлѣзъ на заборъ. «Одинъ офицеръ—говорилъ онъ — велѣлъ насъ колоть, а другой не приказывалъ, видя, что мы стоимъ спокойно». Килинскій, какъ онъ говорилъ, убилъ изъ ружья одного казака съ забора и вмѣстѣ съ своими мѣщанами безопасно прорвался черезъ Долгую улицу.

Только тѣ части русскаго войска, которыя были недалеко отъ квартиры главноначальствующаго, успѣли собраться подъ ружье. Тѣ, которыя стояли далеко, не могли получить приказанія Игельстрома, посылавшаго адъютанта за адъютантомъ съ приказаніями, а повстанцы били этихъ адъютантовъ на дорогѣ. Отъ этого въ отдаленныхъ отъ главной квартиры городскихъ частяхъ русскіе солдаты, не зная въ чемъ дѣло, и видя приближающіяся польскія войска, по привычкѣ отдавали имъ честь.

Съ семи часовъ начались одни за другими нападенія горожанъ на квартиру главнаго начальника. Сначала толпа народа покушалась напасть на Медовую улицу съ Сенаторской,—ее разогнали; потомъ другая толпа попыталась напасть на ту же улицу съ другой стороны, съ Долгой,— и ту разогнали. Нападающіе выходили преимущественно съ Стараго Мѣста: тамъ около ратуши были главные предводители возстанія ремесленниковъ и чернорабочихъ: мясникъ Сѣраковскій, башмачникъ Килинскій. По ихъ настроенію, рабочіе бросились въ оружейныя лавки и хватали оружіе, какое кому попадалось подъ руку.

Поляки вредили русскимъ тѣмъ, что забрались въ домы и дворы и стрѣляли по нимъ; но скоро русскіе должны были оставить Сенаторскую улицу. Послѣ этого явился къ Игельстрому генералъ Бышевскій, и отъ имени короля просилъ оставить городъ съ войскомъ.

Въ пять часовъ король былъ разбуженъ набатнымъ звономъ и суматохою. Анквичъ, Мошинскій, Ожаровскій пріѣхали къ нему одинъ за другимъ. Король послалъ приказаніе коронной и конной гвардіи явиться во дворецъ, но ихъ уже не было, они пристали къ возстанію; король вышелъ на дворъ и увидалъ, что отдѣлъ гвардіи, который тогда стоялъ на очередномъ караулѣ, хочетъ уходить. Король бросился за нимъ, заклиналъ, умолялъ не оставлять его и не приставать къ повстанью. «Ваше величество, сказалъ ему начальникъ отряда капитанъ Стршалковскій, вамъ нечего бояться, отечеству же грозитъ великая бѣда. Сперва я исполню свой первѣйшій долгъ, а потомъ уже возвращусь къ вамъ». На глазахъ короля они ушли биться съ русскими. Король послалъ тогда своего офицера къ Игельстрому просить, чтобы онъ вышелъ изъ города съ войсками. Неизвѣстно, что̀ ему отвѣчалъ Игельстромъ, но потомъ, когда король узналъ, что повстанье разгорается, онъ послалъ къ нему въ другой разъ генерала Бышевскаго, который былъ однимъ изъ первыхъ зачинщиковъ заговора, вмѣстѣ съ Костюшкою, но не участвовалъ въ распоряженіяхъ настоящаго повстанья, какъ и многіе другіе генералы и штабъ-офицеры.

Игельстромъ отправилъ съ Бышевскимъ обратно къ королю для личныхъ объясненій своего племянника, маіора Игельстрома. Къ Бышевскому присоединился генералъ Мокроновскій; оба ѣхали вмѣстѣ съ русскимъ маіоромъ. Когда они подъѣзжали къ за̀мку, толпа кинулась на маіора Игельстрома и растерзала его въ глазахъ польскихъ генераловъ. Бышевскій пытался-было оборонить его, но его ранили въ

голову, несмотря на его патріотизмъ. Король вышелъ на балконъ къ народу и просилъ дать Игельстрому уйти изъ Варшавы. Поляки кричали: пусть онъ положитъ оружіе! Тогда послали къ генералу Игельстрому польскаго офицера и опять приглашали русскаго военачальника отъ имени короля оставить городъ, но прибавляли, что не иначе, какъ безъ оружія. Само собою разумѣется, что Игельстромъ не могъ согласиться на это, не бывши еще въ безнадежномъ положеніи.

Вслѣдъ затѣмъ были, одно за другимъ, два покушенія завладѣть Медовой улицей, одно чрезъ сосѣдственный домъ банкира Теппера, другое съ Свято-Юрьевской улицы, чрезъ дворъ и садъ костела и Долгую улицу. Оба не удались. Такъ продолжалось до полудня.

Между тѣмъ, на другой половинѣ города, отъ Саксонскаго сада, сибирскій и харьковскій полки тягались съ полкомъ Дзялынскаго съ самаго разсвѣта. Какъ только ударили въ набатъ, генералъ Циховскій первый сталъ на сторону повстанья, скакалъ по городу съ обнаженною саблею, кричалъ: do broni, do broni! Онъ послалъ приказаніе полку Дзялынскаго идти въ дѣло. Полковникъ Гауманъ въ пять часовъ вывелъ цѣлый полкъ (до 600 ч.). На пути поставлены были два русскихъ отряда, которые должны были не пропускать его: на Братской улицѣ, при ея соединеніи съ Госпитальною, стояла третья рота 1-го батальона сибирскаго полка, на Новомъ Свѣтѣ подполковникъ Игельстромъ, съ двумя эскадронами харьковскаго полка, а на мѣстѣ, называемомъ Три Креста, батальонъ екатеринославскихъ егерей съ семью пушками, обращенными къ сторонѣ казармъ Дзялынскаго. У Святокрестовой рогатки былъ поставленъ 1 батальонъ сибирскаго полка съ генераломъ Милашевичемъ и подполковникомъ Гомзинымъ.

Полкъ Дзялынскаго выступилъ и преспокойно прошелъ мимо екатеринославскихъ егерей. Командиръ ихъ Клюгенъ

пропустилъ его потому, что не имѣлъ приказаній, а приказанія не доходили оттого, что тѣхъ, кого посылали съ приказаніями, убивали на дорогѣ. Полкъ Дзялынскаго дошелъ до костела св. Креста и доминиканскаго монастыря, гдѣ расположился съ своимъ отрядомъ Милашевичъ. При переходѣ изъ Новаго Свѣта на Краковское Предмѣстье, стояли русскія пушки. Милашевичъ послалъ сказать Гауману, что полку далѣе нѣтъ ходу, и если онъ не остановится, то съ нимъ станутъ поступать какъ съ непріятелемъ.

Отъ Гаумана явился къ Милашевичу офицеръ и сказалъ:

«Мы далеки отъ непріятельскихъ замысловъ, мы, напротивъ, идемъ по приказанію короля къ зáмку, для того, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ съ вами противъ мятежниковъ».

Милашевичъ понялъ, что это обманъ и отвѣчалъ: «я не пропущу васъ безъ разрѣшенія главнокомандующаго».

Онъ немедленно отправилъ маіора Милашевича къ Игельстрому съ донесеніемъ о просьбѣ поляковъ и просилъ приказанія, что̀ дѣлать ему съ полкомъ Дзялынскаго.

Маіоръ Милашевичъ не воротился. Толпа посполъства окружила его на возвратномъ пути. «Это московскій шпіонъ!» кричала она. Одинъ дубиною повалилъ его съ коня, другіе изрубили его саблями. Въ карманѣ у него нашли приказаніе Игельстрома не пропускать полка Дзялынскаго.

Это случилось на Козьей улицѣ, недалеко отъ почты Гауманъ еще послалъ къ русскому генералу просить пропуска. Генералъ Милашевичъ снова отвѣчалъ ему, что не пуститъ, не получивъ разрѣшенія главнокомандующаго. Онъ рѣшился послать еще разъ къ Игельстрому, и спросить, что̀ ему дѣлать; вмѣстѣ съ русскимъ офицеромъ отправился польскій.

Между тѣмъ, Милашевичъ черезъ адъютанта пригласилъ къ себѣ съ Сенаторской улицы роту князя Гагарина, и поставилъ передъ кадетскимъ корпусомъ. Другого адъютанта Милашевичъ послалъ къ Клюгену съ приказаніемъ приблизиться къ полку Дзялынскаго въ тылъ и аттаковать его, какъ только поляки начнутъ непріятельскія дѣйствія. Этотъ адъютантъ не доѣхалъ до Клюгена. Польскій офицеръ, сопровождавшій другого адъютанта, посланнаго къ Игельстрому, на возвратномъ пути покинулъ русскаго, видно, нарочно, чтобы тотъ безъ его обороны достался въ жертву народной злобѣ. Но русскій адъютантъ отдѣлался только ранами и привезъ приказаніе отъ Игельстрома Милашевичу никакъ не пропускать полкъ Дзялынскаго.

Вслѣдъ затѣмъ съ противоположной стороны прислали къ Милашевичу Мокроновскаго.

«Именемъ его величества короля я присланъ—говорилъ Мокроновскій—просить, чтобы полкъ Дзялынскаго былъ пропущенъ. Онъ дѣйствительно идетъ къ зáмку для укрощенія мятежа».

Милашевичъ показалъ ему приказаніе Игельстрома и сказалъ: «перемѣна этого приказанія зависитъ отъ одного главнокомандующаго».

«Такъ я поѣду самъ въ полкъ», сказалъ Мокроновскій.

Ему сказали, что его не пропустятъ. Мокроновскій попытался не послушаться, пришпорилъ лошадь и поскакалъ-было на Новый Свѣтъ, но гренадеры штыками преградили ему дорогу.

Мокроновскій разгнѣвался, поворотилъ коня и уѣхалъ назадъ къ зáмку.

Милашевичъ еще разъ послалъ къ Клюгену офицера другимъ уже путемъ, черезъ Александровскую улицу, но и этотъ офицеръ былъ задержанъ и взятъ въ плѣнъ.

Было восемь часовъ. По всему городу раздавался неумолкаемый набатный звонъ и сильные выстрѣлы въ той сто-

ронѣ, гдѣ была Медовая улица и арсеналъ. Гауманъ еще разъ послалъ къ Милашевичу просьбу пропустить его, съ маіоромъ Грефеномъ.

Милашевичъ арестовалъ маіора Грефена въ отместку за своихъ арестованныхъ и убитыхъ посланцевъ. Тогда Гауманъ приказалъ палить по русскимъ картечью. Русскіе отвѣчали тѣмъ же. Открылась съ обѣихъ сторонъ канонада. Милашевичъ оставилъ свои орудія тамъ, гдѣ они были, т.-е. при соединеніи улицы Новаго Свѣта съ Краковскимъ Предмѣстьемъ, и расположилъ свое войско такъ, что оно стояло подъ защитою стѣнъ доминиканскаго монастыря. Толпа вооруженнаго посполъства пыталась заходить на русскихъ изъ сосѣднихъ улицъ, изъ Бернадской и Александровской; ее отбили. Клюгенъ и третья рота стояли въ тылу непріятеля и не двигались, потому что не получали приказовъ. А между тѣмъ у поляковъ прибывало силы: предводители охотниковъ, выбывшіе изъ службы офицеры Уминскій, Кроликевичъ и другіе раздѣлывались съ русскими на улицѣ Лешно; къ нимъ присталъ и Килинскій съ толпою мѣщанъ и чернорабочихъ. Солдаты третьяго батальона кіевскаго полка въ этотъ день причащались; они собрались гдѣ-то въ устроенной въ палацѣ церкви. Было ихъ человѣкъ пятьсотъ. По извѣстіямъ Пистора, всѣхъ, находившихся въ церкви, перерѣзали безоружныхъ. Другая часть батальона, составлявшая не болѣе двухъ ротъ, лишившись своего маіора, была принята подъ начальство генерала Тищова, и окруженная разъяренною толпою и конною гвардіею не могла долго биться. Поляки кричали солдатамъ: «кладите оружіе и отступите отъ него»; но офицеры говорили: «лучше умереть, чѣмъ сдаваться вамъ». Однако, выстрѣлявши всѣ заряды до послѣдняго, солдаты, тѣснимые превозмогающей силой, стали класть оружіе. Поляки забрали его, солдатъ отвели въ цейхгаузъ,

а офицеры, рѣшившіеся умереть съ оружіемъ, были избиты [1]).

По совершеніи дѣла на Лешнѣ, поляки, тамъ работавшіе, бросились на Милашевича отъ Саксонской площади. Въ то же время съ другой улицы также нападали на него мѣщане. Повстанцевъ было тутъ болѣе трехъ тысячъ, русскихъ же не болѣе восьми-сотъ человѣкъ. Оказалось, что русскіе много потеряли оттого, что, въ эту критическую минуту, Саксонская площадь осталась незанятою, и поляки могли, захвативъ ее, дѣйствовать съ одной стороны противъ главной русской квартиры, съ другой—противъ Милашевича. Окруженные со всѣхъ сторонъ врагами, русскіе отбивались отчаянно; на Краковскомъ Предмѣстьѣ имъ болѣе всего повредило то, что поляки успѣли занять окна близъ стоявшихъ домовъ, забрались на башни и крыши костеловъ и оттуда, сверху, стрѣляли и убивали русскихъ. Такъ, на вершину башни доминиканскаго монастыря взобрались съ солдатами поручикъ Липницкій и хорунжій Урбановскій и поражали оттуда русскихъ. Подпоручикъ Сыпненскій поражалъ ихъ изъ дома Браницкаго. Килинскій хвалитъ двухъ своихъ молодцовъ; одинъ билъ русскихъ съ вершины костела св. Креста, другой изъ школьнаго дома, находившагося при дворцѣ Тышкевичей. Кадеты палили изъ своего дома: чуть русскій хочетъ приложить фитиль къ пушкѣ, наблюдавшій его движенія стрѣлокъ убиваетъ его сверху; падавшій подъ польскою пулею гасилъ тѣломъ своимъ фитиль. Эти выстрѣлы сверху болѣе всего вредили русскимъ; «хорошо драться съ открытымъ непріятелемъ, говорили они,

---

[1]) Говорятъ, что за твердость поляки заперли ихъ въ погребъ, приковали одного къ другому и держали такимъ образомъ безъ пищи до перваго дня Пасхи. Они только тогда ихъ вывели, будто для того. чтобы перевести въ другое мѣсто; народъ бросился на нихъ и заколотилъ палками до смерти.

а не съ такимъ, который стрѣляетъ изъ щелей, а потомъ прячется.»

«Маневра эта была ужасна, пишетъ Писторъ, и она-то доставила полякамъ побѣду. Сами они были защищены, а мы обречены на смерть. Въ такомъ положеніи оставалось ретироваться, и русскіе рѣшились пробиваться на Саксонскую площадь, но только что стали подвигаться, какъ пуля попала въ генерала Милашевича. Его взяли въ плѣнъ и отнесли во дворецъ Малаховскаго. Полковникъ Гагаринъ принялъ команду; не прошло нѣсколько минутъ, какъ Гагаринъ былъ раненъ. Толпа бросилась на него; какой-то кузнецъ хватилъ его въ високъ желѣзною шиною и убилъ. Лишенные начальниковъ, израненные выстрѣлами сверху, русскіе солдаты пробивались сквозь толпы повстанцевъ рукопашнымъ боемъ и поворотили съ Краковскаго Предмѣстья въ Королевскую улицу, думая соединиться со вторымъ батальономъ сибирскаго полка, а этотъ батальонъ, стоявшій до сихъ поръ безъ дѣйствія на Грибовѣ, двигался на Краковское Предмѣстье по той же Королевской улицѣ, и на углу Мазовецкой улицы, въ дыму, не распознавши своихъ, ударилъ по нимъ; тогда поражаемые не только чужими, но и своими, оставшіяся безъ начальства роты поворотили въ Мазовецкую улицу.

Такимъ образомъ, отряды полковника Клюгена, Игельстрома, второй и третій батальоны сибирскаго полка, стоя на своихъ мѣстахъ, не подали въ пору помощи первому батальону сибирскаго полка. Ясно было, что еслибы они, пропустивъ полкъ Дзялынскаго, ударили на него въ тылъ, они не только спасли бы Милашевича и Гагарина съ ихъ отрядами, но вѣроятно могли бы уничтожить полкъ Дзялынскаго и значительно поправить русское дѣло. Тупое повиновеніе начальству и неимѣніе права дѣйствовать безъ его приказанія заставляло ихъ стоять на мѣстѣ въ то время, какъ били ихъ товарищей, хотя здравый разсудокъ

долженъ былъ указать имъ, что они находятся въ такомъ положеніи, когда приказанія не могутъ до нихъ доходить и что слѣдуетъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Замѣчательно, что эта именно часть города, обнимающая улицы Маршалковскую, Мазовецкую, Госпитальную, была спокойна и не принимала повидимому участія въ возстаніи, можетъ быть оттого, что отсюда трудно было пробѣжать до арсенала за оружіемъ, по причинѣ собраннаго и въ разныхъ мѣстахъ поставленнаго русскаго войска. Но еще въ началѣ возстанія произошло тамъ разстройство: бригадный генералъ фонъ-Сухтеленъ былъ взятъ въ плѣнъ около шести часовъ, выходя къ своей бригадѣ изъ квартиры главноначальствующаго. Подчиненные не знали о его плѣнѣ, и начальство, за неявкою его, принялъ генералъ Новицкій. Маіоръ Баго, командовавшій 2-мъ батальономъ сибирскаго полка, послалъ къ главноначальствующему спросить, что̀ дѣлать, но посланный офицеръ былъ схваченъ. Тогда хирургъ Лебедевъ добровольно вызвался идти и принести отъ Игельстрома приказаніе. Ему удалось пробра́ться и онъ принесъ приказаніе, чтобы всѣ войска шли къ главной квартирѣ. Новицкій требовалъ письменнаго приказанія. Хирургъ отправился въ другой разъ, былъ раненъ въ ногу и уже не могъ возвратиться. Такъ проходило время. Тогда маіоръ Баго рѣшился уже помимо приказанія генерала Новицкаго двинуться съ своимъ батальономъ на Королевскую улицу, а другой маіоръ, Каменевъ, отправился приглашать Клюгена и подполковника Игельстрома. Тутъ-то случилось приключеніе на Королевской улицѣ, какъ свои не узнали своихъ. Послѣ этого приключенія всѣ, стоявшіе на разныхъ мѣстахъ—Новицкій, Баго, Клюгенъ, подполковникъ Игельстромъ и остатки разбитаго перваго батальона, разными путями бѣжали къ Іерусалимской рогаткѣ и вышли изъ города. Такимъ образомъ, одна половина Варшавы налѣво отъ Саксонскаго

сада была совсѣмъ очищена отъ русскихъ (со стороны рогатокъ: Мокотовской, Шубеничной, Вольской, Іерусалимской).

По другому извѣстію хирургъ Лебедевъ успѣлъ доставить генералу Новицкому письменное предписаніе Игельстрома, и Новицкій отправилъ два батальона и четыре эскадрона (подъ начальствомъ Клюгена, Игельстрома, и Каменева, но посланные, встрѣтивши сопротивленіе, по вернули назадъ, и тогда уже Новицкій и прочіе командиры съ подначальными военными силами вышли изъ города.

Новицкій съ своимъ отрядомъ отошелъ къ Карчеву, куда прибылъ на другой день къ вечеру. По уходѣ его изъ города волненіе стало утихать. Нападеніе на главную квартиру ослабѣвало, только по временамъ проносилась пуля-другая изъ окна. Но оно возобновилось съ двухъ часовъ по-полудни. Толпа мѣщанъ и ремесленниковъ, подкрѣпляемая жолнѣрами, опять покушалась на главную квартиру съ Подвальной улицы. Свалка происходила на дворахъ. Между тѣмъ съ Сенаторской улицы продолжали палить изъ оконъ. Поляки нападали на склады, принадлежавшіе русскому войску, убивали караульныхъ, овладѣвали складами; такимъ образомъ захвачены были кассы, гауптвахта, коммиссаріатъ; поляки врывались всюду, гдѣ только подозрѣвали, что есть русскіе, хотя бы они не были военные, а посольскіе или просто частныя лица, искали и найденныхъ убивали.

Игельстромъ дожидался своихъ войскъ, удивлялся, почему ихъ нѣтъ, несмотря на его приказаніе, и сталъ догадываться, что они ушли изъ города. Русскіе взлѣзали на крыши домовъ, но ничего не видѣли. Нашли какую-то женщину, которой поручили отыскать русское войско и сообщить ему приказаніе поспѣшить. И женщина не могла пробиться. Игельстромъ, напрасно ожидая своихъ, рѣшился послать отрядъ кавалеристовъ за городъ къ генералу

Вольки и пригласить пруссаковъ. Вмѣсто пруссаковъ уже въ восьмомъ часу прибылъ маіоръ Титовъ съ четвертымъ батальономъ кіевскаго полка. По распоряженію о размѣщеніи войска ему приходилось стоять на Бонифратской улицѣ. На него напали жолнѣры коронной гвардіи, близко отъ него стоявшіе въ своихъ казармахъ и не допускали его идти къ главной квартирѣ; онъ отражалъ нападеніе, такъ что наконецъ его оставили. Но далѣе двигаться было трудно. Въ это время Вольки, слышавшій набатъ и выстрѣлы въ городѣ, послалъ къ Титову спросить, что̀ все это значитъ. Въ то же время, отправивши адъютанта, прусскій военачальникъ подвинулся къ городу и прислушивался къ выстрѣламъ. Маіоръ Титовъ не могъ самъ объяснить пруссакамъ, что̀ это значило и какъ шло дѣло въ городѣ, потому что самъ ничего обстоятельно не зналъ, только и могъ сказать, что русскихъ бьютъ, и просилъ пруссаковъ вступить въ городъ. Вольки, получивъ отъ него это свѣдѣніе послалъ къ нему приглашеніе соединиться съ нимъ. Титовъ полагалъ, что, соединившись съ пруссаками, онъ можетъ побудить ихъ идти вмѣстѣ съ нимъ въ городъ, и отправился къ нимъ. Прусское войско стояло близъ города между Повонзками и Маримонтомъ, въ числѣ двухъ батальоновъ и четырехъ эскадроновъ. Польскіе королевскіе уланы сновали около него къ пороховымъ складамъ и обратно. Генералъ Вольки отправилъ офицера къ королю, спросить, что значитъ эта бѣготня улановъ: дѣлаютъ ли это по приказанію короля или противъ него. Неизвѣстно, былъ-ли офицеръ у самого Станислава-Августа, или Мокроновскій, по сношеніи съ королемъ, далъ ему отвѣтъ отъ королевскаго имени, только отвѣтъ, который онъ привезъ своему генералу, былъ таковъ:

«Народъ и король—все едино есть. Нашъ непріятель—одни русскіе. Поляки уважаютъ своего короля, не станутъ нападать на пруссаковъ и надѣются, что прусскій гене-

ралъ не станетъ начинать непріятельскихъ дѣйствій и нападать на наши пороховые склады».

Титовъ въ нерѣшимости стоялъ съ пруссаками до тѣхъ поръ, пока подъ вечеръ опять не раздались выстрѣлы около главной квартиры. Тогда онъ сказалъ, что не можетъ болѣе терпѣть, и во что бы то ни стало, хочетъ пробиться на помощь своему главному командиру. Вольки отвѣчалъ, что если Титовъ встрѣтитъ препятствія въ своемъ маршѣ, то пруссаки поспѣшатъ къ нему на помощь. Такимъ образомъ Титовъ съ своимъ батальономъ отправился по Закрочимской или по Святоюрьевской улицѣ чрезъ площадь Красинскихъ. Онъ долженъ былъ выдержать сильный напоръ отъ повстанцевъ, потерялъ довольно много людей и, самъ раненый, прибылъ къ Игельстрому.

Къ нему обратились съ разспросами, гдѣ русское войско, но онъ не могъ ничего сказать.

Стемнѣло. Нападеніе прекратилось, но выстрѣлы изъ домовъ все-таки время отъ времени раздавались. По улицамъ, среди валявшихся труповъ, слышны были вопли и стоны недобитыхъ русскихъ. Никто не подбиралъ ихъ; повстанцы тѣшились ихъ мученіями. Люди, несочувствовавшіе революціи, сидѣли тихо по домамъ, потому что боялись навлечь на себя мщеніе посполъства. Многіе изъ тѣхъ, которые отличались прежде расположеніемъ къ Россіи, или которые только подозрѣвались въ этомъ, были взяты въ своихъ помѣщеніяхъ и отведены въ за́мокъ.

О русскомъ войскѣ не было ни слуху, ни духу. «Вѣроятно войско оставило городъ,—говорили Игельстрому,—не лучше ли отправиться намъ самимъ ночью, часовъ послѣ десяти, отыскивать его и вмѣстѣ съ нимъ напасть на Варшаву?»—«Если войско оставило городъ,—сказалъ Игельстромъ,—то оно воротится снова ночью».—«Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Писторъ,—надо отправить отрядъ къ пруссакамъ и просить, чтобы они шли на Волю; вѣроятно наше

войско тамъ, пусть они усилятъ его и идутъ вмѣстѣ съ нимъ въ городъ».

Откомандировали полуэскадронъ къ пруссакамъ. Ждали до полуночи. Никто не приходилъ и не подавалъ вѣсти.

Опять стали говорить Игельстрому: «лучше бы оставить городъ, пока темно». Игельстромъ не согласился и не хотѣлъ думать, чтобы войска, которымъ онъ приказалъ черезъ хирурга собраться къ главной квартирѣ, вышли вонъ изъ города. Послѣ полуночи онъ призвалъ къ себѣ подполковника Фризеля и велѣлъ сжечь секретнѣйшія бумаги, чтобы онѣ не попались полякамъ, если на слѣдующее утро придется ему погибать.

Уже оставалось немного времени до разсвѣта. Выстрѣлы все не прекращались, отъ времени до времени раздавались колокола, дребезжали барабаны, слышны были яростные крики: «да здравствуетъ революція! да здравствуетъ Костюшко», слышались вопли умирающихъ и мучимыхъ. «Ночь была страшно прекрасна,—говоритъ очевидецъ Зёйме, — луна разливала ярко-лиловый свѣтъ на глупости бѣднаго человѣка».

Генералъ Писторъ упрашивалъ Игельстрома покинуть городъ. «Еще есть время, — все равно же намъ придется покидать его, такъ лучше теперь, а то какъ станетъ свѣтло,—насъ станутъ задерживать и мы потеряемъ много людей». — «Я остаюсь здѣсь,—говорилъ Игельстромъ,—и не оставлю своего дома».

Разсвѣло. Выстрѣлы стали чаще и опять посподьство начало подступать къ главной квартирѣ черезъ заднюю часть двора съ улицы Подвальной, а съ Сенаторской улицы и изъ оконъ разныхъ домовъ пули сыпались какъ дождь. Игельстромъ увидѣлъ, что дѣйствительно держаться трудно. У него было, съ батальономъ Титова, всего три батальона, и тѣ были сильно утомлены. Дисциплина падала. Солдаты третій день ничего не ѣли, человѣкъ сто изъ нихъ само-

вольно ушли съ разсвѣтомъ на грабежъ. Одна толпа прорвалась ночью на Лешно, врывалась въ дома и неистовствовала, отмщая полякамъ за то, что̀ они дѣлали съ русскими. Польскія войска, призванныя жителями, напали на нихъ и перебили. Писторъ говоритъ, что шестьдесятъ человѣкъ забрались въ погребъ, перепились мертвецки и были всѣ замучены. Другая кучка гренадеровъ выкатила на площадь бочку съ виномъ и такъ усердно принялась за него, что не замѣтила, какъ положили ее всю на мѣстѣ польскія пули. Иные опустили руки, и не слушались командира.

Игельстромъ оставилъ около 400 человѣкъ подъ начальствомъ полковника Парфентьева защищать главную квартиру, а самъ съ остальными двинулся къ площади Красинскихъ и къ Долгой улицѣ. Онъ приказалъ тащить за собою одну пушку отъ главной квартиры, но солдаты, которымъ это было приказано, не двигались съ мѣста. «Что̀ я буду дѣлать съ этими людьми?—говорилъ онъ.—Когда они при меньшей опасности не слушаются, пойдутъ ли они туда, гдѣ ихъ ожидаетъ большая?» — Солдаты были голодны и выбились изъ силъ, безпрестанно ожидая смерти изъ оконъ сосѣднихъ домовъ.

Когда Игельстромъ перешелъ на площадь Красинскихъ, съ окрестныхъ домовъ посыпались частые выстрѣлы. Русскіе падали. Игельстромъ послалъ бригадира Бауэра въ арсеналъ къ польскому командиру, вступить съ нимъ въ объясненіе, не ошибка ли все это или быть можетъ одно недоразумѣніе, которое легко можно уладить.

«Къ чему—говорилъ ему Писторъ—просить у поляковъ дружелюбныхъ объясненій? Вѣроятно они арестуютъ Бауэра».

Бауэръ уѣхалъ, и вопреки всякимъ существующимъ на свѣтѣ правиламъ, взятъ военноплѣннымъ; а генералъ Мокроновскій, бывшій, какъ оказалось, комендантомъ у

повстанцевъ, самъ требовалъ отъ бывшихъ на Долгой улицѣ ротъ, чтобы онѣ отдались.—«Уже, говорили имъ поляки,— Игельстромъ проситъ пардона и отдается намъ на всю нашу волю». Но русскіе отвѣчали имъ ружейнымъ огнемъ и прогнали ихъ. Черезъ четверть часа явился отъ Бауэра офицеръ и сообщилъ, что генералъ Мокроновскій велѣлъ сказать русскому главноначальствующему такъ: «единственное средство прекратить недоумѣніе — перестать стрѣлять по насъ и отдаться на произволъ поляковъ».

Это предложеніе не могло быть принято никакимъ русскимъ военачальникомъ. «Невозможно отдавать судьбу нашу измѣнникамъ, — говорили тогда, — они не сдержатъ слова, если бы и дали его.» Между тѣмъ нельзя было пробиться, когда всѣ улицы заняты повстанцами, а главное—русскія войска, какъ только двинутся, будутъ поражаемы сверху изъ оконъ и съ крышъ домовъ. Писторъ сдѣлалъ планъ пробиться черезъ заднія ворота двора Красинскихъ, потомъ выступить на улицу Святоюрьевскую, а затѣмъ поворотить вправо и слѣдовать по Закрочимской и Фаворамъ къ Маримонтской заставѣ. Игельстромъ долженъ былъ согласиться на этотъ планъ. Войско бросилось на садъ Красинскихъ; поляки встрѣтили его выстрѣлами изъ воротъ. Русскіе выставили съ своей стороны двѣ пушки противъ воротъ; чуть первая пушка высунулась въ ворота, поляки предупредили ея выстрѣлъ, выскочили изъ своихъ засадъ и перебили канонировъ; вслѣдъ затѣмъ русскіе дали выстрѣлъ изъ другой пушки, повалили польскихъ канонировъ и потомъ снова выстрѣлили изъ первой. Этотъ послѣдній выстрѣлъ былъ удаченъ, поляки потеряли нѣсколько человѣкъ и отбѣжали. Солдаты ринулись во дворъ и садъ, пробились сквозь садъ, и высыпали на Святоюрьевскую улицу. Но тутъ съ обѣихъ сторонъ улицы, изъ оконъ, поляки открыли на нихъ густую ружейную пальбу. Подъ градомъ пуль русскіе бѣжали впе-

редъ, потерявши строй, пробѣжали Святоюрьевскую улицу и уже подходили къ Закрочимской. Тутъ стояло человѣкъ шестьдесятъ поляковъ съ ружьями, направленными на нихъ, и съ пушкою. Русскіе ударили на нихъ въ-пору, предупредивъ непріятельскій залпъ, разогнали поляковъ и вышли на Закрочимскую улицу. Сзади продолжали въ русскихъ стрѣлять изъ оконъ домовъ Святоюрьевской улицы въ тылъ заднимъ рядамъ, а передніе были встрѣчаемы выстрѣлами изъ домовъ Закрочимской. Не вытерпѣвъ новой пальбы, русскіе бросились влѣво, въ Глухой переулокъ, выходящій изъ Закрочимской улицы. Отъ этого переулка вправо шла очень тѣсная улица Козла. Поляки, увидя, что русскіе двинулись въ Глухой переулокъ, кинулись черезъ дворы въ улицу Козла и заняли въ ней окна домовъ. Русскіе думали пройти чрезъ эту улицу, но улица была очень узка, въ нее нельзя было входить иначе, какъ только немногимъ заразъ, и этихъ немногихъ, одного за другимъ, могли перебить изъ оконъ. Тогда русскіе двинулись отъ улицы Козла по Глухому переулку, ворвались прямо на близъ лежащіе дворы, разломали заборы, отбили одинъ дворъ, вошли въ другой дворъ, а затѣмъ разломали другой заборъ, потомъ очутились въ третьемъ дворѣ и еще разломали одинъ заборъ и вошли въ четвертый дворъ, принадлежавшій каменному большому дому съ проѣздными воротами. Этими воротами русскіе стали пробиваться на Францисканскую улицу, но противъ воротъ, изъ которыхъ пришлось выходить русскимъ, на Францисканской улицѣ уже стояла пушка, готовая угостить ихъ картечью. Тогда генералъ Писторъ приказалъ нѣсколькимъ молодцамъ взлѣзть на крышу каменнаго дома и оттуда дать залпъ по польскимъ пушкарямъ. Солдаты исполнили порученіе превосходно; поляки пустились въ разсыпную отъ выстрѣловъ, для нихъ неожиданныхъ, и покинули свою пушку. Русскіе такимъ способомъ благополучно вырвались изъ проѣздныхъ

воротъ во Францисканскую улицу, овладѣли брошенною непріятельскою пушкою, которая, на счастіе имъ, была оставлена заряженною. Изъ этой пушки ударили они нѣсколько разъ сряду по бѣгущимъ и по тѣмъ, которые готовились принять русскихъ въ бока. Поляки разсыпались; въ то же время и засѣвшіе въ улицѣ Козла выбѣжали оттуда, и за ними черезъ эту улицу свободно перешли тѣ солдаты, которые оставались еще въ Глухомъ переулкѣ подъ предводительствомъ маіора Батурина. Такимъ образомъ, русскіе съ чрезвычайнымъ трудомъ и отчаяннымъ мужествомъ пробились на Францисканскую улицу. Русскіе пошли уже не по Закрочимской улицѣ, которая запружена была поляками, а двинулись по Инфлянтской, очень грязной и витой, которая вся почти состояла тогда изъ заборовъ. Улицею этою приходилось имъ пройти съ полверсты. Надобно было спѣшить, пока здѣсь не было еще непріятеля. Отъ этого, когда гренадеры успѣли убѣжать впередъ, пушки не могли поспѣть за ними, и Писторъ, какъ разсказываетъ самъ, принужденъ былъ покинуть на дорогѣ пушки съ двадцатью человѣками пушкарей, и бѣжать за войскомъ. Изъ Инфлянтской улицы русскіе поворотили по улицѣ Покорной. Поляки, потерявши-было ихъ слѣдъ, нашли его снова, пустились за ними съ выстрѣлами и убили нѣсколько заднихъ. Уже наконецъ русскіе приближались къ выходу изъ столицы. Тутъ въ послѣдній разъ встрѣтилъ ихъ отрядъ польскаго войска, караулившій пороховой складъ, и ударилъ на нихъ изъ восьми пушекъ, а при самомъ выходѣ стояли сто двадцать четыре человѣка королевскихъ улановъ, но эти не посмѣли напасть и ушли прочь, когда увидѣли, что пруссаки двигались къ русскимъ на встрѣчу отъ Повонзковскаго кладбища. У деревни Бабье русскіе благополучно соединились съ пруссаками.

Генералъ Вольки объяснилъ Игельстрому, что, по его

просьбѣ, онъ дѣлалъ движеніе къ Волѣ, для отысканія пропавшаго безъ вѣсти русскаго войска, но увидалъ, что русскіе выходятъ съ двухъ сторонъ изъ города и обратился къ нимъ. Игельстромъ все-таки не могъ добиться, куда дѣлось русское войско. По извѣстіямъ Пистора, и въ этой ретирадѣ, которую исполнили русскіе такъ блистательно и мастерски, они потеряли не болѣе тридцати человѣкъ. Вѣроятно, число это нѣсколько уменьшено, тѣмъ болѣе, что честь устройства этой ретирады Писторъ приписываетъ себѣ, стараясь притомъ указать на неспособность природныхъ русскихъ начальниковъ. Ретирада русскихъ тѣмъ была труднѣе и тѣмъ доблестнѣе, что они унесли съ собою и своихъ тяжело раненыхъ.

Оставленные въ главной квартирѣ на произволъ судьбы, русскіе съ полковникомъ Парфентьевымъ защищались до послѣдней степени. Не стало у нихъ пуль; они продолжали стрѣлять, заряжая ружья маленькими монетами и пуговицами, оторванными отъ мундировъ, а когда не стало у нихъ фитилей для пушекъ, они замѣняли пушечные выстрѣлы выстрѣлами изъ карабиновъ и пистолетовъ. Наконецъ, къ вечеру они выбросили бѣлое знамя. Но когда послѣ того приблизился къ нимъ трубачъ, присланный Мокроновскимъ, они дали по немъ выстрѣлъ. Такъ говоритъ современникъ и очевидецъ. Вѣроятно условія, которыя предлагалъ имъ полякъ, были таковы, что русскіе рѣшились лучше погибнуть. Поляки разложили огонь, съ тѣмъ, чтобы допечь ихъ огнемъ и задушить дымомъ: русскіе, въ отчаяніи, хотѣли-было по слѣдамъ бросившихъ ихъ товарищей вырваться изъ дома и пробиться изъ города. Но, какъ только они стали выходить изъ дома, поляки ударили на нихъ. Другіе взлѣзали по лѣстницамъ въ окна дома, уже съ одной стороны внизу объятаго пламенемъ. Тѣхъ изъ русскихъ, которые имѣли слабость бросить оружіе и просить пардона, поляки съ ругательствами вели

въ плѣнъ. «Сердце разрывалось,—говоритъ прусскій посланникъ Бухгольцъ,—смотря на то, какъ бѣдныхъ русскихъ солдатъ убивали словно скотъ на бойнѣ. Но большая часть ихъ перебита, защищаясь».

Въ квартирѣ Игельстрома захватили много денегъ, серебра, въ томъ числѣ серебряный сервизъ, подаренный Екатериною, и архивъ; главнѣйшія дѣла онъ успѣлъ истребить, тѣмъ не менѣе тамъ оставались такія бумаги, которыя могли компрометировать многихъ, продававшихъ Польшу Россіи. Килинскій говоритъ, будто поляки нашли шесть бочекъ голландскихъ талеровъ, семь бочекъ русскаго серебра и шесть боченковъ золота. «По просьбѣ народа, я приказалъ высыпать изъ одной бочки деньги на Медовую улицу, а изъ другой на Подвале, и народъ бросился на деньги съ такою жадностію, что многіе убивали другъ друга». Это сказаніе, по нашему мнѣнію, не имѣетъ за собою достовѣрности. Изъ современнаго рапорта генерала Новицкаго видно, что въ погребѣ, находившемся при квартирѣ Игельстрома, оставалось 100,399 р. 83$^3/_4$ коп. Нѣкоторые въ значительномъ числѣ бросились въ костелъ капуциновъ, но остервенѣвшіе поляки ворвались туда и всѣхъ замучили. Въ эти два мрачные дня плѣнныхъ заперли въ арсеналѣ, въ казармахъ, въ ратушѣ и другихъ мѣстахъ. Домъ русскаго посольства былъ уничтоженъ. Революція произвела пожаръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города, но онъ былъ потушенъ. Изъ числа русскаго гарнизона, состоявшаго въ числѣ 7,948 человѣкъ, убито 2,265, ранено 121, взято въ плѣнъ 1,764, изъ нихъ офицеровъ 161.

Несчастіе русскихъ произошло отъ плохой распорядительности Игельстрома, который разставилъ войска въ разныхъ частяхъ города, вмѣсто того, чтобы соединить ихъ поближе къ себѣ; не далъ надлежащихъ распоряженій какъ дѣйствовать въ случаѣ возстанія, не ввелъ

болѣе войска въ городъ, не предупредилъ въ-пору поляковъ строгими мѣрами, не забралъ у нихъ арсенала, и, наконецъ, не умѣлъ съ поляками обращаться, хотя нельзя отказать ему въ храбрости и неустрашимости; подъ нимъ убито было двѣ лошади, онъ самъ получилъ рану въ лицо, и мундиръ на немъ былъ пробитъ пулею, вѣроятно на отлетѣ.

Варшавскіе зажиточные люди мало участвовали въ революціи и мало ей сочувствовали. Произвели ее войска и такъ-называемая чернь — толпа ремесленниковъ, прислуга, дворники и чернорабочіе; евреи тоже принимали участіе. Тѣмъ не менѣе число повстанцевъ могло быть невелико и вѣроятно справедливо извѣстіе Зейме, который полагаетъ число дѣйствовавшихъ тогда поляковъ до 20,000.

Игельстромъ, вышедши изъ города, соединился съ пруссаками при Бабинцахъ, двинулся въ четыре часа къ Модлину и приказалъ поспѣшать къ себѣ отряду, стоявшему въ Прагѣ, вмѣстѣ съ лазаретомъ. Это было исполнено тѣмъ легче, что Прага совсѣмъ не волновалась во все продолженіе времени, когда Варшава расправлялась съ русскими.

На другой день по присоединеніи пражскаго отряда, Игельстромъ вышелъ изъ Модлина и двинулся къ Новому Двору, перешелъ Нарову и послѣ нѣсколькихъ переходовъ прибылъ къ Зегрину, и только здѣсь, $^{9}/_{20}$ апрѣля, узналъ о судьбѣ гарнизона, вышедшаго изъ Варшавы во время погрома, подъ начальствомъ генерала Новицкаго. Послѣдній съ своимъ отрядомъ находился въ Рычеволѣ близъ Вислы, недалеко отъ впаденія въ нее Пилицы. Игельстромъ собралъ отрядъ, стоявшій около Варшавы и сталъ въ Ловичѣ. Всего войска у него было до семи тысячъ.

Въ Варшавѣ, въ самый развалъ революціи, выбранъ вмѣсто президента, утвержденнаго русскими, Закржевскій.

тотъ, который былъ уже президентомъ города во время конституціи 3-го мая. Мокроновскій наименованъ начальникомъ мѣстной военной силы. На другой день по изгнаніи Игельстрома, $^{8}/_{19}$ апрѣля, составленъ актъ приступленія Мазовецкаго княжества къ акту краковскаго повстанья. Костюшко объявленъ главнымъ начальникомъ вооруженныхъ силъ народа, признанъ предначертанный въ Краковѣ Высочайшій Совѣтъ, а для Варшавы и Мазовецкаго княжества установленъ провизоріальный совѣтъ, который долженъ зависѣть отъ будущаго Высочайшаго Совѣта подъ предсѣдательствомъ Закржевскаго. Членами его были: Ксаверій Дзялынскій, Игнатій Заіончекъ, бывшій членъ Гродненскаго сейма Шидловскій, Андрей Целковскій, Іосифъ Выбицкій, Янъ Гораинъ, Станиславъ Рафаловичъ, Фр. Макаровичъ, Мих. Вульфертъ, Фр. Такель, Фр. Готье и Янъ Килинскій. Это новое правительство, по своемъ составленіи, обратилось къ королю. Чрезъ своихъ двухъ депутатовъ оно объявило, что готово оказывать королю всякое уваженіе, но будетъ послушно только одному Костюшкѣ, просило его благосклонности къ ихъ предпріятію и не покидать Варшавы. «Я не думаю выѣзжать изъ Варшавы,—сказалъ король,—благодарю васъ за изъявленіе любви и уваженія; никто болѣе меня не желаетъ добра отечеству, но вы прежде покажите, что вы уважаете религію. права собственности, различіе сословій, престолъ, однимъ словомъ, что вы не имѣете ничего общаго съ якобинами».

По извѣстію Зёйме, бывшаго тогда въ Варшавѣ и прятавшагося въ домѣ Борха по сосѣдству съ главною русскою квартирою, поляки окончательно раздѣлались съ этимъ послѣднимъ домомъ уже утромъ въ субботу. Тамъ находилась толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей, принадлежавшихъ къ посольству, и нѣсколько солдатъ. Всѣ они сбились въ кучку въ одномъ изъ флигелей зданія. Неисто-

вая толпа посполъства вырывала ихъ оттуда и убивала. Сидя за бочкою, нѣмецъ слышалъ крики и стоны умиравшихъ женщинъ и дѣтей.

На день пасхи водили русскихъ плѣнныхъ по улицамъ и ругались надъ ними, плевали на нихъ, издѣвались надъ ними. Когда одинъ русскій, вышедши изъ терпѣнія, сталъ отгрызаться отъ нихъ крѣпкими словами, за это какой-то молодецъ выстрѣлилъ изъ пистолета, но попалъ не въ плѣнника, а въ польскаго офицера, который начальствовалъ надъ конвоемъ, провожавшимъ плѣнныхъ. Испугавшись, онъ бросилъ у ногъ плѣнника пистолетъ и закричалъ, что въ офицера выстрѣлилъ плѣнникъ. Толпа заревѣла, что всѣхъ плѣнныхъ надобно вырѣзать. Тутъ плѣнные, которыхъ было 18 человѣкъ, стали на колѣни, просили пощады, вопили, что можно наказывать одного, а не всѣхъ. Самъ командиръ хотѣлъ спасти ихъ, но чернь растерзала ихъ всѣхъ.

Послали къ Костюшкѣ курьера, извѣщали его о революціи, а между тѣмъ оказалось, что Варшава совсѣмъ не такъ единодушно принимала участіе въ революціи, какъ можно было подумать. На другой же день по образованіи провизоріальнаго совѣта, многіе бѣжали изъ столицы подъ защиту русскихъ войскъ: имъ легче было бросить свое имущество, даже оставить навсегда отечество, чѣмъ находиться подъ властію революціоннаго правительства. Свѣжій примѣръ французскаго конвента и комитета общественнаго благосостоянія стоялъ передъ ихъ глазами ужаснымъ пугаломъ. Они боялись, что съ открытіемъ революціи въ Польшѣ и здѣсь произойдетъ то же самое, что̀ дѣлалось во Франціи. Варшавскія газеты извѣщали публику, что возстаніе было вызвано крайностію защиты; пущена молва, что получены были депеши къ Игельстрому изъ Петербурга, съ повелѣніемъ обезоружить все войско и многихъ обывателей перебить, а другихъ заслать въ неволю.

Вслѣдъ за Варшавою возстаніе разразилось въ Вильнѣ. Несіоловскій, князь Антонъ Гедройцъ, Прозоръ и Петръ Завиша склонили тотчасъ на свою сторону стоявшаго тамъ съ бригадою Сулистровскаго и нѣкоторыхъ обывателей. Всѣ поклялись не покидать оружія, пока не очистятъ Литвы отъ москалей. Взяли въ плѣнъ каштеляна Коссаковскаго и его сына. Гедройцъ съ отрядомъ конницы (въ 800 человѣкъ, если вѣрить польскимъ извѣстіямъ) напалъ въ Шатахъ на польскій полкъ Коссаковскаго и побѣдилъ его; оттуда двинулся по дорогѣ въ Вильно; къ нему приставали обыватели и товарищи. Несіоловскій между тѣмъ вступилъ въ Вильковишки и разбилъ тамъ стоявшій отрядъ войска Коссаковскаго, а потомъ прибылъ въ Вильно.

Въ городѣ начальствовалъ русскимъ отрядомъ генералъ Арсеньевъ. Отрядъ состоялъ изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ, нарвскаго и псковскаго, одного батальона егерей, донскаго полка (Киреева) и четырехъ ротъ артиллеріи. Орудій было всего девятнадцать. Артиллеріею командовалъ маіоръ Тучковъ, только-что получившій команду вмѣсто полковника Челищева. Артиллерійскій паркъ расположенъ былъ въ полѣ, на Погулянкѣ. Польскія войска, находившіяся передъ возстаніемъ въ Вильнѣ, состояли изъ трехъ ротъ пѣхотныхъ полковъ (одна перваго и двѣ четвертаго), изъ артиллеріи, двухъ татарскихъ эскадроновъ и седьмого полка, прибывшаго уже наканунѣ возстанія въ городъ. За̀мокъ, арсеналъ, коммиссаріатъ были въ рукахъ поляковъ, какъ союзниковъ. Генералъ Арсеньевъ былъ человѣкъ безпечный и еще болѣе, чѣмъ Игельстромъ, способный поддаться вліянію поляковъ, тѣмъ болѣе, что подобно Игельстрому подпалъ подъ вліяніе польки, пани Володкевичъ. Энергичнѣе его дѣйствовалъ гетманъ Коссаковскій; по его стараніямъ были удалены нерасположенные къ Россіи патріоты: Бржостовскій, Радзишевскій, Грабовскій и ксендзъ Богушъ. Самъ онъ, какъ главный начальникъ ли-

товскаго войска, арестовалъ нѣсколькихъ штабъ и оберъ-офицеровъ и старался объ уменьшеніи своего войска; онъ былъ чрезвычайно ненавидимъ.

Главнымъ зачинщикомъ заговора явился тогда инженерный полковникъ Ясинскій, пламенный патріотъ, отважный фанатикъ, готовый на самыя крайнія мѣры, поклонникъ французскаго террора. Выѣхавши изъ Вильна, онъ успѣлъ склонить къ заговору трехъ полковниковъ съ ихъ полками, Мея, Несіоловскаго, князя Гедройца, и бригадира Хлевинскаго, и воротился въ Вильно.

Гетманъ Коссаковскій, подмѣтивъ, что Ясинскій затѣваетъ возстаніе, арестовалъ его. Но Ясинскій убѣжалъ, и скрываясь въ Вильнѣ у друзей, положилъ вмѣстѣ съ ними въ назначенную ночь напасть на сонныхъ русскихъ, перебить ихъ или взять въ плѣнъ. Главные соумышленники его въ Вильнѣ были: нѣкто Хацкевичъ — извѣстный шулеръ, поручикъ Коллонтай, Бржостовскій, Поцѣй и др. Жолнѣры были подговорены снабдить обывателей оружіемъ. Подъ предлогомъ полученія жалованья, они приходили на польскую гауптвахту, выносили оттуда подъ шинелью оружіе и раздавали обывателямъ. Въ ночь, когда надобно было начать рѣзню, заговорщики положили собраться въ за̀мкѣ; жолнѣры должны были зарядить ружья и сверхъ того взять съ собою по заряженному пистолету. Оттуда они должны были идти кучками, по количеству русскихъ постовъ, и дожидаться сигнала. Пушечный выстрѣлъ на башнѣ за̀мка долженъ былъ служить сигналомъ: всѣ услышавши его, должны были броситься на русскихъ и бить ихъ, гдѣ и какъ попало.

Предъ взрывомъ возстанія носились слухи, что въ Вильнѣ готовится рѣзня. Факторъ-еврей, по прозвищу Гордонъ, указалъ Тучкову, что на домахъ, гдѣ квартируютъ русскіе, были буквы RZ, а надъ воротами Тучкова: № 13. Тучковъ донесъ объ этомъ Арсеньеву, но тотъ сказалъ:

«это шалость какихъ-нибудь повѣсъ», и приказалъ плацъ-маіору Богоуту стереть ихъ. Тучковъ однако принялъ предосторожности, поставилъ караулъ у парка и велѣлъ держать горящіе фитили при орудіяхъ: Арсеньевъ, обманываемый поляками, даже разсердился на Тучкова за принятіе этихъ мѣръ предосторожности въ артиллерійскомъ паркѣ, говорилъ: «не стыдно ли вамъ бояться поляковъ», и запретилъ жечь напрасно фитили, но Тучковъ велѣлъ держать ихъ горящими въ латунныхъ фонаряхъ, чтобъ начальникъ не зналъ, а все-таки не оставилъ предосторожностей.

Наступила пасха, случившаяся въ этотъ годъ въ одинъ день у православныхъ и католиковъ. Между русскими и поляками начались недоразумѣнія и драки. Люди, желавшіе себя успокоить, приписывали это пьянству, обычному обоимъ народамъ въ такой торжественный праздникъ.

Въ этотъ день прибѣжалъ въ городъ гетманъ Коссаковскій; онъ былъ недалеко отъ Вильна въ Яновѣ, у своего брата, и намѣревался тамъ пробыть до Ѳоминой недѣли. Вдругъ вечеромъ въ великую субботу напалъ на яновскую усадьбу генералъ Хлевинскій, съ цѣлію схватить гетмана. Но гетманъ успѣлъ убѣжать черезъ калитку, которая выходила въ узкую улицу деревни и, вскочивъ во дворъ къ одному крестьянину, сѣлъ на его лошадь, убѣжалъ къ пріятелю сосѣду, а у послѣдняго взялъ повозку и поѣхалъ наскоро въ Вильно. Онъ пріѣхалъ туда уже поздно на первый день пасхи. Въ понедѣльникъ, 11-го (22-го апрѣля), гетманъ собралъ войсковую коммиссію, и говорилъ: «принимайте мѣры; войско бунтуетъ, возстаніе вспыхнетъ если не сегодня, такъ завтра, и наша кровь польется по улицамъ». Оттуда онъ отправился къ Арсеньеву, жившему въ палацѣ Паца, на Зáмковой улицѣ. «Надобно скорѣе русскимъ войскамъ выходить въ лагерь,

сказалъ онъ.—Поляки взбунтовались. Вамъ самому грозитъ опасность».

«Правила, наблюдаемыя въ россійскомъ войскѣ,—сказалъ Арсеньевъ,—не дозволяютъ выводить войско въ лагерь раньше 15-го мая. Я не вижу никакой опасности въ Вильнѣ».

Когда Коссаковскій разсказалъ ему о своемъ приключеніи, Арсеньевъ смѣялся и говорилъ: «вы напрасно струсили».

Вечеромъ Ясинскій назначилъ заговорщикамъ сборище въ Зарѣчьѣ, въ саду, гдѣ часто собиралась молодежь пить пиво. Туда привезли и артиллерію. Тамъ условились, какъ овладѣть гауптвахтою, и арестовать генераловъ и офицеровъ.

Въ половинѣ перваго ночью раздался пушечный выстрѣлъ, вслѣдъ затѣмъ ударили по костеламъ въ набатъ, забили въ барабаны. Выстрѣлы пошли одни за другими чаще и чаще. Раздались крики: do broni, do broni! Заговорщики, одни съ ружьями, другіе съ кольями, саблями, ножами, бѣжали по разнымъ улицамъ, толпы ихъ на каждомъ шагу умножались пристававшими къ нимъ жителями; иные изъ послѣднихъ ждали условнаго знака, другіе ничего не ждали, но, внезапно пробужденные, поняли, что̀ происходитъ и тотчасъ увлеклись давно сдержаннымъ чувствомъ. Маіоръ Собецкій съ жолнѣрами седьмого полка бѣжалъ къ ратушѣ и напалъ на гауптвахту, перебилъ часть русскихъ, которые тамъ находились, другіе отдались въ плѣнъ. Поляки взяли восемь орудій (не входившихъ въ число девятнадцати, которыя были въ паркѣ на Погулянкѣ). Офицеръ Хелкевичъ съ двадцатью заговорщиками напалъ на Арсеньева, приказалъ дать залпъ по окнамъ и закричалъ: «весь батальонъ впередъ!» Арсеньевъ тотчасъ закричалъ «пардонъ». По однѣмъ извѣстіямъ, русскій генералъ былъ схваченъ на Антоколѣ, въ домѣ госпожи, съ

которою любезничалъ. По другимъ—Арсеньевъ захваченъ въ собственной квартирѣ. Ясинскій прибѣжалъ къ нему, взялъ его подъ руки и сказалъ: «господинъ генералъ! Таковъ жребій войны. Вы арестованы, но за вашу доброту и благородство вы будете въ сердцахъ нашихъ уважаемы и любимы». Подполковникъ Гурскій, которому онъ передалъ его, увелъ его въ арсеналъ для помѣщенія подъ стражею.

Схваченъ полковникъ Языковъ, комендантъ Ребокъ, взяты русскіе чиновники. Взяли гетмана Коссаковскаго, Швейковскаго и другихъ сторонниковъ и совѣтниковъ тарговицкой конфедераціи. У гетмана на караулѣ стояло двѣнадцать карабинеровъ. Когда заговорщики Клячковскій и Бовлясинскій приблизились къ его дому, гетманъ приказалъ стрѣлять изъ оконъ, а самъ съ пистолетомъ въ рукѣ бросился по задней лѣстницѣ и встрѣтилъ на ней своего адъютанта Михаловскаго. «Бунтъ!» закричалъ гетманъ. Но Михаловскій отвѣчалъ ему ударомъ въ лицо. Коссаковскій повернулъ назадъ вверхъ по лѣстницѣ, убѣжалъ на чердакъ и спрятался за трубу. Заговорщики искали его по всему дому, наконецъ нашли, вытащили и отправили въ арсеналъ. Другой адъютантъ его, Рудзинскій, хотѣлъ его защищать и былъ застрѣленъ. Гетмана вели на веревкѣ, при неистовыхъ крикахъ толпы, и награждали его пинками и плевками, какъ предателя отечества.

Страхъ неожиданности поразилъ русскихъ до того, что они потеряли присутствіе духа. Иные прятались въ печи, другіе надѣвали женское платье. Такимъ образомъ, взяли въ плѣнъ, кромѣ вышеозначенныхъ господъ, пять маіоровъ, четырехъ капитановъ, одиннадцать поручиковъ, восемь подпоручиковъ, одного адъютанта, двѣнадцать прапорщиковъ и 964 нижнихъ чиновъ. Всѣхъ ихъ заперли въ костелъ св. Казимира (нынѣшній соборъ Николая Чудотворца), откуда Ясинскій приказалъ вынести св. дары.

Тучковъ выскочилъ изъ своей квартиры, сѣлъ на лошадь и рѣшился пробиться на Погулянку, къ своему парку. У рогатки поляки остановили его и кричали: «дай гасло»! Тучковъ попытался сказать вразумительное слово, но поляки смекнули, что это русскій и бросились на него изъ сторожки. Тучковъ повернулъ назадъ, пришпорилъ лошадь и бросился въ глухой переулокъ вмѣстѣ съ однимъ гусаромъ. Такъ какъ изъ переулка выхода не было, то они развалили плетень, огораживавшій дворы, переводили чрезъ него лошадей за поводья, перебрались черезъ дворы и такимъ образомъ выбрались изъ города и достигли парка. Мало-по-малу сходились къ Тучкову русскія роты, которыя также, какъ Тучковъ, за невозможностію проѣхать чрезъ рогатку, пробивались сквозь заборы дворовъ. Одна изъ этихъ ротъ дралась съ поляками въ городѣ на штыкахъ и положила много поляковъ, но отъ нея самой осталось всего сорокъ человѣкъ.

Тучковъ началъ бомбардировать городъ. Въ Вильнѣ сдѣлался пожаръ. Поляки, увидя, откуда имъ угрожаетъ опасность, отправили противъ Тучкова одну за другою команды, но казаки заманивали ихъ подъ орудія, которыя угощали ихъ картечью. Между тѣмъ въ монастырѣ, находившемся въ предмѣстьѣ, канониры, подмѣтивъ складъ пороха, донесли Тучкову и, по его приказанію, зажгли его.

Остатки русскихъ убѣжали изъ города къ Тучкову, и привели взятаго въ плѣнъ служившаго въ польской службѣ, родомъ прусскаго нѣмца, маіора Теттау, который имѣлъ предписаніе арестовать Тучкова. Прибывшіе съ нимъ русскіе успѣли даже захватить съ собой припасовъ и въ томъ числѣ свяченаго (пасхальныхъ освященныхъ снѣдей), котораго по обычаю много приготовили поляки у себя въ домахъ. Около полудня собралось на Погулянкѣ ускользнувшихъ отъ избіенія и плѣна въ Вильнѣ тысячъ около двухъ съ двумя стами человѣкъ, считая деньщиковъ,

слугъ и всякаго званія русскихъ людей. Арсеньевъ, находясь въ плѣну, прислалъ къ Тучкову русскаго плѣннаго офицера въ сопровожденіи польскаго офицера, съ запискою такого содержанія:

«Я арестованъ. Жизнь моя въ опасности; не затѣвайте съ поляками никакого дѣла».

Тучковъ отписалъ Арсеньеву такъ:

«Я не дамъ себя арестовать полякамъ. Честь и жизнь мою буду защищать до послѣдней капли крови. Не я одинъ, а всѣ штабъ и оберъ-офицеры и нижніе чины, которыми я имѣю честь начальствовать, одного со мною мнѣнія».

Послѣ подписи Тучкова, подписали эту записку, въ знакъ единомыслія съ нимъ, и всѣ офицеры, нѣсколько унтеръ-офицеровъ и трое грамотныхъ изъ рядовыхъ.

Наперекоръ просьбѣ Арсеньева, Тучковъ усилилъ бомбардированіе Вильны. Противъ него выходили поляки изъ города, съ цѣлію захватить или прогнать русскую артиллерію, но убѣгали назадъ, поражаемые изъ орудій.

Между тѣмъ, въ продолженіе всего этого дня Тучковъ дѣлалъ приготовленія къ отступленію. Для запряжки лошадей подъ орудія употреблялись, за недостаткомъ хомутовъ, свернутые и связанные въ видѣ клещей солдатскіе плащи.

Не зная, что Тучковъ собирается уходить, жители Вильны пришли отъ непріятельской бомбардировки въ такое смятеніе, что близки были къ потерѣ духа и къ сдачѣ. Тутъ Ясинскій далъ приказаніе всѣмъ, подъ страхомъ смерти, зажечь въ каждомъ окнѣ по двѣ свѣчи и всѣмъ собираться на рынокъ съ оружіемъ, съ какимъ кто можетъ, хотя бы съ дубиной или кочергою, подѣлилъ ихъ на отряды и высылалъ партіями за разныя городскія ворота, готовясь къ битвѣ. Но страхъ и заботы его были напрасны. Тучковъ оставилъ горящіе костры на томъ

мѣстѣ, гдѣ стоялъ, и приказалъ, для большаго впечатлѣнія, зажечь корчму, чтобы жители думали, что онъ остается тамъ, гдѣ былъ, и не оставляетъ намѣренія вредить городу, а между тѣмъ отступилъ на Понарскія высоты. Путь шелъ по яру. Дорога была вязка и узка; русскіе шли посреди зарослей, посреди обрывовъ. Лошади, непривычныя къ запряжкѣ подъ пушки, бились и падали. Люди должны были везти орудія на себѣ. Къ разсвѣту они достигли Понарской горы, а потомъ должны были переправляться черезъ рѣку Ваку. Здѣсь прислали къ Тучкову извѣстіе отъ князя Циціанова изъ Гродно, о томъ, что отрядъ, стоявшій въ Гродно, цѣлъ и желаетъ, чтобы Тучковъ примкнулъ къ нему поскорѣе. Тучковъ ускорилъ маршъ къ Гродно. За нимъ по слѣдамъ погнался полковникъ Гедройцъ. Они встрѣтились въ лѣсу, пушки у русскихъ были лучше, чѣмъ у поляковъ, и послѣдніе, потерявъ достаточное число людей, перестали нападать. Тучковъ благополучно добрался до Гродно.

Отрядъ князя Циціанова въ Гродно также былъ приговоренъ къ избіенію, какъ отряды, находившіеся въ Варшавѣ и въ Вильнѣ, но его спасъ одинъ расторопный и храбрый казакъ, убѣжавшій изъ Варшавы. Когда тамъ началось избіеніе русскихъ, онъ ускакалъ, пробрался въ Гродно, и раньше почты извѣстилъ Циціанова. Приняты мѣры предосторожности. Вслѣдъ затѣмъ пришла почта. Ее вскрыли и нашли письма къ заговорщикамъ, гдѣ имъ предписывалось начать рѣзню надъ русскими. Заговорщиковъ переловили въ одномъ монастырѣ, сломали мостъ на Нѣманѣ и вышли изъ города въ лагерь. За казакомъ пришло въ Гродно другое извѣстіе: шелъ туда батальонъ королевской гвардіи съ тѣмъ, чтобы напасть врасплохъ на русскихъ, но увидѣлъ, что мостъ на Нѣманѣ сломанъ, и повернулъ назадъ. Циціановъ стоялъ за городомъ и дожидался Тучкова. По прибытіи его, оба отряда соеди-

нились и Тучковъ вмѣстѣ съ Циціановымъ входилъ въ Гродно съ музыкою, ведя за собою плѣнныхъ поляковъ съ ихъ знаменемъ; русскіе офицеры слышали, какъ польскія дамы, стоя на балконахъ, громко говорили: «вотъ идутъ россійскіе недорѣзки!»

Тучковъ съ своимъ отрядомъ поспѣшно сдѣлалъ нѣсколько движеній и присоединился къ другому отряду русской арміи, генералъ-поручика Кноррринга.

Въ Вильнѣ какъ только узнали, что Тучковъ ушелъ, созвано было народное собраніе на рынкѣ: оглашено революціонное устройство. Нѣкто Бялопіотровичъ, казистый мужчина, одаренный крѣпкимъ горломъ, по приказанію Ясинскаго, прочиталъ всенародно актъ литовскаго повстанья, объявилъ, что девизомъ его будутъ слова, произнесенныя въ Краковѣ Костюшкою: «Кто не съ нами, тотъ противъ насъ». Ясинскій, руководитель заговора, былъ наименованъ начальникомъ вооруженной народной силы въ Литвѣ. Составился литовскій высочайшій совѣтъ. Учреждался уголовный судъ, первая необходимость торжествующей революціи: всегда въ такихъ случаяхъ является охота и потребность вспрыснуть ее кровью.

Въ тотъ же день вечеромъ, увидали жители Вильны, какъ плотники навезли дерева къ гауптвахтѣ близъ ратуши, и построили изъ него висѣлицу, примкнувъ ее къ фонарю. Такъ приказано было изъ подражанія французамъ, у которыхъ тогда въ модѣ было вздергивать на фонарь лицъ (à la lanterne), объявленныхъ врагами отечества. Въ четвергъ, въ три часа пополудни, толпа народа собралась около этого мѣста. Отъ арсенала шли жолнѣры съ барабаннымъ боемъ; за ними въ каретѣ, запряженной бѣлыми лошадьми, везли послѣдняго литовскаго гетмана. Онъ былъ одѣтъ въ желтомъ шлафрокѣ, опушенномъ бѣлымъ смушкомъ, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ его схватили ночью. По сторонамъ кареты ѣхали конные.

Трубачи играли маршъ. Зрители наполняли не только окна, но и кровли домовъ. Когда карета приблизилась, Ясинскій выѣхалъ къ ней на встрѣчу съ панами Ніосоловскимъ и Тизенгаузомъ, и обратившись къ народу, сказалъ:

«Милостивые государи! Здѣсь будетъ происходить событіе, о которомъ запрещается разсуждать. Нравится ли оно кому изъ васъ, или нѣтъ, извольте молчать, а кто подниметъ голосъ, тотъ будетъ повѣшенъ на этой висилицѣ».

Сказавши это, онъ поѣхалъ назадъ къ гауптвахтѣ.

Жолнѣры составили каре. Глубокое молчаніе господствовало въ народѣ, сообразно предупрежденію Ясинскаго.

Передъ каретой выѣхалъ верхомъ на бѣломъ конѣ инстигаторъ (обвинитель) новаго уголовнаго суда, адвокатъ Эльснеръ, и развернувъ бумагу, читалъ приговоръ.

Коссаковскій обвинялся въ томъ, что оказывалъ содѣйствіе иноземнымъ интригамъ противъ Польши и варварству иноземныхъ государствъ, старался вмѣстѣ съ тарговицкою конфедераціею уничтожить народную конституцію, преслѣдовалъ нехотѣвшихъ вступить въ конфедерацію, присвоилъ себѣ званіе литовскаго гетмана и растрачивалъ казенное достояніе на пользу тарговицкой шайки и на свои собственныя потребности. За это онъ присуждался къ лишенію чести, имущества и къ повѣшенію.

Эльснеръ, прочитавши эти слова, отъѣхалъ.

Тогда бернардинскій монахъ вошелъ въ карету исповѣдовать осужденнаго. Палачъ между тѣмъ уже взлѣзъ на висѣлицу поднимать въ свое время вверхъ петлю съ повѣшеннымъ. Послѣ нѣскольких минутъ исповѣди въ каретѣ, бернардинъ вышелъ оттуда, и стоявшіе близъ кареты гицели [1]) вывели подъ руки литовскаго гетмана

---

[1]) Такъ назывались служители, исполнявшіе низкія работы, напр., били собакъ и пр., они служили помощниками палачей.

Онъ хотѣлъ сказать народу прощальное слово, но чуть открылъ ротъ, какъ раздался крикъ: «нельзя! нельзя! барабанщикъ, бей въ барабанъ!» Гицели сняли съ него его желтый халатъ, посадили на кресло, связали назадъ руки. Послѣднiй литовскiй гетманъ еще попытался-было блеснуть предсмертнымъ краснорѣчiемъ. Но опять закричали: «нельзя!» и забарабанили еще громче прежняго. Палачъ дурно охватилъ петлею его жирную шею. Гетманъ нѣсколько минутъ томился и бился подъ барабанный бой.

Когда не стало въ немъ признаковъ жизни, молчанiе прервалось, и кто-то осмѣлился крикнуть: «виватъ!» Такъ какъ Ясинскiй не показалъ за это своего гнѣва, то и другiе кое-кто повторили то же, а вслѣдъ за ними множество голосовъ залпомъ крикнули: «виватъ!»

Тѣло гетмана безъ гроба зарыто было нарочно неглубоко, такъ что собаки откопали его и растерзали.

Черезъ нѣсколько дней, 15/26 апрѣля изданъ былъ универсалъ ко всей Литвѣ. Въ немъ извѣщалось объ установленiи въ Вильнѣ высочайшаго совѣта для Великаго Княжества Литовскаго, требовалось, чтобы всѣ мѣстныя власти и учрежденiя подчинялись ему исключительно и безусловно.

VI.

Воодушевленiе поляковъ и ихъ надежды.—Распоряженiя объ укрѣпленiи Варшавы.—Уголовный судъ и индигацiонная коммиссiя.—Распространенiе возстанiя на простой народъ.—Универсалъ Костюшки объ освобожденiи народа.

Освобожденiе Варшавы и Вильны было поводомъ безпредѣльной радости патрiотовъ. Ликовали и пѣли сочиненныя патрiотическiя пѣсни, прославляли собственное мужество, изумлялись своимъ успѣхамъ, которые, казалось,

превосходили все, что помнилось изъ школьнаго ученія о грекахъ и римлянахъ. Воображали, какъ и тотчасъ послѣ совершенія конституціи 3-го мая, что Польша, недавно находившаяся въ униженномъ положеніи, теперь воскресла и для нее наступаетъ эпоха возрожденія. Костюшко сдѣлался идоломъ революціонной партіи. Какъ всегда бываетъ, что успѣхъ притягиваетъ къ себѣ толпу, и теперь революціонная партія быстро увеличилась. И тѣ, для которыхъ было въ сущности все равно, чтò бы ни происходило съ отечествомъ, которые въ душѣ предпочитали всему тихое и безмятежное житіе, теперь начали кричать и живописаться революціонною удалью.

Опасности для Польши были отовсюду; русскія силы должны были собраться снова въ бòльшемъ числѣ; Пруссія должна была идти вмѣстѣ въ Россіей защищать свою добычу. Но поляки составляли для себя разныя надежды. Бухгольцъ въ дни революціи оставался въ Варшавѣ и не мѣшался въ дѣло: поляки воображали, что быть можетъ гроза отъ Пруссіи на этотъ разъ минетъ Польшу. Съ Австріей не было явной размолвки: Де-Каше выражался въ мягкихъ словахъ, и поляки даже стали надѣяться, что Австрія будетъ за нихъ. Но черезъ нѣсколько дней опытъ уничтожилъ эти обманчивыя надежды. Правый берегъ Вислы былъ въ рукахъ русскихъ, и потому продовольствіе изъ самыхъ плодородныхъ частей страны не могло доставляться полякамъ; они хотѣли въ Галиціи закупать хлѣбъ, но Австрія формально запретила его вывозъ. Отъ Франціи надѣялись прямо помощи. Заіончекъ, проѣзжая черезъ Галицію, склонялъ къ революціи Линовскаго и увѣрялъ, что Франція пожертвовала восемнадцать милліоновъ на дѣло польскаго повстанья и эти деньги уже въ дорогѣ. «Трудно найти въ исторіи болѣе прекрасныхъ началъ великихъ предпріятій, какъ первыя минуты нашего повстанья,—говоритъ очевидецъ Линовскій,—все-

общее воодушевленіе удаляло отъ насъ мысль объ опасностяхъ».

Въ Варшавѣ только и твердили, что о разныхъ побѣдахъ и прошедшихъ и будущихъ, и болѣе всего о небывалыхъ. Чуть только прискачетъ курьеръ изъ лагеря Костюшки, прежде чѣмъ онъ успѣетъ кому-нибудь сообщить вѣсть, по городу уже разнесется цѣлое описаніе битвы и пораженія москалей. Если же случалось, что присылали нѣсколько человѣкъ русскихъ плѣнныхъ въ Варшаву, то распространялся слухъ, что вся русская армія положила оружіе и теперь предстоитъ затрудненіе, что̀ дѣлать полякамъ съ такимъ огромнымъ числомъ плѣнниковъ. По приказанію Костюшки установлялась въ Варшавѣ военная коммиссія, и во всемъ Мазовецкомъ княжествѣ оглашено посполитое рушенье. Кромѣ рекрутовъ съ дымовъ, слѣдовавшихъ въ регулярное войско, всѣ мужчины отъ 15-ти до 50-ти лѣтъ возраста должны безъ всякаго исключенія быть вооруженными, находиться подъ командою генераловъ дивизій, зависящихъ отъ главнаго командира вооруженныхъ силъ княжества Мазовецкаго, и выступать противъ непріятеля, когда непріятель явится въ краѣ. Приказано во всѣхъ городахъ и имѣніяхъ дѣлать косы и пики для вооруженія народа и ставить по дорогамъ между селеніями столбы, а на нихъ смоляныя бочки: ихъ слѣдовало зажигать, когда непріятель приблизится; но это надлежало дѣлать не иначе, какъ по приказанію мѣстнаго начальства. Горящая бочка будетъ сигналомъ, что посполитое рушенье должно собираться и брать оружіе. Самую Варшаву принялись укрѣплять. Всѣхъ ея жителей заставляли выходить на работы. Это приняло сейчасъ праздничный видъ. Знатныя дамы и дѣвицы выѣзжали въ каретахъ, съ лопатами, кинуть собственноручно нѣсколько горстей земли. «Прекрасныя ручки, которыхъ пальчики, убранные дорогими камнями, дотроги-

вались только до опахала изъ слоновой кости или до флакончика съ духами, теперь взяли заступъ и бѣжали весело на работу», говоритъ очевидецъ Охоцкій. Не дозволялось носить на себѣ ни шелка, ни золота. Дамы на работѣ одѣвались въ сѣрыя полотняныя юбки съ чернымъ шерстянымъ передникомъ и въ кафтанчики. На головы надѣвали соломенныя шляпы. Каждая несла съ собою холщевой мѣшокъ для дневнаго припаса. Кто уклонялся отъ работы, на того налагали пеню.

Самъ король, чтобы не навлечь на себя народной злобы, долженъ былъ выѣхать за городъ и нѣсколько минутъ покопаться заступомъ въ землѣ. Во время работы гремѣла музыка, пили вино, пѣли хоромъ патріотическія пѣсни. Усерднѣе всѣхъ работали русскіе плѣнные, потому что ихъ подстегивали. Сначала ихъ содержали очень дурно; согнали въ домъ коммиссіи, и едва давали изъ жалости соломы на постели, а кроватей не давали вовсе.

Побѣда подъ Рацлавицами подѣйствовала живительно на все польское войско. Та часть его, которая стояла около Люблина, собралась у Холма, признала Костюшку главнымъ начальникомъ и, за неимѣніемъ генерала, выбрала главнымъ своимъ предводителемъ полковника Гроховскаго. Войска этого было до пятнадцати тысячъ. Обыватели люблинскаго и холмскаго воеводствъ собрались и составили актъ повстанья.

Вѣсть объ успѣхѣ Костюшки достигла и до Волыни, и тамъ выказалась вспышка въ небольшихъ отрядахъ. Маіоръ Вышковскій съ десятью эскадронами вышелъ изъ своихъ квартиръ подъ Старымъ Константиновымъ. Русское войско, квартировавшее въ этомъ краѣ, заступило ему путь. Онъ долженъ былъ выдержать съ нимъ бой. Вышковскій не только счастливо ускользнулъ отъ русскихъ, но, какъ писали въ польскихъ газетахъ того времени, взялъ у нихъ даже пушки. Этого послѣдняго мо-

жетъ быть и не было, тѣмъ болѣе, что поляки говорятъ, что эти пушки заклепали, и никто ихъ не видалъ. Вышковскій пробрался въ Галицію, а оттуда прибылъ къ Костюшкѣ. Другой штабъ-офицеръ польской арміи, маіоръ Копецъ, собралъ нѣсколько отрядовъ подъ Дубномъ и, соединившись съ повстанцами, двинулся на соединеніе съ Заіончекомъ. По ихъ примѣру поступилъ полковникъ Лозненскій, и увелъ къ Костюшкѣ девятьсотъ солдатъ. Русскіе, видя, что имя Костюшки привлекаетъ къ себѣ польское войско, принялись обезоруживать его и распредѣлили солдатъ по русскимъ полкамъ. Но поляки бѣгали изъ русскихъ полковъ и нѣкоторымъ удавалось съ трудомъ пробираться черезъ лѣса и приставать къ Костюшкѣ; другихъ за побѣги хватали и предавали военному суду. Съ ними поступали неумолимо. Особенно жестоко наказывали тѣхъ, которые оказывали сопротивленіе при поимкѣ. Такимъ образомъ состоялся приговоръ, произнесенный кіевскимъ кригсгерихтомъ въ августѣ: двѣсти восемьдесятъ человѣкъ присуждено колесовать и на колеса положить ихъ тѣла. Другихъ только вѣшали. Многихъ виновныхъ наказывали тѣлесно и отправляли во внутреннія губерніи на службу.

На короля повстанцы смотрѣли подозрительно. Его акцессъ къ тарговицкой конфедераціи, его прежнее расположеніе къ Россіи—все заставляло подозрѣвать въ немъ способность къ измѣнѣ. Правда, вспоминали и его горячее участіе въ дѣлѣ 3-го мая, и только это спасало его отъ народной злобы, но все-таки не снимало съ него упрековъ въ безхарактерности. Черезъ четыре дня послѣ даннаго королемъ обѣщанія оставаться въ Варшавѣ, распространился слухъ, будто онъ хочетъ бѣжать. Къ нему явился генералъ Мокроновскій и Кохановскій. «Мы увѣрены,— говорили они,—что народное подозрѣніе напрасно, но просимъ дать намъ средство для успокоенія народа. Вчера

ваше величество въ сумеркахъ прогуливались по берегу Вислы съ двумя особами; думаютъ, что эти особы помогаютъ вамъ убѣжать».—«Я—сказалъ король—назадъ тому четыре дня ходилъ смотрѣть, пришли ли плоты съ продовольствіемъ для Варшавы. Меня провожала цѣлая толпа народа, а не двое особъ. Я ужъ вамъ далъ слово, что не покину Варшавы. Чего же вамъ еще нужно?»—«Мы вѣримъ вашему слову,—сказали ему,—но народъ недовѣрчивъ черезъ-чуръ. Онъ хочетъ, чтобы кто-нибудь изъ облеченныхъ народнымъ довѣріемъ безотлучно находился въ королевскихъ покояхъ и повсюду сопровождалъ ваше величество». — «Это было бы обидно и оскорбительно,—сказалъ король,—если бы исходило отъ васъ; но вы говорите, что народъ этого хочетъ и иначе не успокоится,—я не противлюсь». Короля просили, чтобъ онъ чаще являлся посреди народа. Король и на то согласился. Потомъ ему объявили, что народъ считаетъ подозрительными двухъ иноземцевъ, изъ которыхъ одинъ находился близъ короля тридцать, другой десять лѣтъ. Король этимъ очень оскорбился и увѣрялъ, что ручается за слугъ своихъ. Самъ король передалъ женѣ Мокроновскаго, собиравшей пожертвованія въ пользу возстанія, восемнадцать тысячъ злотыхъ. Поляки, которые ознаменовали себя противнымъ духомъ, спѣшили теперь показать свою готовность содѣйствовать возстанію. Епископъ Масальскій и бывшій маршалъ Мошинскій внесли по 1.800 злотыхъ.

24-го апрѣля назначенъ былъ праздникъ въ честь освобожденія Варшавы. Торжество происходило въ костелѣ св. Креста. Тамъ проповѣдникъ обратился къ королю съ такою рѣчью: «Твое царствованіе преисполнено несчастій. Великій добродѣтельный народъ, всегда преданный своимъ королямъ, содрогается при воспоминаніяхъ о прошломъ. Дѣло повстанья не твое дѣло. Гнусная измѣна была причиною великихъ бѣдствій, и ты, однако, измѣною пріоста-

новилъ оборону края. Теперь наступила послѣдняя эпоха твоего царствованія; теперь окажется: можемъ ли мы, поляки, съ тобою утвердить свое счастіе или должны пасть жертвою жестокаго и алчнаго врага, который и насъ и наше имя хочетъ стереть съ земли. Либо участвуя въ народномъ повстаньи, ты вознесешь польскій тронъ до прежней его славы и остатокъ дней проведешь въ спокойствіи и довольствѣ; либо—паденіе отечества повлечетъ за собою и паденіе вашего величества. Приготовься къ тому и другому и затвори уши отъ внушеній, которыми тебя будетъ прельщать непріятель; онъ будетъ совѣтовать тебѣ отступить отъ народа, а можетъ быть и хуже—бойся этихъ внушеній. Я знаю твое сердце,—прибавилъ въ концѣ рѣчи проповѣдникъ, чтобы позолотить пилюлю,—я увѣренъ, что ты рѣшился жить и умереть съ народомъ». —«Да,—сказалъ король,—ты не ошибся, я всегда буду съ народомъ, хочу жить и умирать съ нимъ».—Тѣхъ, которыхъ всегда приводила въ восторгъ послѣдняя слышанная фраза, удовлетворяли слова короля, но большинство было убѣждено, что король былъ недоволенъ революціею и только притворялся. Подозрѣніе къ нему не уменьшалось. Около него оставалась еще гвардія; провизоріальный совѣтъ и ей велѣлъ выступить въ дѣло, потому что для войны нужно было регулярное войско. Служба въ зàмкѣ поручена народному ополченію. Двое особъ, облеченныхъ народнымъ довѣріемъ, жили во дворцѣ и слѣдили за поступками и сношеніями короля.

Вообще патріоты замѣчали, что въ столицѣ и во всей странѣ много такихъ, которые не сочувствовали революціи. Оказывалось, что русскіе знали, что̀ происходитъ въ Варшавѣ: ясно было, что тамъ у нихъ оставались друзья и передавали имъ вѣсти. Провизоріальный совѣтъ, 11-го (22-го) апрѣля, учредилъ уголовный судъ, который долженъ былъ судить политическія преступленія

и всякія покушенія противъ повстанья; 16-го (27-го) того же мѣсяца назначилъ на всю Варшаву и на все Мазовецкое княжество денежный поборъ, въ разномъ размѣрѣ, но вообще такой, что только одни поденщики платили менѣе 10% съ своего дохода, а 17-го (28-го) учредилъ индигаціонную коммиссію: ея обязанностію было ревизовать бумаги, которыя со всей Польши присылались въ провизоріальный совѣтъ для открытія по нимъ измѣны, предупрежденія и уничтоженія заговоровъ, составляемыхъ на пагубу отечества. Она могла арестовать, допрашивать и отсылать, по надобности, въ уголовный судъ, не взирая ни на какія лица. Въ данной ей инструкціи велѣно ей слѣдить и наблюдать надъ людьми дурныхъ убѣжденій, стремящихся возвратить Польшу къ прежнему рабству, устроивающихъ козни противъ повстанья. Эта коммиссія держала свои засѣданія въ ратушѣ.

Главная сила, на которую Костюшко и его соучастники полагали надежду, состояла въ народномъ возстаніи. Думали, что весь народъ встанетъ и всѣ обыватели принесутъ, для спасенія отечества, послѣдній грошъ. Не такъ дѣлалось, какъ думалось. «Минуты всеобщаго увлеченія были очень коротки, общественный духъ скоро перемѣнился,—говоритъ Линовскій,—непостоянство и страсти исказили чистоту гражданской доблести, затмили святую цѣль, сбили насъ съ прямой дороги. Огненные универсалы начальника читались съ восторгомъ, но дурно исполнялось то, чего онъ требовалъ. Шляхта прежде всего думала о своихъ привилегіяхъ и выгодахъ».

Краковское воеводство было самое усердное изъ всѣхъ въ цѣлой Польшѣ, но и оно не доставило Костюшкѣ и десятой доли того, что онъ ожидалъ. Онъ требовалъ рекрутъ—ему ихъ не давали; онъ требовалъ запасовъ для вооруженія войска—ему не доставляли; наложены были поборы—ихъ не платили. Сначала Костюшко требовалъ

всеобщаго ополченія, потомъ увидѣлъ, что еслибы и возможно было собрать его, то невозможно было прокормить, содержать и вооружить такую громаду — недоставало ни денегъ, ни запасовъ. Этимъ съ перваго раза предводитель раздражалъ владѣльцевъ; они видѣли въ его распоряженіяхъ нарушеніе своей собственности и правъ. Костюшко сталъ потомъ требовать только пятой части населенія; по этому разсчету одно краковское воеводство должно было поставить ему шестнадцать тысячъ контингента, а оно доставило едва до трехъ тысячъ. Это народное ополченіе шло совсѣмъ не съ увлеченіемъ, какъ разсказывалось, а по неволѣ, изъ-подъ палки, шло только тогда, когда паны его выгоняли. Для хлоповъ Рѣчь-Посполитая была зданіе не только совершенно чуждое, но и вредное,—если они по невѣжеству не могли объяснить и высказать этого, то хорошо чувствовали инстинктомъ. Отстоявъ своею кровію ея существованіе, они могли этимъ отстоять только свою многовѣковую неволю; всѣ настолько могли имѣть сметки, чтобъ понять хорошо, что они идутъ на смерть потому, что паны такъ велятъ, а паны поднялись оттого, что чуютъ паденіе своихъ преимуществъ. Если бы въ то время враждебныя Польшѣ державы осмѣлились только пообѣщать хлопамъ свободу, во всей Польшѣ вспыхнула бы народная революція не въ защиту Рѣчи-Посполитой, а въ пользу иностранныхъ государствъ, хотѣвшихъ уничтожить польскую національность. Въ Южной Руси поляки тогда были обязаны только русскому войску, что ихъ не стали поголовно рѣзать хлопы, у которыхъ въ душѣ не угасалъ духъ Хмельницкаго. Въ то время, когда на Волыни поднялся Вышковскій, одинъ обыватель, въ числѣ многихъ другихъ убѣжавшій въ австрійскія владѣнія, писалъ: «слава тебѣ, Господи, что я вырвался изъ неволи хуже турецкой. Мы каждый день ожидали смерти, потому что былъ замыселъ хлоповъ вы-

рѣзать насъ; и теперь еще онъ существуетъ. Я здѣсь безопасенъ, но боюсь за свою братью обывателей; они въ большой опасности. Сами москали какъ обваренные, чрезвычайный страхъ на нихъ нападаетъ, сами въ томъ сознаются». Костюшко между тѣмъ писалъ въ русскіе края (въ подлясское воеводство) обывателямъ: «внушите смѣлость земледѣльцамъ; пусть то самое желѣзо, которымъ до сихъ поръ воздѣлывали поля свои, обратятъ они на выю непріятелей, а вы станьте на челѣ ихъ; вспомните о мужествѣ отцовъ вашихъ и превзойдите ихъ ревностію и самопожертвованіемъ для блага отечества».

Такая военная идиллія подъ перомъ главнокомандующаго очень не согласовалась съ вѣстями, которыя приносились обывателямъ о состояніи умовъ простого народа. Только страхъ сдѣлать то, что̀ было въ духѣ французской революціи, только боязнь, чтобы вслѣдъ за Польшею, и въ сосѣднихъ государствахъ не явилось у мужиковъ желаніе освободиться отъ владѣльцевъ, останавливали русскихъ и пруссаковъ употребить мѣру, которая, безъ сомнѣнія, уничтожила бы съ корнемъ всякія затѣи на возвращеніе Польшѣ независимости.

30-го апрѣля, объявлено посполитое рушенье: кромѣ рекрутъ всѣ должны быть вооружены и готовы къ бою, когда окажется нужно. Но это была только мѣра на будущее время. Пока думали организовать войско изъ рекрутъ. Въ числѣ другихъ Костюшко поручилъ французу Бернье, служившему лакеемъ у Велепольскихъ, уже ополячившемуся отъ долгаго пребыванія въ краѣ, Ташицкому и братьямъ Иляскимъ набирать рекрутъ; но когда эти господа поѣхали по обывателямъ, то вездѣ встрѣтили нежеланіе, и не могли согнать болѣе двухъ тысячъ. Чтобы привязать къ себѣ хлоповъ, прибывавшихъ поневолѣ въ лагерь съ косами и топорами, Костюшко прикидывался самъ хлопомъ, надѣвалъ на себя краковскую сермягу,

обращался съ ними за панибрата, ѣлъ съ ними, пилъ, и давалъ имъ обѣщанія, что они будутъ свободны отъ обывательскаго ига.

Въ началѣ мая, Костюшко снялъ свой станъ у Босутова и вступилъ въ сендомирское воеводство; здѣсь онъ далъ приказаніе собирать пятую часть населенія и присылать въ лагерь у Поляницъ, на Вислѣ: тамъ онъ остановился. Разосланные офицеры должны были доставлять людей вооруженныхъ пиками, карабинами, пистолетами, косами, брать на квитанціи, выданныя изъ скарба, лошадей и разные припасы отъ обывателей. Но въ сендомирскомъ воеводствѣ еще хуже встрѣтили повстанье, чѣмъ въ краковскомъ. Обыватели смотрѣли на Костюшку, какъ на своего врага, который пришелъ обирать ихъ, и, еще хуже, лишать ихъ вѣковыхъ правъ, составлявшихъ величайшую драгоцѣнность шляхетскаго званія. Многіе поспѣшали оставлять свои дома и бѣжали въ Галицію. Другіе поневолѣ должны были платить деньги и высылать мужиковъ, а сами вздыхали, проклинали свое время, сами не зная, на кого взваливать вину, и молили Бога, чтобы такъ или иначе, только поскорѣе окончилось бы такое обирательное возстаніе.

Седьмого мая, подъ Поляницами, Костюшко издалъ знаменитый манифестъ объ освобожденіи крестьянъ въ слѣдующемъ видѣ:

«Никогда непріятельское оружіе не было бы страшно для поляковъ, еслибы они были между собою въ единеніи, знали свои собственныя силы и умѣли ихъ надлежащимъ образомъ употреблять. Сосѣднимъ государствамъ невозможно было побѣдить насъ открытою войною, но хитрость, вѣроломство—вотъ ихъ страшныя орудія, которыми они отняли у насъ средства отражать нашествіе враговъ. Продолжительная московская тираннія въ Польшѣ очевидно доказываетъ, до какой степени эта держава играла нашею

судьбою. Она покупала себѣ продажныя души, обманывала слабые умы, вѣроломными обѣщаніями льстила предразсудкамъ, ласкала страсти, возбуждала ихъ одну противъ другой, чернила нашу націю передъ иностранцами, все привела въ движеніе, чтобы насъ погубить; однимъ словомъ употребляла въ дѣло все, что только могла выдумать адская злоба, соединенная съ самымъ безнравственнымъ вѣроломствомъ. Во всѣхъ обстоятельствахъ, когда поляки брали оружіе противъ московитовъ, — этотъ варварскій народъ могъ ли похвастаться, что онъ одержалъ надъ нами хотя одну дѣйствительную побѣду? И однако, польская храбрость получала отъ этого только ту выгоду, что на короткое время облегчала иго, которое побѣжденный врагъ налагалъ на насъ снова. Откуда же такіе страшные обороты дѣлъ въ Польшѣ? Отчего народъ стонетъ подъ тягостію несчастій и не найдетъ средствъ покончить ихъ? Оттого, что коварство москалей сильнѣе, чѣмъ ихъ оружіе: оно губитъ поляковъ поляками. Несчастные поляки долго были раздѣлены политическими мнѣніями, не соглашались между собою въ началахъ, на которыхъ должны быть основаны свобода и общественный строй. Хотя эта рознь мнѣній сама по себѣ невинна, но къ ней приплетались частные виды, вредный духъ несогласія, наклонность связываться съ иностранцами и, наконецъ, низкое подчиненіе ихъ волѣ. Страданія наши переполнились. Участь Польши рѣшается. Теперь или никогда! Довольно сомнѣній, довольно споровъ! Оставьте въ презрѣніи вѣдомыхъ измѣнниковъ, подлецовъ, которые еще и теперь глухи къ послѣднему хрипѣнію умирающей отчизны. Настоящее возстаніе клонится къ тому, чтобы возвратить Польшѣ свободу и независимость. Волѣ націи предоставляется рѣшить, въ болѣе благопріятное время, какую форму правленія угодно ей будетъ дать себѣ. Поэтому, пріостановимъ всѣ пренія о мнѣніяхъ; священная

и ясная цѣль возстанія должна собрать подъ однѣ знамена всѣхъ и соединить между собою тѣхъ, которые по многимъ поводамъ были до сихъ поръ несогласны съ нами. Въ этотъ день, въ эту минуту, слѣдуетъ намъ показать величайшее соревнованіе. Непріятель собираетъ противъ насъ всю свою силу, грозитъ намъ оружіемъ, но это средство меньше всего намъ опасно. Важнѣе всего то, чтобы мы могли противопоставить значительную громаду свободныхъ людей ордѣ пугливыхъ невольниковъ. Не сомнѣвайтесь, побѣда будетъ за тѣмъ, кто сражается за свое собственное дѣло. Лукавыя козни, которыя насъ до сихъ поръ одолѣвали, эти змѣи, которыя насъ предательски уязвляли, этотъ вѣроломный макіавелизмъ, который намъ безпрестанно вредилъ—вотъ что мы должны сдѣлать безсильнымъ. Разобьемъ эти страшныя орудія, постараемся, чтобы всѣ граждане имѣли одно чувство, чтобы грозящій мечъ правосудія достигалъ повсюду до тѣхъ, которые осмѣлятся показать двуличность и измѣну.

«Я указываю націи на вѣроломное средство, какое хотятъ употребить москали для нашей гибели. Они думаютъ возбудить противъ насъ поселянъ. Они изображаютъ въ преувеличенномъ видѣ произволъ надъ ними обывательской власти, ихъ старинную нищету, обѣщаютъ имъ улучшеніе ихъ участи подъ вліяніемъ Екатерины II, и въ то же время подстрекаютъ ихъ грабить обывательскія усадьбы. Обманутые простаки могутъ попасть въ разставленныя сѣти, какъ часто бываетъ; всѣмъ извѣстно, какъ москали надѣвали свои мундиры на легковѣрныхъ мужиковъ и обманули ихъ наравнѣ съ тѣми, которыхъ заставили идти за собою по неволѣ. Я сознаюсь, что безчеловѣчное обращеніе, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ терпитъ сельское населеніе, состоящее во владѣніи пановъ, даетъ москалямъ достаточный поводъ безчестить польскую націю. Я часто получалъ жалобы отъ старыхъ солдатъ и

новыхъ рекрутовъ: не только, какъ они показываютъ, ихъ жены и дѣти не получаютъ никакого облегченія, но ихъ положеніе еще отягощается, какъ бы въ наказаніе за то, что ихъ мужья и отцы служатъ Рѣчи-Посполитой. Подобные поступки во многихъ мѣстахъ, безъ сомнѣнія, совершались безъ вѣдома и желанія обывателей, но у другихъ они могли быть слѣдствіемъ недоброжелательства или иностраннаго внушенія, которое такимъ образомъ дѣйствуетъ для того, чтобы охладить патріотическій энтузіазмъ народа. Какъ бы то ни было, человѣколюбіе, правосудіе и общественная польза внушаютъ намъ средства легко и своевременно уничтожить эти злодѣйскіе замыслы. Мы объявляемъ во всеуслышаніе, что народъ долженъ пользоваться покровительствомъ правительства, не только на это время, но это покровительство ему достоитъ по силѣ старинныхъ законовъ, освященныхъ волею націи. Объявляемъ, что всякій обиженный человѣкъ можетъ прибѣгать къ покровительству порядковыхъ коммиссій, учрежденныхъ въ каждомъ воеводствѣ, а оскорбитель и утѣснитель защитниковъ отечества будетъ наказанъ, какъ врагъ отечества и измѣнникъ. Мнѣ принадлежитъ указать средства достигнуть такого состоянія. Эти средства сообразны съ справедливостію и великодушіемъ народа, дороги для чувствительныхъ душъ и сопряжены съ легкими пожертвованіями личныхъ выгодъ для общественнаго блага. Я поручаю провизоріальному совѣту въ Варшавѣ, а равно и коммиссіямъ въ воеводствахъ и повѣтахъ оповѣстить настоящій универсалъ и наблюдать возможно-строжайшимъ образомъ надъ его исполненіемъ:

1) Народъ по силѣ закона будетъ пользоваться покровительствомъ правительства.

2) Всякій поселянинъ лично свободенъ, можетъ водворяться гдѣ ему угодно, сдѣлавши въ порядковой коммиссіи заявленіе о томъ, гдѣ онъ намѣренъ водвориться, запла-

тивъ свои долги, если таковые окажутся, и общественныя подати.

3) Рабочіе дни, которые крестьяне будутъ посвящать своимъ владѣльцамъ, опредѣляются слѣдующимъ образомъ: тотъ, который долженъ былъ работать шесть дней въ недѣлю, будетъ работать только четыре; тотъ, который работалъ пять, долженъ работать три; работавшій три дня—два; а работавшій два—только одинъ день; тотъ, который работалъ только одинъ день въ недѣлю, будетъ работать одинъ день въ двѣ недѣли; кто работалъ помѣщику вдвоемъ, тому должны быть сбавлены рабочіе дни вдвойнѣ, а кто работалъ самъ-другъ, тому безъ удвоенія. Такая льгота должна наблюдаться во все время возстанія, до тѣхъ поръ, пока законодательная власть не установитъ для этого строгихъ правилъ.

4) Мѣстныя власти будутъ наблюдать, чтобы имущества тѣхъ, которые служили Рѣчи-Посполитой, не приходили въ упадокъ, и чтобы земля, источникъ богатства, не оставалась безъ разработки, чему должны въ каждой деревнѣ содѣйствовать, какъ владѣльцы, такъ и сельскія громады.

5) Призываемые въ посполитое рушенье освобождаются отъ всякой панщины во все время, въ которое они остаются подъ оружіемъ, но они обязаны возобновить ее съ того времени, когда возвратятся въ свои жилища.

6) Никакой владѣлецъ не можетъ отнять у крестьянина поле, которымъ онъ владѣетъ, пока онъ исполняетъ связанныя съ этимъ повинности, по вышеуказаннымъ правиламъ; чтобы крестьянина лишить грунта, нужно, чтобы владѣлецъ доказалъ передъ мѣстною юрисдикціею, что крестьянинъ не исполняетъ своихъ обязанностей.

7) Если какой-нибудь повѣренный, экономъ или коммиссаръ владѣльца нарушитъ настоящее распоряженіе, и начнетъ учинять какое-нибудь утѣсненіе крестьянамъ,

такой долженъ быть арестованъ, приведенъ въ порядковую коммиссію и отправленъ въ уголовный судъ.

8) Если какой-нибудь владѣлецъ, что мнѣ непріятно допустить, прикажетъ или самъ начнетъ оказывать утѣсненія надъ крестьянами, такой долженъ быть приведенъ въ судъ, какъ виновный въ намѣреніи потрясти священную цѣль національнаго повстанья.

9) Равномѣрно, сельское населеніе, пользуясь правосудіемъ и щедротами правительства, должно ревностно работать въ опредѣленные настоящимъ предписаніемъ дни, повиноваться законамъ, не пренебрегать сельскою экономіею, напротивъ, стараться обработывать землю и обсѣменять ее. Такъ какъ выгоды отечества заставляютъ насъ установить это уменьшеніе обязанностей, лежащихъ на народѣ, и обыватели принимаютъ его охотно, изъ любви къ отечеству, поэтому необходимо, чтобы земли обывателей не оставались необработанными, и поселяне также не должны отказываться, если ихъ будутъ нанимать на работу за надлежащую плату.

10) Чтобы повсюду былъ соблюденъ порядокъ, и чтобы настоящее предписаніе сохранялось въ точности, порядковыя коммиссіи раздѣлятъ воеводства и повѣты на дозоры, такъ, чтобы каждый дозоръ заключалъ не менѣе тысячи и не болѣе тысячи двухъсотъ земледѣльцевъ. Этимъ дозорамъ должно дать имя села или главнаго городка и означить ихъ взаимныя границы, съ соблюденіемъ удобства сообщенія между ними.

11) Во всякомъ дозорѣ будетъ назначенъ наблюдатель, человѣкъ достойный по своимъ способностямъ и честности; кромѣ обязанностей, которыя налагаются на него порядковою коммиссіею, онъ будетъ принимать жалобы отъ народа, въ случаѣ притѣсненій, и отъ владѣльцевъ, въ случаѣ неповиновенія со стороны народа, рѣшать споры, а

если спорящія стороны не подчинятся его рѣшенію, отсылать ихъ въ порядковую коммиссію.

12) Оказанное народу правосудіе, котораго послѣдствія онъ увидитъ въ облегченіи его повинностей, должно одушевлять его еще болѣе къ работамъ. къ воздѣлыванію земель и къ защитѣ отечества. Если какіе-нибудь гультаи, во зло употребляющіе правосудіе и благодѣянія правительства, будутъ отвращать народъ отъ работы, возбуждать къ бунту противъ владѣльцевъ, отговаривать отъ защиты отечества, порядковыя коммиссіи въ своихъ воеводствахъ и повѣтахъ должны ихъ арестовать и предавать уголовному суду. Порядковыя коммиссіи будутъ равномѣрно наблюдать надъ бродягами, которые оставятъ свои дома и будутъ скитаться, арестовать ихъ, и если, по учиненномъ обыскѣ о ихъ поведеніи, докажется, что они лѣнивцы и бродяги,—употреблять ихъ на общественныя работы.

13) Духовные, какъ ближайшіе наставники, должны внушать народу его долгъ по отношенію къ отчизнѣ, его истинной матери. Они должны ему объяснить, что обрабатывать земли, какъ собственныя, такъ и владѣльческія, есть такая же служба отчизнѣ, какъ и сражаться и защищать отчизну отъ опустошеній и грабежа непріятельскихъ солдатъ; и что, исполняя обязанности, облегченныя настоящимъ предписаніемъ, они только вознаграждаютъ владѣльцевъ за тѣ земли, которыя отъ владѣльцевъ получаютъ.

14) Духовные обоихъ обрядовъ должны обнародовать этотъ универсалъ въ теченіи четырехъ недѣль, съ амвоновъ въ костелахъ и церквахъ. Сверхъ того, порядковыя коммиссіи выберутъ сами изъ своихъ членовъ или изъ ревностныхъ къ отечеству обывателей, лицъ, обязанныхъ отправиться во всѣ села и приходы, собирать народъ, читать ему настоящее распоряженіе, объяснять ему, что

повстанье имѣетъ цѣлью его благосостояніе, и что онъ, народъ, въ благодарность за такое великое благодѣяніе, долженъ заплатить благодарностію и употребить всѣ силы къ защитѣ Рѣчи-Посполитой».

Этотъ универсалъ прошелъ безслѣдно и остался важнымъ въ исторіи только какъ образчикъ, на какія мѣры рѣшались поляки въ разгарѣ политической страсти. Къ опубликованію его не прилагали большихъ стараній; даже въ газетахъ онъ явился не раньше какъ черезъ мѣсяцъ, тогда какъ другіе универсалы Костюшки печатались немедленно. Обыватели были далеки отъ того, чтобы раздѣлять желаніе Костюшки облегчить повинности крестьянъ; напротивъ, отправивъ крестьянъ въ войско, они сильнѣе обременяли ихъ семьи работами, чтобы выручить потерю работниковъ; даже тѣ обыватели, которые сочувствовали вполнѣ возстанію, и не отказывались проливать собственную кровь за отечество, смотрѣли на высылку крестьянъ своихъ въ войско какъ на такое съ своей стороны добровольное лишеніе, какимъ было пожертвованіе вещей и денегъ. Хлопъ для обывателя не переставалъ быть рабочимъ скотомъ, да и нельзя было требовать отъ обывателя иныхъ взглядовъ и чувствъ, кромѣ тѣхъ, которые перешли къ нему отъ отца и дѣда и усвоены воспитаніемъ. Достаточные владѣльцы, когда на нихъ наложили пожертвованія, съ спокойною совѣстію раскладывали ихъ на своихъ крестьянъ, хотя имѣли и капиталы. Варшавскій провизоріальный совѣтъ, узнавъ о такихъ поступкахъ, запрещалъ ихъ, и даже предписывалъ въ Мазовецкомъ княжествѣ возвратить крестьянамъ то, что у нихъ для этой цѣли собрали владѣльцы. Въ своемъ универсалѣ, отъ 25 мая, онъ замѣчаетъ, что не могъ ожидать этого отъ благородныхъ обывателей, а тѣмъ болѣе отъ духовныхъ, которые, въ числѣ своихъ первыхъ обязанностей, должны считать облегченіе судьбы угнетеннаго народа. Вообще

надобно сказать, что универсалъ 7 мая принесъ возстанію болѣе вреда, чѣмъ пользы. Онъ отбивалъ обывателей отъ возстанія; обыватели боялись, что цѣль возстанія отнять у нихъ тѣ права, въ которыхъ они поставляли самое величайшее достоинство шляхетскаго званія. Что же касается до польскихъ крестьянъ, то они не выходили изъ тупого терпѣнія и боязни передъ своими панами: на нихъ дѣйствовало то, что скажетъ ихъ панъ, и еслибы въ самомъ дѣлѣ смутная эпоха пробудила въ нихъ глубокое чувство желанія свободы, или даровала возможность проявиться на дѣлѣ пробужденному чувству, то, конечно, вмѣстѣ съ этимъ желаніемъ возникло бы и неразлучное съ нимъ чувство вражды къ панамъ; этотъ универсалъ не могъ оживотворить ихъ. Притомъ, по самой сущности дѣла, никакой универсалъ Костюшки не могъ имѣть въ будущемъ великаго значенія. Въ самомъ актѣ повстанья было постановлено. что всѣ распоряженія временнаго правительства не имѣютъ силы на будущее время, что они могутъ быть уничтожены на первомъ же засѣданіи сейма, который долженъ будетъ собраться по успокоеніи страны.

По примѣру Варшавы, высочайшій совѣтъ Великаго Княжества Литовскаго, независѣвшій отъ польскаго, требовалъ, чтобы всѣ мѣстныя власти и учрежденія были подвластны исключительно ему. Литва шагнула въ революціи дальше чѣмъ Корона; ея Высочайшій Совѣтъ прямо объявилъ о своей солидарности съ Франціею. «Слушай, народъ литовскій, говорилось въ его универсалѣ, что̀ теперь говоритъ тебѣ не слабый король со слабѣйшаго престола, не своевольная громада, не имѣющая ничего кромѣ пустого титула народа, а спокойный союзъ благожелательныхъ твоихъ сыновъ, которые долгое время трудились надъ твоимъ освобожденіемъ въ то время, когда ты въ немъ отчаявался; мужественный французскій народъ подаетъ тебѣ дружескую руку, сочувствуетъ тво-

ему повстанью, дастъ тебѣ, кромѣ того, помощь всякимъ способомъ. Его доброжелательство основано на взаимныхъ выгодахъ двухъ народовъ, а не на обольстительной и обманчивой политикѣ, которой жертвою мы были столько разъ». Извѣщалось объ учрежденіи верховнаго уголовнаго суда, который въ 24 часа долженъ судить преступленія противъ повстанья. Постановлялось, что декретъ этого суда можетъ быть только или полнымъ оправданіемъ съ наказаніемъ обвиняющаго, или смертный приговоръ. Установлена была депутація общественной безопасности. Ея обязанность была наблюдать надъ всѣмъ тѣмъ, что можетъ препятствовать народному повстанью, чтобы не только ничего не дѣлалось, но даже и не говорилось противнаго повстанью, а виновные будутъ немедленно отсылаемы къ суду. Для этой цѣли она имѣла власть задерживать кого нужно военною силою, производить слѣдствіе. Въ случаѣ, еслибы не было доносителя, процессъ о преступленіи противъ повстанья начинался публичнымъ инстигаторомъ. Кромѣ этой грозной депутаціи, Высочайшій Совѣтъ учреждалъ еще депутацію снаряженій и депутацію общественной казны. Высочайшій совѣтъ приглашалъ всѣхъ къ оружію и доставкѣ рекрутъ, побуждалъ шляхту говорить милостивымъ словомъ природы къ простому народу и призывать его къ войнѣ ради того, что онъ терпитъ отъ иноземныхъ солдатъ. Не только о какомъ бы то ни было освобожденіи, но даже объ облегченіи повинностей не говорилось ни слова. Костюшко, узнавъ объ этомъ, очень былъ недоволенъ: объявить, что принимаютъ за образецъ Францію и входить съ нею въ дружескій союзъ, въ то время значило вызывать противъ Польши ту бурю, которая давно уже угрожала Франціи, и если эта буря не могла до сихъ поръ ничего сдѣлать Франціи, то тѣмъ яростнѣе должна была напасть на Польшу.

VII.

Аресты.—Волненія въ Варшавѣ.—Казнь Ожаровскаго, Коссаковскаго, Анквича и Забѣллы.—Организація военно-полицейской силы въ Варшавѣ.—Волненіе противъ диссидентовъ.—Образованіе Высочайшаго Совѣта.

Духъ революціоннаго террора разгорался съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. 1-го мая арестовали епископовъ Масальскаго, Скаржевскаго и подканцлера Адама Мощинскаго. Отъ нихъ отобрали вещи, которыя они получили въ подарокъ отъ Екатерины послѣ Гродненскаго сейма. Масальскій находился во дворцѣ у короля: генералъ Мокроновскій обратился къ Станиславу-Августу и просилъ отъ имени совѣта арестовать его черезъ своего адъютанта. «Мнѣ крайне прискорбно,—сказалъ король,—что мое жилище не можетъ служить убѣжищемъ, но всего прискорбнѣе то, что все это дѣлается послѣ того, какъ я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ епископъ старался всѣми силами смягчить несчастія, которыя стали поводомъ къ революціи 17-го апрѣля. Впрочемъ, я не имѣю права арестовать виленскаго епископа». Тогда Мокроновскій арестовалъ Масальскаго мимо воли короля: арестованный былъ отправленъ въ Брюлевскій дворецъ. По его арестованіи, Людовикъ Тышкевичъ такъ испугался, чтобъ къ нему не придрались, что отослалъ погребецъ, который онъ получилъ отъ русской государыни, и написалъ письмо, въ которомъ увѣрялъ, что онъ сдѣланъ былъ маршаломъ сейма по неволѣ и исполнялъ свои обязанности такъ, что не долженъ чрезъ то навлечь упреки патріотовъ.

Пронеслись вслѣдъ затѣмъ вѣсти, что русскіе жестоко поступали съ жителями; говорили, что Тучковъ, уходя изъ-подъ Вильны, жегъ жилыя мѣстности и дозволялъ солдатамъ неистовствовать надъ жителями. Тоже говорили

о Цицiановѣ, который, кромѣ того, наложилъ на Гродно разорительную контрибуцiю; разсказывали о своевольствѣ отряда маiора Сухозанета, въ Козенцахъ, гдѣ ограбленъ былъ королевскiй палацъ и москали, угрожая городу сожженiемъ, приказывали чиновникамъ городского магистрата доставлять себѣ женщинъ для распутства. Ожесточенiе противъ русскихъ вообще перешло и на русскихъ плѣнниковъ, находившихся въ Варшавѣ, а еще болѣе на посаженныхъ въ тюрьму поляковъ, называемыхъ измѣнниками.

Коллонтай изъ Кракова дѣйствовалъ на народъ; его агентъ, Марушевскiй, и вообще рьяные демагоги, подъ влiянiемъ примѣровъ французской революцiи, побуждали народъ требовать казней: это, говорили они, наведетъ страхъ на многочисленныхъ тайныхъ недоброжелателей революцiи и прекратитъ ихъ замыслы. Чернь, разжигаемая демагогами, прiобрѣтала жажду крови. Случилось событiе, ускорившее исполненiе желанiя демагоговъ.

8-го мая, въ день королевскихъ именинъ, въ шесть часовъ по полудни, король отправился въ Прагу на прогулку. Въ это время разгласили по Варшавѣ, будто русскiе и пруссаки приближаются къ Прагѣ. Все заволновалось, заметалось, хваталось за оружiе, ударили по всѣмъ костеламъ въ набатъ, забили въ барабаны, кричали: «до брони, до брони!» и по всѣмъ улицамъ засновали туда и сюда старые и малые, вооруженные какъ попало и чѣмъ попало; кто бѣжалъ съ ружьемъ безъ штыка, кто со штыкомъ безъ ружья, кто съ пистолетомъ, кто съ копьемъ... Комедiанты, торгаши, ремесленники, чернорабочiе, евреи и такiе люди, о которыхъ по неопредѣленности ихъ занятiй можно было только сказать, что они топтали варшавскiя улицы, и тѣ не отставали отъ другихъ и старались показать свой польскiй патрiотизмъ. Торопливость была такъ велика, что не одинъ, заряжая непривычное

для себя оружіе, ранилъ самъ себя или своего товарища.

Въ это время начали кричать, что русскихъ плѣнниковъ слишкомъ много, что измѣнники хотятъ освободить ихъ и они будутъ опасны для города во время приступа,— ихъ надобно всѣхъ побить вмѣстѣ съ тѣми поляками, которые посажены въ тюрьмы и принадлежатъ, какъ извѣстно, къ московской партіи. Вдругъ узнали, что короля нѣтъ въ городѣ. Тогда разнеслось въ толпѣ, что онъ ускользнулъ изъ Варшавы и измѣнилъ патріотическому дѣлу. Кинулись догонять короля, но король, узнавъ о волненіи народа, самъ воротился, и на Краковскомъ Предмѣстьѣ толпа встрѣтила его восклицаніями: «да здравствуетъ король!» А нѣкоторые прибавляли: «только пусть не убѣгаетъ!»

Много труда стоило успокоить взволнованный городъ. Едва ночью утихло смятеніе.

На другой день узнали, что подъ городомъ нѣтъ и не было ни русскихъ, ни пруссаковъ; стали разыскивать, кто распускаетъ эти вѣсти. По наущенію Килинскаго стали говорить, что это пущено было тайными сторонниками русскихъ, съ тѣмъ, чтобы произвести суматоху и въ суматохѣ освободить плѣнныхъ русскихъ и содержавшихся подъ стражею поляковъ. Указывали особенно на камердинера Анквича, будто онъ былъ здѣсь одно изъ главныхъ лицъ и цѣль его была освободить своего господина.

Громада народа бросилась къ дверямъ дома, гдѣ засѣдалъ провизоріальный совѣтъ, и кричала: «повѣсить Ожаровскаго, Забѣллу, Коссаковскаго и Анквича!» Совѣтъ хотѣлъ-было уговорить народъ отстать отъ этого требованія, но напрасно. Народъ собрался на Старомъ Мѣстѣ, на рынкѣ. Стали толковать, что слѣдуетъ обличить и судить немедленно злодѣевъ отечества для примѣра другимъ. Послали требовать актовъ архива Игельстрома. Уже прежде

разбирались эти бумаги; изъ нихъ было видно, что обвиняемыя лица дѣйствительно были на пенсіонѣ у Россіи. Народъ объ этомъ узналъ и хотѣлъ видѣть казнь тѣхъ, которыхъ считалъ виновниками бѣдствій отечества. Еще на разсвѣтѣ толпа поставила четыре висѣлицы, три на Старомъ Мѣстѣ, четвертую передъ костеломъ бернардиновъ на Краковскомъ Предмѣстьѣ. На висѣлицахъ было написано: «казнь измѣнниковъ отечества».

Провизоріальный совѣтъ боялся, чтобы въ случаѣ новаго такого волненія, какое произошло наканунѣ, толпа не ворвалась въ засѣданіе и не сдѣлала совѣту принужденія. Это дало бы черни на будущее время смѣлость дѣлать, что ей угодно, и провизоріальный совѣтъ потерялъ бы значеніе самостоятельнаго правительства; лучше было заранѣе добровольно уступить въ томъ, что́ вырвутъ насильно въ случаѣ упорства. Приказали вывести четырехъ пановъ и отдать ихъ народному суду. Семидесятилѣтній Ожаровскій не могъ ходить и его принесли въ креслѣ; Анквичъ и Забѣлло шли вмѣстѣ, держа въ рукахъ шляпы, и кланялись народу на всѣ стороны, какъ бы желая смягчить покорностію народное ожесточеніе противъ себя. За ними слѣдовалъ епископъ Коссаковскій, опустивъ глаза въ землю.

Привели ихъ въ ратушу, гдѣ собрался уголовный судъ; показали имъ ихъ росписки въ полученіи денегъ отъ русскихъ пословъ. Улика была на-лицо. Запираться было невозможно, оправдываться тоже. Трое изъ осужденныхъ молчали. Коссаковскій говорилъ: «Если вы хотите судить за это, судите въ такомъ случаѣ и другихъ; многіе сенаторы и епископы достойны той же самой судьбы, и они такъ же, какъ и мы, брали отъ русскихъ деньги и служили Россіи».

Это собственно не было оправданіе, а только указаніе на виновность другихъ въ томъ же. Коссаковскій, какъ

видно, хотѣлъ посредствомъ этой увертки избѣгнуть немедленной казни, затянувъ дѣло, сдѣлать себя нужнымъ для производства суда надъ другими, а между тѣмъ обстоятельства могли измѣниться. Но разъяренная толпа не слушала ничего, кричала: «на висѣлицу измѣнниковъ!» Приговоръ былъ немедленно подписанъ. Пригласили капуциновъ; они исповѣдывали и причастили троихъ приговоренныхъ, потомъ ихъ повели на висѣлицу.

Ожаровскій, сидя въ своемъ креслѣ, отъ страха былъ чутъ живъ и кажется не сознавалъ, что съ нимъ происходитъ. Онъ первый выпилъ смертельную чашу съ тупымъ спокойствіемъ. Забѣлло, когда его подвели къ висѣлицѣ, началъ кланяться, просить народъ о помилованіи, и увѣрялъ, что онъ невиненъ. Ему отвѣчали криками: «измѣнникъ, измѣнникъ, молчать!» Анквичъ, одѣтый въ зеленый кунтушъ, съ твердостію окинулъ взорами народъ и началъ-было говорить рѣчь: «Народъ благородный! Неужели въ тебѣ нѣтъ состраданія?» но его прервали криками: «нѣтъ состраданія къ измѣнникамъ!» Тогда онъ, подошедши къ висѣлицѣ, понюхалъ табаку, потомъ равнодушно подарилъ золотую табакерку палачу, сказавъ: «не мучь меня долго»; самъ себѣ надѣлъ на шею петлю и повисъ.

Надъ епископомъ Коссаковскимъ, по сношенію провизоріальнаго совѣта съ нунціемъ, совершенъ былъ прежде духовными обрядъ снятія сана; а потомъ уже его повели на особую висѣлицу на Краковскомъ Предмѣстьѣ. Народъ бѣжалъ за нимъ, кричалъ, плевалъ на него, рвалъ на немъ одежды, такъ что онъ остался въ рубашкѣ и въ холщевомъ исподнемъ платьѣ. Несчастный просилъ позволенія зайти въ костелъ въ послѣдній разъ помолиться, но этого ему не дозволили и повѣсили.

«Да здравствуетъ революція!» кричалъ народъ, наслаждаясь зрѣлищемъ, какъ измѣнники въ смертныхъ му-

кахъ кружились въ воздухѣ на роковыхъ петляхъ. Застывшія тѣла ихъ висѣли до вечера. Толпы безпрестанно сновали около нихъ и кричали: «такъ слѣдуетъ поступать со всѣми подобными».

Имѣнія осужденныхъ объявлялись конфискованными, но сдѣлано было прибавленіе, что безчестіе, постигшее этихъ преступниковъ, не падаетъ на ихъ фамиліи и потомковъ, если только послѣдніе будутъ служить отечеству вѣрно.

Русскіе плѣнные ожидали себѣ кончины, но къ нимъ вошли поляки и сказали: «Москали, не бойтесь, вамъ не будетъ худо. Вы честные и храбрые люди, вы служили своему отечеству и своей государынѣ; еслибы у насъ были подобные вамъ, такъ и вы бы у насъ не были». Съ этихъ поръ положеніе русскихъ стало гораздо лучше. Ихъ содержаніемъ завѣдывала особая депутація. Положили выдавать на генерала Милашевича, какъ раненаго, 18 злот., а на другихъ генераловъ и бригадировъ по 9, на полковниковъ, подполковниковъ и маіоровъ по 6, на ротмистровъ и капитановъ по 3, на прочихъ оберъ-офицеровъ по 2; на унтеръ-офицеровъ 15 гр., а на солдата 10 грошей въ день; больнымъ же изъ солдатъ прибавляли еще по два гр. въ день. Съ ними стали обращаться вѣжливѣе, дозволили имъ ножи и вилки и даже нѣкоторымъ бумагу. Провизоріальный совѣтъ назначилъ для нихъ даже священника, Савву Пальмовскаго, и позволилъ устроить православное богослуженіе.

Провизоріальный совѣтъ желалъ на будущее время пресѣчь народныя смятенія и устроилъ въ городѣ правильное вооруженіе жителей. Вся Варшава подѣлена была числовымъ способомъ. Пересчитаны годныя къ бою лица отъ 15 до 50-лѣтняго возраста. На десять назначенъ десятникъ, десять десятковъ составляли сотню, для которой выбирался сотникъ. У тѣхъ дворовъ, гдѣ приходилась

сотня, вколачивался столбъ и назначалась караульня или гауптвахта. На тысячу (или на десять сотниковъ) назначался комендантъ и комендантская караульня, а на три тысячи генеральный комендантъ и у него караульня. Всѣ генеральные коменданты зависѣли отъ коменданта княжества Мазовецкаго, у котораго главная караульня была близъ памятника Сигизмунда III. Половина этой вооруженной силы бралась на баттареи и окопы къ работамъ, изъ остальныхъ половина (т.-е. четверть всего числа) ставилась на караульняхъ, а прочіе оставались дома. Въ случаѣ битвы, эта городская милиція должна была ставиться тремя колоннами; первая вооружена была огнестрѣльнымъ оружіемъ, вторая косами, третья копьями. Тревога должна была дѣлаться по распоряженію коменданта княжества Мазовецкаго троекратнымъ выстрѣломъ у памятника Сигизмунда III, потомъ выстрѣлами на генеральныхъ караульняхъ. Поэтому, въ каждомъ изъ шести диркуловъ, на которые была раздѣлена столица, было поставлено по пушкѣ. Звонъ въ набатъ запрещенъ, какъ и битье въ бубны по городу.

Демагоги начали волновать народъ противъ диссидентовъ, и возбуждали противъ нихъ католическій фанатизмъ. «Диссиденты—говорили они—давніе враги свободной Рѣчи-Посполитой, угодники Россіи и Пруссіи, они всему злу починъ дали, пригласили Россію и Пруссію вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла; они получили свои привилегіи и права не отъ Польши, а отъ Россіи, и теперь льнутъ къ нашимъ врагамъ; у нихъ въ церквахъ спрятано оружіе; какъ только русскіе и пруссаки подойдутъ къ городу, они достанутъ свое оружіе, освободятъ русскихъ плѣнниковъ, начнутъ помогать непріятелю и насъ всѣхъ рѣзать». Отъ словъ и угрозъ недалеко было въ такихъ обстоятельствахъ и до дѣла. Диссидентовъ стали оскорблять. Провизоріальный совѣтъ, для успокоенія умовъ, велѣлъ нарядить слѣдствіе

и обыскать диссидентскіе молитвенные дома. Въ нихъ не нашли никакихъ оружейныхъ складовъ, и совѣтъ огласилъ, что кто впередъ будетъ разсѣевать подобные ложные слухи, тотъ будетъ признанъ возмутителемъ общественнаго спокойствія. Но въ то же время спокойные обыватели находили болѣе и болѣе причинъ быть недовольными революціею. Военныя силы, наполнявшія Варшаву, вступали въ столкновенія съ мирными обывателями. Когда возили въ городъ припасы и продукты на торгъ, военные люди останавливали возы, выбирали изъ нихъ припасы, вербовали въ войско людей, которые ихъ везли. Жалобы на такіе поступки въ провизоріальный совѣтъ не прекращались. Многіе представляли, что они такимъ образомъ въ прахъ разорятся.

24-го мая прибыли въ Варшаву тріумфаторами Игнатій Потоцкій и Коллонтай. Толпы, встрѣчая ихъ, кричали «виватъ», махали платками и провожали къ президенту города. Они должны были занять мѣста въ Высочайшемъ Совѣтѣ, который долженъ былъ тотчасъ открыться. Провизоріальный совѣтъ сложилъ съ себя власть, принятую только на короткое время, по необходимости устроить какой-нибудь порядокъ въ столицѣ. Слагая власть, онъ сдѣлалъ публичное заявленіе, приглашавшее всѣхъ и каждаго, кто бы оказался недовольнымъ его дѣйствіями, выступить съ жалобою.

Высочайшій Совѣтъ, по порученію Костюшки, былъ устроенъ Закржевскимъ, который остался въ качествѣ президента Варшавы. Игнатій Потоцкій, считавшійся великимъ дипломатомъ, несмотря на фіаско въ Пруссіи, увѣрилъ всѣхъ, что турки начнутъ войну съ Россіею, и Польша заключитъ съ Портою договоръ не кончать войны иначе, какъ по возвращеніи отобранныхъ провинцій. Въ сущности онъ былъ только орудіе Коллонтая. Линовскій сообщаетъ, что Коллонтай, имѣвшій тогда большое вліяніе

на Костюшку, присвоивъ себѣ отъ него дѣло устройства совѣта, помѣстилъ въ немъ умышленно людей незначительныхъ, чтобъ самому управлять въ совѣтѣ. Членовъ совѣта было восемь, и при нихъ 22 помощника, въ числѣ которыхъ находились: Килинскій, Вейсенгофъ, Линовскій, Капостасъ, Заіончекъ. Обязанности совѣта предписаны были актомъ краковскаго повстанья. Онъ раздѣлялся на отдѣлы, сообразно разнымъ вѣтвямъ управленія, именно: 1) полиціи или порядка (предсѣдателемъ былъ Сулистровскій); 2) безопасности (Вавржецкій); 3) правосудія (Мышковскій); 4) финансовъ (Коллонтай); 5) продовольствія (Закржевскій); 6) военныхъ дѣлъ (Веловейскій); 7) иностранныхъ дѣлъ (Игнатій Потоцкій); 8) наукъ (Яськевичъ). По распоряженіямъ отдѣла «безопасности» перехватывались и пересматривались письма, подозрительныя бумаги, производились обыски въ домахъ, подвергались слѣдствію подозрительные и своевольные люди, арестовались и предавались уголовному суду; онъ наблюдалъ надъ политическими узниками и ихъ содержаніемъ, а также и надъ выдачею паспортовъ. Производство было возложено на индигаціонную коммиссію. Во все продолженіе революціи было множество спрашиваемыхъ и допрашиваемыхъ; въ концѣ мая число ихъ простиралось до 151; многіе привлекались по пустымъ подозрѣніямъ.

Помощники въ Высочайшемъ Совѣтѣ были прикомандированы по отдѣламъ и посылались по разнымъ дѣламъ въ воеводства и повѣты. Когда всѣ члены сходились вмѣстѣ, то президентъ выбирался на каждое засѣданіе, и потому постояннаго президента не полагалось. Пяти членовъ на лицо было достаточно для составленія засѣданія совѣта. Дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ. Голосъ президента перевѣшивалъ въ случаѣ равенства голосовъ. У совѣта были двѣ печати: одна общая, другая отдѣль-

ная, на нихъ былъ девизъ: Свобода, Цѣлость, Независимость (wolność, całość, niepodległość).

Въ Вильнѣ также революціонный терроръ сталъ сильнѣе; въ половинѣ мая казненъ былъ бывшій маршалъ виленской конфедераціи Швейковскій, креатура Коссаковскаго. Идя на смерть онъ произнесъ: «говорилъ мнѣ Коссаковскій: гдѣ они будутъ, тамъ и я буду; такъ и случилось». Осужденъ на смерть воевода инфлянтскій Іосифъ Коссаковскій съ сыномъ и свирѣпый въ оное время Мануцци съ сыномъ, но они укрывались. Всѣмъ военнымъ поручено искать ихъ. Вильна устроила у себя муниципальную гвардію, которая простиралась до трехъ тысячъ человѣкъ. Эта гвардія была вооружена копьями, карабинами, пистолетами, топорами, бердышами. Одиннадцатаго мая былъ первый смотръ новосформированной въ Вильнѣ городской силы. Ее привѣтствовалъ и воспламенялъ къ защитѣ отечества Михаилъ Огинскій, тотъ самый, который такъ недавно, по свидѣтельству Сиверса, былъ полезенъ ему на Гродненскомъ сеймѣ. «Да здравствуетъ отечество, да погибнутъ измѣнники!» кричалъ вооруженный народъ. Высочайшій литовскій совѣтъ заявлялъ, что онъ неотступно подчиняется волѣ Костюшки, что его назначеніе только временное, и что онъ не намѣренъ распространять строгости преслѣдованія на всѣхъ, кто только въ былое время далъ за себя акцессъ къ тарговицкой конфедераціи, но будетъ казнить тѣхъ, которые, находясь въ этой конфедераціи, ознаменовали себя утѣсненіями надъ обывателями.

Начертавшіе въ Краковѣ составъ и способъ дѣятельности Высочайшаго Совѣта не дали въ немъ мѣста съ одной стороны королю, а съ другой мѣщанамъ. Можно было ожидать, что пригласятъ къ предсѣдательству на засѣданіяхъ совѣта короля, но тогда заправщики дѣла мало вѣрили ему, какъ и бо̀льшая часть поляковъ. Что̀

было къ тому поводомъ и почему не допущены были мѣщане, можно толковать различно; быть можетъ, самъ Костюшко боялся этимъ допустить вліяніе уличной толпы на засѣданія, какъ то было во Франціи. Костюшко не былъ кровожаденъ; это доказывается тѣмъ, что онъ не одобрялъ казней такихъ людей, которые съ патріотической точки зрѣнія вполнѣ были достойны своего жребія. Быть можетъ, исключеніемъ мѣщанъ было намѣреніе сдѣлать угодное шляхетскому сословію, которое и теперь, какъ всегда, хотѣло, чтобы власть и законодательство оставались у него въ рукахъ исключительно. Линовскій приписываетъ это Коллонтаю; несмотря на то, что прежде онъ всегда казался демократомъ и стоялъ за права мѣщанъ, онъ теперь нашелъ допущеніе ихъ неудобнымъ для своей власти. Это недопущеніе мѣщанскаго сословія оскорбило многихъ не только мѣщанъ, но и людей крайнихъ убѣжденій о равенствѣ сословій. «Зачѣмъ, говорили, одной шляхтѣ довѣрили цѣлость отечества? Развѣ мы противились ея уставамъ, развѣ мы не платили установленныхъ податей? Кто же продалъ отечество, какъ не шляхта? Кто его дѣлилъ два раза, какъ не шляхта? Кто разорилъ нашу торговлю и ремесленность, какъ не шляхта? А кто началъ революцію? Шляхта? Нѣтъ! она, правда, составила планъ, но безъ нашей помощи ничего бы не сдѣлала». Килинскій устроилъ клубъ и на сходкахъ въ капуцинскомъ монастырѣ волновалъ мѣщанъ и возбуждалъ въ нихъ сильное неудовольствіе противъ шляхты. Они отправили четырехъ депутатовъ къ Костюшкѣ, но начальникъ отказалъ имъ. Коллонтай успѣлъ послать впередъ курьера къ начальнику и описать отправленныхъ депутатовъ интриганами и возмутителями порядка.

VIII.

Мѣры Высочайшаго Совѣта къ поддержанію революціи.—Финансовыя распоряженія.—Универсалъ къ православному духовенству.—Битва подъ Щекоцинами.—Пораженіе Заіончека подъ Холмомъ.—Взятіе русскими Люблина.—Взятіе пруссаками Кракова.—Волненія и казни въ Варшавѣ.—Вступленіе австрійцевъ.—Охлажденіе къ повстанью.

Высочайшій Совѣтъ назначилъ всеобщее вооруженіе въ такой пропорціи: съ каждыхъ пяти дымовъ въ городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ по рекруту, съ карабиномъ и нѣсколькими лядунками, или съ копьемъ длиною въ одиннадцать футовъ, либо съ косою и топоромъ. Рекрутъ долженъ быть убранъ по-крестьянски и имѣть съ собою двѣ рубахи, сапоги, шапку и простыню изъ грубаго сукна, сухарей на шесть дней и провіанта на шесть мѣсяцевъ. Съ пятидесяти дымовъ доставляться долженъ былъ конный рекрутъ, съ конемъ, стоющимъ не менѣе 150 злот., съ сбруею, съ саблею, парою пистолетовъ и пикою, причемъ слѣдовало поставлять такихъ, которые умѣли ѣздить на лошадяхъ, напр. рекомендовали обывателю отдать въ рекруты курьера или охотника. Обыватели должны были доставлять рекрутъ въ порядковыя коммиссіи своихъ повѣтовъ. Для содержанія войска, каждый дымъ долженъ доставлять 24 фунта сухарей, 8 гарнцевъ овса и 24 фунта сѣна. Сверхъ того всѣ жители отъ 18 до 40 лѣтъ должны вооружаться карабинами, ружьями, саблями, пиками или косами, и каждое воскресенье всякая деревня, мѣстечко или городъ должны упражняться въ военной наукѣ. Это слѣдовало привести въ исполненіе въ теченіе трехъ недѣль. Наконецъ, командующій генералъ имѣлъ право, гдѣ то окажется нужнымъ, въ городѣ, воеводствѣ, или землѣ, или повѣтѣ, созвать посполитое рушенье. Половина изъ составляющихъ это посполитое рушенье должна будетъ идти на бой немедленно, другая оставаться на хозяйствѣ,

готовая помогать тѣмъ, которые выйдутъ въ походъ. Каждый обыватель обязанъ выходить съ своими крестьянами, а если онъ слабъ здоровьемъ, старъ, или занятъ другою службою, высылать сына на челѣ своихъ крестьянъ. Обязанность вооруженія падала и на духовенство, сообразно получаемымъ доходамъ—съ двухъ тысячъ дохода должно ставить одного коннаго въ посполитое рушенье. Наконецъ, шляхта, не имѣющая другого дыма, кромѣ своего домашняго, должна идти сама лично, или высылать сыновей или братьевъ. Актомъ краковскаго повстанья, распространяемаго и на всю Польшу, возобновлялись всѣ налоги, постановленные и утвержденные бывшимъ конституціоннымъ сеймомъ (между прочимъ и пожертвованіе десятаго, двадцатаго и тридцатаго гроша съ имѣній); земскія имѣнія облагались процентомъ съ суммъ получаемаго дохода въ такой пропорціи: съ получаемаго дохода въ количествѣ отъ 100 зл. до 2,000—десять процентовъ; съ доходовъ отъ 2,000 до 10,000, отъ первыхъ двухъ тысячъ—десять, а отъ остальныхъ тысячъ—двадцать; съ дохода отъ 10,000 до 30,000, съ первыхъ двухъ тысячъ — десять, съ другихъ до 8,000 — двадцать, а съ остальныхъ—тридцать. Тѣ, которые получали въ годъ больше 50,000 злот., должны были платить по 40 процентовъ съ суммы дохода. За предѣлами пятидесяти тысячъ дохода въ цѣнности слѣдовало руководствоваться тарифомъ, составленнымъ при наложеніи «офяръ» (пожертвованія), десятаго гроша. Королевскія столовыя и экономическія имѣнія, свободныя до сихъ поръ отъ платы офяры, теперь подвергались тому же, по цѣнности, выводимой изъ контрактовъ, по которымъ онѣ отдавались въ поссессію. Духовныя имѣнія должны были платить по 50 проц. отъ суммы доходовъ, превышающихъ 2,000 злотыхъ. Города обязаны были заплатить половину годового съ нихъ побора, и сверхъ того всю сумму платимаго подымнаго не

въ счетъ. Нѣкоторые города, какъ напр. Вильна, Краковъ Сендомиръ, Люблинъ, Брестъ-Литовскій, Ковно, Луцкъ, Новогродокъ, сами имѣли право составить у себя поборъ. Наконецъ, съ королевщинъ, отданныхъ уже въ поссессію, бралось съ пожизненниковъ—три кварты, а съ владѣвшихъ подъ иными условіями и выше. Для облегченія позволено было платить вещами, нужными для войска, указанными порядковымъ коммиссіямъ отъ военнаго отдѣленія Высочайшаго Совѣта. Все это должно было собираться чрезъ экзакторовъ и доставляться въ соотвѣтственныя порядковыя коммиссіи. Сверхъ того, для бóльшаго доставленія денежныхъ средствъ, Высочайшій Совѣтъ установилъ выпускъ билетовъ казначейства (skarbowych), стоимостью на шестьдесятъ милліоновъ польскихъ злотыхъ, которымъ хотѣлъ присвоить въ государствѣ курсъ наравнѣ съ звонкою монетою. Этотъ выпускъ обезпечивался народными имуществами, то-есть королевщинами. Тарговицкая конфедерація уничтожила законы конституціоннаго сейма о королевщинахъ, а теперь они возобновлялись, и чрезъ то число недовольныхъ повстаньемъ увеличивалось тѣми, которые теряли при этомъ законѣ. Такимъ образомъ, для погашенія долга, по выпущеннымъ билетамъ, положено было продавать каждый годъ на десять милліоновъ государственныхъ или народныхъ, какъ они теперь стали называться, имѣній, допуская къ покупкѣ не только поляковъ, но и иностранцевъ, но непремѣнно христіанской религіи. Такая оговорка была сдѣлана съ тою цѣлью, чтобы не дать перейти множеству земель въ руки евреевъ. Билеты должны были приносить по десяти процентовъ. Кто не захотѣлъ бы принимать ихъ въ обращеніе, тому заранѣе опредѣлялось наказаніе денежною пенею. Кромѣ того, такъ какъ въ наличности денегъ было мало, то доставлявшихъ продовольствіе и вообще вещи, нужныя для войска, принуждали брать вмѣсто денегъ ручательства на

бумагѣ, которымъ усвоивали хожденіе наравнѣ съ звонкою монетою.

Высочайшій Совѣтъ опубликовалъ манифестъ 7 мая объ освобожденіи крестьянъ, съ подтвержденіемъ, чтобы это приводилось немедленно въ исполненіе. Вмѣстѣ съ этимъ универсаломъ опубликованъ былъ другой, касавшійся православнаго духовенства, черезъ которое Костюшко думалъ привязать къ Польшѣ русскій народъ.

Универсалъ этотъ гласилъ такъ: «Священнослужители! Вы каждый день испытываете, какова судьба людей, живущихъ подъ деспотизмомъ. Вы каждый день испытываете, что притворное вниманіе, которымъ васъ обольщаетъ московское правительство, истекаетъ не изъ искренняго уваженія къ вашему сану, а изъ недостойнаго намѣренія посредствомъ васъ держать народъ въ неволѣ; вы знаете, что престолъ московскаго государства, укрѣпленный на насиліяхъ, захватахъ, преступленіяхъ и коварствахъ, огорчаетъ цѣлый свѣтъ своимъ беззаконнымъ и безчеловѣчнымъ преслѣдованіемъ людей и народовъ, желая всегда поддерживать свои беззаконія святынею религіи, при помощи ея служителей.

«Вы, которымъ повѣрено просвѣщеніе народа, вы, которые должны заботиться о его счастіи, откройте ему глаза, и заботясь о его благѣ, также какъ и о своемъ собственномъ, убѣдитесь, что будучи вѣрными истинному своему отечеству, постоянно удерживая связь съ Польшею, вы содѣлаетесь достойными правъ и преимуществъ, свободы и всякихъ благодѣяній того прочнаго правленія, которое теперь покупаютъ себѣ поляки кровью.

«Такъ, священнослужители! Вы теперь, со всѣмъ народомъ, московскіе невольники, а вмѣстѣ съ нами будете почтенными священнослужителями; ваши обряды, ваша собственность, ваши доходы будутъ у насъ имѣть такую же цѣну, какъ и нашихъ собственныхъ священнослужи-

телей. Не думайте, чтобы разница мнѣній и обрядовъ мѣшала намъ любить васъ, какъ братьевъ и соотечественниковъ; напротивъ, мы считаемъ своею главною обязанностію дать вамъ почувствовать разницу грубаго и неправосуднаго владычества, подъ которымъ вы находитесь, и владычества закона и свободы, къ которому мы васъ призываемъ. Припомните, какое большое довѣріе оказалъ вамъ варшавскій сеймъ, когда созвалъ васъ на генеральную конгрегацію въ Пинскъ, выслалъ къ вамъ изъ своей среды коммиссаровъ, позволилъ вамъ устроить вашу греко-восточную церковь, принялъ съ удовольствіемъ все, что вы сами между собою постановили. Еслибы труды этого достославнаго сейма не были прерваны внезапно, то вы уже имѣли бы теперь лучшее содержаніе, свою церковную іерархію, своихъ епископовъ, и не терпѣли бы во главѣ церкви женщины, что̀ противно св. вѣрѣ и правиламъ св. отцовъ. Но будьте увѣрены,—чего сеймъ не докончилъ, то будетъ докончено; мы думаемъ о свободѣ греко-неунитскаго обряда и о приличномъ содержаніи его священнослужителей.

«Привязывая васъ къ себѣ благодѣяніями, мы хотимъ привязать васъ, братья наши, къ общему отечеству!»

Костюшко стоялъ долго подъ Поляницами; въ войско его приходили новыя силы. Прибытіе генерала Гроховскаго изъ-подъ Люблина было важнѣйшимъ событіемъ. Кромѣ свѣжаго войска, онъ привезъ ему еще и восемьдесятъ тысячъ злотыхъ, но извѣщалъ, что на возстаніе въ Украинѣ, Подоліи, Волыни надежды нѣтъ, тѣмъ болѣе, что тамъ находятся русскія войска.

Теперь у Костюшки было до 16,000 регулярнаго войска и около десяти тысячъ вооруженныхъ крестьянъ. Корпусъ Денисова стоялъ неподалеку противъ него въ Сташовѣ. Были незначительныя стычки, оканчивавшіяся ничѣмъ. Костюшку безпокоили пожары, видимые издали: это русскіе опустошали селенія, пристававшія къ повстанью. Но

какъ силы Костюшки увеличивались, то Игельстромъ боялся за Денисова и далъ приказаніе идти къ нему на помощь генераламъ Хрущову и Рахманову. Въ то же время Игельстромъ послалъ къ прусскому генералу Фаврату, командовавшему арміею вмѣсто Шверина, просилъ его дѣйствовать противъ Костюшки вмѣстѣ съ русскимъ войскомъ. Фавратъ не только изъявилъ согласіе, но въ квартиру Игельстрома въ Ловичъ прислалъ князя Нассау, который объявилъ, что прусскій король самъ приметъ начальство надъ войскомъ.

Генералъ Денисовъ снялся изъ-подъ Сташова. Костюшко слѣдилъ за нимъ. Денисовъ сталъ у Щекоцинъ. Влѣво отъ него находился корпусъ Рахманова, вправо за семь верстъ Хрущовъ съ своимъ отрядомъ, а еще далѣе вправо, у Жарновицъ, прусское войско, куда прибылъ самъ прусскій король.

Костюшко, преслѣдуя Денисова, остановился у Ендржеіова, за 28 верстъ отъ Щекоцинъ, гдѣ былъ Денисовъ, и за 35 в. отъ пруссаковъ, ничего не зная ни о пруссакахъ, ни о ихъ королѣ. Костюшко сталъ у деревни Равки. На другой день, 5 іюня, появились противъ него непріятельскія войска. Онъ отодвинулся къ селу Прибышеву. Ночь замедлила битву. Утромъ 6 іюня, соединенныя силы русскихъ и пруссаковъ напали на поляковъ и окружили ихъ съ трехъ сторонъ. Два генерала, Водзицкій и Гроховскій пали въ битвѣ. Поляки смѣшались, отступили, потерявъ тысячу человѣкъ убитыми и восемь пушекъ. Союзники не стали ихъ преслѣдовать, потому что и въ ихъ диспозиціи также недоставало порядка.

За этою неудачею послѣдовала другая. Заіончекъ вмѣстѣ съ генераломъ Ведельстедтомъ хотѣлъ удержать движеніе русскаго генерала Дерфельдена, и сталъ подъ Холмомъ, выбравши позицію на двухъ горахъ. Но русскіе ударили на него изъ двадцати двухъ тяжелыхъ ору-

дій, да изъ тридцати восьми полевыхъ, и послѣ пяти-часовой канонады разбили. Польскіе гренадеры и пикинеры состояли большею частію изъ непривычныхъ къ битвѣ новобранцевъ; они разбѣжались и въ паническомъ страхѣ выдумали и разгласили, что Заіончекъ измѣнникъ, взялъ отъ москалей подкупъ. Еслибы не храбрая конница полковника Вышковскаго, то у поляковъ отбили бы всѣ орудія.

Заіончекъ отретировался къ Люблину и тамъ хотѣлъ укрѣпиться, но увидѣлъ, что въ Люблинѣ не было большой охоты поддерживать возстаніе. «Въ засѣданіе порядковой коммиссіи,—говоритъ очевидецъ, бывшій тогда членомъ ея,—вошелъ человѣкъ высокаго роста въ байковой волошкѣ съ черною перевязью, и съ гладко причесанными волосами. «Я генералъ Заіончекъ, — сказалъ онъ.—Я не былъ счастливъ противъ сильнѣйшаго непріятеля подъ Холмомъ, отступилъ,—и думаю биться подъ Люблиномъ. Приготовленъ ли городъ къ оборонѣ? Битва можетъ быть и на улицахъ».—«А что же съ нашими домами станется?» сказалъ Дедерко, старичекъ, владѣвшій деревяннымъ домомъ въ Люблинѣ. «А кто вы такой,—сказалъ Заіончекъ,—что думаете о своемъ домѣ, когда отечество требуетъ пожертвованія жизнію и имуществомъ; у васъ нѣтъ патріотическаго духа, и еще вы у другихъ его забиваете. Я васъ велю заковать въ кандалы и отослать въ Варшаву въ уголовный судъ».—Панъ-генералъ, сказалъ ему Грабовскій,—не будемъ осуждать другъ друга». — «Это вы меня попрекаете, что я проигралъ битву?—сказалъ Заіончекъ.—Я буду защищаться въ Люблинѣ. Есть у васъ мокрыя кожи для закрытія кровель, есть огнегасительные снаряды?» — «Все найдется,—закричали всѣ,—только нужно предводителя». Этимъ они опять кольнули Заіончека. «Прислалъ бы предводителя, да не зачѣмъ. Въ этомъ воеводствѣ нѣтъ патріотическаго духа», сказалъ Заіончекъ и вышелъ. Еще

прежде посланный въ Люблинъ и Холмъ полковникъ Хоментовскій доносилъ Костюшкѣ такими словами: «члены властей, установленныхъ въ холмскомъ и люблинскомъ краяхъ, далеки отъ революціоннаго духа; средства предпринимаются и исполняются лѣниво. Я не засталъ никакихъ приготовленій ни къ оборонѣ края, ни къ содержанію войска. Всѣ спокойно сидятъ, какъ будто ничего не происходитъ въ отечествѣ, а когда имъ говоришь о вооруженіи крестьянъ, то они кричатъ, что это беззаконіе, что тѣмъ нарушается ихъ вольность. Люблинская шляхта приступила къ повстанью только для вида, чтобы съ ней не обращались по-непріятельски».

Дѣйствительно, люблинскіе обыватели и прежде показывали усердіе къ тарговицкой конфедераціи и поддѣлывались къ стоявшимъ у нихъ русскимъ войскамъ; даже другъ на друга доносили въ нерасположеніи къ Россіи и конфедераціи. Когда вспыхнуло возстаніе Костюшки, и русское войско оставило городъ, туда пріѣхалъ отъ Костюшки Казимиръ-Несторъ Сапѣга, наговорилъ объ успѣхахъ Костюшки, и люблинцы пристали къ повстанью. Ярые патріоты изъ тѣхъ же, которые прежде гнули шеи предъ русскими, въ знакъ патріотизма повѣсили русскаго деньщика, который, будучи пьянъ, заблудился и остался въ городѣ въ то время, какъ выходило изъ него русское войско. Настроеніе жителей тотчасъ измѣнилось на прежній ладъ, какъ только почуяли, что возстаніе совсѣмъ не такъ сильно, какъ имъ наговорилъ краснорѣчивый Сапѣга. Самъ городъ Люблинъ, мѣсто трибунала, былъ запруженъ адвокатами, повѣренными, людьми, которые подъ различными видами терлись около трибунала, и содержали себя крупицами, падавшими отъ тяжбъ знатныхъ пановъ. Такой народъ естественно менѣе, чѣмъ всякій другой, способенъ былъ увлекаться любовью къ отечеству и жертвовать за него чѣмъ бы то ни было. Они готовы были слу-

жить возстанію, когда бы оно было сильнѣе, но тотчасъ же показывали расположеніе служить Россіи и кому бы то ни было, когда сила окажется на противной сторонѣ.

Теперь Заіончекъ потребовалъ отъ люблинской порядковой коммиссіи прислать ему три тысячи вооруженныхъ хлоповъ. Коммиссія исполнила требованіе, но вооруженные хлопы въ первую же ночь всѣ разбѣжались отъ Заіончека. Это неудивительно, когда вспомнить, что всѣ они были малоруссы, и потому естественно, по своимъ стариннымъ народнымъ антипатіямъ, не расположены были подставлять лбы за преуспѣяніе польско-шляхетской вольности. Заіончекъ подозрѣваетъ даже порядковую коммиссію въ злоумышленіи, что она прислала ему такую негодную для него толпу нарочно, угождая москалямъ. Едва ли коммиссія въ состояніи была прислать ему иныхъ. Впрочемъ, вѣрно и то, что обыватели сообразили, что повстанье не удастся съ такими предводителями, которые передъ ихъ глазами заявляютъ свое искусство проигрышами въ битвахъ съ русскими, и потому разсуждали, что для нихъ будетъ выгоднѣе, если русскіе, которые, по ихъ разсчету, должны взять верхъ, будутъ къ нимъ милостивѣе, чѣмъ повстанцы. Революція заявляла посягательство на права, которыя для нихъ были священнѣе всѣхъ правъ, — на власть надъ хлопами; Россія же не пугала ихъ ничѣмъ подобнымъ, а потому для нихъ, еслибы пришлось выбирать между властью той Польши, какую хотѣлъ устроить Костюшко, и властью Россіи, то выгоднѣе было пристать къ Россіи. Припомнить слѣдуетъ, что при первомъ распространеніи вѣсти о второмъ раздѣлѣ Польши, Холмская земля добровольно изъявила желаніе присоединиться къ Россіи. Теперь покорностью и безучастіемъ къ дѣлу возстанія, обыватели прежде всего могли спасти свои имѣнія отъ разоренія, и дѣйствительно, когда русскіе скоро опять вошли въ край, то щадили ихъ. Городъ Люблинъ былъ

занятъ Дерфельденомъ; онъ обошелся съ жителями очень ласково, и хотя наложилъ на нихъ контрибуцію, но умѣренную, всего 30,000 зл., не допустилъ солдатъ до грабежа и даже не хотѣлъ принимать подарка отъ города. «Вы—говорилъ онъ—и такъ довольно несчастливы, къ чему вамъ тратиться. Я мало нуждаюсь, я все имѣю отъ моей государыни. Довольно для меня, если сохраните меня въ памяти». Русскіе разорили Пулавы, имѣніе Чарторыскихъ, и самый великолѣпный домъ ихъ ограбили.

Заіончекъ отступилъ къ Курову. Тутъ ему прислали изъ Варшавы двадцать пушекъ. Онъ хотѣлъ снова идти противъ русскихъ, но войско его взбунтовалось; четыре полковника требовали, чтобы онъ отвелъ войско назадъ за Вислу. Проигрышъ Заіончека подъ Холмомъ, гдѣ онъ въ первый разъ командовалъ самостоятельно отрядомъ, не внушалъ увѣренности въ его высокомъ дарованіи военачальника. Заіончекъ долженъ былъ уступить и переправиться за Вислу. Куровъ былъ взятъ русскими, Дерфельденъ пощадилъ его, хотя онъ принадлежалъ самому важнѣйшему изъ сторонниковъ революціи, Игнатію Потоцкому.

Дерфельденъ зналъ его лично и уважалъ. Другіе русскіе отряды не такъ гуманно обходились съ городами и имѣніями, которые пристали къ возстанію и которыхъ надлежало усмирять. Такимъ образомъ, въ селѣ Мѣдневицѣ жители убѣжали въ костелъ, и казаки перерѣзали ихъ тамъ съ женщинами и дѣтьми.

Вслѣдъ затѣмъ послѣдовала третья неудача для повстанья. Пруссаки подступили подъ Краковъ. Костюшко поручилъ команду надъ этимъ городомъ молодому генералъ-маіору Винявскому и далъ ему пакетъ, который велѣлъ распечатать только тогда, когда на Краковъ нападетъ сильный непріятель. Городъ укрѣпляли на-скоро. Обыватели трудились надъ возведеніемъ окоповъ. Военныя польскія силы въ Краковѣ простирались до семи тысячъ и состояли

изъ вооруженныхъ мѣщанъ и новонабранныхъ въ войско рекрутъ. Было у нихъ нѣсколько пушекъ, изъ нихъ шесть большихъ.

3 (14) іюня, пруссаки приблизились. Шпіоны донесли, что ихъ восемь тысячъ. На самомъ дѣлѣ ихъ было съ небольшимъ тысячи три. Винявскій, до тѣхъ поръ показывавшій большую ревность и трудолюбіе, наблюдая надъ работами и военными упражненіями неопытнаго войска, въ этотъ день распечаталъ пакетъ и узналъ, что въ случаѣ превозмогающихъ силъ непріятеля, когда городъ Краковъ надобно будетъ неминуемо сдать, онъ долженъ отдать его австрійцамъ. Винявскій отправился въ Подгурное, принадлежавшее австрійцамъ, гдѣ былъ австрійскій генералъ Гарнонкуръ, а надъ городомъ команду оставилъ подполковнику Кальке. Въ то же время онъ отправилъ курьера къ Костюшкѣ—извѣстить, что городъ не можетъ держаться противъ пруссаковъ и сообразно волѣ главнокомандующаго отдается австрійцамъ. Но австрійскій генералъ Гарнонкуръ не имѣлъ окончательнаго права принять Краковъ на такихъ условіяхъ, на какихъ предлагалъ Винявскій и отправилъ курьера въ Вѣну. Винявскій потребовалъ однако отъ Гарнонкура обѣщанія не допускать пруссаковъ до разоренія Кракова, и воротился въ городъ вмѣстѣ съ адъютантомъ австрійскаго генерала; послѣдній предложилъ порядковой коммиссіи условія, на которыхъ австрійцы могутъ заступиться за Краковъ.

Эти условія не понравились порядковой коммиссіи; она нашла ихъ оскорбительными для обывательства и невыгодными для города. Напрасно Винявскій говорилъ: «Малѣйшая проволочка повлечетъ за собою печальныя послѣдствія; можно поручиться, что непріятель хочетъ брать Краковъ штурмомъ». Чтобы отвратить отъ Кракова гибель, Винявскій самъ поѣхалъ въ прусскій лагерь и тамъ условился сдать городъ на капитуляцію пруссакамъ.

Между тѣмъ вооруженные мѣщане, хлопы и войско стояли въ окопахъ съ оружіемъ и ожидали, на чтó рѣшатся командиры. Винявскій воротился изъ прусскаго лагеря и кричалъ: «бѣгите, оставьте, нѣтъ спасенія; городъ сдается пруссакамъ!» Изъ окоповъ онъ поскакалъ по улицамъ Кракова съ тѣмъ же зловѣщимъ крикомъ, и первые набранные насильно хлопы, будучи рады, что можно не воевать, побросали свои косы и копья и разбѣжались по домамъ. За ними мѣщане бросили окопы и бѣжали къ своимъ женамъ и дѣтямъ, а между тѣмъ уже ихъ жены, услышавъ изъ оконъ своихъ домовъ крикъ Винявскаго, подняли вопль. Наконецъ и мужья и жены, ухвативъ изъ своего имущества что могли, пустились бѣжать въ Австрію, кто черезъ мостъ, а кто на лодкѣ, а кто вплавь черезъ Вислу. Войско, покинутое въ окопахъ вооруженными мѣщанами и хлопами, нѣсколько минутъ похрабрилось, а потомъ увлеклось общимъ порывомъ и также пустилось за мѣщанами черезъ Вислу, пѣхота черезъ мостъ, а конница вплавь. Австрійцы находились уже на другомъ берегу и требовали, чтобы поляки положили оружіе. Говорятъ, будто бы тогда у нихъ отобрали не только оружіе, но у многихъ взяли и деньги изъ кармановъ.

Только небольшая часть городской милиціи съ нѣсколькими мѣщанами вошла въ зàмокъ и стала отстрѣливаться, когда входилъ непріятель. Но это длилось не долго. Прусскій генералъ Эльснеръ, войдя въ городъ, объявилъ, что жители могутъ быть покойны; пруссаки не станутъ оскорблять ихъ и грабить, и далъ своимъ солдатамъ угрозу строжайшаго наказанія, въ случаѣ, если кому-нибудь изъ жителей нанесена будетъ обида. Оказалось, что всего прусскаго войска было какихъ-нибудь тысячи три.

Члены порядковой коммиссіи, Чехъ, Дембовскій и Солтыкъ, подали Высочайшему Совѣту, при описаніи этого событія, донесеніе, обвинявшее генерала Винявскаго въ

измѣнѣ и подкупѣ. Говорили, что онъ взялъ съ пруссаковъ золота. Самъ онъ ушелъ въ Австрію. Нѣтъ никакихъ доводовъ, которыми можно было подтвердить это обвиненіе. Въ эпохи революцій, когда господствуетъ сильное напряженіе и терроръ, требующій, чтобы всѣ были за революціонное дѣло, всегда дѣйствуютъ сообразно объявленному тогда поляками правилу: кто не за насъ, тотъ противъ насъ. Тогда въ обычаѣ бываетъ обвинять въ измѣнѣ и продажности при всякой неудачѣ. Это тѣмъ естественнѣе было въ Польшѣ, когда въ этой странѣ дѣйствительно порокъ подкупа достигалъ высшей степени.

Костюшко, извѣщая націю о несчастіяхъ, постигшихъ возстаніе, приписывалъ Винявскому измѣну. «Непріятель— писалъ онъ—прибѣгнулъ къ прежнимъ своимъ способамъ, которые къ несчастію часто удавались ему. Краковъ сдѣлался добычею измѣны!» Утѣшая поляковъ тѣмъ, что эти утраты не должны приводить сыновъ отечества въ уныніе, Костюшко выражался: «Обыватели! помните, что первая добродѣтель свободнаго человѣка не отчаяваться о судьбѣ отечества. Этою добродѣтелью держалась и возрастала республика. Припомните себѣ древніе и новые примѣры, какъ народы, будучи на краю гибели, не потеряли мужества, и какъ близкіе къ паденію побѣждали непріятеля: орда варваровъ напала на Аѳинскую республику: аѳиняне оставили свое отечество и перешли на Саламинъ; но отвага не оставила ихъ, и они побѣдили персовъ и потомъ предписывали законы цѣлой Греціи. Аннибалъ истребилъ четыре римскія арміи; консулъ Варронъ послѣ пораженія при Каннахъ съ остатками недобитаго рыцарства воротился въ Римъ, а народъ римскій вышелъ къ нему на встрѣчу и благодарилъ за то, что онъ не отчаявался въ судьбѣ республики. Неудивительно, что такой народъ сдѣлался владыкою свѣта. И въ позднѣйшихъ вѣкахъ много подобныхъ примѣровъ. Генрихъ V, англійскій

король, завоевалъ всю Францію и назвался королемъ французовъ, но французы не потеряли мужества и надежды и отбились съ отвагою. Но зачѣмъ чужіе примѣры? Вспомнимъ, въ какомъ ужасномъ положеніи была Польша во времена несчастнаго, но мужественнаго Яна-Казимира. Шведы, турки, козаки, татары и московитяне со всѣхъ сторонъ ударили на нее; не впалъ въ уныніе Чарнецкій, не пришли въ сомнѣніе храбрые и доблестные поляки, не стали вопить да сожалѣть, а взялись за оружіе, и освободили край отъ непріятельскаго наѣзда. Мы теперь въ меньшей опасности, — будемъ ли боязливѣе предковъ нашихъ?»

Непріязненныя дѣйствія пруссаковъ вызвали со стороны Костюшки и Высочайшаго Совѣта рѣшительныя мѣры. 12 іюня, Костюшко писалъ: «Войска короля прусскаго, соединясь съ москалями, переступаютъ черезъ тѣ границы, которыя сами узурпаторы намъ навязали насиліемъ. Поэтому, даю приказаніе всѣмъ комендантамъ регулярныхъ войскъ вступить въ прусскіе и московскіе предѣлы и провозгласить свободу и повстанье поляковъ, взывать къ народу, угнетенному и утѣсненному ярмомъ неволи, къ соединенію съ нами и къ вооруженію противъ насильниковъ, а также и всѣмъ охотникамъ и сельскому народу, если онъ можетъ отрываться отъ работъ, вступить не только въ края, отнятые отъ Рѣчи-Посполитой, но и въ края, издавна состоящіе подъ прусскимъ и московскимъ владѣніями и подавать руку помощи жителямъ, если они пожелаютъ даровать свободу ихъ собственному отечеству. Поручаю всѣмъ таковымъ командирамъ обходиться по-братски, особенно съ тѣми, которые для собственнаго счастія окажутъ намъ помощь. Подъ право добычи могутъ подпадать только имущества, принадлежащія прусскому и московскому правительствамъ; именемъ народа, который опредѣлилъ казнить измѣнниковъ и награждать вѣрныхъ

обывателей, каждому предводителю или командиру народной вооруженной силы и посполитаго рушенья, или ихъ наслѣдникамъ, даны будутъ въ награду народныя имущества, называемыя староствами, или же тѣ, которыя будутъ конфискованы у измѣнниковъ; поручаю поспѣшить перенести войну въ упомянутые края, а это тѣмъ удобнѣе, когда наши непріятели, вступивши въ наши края съ своимъ войскомъ, оставили собственный край безъ обороны, или съ небольшимъ войскомъ».

Высочайшій Совѣтъ по этому универсалу написалъ свой, объяснилъ въ немъ несправедливость пруссаковъ и выразился такъ: «Оглашая прусскія присвоенія беззаконными, уничтожаемъ ратификаціи, вынужденныя на разбойничьемъ Гродненскомъ сеймѣ, считаемъ воеводства и земли великопольской провинціи нераздѣльными частями Рѣчи-Посполитой, а ихъ жителей поляками и соотечественниками, и приказываемъ всѣмъ обывателямъ, подъ страхомъ конфискаціи имѣній, исполнять тѣ повинности, какія на нихъ возложитъ Рѣчь-Посполитая, и признаемъ измѣнниками отечества, достойными казни, тѣхъ, которые будутъ оказывать послушаніе беззаконнымъ присвоителямъ и наѣзднической власти».

Объявлена формальная война Пруссіи, приказано Бухгольцу выѣхать изъ Варшавы. Бумаги въ посольствѣ были осмотрѣны. Бухгольцъ со всею нѣмецкою разсудительностью и хладнокровіемъ представлялъ Игнатію Потоцкому весь рискъ такой горячности, но Потоцкій былъ непоколебимъ и упрямъ. Бухгольцъ, чтобы втянуть его въ бесѣду, началъ хвалить его образованность, политическій умъ и безкорыстіе. Самолюбіе Потоцкаго было уловлено, и онъ сталъ говорить дружелюбнѣе, но оставался все съ тѣмъ же намѣреніемъ во что бы то ни стало возродить свое отечечество и сдѣлать его независимымъ. «Вы слишкомъ слабы для этого,—сказалъ Бухгольцъ;—у васъ мало средствъ вести

войну».—«Вы нашихъ средствъ не знаете,—сказалъ Потоцкій.—Кромѣ тѣхъ, которыя извѣстны, есть еще другія». Онъ, по замѣчанію Бухгольца, разумѣлъ здѣсь надежду на Францію и отчасти даже на Австрію. «Варшаву осадятъ и возьмутъ приступомъ,—сказалъ Бухгольцъ,—и Польша должна будетъ покориться. Не лучше ли теперь? Тогда хуже будетъ». —Потоцкій отвѣчалъ: «Всѣ истинные патріоты рѣшились погибнуть въ такомъ случаѣ, но тогда невозможно будетъ удержать варшавскаго народа. Тогда перерѣжутъ всѣхъ плѣнныхъ русскихъ и подозрительныхъ поляковъ!»—«Такой поступокъ необузданной толпы—сказалъ Бухгольцъ—повлечетъ за собою мщеніе надъ цѣлою Польшей».—«Не пугайте насъ мщеніемъ,—сказалъ Потоцкій:—Польшѣ нечего болѣе бояться. Хуже того, что сдѣлали, не могутъ ей сдѣлать».—«Ну, смотрите сами!» сказалъ ему Бухгольцъ.

Чтобы избавить Бухгольца отъ непріятностей со стороны раздраженнаго народа, назначили конвой проводить его и членовъ прусскаго посольства до границы. Вслѣдъ затѣмъ Высочайшій Совѣтъ далъ приказаніе въ вознагражденіе убытковъ, причиненныхъ военными дѣйствіями пруссаковъ, взять подъ секвестръ находящуюся въ Варшавѣ контору прусской компаніи, поручивъ это отдѣлу Безопасности.

Вѣсть о поступкѣ Винявскаго произвела въ Варшавѣ ужасающее впечатлѣніе. Всѣ съ увѣренностію говорили, что Винявскій измѣнникъ. За неимѣніемъ его на лицо, захотѣли излить месть на другихъ. 27 числа, нѣкто Казимиръ Конопка вошелъ въ окопы и говорилъ работающимъ варшавянамъ рѣчь, жаловался на потачку, которую правительство даетъ измѣнникамъ, указывалъ на то, что въ Варшавѣ держатъ много узниковъ, кормятъ ихъ, а не казнятъ. Слушатели пришли въ раздраженіе. Когда варшавяне разошлись, вечеромъ Конопка собралъ толпу на Старомъ Мѣстѣ передъ ратушею, и снова сталъ разжигать уличную

громаду против сидѣвшихъ въ тюрьмахъ сторонниковъ тарговицкой конфедераціи, призвавшей русскую помощь, противъ преданныхъ Россіи лицъ, бравшихъ отъ русскаго посольства деньги, и называлъ по именамъ такихъ, которыхъ слѣдовало прежде всѣхъ казнить. Распаленная его словами толпа разнесла подобныя внушенія по городу. Ночью, въ разныхъ мѣстахъ города, поставили нѣсколько висѣлицъ, между прочимъ на Старомъ Мѣстѣ, на Краковскомъ Предмѣстьѣ, въ Вержбовой улицѣ, у палаца Браницкихъ, на Сенаторской улицѣ: онѣ построены были стараніемъ кузнеца Себастіана Нанкевича; услыша желаніе вѣшать, онъ повелъ толпу къ плотнику Высоцкому, собралъ рабочихъ, присоединилъ своихъ, напоилъ пивомъ, и такимъ образомъ воздвиглись висѣлицы.

Утромъ, 27 іюня, толпа народа бросилась къ дому президента Закржевскаго, и кричала, чтобы имъ выдали на казнь злодѣевъ отечества. Нѣкоторые вступили къ нему въ домъ и вызывали его къ народу. Закржевскій не сталъ противорѣчить, соглашался, что ихъ требованіе казнить измѣнниковъ справедливо, но представлялъ необходимость въ такомъ случаѣ дѣйствовать путемъ законнаго судопроизводства; обѣщалъ, что судъ приступитъ къ надлежащему разбирательству по этому предмету, и просилъ только дать нѣсколько дней для того, чтобы президентъ и народный совѣтъ имѣли возможность повести дѣло правильнымъ порядкомъ. Народъ разошелся. Но не всѣ были у президента; въ отдаленные циркулы города Варшавы не успѣли скоро дойти увѣщанія Закржевскаго. Оттуда толпы бросились на тюрьмы, отворили ихъ, и вывели семь лицъ, почитаемыхъ особенно виновными. Это были: Боскампъ Ласопольскій, служившій агентомъ у русскихъ посланниковъ и получавшій жалованье отъ Россіи много лѣтъ; епископъ виленскій Масальскій, князь Антоній Четвертинскій,—оба корифеи тарговицкой конфедераціи; Рачинскій, котораго Игель-

стромъ назначилъ инстигаторомъ по дѣламъ о начинавшемся повстаньи; Грабовскій и Пѣнтка, считавшіеся русскими шпіонами, и Вульфертъ, бывшій членомъ провизоріальнаго совѣта и за что-то обвиняемый въ недоброжелательствѣ къ повстанью и въ сношеніяхъ съ русскими. Масальскаго вывелъ изъ тюрьмы Брюлевскаго палаца Кліоновскій, пастухъ, пьяница; когда онъ тащилъ его на висѣлицу, то билъ кулаками въ спину; другіе стали подражать ему и такъ щедро надѣляли епископа виленскаго пинками, что онъ уже подлѣ висѣлицы упалъ въ обморокъ: его привели въ чувство все-таки ударами, подсадили на стулъ, а каменьщика Долгерта подсадили на верхъ висѣлицы, передали ему надѣтую на шею епископа веревку и онъ завязалъ ее около перекладины, а стоявшіе внизу выбили изъ подъ ногъ казнимаго стулъ. Четвертинскій, вытащенный изъ тюрьмы Брюлевскаго палаца, такъ оробѣлъ, что съ плачемъ и ревомъ цѣловалъ руки птичнику Дзекунскому, просилъ только дать ему хоть нѣсколько минутъ на приготовленіе къ смерти. Его не слушали и тащили на Краковское Предмѣстье передъ домъ Браницкаго; сѣнопродавецъ Ясинскій подсадилъ его и когда снурокъ оказался коротокъ, добавилъ его привязаннымъ платкомъ. Стоявшіе кругомъ кричали и раздѣлили между собою одежду его. Повѣшеніемъ Вульферта заправлялъ каменьщикъ Буржинскій; онъ тотчасъ снялъ съ мертваго капотъ и продалъ за восемъ злотыхъ.

Мимо разъяренной толпы, ликовавшей надъ смертію тѣхъ, которыхъ она признала врагами отечества, проходилъ Маевскій, служившій прежде инстигаторомъ въ маршалковской юрисдикціи. По приказанію Высочайшаго Совѣта онъ несъ въ судъ бумаги. Его остановили и потребовали у него эти бумаги. Онъ не давалъ ихъ. Тогда коновалъ Ставицкій, уже замѣченный въ кражѣ и сердившійся лично на Маевскаго, началъ кричать, чтобы его повѣсили,

вырвалъ у барабанщика бубенъ и началъ бить тревогу, заохочивая толпу къ крови. Другой, Петровскій, сидѣвшій верхомъ на висѣлицѣ, билъ въ ладони и кричалъ: «вѣшать, вѣшать!» Маевскаго повѣсили.

Испуганный всѣмъ этимъ Закржевскій побѣжалъ въ Брюлевскій дворецъ, гдѣ сидѣли другіе узники и русскіе военноплѣнные. Закржевскій сталъ убѣждать толпу, собравшуюся около Брюлевскаго дворца. Варшавяне очень любили и уважали его и не только оставили свое намѣреніе убивать считаемыхъ измѣнниками, но понесли на рукахъ своего президента, а другіе въ угоду ему побѣжали и тотчасъ истребили поставленныя висѣлицы, на которыхъ еще не успѣли никого повѣсить. Бывшему маршалу Мошинскому надѣли уже на шею веревку и вели на висѣлицу, когда Закржевскій подбѣжалъ къ Брюлевскому дворцу и спасъ его отъ смерти, увѣривъ народъ, что онъ не избѣгнетъ наказанія въ свое время, если окажется виновнымъ. Впослѣдствіи этотъ Мошинскій ловко оправдалъ себя передъ индигаціонною коммиссіею, а по окончаніи революціи писалъ къ Сиверсу, что за ту веревку, которая у него болталась на шеѣ, стоитъ повѣсить ему голубую ленту.

На другой день послѣ казней, Высочайшій Совѣтъ издалъ постановленіе, не иначе совершать казни преступниковъ, какъ послѣ очевидныхъ письменныхъ доказательствъ виновности и собственнаго сознанія преступника, а постановлять приговоры предоставлялъ только уголовному суду, долженствующему оканчивать дѣла, подлежащія его обсужденію, въ три дня.

Костюшко, находясь въ Голковѣ, 18 (29) іюня узналъ о происшедшемъ въ Варшавѣ и написалъ такое воззваніе къ жителямъ Варшавы: «Случившееся въ Варшавѣ третьяго дня наполняетъ сердце мое горестію и тоскою. Желаніе казнить преступника похвально, но зачѣмъ же преступ-

ники казнены безъ судебнаго приговора? Зачѣмъ нарушено уваженіе къ закону? Зачѣмъ тотъ, кто посланъ къ вамъ именемъ закона, понесъ оскорбленіе и раны? Зачѣмъ позорно умерщвленъ невинный чиновникъ? Неужели это дѣло народа, который поднялъ оружіе противъ наѣздниковъ, съ цѣлью возвратить себѣ правильную свободу, господство закона и благосостояніе? Опомнитесь, обыватели! Коварныя, злобныя души, въ соумышленіи съ непріятелями, обольстили васъ, взволновали умы; нашимъ непріятелямъ того только и нужно, чтобы у насъ не было правленія, чтобы ваше увлеченіе стало выше закона и всякаго общественнаго порядка; тогда имъ легче будетъ побѣдить силу и доблесть вашу; среди безпорядка и смутъ каждый изъ васъ, не надѣясь на безопасность жизни, не можетъ мыслить ни объ общественномъ дѣлѣ, ни объ общемъ спасеніи. Тогда, но уже несвоевременно, вы узнаете, что васъ обманывали, уразумѣете хитрость и обольщеніе тѣхъ лукавыхъ враговъ вашихъ, которые, будучи подкуплены непріятелемъ, внушаютъ вамъ, что у васъ нѣтъ правительства, домогаясь, чтобы его въ самомъ дѣлѣ не было, и чтобъ вы его сами ниспровергли». Костюшко обѣщалъ скоро прибыть къ нимъ, порадовать ихъ, и выражался о себѣ такъ: «Можетъ быть образъ воина, который каждый день подвергаетъ за васъ жизнь свою опасности, будетъ вамъ милъ, но я не желаю, чтобы какая-нибудь печаль, отпечатавшись на лицѣ моемъ, отравила эту минуту; хочу, чтобы радость ваша была полная; хочу чтобы появленіе мое напомнило вамъ, что насъ должна соединять оборона отечества и свободы». Такое высокое значеніе, какое даетъ себѣ самому Костюшко, предъ лицомъ всего народа, вызвано было почитаніемъ поляковъ, доходившимъ, какъ замѣчалъ Бухгольцъ, до идолопоклонства. Послѣ перваго успѣха Костюшку называли не иначе, какъ непобѣдимымъ.

Угождая народному ожесточенію противъ измѣнниковъ, онъ поручалъ Высочайшему Совѣту понудить уголовный судъ заняться неуклонно сужденіемъ содержавшихся подъ стражею, для наказанія виновныхъ и освобожденія невинныхъ. Въ концѣ своего отзыва Костюшко приказывалъ обращаться къ правительству не скопомъ, не съ оружіемъ въ рукахъ, не съ непристойнымъ крикомъ, а спокойно, благоприлично, черезъ посредство своихъ циркуловыхъ начальниковъ; наконецъ, къ такимъ лицамъ, у которыхъ кровь черезъ-чуръ кипѣла и руки чесались, и которымъ хотѣлось кого-нибудь вѣшать, онъ взывалъ такъ: «о, вы, которыхъ горячая отвага увлекаетъ на мелкую дѣятельность! Для пользы отечества, обратите вашу горячность противъ непріятелей, прибывайте ко мнѣ въ обозъ, если вы свободны отъ обязанностей, наложенныхъ правительствомъ. Оставьте наблюдать за порядкомъ правительственную власть, а измѣнники не уйдутъ отъ казни».

Въ тѣ же дни (3 іюля н. ст.), какъ бы угождая народному требованію строгости надъ измѣнниками, военный судъ призналъ Винявскаго, за сдачу города безъ выстрѣла, виновнымъ въ нарушеніи присяги и народнаго къ себѣ довѣрія, и приговорилъ его къ лишенію чести и къ публичной казни чрезъ повѣшеніе, давая право каждой военной командѣ исполнить приговоръ, если виновный явится въ отечество, а до того времени осуждалъ повѣсить его портретъ на висѣлицѣ. Тому же подвергался подполковникъ Кальке за то, что не арестовалъ возвращавшагося изъ непріятельскаго обоза Винявскаго, а когда въ то время штабъ-офицеры говорили ему, что лучше потерять жизнь, чѣмъ нарушить вѣрность, то сказалъ: «мнѣ милѣе жизнь». Костюшко на этомъ приговорѣ написалъ собственноручно: «Одобряю приговоръ до послѣдней буквы и поручаю напечатать его въ газетахъ». Но чтобы никто не оставался ненаказаннымъ, Костюшко вмѣстѣ съ тѣмъ понуждалъ

и Высочайшій Совѣтъ наблюдать, чтобъ никто, совершивъ преступленіе, не остался безъ наказанія.

Вслѣдъ затѣмъ уголовный судъ послалъ требованіе явиться въ судъ виновникамъ тарговицкой конфедераціи (Щенсному-Потоцкому, Браницкому, Ржевускому и другимъ) и потомъ позвалъ къ суду виновниковъ возмущенія 27 іюня въ Варшавѣ. Что касается до первыхъ, то призывъ ихъ къ суду былъ только одною формою: само собою разумѣется, что никто изъ нихъ не могъ явиться, чтобъ его повѣсили.

Поляки заняли Либаву 10 (21) іюня. Городъ обязался уплатить сто тысячъ талеровъ на повстанье, дать и рекрута съ каждаго дома и сто пушекъ. Въ первыхъ числахъ іюня поляки были обрадованы вѣстью, что курляндское дворянство и мѣщанство постановило актъ присоединенія къ краковскому повстанью, но эта радость очень скоро затмилась отъ другой неожиданной вѣсти.

Австрійцы 30 іюня вошли въ Польшу, и 9 іюля генералъ Гарнонкуръ занялъ Люблинъ и разослалъ полякамъ такого рода прокламацію: «Его императорское и королевское апостольское величество, во вниманіе къ возникшимъ въ Польшѣ безпорядкамъ, которые могутъ имѣть вліяніе на безопасность и спокойствіе земель его императорскаго и королевскаго величества, не можетъ болѣе оставаться равнодушнымъ, а потому приказалъ мнѣ съ войскомъ, находящимся подъ моимъ начальствомъ, вступить въ Польшу, отдаляя такимъ способомъ всякую опасность отъ галиційскихъ границъ и охраняя спокойствіе земель, принадлежащихъ его императорскому и королевскому величеству. Посему чиню вѣдомымъ настоящимъ универсаломъ, что тѣ, которые благоразумно, спокойно и дружелюбно будутъ относиться къ моему войску, найдутъ полнѣйшую протекцію и безопасность не только своихъ особъ, но и своихъ имуществъ и имѣній; въ противномъ случаѣ, тѣ, которые

окажутся виновными въ какомъ-либо сопротивленіи, навлекутъ на себя строгость военныхъ правилъ».

Пока еще эта прокламація не сдѣлалась извѣстною въ Варшавѣ, Де-Каше выѣхалъ изъ столицы, подъ благовиднымъ предлогомъ посѣтить карлсбадскія воды для поправленія здоровья.

Костюшко, получивъ извѣстіе объ этомъ, написалъ Гарнонкуру, что Польша уважаетъ договоры и вступленіе австрійскихъ войскъ не можетъ быть слѣдствіемъ вины Рѣчи-Посполитой. Многіе изъ поляковъ въ то время, не подозрѣвая австрійское правительство въ намѣреніи присвоить польскія земли, думали, что австрійцы ввели свои войска, чтобы защищать Польшу отъ москалей.

Генералъ Мокроновскій, бывшій до того времени комендантомъ Варшавы, получилъ порученіе начальствовать дивизіей, а на его мѣсто назначенъ Орловскій. По мѣрѣ накоплявшихся опасностей, Костюшко дѣятельнѣе заботился о скорѣйшемъ собраніи посполитаго рушенья: нужно было врагамъ Польши внушить нравственное уваженіе къ революціи, нужно было показать имъ единодушную волю цѣлаго народа отъ мала до велика, а не одной какой-нибудь партіи. Но дѣло посполитаго рушенья шло какъ нельзя хуже; оно окончательно вооружало противъ революціи обывателей, у которыхъ болѣе было склонности полиберальничать на словахъ, чѣмъ являть подвиги самоотверженія. Множество изъ нихъ, спасаясь и отъ посполитаго рушенья и отъ всѣхъ вообще несносныхъ тягостей, налагаемыхъ революціей, покидали свои имѣнія и бѣжали за границу. Высочайшій Совѣтъ принужденъ былъ постановить и объявить во всеобщее свѣдѣніе универсаломъ, что тѣ, которые будутъ уклоняться отъ посполитаго рушенья, и самовольно, безъ вѣдома и позволенія правительства, убѣгать за границу, подвергнутся лишенію не только имуществъ, но даже и гражданскихъ правъ, а на-

ходившіеся уже за границею обязывались возвратиться въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ подъ опасеніемъ того же наказанія. «Кто же будетъ сражаться за ваши права, за вашу собственность, когда вы первые ее покидаете?—писалъ Высочайшій Совѣтъ.—Что сказать о тѣхъ, которые вмѣсто того, чтобы соединиться съ войскомъ, и отправлять службу, которой требуетъ отъ нихъ Рѣчь-Посполитая, уходятъ за границу и оттуда спокойно смотрятъ на свою братію, на ихъ труды и усилія для пользы отечества,—неужели они поляки? У аѳинянъ, въ случаѣ раздвоенія мнѣній, смертная казнь угрожала тому, кто не пристанетъ къ той или другой сторонѣ; не заслуживаютъ-ли по справедливости такой кары и тѣ, которые своихъ братій оставляютъ? Кто не соединится съ тѣми, которые присягнули пролить свою кровь за отечество, тотъ или врагъ отечества, или безразличенъ къ нему, но вѣдь и это преступленіе въ гражданинѣ»!

Какъ плохо устроивалось посполитое рушенье, показываютъ тогдашнія записки Яна Немиры; 13 іюля онъ пишетъ, что до 12 числа,—срокъ, назначенный для набора посполитаго рушенья,—въ Константиновѣ не могли собрать и десятой части того, что̀ слѣдовало по расписанію; конныхъ кантонистовъ могли взять только пять, а пѣшихъ сорокъ, и то съ недостаткомъ въ принадлежностяхъ.

Чтобы подвинуть дѣло, Костюшко назначилъ особаго коммиссара для надзора надъ посполитымъ рушеньемъ, находившагося въ Высочайшемъ Совѣтѣ Гораина, поручилъ ему собирать посполитое рушенье въ краѣ на востокъ отъ Вислы до Гродно и въ Брестъ-Литовскомъ воеводствѣ, и доставлять дивизіямъ Сѣраковскаго и Циховскаго, съ правомъ верховной власти надъ всѣми порядковыми коммиссіями и надъ начальствомъ, устроеннымъ для посполитаго рушенья. Гораинъ отъ себя поручилъ въ разныхъ мѣстахъ заниматься этимъ дѣломъ офицерамъ, но послѣдніе на каж-

домъ шагу подвергались столкновеніямъ съ обывателями. Такимъ образомъ, въ Бѣльской землѣ жаловались на ротмистра Шиповскаго съ товарищами, который насильно забиралъ людей, оружіе, лошадей, врывался въ обывательскіе дома, такъ что порядковая коммиссія арестовала его товарищей, выдумавъ предлогъ, будто они не показали ордината (предписанія), и она считала ихъ за своевольную партію, быть можетъ и противную повстанью; она находила у нѣкоторыхъ ординаты будто бы фальшивые. Посланный въ Брестъ, Пашковскій доносилъ, что брестская порядковая коммиссія уклоняется всѣми мѣрами отъ обязанности разсылать приказанія по приходамъ для доставленія конныхъ съ пятидесяти дымовъ. Коммиссія выдумывала, будто намѣрена держаться буквально смысла предписанія Высочайшаго Совѣта о томъ, что устройство посполитаго рушенья возложено на одного Гораина, и она хочетъ ему одному отвѣчать. «Дурно идутъ дѣла съ коммиссіями, еще хуже съ обывателями, а народъ, устрашенный, не хочетъ и думать составлять оборонную силу. Я сижу тутъ какъ на шильяхъ». Такъ писалъ Гораинъ, отъ 21 іюля. 29-го іюля, онъ послалъ выговоръ всему Брестъ-Литовскому воеводству. Видно было, что тамъ всѣ отдѣлывались отъ посполитаго рушенья и доставленія рекрутъ.

Въ другихъ мѣстахъ происходило почти то же. Костюшко отзывался съ большою похвалою и признательностью о дѣятельности Гораина, но удивлялся, видя въ отвѣтахъ порядковыхъ коммиссій явное желаніе дѣлать всякія затрудненія, холодность къ повстанью и равнодушіе къ судьбѣ отечества. Куда офицеры ни отправлялись на фуражировки, тамъ поднимались жалобы: офицеры жаловались, что обыватели имъ ничего не хотятъ давать, а обыватели кричали, что офицеры берутъ съ нихъ слѣдуемое не въ надлежащей пропорціи и дѣлаютъ своевольства.

Въ самомъ войскѣ приказанія главнокомандующаго

исполнялись дурно; ему льстили, его восхваляли, увѣряли, что готовы во всемъ ему повиноваться, а на самомъ дѣлѣ отлынивали отъ его предписаній и перетолковывали ихъ. Онъ постоянно терпѣлъ недостатокъ въ средствахъ, потому что экзакторы, обязанные собирать налоги, повсемѣстно встрѣчали противодѣйствіе со стороны порядковыхъ коммиссій и обывателей. Чѣмъ энергичнѣе Костюшко и Высочайшій Совѣтъ хотѣли подвинуть впередъ возстаніе, тѣмъ больше оно теряло приверженцевъ и тѣмъ удобнѣе открывался путь русскимъ задушить повстанье.

IX.

Битва у Голкова.—Костюшко подъ Варшавою.—Осада Варшавы прусскимъ королемъ.—Печальное положеніе польскаго войска.—Недостатокъ средствъ.—Новый уголовный судъ.—Отступленіе пруссаковъ.

Силы союзныхъ державъ направлялись къ Варшавѣ. Чтобы предупредить ихъ и не допустить осады столицы, Костюшко приказалъ своимъ отдѣльнымъ дивизіямъ стянуться къ Варшавѣ и самъ пошелъ къ ней. Заіончекъ стоялъ на лѣвомъ берегу Вислы, у Голкова, съ бригадами Мадалинскаго, Вышковскаго и Пинскаго.

Здѣсь на него наступили русскіе генералы Денисовъ и Хрущовъ. Битва продолжалась восемь часовъ, съ 5 часовъ вечера до ночи, и потомъ возобновилась на другой день утромъ. Когда казаки стали заходить полякамъ въ тылъ, Заіончекъ отступилъ. Эта стычка прославлена была побѣдою. Въ то же время Мокроновскій, подъ Блонею, выдерживалъ битву съ прусскимъ генераломъ Эльснеромъ. Послѣ этихъ стычекъ Мокроновскій и Заіончекъ соединились съ Костюшкою и подошли къ Варшавѣ 11 іюля. Костюшко сталъ у Мокотова, Мокроновскій съ противоположной стороны города, у Маримонтской заставы, Заіончекъ

у Чистова и Воли. Силы ихъ простирались до двадцати двухъ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ только пять тысячъ было конныхъ. Регулярнаго войска было не болѣе девяти тысячъ, остальное все состояло изъ новобранцевъ. Сѣраковскій съ своею дивизіею, простиравшеюся до 5,000, сдѣлалъ диверсію къ Бресту-Литовскому, а генералъ Цихоцкій ко впаденію Наревы, чтобы стеречь движеніе пруссаковъ.

Поляки двумя днями предупредили своихъ непріятелей. 13-го іюля, явились подъ Варшавою пруссаки и стали у Бабья противъ Мокроновскаго, а русскіе у Служева, противъ Костюшки. Раннее прибытіе польскаго войска было полезно для поляковъ тѣмъ, что у Варшавы оставалось свободное сообщеніе съ правымъ берегомъ Вислы, откуда могли пока получать продовольствіе. Двѣ недѣли не было ничего особеннаго, кромѣ передовыхъ перестрѣлокъ между егерями. Въ главномъ обозѣ отправлялось празднество освященія знаменъ для батальона краковскихъ косиньеровъ, выдуманныхъ воеводшею брестъ-литовскою, панею Зибергъ [1]).

Въ это время уголовный судъ окончилъ слѣдствіе надъ виновниками безпорядка, произведеннаго 28 іюня, и приговорилъ Піотровскаго, Долгерта, Дзекунскаго, Буржинскаго, Кльоновскаго, Ясинскаго, Ставицкаго къ повѣшенію. Приговоръ былъ исполненъ 15 іюля. Другіе—Романъ Нанкевичъ, Дембовскій осуждены на тюремное заключеніе. Конопку приговорили навсегда удалить изъ отечества; но исполненіе этого отложили на дальнѣйшее время, а теперь заключили въ тюрьму. Конопка былъ покровительствуемъ Коллонтаемъ; въ началѣ Коллонтай на него такъ

---

[1]) Знамена эти имѣли такой видъ: на пунцовомъ полѣ вышитъ былъ въ кругу изъ лавроваго вѣнка снопъ, перекрещенный съ пикою и косою, и покрытый сверху красивою шапкою, съ надписью „живутъ и охраняютъ“.

разсердился, что кричалъ въ совѣтѣ: непремѣнно Конопку повѣсить, но потомъ заступился за него и спасъ отъ смерти. Всей остальной толпѣ сдѣлано внушеніе и предостереженіе на будущее время, съ надлежащими угрозами. Для предупрежденія всякаго безпорядка, велѣно было всѣмъ обывателямъ, у которыхъ было оружіе, взятое изъ арсенала во время изгнанія русскаго гарнизона, снести его въ арсеналъ для правильной раздачи тѣмъ, которые будутъ опредѣлены на защиту города; вдобавокъ, во все продолженіе осады запретили звонить въ колокола во всемъ городѣ: правительство боялось всякой тревоги, чтобы уличная толпа не повредила дѣлу обороны столицы какою-нибудь неблагоразумною выходкою.

Съ 28 іюля начинаются постоянныя военныя дѣйствія. Онѣ сосредоточивались преимущественно у предмѣстья Воли. Поляки имѣли дѣло почти съ одними пруссаками. Пруссаки сдѣлали нападеніе на Волю, выбили изъ нея поляковъ, овладѣли ею; защищавшій ее маіоръ Липницкій былъ взятъ въ плѣнъ. Несмотря на то, что онъ былъ изъ края, принадлежавшаго Пруссіи, съ нимъ обращались какъ съ плѣннымъ, и дали ему на честное слово свободу. Воспользовавшись этимъ, Липницкій ушелъ къ своимъ. Тогда генералъ Шверинъ написалъ Заіончеку письмо, и требовалъ, по военному обычаю, чтобы бѣжавшій плѣнникъ былъ возвращенъ, увѣряя, именемъ короля, что ему за то ничего не будетъ. Костюшко, которому донесли объ этомъ, немедленно приказалъ Липницкому ѣхать въ плѣнъ.

Генералъ Шверинъ написалъ къ коменданту Варшавы письмо и убѣждалъ сдать городъ. На это не было отвѣта. 2-го августа, самъ король прусскій написалъ къ польскому королю такое письмо:

«Расположеніе войскъ около Варшавы и средства, употребляемыя для ея покоренія, увеличивающіяся по мѣрѣ безполезнаго сопротивленія, должны убѣдить ваше вели-

чество, что судьба жителей этого города не подлежитъ сомнѣнію. Спѣшу передать ее въ руки вашего величества; скорѣйшая сдача города и строгая дисциплина, которую я прикажу соблюдать моимъ войскамъ, назначеннымъ войти въ Варшаву, обезопасятъ жизнь и собственность всѣхъ мирныхъ жителей этой столицы. Отказъ на первое и послѣднее предложеніе нашего генералъ-лейтенанта Шверина, обращенное къ коменданту города Варшавы, непремѣнно повлечетъ за собою и оправдаетъ ужасныя крайности, ожидающія незащищенный городъ, вызывающій своимъ упрямствомъ ужасы осады и мщенія двухъ войскъ. Если въ вашемъ положеніи вамъ позволено увѣдомить жителей Варшавы о такомъ обстоятельствѣ, если имъ позволено быть судьями своего размышленія, я заранѣе предвижу, что ваше величество будете ихъ освободителемъ. Въ противномъ случаѣ, мнѣ останется пожалѣть о безполезности настоящаго моего поступка, котораго я ни въ какомъ случаѣ не повторю, при всемъ живомъ участіи къ сохраненію вашего величества и всѣхъ тѣхъ, которые узами крови и долга собраны около вашего величества».

На другой день прусскій король получилъ такой отвѣтъ:

«Польское войско, находясь подъ начальствомъ генералиссимуса Костюшки, отдѣляетъ Варшаву отъ стана вашего величества. Варшава не въ такой обстановкѣ, чтобы могла распоряжаться своею сдачею. Въ такомъ положеніи ничто не оправдаетъ крайностей, о которыхъ ваше величество меня предупреждаете, ибо этотъ городъ не находится въ возможности ни принимать, ни отвергать предложенія, сдѣланнаго генералъ-лейтенантомъ Шверином варшавскому коменданту. Мое собственное положеніе занимаетъ меня менѣе, чѣмъ положеніе столицы, но такъ какъ Провидѣнію угодно было возвысить меня на такую степень, которая позволяетъ мнѣ изъявить вашему величеству братскія чувствованія, то я обращаюсь къ нимъ, чтобы

отвратить васъ отъ мысли о жестокостяхъ и мщеніи, противныхъ тому примѣру, какой короли должны оказывать народамъ, противныхъ, какъ я думаю искренно, и вашему личному характеру».

Послѣ этого отвѣта, пруссаки усилили бомбардированіе города. Почти каждый день пускали пруссаки бомбы и гранаты по Варшавѣ, но въ теченіи мѣсяца почти никакого вреда не нанесли, кромѣ того только, что пугали любившихъ болѣе всего спокойствіе мѣщанъ и отвращали ихъ еще болѣе отъ повстанья.

Осаждающіе дѣйствовали чрезвычайно плохо. Русскіе дурно помогали пруссакамъ; у короля не было хорошей артиллеріи, не было и согласія между пруссаками и русскими. Когда намѣревались начинать штурмъ, то прусскій король хотѣлъ выставить впередъ русскихъ, а Ферзенъ хотѣлъ уступить первенство пруссакамъ. Прусскій король сердился на то, что Австрія вмѣшивается въ дѣла Польши, а императрица Екатерина уже заявляла прусскому послу черезъ своихъ государственныхъ людей, что считаетъ справедливымъ, если Австрія получитъ на счетъ Польши вознагражденіе. Екатеринѣ очень не нравилось, что прусскій король оставилъ лично поле войны съ Франціею и стоитъ подъ Варшавою. Пруссія желала въ этой суматохѣ прибавить еще нѣсколько земель къ недавно пріобрѣтеннымъ польскимъ владѣніямъ. Россія не хотѣла дѣлать новыхъ уступокъ Пруссіи, на счетъ Польши.

Такимъ образомъ, стоя подъ Варшавою почти два мѣсяца, союзники ничего не сдѣлали, только напрасно потеряли съ обѣихъ сторонъ до тысячи человѣкъ. Враги по временамъ входили между собою въ дружелюбныя сношенія. Такъ русскій генералъ Хрущовъ писалъ къ Костюшкѣ и просилъ освободить его супругу и дѣтей, арестованныхъ вмѣстѣ съ прочими русскими въ день возстанія Варшавы. Костюшко исполнилъ его просьбу, но счелъ за нужное

поставить на видъ великодушіе поляковъ и вообще превосходство ихъ надъ своими врагами. «Чувство человѣколюбія такъ глубоко укоренилось въ сердцѣ поляка, что принуждаетъ его на минуту забыть грабежи, опустошенія и пожоги, учиненные по приказанію тирановъ. Ваша жена съ дѣтьми осталась задержанною въ Варшавѣ потому, что таковъ удѣлъ ослѣпленныхъ людей, терпящихъ надъ собою власть несправедливыхъ владыкъ,—отвѣчать за ихъ злодѣянія и погибать за ихъ прихоти. Я возвращаю вамъ ваше семейство. Пусть наше человѣколюбіе дастъ себя почувствовать и вамъ, и вашимъ соотечественникамъ». Генеральшу Хрущову привезли изъ города въ каретѣ съ опущенными занавѣсками, а прислугѣ завязали глаза, чтобы она, при выѣздѣ изъ Варшавы, не увидала и не замѣтила укрѣпленій. Впослѣдствіи, судьба устроила такъ, что генералу Хрущову довелось везти плѣннаго Костюшку въ Петербургъ.

Поступокъ Костюшки съ Хрущовымъ далъ смѣлость и другимъ, и къ Костюшкѣ обратились русскіе съ подобною просьбою о своихъ ближнихъ; но Костюшко не былъ къ нимъ такъ внимателенъ, какъ къ Хрущову, и уже при окончаніи осады (3 сентября) издалъ объясненіе относительно этого предмета. «Польское правительство, писалъ онъ, должно обращать вниманіе на судьбу своихъ обывателей. Пусть знаетъ вся Европа, пусть знаютъ и тѣ, которые просятъ меня объ увольненіи особъ, имъ близкихъ, что московское войско увезло изъ домовъ спокойныхъ обывателей еще предъ началомъ войны, и до сихъ поръ держитъ ихъ въ неволѣ, а жены и дѣти этихъ невинныхъ жертвъ со слезами прибѣгаютъ къ покровительству народнаго правительства и просятъ о мужьяхъ и отцахъ, не вѣдая о судьбѣ ихъ; эти несчастныя особы видятъ въ задержанныхъ здѣсь русскихъ единственные залоги безопасности тѣхъ, которые безъ причины томятся подъ москов-

скимъ насиліемъ. Поэтому я объявляю: какъ скоро будутъ возвращены отечеству обыватели, находящіеся въ московскихъ рукахъ, тогда и я отошлю изъ Варшавы плѣнныхъ обоего пола, непринадлежащихъ, какъ и означенные выше наши соотечественники, къ разряду военноплѣнныхъ». Подъ поляками, возвращенія которыхъ домогался Костюшко, разумѣлись арестованные Игельстромомъ предъ началомъ повстанья.

Характеристична переписка Мадалинскаго съ русскимъ полковникомъ Волковымъ. Польскій полковникъ Добекъ былъ взятъ въ плѣнъ. Мадалинскій пытался какъ-нибудь устроить его освобожденіе. Мадалинскій былъ прежде коротко знакомъ съ Волковымъ, и теперь послалъ къ нему дружественное письмо, а при немъ въ подарокъ десять бутылокъ шампанскаго и арбузовъ. «Какъ мнѣ жаль,—писалъ онъ,—встрѣтить въ васъ врага, при увѣренности въ вашей искренней дружбѣ. Сами разсудите, кто изъ насъ виноватъ; вы ли, которые напали на нашъ край, насилуете наши права, и въ противность всякому уваженію къ человѣчеству, сожигаете и грабите села,—или мы, охраняющіе противъ наѣздниковъ свое отечество? Впрочемъ, это не касается нашей личной дружбы, съ какою я остаюсь къ вамъ». Волковъ благодарилъ польскаго генерала за его дружеское къ нему обращеніе, послалъ ему въ подарокъ турецкій карабинъ, обѣщалъ стараться о судьбѣ Добека, о которомъ извѣщалъ, что онъ не въ русскихъ рукахъ, а у пруссаковъ, присылалъ письма взятыхъ въ плѣнъ польскихъ офицеровъ, свидѣтельствовавшихъ, что съ ними обращаются хорошо, и замѣчалъ такъ: «Хотя вы и приписываете намъ грабежи и пожоги селъ, но смѣю увѣрить васъ, что я съ своей стороны всегда стараюсь о сохраненіи собственности каждаго, предоставляя остальное добровольно накликанной на себя судьбѣ». Въ концѣ онъ приписалъ: «Сообразжаясь съ стариннымъ обычаемъ, металла

не слѣдуетъ дарить, а мѣнять на металлъ же, прошу прислать мнѣ за карабинъ мѣдный грошъ». Мадалинскій написалъ ему послѣ того такъ: «Очень жалѣю, что не имѣю мѣднаго гроша. У насъ въ обозѣ только желѣзо; мы на него надѣемся, и потому посылаю вамъ саблю, которую прошу принять въ знакъ дружбы. Какая ужасная мысль! Можетъ быть, эта сабля на самого меня обратится. Но кого винить?—спрошу я у вашего высокаго ума и у добраго сердца. Мы охраняемъ нашу землю, насилуемую свободу, опустошенныя имѣнія; виновны не вы, но та, которая вами повелѣваетъ. Зачѣмъ она не довольствуется неизмѣримымъ краемъ, которымъ владѣетъ? Зачѣмъ тридцать лѣтъ проливаетъ потоками кровь вашу, насыпаетъ огромные курганы изъ труповъ вашихъ? Зачѣмъ истребляетъ племя ваше, вмѣсто того, чтобы сохранять и счастливить васъ? Зачѣмъ ожесточилась она на поляковъ, народъ единаго съ вами происхожденія? Вѣдь и вы, и мы, происходимъ отъ однихъ славянъ. Отчего эта великая и очевидная истина не предстанетъ вашему разумѣнію? Зачѣмъ, вмѣсто того, чтобы убивать насъ, не отдадите намъ нашего? мы вашей собственности не алчемъ. О, еслибы наконецъ пришелъ тотъ свѣтлый моментъ, когда вы почувствуете, что вашъ народъ, состоящій изъ милліоновъ человѣческихъ существъ, не сотворенъ для прихотей, гордости и алчности одной женщины, что люди созданы для того, чтобы любить людей и быть другъ другу полезными! Этотъ моментъ счастія для обоихъ народовъ, какъ былъ бы отраденъ для меня, когда я могъ бы въ уважаемомъ человѣкѣ обнять не наѣздника, а друга моего и моего отечества!»

Уже незадолго до снятія осады происходило любопытное объясненіе прусскаго генерала Манштейна съ Заіончекомъ. Генералъ-адъютантъ Манштейнъ прибылъ къ Заіончеку подъ предлогомъ повидаться съ плѣннымъ пол-

ковникомъ Вульфертомъ, но, какъ видно, былъ посланъ прусскимъ королемъ узнать о духѣ поляковъ. «Обстоятельства принуждаютъ насъ воевать,—говорилъ прусскій генералъ, — не нашелся ли бы способъ прекратить нашу вражду?» — «Вы могли бы сдѣлать предложенія,—сказалъ Заіончекъ,—и можно было бы ихъ принять, еслибы они были справедливы».—«Съ этимъ вамъ первымъ слѣдуетъ начинать,—сказалъ Манштейнъ.—Вы знаете великодушіе нашего короля и можете безопасно ему довѣриться». Заіончекъ возразилъ: «Нужно, чтобы мы находились въ болѣе стѣсненномъ положеніи. Притомъ, смѣшно было бы съ нашей стороны полагаться на великодушіе государя, который уже нарушилъ договоръ, заключенный съ польскимъ народомъ. Было время, когда прусскій король внушалъ всеобщую привязанность къ себѣ польскому народу. Это было въ 1788 году. Тогда онъ могъ всего надѣяться отъ насъ».—«А чего же онъ могъ надѣяться отъ Польши?» спросилъ Манштейнъ.—«Она была ревностною и вѣрною его союзницею, и быть можетъ, польскій тронъ достался бы одному изъ его сыновей».—«Различіе религіи—сказалъ Манштейнъ—преградило бы путь къ вашему трону нашимъ принцамъ».—«Въ XVIII вѣкѣ,—сказалъ Заіончекъ,—религія не можетъ служить препятствіемъ, если бы только здравая политика этого требовала».—«А множество друзей московскихъ?» замѣтилъ Манштейнъ.—«Они уже пошли на висѣлицу,—сказалъ Заіончекъ.—Скажите лучше, что вашъ государь предпочелъ наѣздъ на насъ мирнымъ и выгоднымъ договорамъ».—«Я не мѣшаюсь въ политику,—сказалъ Манштейнъ,—и не могу сказать, что̀ побудило короля нашего къ такому способу дѣйствій; но вѣдь вы, господа, первые открыли непріятельскія дѣйствія».—«Какъ!—сказалъ польскій генералъ,—развѣ не вашъ король напалъ на насъ подъ Щекоциномъ?»—«А развѣ не первый Мадалинскій переступилъ прусскія границы?» замѣтилъ нѣмецъ. Заіон-

чекъ отвѣчалъ: «Мадалинскій вошелъ въ край, принадлежавшій издавна Польшѣ; вашъ король не имѣлъ на него никакого права, а если онъ имѣлъ великодушіе его взять, то у насъ достанетъ смѣлости биться за него до послѣдней капли крови».—«Не всѣ офицеры такъ думаютъ,—сказалъ Манштейнъ,—у насъ есть на то доказательство въ бумагахъ, найденныхъ въ карманѣ убитаго маіора Зужулинскаго». Заіончекъ отвѣчалъ: «Не знаю, что тамъ есть въ тѣхъ бумагахъ, но могу присягнуть, что всѣ такъ думаютъ, какъ я».—«Скажите,—перемѣнилъ разговоръ нѣмецъ,—какъ вы думаете, могутъ ли французы съ своими началами быть счастливыми?»—«Вполнѣ въ этомъ убѣжденъ», сказалъ Заіончекъ.—«Жаль, что такія мнѣнія распространяются въ Польшѣ», сказалъ Манштейнъ.—«Это мое личное убѣжденіе,—сказалъ Заіончекъ.—Цѣль нашего повстанья возвратить конституцію 3-го мая, которую съ 1792 года всѣ находили черезъ-чуръ монархическою, а теперь черезъчуръ якобинскою. А что, какъ поживаютъ покровительствуемые вами москали?», спросилъ наконецъ Заіончекъ.—«Очень присмирѣли», сказалъ улыбаясь Манштейнъ.

Полякъ могъ замѣтить, что у пруссаковъ господствуетъ недовѣріе къ своимъ союзникамъ и они бы не прочь были войти въ особыя сдѣлки съ Польшею. Но поляки не могли и не умѣли извлечь для себя изъ этого никакой пользы въ данную минуту. Прямодушный и отважный Костюшко былъ вовсе не политикъ.

Въ теченіе осады Костюшко черезъ Высочайшій Совѣтъ сдѣлалъ нѣсколько важныхъ распоряженій по управленію ходомъ повстанья; съ проектированнымъ въ іюнѣ выпускомъ билетовъ казначейства только въ августѣ стали приступать къ исполненію; опредѣлили цвѣтъ и достоинство выпускаемыхъ билетовъ отъ 5 злот. до 1000 злот. Назначили директоровъ для выпуска билетовъ; изъ нихъ семь было безплатныхъ, а семь получали жалованье;

установили для нихъ форму присяги. Такъ какъ долгъ, выражаемый выпускаемыми новыми билетами, гарантированъ былъ королевщинами, опредѣленными къ непрерывной продажѣ, поэтому Высочайшій Совѣтъ въ августѣ издалъ распоряженіе о порядкѣ продажи народныхъ имуществъ. Всѣ средства эти шли очень медленно. Поборовъ не собирали и десятой части. Войско нуждалось сильно. 12-го августа, Высочайшій Совѣтъ, по приказанію Костюшки, издалъ воззваніе къ обывателямъ всѣхъ земель. «Обыватели! писалъ Совѣтъ, братья ваши бьются за васъ уже шестой мѣсяцъ. Какія у нихъ были одежды и обувь, все поизносилось, порвалось. Приближается осень; воздухъ по ночамъ дѣлается рѣзкимъ, а братья ваши по бо́льшей части безъ рубахъ и сапоговъ. Пусть каждый хозяинъ дастъ пару рубахъ и пару сапоговъ. Смотрите, что̀ въ другихъ странахъ свободные люди дѣлаютъ для войска. Подражайте ихъ примѣру; Высочайшій Совѣтъ отъ себя начинаетъ эту обывательскую складчину и приглашаетъ къ этому же обитателей Варшавы черезъ магистратъ, а обывателей земель и повѣтовъ черезъ порядковыя коммиссіи. Варшавскіе обыватели могутъ приносить свои пожертвованія въ домъ краковскаго епископа».

На другой день, 13-го августа, Костюшко написалъ такого рода универсалъ: «Осенняя пора и непогоды, наставшія раньше, чѣмъ можно было ожидать, даютъ себя чувствовать; худо войску безъ шатровъ и почти безъ одежды. Вотъ уже четыре мѣсяца, я безпрестанно пишу о плащахъ, а ихъ нѣтъ, и не знаю, когда дождусь ихъ. Забота о здоровьи воиновъ, боязнь, чтобы лишенія и бѣды не сдѣлались причиною побѣговъ, принуждаютъ меня обратиться къ Высочайшему Совѣту; если нельзя найти плащей хотя бы изношенныхъ, то нашли бы сколько-нибудь хлопскихъ сермягъ, попонъ, оставшихся отъ лошадей, которыхъ, думаю, много въ Варшавѣ, или простыхъ ковровъ

(коцовъ), словомъ, чего бы то ни было, чѣмъ можно прикрыться. Кажется, каждому слѣдуетъ подумать о жизни воина, осужденнаго терпѣть непогоду и холодъ, ради охраненія жизни и собственности обывателей».

Это показываетъ, какъ польское обывательство помогало дѣлу возстанія. Всякія сильныя мѣры начальника казались ему невыносимою тягостью и склоняли его въ противную сторону. Ужасное распоряженіе Костюшки 7-го мая не было приведено въ исполненіе нигдѣ; въ іюлѣ, предъ началомъ жатвы, Высочайшій Совѣтъ укорялъ за медленность владѣльцевъ порядковыя коммиссіи, приказывалъ исполнить распоряженіе 7-го мая и прислать свѣдѣнія о томъ, какимъ образомъ исполнялись въ имѣніяхъ, вмѣсто обязательныхъ, наемныя работы, гдѣ и сколько дней по условіямъ хлопъ будетъ работать, во сколько можетъ быть оцѣненъ рабочій день, и за какого рода работы; внушалось коммиссіямъ поступать такъ, чтобы ни наниматель, ни наемникъ не имѣли причины жаловаться, напротивъ, чтобы и тѣ и другіе восхваляли настоящее повстанье, которое только приводитъ въ исполненіе то, что уже много вѣковъ ожидалось. Одной гродненской порядковой коммиссіи принадлежитъ честь присылки требуемыхъ свѣдѣній; во всѣхъ другихъ воеводствахъ требованіе отстранялось.

Костюшко заохочивалъ правительство къ дѣятельному судебному преслѣдованію измѣны. Уголовный судъ началъ слѣдствіе надъ тарговичанами и участниками Гродненскаго сейма. Тѣ, которые принуждали другихъ насиліемъ или подкупомъ къ тарговицкой конфедераціи, а равно и тѣ, которые на Гродненскомъ сеймѣ подавали проекты о раздѣлѣ края и брали за то вознагражденіе отъ Россіи и Пруссіи, обрекались на смерть; другіе, менѣе виновные, которые изъ боязни мирволили силѣ и подавали голоса, благопріятные видамъ союзныхъ дворовъ, на-

казывались, смотря по мѣрѣ вины, конфискаціею имѣній, или же только устраненіемъ впредь отъ занятія должностей. Разсмотрѣли архивъ, доставшійся послѣ Игельстрома. Русскій генералъ сожигалъ свои бумаги, видно, плохо: полякамъ достались квитанціи, которыя давали русскому посольству сеймовые послы, получавшіе отъ Россіи пенсіоны, и записки расходовъ, изъ которыхъ оказывалось, куда и кому давались деньги. Все это публиковалось въ правительственной газетѣ и перепечатывалось въ «Народной вольной газетѣ». Между прочимъ извѣстили публику и о томъ, что его величество король Станиславъ-Августъ въ 1773 году, въ годъ перваго раздѣла Польши, взялъ отъ трехъ союзныхъ дворовъ 6,000 червонцевъ и кромѣ того, на поддержаніе большинства голосовъ на сеймѣ, 6,000. Король, отъ 26-го августа, заявилъ отъ себя протестъ и просилъ напечатать его въ газетахъ. Король объяснялъ, что дѣйствительно союзные дворы желали, чтобы онъ старался о подготовкѣ сеймиковъ и выборѣ пословъ, которые бы на сеймѣ легко утвердили раздѣлъ, но король не имѣлъ ни малѣйшаго участія въ сеймикахъ, которые тогда отправлялись подъ страхомъ иноземнаго оружія. Король объяснялъ, что онъ получилъ отъ дворовъ суммы за недоимки, которыя слѣдовали ему за прежніе годы съ королевскихъ имѣній, поступившихъ во владѣніе государствъ, овладѣвшихъ польскими землями.

Коммиссаръ, назначенный Костюшкою для княжества Мазовецкаго, Дунинъ, донесъ ему въ концѣ августа о чрезвычайныхъ налогахъ, утѣсненіяхъ и всевозможнѣйшихъ несправедливостяхъ, которыя чинили обыватели крестьянамъ, особенно при раскладкѣ повинностей, поборовъ, и пожертвованій, наложенныхъ исключительно на дворянство. Высочайшій Совѣтъ, по приказанію Костюшки, въ своемъ универсалѣ по этому поводу писалъ: «Такое несообразное обращеніе дворовъ (т.-е. обывательскихъ) съ

ихъ крестьянами, препятствуетъ распространенію того духа, на которомъ народное повстанье можетъ утвердиться. Если тѣ руки, которыя должны своимъ трудомъ кормить и охранять насъ, не найдутъ въ правительствѣ защиты, напрасны будутъ всѣ наши намѣренія освободить отечество. Высочайшій Совѣтъ, проникнутый сознаніемъ этой истины, не только желаетъ облегчить тягости, до сихъ поръ понесенныя крестьянами, но и убѣдить послѣднихъ, что онъ сильно сочувствуетъ ихъ судьбѣ и желаетъ видѣть ихъ счастливыми и свободными. Сообразно полученнымъ донесеніямъ, онъ поручаетъ порядковой коммиссіи княжества Мазовецкаго какъ можно скорѣе изслѣдовать несправедливости, нанесенныя крестьянамъ, вознаградить ихъ, донести Совѣту объ упорныхъ владѣльцахъ, и послѣднихъ, по мѣрѣ ихъ преступленій, отослать въ уголовный судъ. Распоряженія начальника и Совѣта черезъ-чуръ ясны, чтобы можно было на минуту сомнѣваться, какого рода обязанности наложены на владѣльцевъ, и какія на крестьянъ. На будущее время порядковая коммиссія княжества Мазовецкаго должна наблюдать, чтобы владѣльцы не раскладывали на крестьянъ того, что положено на нихъ самихъ». Это стараніе отдѣлить принадлежавшее панамъ отъ принадлежавшаго крестьянамъ, было преждевременно и идеально. Оно могло быть умѣстно только тогда, когда бы съ теченіемъ значительнаго времени установились и окрѣпли новыя отношенія между владѣльцами и ихъ крестьянами, когда и тѣ и другіе уже привыкли бы смотрѣть на себя, какъ на людей равныхъ одни другимъ передъ закономъ. Въ два мѣсяца невозможно было установить такихъ отношеній: они образоваться могли только въ продолженіе десятковъ лѣтъ. Крестьянинъ съ своею работою составлялъ предметъ дохода помѣщика. Когда что-нибудь требовали съ помѣщика, то помѣщикъ естественно долженъ былъ обратиться туда, откуда онъ получалъ прежде свои доходы.

Костюшко недоволенъ былъ уголовнымъ судомъ, и 23-го августа въ своемъ универсалѣ обвинялъ его такъ: «Судъ уголовный, установленный для наказанія виновныхъ, вдаваясь въ продолжительныя юридическія формальности, не оказываетъ необходимой во времена революціи поспѣшности относительно примѣрнаго наказанія виновныхъ и увольненія невинныхъ. Невинные могутъ терпѣть отъ промедленія судопроизводства, а нерасположенные къ революціи, находя въ этомъ поблажку себѣ, могутъ питаться надеждами на возможность затѣвать новыя преступленія». Поэтому онъ уничтожалъ этотъ судъ, и вмѣсто его устроилъ военный судъ, назначивъ въ него генералъ-лейтенантовъ Заіончека и Мадалинскаго, генералъ-маіоровъ Тошицкаго и Лажневскаго, и шесть другихъ лицъ меньшихъ чиновъ. «По причинѣ непреложной необходимости спасать отечество, всѣ обыватели призваны къ посполитому рушенью,—объяснялъ Костюшко свой поступокъ,—а черезъ это призваніе всѣ должны считать себя воинами, поэтому и подчиняться военному суду». Отдѣлу Безопасности предписывалось усилить свою дѣятельность, открывать людей, нерасположенныхъ къ повстанью, заводящихъ съ непріятелемъ сношенія, распускающихъ угрожающія фальшивыя вѣсти, противящихся распоряженіямъ начальства, и доставлять таковыхъ въ военный судъ. «Наше отечество погибало отъ продажныхъ измѣнниковъ и отъ подлецовъ, пресмыкающихся передъ непріятелемъ. Оно не можетъ иначе возстановиться, какъ посредствомъ истребленія вредныхъ членовъ народа». Такъ выражался Костюшко.

Этотъ новый судъ показалъ свою дѣятельность тѣмъ, что осудилъ на смертную казнь холмскаго епископа Скаржевскаго. Ему вмѣнили въ вину то, что онъ, присягнувъ конституціи 3-го мая, передался тарговичанамъ, сдѣлался совѣтникомъ конфедераціи, на Гродненскомъ сеймѣ безропотно стоялъ на томъ, чтобы дѣлать угодное двумъ дво-

рамъ, побуждалъ принять проектъ, предложенный прусскимъ королемъ, внесъ въ Избу проектъ о принесеніи Сиверсу благодарности за участіе въ дѣлахъ съ Пруссіею, и старался провести постыдный союзный договоръ съ Москвою. Папскій нунцій представлялъ, что св. отцу уже и такъ больно, что на польскихъ епископовъ падаетъ смертная казнь за измѣну народу, и что онъ будетъ въ этомъ видѣть преслѣдованіе религіи. Поэтому Костюшко измѣнилъ смертную казнь на вѣчное тюремное заключеніе. Эта гуманность вооружила противъ Костюшки ревностнѣйшихъ революціонеровъ къ Варшавѣ: кричали и даже собирали подписи къ протестаціи. Это очень огорчило Костюшку, а неблагопріятели Коллонтая представляли ему доводы, что все это дѣлается по интригамъ этого хитраго человѣка, который хочетъ захватить въ свои единственныя руки верховную власть. За два дня передъ осужденіемъ Скаржевскаго, смертный приговоръ постигъ главныхъ составителей тарговицкой конфедераціи, важнѣйшихъ ея совѣтниковъ: Щенснаго Потоцкаго, Северина Ржевускаго, Ксаверія Браницкаго, Юрія Вьельгорскаго, Антонія Злотницкаго, Адама Мощенскаго, Яна Сухоржевскаго, Яна Швейковскаго и Франца Гулевича; но такъ какъ ихъ достать было невозможно, то опредѣлили на 29 день сентября повѣсить черезъ палача ихъ портреты или подписи, если портретовъ не найдутъ. Не лишнее здѣсь замѣтить, что уваженіе къ высокимъ именамъ до того укоренилось въ полякахъ, что въ то время нашлись голоса, разсуждавшіе, что Щенсному Потоцкому, Браницкому и другимъ слишкомъ богатымъ и важнымъ панамъ слѣдуетъ оказать вниманіе, потому что за ними есть большая партія, и простить ихъ, если они загладятъ свои прежнія преступленія сочувствіемъ къ повстанью.

Начинались дожди, приближалась осень, въ прусскомъ войскѣ появились болѣзни. Пруссаковъ побуждало оста-

вить осаду Варшавы вспыхнувшее повстанье въ Великой Польшѣ.

X.

Возстаніе въ Великой Польшѣ.—Взятіе русскими Вильны.—Дальнѣйшее охлажденіе къ возстанію.

Начало возстанію Великой Польши положилъ каштелянъ куявскій Мнѣвскій. Цѣль его была во что бы то ни стало заставить прусскаго короля отойти отъ Варшавы; онъ боялся, чтобы ему, какъ носились слухи, не привезли къ Варшавѣ лучшей артиллеріи. Мнѣвскій могъ сперва только восемьдесятъ человѣкъ обывателей склонить къ вступленію въ заговоръ, потомъ онъ назначилъ собраніе военныхъ, но когда на условленномъ мѣстѣ они должны были собраться, то не оказалось ихъ болѣе тридцати человѣкъ. Эта горсть, подкрѣпленная патріотами-обывателями, напала въ Брестѣ Куявскомъ на маленькій прусскій гарнизонъ, состоявшій всего изъ сорока человѣкъ. Прусское правительство было увѣрено, что Великая Польша не осмѣлится поднять мятежа, и потому не считало нужнымъ держать въ новопріобрѣтенныхъ земляхъ много войска. Несмотря на свою малочисленность, прусскій гарнизонъ защищался упорно и былъ побѣжденъ въ Брестѣ только тогда, когда, поднялись люди, служившіе у канониковъ тамошняго капитула, и увеличили собою число повстанцевъ. Послѣ этого успѣха Мнѣвскій овладѣлъ прусскимъ транспортомъ съ военными запасами, который плылъ по Вислѣ къ Варшавѣ, для доставки въ королевскій лагерь. Затѣмъ возстаніе вспыхнуло въ другихъ городахъ Великой Польши. Въ Сѣрадзѣ, 23-го августа, собралась небольшая толпа жителей въ лѣсъ и условилась напасть оттуда на прусскую команду, находившуюся въ городѣ. Пруссаки защищались одиннадцать часовъ и сда-

лись. Поляки овладѣли магазиномъ и казною, и въ тотъ же день огласили приступленіе Сѣрадзьскаго воеводства ко краковскому повстанью, а со взятыхъ въ плѣнъ пруссаковъ потребовали присягу, что они не будутъ болѣе биться съ поляками, и отослали ихъ всѣхъ съ прусскими чиновниками на границу Силезіи. Затѣмъ возсталъ Калишъ; тамъ вооружилось двѣсти мѣщанъ: они свергли съ себя прусскую власть; но имъ не долго удавалось. Такое же возстаніе началось и въ Равскомъ воеводствѣ. Прусскій король далъ приказаніе полковнику Шекули идти на повстанцевъ съ малымъ отрядомъ кавалеріи. Этотъ полковникъ отличался большою суровостію, и водилъ подъ висѣлицу не только мужчинъ, но и женщинъ. Въ Піотрковѣ прусская власть выдала (1 сентября) манифестъ, объявлявшій, что каждый, схваченный съ оружіемъ, безъ различія званія будетъ повѣшенъ; менѣе виновные осуждены будутъ на работы, а подозрительные заключены въ тюрьму. Кто будетъ знать о замыслахъ къ повстанью и не донесетъ, того постигнетъ смертная казнь безъ слѣдствія.

Эти извѣстія о повстаньи перепугали прусскаго короля. Онъ опасался болѣе всего, чтобы повстанцы не пересѣкли ему пути сообщенія съ Берлиномъ, и это побудило его поспѣшно снять осаду.

Въ Литвѣ, между тѣмъ, патріотическому дѣлу былъ нанесенъ роковой ударъ. Послѣ удачнаго дѣла въ Вильнѣ, вся Литва кинулась въ повстанье съ горячечною поспѣшностію. Туземный механикъ Заливскій устроилъ въ Вильнѣ литейный заводъ, на которомъ дѣлали оружіе, и тамъ смастерили одиннадцать пушекъ; болѣе не могли сдѣлать, форму у нихъ разорвало. Вездѣ, гдѣ только позволяло отсутствіе русскихъ военныхъ силъ, составлялись ополченія и вступали въ стычки съ русскими. Всѣ эти стычки были неудачны, но поляки старались утѣшать себя разсказами о своемъ мужествѣ въ этихъ битвахъ и о множе-

ствѣ погибшаго непріятеля, и жаловались на звѣрство русскихъ солдатъ. Литовскій Высочайшій Совѣтъ написалъ прокламацію къ русскимъ солдатамъ, гдѣ обвинялъ за ихъ жестокости не ихъ самихъ, а ихъ командировъ и особенно Тучкова, которымъ особенно были недовольны. Но между польскими генералами въ Литвѣ происходило несогласіе и соперничество. Ясинскій, признанный начальникомъ возстанія, былъ слишкомъ молодъ; старшіе генералы находили для себя унизительнымъ повиноваться ему. Тогда Костюшко прислалъ Вьельгорскаго, брата того, который былъ однимъ изъ видныхъ участниковъ тарговицкаго союза. Этотъ генералъ не имѣлъ ни дарованій, ни умѣнья вести войну, и притомъ былъ слабаго здоровья. Онъ выступилъ изъ Вильны съ войскомъ, оставивъ въ городѣ комендантами генераловъ Павла Грабовскаго, Мейена и Гурскаго. Въ это время, 8 іюля, подступилъ къ Вильнѣ съ войскомъ русскій генералъ Кноррингъ. Недоброжелатели Вьельгорскаго распространили про него слухъ, будто онъ, выступивъ изъ Вильны, сообщилъ тайно Кноррингу, что теперь удобно взять городъ и получилъ за то деньги.

Городъ былъ обведенъ ретраншаментами со многими баттареями, отъ оврага, который находится выше воротъ Острой Брамы, до рѣки Виліи. Русскіе, послѣ кровопролитнаго штурма, ворвались за эти ретраншаменты и расположились на высотахъ, окружающихъ городъ. Входъ въ предмѣстье былъ открытъ. Кноррингъ послалъ трубачей требовать сдачи, но поляки не допустили ихъ до города, стрѣляли по нимъ и одного ранили. Послѣ этого, на другой день въ семь часовъ утра, Кноррингъ отправилъ Тучкова съ двумя пушками подъ прикрытіемъ егерскаго батальона къ Острой Брамѣ, чрезъ предмѣстья, съ порученіемъ разбить ворота, а состоявшій подъ командою Зубова полковникъ Діевъ, съ пѣхотнымъ казанскимъ полкомъ и двумя пушками, отправленъ по другой улицѣ къ

Зарѣчной Брамѣ, также для отбитія тамошнихъ воротъ. Противъ Тучкова, у Острой Брамы, защищалъ городъ Мейенъ, противъ Діева—Гурскій.

Проходъ по предмѣстьямъ былъ чрезвычайно затруднителенъ; изъ домовъ, съ крышъ, съ чердаковъ стрѣляли изъ ружей и бросали каменьями въ русскихъ. Русскіе подъ градомъ пуль двигались впередъ и пошли на обѣ стороны, но скоро должны были податься назадъ. Кноррингъ послалъ имъ на помощь нарвскій пѣхотный полкъ подъ начальствомъ полковника Миллера. Тогда русскіе опять пошли впередъ и съ большими усиліями достигли до воротъ, но увидѣли, что ворота окружены наскоро сдѣланнымъ каменнымъ больверкомъ. Къ ихъ счастію поляки оставили небольшое отверстіе; черезъ него прошли русскія войска, овладѣли больверкомъ и разметали его, потомъ ударили изъ пушекъ по затвореннымъ воротамъ: ворота раздробились и обрушились. Поляки сосредоточили всѣ свои силы у Острой Брамы, и русскіе, съ потерею, еще разъ подались назадъ. Храбрый полковникъ Діевъ былъ убитъ какимъ-то монахомъ съ башни у Острой Брамы. Другой полковникъ, Короваевъ, ворвался въ Зарѣчье, но также былъ убитъ. Поляки хвастались своимъ мужествомъ въ отраженіи приступа, но по ихъ собственному сознанію онъ обошелся имъ не дешево. Бомбы повредили много домовъ; нѣкоторые разрушены до основанія; пострадалъ монастырь бернардиновъ; Зарѣчье сожжено.

Послѣ этого неудачнаго приступа русскіе оставили не только Вильну, но и тотъ ретраншаментъ, за который перешли съ такимъ усиліемъ, и стали въ пятнадцати верстахъ отъ города. Поляки тѣшили себя и другими стычками въ Литвѣ, приписывая своей сторонѣ побѣду. Къ бо́льшему ободренію національнаго духа, носились отрадные слухи, будто въ Константинополѣ народъ скопомъ

приходилъ къ сераю султана, принуждалъ его заступиться за поляковъ и объявить Россіи войну.

Русское войско, стоявшее подъ Вильною, усилилось между тѣмъ отрядомъ генералъ-маіора Германа. Предпринято вторичное нападеніе на городъ. На помощь повстанцамъ въ Вильну прибылъ, 9 августа, польскій генералъ Хлевинскій съ подкрѣпленіями. Вьельгорскаго уже тамъ не было. Артиллеріею командовалъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга, знаменитый ораторъ.

11 августа, въ 7 часовъ утра, русскіе начали аттаку и овладѣли ложементомъ, который простирался отъ оврага, отдѣлявшаго городскую стѣну отъ ретраншамента выше Острой Брамы, и шедшаго чрезъ Богухвальскую гору до входа на равнину на Погулянкѣ. На Богухвальской горѣ устроили баттареи, и начали палить въ городъ, а генералъ-маіоръ Бенигсенъ натискомъ кавалеріи истребилъ собравшуюся на Погулянкѣ непріятельскую пѣхоту. Это произвело такой страхъ въ Вильнѣ, что польскія войска стали выступать изъ города черезъ Зеленый мостъ за Вилію. Русскіе непрестанно палили въ городъ съ высотъ. Предмѣстья облиты были пламенемъ. Уже въ самомъ городѣ повреждены были зданія и картечью убивали людей. Собравшись на совѣтъ, жители рѣшились отдать городъ побѣдителю. Для этого употребили они въ дѣло находившагося подъ арестомъ генерала Еленскаго. Генералъ этотъ, получивъ приказаніе Костюшки идти съ татарскимъ полкомъ въ Вильну, ослушался и сказалъ: «если король или военная коммиссія мнѣ велитъ идти, я пойду, а Костюшки я не знаю». Такая выходка могла произойти оттого, что Еленскій еще не зналъ назначенія и признанія Костюшки главнымъ начальникомъ возстанія. За это онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ сидѣлъ подъ арестомъ въ Вильнѣ. Теперь ему отдали саблю и послали вмѣстѣ съ трубачемъ просить милости у русскихъ отъ имени городской ратуши.

Генералъ Кноррингъ обѣщалъ городу совершенную амнистію.

Городъ сдался. Русскіе входили въ него. «Я увидалъ, пишетъ Тучковъ, по обѣ стороны дороги къ предмѣстью, двѣ толпы народа. Одна состояла изъ людей обыкновеннаго роста, другая казалась толпою карловъ. Первая находилась на правой сторонѣ и тамъ были: греко-россійское духовенство, обыватели, исповѣдующіе нашу религію, и вообще не участвовавшіе въ мятежѣ; другая состояла изъ поляковъ: они стояли на колѣняхъ». Послѣдніе поэтому показались Тучкову карлами. Русскій генералъ соскочилъ съ лошади, поцѣловалъ крестъ, поднесенный ему русскимъ игуменомъ, потомъ опять сѣлъ на лошадь и обратившись къ полякамъ, сказалъ: «Императрица Екатерина объявляетъ вамъ прощеніе. Вставайте!» Всѣ закричали: «виватъ!» Поляки бросились за русскими генералами и офицерами и униженно цѣловали имъ стремена.

Въ монастырѣ св. Духа отправлено было благодарственное молебствіе, и троекратный залпъ изъ восьмидесяти пушекъ возвѣстилъ, что Вильна покорена оружіемъ Россійской имперіи.

Варшавскій Высочайшій Совѣтъ, узнавъ о такомъ великомъ ударѣ для возстанія, написалъ утѣшительное воззваніе къ литвинамъ, и ободрялъ ихъ патріотическій духъ. «Пусть — писалъ онъ—тиранъ, перевѣсомъ вооруженной силы занявши столицу литовской провинціи, выдаетъ свои приказанія, пусть именемъ своей владычицы обѣщаетъ прочное правленіе, а на непослушныхъ мечетъ перуны,— неужели эти обольщенія тронутъ сердце поляковъ? Неужели, много разъ испытавши обманъ, вы развѣсите уши передъ обѣщаніями ея посланниковъ? Не городà насъ защищаютъ отъ непріятельскихъ ударовъ, не стѣны намъ твердыня и оборона; въ насъ самихъ непреоборимое обиталище свободы и независимости. Перси—наше предстѣніе,

руки—щитъ и оборона». Совѣтъ объявлялъ измѣнникомъ, достойнымъ кары, того, кто въ Литвѣ вступитъ въ какую-нибудь юрисдикцію или администрацію, учреждаемую русскими, или вообще станетъ входить съ русскими въ дружелюбныя сношенія, хотя бы его имѣнія были заняты русскими войсками.

По отступленіи прусскаго короля отъ Варшавы, Высочайшій Совѣтъ, по истинно польскому обычаю, хотѣлъ прежде всего устроить празднество, и его прославленнымъ героемъ долженъ былъ быть Костюшко. Обратились къ нему. Главнокомандующій отвѣчалъ, что оставляетъ на волю Высочайшаго Совѣта избрать время и способъ для устройства такого празднества, но ему самому дѣло препятствуетъ принять въ немъ участіе. «Смѣю надѣяться,—писалъ онъ,—Богъ, освободившій столицу, освободитъ и отечество; тогда, какъ обыватель, а не какъ должностное лицо, я буду благодарить Бога и дѣлить со всѣми всеобщую радость». Праздникъ этотъ, какъ видно, не состоялся, вѣроятно по нежеланію Костюшки принять въ немъ участіе. За то Высочайшій Совѣтъ написалъ велерѣчивое и длинное посланіе великополянамъ, прославлялъ ихъ за подвиги, за смѣлость, а въ отместку прусскимъ властямъ, которыя угрожали казнить безъ слѣдствія участниковъ въ повстаньи, приказывалъ въ Великой Польшѣ хватать, арестовать и вѣшать всякихъ гражданскихъ прусскихъ чиновниковъ, отплачивая такимъ образомъ за повѣшенныхъ поляковъ. Самъ Костюшко ставилъ въ примѣръ великополянъ, и написалъ воззваніе къ волынцамъ, которые до сихъ поръ ничѣмъ не показали сочувствія къ повстанью, оставаясь какъ будто неизмѣнно вѣрными своему первому нерасположенію къ замысламъ четырехлѣтняго сейма. «У великополянъ—писалъ онъ—не было войска, а составился святой заговоръ, и въ одинъ день въ семи воеводствахъ уничтожили наѣздниковъ и уже на нѣсколько тысячъ ум-

ножили свою силу». Это была патріотическая ложь. «А вы, волыняне, — продолжалъ начальникъ,—вы до сихъ поръ остаетесь въ гнусномъ спокойствіи. Что это? или вамъ отечество стало уже чужимъ, или святая вольность болѣе не привлекаетъ васъ? или духъ мужества, который жаромъ своимъ охватилъ сердца всѣхъ воеводствъ, въ вашемъ воеводствѣ совершенно погасъ?» Обывательскій польскій духъ еслибъ и тлѣлъ въ сердцахъ волынскихъ поляковъ, то все-таки ему трудно было блеснуть. Суворовъ съ двадцатью пятью тысячами готовился идти черезъ Волынь на Польшу, а туземный русскій народъ, какъ и прежде, болѣе склоненъ былъ вспомнить давно прошедшую, козацкую борьбу съ Польшею, чѣмъ подставлять лобъ за Рѣчь-Посполитую. Тогдашній губернаторъ Берхманъ, сообщая Суворову о духѣ, господствовавшемъ на Волыни и въ Украинѣ, говоритъ: «Пріобыкши жить въ непозволительныхъ оборотахъ, они хотѣли бы играть роль въ прежнемъ многовластномъ и безначальномъ правленіи, не довольствуются нынѣ въ тишинѣ подъ сѣнію милосердаго престола ея императорскаго величества пользоваться своею принадлежностію и оную законно пріумножать. Самоуправіе, происки, право сильнѣйшаго заграждены, а сіе было первое преимущество дворянства, слѣдовательно порядокъ и правильное повиновеніе законамъ въ новомъ правленіи кажется имъ угнетеніемъ или по крайней мѣрѣ отнятіемъ знатной части старой ихъ неограженной вольности. По разнымъ моимъ развѣдываніямъ со времени пребыванія здѣсь, и по неусыпнымъ примѣчаніямъ, утвердительно могу сказать, что изъ чиновныхъ подданныхъ нѣтъ почти ни одной души, искренно намъ преданной; мелкую же шляхту, живущую на дискреціи богатаго дворянства, пріобыкшую слѣдовать всегда, безъ дальнихъ разсужденій, всякимъ вдохновеніямъ, льстящимъ хоть мало ихъ состоянію и легкомыслію, врожденному сему народу, потеряв-

шему съиздавна съ порядкомъ и первобытный свой нравъ, мало надѣяться можно, хотя (она) теперь довольно себя слыветъ, и кажется забываетъ мечтательное свое благополучіе, три дни только ежегодно во время сеймиковъ внушаемое. Въ противоположеніе тому предстоятъ гораздо выгоднѣйшія средства, требующія однако къ прочному ихъ утвержденію времени и преобразованій. Сіе относится до крестьянъ, которые конечно къ намъ привержены, но не безъизвѣстно, что знатная часть народа лишена вездѣ средствъ къ изъявленію настоящихъ своихъ расположеній. Они до крайности тѣснимы польскими помѣщиками своими, при всемъ недремленномъ правительства стараніи; не терпятъ ихъ душевно, и ожидаютъ только той минуты, въ которую они могутъ, оставя уніатскій обрядъ, насильно ими принятый, обратиться въ православную греко-россійскую вѣру, искони праотцами исповѣдуемую».

Несчастія въ Литвѣ, казалось, наверстывались надеждами на возстаніе въ Великой Польшѣ; на первыхъ порахъ отъ него ожидали много. Но на это нужны были деньги, а ихъ давали мало. Костюшко рѣшился прибѣгнуть еще къ одной крайней мѣрѣ и, 10 сентября, приказалъ Высочайшему Совѣту издать повелѣніе забрать на дѣло спасенія отечества всѣ суммы, хранимыя въ серебрѣ и золотѣ въ магистратахъ и всякихъ городскихъ юрисдикціяхъ, въ воеводствахъ и повѣтахъ, подъ какимъ бы то ни было видомъ, хотя бы на удовлетвореніе кредиторовъ,—всѣ духовныя сокровища, лежащія въ различной монетѣ или въ вещахъ въ монастыряхъ, костелахъ, капитулахъ, коллегіатахъ,—суммы, хранящіяся у частныхъ лицъ, превышающія количество тысячи червонныхъ,—суммы купеческія, назначенныя для удовлетворенія кредиторовъ и остающіяся невыплаченными по причинѣ перерыва торговыхъ сообщеній съ заграницею. Всѣ лица, у которыхъ на дому сложены были чужія имущества, должны, подъ страхомъ

отвѣтственности собственнымъ имуществомъ, донести объ этомъ порядковымъ коммиссiямъ въ теченiи семи дней. Взятыя такимъ образомъ сокровища отдаются скарбовому отдѣлу Высочайшаго Совѣта, который въ обмѣнъ за нихъ будетъ выдавать пятипроцентные билеты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Высочайшiй Совѣтъ объявлялъ, съ цѣлiю усиленiя войска, на спасенiе отечества, обывательскiй заемъ съ процентами, по 6% со ста, на что давалась вкладчику облигацiя, которую онъ всегда, если захочетъ, можетъ вымѣнять на 5% билетъ, съ причетомъ за лишнiй процентъ, значущiйся на облигацiи.

На объявленное посполитое рушенье уже перестали полагать надежду; оно только раздражало обывателей и простой народъ. 18 сентября, начальникъ приказалъ уничтожить посполитое рушенье, и тамъ, гдѣ оно уже начало собираться, распустить его по домамъ, а вмѣсто него усилить рекрутскiй наборъ и собрать еще по прежнимъ правиламъ съ десяти дымовъ одного пѣшаго, и съ пятидесяти дымовъ одного коннаго рекрута, съ тѣмъ, что снаряженiе ихъ будетъ на казенный счетъ, и порядковымъ коммиссiямъ выплатится, для передачи кому слѣдуетъ, за всѣ необходимыя при постановкѣ рекрутъ съ оружiемъ вещи, по назначенной таксѣ. Городъ Варшава, въ видахъ недавно понесенныхъ жителями большихъ трудовъ и утратъ во время осады, освобождался отъ поставки рекрутъ.

Но энтузiазмъ ослабѣвалъ. Обыватели не видѣли успѣховъ отъ повстанья, а видѣли и чувствовали только одно собственное разоренiе. Если они не хотѣли находиться подъ властiю иноземныхъ государей, то все-таки идеалъ ихъ былъ не иной, какъ старая шляхетская Польша, а Костюшко сулилъ имъ какую-то другую, имъ чуждую Польшу, съ основами, которыя пахли французскою революцiею, которой одно имя ужасало сердца добродушныхъ католиковъ, привыкшихъ жить для святой церкви на счетъ

хлопа, созданнаго для того, чтобы вѣчно ходить въ ярмѣ. Для воспитанныхъ въ польскихъ понятіяхъ, равенство было что-то богопротивное, разрушающее всякія основы порядка, и не даромъ революціонное польское правительство, перенявъ у французовъ революціонный девизъ: liberté, égalité, fraternité, замѣнило слово «равенство» (égalité) словомъ «цѣлость»; подобіе польской революціи съ французской было ясно, какъ ни старались его закрывать, и потому не мало было такихъ, которые изъ двухъ золъ для своего отечества готовы были избирать меньшее— и скорѣе покориться, лишась сеймиковъ и сеймовъ, русской императрицѣ, которая по крайней мѣрѣ оставляла за ними драгоцѣнное право власти надъ хлопомъ и возможность жить обычною католическою жизнію, чѣмъ разориться до послѣдняго, ради возсозданія такой Польши, гдѣ они должны потерять свои шляхетскія преимущества въ угоду новомоднымъ идеямъ и даже, быть можетъ, подвергнуть самую религію той опасности, какой она уже подверглась тамъ, откуда приходили въ Польшу идеи, потрясавшія вѣковыя привычки общественной жизни.

Въ то время, какъ Костюшко требовалъ исполненія своего универсала 7 мая, и грозилъ карою тѣмъ, которые возлагали на крестьянъ то, чего революціонная власть требовала отъ нихъ самихъ, къ нему посылались жалобы на своеволіе пановъ отъ такихъ общинъ, которыя и по прежнимъ правамъ могли искать на панахъ управы, и которыхъ права прежде всего должны были уважать паны, приспособляясь сколько-нибудь къ новому строю вещей. Такимъ образомъ, Богуфалъ, уполномоченный въ гродненскомъ повѣтѣ, сообщилъ Костюшкѣ просьбу мѣщанъ города Соколки, которые пользовались нѣкогда свободными правами, а впослѣдствіи превращены были аристократическимъ правительствомъ въ убогихъ хлоповъ королевской экономіи. Они превосходно исполняли разныя повинности,

положенныя на нихъ уполномоченными повстанья, но экономическое правленіе гоняло ихъ на панщину. «Такимъ образомъ, не только крестьянъ утѣсняютъ, но и дѣлу повстанья препятствуютъ», говорилъ Богуфалъ. Это было не въ одномъ мѣстѣ, а дѣлалось тоже почти вездѣ, по извѣстію современниковъ.

Провозгласивъ освобожденіе крестьянъ, Костюшко думалъ найти со стороны хлопской громады сильную опору революціонному движенію противъ равнодушія, эгоизма и двуличности обывателей. Но хлопы ненавидѣли повстанье не меньше, если не больше, самихъ обывателей. Объ освобожденіи народъ не зналъ и не вѣрилъ ему, даже тамъ, гдѣ и слышалъ о немъ; отъ панскаго ига онъ не видѣлъ никакого облегченія, а повстанье только увеличило его тягости: оно тащило у хлопа послѣднюю лошадь, послѣднюю корову, опустошало его ниву, сожигало или разоряло его усадьбу, тянуло сыновей или самого хозяина на бойню,— за что̀, онъ самъ не зналъ и понять не могъ. Отчизны у него не было, какъ ея никогда не бываетъ у невольника. Рѣчь-Посполитая не представляла ему ничего такого, за что̀ стоило бы ее сохранять и защищать. Состояніе его не могло сдѣлаться хуже, когда ея не будетъ, напротивъ, оно скорѣе могло улучшиться; въ повстаньи онъ видѣлъ одну свою близкую бѣду и ничего отраднаго въ будущемъ. Какъ мало Польша сочувствовала своему повстанью, показываетъ то, что силы вооруженнаго народа были далеко не тѣ въ натурѣ, какими предполагались на бумагѣ. Онѣ были не только малы,—онѣ были ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ онѣ должны были сдѣлаться, еслибы въ самомъ дѣлѣ въ Польшѣ было воодушевленіе и всеобщая ясная потребность спасать Рѣчь-Посполитую. Посполитое рушенье могло поставить до четырехсотъ тысячъ защитниковъ отечества, а ихъ число едва доходило до сорока тысячъ, и тѣ, по скудости средствъ, содержались

крайне плохо и безпрестанно бѣгали. Въ столицѣ, гдѣ сосредоточивалось риторическое геройство, не только не уничтожалось, но расширялось то тайное нерасположеніе къ повстанью, которое замѣчалось въ мѣщанствѣ при самомъ началѣ революціи, когда мѣщане съ ужасомъ испытали, какъ дорого она обходится, и какъ далекъ ея конецъ. Патріоты замѣчали это и усиливали свой терроръ. Варшава совершенно потеряла свой прежній разгульный, веселый характеръ. Только и рѣчи было, что о тайной измѣнѣ, о предательствѣ; одинъ указывалъ на другого, другъ на друга возбуждали подозрѣніе, каждый день появлялись афиши, взывающія къ открытію тайныхъ недоброжелателей повстанья; бѣдные изъ зависти кричали на богатыхъ; каждый день уголовныя слѣдствія да суды, и только благоразумію и прямодушію Костюшки и его друзей Варшава обязана тѣмъ, что въ ней, какъ въ Парижѣ, не полились потоки крови. Если такое напряженное состояніе возбуждало и раззадоривало записныхъ друзей революціи, то оно естественно располагало громаду жителей къ желанію избавиться отъ тревогъ и возвратиться къ какому бы то ни было спокойствію. Явно всѣ хвалили Костюшку; одинъ передъ другимъ старался выставить свой патріотизмъ, великодушную готовность жертвовать и состояніемъ и жизнію за отечество, а въ глубинѣ сердца многіе только того и ожидали, чтобы либо русскіе, либо пруссаки скорѣе вошли въ столицу и спасли ее отъ революціоннаго обирательства и террора.

Костюшко, слыша, что ропотъ усиливается по всей Польшѣ съ каждымъ днемъ, принужденъ былъ 13 (24) сентября, написать успокоительный универсалъ. «Знаю,— писалъ онъ,—что обывательскія имѣнія очень терпятъ, но помните, что всѣ непріятности—мимоходныя, а свобода будетъ продолжительна и дастъ намъ рядъ спокойныхъ и счастливыхъ дней. Поручаю порядковымъ коммиссіямъ успо-

коивать обывателей и увѣрить ихъ, что временное правительство не желаетъ нарушать ничьей собственности, напротивъ, хочетъ ее уважать и защищать. За все, что обыватели доставляли, будетъ имъ немедленно заплачено; наконецъ, если теперь много такихъ тягостей, которыя чувствительны обывателямъ, то, по окончаніи войны и по освобожденіи отечества, собранные представители народа установятъ такое правленіе, какое только окажется удобнѣйшимъ для безопасности и благоденствія».

Вслѣдъ затѣмъ, Высочайшій Совѣтъ 18 (29) сентября издалъ универсалъ, въ которомъ объявлялъ, что усиленные поборы соберутся съ обывателей только одинъ разъ, а болѣе повторяемы не будутъ, и обыватели обязаны будутъ вносить только то, что было прежде постановлено сеймомъ. До того же времени существовало постановленіе, чтобы обыватели платили наложенные на нихъ поборы не иначе, какъ на половину звонкою монетою; теперь дозволяли платить тѣми билетами, которые предположили выпускать. Такимъ образомъ, видно и начальникъ и Высочайшій Совѣтъ пришли къ тому убѣжденію, что не слѣдуетъ раздражать обывателей, а напротивъ надобно пріобрѣтать ихъ расположеніе. За то они отнеслись строго къ тѣмъ, которые находились въ чужестранной службѣ. 11 (22) сентября Костюшко объявилъ: «Съ огорченіемъ и удивленіемъ вижу, что множество поляковъ не стыдятся сражаться противъ собственнаго отечества, омывая оружіе въ крови соотечественниковъ, находясь преимущественно въ прусской службѣ. Объявляю: если, отъ настоящаго дня черезъ мѣсяцъ, полякъ, находящійся въ непріятельской службѣ, будетъ пойманъ, то подвергнется суду и казни, какъ измѣнникъ и врагъ отечества». Черезъ нѣсколько времени (4 октября) Высочайшій Совѣтъ принужденъ былъ громить и тѣхъ, которые вообще находятся за границею и уклоняются отъ участія въ повстаньи. Уже

два раза, 6 іюня и 7 іюля, имъ было приказано возвратиться, но воззваніе Высочайшаго Совѣта осталось безъ послѣдствій. Этого мало; послѣ того еще множество обывателей бѣжало изъ Польши; на этотъ разъ назначили новый терминъ возврата, къ 15 января 1795 г., подъ опасеніемъ конфискаціи имуществъ. Недостатокъ финансовъ страшно препятствовалъ патріотическому дѣлу, но нельзя сказать, чтобы у поляковъ тогда совсѣмъ уже не было средствъ; именно у тѣхъ пановъ, которые уѣзжали за границу, было ихъ достаточно, а другіе, хотя не удалялись изъ отечества, но припрятали свои сокровища.

XI.

Суворовъ.—Обезоруженіе польскихъ войскъ въ южной Руси.—Пораженіе Сѣраковскаго подъ Брестомъ.—Битва подъ Мацѣіовицами.—Пораженіе и взятіе въ плѣнъ Костюшки.—Впечатлѣніе этого событія.

Лицомъ къ лицу съ польскимъ повстаньемъ сталъ Суворовъ, безспорно, одинъ изъ величайшихъ военныхъ геніевъ XVIII вѣка, уже давшій себя знать полякамъ слишкомъ двадцать лѣтъ назадъ, уничтоженіемъ Барской конфедераціи. Въ то время, когда другіе русскіе генералы боролись съ Костюшкою, и борьба дошла до безславной осады Варшавы, подъ начальствомъ прусскаго короля, лучшій изъ генераловъ находился въ Украинѣ и участвовалъ въ борьбѣ Россіи съ Польшею только обезоруженіемъ польскаго войска. Такимъ образомъ, въ іюнѣ, состоявшій подъ его начальствомъ генералъ-маіоръ Исленьевъ обезоружилъ безъ сопротивленія польскую полевую артиллерію и изяславскій пѣхотный полкъ; генералъ-маіоръ Шевичъ обезоружилъ винницкую и брацлавскую бригады; фонъ-Сталь—поднѣстровскую бригаду. Взятое оружіе отправлено къ брацлавскому губернатору Берхману. Охотниковъ вступать

въ русскую службу оказалось чрезвычайно мало, да и правительство не заботилось о томъ, чтобы ихъ было много, не желая наполнять войско такими людьми, которые могли измѣнить. Поэтому, тѣхъ, которые пожелали служить въ россійской службѣ, велѣно было не оставлять въ завоеванномъ краѣ, а переводить въ другія мѣста, подалѣе въ глубь имперіи. Тогда оказалось много побѣговъ изъ русской арміи: не утерпѣвали поляки, услышавъ призывъ своего военачальника. Поэтому приказано было ихъ казнить жестокою казнію, а всѣхъ подозрительныхъ, которые хотя чѣмъ-нибудь малымъ заявили себя, велѣно отправлять за побѣги изъ войска во внутреннія губерніи. Въ іюнѣ обезоруженіе было окончено, кромѣ тѣхъ, которые, какъ было уже выше показано, успѣли убѣжать къ Костюшкѣ.

Въ то же время уніаты продолжали переходить къ православной церкви. Императрица приказала для охраненія тѣхъ, которые обращаются къ вѣрѣ предковъ, подавать отъ войска нужную помощь, дабы, какъ выражалась императрица: «отвратить замыслы недоброжелательствующихъ и сократить тѣ слѣдствія, которыя уніатское духовенство, естественно будучи огорчено, паче чаянія станетъ усиливаться произвести для нарушенія общаго спокойствія, тѣмъ болѣе, что и вообще помѣщикамъ сіе пріятно быть не можетъ».

Тогда въ народѣ стали рѣзче, чѣмъ прежде, поговаривать, что пришла пора вспомнить козачину, Желѣзняка, Гонту, расправиться съ панами и жидами. Іюня 30 Берхманъ доносилъ государынѣ объ опасномъ духѣ въ краѣ между крестьянами. Это побудило уменьшить ревность къ распространенію православія, потому что у южно-русскаго народа понятіе о православіи связывалось съ понятіемъ объ освобожденіи отъ пановъ, а освобожденіе отъ пановъ немедленно воскрешало страшный духъ гайдамацкой мести.

Причиной, почему Екатерина не посылала Суворова

въ Польшу, было опасеніе нападенія со стороны турокъ. Это опасеніе могло разсѣяться не ранѣе лѣта.

Суворовъ получилъ повелѣніе двинуться въ Польшу не ранѣе, какъ въ августѣ. Двадцать третьяго числа этого мѣсяца онъ находился уже въ Варковичахъ на Волыни, на пути въ Польшу. Отрядъ генерала Буксгевдена былъ въ Ковлѣ, генерала Маркова въ Могилевѣ. Жидъ Шмойло донесъ, что въ Брестѣ собирается отрядъ повстанцевъ, туда идетъ Сѣраковскій, а на помощь ему Мокроновскій, съ 1,000 чел. Суворовъ, получивъ это извѣстіе, рѣшился быстро двинуться на непріятеля. 26 августа Суворовъ былъ уже въ Луцкѣ, гдѣ получилъ чрезъ Буксгевдена извѣстіе о снятіи осады Варшавы прусскимъ королемъ. Нужно было спѣшить, чтобы соединиться съ русскими войсками, отступавшими отъ столицы, и не дать освободившимся отъ дѣйствій противъ прусскаго короля польскимъ войскамъ подоспѣть на помощь къ тѣмъ, которые собирались у Бреста. 20 августа Суворовъ соединился съ Буксгевденомъ. 30 августа онъ прибылъ въ Ковель, а 4 сентября былъ подъ Кобриномъ. На другой день, 5 сентября, онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ непріятелемъ.

Генералъ Сѣраковскій долго странствовалъ по Литвѣ и имѣлъ съ русскими нѣсколько стычекъ, которыя, по ихъ незначительности и неопредѣленности, поляки могли называть своими побѣдами. Такова, между прочимъ, была битва подъ Слонимомъ, съ генераломъ Лассіемъ, гдѣ однако поляки, какъ и сами сознаются, попятились, но за то съ удивительнымъ, по ихъ словамъ, мужествомъ. Тогда уже вся Литва была взята русскими, только на Жмуди держались еще отряды; Курляндія, взволнованная поляками, была усмирена; поляки принуждены были вывести оттуда свои отряды.

Услышавъ о томъ, что Суворовъ двигается впередъ,

Сѣраковскій послалъ извѣстіе Костюшкѣ, но главнокомандующій повстаньемъ получилъ уже ложные слухи изъ Волыни и отвѣчалъ, что ему извѣстно навѣрное, что это не знаменитый Суворовъ, а другой; знаменитый Суворовъ не пойдетъ въ Польшу; онъ бережетъ границы отъ Турціи, которая готова не сегодня-завтра ополчиться противъ Россіи на защиту Рѣчи-Посполитой; тотъ же, который идетъ на Польшу, какой-то неважный казачій генералъ. Сѣраковскій, въ этой, видно, увѣренности, получивъ извѣстіе, что Суворовъ близко, поспѣшилъ къ Бресту, и не дошедши до него, расположился подъ Крупчицами, у монастыря. Онъ выбралъ превосходную позицію. Рѣка Мухавецъ извилисто течетъ къ востоку и круто дѣлаетъ поворотъ къ сѣверу. За нею течетъ другой ручей, впадающій въ рѣку. Берега рѣки и ручья очень болотисты. Оставивъ впереди себя рѣку и потомъ ручей, Сѣраковскій расположилъ свое войско такъ, что лѣвый и правый бока его упирались въ болотистые лѣса; передъ мостомъ на дорогѣ, шедшей изъ Кобрина въ Брестъ, на лѣвомъ крылѣ поставилъ онъ шесть баттарей. Тылъ обезпеченъ былъ также болотомъ, не такимъ большимъ какъ переднее, и въ тылу у него оставались деревня и каменный монастырь. Установившись такимъ образомъ, онъ отправилъ впередъ партію подъ начальствомъ генерала Рущица, но этотъ передовой отрядъ разбитъ былъ русскимъ казачьимъ отрядомъ генерала Исаева. Взятые плѣнные показали, что у Сѣраковскаго тысячъ шестнадцать войска; это было невѣрно. Другой подъѣздъ, отправленный Сѣраковскимъ, былъ счастливѣе; онъ привелъ одного унтеръофицера, посланнаго самимъ Суворовымъ достать водки, съ огромною баклагою. Онъ объявилъ полякамъ, что идущій на нихъ Суворовъ дѣйствительно тотъ, который уже былъ въ Польшѣ во время Барской конфедераціи, кото-

рый прославился въ обѣ турецкія войны, однимъ словомъ, Александръ Васильевичъ Суворовъ, а не какой-то другой.

Бѣжать было стыдно и притомъ некуда. Сѣраковскій выслалъ сто человѣкъ конницы для развѣдыванія, но этотъ отрядъ, наткнувшись на русскихъ, былъ такъ разбитъ, что едва нѣсколько человѣкъ успѣли добѣжать до своего стана.

Утромъ 6 (17) сентября, въ 7 часовъ, русскіе начали переходить черезъ рѣку Мухавецъ. Пѣхота и артиллерія двинулись по мосту. Но тутъ съ противной стороны поляки стали угощать ихъ сильною канонадою; тогда артиллерійскій капитанъ Рѣзвый, по приказанію начальства, устроилъ на высотѣ баттареи, началъ палить изъ четырнадцати орудій и сбилъ непріятельскія баттареи, преграждавшія путь. Пользуясь этимъ, пѣхота стала переходить. Сперва подполковникъ Талызинъ съ егерями двинулся впередъ на другую сторону, но на русскихъ нападаетъ польская конница. Нужно было выдвинуть противъ нея русскую конницу. Вотъ кинбурнскій драгунскій полкъ, подъ командою секундъ-маіора Киндякова, спѣшивается, солдаты переходятъ въ бродъ, рубятъ хворостъ, бросаютъ на протоки, дѣлаютъ гать, переводятъ по ней лошадей: за ними по этой гати переходитъ украинскій легкононный полкъ подъ командою подполковника князя Одоевскаго. Польская конница не пускала русскую пѣхоту, — русская конница отгоняетъ ее, русская пѣхота проходитъ безпрепятственно, тѣ по мосту, тѣ въ бродъ; за Талызинымъ—гренадерскій херсонскій полкъ, за нимъ мушкатерскіе: азовскій, ряжскій; генералъ Буксгевденъ, командующій пѣхотою, командуетъ ударить въ штыки; поляки не въ силахъ держаться, сомкнулись въ густую толпу, закрылись въ тылу большимъ карре, и начали отступать. Но ряжскій полкъ поражаетъ штыками лѣвое крыло, не успѣвшее стать въ карре; храбрый генералъ-маіоръ Ше-

вичъ съ своею летучею конницею бросается на лѣвый флангъ карре, за нимъ черниговскіе карабинеры и кинбурнскіе драгуны, уже успѣвшіе сѣсть на лошадей; за ними конные полки, александровскій, маріупольскій; ихъ полковники Гижицкій и Анненковъ, оба отважные, врубились въ карре. Анненковъ съ маріупольцами пробилъ карре насквозь; непріятельская конница хочетъ ударить ему въ тылъ, но бригадиръ Исаевъ съ казаками отгоняетъ ее казацкими длинными пиками. Въ то же время генералъ-маіоръ Исленьевъ съ переяславскимъ полкомъ конныхъ егерей, врубился въ правый флангъ карре: оно разорвано. Поляки потеряли строй и бѣжали въ разсыпную по лѣсамъ и болотамъ. Русская кавалерія гнала ихъ до тѣхъ поръ, пока ночь и неудобная мѣстность не спасли поляковъ отъ совершеннаго пораженія. По извѣстіямъ русскихъ, около трехъ тысячъ поляковъ легло на мѣстѣ, у русскихъ убито 55 человѣкъ, ранено 237. Поляки увѣряютъ, что русскихъ убито было до трехъ тысячъ, а у нихъ только 192. Но послѣднему вѣрить нельзя, потому что и поляки, сообщая о собственныхъ подвигахъ, все-таки сознаются, что Сѣраковскій былъ тогда разбитъ.

Суворовъ не давалъ непріятелю большихъ отдыховъ и имѣлъ обыкновеніе преслѣдовать его до тѣхъ поръ, пока не поразитъ совершенно, до конца. Въ 2 часа по полуночи, русскіе пошли на поляковъ снова, отдохнувъ часовъ восемь, и по пятамъ ихъ подошли на шесть верстъ къ Бресту. Ночь была лунная. Два раза приходилось русскимъ переходить извилистый и болотистый Мухавецъ. На разсвѣтѣ они дошли до Буга. Эта рѣка въ осеннюю пору въ тѣхъ мѣстахъ переходима: пѣхота прошла черезъ нее въ бродъ и перевезла артиллерію. За Бугомъ русскіе построились въ боевой порядокъ. Правое крыло состояло изъ конницы подъ начальствомъ Шевича, лѣвое изъ пѣхоты Исленьева, въ центрѣ былъ Буксгевденъ. Поляки

закрылись спереди предмѣстьемъ Бреста, называемымъ Тересполь.

Суворовъ приказалъ ударить на непріятеля со всѣхъ сторонъ. Русскіе сразу овладѣли шестью пушками, одна за другою, въ разныхъ мѣстахъ. Поляки стали быстро отступать къ деревнѣ Коршинъ, и за нею на высотѣ хотѣлъ расположиться Сѣраковскій, но генералъ Шевичъ предупредилъ его, перерѣзалъ ему путь, ударилъ въ переднюю колонну своею конницею. Бригадиръ Боровскій съ ольвіопольскими гусарами сцѣпился съ польскою конницею, черниговскій и александровскій полкъ ударили во вторую колонну, а третья бросилась влѣво, въ сторону; на нее сильно ударилъ въ штыки генералъ Исленьевъ, отрѣзалъ и совершенно истребилъ. Разстроенное войско бросилось къ деревнѣ Добрину. Надо было ему переходить черезъ гать. Исленьевъ послалъ въ обходъ къ деревнѣ (подъ начальствомъ секретаря Суворова, Мандрыкина, и поручика Тищенко) охотниковъ пять эскадроновъ, конныхъ егерей и гусаръ; когда поляки подошли къ деревнѣ, она была уже занята и зажжена русскими. Полковникъ Новицкій съ черниговскимъ полкомъ ударилъ съ правой стороны деревни, а поручикъ артиллеріи Татариновъ началъ поражать ихъ сзади. За поляками гнались казаки съ своимъ храбрымъ и неутомимымъ Исаевымъ, а впереди заходили дорогу егеря лифляндскаго корпуса (4-й баталіонъ полковника Ржевскаго и 2-й баталіонъ Жукова), очищая лѣсъ и поражая поляковъ выстрѣлами. Тутъ поляки пустились въ разсыпную, кидали оружіе, аммуницію, знамена; однихъ изъ нихъ убивали, другихъ брали въ плѣнъ, конница завязла въ болотѣ, по правую сторону гати. Нѣкоторые тамъ и погибли со своими лошадьми, другіе побросали лошадей, спасались бѣгствомъ и прятались въ камышахъ. Казаки Исаева били ихъ и кололи по всѣмъ направленіямъ. Самъ Сѣраковскій ушелъ съ однимъ бата-

ліономъ пѣшей гвардіи на Малову гору; съ нимъ ушелъ отъ бѣды эскадронъ конной гвардіи, подъ начальствомъ Космовскаго. По странному случаю, въ эскадронѣ, бѣжавшемъ съ поля битвы, не былъ никто раненъ.

Русскимъ досталось двадцать восемь пушекъ, всѣ ящики съ снарядами, и два корпусныхъ знамени, одно бѣлое, для пѣхоты, а другое свѣтлосинее для конницы, недавно присланныя Сѣраковскому въ знакъ чести отъ Высочайшаго Совѣта. До 500 плѣнныхъ было взято русскими. Въ этой битвѣ русскіе потеряли 95 убитыми и 228 ранеными, изъ которыхъ 141 были ранены тяжело. Русскіе увѣряли, что поляковъ было до пятнадцати тысячъ, а другіе говорили, что даже до шестнадцати тысячъ; но по вѣдомостямъ, которыя доставилъ Сѣраковскій передъ своимъ пораженіемъ правительству, у него значится въ корпусѣ 5,975 человѣкъ, и изъ нихъ больныхъ было 501. Вѣроятно, однако, что это число обнимаетъ только регулярное войско, а такъ какъ кромѣ того у него были волонтеры, набранные изъ народа, то это и умножало его корпусъ въ глазахъ его непріятелей.

Сѣраковскій убѣжалъ въ Сѣдльце. Туда стало собираться къ нему недобитое войско и примыкали другіе отряды, такъ что въ нѣсколько дней у него снова было до двухъ тысячъ. Самъ Костюшко, услышавъ о его несчастіи, поспѣшилъ изъ-подъ Варшавы въ Седльце, разспрашивалъ о причинахъ пораженія и нашелъ, что никто не виноватъ, всѣ прекрасно воевали и исполняли свои обязанности, а несчастіе произошло отъ многочисленности непріятеля. Для ободренія онъ роздалъ даже нѣкоторымъ знаки отличія, и въ томъ числѣ Космовскому. Этотъ знакъ отличія только-что передъ тѣмъ выдуманъ былъ Костюшкою для наградъ. То было золотое кольцо съ надписью: «Отчизна своему защитнику». Его положилъ онъ давать военнымъ только подъ условіемъ, если коммиссія, состоящая изъ

трехъ офицеровъ, признаетъ достойнымъ того, кому намѣреваются дать этотъ знакъ отличія. Имя получающаго должно было пропечатываться въ газетахъ, съ обозначеніемъ нумера, за которымъ получена награда, съ тою цѣлью, чтобы кто-нибудь не присвоилъ себѣ такой почести безъ права на нее.

Отъ Сѣраковскаго Костюшко поспѣшно отправился въ Гродно. Здѣсь онъ надъ остатками литовской арміи отдалъ начальство Мокроновскому; подъ его начальствомъ одну дивизію поручилъ Ясинскому, другую Вавржецкому, вмѣсстѣ съ Гедройцемъ. Онъ написалъ имъ такой приказъ: «Предостерегаю все войско; если кто будетъ его тревожить разговорами о томъ, будто противъ москалей нельзя удержаться, или во время битвы станетъ кричать, что москали у насъ въ тылу, москали насъ отрѣзываютъ, и тому подобное, тотъ, по донесенію команды, будетъ тотчасъ заключенъ въ оковы, отданъ суду и, по доказательствѣ виновности, разстрѣлянъ. Приказываю генералу Мокроновскому, чтобы во время битвы часть пѣхоты съ артиллеріею всегда стояла позади линіи съ пушками, заряженными картечью, изъ которыхъ будутъ стрѣлять въ бѣгущихъ. Всякій пусть знаетъ, что идя впередъ, получаетъ побѣду и славу, а подавая тылъ, встрѣчаетъ срамъ и неминуемую смерть. Если между служащими въ войскѣ есть такіе, которые убѣждены, что москалей нельзя побить, люди, равнодушные къ отечеству, свободѣ и славѣ, тѣ пусть заранѣе объявятъ объ увольненіи своемъ изъ службы. Мнѣ больно, что я принужденъ установлять такія строгія правила». Костюшко нашелъ нужнымъ припомнить своимъ соотчичамъ и благословенную въ ихъ памяти эпоху московскаго разоренія. «Какіе-нибудь десятки вашихъ предковъ могли завоевать цѣлое государство Московское, привести въ оковахъ царей его, назначать москалямъ владыкъ,—а вы, потомки тѣхъ же самыхъ поля-

ковъ, можете сомнѣваться въ успѣхѣ борьбы за отечество, свободу и домы ваши, за кровныхъ и друзей, и считаете непобѣдимыми эти хищныя шайки, которыя берутъ надъ вами верхъ только при вашей трусости!»

Для усиленія Сѣраковскаго, Костюшко немедленно послалъ приказаніе отрядить изъ отряда Понятовскаго до двухъ тысячъ человѣкъ къ Сѣраковскому и приказалъ, сверхъ того, соединиться съ нимъ отряду генерала Княжевича, у котораго было до тысячи человѣкъ. Самъ Костюшко прибылъ снова въ Варшаву и стоялъ по прежнему въ Мокотовѣ, гдѣ ему отведено было помѣщеніе отъ хозяйки этого имѣнія, княгини Любомирской. Онъ часто ѣздилъ въ Варшаву, бесѣдовалъ тамъ о дѣлахъ съ главными членами Совѣта и генералами.

Русскій генералъ Ферзенъ съ своимъ войскомъ, по отступленіи прусскаго короля отъ Варшавы, отступилъ и самъ отъ столицы, сталъ сначала у Песочной, и оставался тамъ до 30-го августа (11-го сентебря), по просьбѣ прусскаго короля. Послѣдній прислалъ-было къ нему генерала Манштейна просить, чтобы онъ остался долѣе, пока король не уйдетъ въ Великую Польшу, но Ферзенъ отвѣчалъ: «Дѣло подъ Варшавой покончилось, мнѣ нечего тутъ дѣлать, я не буду ждать долѣе 30-го августа». «Пруссаки, писалъ онъ Репнину, единственно заботятся объ охраненіи своихъ новыхъ границъ, а до союзниковъ дѣла нѣтъ; цесарцы стоятъ недвижно, и мнѣ трудно теперь двигаться, не будучи ничѣмъ снабженнымъ». Цѣль его была перейти на правый берегъ Вислы и соединиться съ Суворовымъ, или же ударить на разсѣянныя части польскаго войска около Бреста или гдѣ придется. Онъ распустилъ слухъ, что хочетъ переправиться въ Пулавахъ, а самъ рѣшилъ переправиться въ Зелиховѣ. Переправа чрезъ Вислу было дѣло не легкое; оно требовало нѣсколькихъ дней работы, да и поляковъ было много на другой сторонѣ;

хотя это были небольшіе отряды, но при переправѣ они могли быть опасны; и дѣйствительно, Костюшко обратилъ усиленное вниманіе на то, чтобы не дать Ферзену совершить переправу. Это важное дѣло поручено было генералу Адаму Понинскому, который стоялъ на правомъ берегу Вислы и слѣдилъ за движеніями Ферзена, готовый ударить на него, когда онъ начнетъ переправу.

Выборъ былъ очень неудаченъ. Отрядъ Понинскаго состоялъ изъ четырехъ тысячъ и это все были новобранцы и охотники. Дисциплины въ войскѣ было мало. «Каждая сотня, говоритъ Заіончекъ, была подъ командою начальника, который считалъ себя независимымъ». Вооруженіе было плохое. Тѣмъ не менѣе русскій генералъ, осторожный и разсудительный нѣмецъ, примѣривался чуть не мѣсяцъ перейти черезъ рѣку. 3 (14) сентября онъ былъ въ Магнушевѣ, на противоположной сторонѣ. Поляки готовы были встрѣтить его. Онъ разставилъ свое войско по правому берегу Вислы, въ Магнушевѣ, Ричеволѣ, Козеницахъ и Гнѣвушовѣ. Переправляться было трудно еще и потому, что не было паромовъ. Онъ успѣлъ-было достать ихъ на рѣкѣ Пилицѣ, собралъ польскихъ мужиковъ и хотѣлъ переправиться, но поляки съ противоположнаго берега собрались и перестрѣляли мужиковъ. Тогда Ферзенъ велѣлъ доставлять суда на подводахъ; пока доставляли суда, онъ наблюдалъ за движеніемъ непріятеля, а поляки устраивали свои баттареи. Наконецъ, обманувъ непріятеля, Ферзенъ началъ 22-го сентября переправу у Козеницъ и деревни Голендры. Хрущовъ сѣлъ на суда и очищалъ берегъ отъ непріятельскихъ баттарей. Переправа продолжалась нѣсколько дней. Поляки не въ силахъ были помѣшать ей.

Дали знать Костюшкѣ.

Онъ получилъ это извѣстіе 24-го сентября и тотчасъ послалъ два полка пѣхоты съ нѣсколькими пушками на

помощь къ дивизіи Сѣраковскаго, и послѣднему послалъ приказаніе поскорѣе идти къ Козеницамъ, противъ Ферзена, а потомъ призвалъ къ себѣ Нѣмцевича и сказалъ: «Завтра съ разсвѣтомъ мы уѣдемъ къ Сѣраковскому; только это должно оставаться въ величайшемъ секретѣ». Онъ довѣрилъ однако тайну Заіончеку и Коллонтаю и сказалъ, что рѣшается отважиться на битву съ Ферзеномъ, чтобы не дать ему соединиться съ Суворовымъ. «Лучше пусть Ферзенъ соединится съ Суворовымъ, чѣмъ мы проиграемъ сраженіе,—сказалъ Заіончекъ.—Армія Ферзена сильнѣе арміи Сѣраковскаго».—«Но силы Сѣраковскаго,—возразилъ Костюшко,—когда соединятся съ нимъ другія, возрастутъ до четырнадцати тысячъ и будутъ въ состояніи выдержать напоръ». Представленіе Заіончека не было принято Костюшкою. Неизвѣстно, притворился ли онъ передъ нимъ, что оставляетъ свое намѣреніе, или упорно стоялъ на своемъ. Онъ пріѣхалъ въ Варшаву и провелъ вечеръ у Закржевскаго. Тамъ были всѣ близкіе друзья его, Игнатій Потоцкій, Мостовскій, Коллонтай. Костюшко не подавалъ вида, что̀ у него на умѣ. Друзья разстались въ часъ по полуночи. У Нѣмцевича былъ на пальцѣ превосходной антикъ, этрусскій перстень съ вырѣзаннымъ изображеніемъ раненаго воина, опирающагося на щитъ. Игнатій Потоцкій похвалилъ его. «Возьмите его себѣ и держите, пока мы не увидимся снова», сказалъ Нѣмцевичъ. Игнатій не понялъ значенія этихъ словъ, а Нѣмцевичъ хотѣлъ въ случаѣ несчастія оставить по себѣ память человѣку, котораго очень любилъ и уважалъ.

На зарѣ, рано, Костюшко съ Нѣмцевичемъ были уже на ногахъ. Отъѣзжая, Костюшко довѣрилъ начальство надъ войскомъ близъ Варшавы Заіончеку и приказалъ распустить слухъ, что ѣдетъ въ Варшаву. Они поѣхали на Прагу. Проѣхавъ верстъ около двадцати, они оставили своихъ утомленныхъ лошадей и поѣхали на перемѣнныхъ

мужичьихъ. Жалко было имъ смотрѣть на этихъ лошадей, только кожа да кости, сѣдла были безъ стремянъ, и удилъ не было, а вмѣсто нихъ были веревки. Край былъ разоренъ, хлопы обѣднѣли. Въ пять часовъ путешественники достигли обоза Сѣраковскаго, гдѣ съ послѣднимъ были генералы Каминскій и Понинскій, и бригадиръ Копецъ, прибывшій изъ своего лагеря, верстъ за тридцать оттуда.

Утромъ Понинскій уѣхалъ къ своему отряду съ Сѣраковскимъ; Каминскій поѣхалъ съ Костюшкою. Они въ Корытницу прибыли вечеромъ; тамъ былъ отрядъ, наблюдавшій за Ферзеномъ. Костюшко остановился въ опустошенномъ казаками панскомъ домѣ, и пробылъ тамъ цѣлый день. Погода была дождливая.

Польскіе подъѣзды взяли въ плѣнъ маіора русской службы, снимавшаго планъ мѣстности. Оказалось, что этотъ маіоръ былъ родомъ полякъ изъ брацлавщины, по прозванію Подчаскій. «Мы имѣли право повѣсить его какъ измѣнника, говоритъ Нѣмцевичъ, но удовольствовались тѣмъ, что вывѣдали у него о состояніи непріятеля». Чуть живой отъ страха Подчаскій объяснялъ, что нищета заставила его вступить въ русскую службу и онъ хотѣлъ увольниться, но его не пускали въ отставку. Онъ разсказалъ Костюшкѣ подробно о положеніи русской арміи и ея численности.

«Оказывается, что непріятель сильнѣе насъ вчетверо людьми и орудіями», сказали поляки. Вечеромъ дождь пересталъ. Прояснивало. Нѣмцевичъ и Каминскій, нѣкогда школьные товарищи, прогуливались по двору. Вдругъ по правую ихъ сторону пролетѣла стая вороновъ. «Припомни Тита Ливія,—сказалъ Каминскій,—вороны по правую сторону — дурное предзнаменованіе».—«Оно было дурнымъ для римлянъ, а не для насъ,—сказалъ Нѣмцевичъ.—Пусть это кажется невѣроятно, но увидишь,—мы побьемъ москалей».—«И я тоже думаю», сказалъ, ободрясь, Каминскій.

Настало ясное утро 28 сентября (9 октября). Полковникъ Крицкій привелъ изнуренные два полка изъ Варшавы. Имъ для подкрѣпленія дали водки.

Въ девять часовъ утра выступили поляки изъ Корытницы. Путь имъ лежалъ черезъ лѣсъ. Въ четыре часа по полудни вышли они изъ лѣса близъ Мацѣіовицъ и увидѣли вдоль Вислы раскинутый русскій обозъ. Русское оружіе сверкало противъ солнца. Шумъ голосовъ, крики командъ, ржаніе лошадей доходили до ушей поляковъ. Генералы устанавливали войско въ боевой порядокъ, а стрѣлки между тѣмъ уже начали драться съ передовыми казаками. Эти такъ-называемые *шармицели* не длились больше часа.

Маленькая рѣка течетъ въ Вислу черезъ мѣстечко Мацѣіовицы. На берегу ея стоялъ зáмокъ; отъ этого зáмка до селаОроннэ вдоль рѣчки на лѣвомъ ея берегу расположились поляки. Рѣчка, впадая въ Вислу, образуетъ уголъ; отъ этого угла вдоль Вислы, до Козеницъ, стояли русскіе. Понинскаго съ его отрядомъ не было. Костюшко послалъ къ нему вечеромъ гонца, приказывая прибыть какъ можно скорѣе.

Ночью отправились польскіе генералы въ зáмокъ. Онъ принадлежалъ фамиліи Замойскихъ. На стѣнахъ его висѣли портреты лицъ этой фамиліи, знаменитыхъ въ исторіи канцлеровъ, гетмановъ, епископовъ. Казаки незадолго передъ тѣмъ посѣтили зáмокъ и оставили слѣды свои; у однихъ изъ нарисованныхъ Замойскихъ были проколоты глаза, у другихъ разрублены саблями лица. Бозсознательно русскій воинъ попиралъ древнюю славу Польши на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣсколько дней спустя судьба опредѣлила разыграться одной изъ послѣднихъ сценъ ея исторической драмы.

Наступило утро рокового дня. Мѣстоположеніе, казалось, давало полякамъ болѣе выгоды и надеждъ. Они сто-

яли на сухомъ мѣстѣ, а русскимъ надо было пробираться по болотамъ. Но русскіе не боялись дурныхъ путей, когда надобно и велѣно идти черезъ нихъ.

По составленному Ферзеномъ плану, генералъ Хрущовъ ударилъ на поляковъ прямо. Корпусъ Денисова обошелъ вправо и ударилъ на поляковъ въ лѣвый флангъ. Корпусъ Тормасова направилъ свой ударъ лѣвѣе отъ Хрущова, а еще лѣвѣе двинулся корпусъ Рахманова, перешелъ рѣчку, пошелъ вдоль ея по правой сторонѣ съ большимъ трудомъ, при упорномъ сопротивленіи поляковъ, потомъ снова перешелъ на лѣвую сторону по плотинѣ и ударилъ въ тылъ. Наконецъ резервъ, подъ начальствомъ полковника Толстого, взялъ Мацѣіовицы, перешелъ черезъ рѣку и потомъ очутился тоже въ тылу поляковъ, еще далѣе, лѣвѣе Рахманова. Сначала сыпались на поляковъ ядра и гранаты, потомъ, когда русскіе приблизились, со всѣхъ сторонъ открылся по нимъ убійственный ружейный огонь. Тогда русскіе ударили въ штыки. Все мѣшалось, кидало оружіе, бѣжало, но бѣжать было некуда. Русскіе окружили поляковъ. Костюшко бросился за бѣгущею и потерявшею духъ кавалеріею; онъ думалъ остановить ее и двинуть въ бой. За нимъ пустились въ догонку харьковскаго легко-коннаго полка корнетъ Лисенко, да елисаветградскаго конно-егерскаго полка корнетъ Смородскій, да два казака, Лосевъ и Топилинъ. Конь Костюшки споткнулся и упалъ. Казаки, доскакавъ, дали ему два удара пикою, а Лисенко ударилъ его саблею по головѣ. Казаки бросились обирать его,—сняли съ пальца перстень, потомъ другой, потомъ стали снимать третій, съ изображеніемъ краковской шапки,—девиза повстанья. Костюшко машинально сжалъ палецъ. Офицеръ присмотрѣлся и закричалъ: «Это Костюшко!»—«Я Костюшко, воды!» проговорилъ раненый начальникъ. Воины прониклись уваженіемъ къ храброму, честному и уже безсильному врагу. Одинъ изъ казаковъ побѣжалъ за

водою. Офицеры приказали надѣть на него прежнюю одежду, перевязали ему раны. Онъ впалъ въ безпамятство. Казаки изъ пикъ устроили носилки и понесли его.

Генералы Сѣраковскій, Княжевичъ, Каминскій, Копецъ, всѣ полковники, штабъ и оберъ-офицеры, секретарь Костюшки Фишеръ, оставшіеся въ живыхъ, были взяты въ плѣнъ. Нѣмцевичъ былъ раненъ въ руку. «Первымъ моимъ движеніемъ,—говоритъ онъ,—была гордость при мысли, что я проливаю кровь за отечество, но это патріотическое наслажденіе прошло, когда я увидалъ, что вся наша армія уничтожена». Казаки нагнали его, схватили за поводья его лошадь и повели.

Казацкій офицеръ, взявшій въ плѣнъ Нѣмцевича, не принадлежалъ къ числу образованныхъ и гуманныхъ офицеровъ, какими, къ чести ихъ, были многіе изъ героевъ екатерининской арміи, уважавшіе во врагѣ человѣка и исполнителя своего нравственнаго долга. Онъ сталъ его обирать, и увидя на раненой рукѣ брилліантовый перстень, силился его снять, но это было трудно,—рука припухла отъ раны. Нѣмцевичъ закричалъ отъ боли, снялъ перстень и бросилъ ему въ лицо. «Этотъ офицеръ обратился въ слугу моего», говоритъ Нѣмцевичъ; онъ раздѣлъ его и надѣлъ на него мундиръ, снятый съ убитаго польскаго жолнѣра. Нѣмцевича повели посреди русскихъ батальоновъ. «Зачѣмъ ведешь его?» кричали офицеру подобные ему товарищи. «Убей его!». На пути подъѣхалъ полковникъ Миллеръ, обратился къ Нѣмцевичу вѣжливо и милостиво, и при немъ же далъ выговоръ грубому казацкому офицеру за жестокое обращеніе, а самъ взявъ подъ свое покровительство Нѣмцевича, повелъ его въ главную квартиру.—«Мы шли черезъ побоище,—говоритъ Нѣмцевичъ;—земля была покрыта ободранными трупами. Что̀ было величественно въ этой картинѣ, это рослые жолнѣры, лежавшіе съ пробитою штыками грудью, съ запекшеюся

въ ранахъ кровью, но еще видно было въ нихъ оставшееся послѣднее напряженіе мускуловъ; грозное выраженіе застыло на ихъ лицахъ».

Всѣхъ знатныхъ плѣнныхъ приводили къ Ферзену. Побѣдитель встрѣчалъ ихъ ласково съ трубкою въ рукахъ и безъ оружія, чтобы показаться скромнѣе. Отъ него ихъ отводили въ за́мокъ, гдѣ собрались русскіе генералы. Плѣнниковъ поставили въ рядъ. Русскіе генералы—Хрущовъ, Тормасовъ, Денисовъ и другіе утѣшали ихъ, ласкали. Костюшки не было. Всѣ думали, что онъ убитъ, какъ вдругъ казаки принесли его на пикахъ полуживого, и русскіе генералы бросились оказывать ему помощь. У Нѣмцевича въ карманѣ взяли польскую только-что написанную имъ пьесу: «Возвращеніе съ того свѣта». Русскіе, знавшіе по-польски, читали и хвалили пьесу, желая сдѣлать пріятное плѣнному автору.

Всѣхъ плѣнныхъ взято русскими двѣ тысячи семьдесятъ человѣкъ. Изъ нихъ восемьсотъ были тотчасъ отпущены, съ обязательствомъ не служить противъ Россіи. Русскіе взяли 21 пушку, изъ нихъ четыре двѣнадцати-фунтовыхъ и четыре шести-фунтовыхъ, а прочія трехъ-фунтовыя, два знамени и 26 пороховыхъ ящиковъ. Сами русскіе потеряли убитыми 166 чел.; раненыхъ было 1,154.

Плѣнныхъ генераловъ разобрали къ себѣ на попеченіе русскіе генералы. Каминскаго, съ позволенія Ферзена, взялъ къ себѣ генералъ Дашковъ, который былъ въ Варшавѣ друженъ съ сестрою его Гурскою. Сѣраковскаго и Княжевича взялъ Хрущовъ, и обращался съ ними привѣтливо и дружелюбно. Всѣхъ убитыхъ похоронили съ военною честью и русскіе священники отпѣвали ихъ. Угождая французскому вольномыслію, поляки ставили русскимъ въ укоръ эту заботливость о приличномъ погребеніи мертвыхъ, называли ее суевѣріемъ, и порицали ихъ за то, что они въ то же время оказывали менѣе старанія о ра-

неныхъ плѣнныхъ, впрочемъ замѣчали, что и о своихъ раненыхъ они заботились не болѣе того. Быть можетъ, это было единственно оттого, что въ Россіи въ то время былъ еще недостатокъ во врачахъ, особенно искусныхъ.

Такъ какъ курьеровъ приходилось для избѣжанія плѣна посылать черезъ австрійскія земли, то Ферзенъ отправилъ къ Суворову извѣстіе съ плѣннымъ полякомъ, Станиславомъ Дубовицкимъ. По донесенію этого Дубовицкаго всѣхъ польскихъ войскъ было подъ Мацѣіовицами десять тысячъ пятьсотъ человѣкъ, тогда какъ по извѣстіямъ польскимъ ихъ было не болѣе шести съ небольшимъ. Дубовицкій показывалъ, что Костюшко отправилъ изъ Варшавы четыре полка по 1,000 человѣкъ, тогда какъ Нѣмцевичъ говоритъ, будто онъ отправилъ ихъ только два. Дубовицкій указываетъ въ какомъ именно батальонѣ сколько людей находилось, и его показанія вообще носятъ печать правдоподобія; исключивъ число взятыхъ въ плѣнъ, окажется, что поляковъ легло болѣе восьми тысячъ въ этой *рѣзанинѣ*, какъ называли русскіе ветераны это сраженіе, вспоминая объ немъ въ своихъ разсказахъ впослѣдствіи.

Въ Варшавѣ сначала, какъ водится, стали ходить неясные слухи о мацѣіовицкомъ пораженіи. Имъ не хотѣли вѣрить. Патріоты, такъ боготворившіе своего начальника, никакъ не допускали мысли, чтобы этотъ идеалъ ихъ могъ быть взятъ въ плѣнъ. Боялись передавать другъ другу эти слухи, чтобы не подпасть обвиненію въ злоумышленномъ распространеніи дурныхъ вѣстей. Потомъ разнесся даже слухъ, что Костюшко свободенъ, что его нашли въ болотѣ и везутъ въ Варшаву. Народъ толпами побѣжалъ къ мосту и стоялъ на берегу съ полудня до ночи, пока сильный осенній дождь не прогналъ его. На другой день Заіончекъ издалъ приказъ и извѣщалъ оффиціально войско и народъ о несчастіи, постигшемъ отечество. Онъ убѣждалъ не унывать, но одушевиться чувствомъ и же-

ланіемъ мести за любимаго начальника. Тогда раздались отчаянные крики: «Нѣтъ Костюшки! Пропало отечество!» Иныхъ, по словамъ современниковъ, била лихорадка; другіе впали въ горячку, нѣкоторые совсѣмъ сошли съ ума, бѣгали по улицамъ и бились головами объ стѣны; женщины метались и кричали въ истерикѣ, а иныя даже разрѣшились отъ бремени преждевременно. Даже дѣти, слышавшія прежде безпрестанно отъ родителей имя Костюшки, теперь плакали навзрыдъ и кричали: «гдѣ дорогой Костюшко?» Немало было и такихъ, которые втайнѣ радовались этому, видя по крайней мѣрѣ, что этимъ способомъ дѣло скорѣе дойдетъ до какого-нибудь конца, но и тѣ должны были притвориться. «Онъ въ плѣну—какой стыдъ! —говорили такіе, желая набросить на Костюшку тѣнь.— Да зачѣмъ же онъ не нашелъ славной смерти, какъ многіе другіе нашли ее подъ Мацѣіовицами? Зачѣмъ предпочелъ стыдъ пораженія и плѣнъ геройской смерти?» Крайніе демократы, которыхъ всякая неудача разъяряла, кричали, что теперь-то и надобно показать рѣшительныя мѣры и перебить плѣнныхъ москалей и измѣнниковъ поляковъ.

3 (14) октября, Высочайшій Совѣтъ по этому поводу принужденъ былъ издать прокламацію, гдѣ было сказано: «Высочайшій Совѣтъ убѣжденъ, обыватели, что скорбь ваша и слезы нераздѣльны съ твердою рѣшимостью мстить непріятелю за утрату начальника. Но Высочайшій Совѣтъ, говоря о мести, отнюдь не думаетъ побуждать васъ мстить безоружнымъ людямъ изъ московскаго края, находящимся у насъ въ плѣну, или за ручательствомъ народа. Судьбу ихъ слѣдуетъ уважать и по долгу человѣчности и по вниманію къ нашимъ рыцарямъ, которые, будучи покрыты ранами, въ рукахъ непріятеля испытали бы такія же несчастія и жестокости».

Ферзенъ, по взятіи Костюшки, послалъ къ королю Станиславу-Августу курьера съ письмомъ. Костюшко собствен-

ною слабою рукою надписалъ курьеру паспортъ. «Ваше величество,—писалъ Ферзенъ,—истребленіе всего корпуса, стоявшаго у зàмка (Мацѣіовицкаго), взятіе такого множества воиновъ, высшихъ офицеровъ, командировъ и самого начальника революціи 1794 г.—вотъ слѣдствіе дѣла 10 октября. Надѣюсь, что теперь ваше величество и Рѣчь-Посполитая возвратитесь къ своимъ прежнимъ правамъ, и потому обращаюсь къ законнымъ властямъ съ требованіемъ увольненія всѣхъ генераловъ, офицеровъ, солдатъ и состоящихъ на службѣ русскихъ, въ томъ числѣ и принадлежащихъ къ дипломатическому корпусу, а равно и женщинъ, задержанныхъ вопреки достодолжному уваженію къ правамъ народовъ. Я желаю, чтобы всѣ эти особы отосланы были въ корпусъ, находящійся подъ моею командою, и скорое ихъ возвращеніе увеличитъ во мнѣ желаніе сдѣлать съ своей стороны все, чтò могу и чтò отъ меня будетъ зависѣть. Надѣюсь, что усилія, до сихъ поръ напрасныя, возвратятъ наконецъ спасительное спокойствіе Польшѣ и что въ этомъ еще году я буду въ состояніи изъявить вашему величеству мое уваженіе».

Король, конечно, не могъ еще писать ничего другого, кромѣ того, чтò ему прикажутъ. Отвѣтъ его Ферзену отъ 4 (15) октября былъ таковъ:

«Милостивый государь! Какъ ни прискорбно для насъ несчастіе, постигшее насъ 10 октября, преимущественно утратою глубоко уважаемаго мужа, давшаго вновь начало независимости своему отечеству, однако это несчастіе не можетъ поколебать постоянство тѣхъ, которые поклялись или погибнуть или возвратить себѣ свободу. Не удивляйтесь, что ваше предложеніе объ освобожденіи русскихъ плѣнныхъ и заложниковъ, остающихся у насъ въ обезпеченіе судьбы поляковъ, увезенныхъ въ Москву, намъ неумѣстно принять. Еслибы вы постарались объ увольненіи вашихъ единоземцевъ посредствомъ освобожденія задер-

жанныхъ въ вашей землѣ поляковъ, то я охотно содѣйствовалъ бы осуществленію вашего желанія».

Въ тотъ же день послано было отъ Высочайшаго Совѣта письмо къ Костюшкѣ (уже второе со времени его плѣна). «Высочайшій Совѣтъ, писали ему, готовъ уволить за тебя всѣхъ непріятельскихъ плѣнниковъ; каждый изъ насъ готовъ пожертвовать собственною свободою за твою. Это голосъ цѣлаго народа. Если россійское правительство не согласится на это, то оно покажетъ, какъ дорожитъ твоею особою и какъ мало даетъ цѣны собственнымъ подданнымъ. Насъ извѣщали, что съ тобою, начальникъ, обращаются человѣколюбиво: у насъ плѣнники, особы русскаго происхожденія, состоящія за народнымъ поручительствомъ, и прежде испытывали то же; теперь же, узнавъ, какъ хорошо съ тобою обращаются, мы особенно обѣщаемся усладить непріятность ихъ плѣна. Высочайшій Совѣтъ установилъ навсегда имѣть твой портретъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ будутъ отправляться его засѣданія».

Президентствовать въ Совѣтѣ, въ день, когда было писано это письмо, пришлось Игнатію Потоцкому. Онъ, въ качествѣ предсѣдательствующаго, прибавилъ и отъ себя изъявленіе чувствъ уваженія, и въ концѣ рѣчи сообщилъ, что король поручилъ передать свое участіе къ судьбѣ Костюшки и неизмѣнное къ нему уваженіе.

На другой день, 5 (16) октября, Костюшко прислалъ изъ плѣна Высочайшему Совѣту такое значительное письмо: «Обращаюсь къ Высочайшему Совѣту по поводу происшествія, которое касается чести нашего народа и войска. Сто слишкомъ офицеровъ взято было въ несчастной битвѣ 10 октября въ плѣнъ; они просили, чтобы ихъ содержали на честное слово. Они получили отъ генерала Ферзена эту милость. Но нашлось изъ нихъ девять негодяевъ и подлецовъ, которые, забывъ святость даннаго слова и честь офицера, а равно и тѣ непріятныя послѣд-

ствія, которыя они навлекали на честныхъ своихъ товарищей, оставшихся въ плѣну, убѣжали изъ россійскаго обоза. Къ столькимъ утратамъ, которыя неблагопріятная судьба дала намъ почувствовать, не станемъ присоединять величайшей изъ потерь, — потери славы и чести. Пусть начальство примѣрнымъ наказаніемъ покажетъ, и своимъ и чужимъ, какъ оно гнушается всякою подобною подлостью, какъ умѣетъ строго преслѣдовать и карать ее. Прошу Высочайшій Совѣтъ немедленно приказать. гдѣ нужно, задержать этихъ негодяевъ, заковать въ цѣпи и препроводить въ лагерь генерала Ферзена подъ конвоемъ какъ можно скорѣе, а если они въ Варшавѣ не отыщутся, то приказать ихъ вездѣ искать и доставить, затѣмъ имена ихъ вычеркнуть изъ списковъ и напечатать въ газетахъ».

XII.

Вавржецкій избранъ главнокомандующимъ.—Мѣры обороны.—Укрѣпленія Праги.—Пораженіе поляковъ подъ Кобылкою.—Волненія въ Варшавѣ.

Стали думать о новомъ народномъ начальникѣ. Генералы и вліятельные люди совѣта были между собою не въ ладу; одинъ другому готовъ былъ подставить ногу. Коллонтай предложилъ въ начальники Ѳому Вавржецкаго, бывшаго тогда въ Литвѣ. Этотъ человѣкъ не принадлежалъ ни къ какой партіи, со всѣми ладилъ, былъ скроменъ, невластолюбивъ; можно было надѣяться взять его въ руки. Во время четырехлѣтняго сейма онъ краснó говорилъ, слылъ за пламеннаго патріота, крѣпкаго сторонника конституціи 3-мая; то былъ человѣкъ вполнѣ честный и прямодушный, но не обладалъ ни способностями, ни опытностью въ военномъ искусствѣ и даже не отличался склон-

ностью къ нему. Учредили военный совѣтъ, который долженъ быть постоянно при верховномъ начальникѣ, и состоять изъ шести членовъ; трехъ предоставлялось избрать самому начальнику, а трехъ назначалъ Высочайшій Совѣтъ.

Крайняя опасность была очевидна. Пораженіе Костюшки послѣ первыхъ дней напряженія располагало къ уступкѣ тѣхъ, которые предавали хладнокровному обсужденію положеніе польскихъ дѣлъ. Польша могла насчитать у себя еще до сорока тысячъ войска, но оно было раскидано: Домбровскій и Мадалинскій съ пятью тысячами и Понятовскій съ шестью находились въ Великой Польшѣ и должны были удерживать пруссаковъ. Мокроновскій и Гедройцъ стояли въ Литвѣ: у нихъ было тысячъ до десяти или до двѣнадцати. Сверхъ того было три тысячи у Грабовскаго, четыре тысячи у Понинскаго, а въ Варшавѣ пять тысячъ съ половиною подъ начальствомъ Заіончека, которому самъ Костюшко поручилъ тамъ предводительство. Всего этого войска было недостаточно, если противная сторона захотѣла бы умножить свои силы. Нельзя было назвать польскаго войска превосходнымъ; значительная часть его состояла изъ новобранныхъ, или вооруженныхъ косами; начальники не отличались ни талантомъ, ни опытностью и были между собою постоянно несогласны; предводители ничѣмъ не пріобрѣли любви подчиненныхъ, и еще меньше любви къ себѣ народа. Польскіе отряды для хлоповъ казались подъ-часъ хуже пруссаковъ и москалей: брали съ нихъ фуражъ, не обращая вниманія на бѣдность, не платили денегъ за взятое, брали даромъ подводы и загоняли лошадей, брали рабочій скотъ поселянъ, брали, подъ предлогомъ пожертвованій, все что ни попадалось имъ на глаза, и насильно вербовали жителей въ войско. «Одинъ Костюшко былъ отецъ, говорили поселяне, а эти генералы, и полковники, и офицеры—разбойники и гра-

бители». Ихъ дѣйствія противъ пруссаковъ не принесли ничего плодотворнаго. 5-го октября, Домбровскій и Мадалинскій проникли до Быдгоща (Бромберга), разбили и плѣнили прусскаго генерала Секули, который тотчасъ умеръ отъ раны. Поляки овладѣли Быдгощью, забрали тамъ военные и продовольственные склады. Это, какъ водилось, надѣлало большого шуму, ославлено блестящимъ подвигомъ, подало поводъ къ еще болѣе блестящимъ надеждамъ, но въ сущности это былъ только удачный набѣгъ, который не могъ имѣть выгодныхъ прочныхъ послѣдствій. Поляки не могли удержать этого отдаленнаго города въ то время, когда по близости въ Варшавѣ пруссаки уже господствовали. Прусскій главный генералъ Фавратъ стоялъ въ Піотрковѣ. Города: Рава, Ловичъ, Сохачевъ, Вышегродъ, Закрочимъ, были заняты пруссаками. Радомъ былъ въ рукахъ австрійцевъ. Пулавы были захвачены ими же. Австрійцы не начинали непріязненныхъ дѣйствій и избѣгали всячески необходимости воевать съ поляками, но не пропускали подвоза продовольствія къ Варшавѣ. Ясна была цѣль благоразумной политики австрійской. Не желая тратить людей, предоставляя русскимъ и пруссакамъ подавить, съ пролитіемъ собственной крови и съ большими издержками, польскую революцію, Австрія оставляла себѣ только трудъ взять на свою долю прилегавшую къ ея владѣніямъ лучшую часть Рѣчи-Посполитой.

Предоставлялось на выборъ,—или стянуть поболѣе войска къ Варшавѣ и сосредоточить дѣйствія на защиту столицы, или держать ихъ на разныхъ пунктахъ. Послѣднее было опасно, въ случаѣ когда бы на Варшаву напалъ Суворовъ, соединясь съ Ферзеномъ и Дерфельденомъ; тогда польскія силы для защиты столицы останутся слабы; а собрать ихъ всѣ вмѣстѣ въ одинъ пунктъ противъ Суворова значило бы обнажить Варшаву со стороны Великой Польши и тогда можно было ожидать, что прусскій

король опять явится подъ столицею и будетъ ее осаждать вмѣстѣ съ пришедшимъ русскимъ войскомъ. Въ Варшавѣ чувствовался большой недостатокъ продовольствія. Край около столицы былъ опустошенъ, обѣднѣлъ и обезсилѣлъ. Съ приближеніемъ къ столицѣ русскаго войска онъ еще болѣе долженъ былъ подвергнуться опустошенію и упадку. Патріотическій духъ падалъ день отъ дня. Если прежде, во время первой осады, при всей энергіи патріотовъ было много такихъ, которые втайнѣ были не прочь отдать Варшаву хоть пруссакамъ, хоть русскимъ, ради спокойствія, то теперь ихъ становилось еще гораздо больше. Многіе изъ такихъ, что прежде искренно горячились за революцію, теперь измѣнили свои убѣжденія, когда, испытавши уже много неудачъ, и впереди ничего не чаяли кромѣ неудачъ. Мысль оневозможности устоять противъ русскихъ вела къ желанію прекратить возстаніе. Патріоты, выражавшіеся языкомъ французской революціи, называли своихъ противниковъ роялистами, и приписывали все хитрости короля и его такъ-называемой дворской партіи. Заіончекъ, лично не терпѣвшій короля, разжигалъ противъ него умы. Въ самомъ же дѣлѣ король отнюдь не былъ виноватъ. Повстанье съ самаго начала не имѣло твердаго корня въ побужденіяхъ, руководившихъ большинствомъ.

По совѣту Заіончека рѣшили стянуть къ Варшавѣ отдѣльныя войска; онѣ должны были служить оплотомъ противъ русскихъ, покушавшихся на столицу. Главнымъ центромъ обороны хотѣли дѣлать Прагу.

Новый начальникъ, Вавржецкій, прибылъ въ Варшаву на девятый день послѣ своего назначенія, 12 (23) октября. Онъ откровенно сознавалъ свою неприготовленность, свою неопытность въ военномъ дѣлѣ, но Высочайшій Совѣтъ настоялъ, чтобы онъ принялъ на себя званіе начальника. «Онъ—говоритъ Заіончекъ—былъ похожъ на жертву, которую тянутъ на закланіе къ алтарю».

Вавржецкій заявилъ мнѣніе, противное тому, какое было принято. Онъ совѣтовалъ не только оставить начатыя уже укрѣпленія Праги, но думалъ совсѣмъ сжечь ее, ограничившись защитою берега Вислы, и укрѣпить Варшаву орудіями большого калибра. Высочайшій Совѣтъ былъ противъ этого, особенно Коллонтай, котораго многіе слушались. «Невозможно оставить Прагу,—говорилъ онъ и за нимъ другіе,—она обороняетъ Варшаву; если Прагу возьмутъ, городское строеніе въ столицѣ будетъ тотчасъ разметано. Нельзя покинуть и погубить пороховой и оружейный заводы. Защищать Прагу есть кому; кромѣ войска найдется двадцать тысячъ жителей Варшавы, одушевленныхъ патріотическимъ отчаяніемъ, хорошо вооруженныхъ; они будутъ стоять за нее храбро и стойко». Мнѣніе Вавржецкаго было отвергнуто. Рѣшено непремѣнно укрѣплять Прагу.

Разсчитывали такъ: если Суворовъ явится къ Варшавѣ, то принужденъ будетъ осаждать Прагу; осада задержитъ его по крайней мѣрѣ недѣли на двѣ, а въ это время начнутся дожди, непогода; русскіе не могутъ оставаться на зиму; имъ нужно будетъ получать продовольствіе, а они его имѣть не будутъ въ этомъ краѣ; они будутъ принуждены отступить къ Бугу; между тѣмъ политическія обстоятельства Европы могутъ измѣниться къ лучшему для Польши. Уже посланы были къ Мокроновскому, Грабовскому и Гедройцу приказанія, чтобы они съ своими отрядами спѣшили къ Варшавѣ.

Написано было воззваніе отъ Высочайшаго Совѣта къ великополянамъ; заохочивали ихъ продолжать возстаніе противъ пруссаковъ. Уполномоченный Совѣта, Линовскій, взывалъ къ сендомирскому воеводству, которое въ послѣднее время оказывало большую холодность, требовалъ собирать жолнѣровъ съ пятаго дома (что было приказано давно, но не исполнялось) и доставлять къ Варшавѣ продовольствіе. Вавржецкій писалъ одно за другимъ воззванія къ

польскому народу, вспоминалъ древнихъ римлянъ и грековъ, доказывалъ, что воинъ свободный можетъ лучше биться, чѣмъ воинъ служащій деспотамъ, и т. под. Высочайшій Совѣтъ раздѣлилъ Варшаву на отдѣлы для защиты города, установилъ депутацію, которая съ народнаго согласія должна была назначать начальниковъ надъ командами городского ополченія, ассигновалъ милліонъ злотыхъ для награды тѣмъ, которые отличатся при защитѣ города и, 16 (27) октября, издалъ пламенное воззваніе къ жителямъ Варшавы. «Не такъ страшна непріятельская сила,—писано было тамъ,—какъ представляютъ ее трусы и люди, нерасположенные къ повстанью. Будьте только крѣпки и отважны, и вражескіе замыслы обратятся ни во что. Думайте о защитѣ отечества и не безпокойтесь о продовольствіи, котораго недостаткомъ стращаютъ васъ враги народа. Будьте увѣрены, что правительство употребитъ всѣ средства для продовольствія столицы. Сражайтесь каждый за собственное существованіе. Развѣ не чувствуете, какою злобою дышетъ непріятель на эту столицу за то, что она осмѣлилась сбросить наложенное имъ ярмо, истребить тирановъ, безнаказанно глумившихся надъ невиннымъ народомъ, на ихъ трупахъ провозгласить свободу и независимость! Да, обыватели, вамъ нѣтъ иного спасенія, кромѣ своего собственнаго мужества! Правительство смѣло увѣряетъ васъ, что если вы теперь будете крѣпки и предпріимчивы, то скоро наступятъ обстоятельства, которыя изгонятъ непріятелей и дадутъ вамъ сладостный отдыхъ по трудамъ вашимъ».

Домбровскій и Мадалинскій подступили ближе къ Варшавѣ и расположились у Пилицы и Гостынина. Понятовскій стоялъ еще ближе къ столицѣ и заслонялъ ее съ лѣвой стороны Вислы.

Вавржецкій нашелъ необходимымъ для наблюденія за австрійцами отправить отрядъ въ три тысячи человѣкъ подъ командою бригадировъ Вышковскаго и Язвинскаго

къ Пулавамъ, а маіора Либерацкаго съ семью стами кавалеріи въ сендомирское и радомское воеводства, для доставленія провіанта къ Варшавѣ. Приказано было разогнать австрійцевъ, расположившихся по деревнямъ и не допускавшихъ подвоза продовольствія къ Варшавѣ. Австрійцы, разсѣянные малыми отрядами, избѣгали стычекъ съ поляками, уходили къ Пулавамъ, и такимъ образомъ въ Варшаву успѣли привезти значительное количество хлѣба и пригнать скота. Наконецъ, Вавржецкій нашелъ нужнымъ выслать изъ Праги и генерала Гедройца, у котораго было около пяти тысячъ, на подкрѣпленіе Домбровскаго и Мадалинскаго: онъ боялся, чтобы пруссаки не сдѣлали на Варшаву нападенія; итакъ, для защиты Праги оставалось не болѣе десяти тысячъ человѣкъ; изъ нихъ настоящаго войска было только четыре тысячи, остальное все состояло изъ новобранцевъ.

Вавржецкій впослѣдствіи сознавался, что сдѣлалъ ошибку, разсѣевая такимъ образомъ войско, и тѣмъ лишилъ Варшаву и Прагу силъ для обороны. Его ввели въ обманъ увѣренія Коллонтая и другихъ патріотовъ, будто жители Варшавы примутся дружно за оборону Праги и такимъ образомъ рукъ достанетъ, а содержать много войска въ одномъ мѣстѣ затруднительно.

Суворовъ послѣ побѣды подъ Брестомъ стоялъ около мѣсяца въ Брестѣ и выходилъ изъ себя за то, что ему не присылали на помощь Дерфельдена.—«Не будучи въ довольныхъ силахъ,—писалъ онъ къ Румянцеву,—не могу я съ своимъ войскомъ отважиться на очищеніе праваго берега Вислы. Время упущено. Приближаются винтеръквартиры и я могу сказать то, что говорилъ Магербалъ Аннибалу: ты умѣешь побѣждать, но не умѣешь пользоваться побѣдою».

Суворовъ разсчитывалъ, что у него войска недостаточно, чтобы идти съ нимъ въ глубину Польши. Онъ, ка-

жется, считалъ польское возстаніе болѣе важнымъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ. Это неудивительно, когда вѣсти получались очень не легко, и для того, чтобы имѣть сообщеніе съ Ферзеномъ, нужно было посылать курьеровъ черезъ австрійскія владѣнія. Получивъ отъ Репнина, подъ командою котораго находился Дерфельденъ, увѣдомленіе, что этому послѣднему, наконецъ, велѣно присоединиться къ Суворову, онъ составилъ такой планъ: оставить въ Брестѣ отрядъ войска (3 эскадрона херсонскаго полка, пѣхотный сѣвскій полкъ, кавалерію и 250 казаковъ) подъ начальствомъ бригадира Дивова, для охраненія вагенбурга и провіантскихъ магазиновъ, взять съ собою продовольствія до 1 ноября и идти на Яновъ, Венгровъ и Станиславовъ, соединиться въ послѣднемъ мѣстѣ съ Ферзеномъ, потомъ съ Дерфельденомъ и идти прямо на Варшаву, а между тѣмъ просить австрійскаго генерала Гарнонкура, протянуть цѣпь до Лукова для соединенія съ русскими и прусскими кордонами за Вислою, и прусскаго генерала Латорфа, находящагося въ Опатовѣ, просить о содѣйствіи русскимъ войскамъ въ покушеніи на Варшаву. Прежде всего слѣдуетъ овладѣть Прагою, а потомъ, смотря по обстоятельствамъ, отнять на Вислѣ мостъ и, оставя въ Прагѣ Дерфельдена, перейти рѣку у Вилланòва и добывать столицу; или же, если почему нибудь не прибудетъ Дерфельденъ, или пруссаки не станутъ содѣйствовать, то расположиться съ войскомъ на правомъ берегу Вислы, продовольствовать его изъ окольнаго края и держать сообщеніе съ Брестомъ, чтобы въ случаѣ, если сосѣдній край не можетъ доставлять во время осады провіанта, то получать его изъ Бреста; или же, наконецъ, смотря по надобности, отойти къ Бугу. «Остерегаться малѣйшаго раздробленія, писалъ Суворовъ къ Репнину, чтобы Варшава не получила прокормленія съ праваго берега Вислы».

Дерфельденъ долженъ былъ догнать Мокроновскаго,

который, по приказанію Высочайшаго Совѣта, долженъ былъ пробираться въ Польшу для защиты Варшавы. Но онъ не догналъ его. Суворовъ, узнавъ объ этомъ, пустился за Мокроновскимъ самъ, и какъ слѣдовало по его плану, соединился съ Ферзеномъ у Станиславова. Отрядъ Мокроновскаго былъ раздвоенъ; самъ онъ съ половиною его уходилъ къ Прагѣ, другая, подъ начальствомъ генерала Бышевскаго, тянулась еще сзади. Послѣдняго нагналъ Суворовъ, 14 (25) октября, въ 8 часовъ вечера у мѣстечка Кобылки. Поляки ускорили свой ходъ, и въ ту же ночь Мокроновскій прислалъ имъ изъ Праги подкрѣпленіе въ двѣ тысячи, такъ что у Бышевскаго было по однѣмъ извѣстіямъ четыре тысячи восемьсотъ человѣкъ, по другимъ 5080 чел. Когда онъ подходилъ къ Кобылкѣ въ 5½ часовъ по полуночи, напала на него русская конница, и ударила на оба крыла польской арміи разомъ; на лѣвое крыло напалъ генералъ Исленьевъ, на правое Шевичъ. Польская конница смѣшалась. Пѣхота стала отступать по дорогѣ черезъ лѣсъ. Суворовъ, по указаніямъ генералъ-поручика Потемкина, замѣтившаго небольшую дорогу, отправилъ Шевича опередить непріятеля и захватить двѣ дороги, ведущія въ Варшаву. За Шевичемъ пошелъ скорымъ маршемъ, въ обходъ непріятеля, Потемкинъ. Между тѣмъ Исленьевъ отрѣзалъ одну польскую колонну, загналъ ее въ густой лѣсъ и здѣсь такъ прижалъ ее, что большая часть ея жолнѣровъ легла на мѣстѣ, а остальная сдалась въ числѣ двухъ сотъ человѣкъ, съ двумя полковниками. Другая, бо̀льшая часть войска, прошедшая лѣсъ, но преслѣдуемая по пятамъ казаками, наткнулась впереди на русскую кавалерію и на устроенныя уже противъ нея на пути русскія баттареи; поражаемая сзади и спереди, она бросилась въ лѣсъ, но русская кавалерія спѣшилась и погналась за поляками, и начала рубить ихъ саблями. Кровопролитіе было большое. Поляки

погибали сотнями, почти не успѣвая защищаться. Бышевскій, тяжело раненый, отдался въ плѣнъ и съ нимъ сдались 27 офицеровъ. Изъ всего отряда взято въ плѣнъ тысяча семьдесятъ три человѣка. Остальные, за исключеніемъ можетъ быть немногихъ, успѣвшихъ спрятаться въ глубинѣ лѣса, всѣ полегли на мѣстѣ. Въ то же время Дерфельденъ подъ Остроленкою разбилъ двухъ-тысячный отрядъ Грабовскаго, шедшій также къ Прагѣ. До двухъсотъ человѣкъ убито, а 116 взято въ плѣнъ. Послѣ того Дерфельденъ присоединился къ Суворову.

Вслѣдъ затѣмъ, 20 числа октября, Суворовъ съ своимъ войскомъ появился передъ Прагою.

Работы по укрѣпленію Праги дѣлались скоро, но неосновательно. Окружавшій мѣстечко ретраншаментъ проведенъ былъ такъ широко, что надобно было тысячъ тридцать войска защищать его, тогда какъ, съ того времени, какъ прибылъ Суворовъ, для обороны его у поляковъ набралось не болѣе двѣнадцати тысячъ. Они надѣялись на прибытіе отдѣльныхъ корпусовъ, но изъ нихъ одни были уже истреблены или ослаблены, другіе не успѣли придти. Тогда внутри ретраншамента стали возводить другіе окопы; болѣе всего старались укрѣпить лѣвую сторону, гдѣ мѣсто представлялось суше и удобнѣе. Тамъ были впереди пригорки; Заіончекъ приказалъ занять ихъ стрѣлками и поставилъ впереди ретраншамента баттареи. Сожгли деревушки напротивъ Праги для того, чтобы непріятель, пришедши, не нашелъ себѣ пріюта. Генералы, распоряжавшіеся этимъ дѣломъ, Вавржецкій и Заіончекъ, не показывали великихъ дарованій и опытности. Заіончекъ былъ болѣе ученъ, чѣмъ опытенъ, болѣе запальчивъ, чѣмъ отваженъ, болѣе самолюбивъ, чѣмъ разсудителенъ. Вавржецкій былъ только хорошій риторъ. Онъ грозилъ висѣлицею всѣмъ, кто только осмѣлится заикнуться о мирѣ съ Москвою, и держалъ этимъ въ

страхѣ умѣренныхъ, но никто еще не былъ свидѣтелемъ его личной храбрости. Онъ себѣ разъѣзжалъ по Варшавѣ въ королевской каретѣ, давалъ балы и обѣды; двадцать четыре музыканта играли за столомъ верховнаго полководца, по обычаю предковъ и отцовъ, въ то время, когда судьба Польши висѣла на волоскѣ.

Генералъ Ясинскій, человѣкъ самыхъ крайнихъ убѣжденій и самаго необузданнаго характера, горячился, порывался, спѣшилъ, и этимъ только болѣе портилъ дѣло, чѣмъ способствовалъ его успѣху. Въ городѣ день ото дня усиливалось смятеніе по мѣрѣ приближенія роковой минуты. Видно было, что возстаніе доходило до своей агоніи. Большинство гражданъ готово было сдаваться, но не могло рѣшить, кому и какъ сдаваться. Зажиточные купцы и мѣщане предпочитали заранѣе, не допуская русскихъ къ городу, послать къ прусскому королю и сдать ему Варшаву. Причина этого предпочтенія крылась тогда, во-первыхъ, въ томъ, что въ городскомъ классѣ въ Варшавѣ было много нѣмцевъ, которые естественно склонялись къ своимъ единоплеменникамъ, когда имъ предстоялъ выборъ; во-вторыхъ, они боялись русскаго войска, представляли его себѣ дикимъ, необузданнымъ, въ особенности потому, что въ этомъ войскѣ были казаки, татары и разные восточные инородцы, о которыхъ ходили слухи, что они кровожадны, не щадятъ побѣжденныхъ, даже и покорившихся добровольно, и способны совершать варварства, хотя и противъ воли своихъ начальниковъ. Конечно, гостей, о которыхъ составили такое понятіе, не желательно было принимать въ городъ.

Король теперь, какъ нѣкогда, склонялся къ Россіи. Игнатій Потоцкій сталъ склоняться туда же. Думали попытаться примириться съ Екатериною, предложить ей—на польскій престолъ посадить кого-нибудь изъ внуковъ ея, хотя бы и будущаго наслѣдника россійскаго престола, вели-

каго князя Александра, и, такимъ образомъ, соединить Польшу съ Россіею. Разсчитывали, что изъ многихъ золъ, какія могли угрожать Польшѣ, это было самое меньшее. До нихъ доходили слухи, что императрица болѣе другихъ внуковъ любитъ Александра, и слѣдовательно была надежда, что она изъ любви къ нему согласится. Такимъ образомъ достигалась бы цѣль самой Екатерины, Польша добровольно соединилась бы съ ея имперіею. Въ будущемъ могло все измѣниться къ выгодѣ поляковъ, по смерти императрицы наслѣдники ея могли держаться другихъ принциповъ и другой политики, и въ Европѣ положеніе дѣлъ могло быть иное. Преемники Екатерины могли вовсе не имѣть повода мѣшать водворенію въ Польшѣ свободныхъ и прочныхъ началъ конституціи 3-го мая, тѣмъ болѣе, что Екатерина, какъ чувствовали поляки, въ угоду прусскому королю согласилась на предлогъ обвинять польскую конституцію въ якобинствѣ только потому, что Польша черезъ эту конституцію хотѣла возвратить себѣ прочность и могущество, не въ союзѣ съ Россіею, а во враждѣ съ нею и къ явному ущербу ея политической силы на сѣверѣ и востокѣ Европы. Овладѣвши Польшею, императрица менѣе могла бояться ея благосостоянія. Такъ стали тогда размышлять поляки. Но эта мысль о сближеніи съ Россіею не могла взять перевѣса въ тѣ минуты, потому что задорные патріоты не дозволяли высказывать ее открыто и подробно. Коллонтай, наибольшій врагъ Россіи, стоялъ за крайнія мѣры и проповѣдовалъ что съ москалями, какъ и съ пруссаками, не можетъ быть никакихъ сдѣлокъ, что полякамъ надобно или освободить отечество, или всѣмъ погибнуть. Онъ былъ уже во враждѣ съ цѣлымъ Высочайшимъ Совѣтомъ, и самъ Игнатій Потоцкій сталъ ему противникомъ. Коллонтай возбуждалъ противъ Высочайшаго Совѣта общественное мнѣніе и затѣвалъ устроить при Высочайшемъ Совѣтѣ три департамента, которые хо-

тѣлъ наполнить людьми крайней партіи, чтобы чрезъ ихъ посредство ниспровергнуть весь Совѣтъ. Вавржецкій не допустилъ исполниться этому плану. Коллонтай прежде стоялъ за Вавржецкаго, думая, что имъ можно будетъ вертѣть, но обманулся; новый начальникъ былъ противъ него. За Коллонтая были генералы Заіончекъ, Ясинскій, банкиръ Капостасъ: они волновали толпу и разжигали ее противъ короля и пановъ чрезъ посредство клуба якобинцевъ, носившаго названіе сборища для поддержанія революціи и краковскаго акта. Въ его засѣданіяхъ предлагались кровавыя мѣры, въ подражаніе французскому царству ужаса. Ясинскій былъ ярымъ посѣтителемъ этого клуба. «Однажды,—говоритъ Огинскій въ своихъ запискахъ,—незадолго до окончанія повстанья, пришелъ Ясинскій ко мнѣ и сталъ говорить: вступите поскорѣе въ якобинскій клубъ, иначе вы подвергаетесь опасности быть повѣшеннымъ». Огинскій, какъ представитель одного изъ аристократическихъ родовъ, не могъ быть въ этомъ клубѣ, хотя и сражался за возстаніе. «Ради спасенія Польши,— сказалъ Ясинскій,—надобно покончить съ дворянствомъ; иного средства нѣтъ».—«Да вѣдь и вы принадлежите къ дворянству,—сказалъ Огинскій,—какъ и я; слѣдовательно и васъ, какъ меня, щадить не нужно». 17 (28) октября пришелъ опять Ясинскій къ нему и сказалъ: «Я брошу Польшу, я пойду пѣшкомъ въ Парижъ; въ Польшѣ нечего мнѣ дѣлать, въ Польшѣ одни измѣнники, слабодушные и трусы. Пойдемте вмѣстѣ». — «Зачѣмъ ходить такъ далеко, — сказалъ Огинскій, — и притомъ это такъ затруднительно. Лучше здѣсь погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ оставить отечество и думать о собственной безопасности».—Совѣтъ понравился Ясинскому; онъ остался.

Прошелъ день, другой, какъ вдругъ задорные якобинцы стали волновать народъ и по ихъ наущенію распространились зловѣщіе крики: «схватить короля, овладѣть имъ, запереть и перерѣзать всѣхъ, кто не съ нами, кто

совѣтуетъ мириться». Паны ужасно перепугались и внушали королю, что ему грозитъ опасность. Огинскій, надававшій Ясинскому героическихъ совѣтовъ, бѣжалъ изъ Польши подъ вымышленнымъ именемъ.

Эти яростные крики, сопровождаемые угрозами, заставили умѣренныхъ перестать говорить о сдачѣ Варшавы. Одни только пріумолкли, другіе начали притворяться и вторить патріотамъ. Королю и панамъ угрожала ежеминутная опасность. Легкомысленная удобоволнуемая варшавская толпа могла безъ разсужденія прибѣгнуть къ кровавому дѣлу; нужно было только одному или двумъ смѣльчакамъ отважиться на убійство; отвѣдавши крови, толпа тотчасъ охмѣлѣла бы, и началась бы во всякомъ случаѣ безполезная бойня, въ которой не уцѣлѣли бы многіе. Такимъ образомъ, несмотря на то, что значительное большинство въ Варшавѣ было теперь болѣе чѣмъ прежде противъ революціи и готово было сдать городъ безъ боя, никто не смѣлъ рѣшиться заявить объ этомъ, потому что прежде, чѣмъ составится кружокъ достаточно сильный, смѣлые патріоты перерѣзали бы зачинщиковъ, и увлекли бы за собою ту многочисленную толпу, которая всегда и вездѣ безъ твердаго направленія примыкаетъ туда, гдѣ въ данную минуту чувствуетъ нравственное и матеріальное вліяніе. Поэтому ограничивались только ропотомъ на судьбу, вздохами, намеками на невозможность устоять въ борьбѣ, двусмысленными подозрѣніями въ измѣнѣ. Умѣренные стали платить ревностнымъ тою же монетою: ревностные ихъ укоряли, взваливали измѣну и продажность на всѣхъ умѣренныхъ и разсудительныхъ, а послѣдніе точно также стали бросать подозрѣніе въ измѣнѣ и неспособности на ревностныхъ. Послѣднихъ поддерживало то, что многіе ксендзы были если не во всемъ на ихъ сторонѣ, то по крайней мѣрѣ раздѣляли съ ними ненависть противъ москалей. Костелы день и ночь были

отворены; народъ толпился въ нихъ, лежалъ «крыжемъ», пѣлъ сочиненныя нарочно религіозныя патріотическія пѣсни, а ксендзы разжигали его къ смѣлости обѣщаніями будущихъ благъ послѣ геройской смерти. Всѣ эти обстоятельства держали умѣренныхъ въ страхѣ и принудили столицу принять оборонительное и враждебное положеніе противъ Суворова. Но въ кажущемся одушевленіи не было правды, и когда доходило до дѣла, слабость и упадокъ духа сейчасъ давали о себѣ знать. Мѣщане не слушались и не ходили на работу въ Прагу; не смѣя отказаться вовсе, они всячески уклонялись отъ работъ. Самое войско, стоявшее въ Прагѣ, не имѣло и того духа, который нѣсколько оживлялъ его въ предыдущихъ битвахъ, когда съ нимъ былъ Костюшко. Близость Варшавы содѣйствовала деморализаціи войска. Ожидая непріятеля, офицеры безпрестанно ѣздили въ Варшаву, простыхъ жолнѣровъ также отпускали по немногу, тѣмъ болѣе, что постоянное пребываніе въ Прагѣ было тягостно; у войска не было ни шатровъ, ни соломы, да и хлѣба недоставало. Нельзя было не дозволить войску ходить въ Варшаву за необходимыми потребностями, а тамъ они заходили въ шинки и встрѣчали жителей, которые въ разговорахъ съ ними вздыхали о горькой судьбѣ, ожидающей Польшу, и ослабляли въ нихъ самоувѣренность. Всѣ начальники, исключая Заіончека и Ясинскаго, колебались и если ободряли подчиненныхъ, то такъ, что послѣдніе въ ихъ тонѣ и голосѣ слышали недовѣріе къ этому ободренію. Несчастіе отечества и въ эти минуты не соединило ихъ крѣпко, все-таки личное самолюбіе брало верхъ, они ссорились между собою, перечили другъ другу, какъ всегда съ-поконъ вѣка дѣлалось въ польскомъ войскѣ. Одно только было имъ утѣшеніемъ,—разсчетъ на такую пору года, когда осенніе дожди и холода не дозволятъ русскимъ долго пребывать въ полѣ, когда осада не можетъ быть продолжительна; «мос-

кали» принуждены будутъ отойти, говорили тогда, а на штурмъ идти они не рѣшатся: это дѣло невозможное и смѣшно думать объ этомъ! Всѣ, и храбрые и нехрабрые, были увѣрены, что русскіе, если придутъ, расположатся вокругъ ретраншамента, начнутъ дѣйствовать канонадою.

XIII.

Суворовъ подъ Прагою.—Штурмъ Праги.—Капитуляція Варшавы.

По всему видно, у Суворова были надлежащія свѣдѣнія объ устройствѣ пражскихъ укрѣпленій и о расположеніи умовъ въ Прагѣ и Варшавѣ. Подошедши къ Прагѣ, онъ приказалъ приготовить плетни, фашины и лѣстницы. 21-го октября (2-го ноября), русское войско вступило на приготовленныя лагерныя мѣста, при сильномъ барабанномъ боѣ и веселой шумной музыкѣ. Это дѣлалось какъ для ободренія своихъ, такъ и для того, чтобы озадачить и ввести въ раздумье непріятеля. У поляковъ лѣвая сторона окоповъ была далеко не кончена; нѣкоторыя изъ намѣченныхъ баттарей еще не были уставлены, вторая линія рва не проведена. Вавржецкій потребовалъ отъ городского президента десять тысячъ рабочихъ; но ихъ едва могли согнать тысячи двѣ. Такъ суетны оказались похвальбы ревностныхъ, увѣрявшихъ, что Варшава выставитъ двадцать тысячъ защитниковъ.

Въ слѣдующую ночь, на правой сторонѣ отъ польскихъ окоповъ, поставлены были русскія баттареи. Поляки изумились быстротѣ работы, увидѣвъ ихъ поутру. Съ нихъ, 23-го октября, гремѣло цѣлый день сорокъ восемь орудій. Это было сдѣлано для отвлеченія поляковъ; прежде они ожидали канонады, и теперь должны были увѣриться, что Суворовъ намѣренъ ихъ томить продолжительною осадою и канонадами. На лѣвой сторонѣ непріятеля не трогали,

а между тѣмъ на слѣдующую ночь къ разсвѣту положено было начать штурмомъ съ этой именно стороны.

Русское войско было расположено около Праги такимъ образомъ. На лѣвой сторонѣ поставлены были четыре колонны, связанныя между собою. Первая, поближе къ Вислѣ, колонна генералъ-маіора Лассія [1]); вторая, — полковника князя Дмитрія Лобанова-Ростовскаго [2]); эти двѣ колонны составляли корпусъ генералъ-поручика Дерфельдена; третья колонна генералъ-майора Исленьева [3]); четвертая генералъ-майора Буксгевдена [4]); обѣ состояли подъ начальствомъ генералъ-поручика Потемкина. На правой сторонѣ польскаго укрѣпленія, т.-е. на лѣвомъ боку русскаго стана, помѣщены три колонны, которыя находились между собою и отъ четвертой въ довольно далекомъ разстояніи, и состояли подъ главнымъ начальствомъ Ферзена. Пятая (по общему счету), генералъ-майора Тормасова [5]).

[1]) Три батальона егерей лифляндскаго корпуса и три батальона фанагорійскаго гренадерскаго полка (издавна славнаго своей храбростью); въ резервѣ тульскій пѣхотный полкъ и три эскадрона конно-егерскаго кіевскаго полка.

[2]) Два батальона егерей бѣлозерскаго корпуса, два батальона апшеронскаго и одинъ батальонъ низовскаго мушкетерскаго полка; въ резервѣ у нихъ второй батальонъ низовскаго полка и три эскадрона кинбурнскаго драгунскаго полка.

[3]) Второй батальонъ егерей лифляндскаго корпуса, четыре батальона херсонскихъ гренадеръ; въ резервѣ одинъ батальонъ смоленскаго мушкетерскаго полка и пять эскадроновъ смоленскаго драгунскаго полка; послѣдніе спѣшены.

[4]) Третій батальонъ егерей бѣлорусскаго корпуса, четвертый батальонъ егерей лифляндскаго корпуса, и два батальона азовскаго мушкетерскаго полка; въ резервѣ ряжскій мушкетерскій полкъ.

[5]) Первый батальонъ егерей екатеринославскаго корпуса, два батальона курскаго полка, и одинъ батальонъ гренадеръ, сформированныхъ изъ ротъ. Въ резервѣ батальонъ тѣхъ же гренадеръ, батальонъ новгородскаго мушкетерскаго полка и три эскадрона екатеринославскихъ пѣшихъ егерей.

Шестая генералъ-майора Рахманова [1]) (эти двѣ стояли близко одна возлѣ другой), и седьмая генералъ-майора Денисова [2]), стоявшаго далеко отъ двухъ послѣднихъ у берега Вислы, за рѣчкою, текущею въ Вислу у самой Праги. Кромѣ прикомандированныхъ къ резервамъ колоннъ, остальная конница находилась подъ командой генералъ-майора Шевича и разставлена была между колоннами [3]). Планъ Суворова, начертанный генералъ-квартирмейстеромъ Глуховымъ, состоялъ въ томъ, чтобы первымъ четыремъ колоннамъ напасть сразу, стремительно, на лѣвый бокъ непріятеля, овладѣть укрѣпленіемъ и ворваться въ городъ;

---

[1]) Батальонъ егерей екатеринославскаго корпуса, три батальона сибирскихъ гренадеръ; въ резервѣ два батальона днѣпровскаго мушкетерскаго полка и три эскадрона воронежскихъ гусаръ.

[2]) Двѣсти человѣкъ черногорцевъ, третій и четвертый батальоны екатеринославскаго корпуса, два батальона козловскаго мушкетерскаго полка, въ резервѣ два батальона угличскаго мушкетерскаго полка, три эскадрона елисаветградскихъ конныхъ егерей.

[3]) Для прикрытія артиллеріи на оконечности праваго крыла подъ командой бригадира Поливанова 12 эскадр. (2 эск. конно-егерскаго кіевскаго, 2 эскадр. сѣверскаго и 2 софійскаго карабинерныхъ полковъ, и состоящій изъ 6 эскадроновъ легко-конный маріупольскій полкъ). Промежъ четвертой и пятой колоннъ, по необходимости замѣстить большое пространство между ними и для прикрытія артиллеріи средняго корпуса, подъ личной командой Шевича 12 эскадроновъ (7 переяславскаго конно-егерскаго полка и 5 эскад. александрійскаго), да ближе къ пятой колоннѣ въ правомъ флангѣ ея 13 эскадроновъ (10 черниговскаго и глуховскаго карабинерныхъ полковъ. и 3 эскадр. ольвіопольскихъ гусаръ). Съ лѣвой стороны между 6 и 7 колоннами, подъ командою Сабурова 13 эскадроновъ (4 елисаветградскаго конно-егерскаго, легко-конный ахтырскій и 3 эск. воронежскихъ гусаръ). Казаки на разныхъ пунктахъ: на правомъ крылѣ на самомъ берегу Вислы подполковника Родіонова 350 челов., влѣво отъ 4-й колонны подполковника Грекова 630 чел., между нимъ и пятою колонною подполковника Бузина 750 челов.; на лѣвомъ крылѣ у 6 колонны подполковника Адріана Денисова 500 челов., да на берегу Вислы Василія Денисова 425 человѣкъ.

двумъ,—пятой и шестой, послѣдовать за ними, когда последнія уже успѣютъ прорваться въ укрѣпленіе. Седьмая колонна имѣла назначеніе дѣйствовать противъ укрѣпленія, сдѣланнаго поляками на прилежащемъ островѣ Вислы. Первая и седьмая, стоявшія на двухъ противоположныхъ концахъ загибающейся рѣки, имѣли назначеніе обѣ, идя каждая по берегу Вислы съ своей стороны, отрѣзать поляковъ отъ моста и перервать ихъ сообщеніе съ Варшавою.

Въ три часа ночи, 24-го октября (4-го ноября), двинулись всѣ колонны въ пункты, назначенные имъ для того, чтобы съ нихъ начать приступъ. Въ пять часовъ пущена сигнальная ракета. Стремительно, разомъ бросились четыре колонны на ретраншаментъ. Первое, что́ они должны были встрѣтить,—были стрѣлки, разставленные на пригоркахъ; не ожидавъ нападенія, они бѣжали. Первая колонна проходила подъ огнемъ баттарей, стоявшихъ на берегу Вислы. Всѣ достигли до волчьихъ ямъ, вырытыхъ поляками передъ ретраншаментомъ, закидали ихъ, перешли, спустились въ ровъ, потомъ по лѣстницамъ взобрались на валы, сбили непріятельскія баттареи, перешли въ другой ровъ, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ онъ былъ уже вырытъ, и оттуда взобрались на другой валъ, овладѣли имъ и ворвались въ улицы Праги. Поляки, пораженные неожиданностью, противъ первой и второй колонны защищались слабо; Заіончекъ бросился впередъ къ окопамъ, хотѣлъ заворотить бѣгущихъ стрѣлковъ, но встрѣченъ былъ выстрѣлами. Онъ думалъ сначала, что это свои; оказалось, что это были русскіе. Заіончекъ постыдно убѣжалъ за мостъ. «Настоящій зайчикъ», говорили объ немъ послѣ поляки, намекая на его фамилію; одни говорили, что онъ неучъ, другіе—что трусъ, а третьи, что онъ подкупленъ москалями!

Третья и четвертая колонны, преодолѣвъ много затруд-

неній, овладѣли баттареями. Нигдѣ, по выраженію Суворова, не дали непріятелю образумиться, поражая его и преслѣдуя убійственнымъ натискомъ штыковъ. Самая жесточайшая свалка была у Звѣринца, гдѣ столпились со всѣхъ сторонъ поляки, и стали изъ засѣкъ отражать нападеніе русскихъ. Но подоспѣли заднія части колонны, и поляки, стѣсненные и окруженные съ двухъ сторонъ, погибли. Генералы Ясинскій и Грабовскій были убиты. Къ довершенію бѣды и замѣшательства, вдругъ взорвало пороховой погребъ съ ядрами и бомбами.

Овладѣвши валомъ, одни русскіе гнали поляковъ штыками, а другіе разрывали валъ и прочищали путь для конницы. Затѣмъ, когда четыре колонны были уже за ретраншаментомъ, пятая и шестая ударали на укрѣпленія каждая съ своего нункта, овладѣли баттареями и ворвались въ Прагу, поражая поляковъ штыками. Пятая по прямому направленію овладѣла укрѣпленіями, прямо добѣжала до самаго моста, ведущаго изъ Праги въ Варшаву. Между тѣмъ Денисовъ расправился съ тѣми, которые засѣли на острову, и принудилъ ихъ штыками къ сдачѣ. Капитанъ артиллеріи Рѣзвый провезъ артиллерію къ рѣкѣ и у моста дошелъ до берега Вислы.

Ваврженкій, напрасно пытавшись заворотить бѣгущіе полки, самъ ушелъ черезъ мостъ съ однимъ офицеромъ и двумя жителями Праги. Уже русскіе егеря вступали на мостъ, и стрѣляли. На Вавржецкаго, какъ видно изъ его собственнаго сознанія, нашелъ какъ будто столбнякъ, такъ что офицеръ и два солдата ссадили его съ лошади, привели въ разсудокъ и указали на пушку, которая стояла на другомъ берегу у моста. Но канониры, которые находились при этой пушкѣ, попрятались въ дома, и Вавржецкій самолично вытащилъ одного канонира, приволокъ его къ пушкѣ и велѣлъ палить изъ нея. Въ то же время другіе въ-попыхахъ привезли еще двѣ пушки, но изъ нихъ

нельзя было стрѣлять: при пушкахъ не было зажигательныхъ трубокъ; такая была исправность. Уже русскіе готовы были ворваться въ Варшаву; на противоположномъ берегу успѣли однако собраться караульные солдаты съ топорами, а къ нимъ примкнула толпа жителей. Вавржецкій приказывалъ скорѣе рубить мостъ и жечь его. Жолнѣры бросились къ мосту съ топорами, рубили канаты. Убито было двое работавшихъ; подъ двумя адъютантами Вавржецкаго были убиты лошади. Наконецъ, и жолнѣры и жители не выдержали русскихъ выстрѣловъ, и бѣжали. Вавржецкій пустился за ними и уговаривалъ идти съ топорами снова. Собрались, наконецъ, артиллеристы и открыли канонаду изъ большихъ орудій.

Между тѣмъ разсвѣло. Вавржецкій скакалъ верхомъ по Варшавѣ, созывалъ варшавянъ, приказывалъ идти на берегъ, чтобы по крайней мѣрѣ показать непріятелю, что столица готова мужественно обороняться: варшавяне сидѣли, запершись въ домахъ, а другіе толпились въ костелахъ и просили божіей помощи. Начальникъ, самъ лично не показавшій въ этотъ день ни храбрости, ни распорядительности, едва успѣлъ согнать до трехъ тысячъ отважныхъ. Но за Рѣзвымъ придвинулось къ берегу еще больше русской артиллеріи. Пальба усилилась. Русскія гранаты и ядра разогнали толпу защитниковъ столицы. Мостъ былъ истребленъ не только самими поляками, но и русскими ядрами. По донесенію Суворова, одна бомба попала въ залу засѣданія Высочайшаго Совѣта и убила черепками секретаря [1]).

Солнце взошло. День былъ ясный. «Вся Прага, — говоритъ въ своемъ донесеніи Суворовъ, — была устлана мертвыми тѣлами, кровь текла потоками. Унылый звонъ

---

[1]) Этого факта нѣтъ нигдѣ въ современныхъ извѣстіяхъ, поэтому, быть можетъ, Суворову сообщили невѣрно.

набата на башняхъ варшавскихъ костеловъ сливался съ воплями и криками раненыхъ и бѣжавшихъ, со свистомъ пуль, съ трескомъ лопавшихся бомбъ». Остатки войскъ, не успѣвшіе спастись по мосту, бросились къ Вислѣ за рѣчку, отдѣлявшую Прагу, и тамъ на мысѣ, образуемомъ устьемъ этой рѣчки съ Вислою, совершено было самое страшное и послѣднее истребленіе польскаго войска, въ виду всей безсильной Варшавы, смотрѣвшей на это зрѣлище. Разъяренные русскіе воины не внимали уже голосамъ, просившимъ помилованія; напрасно поляки бросали оружіе и отдавались въ плѣнъ—ихъ кололи штыками. Русскіе солдаты припоминали своихъ безоружныхъ товарищей, истребленныхъ въ Варшавѣ въ день революціи, и теперь мстили за ихъ кровь польскою кровью. Тѣ батальоны, которые въ апрѣлѣ были въ Варшавѣ и въ день революціи потеряли своихъ товарищей, особенно отличались жестокостью. Зейме разсказываетъ, что ему говорилъ полковникъ Ливенъ, какъ онъ, уже при концѣ битвы, наткнулся на гренадера, который въ ожесточеніи кололъ штыкомъ безоружныхъ поляковъ и даже раненыхъ; былъ у него еще топоръ; какъ бы для того, чтобы разнообразить свои упражненія, онъ имъ разрубливалъ полякамъ головы. Полковникъ сталъ бранить его за звѣрство, а гренадеръ отвѣчалъ: «Это все собаки; они противъ насъ дрались, такъ пусть всѣ погибаютъ!» Одинъ казакъ для потѣхи воткнулъ на пику маленькаго ребенка; другой, вырвавъ дитя изъ объятій заколотой матери, разбивалъ его о стѣну. Но были примѣры и гуманности. По разсказамъ, слышаннымъ Зейме отъ того же Ливена, когда загорѣлся мостъ, онъ увидѣлъ какъ гренадеръ несъ на рукахъ мальчика и говорилъ: «Посмотрите, ваше высокоблагородіе, казакъ хотѣлъ этого мальчика бросить въ огонь; я его спасъ».—«Браво, камрадъ,— сказалъ полковникъ,—что же ты хочешь дѣлать съ нимъ?» — «Не знаю, ваше высокоблагородіе; только посмотрите,

какой хорошенькій мальчикъ, какъ же было его не спасти?» И онъ поцѣловалъ ребенка, который рученками держался ему за шею. Польскіе разсказы, а за ними и европейскія повѣствованія объ этой войнѣ говорятъ, будто русскіе варварски истребили всѣхъ обитателей Праги, не исключая женщинъ и дѣтей, и вся Прага представляла кучу развалинъ. Извѣстіе это не выдерживаетъ критики. Что Прага не вся была истреблена, доказывается уже тѣмъ, что, впослѣдствіи, при размѣщеніи войска по квартирамъ, часть русскаго войска помѣщена была на квартирахъ въ Прагѣ, а это было бы невозможно, еслибы въ ней всѣ дома были сожжены и жители истреблены. Нельзя предположить, чтобъ жители Праги оставались въ предмѣстьѣ, когда существовало два моста въ Варшаву; особенно женщины съ дѣтьми, по естественному чувству самосохраненія, должны были бѣжать, если не прежде прибытія Суворова, то по крайней мѣрѣ, когда уже начата была русскими канонада. Само польское военное начальство должно было содѣйствовать тому, чтобы удалить женщинъ и дѣтей, дабы ихъ вопли и крики не производили на солдатъ ослабляющаго вліянія, и не деморализовали мужества войска. Такимъ образомъ, если происходили варварства надъ жителями, почему-нибудь не успѣвшими выбраться изъ Праги, то вѣроятно въ небольшомъ числѣ, тѣмъ болѣе, что, по сказаніямъ самихъ поляковъ, какъ только русскіе овладѣли Прагою, Суворовъ послалъ офицеровъ оповѣстить жителей, какіе оставались въ Прагѣ, чтобы они скорѣе выходили съ правой стороны Праги, и бѣжали въ русскій лагерь, гдѣ они могутъ быть безопасны, и всѣ дѣйствительно, которые по этому призыву ушли туда, остались цѣлы, хотя нѣкоторыхъ ограбили. Такъ спаслись монахини бернардинки, девятнадцать монаховъ бернардиновъ; тѣ же, которые не успѣли бѣжать изъ монастырей, были побиты, а дѣвицы, находившіяся въ монастырѣ на

ученьи, не успѣвшія убѣжать въ русскій лагерь, изнасилованы и потомъ побиты. Варварства были очень возможны въ тотъ вѣкъ, особенно въ такомъ войскѣ, куда старались отдавать за проступки буяновъ съ самою дурною нравственностью, самыхъ негодныхъ въ обществѣ, гдѣ служили донцы, носившіе на себѣ много признаковъ азіатской грубости. Во всякомъ случаѣ, нѣсколько совершенныхъ варварствъ въ Прагѣ въ этотъ день не могутъ падать на память великаго полководца, который въ самый развалъ битвы имѣлъ настолько великодушія и благородства, что помышлялъ о спасеніи беззащитныхъ враговъ.

Въ восемь часовъ утра все было кончено. Пожаръ въ Прагѣ успѣлъ истребить только три улицы. Суворовъ остановилъ безполезную ярость солдатъ своихъ и не приказалъ жечь и истреблять Праги.

Русскія извѣстія того времени говорятъ, что поляковъ погибло до 12,000. Многіе изъ этого числа, спасаясь отъ русскихъ штыковъ, потонули въ Вислѣ. Въ плѣнъ взято только 1000 чел., да 250 офицеровъ. Изъ русскихъ оказалось убитыхъ 349, раненыхъ 1602 чел. и изъ нихъ тяжело 929. Офицеровъ убито 8, и ранено 42.

Это неожиданное пораженіе поляковъ распространило ужасъ въ Варшавѣ; патріоты уже не въ силахъ были ничего сдѣлать. Народъ вопилъ и кричалъ, что надобно скорѣе просить пощады, пока русскіе въ Варшавѣ не сдѣлали того же, что̀ въ Прагѣ. Игнатій Потоцкій вмѣстѣ съ Закржевскимъ въ Совѣтѣ были того же мнѣнія. Рьяный поджигатель на крайнія мѣры, Коллонтай, старался было всѣми силами подвинуть къ упорству народъ — напрасно. Коллонтай, разсчитывая, что если народъ выдастъ его Суворову, то ему, какъ заклятѣйшему врагу Россіи, не можетъ быть хорошо, бѣжалъ изъ Варшавы, забравши съ собой порядочную сумму: говорили, что она простиралась до 15,000 червонцевъ. Вавржецкій говорилъ, что Кол-

лонтай забралъ съ собой драгоцѣнныя вещи, которыя въ разное время обыватели жертвовали Костюшкѣ на руки, для спасенія погибающаго отечества.

Высочайшій Совѣтъ послалъ къ Суворову Игнатія Потоцкаго. Но Суворовъ принялъ его дурно. «Я — сказалъ онъ—не хочу имѣть никакого дѣла съ начальниками революціи. Моя государыня не ведетъ войны ни съ королемъ, ни съ народомъ польскимъ, а только съ мятежниками. Пусть пришлютъ ко мнѣ депутатовъ отъ законнаго правительства».—«Такъ казните меня,—сказалъ Потоцкій,—но пощадите невинный народъ, который мы обольстили». Эта рѣчь понравилась Суворову, но все-таки, твердый начальнымъ принципамъ, онъ не сталъ вступать въ переговоры съ Потоцкимъ, какъ съ членомъ революціи, пришедшимъ къ нему отъ революціоннаго правительства.

Высочайшій Совѣтъ, по возвращеніи Потоцкаго, разсудилъ, что теперь ему, Совѣту, нечего и дѣлать, и отнесся съ такимъ письмомъ къ варшавскому магистрату, какъ къ мѣсту, учрежденному издавна и существовавшему до революціи:

«Высочайшій Совѣтъ полагаетъ, что для сохраненія города Варшавы президентъ города немедленно отъ имени города долженъ послать нѣсколько особъ съ трубачемъ къ россійскому генералу, чтобы выпросить отъ него увѣреніе въ безопасности жизни и имущества, заявивъ ему, что, въ противномъ случаѣ, мы всѣ до единаго будемъ защищаться до послѣдней капли крови».

По этому заявленію Совѣта, магистратъ обратился къ королю [1]). Король созвалъ къ себѣ членовъ Совѣта, Вавржец-

---

[1]) У поляковъ объ ихъ послѣднемъ королѣ сохранилось, между прочимъ, такое фантастическое преданіе. Въ роковое утро пражскаго штурма, Станиславъ-Августъ, изнуренный тревогою, упалъ въ кресло и вздремнулъ. Русское ядро, ударившее въ стѣну королевскаго замка, пробудило его. Онъ увидѣлъ въ углубленіи большого окна высокаго

каго и генераловъ. Начались взаимные споры, упреки, обвиненія. Генералъ Мокроновскій высказалъ Совѣту много горькаго и первый объявилъ, что со ввѣреннымъ ему войскомъ знать не хочетъ никакого Высочайшаго Совѣта, а повинуется одному королю и начальнику. Извѣстивъ всѣхъ о положеніи дѣлъ, король обратился къ Вавржецкому и генераламъ и сказалъ: «Суворовъ не согласится ни на какую капитуляцію, иначе какъ съ условіемъ, если войско положитъ оружіе». Король приглашалъ генераловъ сдѣлать это.—«У насъ еще двадцать тысячъ,—сказалъ Вавржецкій,—у насъ наберется до ста пушекъ. Постыдно съ такими силами класть оружіе; если мы не въ силахъ болѣе удержать революцію и спасти отечество, по крайней мѣрѣ, подержавшись, мы можемъ вытребовать какое-нибудь общее обезпеченіе для обывателей, поверженныхъ въ несчастіе революціею, а если и этого нельзя, то погибнемъ со славою».—«Столица—представлялъ король—не хочетъ болѣе защищаться».—«Пусть столица отдается графу Суворову,—сказалъ Вавржецкій,—а войско уйдетъ въ Великую Польшу, занятую пруссаками. Русскіе за нимъ не послѣдуютъ, потому что они не имѣютъ на это повелѣній. Пока прусскій король снесется съ императрицею и попроситъ помощи, настанетъ зима. Пруссаки намъ не страшны; мы одолѣемъ ихъ, а между тѣмъ ваше величество напишете императрицѣ представленіе, что обыватели потерпѣли ужаснѣйшія звѣрства отъ казаковъ, опишете, какъ они жгли и мучили людей; объясните, что краю, разоренному войскомъ, грозитъ голодъ, страна пустѣетъ; правдивое изображеніе нашихъ бѣдствій должно тронуть душу великой мо-

---

роста женщину въ бѣломъ одѣяніи: она смотрѣла на него чрезвычайно грустно. Испуганный король вскрикнулъ: прибѣжали бывшіе въ другой комнатѣ. Привидѣніе исчезло. Эта самая женщина, какъ онъ говорилъ, являлась къ отцу его наканунѣ дня Полтавской битвы, когда послѣдній былъ на сторонѣ Карла XII и въ его войскѣ.

нархини; пусть она выпустить взятыхъ въ неволю обывателей, возвратитъ имъ собственность и объявитъ, чего она хочетъ отъ несчастной Польши».—Начальникъ совѣтовалъ самому королю ѣхать съ войскомъ. Послѣ всѣхъ такихъ толковъ король уже ночью прислалъ Суворову такое письмо:

«Магистратъ города Варшавы, желая моего ходатайства предъ вами, хочетъ знать ваши дальнѣйшія намѣренія относительно столицы. Я же долженъ вамъ сообщить, что всѣ граждане рѣшились защищаться до послѣдняго, если вы не поручитесь за цѣлость ихъ имуществъ и особъ».

Суворовъ тотчасъ отвѣчалъ:

«Именемъ ея императорскаго величества, моей августѣйшей государыни, обѣщаю сохраненіе имуществъ и особъ всѣхъ гражданъ, а равно и забвеніе всего прошедшаго. Войска ея величества, вошедшія въ Варшаву, не будутъ дѣлать никакихъ безчинствъ».

Утромъ въ квартиру Суворова, находившуюся въ селѣ Вьонзовнѣ, явились депутаты отъ городскаго магистрата, Францъ Макаровичъ, Доминикъ Борковскій и Станиславъ Стршалкевичъ (послѣдній отъ обывателей). Суворовъ сидѣлъ тогда на обрубкѣ дерева, и, увидѣвъ ихъ, бросилъ отъ себя саблю и, поцѣловавшись съ ними, сказалъ: «миръ и согласіе!» Принесенное письмо къ Суворову было въ современномъ переводѣ таково:

«Попеченіе и опека магистрата о городѣ требуютъ, во всѣхъ случаяхъ, угрожающихъ опасностію, предвидѣть и ограждать обывателей; въ настоящемъ положеніи видя городъ и обывателей, по причинѣ приблизившихся войскъ ея императорскаго величества, всероссійской монархини, магистратъ не можетъ не рѣшиться приступить къ главнокомандующему генералу войскъ россійскихъ, да обрѣтетъ его благосклонное воззрѣніе на обывателей города и

пощаду жизни и имуществъ тѣхъ, которые кладутъ оружіе».

Суворовъ далъ имъ на бумагѣ пункты:

1) Оружіе сложить за городомъ, гдѣ сами заблагоразсудятъ, о чемъ дружественно условиться.

2) Всю артиллерію съ ея снарядами вывезти къ тому же мѣсту.

3) Наипоспѣшнѣйше исправить мостъ; войско россійское вступитъ въ городъ и приметъ самый городъ и его обывателей подъ свое покровительство.

4) Всевысочайшимъ именемъ ея величества торжественно обѣщается войскамъ польскимъ, по сложеніи оружія, увольненіе тотчасъ въ ихъ домы съ полною безпечностію, не касаясь ни до чего, каждому принадлежащаго.

5) Его королевскому величеству всеподобающая честь.

6) Ея императорскаго величества всевысочайшимъ именемъ торжественное обѣщаніе: обыватели, въ ихъ особахъ и имѣніяхъ, ничѣмъ повреждены не будутъ и оскорблены, останутся въ полномъ обезпеченіи ихъ домовства и все забвенію предано будетъ.

7) Ея императорскаго величества войско вступитъ въ городъ сего числа по полудни, по сдѣланіи моста или завтра.

«Вы просили только цѣлости жизни и имуществъ,—сказалъ Суворовъ,—я вамъ даю больше: пусть все будетъ забыто на вѣки и установится между нами дружественная пріязнь».

На другой день, 26 числа, тѣ же самые депутаты пріѣхали къ Суворову и привезли отвѣтъ отъ города такого содержанія въ современномъ переводѣ:

«Получивъ отъ своихъ уполномоченныхъ пункты отъ его сіятельства графа Суворова-Рымникскаго, за оказанную благосклонность обывателямъ магистратъ города Вар-

шавы приноситъ чувствительнѣйшую благодарность, а на полученные пункты имѣетъ честь отвѣчать:

1) Городъ Варшава сложитъ свое оружіе тамъ, гдѣ по-дружески условятся.

2) Артиллеріи и аммуниціи у города Варшавы нѣтъ.

3) Мостъ городъ Варшава исправитъ какъ можно наискорѣе и войска россійскія вступятъ въ городъ и возьмутъ его и обывателей подъ свое покровительство.

4) Городъ Варшава не имѣетъ въ своей власти войскъ Рѣчи-Посполитой, и не можетъ выполнить четвертаго пункта, а сколько возможно будетъ, городъ будетъ склонять начальниковъ войсковыхъ до выполненія этого пункта.

5) Городъ Варшава имѣетъ всегда къ своему королю высокопочитаніе, и отъ сего пріятнаго для него правила никогда не станетъ отступаться.

6) На обѣщаніе обезпеченія особъ, равно и имѣнія обывателей и жителей города Варшавы, полагается на основаніи всѣхъ настоящихъ пунктовъ, въ надеждѣ, что все, по сіе время случившееся, со стороны Россіи забыто будетъ.

7) Объявленіе вашего сіятельства, что войска ея императорскаго величества вступятъ въ городъ по окончаніи моста завтрашняго числа по утру, не можетъ быть въ разсужденіи времени, ибо для починки моста необходимо нужно дней нѣсколько, и къ тому же и войскамъ Рѣчи-Посполитой для выхода изъ Варшавы требуется не менѣе восьми дней».

«Я замѣчаю,—сказалъ Суворовъ,—что желаютъ продлить время. Ступайте обратно и скажите, чтобы рѣшались немедленно».

Побѣдитель къ прежнимъ пунктамъ прибавилъ еще одинъ, въ такой формѣ: «Дружеское увѣдомленіе съ удостовѣреніемъ общаго согласія утѣшительно получилъ. Когда войска моей всемилостивѣйшей государыни проходить бу-

дутъ черезъ Варшаву, прошу о благоразумномъ положеніи и соблюденіи тишины и порядка въ семъ городѣ отъ полевыхъ внутреннихъ войскъ, ежели будутъ. Торжественно симъ увѣдомляю, что обыватели, мѣщане и посторонніе защитою ихъ особъ и имѣній пользоваться и забвенію все предано будетъ, какъ въ 6-мъ пунктѣ моихъ прежнихъ постановленій утверждаю».

Такъ какъ поляки отговаривались, будто починка моста требуетъ много времени, Суворовъ возложилъ эту починку на русскихъ, и поручилъ надзоръ генералъ-маіору Буксгевдену.

Дѣла начинали-было склоняться къ такому повороту, что Суворовъ могъ опасаться, не придется ли ему опять дѣйствовать оружіемъ. Онъ далъ приказаніе Ферзену послать генералъ-майора Денисова за четыре мили отъ Праги, вверхъ по теченію Вислы, и тамъ переправиться, а вслѣдъ затѣмъ предполагалось переправляться и самому Ферзену.

Въ Варшавѣ было безпокойно. Жители, желая, чтобы русскіе скорѣе вошли въ городъ и революція прекратилась, бросились къ мосту и стали наводить его со стороны Варшавы. Но Вавржецкій объявилъ, что онъ станетъ стрѣлять картечью по тѣмъ, которые станутъ поправлять мостъ. Король послалъ ему сказать, чтобы онъ немедленно выходилъ изъ города, когда не хочетъ сдаваться. Вавржецкій отвѣчалъ: «Я не могу выйти ранѣе осьми дней; мнѣ нужно отослать транспорты, пушки, аммуницію, магазины, и до тѣхъ поръ, пока не отправлю транспортовъ, не позволю починять моста. Можете меня убить или выдать; а я не согласенъ на такое скорое вступленіе россійскихъ войскъ въ столицу».

Ободренные упорствомъ начальника крайніе патріоты, члены клуба, кричали: «лучше пасть всѣмъ подъ развалинами Варшавы, чѣмъ постыдно надѣть вновь сброшенное московское ярмо». Продолжали предлагать кровавыя мѣры,

угрожали перерѣзать всѣхъ русскихъ плѣнниковъ, перевѣшать расположенныхъ къ Россіи поляковъ, поставить Варшаву въ такое положеніе, чтобы она не имѣла никакой надежды на милость и снисхожденіе русскаго военачальника и поэтому должна была вся, какъ одинъ человѣкъ защищаться.—«Пусть вся Варшава вооружится, мы сладимъ съ Суворовымъ; за нами вся Польша поголовно поднимется. Еще мы не въ послѣдней крайности; измѣна, подкупы, трусость, вотъ что заставляетъ насъ кланяться Москвѣ!» Такъ кричали ревностные. Умѣренные патріоты указывали, что если кого и можно укорять и подозрѣвать по поводу послѣднихъ событій, то самихъ патріотовъ и перваго Заіончека, который кричалъ громче всѣхъ о защитѣ, а когда пришло къ дѣлу, то бѣжалъ постыдно изъ Праги.

Станиславъ-Августъ боялся возобновленія непріязненныхъ дѣйствій. Войско изъявляло желаніе, чтобы онъ выѣзжалъ вмѣстѣ съ нимъ, народъ кричалъ, что не пуститъ короля, и чтобы угодить всѣмъ, король отправилъ къ Суворову ночью въ 3 часа подполковника Гофмана съ извѣстіемъ, что въ городѣ безпокойство, и король проситъ дать восемь дней на размышленіе. Суворовъ наотрѣзъ сказалъ, что и думать объ этомъ нечего. Въ 9 часовъ утра явился къ русскому военачальнику снова Игнатій Потоцкій съ тою же просьбою. Вмѣстѣ съ тѣмъ Потоцкій сталъ дѣлать Суворову соображенія о будущемъ устройствѣ Польши и изъявлялъ преданность Екатеринѣ и Россіи. Суворовъ отвергнулъ просьбу и не сталъ вступать въ разговоры. Черезъ часъ по прибытіи Потоцкаго, прибылъ въ русскій лагерь товарищъ его Мостовскій, съ письмомъ отъ короля къ Потоцкому. Въ немъ было полномочіе трактовать о мирѣ.

Суворовъ прочелъ и сказалъ: «Господа! съ Польшею войны нѣтъ. Я не присланъ сюда министромъ; я военачальникъ и пришелъ сокрушать толпы мятежниковъ, и

кромѣ посланныхъ уже вамъ статей ни о чемъ толковать не буду. Но я уважаю стѣсненное положеніе короля; съ одной стороны ваша такъ-называемая наивысшая рада докучаетъ ему повторительными просьбами объ осьмидневномъ срокѣ, а съ другой—войска грозятъ увезти короля съ собою. Изъ уваженія къ королевской особѣ и заботясь о его безопасности, я даю вамъ отсрочку до 1 ноября. Къ этому дню приготовьтесь; войска наши вступятъ въ столицу».

На другой день, на острастку полякамъ, Денисовъ переправился черезъ Вислу, конница вплавь, а пѣхота частью на лошадяхъ, а частью на судахъ съ артиллеріею. Польскія войска намѣревались-было препятствовать переправѣ, но отступили, какъ только увидали, что русскіе приготовляютъ рѣшительныя мѣры.

Мостъ былъ почти наведенъ. Вавржецкій торопился выводомъ войска. Уже онъ отправилъ Гедройца изъ-подъ Мокотова, куда послѣдній недавно прибылъ, въ Тарчинъ. Король дѣлалъ видъ, будто хочетъ ѣхать съ войскомъ, и приказалъ приготовлять экипажи, но 27 октября (8 ноября) утромъ, нѣсколько тысячъ мужчинъ и женщинъ собралось у крыльца дворца; они объявили, что не пустятъ изъ столицы короля. Вавржецкій, проѣхавъ посреди этой толпы къ королю, замѣтилъ, что есть возможность провезти его съ военнымъ конвоемъ, но Станиславъ-Августъ самъ не хочетъ ѣхать, а только показываетъ видъ, будто этого желаетъ, но не можетъ исполнить желанія. Король сталъ просить начальника положить оружіе, чтобы, такимъ образомъ, не было раздвоенія народа. «Ваше величество, — сказалъ Вавржецкій,—лучше ходатайствуйте у графа Суворова, чтобы онъ на насъ не шелъ съ оружіемъ, а пропустилъ бы насъ въ Пруссію. Варшава сдается императрицѣ; мы оставляемъ со столицею весь край ея величеству, а сами идемъ въ прусскія владѣнія. Это отнюдь не будетъ въ ущербъ ея государству. Безчестно класть оружіе, и

если нужна жертва для спасенія чести войска, я отдамъ себя и готовъ претерпѣть жесточайшія мученія и смерть».— «Когда же вы уѣзжаете?» спросилъ король.—«Непремѣнно сегодня же, сейчасъ», отвѣчалъ Вавржецкій.—«А со мною что̀ будетъ?» сказалъ король.—«Вы всегда можете оправдаться, что васъ не выпускаетъ народъ; впрочемъ въ вашей волѣ ѣхать и не ѣхать».

Король не поѣхалъ; передъ патріотами онъ показывалъ видъ, что его не выпускаетъ народъ, а передъ народомъ и передъ Суворовымъ,—что его хотѣли насильно увезти. Въ слѣдующую ночь Вавржецкій уѣхалъ съ президентомъ города Варшавы Закржевскимъ, и взялъ съ собою на 157,000 зл. золота и серебра изъ монетнаго двора. Заіончекъ прежде нихъ уѣхалъ въ Галицію подъ предлогомъ леченія отъ раны, взявши 1,000 червонцевъ. Генералы: Понятовскій, Вьельгорскій, Грабовскій, Мокроновскій, Цихоцкій, Піотровскій остались въ Варшавѣ, принесли покорность королю и положили оружіе. Также поступило множество офицеровъ, не поѣхавъ съ Вавржецкимъ и оставшись въ столицѣ. Члены Высочайшаго Совѣта сложили свое званіе и передали королю верховную власть.

Рано утромъ, 28 окт. (9 нояб.), къ Суворову опять явились депутаты отъ варшавскаго магистрата съ двумя письмами. Въ первомъ было написано:

«Магистратъ города Варшавы, въ дополненіе поданныхъ генералъ-аншефу Суворову обывателями города Варшавы, имѣетъ честь донести:

1) Огнестрѣльное оружіе, какъ-то: карабины, пистолеты, равномѣрно сабли и пики, обыватели города Варшавы сегодня во всѣхъ кварталахъ сложили, которое магистратъ барками къ берегу представитъ. Другого же рода оружіе, дорожное, находящееся въ лавкахъ въ продажѣ, и у обывателей употребляемое для охоты, для лучшей безопасности будетъ взято въ ратушу и запечатано магистратомъ.

2) Порохъ и прочая аммуниція, у обывателей находящаяся, также собрана и сложена будетъ тамъ, гдѣ вашимъ сіятельствомъ приказано будетъ, равномѣрно и та аммуниція, которая бы войсками оставлена была, отдана будетъ.

3) Въ разсужденіи войска, находящагося въ Варшавѣ, выполненіе сего пункта его величество король изволитъ принять на себя благосклонно.

4) Касательно моста магистратъ ручается, что онъ въ назначенное время со стороны Варшавы будетъ оконченъ.

5) Въ разсужденіи увольненія россійскихъ плѣнныхъ, его королевское величество изволитъ принять на себя благосклонно.

6) О сложеніи оружія войсками, о выходѣ тѣхъ же войскъ изъ Варшавы, магистратъ не замедлитъ просить его королевское величество, кромѣ конной и пѣшей гвардіи, числомъ до тысячи человѣкъ, для карауловъ во дворцѣ и для конвоя его величеству; равно для полицейскихъ надобностей останется триста человѣкъ.

7) Когда войска россійскія будутъ входить въ городъ, то магистратъ надлежащимъ порядкомъ встрѣтить ихъ имѣетъ».

Второе письмо въ сдѣланномъ тогда переводѣ гласитъ такъ:

«Магистратъ города Варшавы повторительное обезпеченіе обывателямъ и жителямъ города Варшавы въ разсужденіи безопасности особъ, домовъ, имѣній, получивши, долгомъ себѣ поставляетъ за причиненіе въ городѣ общей радости, которая всѣхъ коснулась, главнокомандующему войсками россійскими графу Суворову-Рымникскому принести наичувствительнѣйшую благодарность. Для выполненія пунктовъ капитуляціи, предписанныхъ обывателямъ города чрезъ его сіятельство графа Суворова-Рымникскаго, все, что отъ города и магистрата зависитъ, будетъ выполнено неукоснительно. Мостъ уже починяется и въ на-

стоящее время оконченъ будетъ; обыватели оружіе складываютъ, и для спокойствія народа магистратъ выдалъ свои публикаціи, о чемъ имѣетъ честь донести».

«Городъ—сказали депутаты—желаетъ, чтобы войска ея величества вступили скорѣе въ городъ, потому что мятежная партія думаетъ производить безпорядки и самой королевской особѣ можетъ быть опасность отъ мятежниковъ».

Суворову было это пріятно и онъ сказалъ, что по желанію Варшавы, поспѣшитъ вступленіемъ въ городъ.

Въ тотъ же день король прислалъ Суворову такое письмо:

«Вашъ прямой и честный образъ дѣйствій съ нами въ особенности возбуждаетъ во мнѣ признательность. Не могу вамъ лучше засвидѣтельствовать ее, какъ отпустивъ на свободу русскихъ военныхъ, здѣсь находившихся, и передать ихъ генералу, достойному надъ ними начальствовать. Молю Бога, да сохранитъ онъ васъ въ здоровьѣ и въ своемъ покровительствѣ».

Суворовъ послалъ полковника князя Лобанова-Ростовскаго въ Варшаву извѣстить короля и городъ, что русскія войска вступятъ въ столицу на другой день, 29 числа. Въ письмахъ къ Станиславу-Августу русскій военачальникъ такъ выражался:

«Приношу нижайшую благодарность вашему величеству за любезное письмо отъ 27 окт. (8 ноября), которымъ ваше величество изволили почтить меня. Если я тороплюсь введеніемъ войскъ моей августѣйшей государыни, то это единственно потому, что искры революціи еще не погасли, и есть еще отъявленные злоумышленники, какъ ваше величество увидите изъ донесенія, которое будетъ имѣть честь представить вашему величеству полковникъ князь Лобановъ-Ростовскій».

На другой день рано утромъ представили Суворову ключи отъ города Варшавы; онъ отправилъ ихъ съ курьеромъ къ Румянцеву при такомъ донесеніи:

«Ея императорскаго величества къ священнымъ стопамъ Варшава повергаетъ свои ключи; оные вашему сіятельству имѣю счастіе поднести, и вручителя ихъ генералъ-майора Исленьева въ высокое покровительство поручить».

Въ этотъ же день началось вступленіе войскъ въ Варшаву; сперва проходилъ корпусъ Потемкина, потомъ Дерфельдена и т. д. Ферзену приказано было оставить свой постъ выше по теченію Вислы и присоединиться къ остальнымъ корпусамъ. Войско проходило съ распущенными знаменами, съ музыкою и съ барабаннымъ боемъ. Народъ толпился по улицамъ и въ окнахъ домовъ и кричалъ: «виватъ Екатерина!» Магистратъ съ толпою мѣщанства встрѣчалъ Суворова на берегу; поднесли ему хлѣбъ и соль. «И вотъ,—говорилъ Суворовъ,—эти поляки, которые были недавно такъ звѣроподобны и чаяли себя непобѣдимыми, теперь стали кротки, яко агнцы».

Современники-поляки сообщаютъ, будто Суворовъ далъ приказаніе, чтобы поляки не выглядывали изъ оконъ нижнихъ этажей: это сдѣлано для того, чтобы задорные не вздумали отпустить какой-нибудь штуки, а казаки въ досадѣ не ударили бы на нихъ въ окна пиками.

Все русское войско расположилось около Варшавы. Самъ главнокомандующій назначилъ себѣ квартиру въ Мокотовѣ, но въ столицѣ у него была другая — во дворцѣ примаса, недавно опустѣвшемъ. Примасъ, братъ короля, скончался въ іюлѣ, во время осады Варшавы прусскимъ королемъ и русскимъ генераломъ Ферзеномъ. Впослѣдствіи, Суворовъ, по своему обыкновенію чудачить, говорилъ, что въ этомъ дворцѣ ему не спится: являются къ нему души усопшихъ примасовъ и безпокоятъ его.

Магистратъ представилъ Суворову всѣхъ плѣнныхъ, находившихся въ Варшавѣ; тутъ были генералы Арсеньевъ,

Милашевичъ, Сухтеленъ, бароны Ашъ и Бюлеръ [1]) совѣтникъ Дивовъ и всѣ захваченные въ посольствѣ, штабъ и оберъ-офицеры и тысяча триста семьдесятъ шесть человѣкъ солдатъ. «Свиданіе ихъ съ своими, — писалъ Суворовъ,—было не только слезное и чувствительное, но важное и нѣчто священное».

Главнокомандующій послалъ генералъ-поручика Потемкина къ королю, успокоить и извѣстить о своемъ желаніи представиться его величеству. Когда Суворовъ въѣзжалъ въ за́мокъ, народъ окружилъ его съ восклицаніями и съ веселыми криками. Потемкинъ привезъ отъ короля просьбу, чтобы на два дня замолкло побѣдоносное оружіе ея императорскаго величества, и онъ будетъ стараться окончить дѣло безъ кровопролитія и побудитъ войско положить оружіе. Суворовъ отправилъ къ королю барона Аша, бывшаго резидентомъ и находившагося во все время революціи въ плѣну, со слѣдующими статьями:

«Симъ торжественно объявляю:

1) Войска, по сложеніи оружія передъ ихъ начальниками, тотчасъ отпускать съ билетами отъ ихъ же начальства въ свои домы по желанію, а оружіе, какъ и пушки и прочую военную аммуницію, помянутые начальники долженствуютъ доставить въ Варшаву въ арсеналъ.

2) Вся ихъ собственность при нихъ.

3) Начальники, штабъ и оберъ-офицеры, какъ и шляхтичи, останутся при ихъ оружіи.

Варшава, окт. 31, 1794 г.»

Начальникъ польскаго возстанія послалъ впередъ пятьдесятъ пушекъ и самъ отправился въ Тарчинъ, гдѣ назначено сборное мѣсто, и куда впередъ отправлено было

---

[1]) Приношу искреннюю благодарность потомку его, барону Бюлеру, за обязательное дозволеніе пользоваться важными фамильными бумагами его предка.

войско изъ Варшавы. Изъ пяти тысячъ, которыя Вавржецкій тамъ долженъ былъ застать, едва нашелъ онъ около восьмисотъ человѣкъ, которыхъ кое-какъ удержалъ Гедройцъ. Остальные всѣ, съ офицерами, убѣжали обратно въ Варшаву—слагать оружіе. Чрезъ нѣсколько часовъ ночью прискакалъ туда курьеръ отъ генерала Каменецкаго: этотъ генералъ взялъ въ команду корпусъ, предводимый прежде Понятовскимъ и оставленный имъ; теперь онъ извѣщалъ по командѣ своего военачальника, что подначальные его взбунтовались, не хотятъ болѣе продолжать войны, думаютъ послѣдовать примѣру своего начальника, котораго любили, и признаютъ надъ собою власть одного короля; уже многіе ушли въ Варшаву положить оружіе передъ Суворовымъ. Вавржецкій отнялъ команду у Каменецкаго и послалъ на мѣсто его генерала Ніосоловскаго; онъ приказывалъ привести къ себѣ тѣхъ, которые остались еще вѣрны. Ніосоловскій не былъ счастливѣе своего предшественника. Офицеры волновали солдатъ. «Насъ ведутъ на убой!—кричали они:—начальникъ не хочетъ принимать отъ Суворова условій, а они намъ выгодны». Цѣлый полкъ въ глазахъ Ніосоловскаго бросилъ оружіе и ушелъ. Ніосоловскій хотѣлъ употребить строгость, приказалъ арестовать офицеровъ, но отъ этого еще сильнѣе разгорѣлось волненіе; его не слушали, одна толпа жолнѣровъ уходила за другою; наконецъ, послѣ усильныхъ просьбъ, войско какъ будто успокоилось и пошло-было за генераломъ, но когда оно дошло до того мѣста, гдѣ дороги раздвоивались, и одна вѣтвь вела въ Тарчинъ, другая въ Варшаву, тутъ всѣ поворотили въ Варшаву и оставили Ніосоловскаго съ пушками, но безъ людей.

Вавржецкій, потерявъ почти весь свой отрядъ, соединился съ Домбровскимъ, Мадалинскимъ и другими генералами; но и въ ихъ отрядахъ было уже волненіе. Генералы думали-было устроить войско и направить по кра-

ковской дорогѣ, на Конске. Но когда пришли они въ Древицы, здѣсь между самими генералами произошли ссоры и несогласія. Домбровскій, человѣкъ значительно обнѣмечившійся, хотѣлъ отдаваться прусскому королю. Вавржецкій не соглашался и предпочиталъ въ случаѣ крайности лучше сдаться Суворову. Въ это время прибылъ отъ Суворова подполковникъ Каменевъ съ предложеніемъ отъ 31-го октября, которое приведено выше.

Условія, предложенныя Суворовымъ, не показались польскимъ генераламъ удовлетворительными. Въ нихъ не было сказано о совершенной амнистіи участникамъ возстанія. Суворовъ уже объявилъ ее прежде, но Вавржецкій и его подначальные генералы не знали объ этомъ. Вавржецкій отправилъ вмѣстѣ съ Каменевымъ къ Суворову генерала Горенскаго, а самъ рѣшился дожидаться отвѣта.

Въ войскѣ его между тѣмъ смятеніе усилилось. Поляки изъ Великой Польши, отошедшей къ Пруссіи, настаивали, чтобы войско поддалось не русскимъ, а прусскому королю. Прусскій генаралъ Клейцъ письменно приглашалъ Домбровскаго сдаться Пруссіи. Великополяне говорили: «Этимъ вы спасете всѣхъ насъ; за ваше предпочтеніе прусскаго короля и за довѣріе къ нему, онъ дастъ намъ амнистію». — «Я не могу вступать въ переговоры съ прусскимъ королемъ,—сказалъ Вавржецкій;—словамъ прусскаго короля и его собственноручнымъ подписямъ вѣрить нельзя; онъ уже поступилъ съ нашимъ отечествомъ самымъ вѣроломнымъ образомъ. Я лучше повѣрю подписи и ручательству Суворова, чѣмъ прусскихъ военачальниковъ, русской императрицѣ, чѣмъ прусскому королю». Когда противники настаивали на своемъ, Вавржецкій сказалъ: «Съ моего вѣдома и позволенія ни одинъ батальонъ не перейдетъ къ прусскому королю; прежде меня убейте, потомъ выходите. Я послалъ къ Суворову; если генералъ

Горенскій не привезетъ торжественнаго увѣренія въ амнистіи, всѣ будемъ драться и падемъ со славою».

Волненіе не переставало. Простоявъ дня два въ Дреневицахъ, Вавржецкій двинулся на Конске и когда дошелъ до Опочни, тутъ какой-то прусскій майоръ взволновалъ жолнѣровъ, настроивая ихъ предпочесть прусскаго короля русской императрицѣ. Вавржецкій, испытавъ напрасно средства убѣжденія, приказалъ стрѣлять въ непокорныхъ, а тѣ въ свою очередь пускали пули въ товарищей; другіе же толпами, изъ кавалеріи и пѣхоты, не участвуя въ свалкѣ, уходили. Успокоивши мятежъ съ пролитіемъ крови, Вавржецкій пошелъ далѣе, и 5-го (16) ноября достигъ до Радошина. Тутъ пріѣхалъ Горенскій и привезъ желанную амнистію. Тогда Вавржецкій собралъ свое войско, прочиталъ увѣреніе Суворова въ амнистіи, и объявилъ, что онъ сдается Суворову и вѣритъ русской императрицѣ скорѣе, чѣмъ прусскому королю. Онъ приказалъ тотчасъ сдѣлать счетъ войсковой казнѣ и раздѣлилъ ее между офицерами и солдатами. Толпы жолнѣровъ приходили къ нему просить паспортовъ. Вавржецкій всѣмъ подписывалъ и каждый уходилъ съ паспортомъ домой или куда хотѣлъ. На другой день прибылъ въ польскій лагерь генералъ Денисовъ и объявилъ, что Суворовъ приглашаетъ Вавржецкаго и генераловъ къ себѣ.

«Я не читалъ этой обязанности въ обѣщаніи генералъ-аншефа Суворова,—сказалъ Вавржецкій,—напротивъ онъ всѣмъ обѣщалъ паспорты и безопасный проѣздъ, куда кто пожелаетъ. Не думаю, чтобы я былъ исключенъ изъ этого правила, или кто-нибудь изъ генераловъ».

«Я ни васъ и никого изъ генераловъ не думалъ арестовать и отбирать у васъ оружіе; я исполняю только данное мнѣ приказаніе просить васъ пріѣхать въ Варшаву», сказалъ Денисовъ.

Нельзя было противиться. Вавржецкій поѣхалъ; съ нимъ

—Гелгудъ, Домбровскій, Ніосоловскій, Гедройцъ, Закржевскій и другіе. Провожавшій ихъ отрядъ назывался почетнымъ конвоемъ. Пушки были отобраны русскими.

Суворовъ извѣстилъ тогда Румянцева такою реляціею:

«Виватъ, великая Екатерина! все кончено! Польша обезоружена!»

Въ день самаго пріѣзда Суворова въ Варшаву, Игнатій Потоцкій явился къ нему и подалъ такого рода записку:

«Есть два способа успокоить Польшу, это—или раздѣлить ее, или дать ей хорошую конституцію. Нѣтъ поляка, который бы не предпочелъ печальной судьбы отечества состоянію узаконенной анархіи, въ какомъ находился народъ въ время вспыхнувшаго возстанія. Это какъ нельзя болѣе вѣрно. Что значитъ такое правленіе, гдѣ все, что его составляетъ—король, республика, миръ—не болѣе какъ игра пустыхъ словъ? Но тутъ возникаетъ великій вопросъ, который развязать слѣдуетъ въ настоящее время. Неужели, успокоивая Польшу раздѣломъ, думали приготовить для сѣвера и для всей Европы умиротвореніе? Конечно, разрѣшить эту задачу не въ силахъ приватное лицо, и только хорошо знающій дѣла и вліятельный кабинетъ въ состояніи дать по этому предмету вѣрныя указанія.

«Другой способъ успокоенія Польши—дать ей хорошую конституцію; но въ интересахъ ли Россіи дать ее Польшѣ? Думаю, такъ. Осмѣливаюсь утверждать это въ противность мнѣнію свѣтлыхъ умовъ Россіи, и считаю долгомъ объясниться.

«Извѣстно, что безпорядки Рѣчи-Посполитой были однимъ изъ принциповъ системы Петра Великаго, Въ тѣ времена, Россія со стороны нѣмцевъ ограждалась одною Польшею, и такой принципъ былъ сообразенъ интересамъ русскаго правительства и государства. Теперь ея границы измѣнились; Россія непосредственно соприкасается границами съ странами, подчиненными абсолютному правленію,

и мудрые принципы Петра Великаго не могутъ прилагаться къ настоящей системѣ. Теперь, когда лживая метафизика, введенная въ жизнь во Франціи, произвела безпорядокъ въ законахъ, правилахъ, обязанностяхъ общества, я полагаю, что желаніе монархическаго умѣреннаго правленія не можетъ быть подозрительнымъ для великой монархини и ея кабинета. Что касается поляковъ, то подобная конституція — ихъ единственное разумное желаніе. Еслибы Россійская имперія склонилась къ ней, нашъ народъ избралъ бы на польскій престолъ тотъ родъ, какой пожелаетъ императрица; въ особенности желательно, чтобы выборъ этотъ палъ на того изъ царевичей, который наиболѣе будетъ почтенъ ея расположеніемъ и благодѣяніями. Эти мысли существуютъ издавна; я могу доказать это, и думаю, что ихъ раздѣляютъ всѣ мои соотечественники.

«Если эти соображенія относительно второго способа успокоенія Польши заслуживаютъ ближайшаго вниманія, то сознаюсь, что насильственныя принудительныя средства. которыми укрощали настоящее возстаніе, не облегчаютъ дѣла. Побѣждать кротостію, благодѣяніями и геніемъ болѣе достойно императрицы Екатерины въ глазахъ Европы».

Поляки говорятъ, что Суворову понравился тонъ этой записки, и онъ удивлялся уму польскаго великаго политика. Но изъ тогдашнихъ собственноручныхъ писемъ Суворова оказывается не то: «Графъ Игнацъ враль», выразился онъ объ немъ. Тѣмъ не менѣе записка была послана къ государынѣ.

Чрезъ десять дней Суворовъ получилъ отъ короля для доставленія императрицѣ письмо такого содержанія:

«Сестра государыня! Судьба Польши въ вашихъ рукахъ. Ваше могущество и мудрость рѣшатъ ее. Кого бы вы ни назначили моимъ преемникомъ, но, пока я могу говорить, я считаю для себя непозволительнымъ пренебречь моими обязанностями по отношенію къ моей націи

и не призвать на нее великодушія вашего императорскаго величества. Польская армія уничтожена. Существуетъ еще нація; и она перестанетъ существовать, если ваши повелѣнія и величіе души вашей не подадутъ ей помощи. Въ наибо́льшей части страны военныя безпокойства воспрепятствовали жатвѣ. Обработка земли стала невозможною вездѣ, гдѣ похищенъ скотъ. Житницы поселянъ пусты, хаты ихъ сожжены, или разорены; сами они бѣгаютъ тысячами за границу. Многіе богатые землевладѣльцы сдѣлали то же. Польша начинаетъ походить на пустыню. Голодъ почти неизбѣженъ на слѣдующій годъ, особенно если другіе сосѣди не перестанутъ уводить у насъ жителей, скотъ и занимать наши владѣнія. Кажется, той, чье оружіе единственно все покорило, надлежитъ предписать границы другимъ и произнести, какое послѣдствіе угодно ей дать своимъ побѣдамъ. Не смѣю предугадывать, но думаю, что вы предпочтете такое, которое можетъ сдѣлать три милліона народа наименѣе несчастными».

Суворовъ, препровождая на благоусмотрѣніе императрицы письмо короля, осмѣлился съ своей стороны чрезъ графа Зубова сдѣлать представленія въ пользу Польши. Екатерина была имъ недовольна за это; уважая въ немъ великаго полководца, она считала его неспособнымъ къ политическимъ соображеніямъ. Придворная партія не любила его. Великія заслуги этого человѣка, замѣчаетъ тогдашній англійскій посланникъ при петербургскомъ дворѣ, не спасли его отъ осмѣянія за то, что онъ осмѣлился обратиться къ Зубову съ письмомъ, въ которомъ хотѣлъ возбудить участіе къ королю, и вообще самъ оказывалъ состраданіе къ несчастной участи Польши.

Екатерина отвѣчала польскому королю письмомъ въ такихъ выраженіяхъ:

«Судьба Польши, которую ваше величество изобразили мнѣ въ письмѣ отъ 21 ноября н. ст., есть слѣдствіе прин-

циповъ, разрушительныхъ для всякаго порядка и всякаго общества, почерпнутыхъ въ образцѣ народа, сдѣлавшагося добычею всякаго рода крайностей и заблужденій. Я не могла предвидѣть всѣхъ гибельныхъ слѣдствій и засыпать подъ ногами польскаго народу бездну, которую вырыли его развратители. Всѣ мои заботы въ этомъ отношеніи были заплачены неблагодарностью, ненавистью и вѣроломствомъ. Между всѣми бѣдствіями, постигшими его въ настоящее время, предвидимый голодъ безъ сомнѣнія самое ужасное. Я дала приказаніе предупреждать его, насколько это человѣчески возможно. Но это соображеніе, соединенное съ знаніемъ опасностей, которымъ вы подвергаетесь посреди необузданнаго варшавскаго народа, побуждаетъ меня желать, чтобы ваше величество какъ можно скорѣе оставили этотъ преступный городъ и переѣхали въ Гродно. Фельдмаршалъ графъ Суворовъ имѣетъ порученіе сдѣлать это предложеніе и принять необходимыя мѣры—препроводить васъ туда бережно и прилично. Ваше величество должны знать мой характеръ: я неспособна употреблять во зло успѣхи, данные благостію Провидѣнія и правотою моего дѣла. Вы можете спокойно ожидать, пока государственная мудрость и всеобщая необходимость мира не рѣшатъ дальнѣйшей судьбы Польши. Съ такимъ расположеніемъ остаюсь доброю сестрою вашего величества».

Въ то же время императрица прислала къ Суворову письмо, въ которомъ предписывала ему отправить короля въ Гродно. «Присутствіе его въ Варшавѣ,—писала она,—только что можетъ отягощать сей несчастный городъ, лишенный многихъ способовъ къ продовольствію, гдѣ и особа его не въ безопасности, особливо когда крайность принудитъ васъ или передать его прусскимъ войскамъ, или же предать собственному его жребію. Я не ожидаю, чтобъ по симъ, столь убѣдительнымъ, доводамъ могли вы встрѣтить на сіе предложеніе со стороны короля затрудненія,

но если бы паче чаянія сіе и воспослѣдовало, то въ такомъ случаѣ имѣете вы ему объявить необиновенно, что на то есть моя воля непремѣнная и что право оружія и завоеванія налагаетъ на него законъ повиноваться безпредѣльно требованіямъ и предположеніямъ моимъ, а за симъ не пріемля уже никакихъ отговорокъ и въ самомъ кратчайшемъ времени приступите вы къ исполненію вамъ предписаннаго. На нужныя же для таковаго перемѣщенія издержки, равно какъ и на удовлетвореніе какихъ-либо другихъ надобностей его величества, велѣли мы къ вамъ отпустить 8,000 червонныхъ голландскихъ, которые въ наличности вамъ съ симъ же курьеромъ и будутъ доставлены. Оную сумму вы, по усмотрѣнію вашему, всю ли сполна или употребивъ часть оной на тѣ же путевыя издержки, а затѣмъ остающуюся можете отдать въ распоряженіе того изъ генералъ-майоровъ нашихъ, кого изберете вы подъ видомъ почести для препровожденія его величества до Гродна, повелѣвъ ему оказывать королю всевозможнѣйшія уваженія, при томъ увѣдомивъ его величество, что попеченіе о его приличномъ содержаніи на все время пребыванія его въ Гроднѣ возлагается на нашего генерала князя Репнина».

Императрица приказала генералъ-губернатору Литвы, Репнину, сдѣлать всѣ нужныя приготовленія для принятія и помѣщенія польскаго короля въ Гродно. Письмо ея къ Репнину очень замѣчательно тѣмъ, что оно высказываетъ вполнѣ ея взглядъ на короля, на Польшу.

«Для пребыванія въ Гроднѣ короля польскаго,—пишетъ Екатерина,—прикажите немедленно приготовить въ замкѣ приличные покои, гдѣ бы его величество могъ спокойно помѣститься; по прибытіи же его въ сей городъ, опредѣлить къ дому его для почета надлежащій караулъ, и притомъ наше желаніе есть, чтобы и всѣ приставленные отъ васъ къ сему государю оказывали ему всевозможнѣйшее

уваженіе; а поелику управленіе дѣлъ въ Гроднѣ происходитъ именемъ и властію нашею, то само по себѣ разумѣется, что король ни въ какія дѣла входить не можетъ, и въ отправленіи дѣлъ никакого участія имѣть не долженъ, а вы всемѣрно стараться будете до оныхъ его отнюдь не допускать. Многіе опыты насъ удостовѣрили, что сей государь былъ всегда вопреки пользъ нашихъ, ибо ни единое не совершилось событіе, въ которомъ бы онъ не нашелся главою или соучастникомъ и соревнователемъ. Извѣстность таковая, да и давнее познаніе ваше свойствъ и качествъ его, долженствуетъ поставить васъ противъ него въ крайнюю осторожность. Посему за перепискою его и другими сношеніями надлежитъ принять весьма близкое наблюденіе, позволяя чинить сіе съ такими токмо людьми, кои не могутъ быть подвержены подозрѣнію, не исключая родныхъ его, коихъ безъ причины отдалять отъ него не слѣдуетъ».

8-го января 1795 года, короля препроводили въ Гродно.

Здѣсь кончается наша исторія. Политическое существованіе Рѣчи-Посполитой прекратилось. Не стало ни верховной власти, ни министровъ, ни войска. Покоренная русскимъ оружіемъ польская территорія, за исключеніемъ провинцій уступленныхъ Пруссіи, сдѣлалась собственностью Россіи по праву завоевателя. Такъ-называемый третій раздѣлъ былъ собственно уступкою Пруссіи и Австріи, со стороны Россіи, части территоріи пріобрѣтенной.

Такъ пало государство, существовавшее около 1,000 лѣтъ, пало по непреложному нравственному историческому закону, по которому всякая нелогичность, всякая несовмѣстимость противныхъ началъ въ общественномъ строѣ производитъ внутреннюю болѣзнь, а послѣдняя, если не

будутъ приняты противъ нея мѣры въ-пору, при развивающихъ ее обстоятельствахъ, скоро или поздно доводитъ весь общественный механизмъ до разрушенія. Въ нашемъ введеніи мы высказали, что коренныхъ причинъ паденія Польши слѣдуетъ искать не въ явленіяхъ политической и общественной жизни по одиночкѣ, а въ томъ складѣ племенного характера, который производитъ эти явленія или сообщаетъ имъ видъ и направленіе и котораго раннее образованіе теряется во временахъ, мало доступныхъ для историческаго изслѣдованія. Оттуда истекало и то замѣчательное отсутствіе политическаго благоразумія и то крайнее противорѣчіе, чѣмъ отличались поляки въ дѣлѣ устройства своего государства [1]).

[1]) Такъ въ отрывочныхъ и неполныхъ извѣстіяхъ византійцевъ о предкахъ поляковъ, славянахъ VI вѣка, мы уже замѣчаемъ тѣ черты, какими отличались поляки XVII и XVIII вѣковъ. Какъ славяне VI вѣка, по описанію Прокопія и Маврикія, не хотѣли сложиться во что-нибудь похожее на государство, не терпѣли надъ собою единовластія, дорожа болѣе всего личною свободою, жили въ разбивку, черезъ чтó и пріобрѣли отъ грековъ кличку — *споры* (отъ σποράδην — врозь), не ладили и безпрестанно ссорились между собою, такъ и потомки ихъ, польскіе паны и шляхтичи, хотя и доросли уже до потребности государства, но вѣрные нравамъ прародителей, постоянно и болѣе всего заботились о томъ, чтобъ это государство какъ можно меньше напоминало имъ о своемъ бытіи; имѣли короля, но лишили его почти всякой власти, и ревниво ограждая свою частную свободу, безпрестанно боялись, чтобъ онъ какъ-нибудь не нашелъ путей къ усиленію, жили себѣ въ разбивку въ своихъ маетностяхъ и дворахъ, не любили городовъ, въ которыхъ скучиваться предоставляли жидамъ и нѣмцамъ, и ссорились между собою, подвигая цѣлыя околицы одна на другую, а когда сходились на свои сеймы, то вели совѣщанія также безтолково и нестройно, какъ ихъ прародители при Маврикіѣ на вѣчахъ. То же добродушіе, то же гостепріимство и хлѣбосольство, что такъ поражало въ славянахъ византійцевъ, является выпуклыми признаками характера и быта поляковъ XVIII вѣка. Какъ славяне VI вѣка, по извѣстіямъ византійцевъ, иногда поднимались, воодушевлялись, и предпринимали великіе подвиги, но никогда не доводили сво-

Польша сложилась въ республику, поставила свободу знаменемъ своего политическаго бытія въ ряду европейскихъ державъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, удерживала и ревниво сохраняла у себя крайнее рабство, безпредѣльное униженіе человѣческаго достоинства. Отъ этого выходило, что поляки хотѣли быть свободными гражданами, а были только деспотами. Возможность деспотствовать, — самая ужаснѣйшая нравственная отрава человѣка. Если въ частности и бывали такіе крѣпкіе Митридаты, что могли устоять противъ ея губительной силы, то цѣлое общество, вездѣ состоящее изъ большинства натуръ малосильныхъ, не можетъ ее выдержать. Она пріучаетъ человѣка къ праздности, умственной лѣни, къ неумѣренности въ чувственныхъ наслажденіяхъ, къ необузданности страстей,

---

его дѣла до конца, остывали и растрачивали свои силы на внутреннія безладицы, такъ и поляки въ XVIII вѣкѣ на своемъ четырехлѣтнемъ сеймѣ показали, что они способны вдругъ воодушевиться, зашумѣть, накричать цѣлому свѣту о своихъ великихъ приготовленіяхъ и ничего не довести до конца, раздраживъ только тѣхъ, которыхъ опасались. Императоръ Маврикій совѣтовалъ своимъ дѣтямъ и государственнымъ мужамъ Византіи не бояться славянскихъ затѣй и пользуясь тѣмъ, что у славянъ всегда много головъ и всѣ между собою не ладятъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ приласкать и подкупить и, такимъ образомъ, не допускать ихъ сойтись между собою и установить надъ собою единую верховную власть. Сосѣди Польши, въ XVIII вѣкѣ конечно, не руководствовались этимъ наставленіемъ византійскаго государя, жившаго въ концѣ VI вѣка, а между тѣмъ буквально исполнили его надъ поляками своего времени. Во времена этого Маврикія, какъ разсказываютъ, явился къ грекамъ изъ аварскаго войска славянинъ, родомъ изъ прибалтійской славянщины: „У насъ въ землѣ, говорилъ онъ, нѣтъ оружія, мы не воюемъ, а все только поемъ и веселимся!“ Какъ эти ляхи VI-го вѣка похожи были на своихъ потомковъ, тѣхъ шляхтичей, которые не терпѣли у себя въ странѣ собственной военной силы и, не ломая головы надъ политическими вопросами, пили свою неподражаемую старую водку и танцовали свою несравненную мазурку!

къ жестокости, къ эгоизму, къ предпочтенію собственныхъ узкихъ интересовъ потребностямъ общаго блага. Униженія и страданія порабощенныхъ отомщаются деморализаціею поработителей. Но существованіе рабства въ государствѣ само по себѣ еще не должно было погубить Польши; мы видимъ это зло и въ другихъ державахъ; дѣло въ томъ, что тамъ, гдѣ оно было, господствовалъ монархическій строй; мелкіе деспоты, какъ бы ни деморализовались отъ своего положенія, но будучи подчинены единой верховной силѣ,—уже черезъ то самое составляютъ между собою единое тѣло и по-неволѣ должны дѣйствовать за-одно въ дѣлахъ, касающихся цѣлости государства; такимъ образомъ, при внутреннихъ язвахъ невѣжества, угнетенія, человѣческаго униженія, государство можетъ быть еще достаточно крѣпкимъ противъ внѣшнихъ ударовъ. Притомъ, самая верховная деспотическая власть, по своей натурѣ склонная поддерживать коснѣніе и невѣжество, иногда принуждена бываетъ измѣнять себѣ, когда въ сосѣднихъ краяхъ превосходство умственныхъ силъ надъ матеріальными покажетъ ей несостоятельность однѣхъ только матеріальныхъ въ случаѣ борьбы съ такими соперниками, которые обладаютъ еще силами и перваго рода. Тогда, не изъ любви къ человѣчеству, а изъ самосохраненія, опасаясь столкновеній съ болѣе просвѣщенными и болѣе свободными странами, сами деспоты вводятъ у себя признаки иноземнаго устроенія, которые при дальнѣйшихъ благопріятствующихъ имъ условіяхъ, могутъ привести къ благодѣтельнымъ перемѣнамъ въ общественномъ строѣ и въ умственномъ развитіи народа. Въ такой республикѣ, какъ Польша, гдѣ рабство успѣло глубоко испортить свободный классъ, гдѣ каждый свободный думалъ болѣе всего о себѣ самомъ и менѣе всего о нуждахъ и благосостояніи своего государства, нé-откуда было начаться благодѣтельнымъ перемѣнамъ. Толпа правящихъ своею страною гражданъ

не могла согласиться на счетъ средствъ возрожденія отечества, еще менѣе могла исполнить то, чтó нужно было для общаго блага, какъ скоро при этомъ должны были терпѣть частные интересы. Передовые люди, понимавшіе сущность обстоятельствъ лучше большинства, не имѣли для своихъ идей и дѣйствій точки опоры. Имъ приходилось бороться съ закоренѣлыми предразсудками и эгоистическими привычками этого большинства; понятно, что ихъ увѣщанія оставались голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Первымъ шагомъ къ возрожденію Польши могло быть только истребленіе всеразвращающаго рабства; но истребить его въ республикѣ, состоящей изъ деспотовъ, привыкшихъ издавна къ сладости безусловнаго господства надъ рабами, не только трудно, но невозможно до тѣхъ поръ, пока республика будетъ оставаться республикою. Такимъ образомъ выходитъ, что Польшѣ вредило республиканское правленіе.

Но мы были бы крайне несправедливы, еслибы видѣли зло въ республикѣ самой по себѣ. Республиканскій строй общества, имѣющій идеаломъ свободу, драгоцѣннѣйшее достояніе человѣка, не можетъ быть источникомъ разрушенія. Вездѣ, гдѣ только существовали и упадали республики, не самая сущность республиканскаго строя была причиною ихъ паденія, а всегда другія явленія, вредныя именно потому, что были противны духу республиканскаго правленія. Въ Польшѣ оказывается то же. Формы польской республики, какъ мы уже замѣчали, не были безусловно дурны, и во многихъ отношеніяхъ ставили Польшу по общественному развитію выше другихъ государствъ Европы, а если въ этихъ формахъ были недостатки, то, безъ сомнѣнія, недостатки эти давно бы исправились, еслибы сами поляки не поддались деморализаціи, лишавшей ихъ возможности работать надъ улучшеніемъ общества, и, главнымъ образомъ, питаемой суще-

ствованіемъ у нихъ рабства. Республика, какъ лучшій образъ общественнаго устроенія, требуетъ для своего поддержанія того, что̀ въ человѣческомъ существѣ есть наилучшаго, — добродѣтели и любви къ правдѣ; безъ этого условія республика идетъ къ разрушенію; а потому деморализованная республика, сохраняя наружно республиканскія формы, не можетъ уже возродиться и исправиться.

Такимъ образомъ, не республиканскій строй Рѣчи-Посполитой съ одной стороны, но и не рабство, существовавшее въ ней, съ другой, привели это государство къ паденію; нелогичное чудовищное сочетаніе двухъ противоположныхъ стихій оказало на нее губительное дѣйствіе.

Четырехлѣтній сеймъ наглядно показалъ невозможность республикѣ спасти себя и изцѣлиться отъ своего развращенія. Видя явную опасность, угрожавшую государственной самостоятельности, поляки съ лихорадочнымъ движеніемъ схватились за дѣло преобразованія, но, протолковавши два съ половиною года, ничего не сдѣлали, хотя въ то время имъ никто не мѣшалъ. Современники, знавшіе общество того времени, сознавали, что еслибы они двадцать пять лѣтъ разсуждали на сеймѣ, оставаясь съ прежними нравами, то изъ ихъ разсужденій все равно ничего бы не вышло. Кружокъ людей, старавшихся о томъ, чтобы отечество возродилось какъ можно скорѣе, придумали переворотъ 3 мая, который можно скорѣе назвать фокусомъ, чѣмъ дѣломъ преобразованія. Несостоятельность этой, прославленной въ свое время, конституціи, кромѣ способа ея провозглашенія, высказалась и въ самой сущности ея содержанія. Она не устранила того губительнаго противорѣчія, которое разъѣдало Польшу. Съ одной стороны, значеніе короля хотя и было усилено, но не до такой степени, чтобы уничтожить республиканскую стихію и дать верховной власти возможность водворить въ странѣ подчиненіе единой волѣ. Конституція 3-го мая

не установляла самодержавія, абсолютизма, какъ кричали ея противники; съ другой стороны, она не уничтожала и не искореняла изъ Польши рабства, а только напугала рабовладѣльцевъ опасеніями за будущее время. Пытались залечить видимыя раны общества, но корень болѣзни оставался почти нетронутымъ. Польша все-таки оставлена была во власти дворянства, деспотически господствующаго надъ громадою народа. Творцы конституціи не могли поступить иначе по стеченію обстоятельствъ, въ которыхъ находились, да отчасти и по собственнымъ привычкамъ. Поэтому-то есть причина предполагать, что безъ тѣхъ печальныхъ и неизбѣжныхъ, по ходу вещей, обстоятельствъ, которыя обратили въ прахъ и майскую конституцію и вслѣдъ затѣмъ самую Рѣчь-Посполитую, Польша съ помощію этой конституціи не могла достигнуть возрожденія и разъѣдавшія ее противорѣчія въ общественномъ строѣ оставались бы по прежнему, ведя ее къ разрушенію.

Гродненскій сеймъ, новое отпаденіе отъ Польши провинцій, еще бо̀льшее, чѣмъ прежде, подчиненіе Россіи той части государства, которой оставили тѣнь самостоятельности, наконецъ, презрительное обращеніе съ націею державъ, въ рукахъ которыхъ былъ ея жребій — все это пробудило остатокъ нравственно-человѣческихъ чувствъ въ деморализованномъ обществѣ. Вспыхнуло возстаніе. На челѣ его явился Костюшко. Послѣдователь идей Франклина и Вашингтона, одинъ изъ сѣятелей новой свободы на дѣвственной почвѣ Америки, Костюшко былъ республиканецъ до костей; онъ не любилъ монархизма по принципу; онъ не выставилъ короля хотя бы даже значкомъ для своего возстанія, да притомъ и тогдашній король былъ такого рода, что не годился ему ни на что̀. Ближайшая цѣль его была освободить отечество отъ иноземнаго нападенія; что̀ съ отечествомъ должно быть въ случаѣ успѣха—Костюшко, повидимому, не задавался на счетъ этого никакими пла-

нами, а предоставлялъ все будущей волѣ освобожденнаго народа. Единственно, что̀ онъ намѣтилъ впередъ для будущихъ реформъ, это—освобожденіе хлоповъ, выраженное въ универсалѣ 7-го мая. Этимъ какъ будто устранялась старая историческая нелогичность: Польша оставалась республикою, но уже безъ рабства. Мы высказали наше мнѣніе о несостоятельности этого распоряженія: оно не могло имѣть смысла окончательнаго закона, прежде, чѣмъ не было утверждено волею сейма; но сеймъ, составленный изъ рабовладѣльцевъ, по минованіи опасности, безъ всякаго сомнѣнія, постарался бы поставить все на прежнюю ногу. Притомъ же, въ универсалѣ самого Костюшки видна недоконченность; крестьяне, хотя и освобождались отъ рабства, хотя, кромѣ того, надѣлялись грунтами, однако не избавлялись совершенно отъ рабочихъ обязанностей къ бывшимъ владѣльцамъ, а это одно могло свести вопросъ съ фактической почвы на почву либеральной риторики. Было ли это въ Костюшкѣ слѣдствіемъ осторожности, или въ немъ, при его американскомъ перевоспитаніи, все еще высказывался полякъ и шляхтичъ, мы не беремся рѣшать, тѣмъ болѣе, что его универсалъ, во всякомъ случаѣ, относительно самый либеральный и самый человѣчный актъ польской исторіи. остался безслѣднымъ. Возстаніе, которое такъ энергически двигалъ полякъ-американецъ, прошло безуспѣшно, не только оттого, что не выдержало борьбы съ русскимъ оружіемъ, находившимся въ рукахъ геніальнаго Суворова, но̀ и оттого, что разбивалось о прежнюю заматерѣлую польскую деморализацію. Какъ ни возбудителенъ былъ для поляковъ постигшій ихъ ударъ, но въ одинъ годъ не могло общество сбросить съ себя вѣковыхъ пороковъ. Мы видѣли, какъ обычное мелочное предпочтеніе своихъ личныхъ выгодъ общей идеѣ безпрестанно высказывалось въ исторіи 1794 года, какъ много лжи и фальши было въ польскомъ патріотизмѣ, когда,

при всеобщемъ воодушевленіи на словахъ, воины Костюшки были и наги и голодны, а масса простого народа, несмотря на всѣ воззванія военачальника, отнюдь не имѣла ни желанія, ни повода защищать бытіе Рѣчи-Посполитой. Даже съ болѣе правдивымъ патріотизмомъ у шляхты, и съ болѣе счастливыми обстоятельствами, дѣло возстанія едва ли могло дойти до чего-нибудь прочнаго. Полякъ того времени, въ крайнемъ случаѣ, могъ возстановить только форму своего бывшаго государства, котораго ядро уже сгнило, а возстановленная форма, безъ здороваго содержанія, при первомъ натискѣ противнаго вѣтра, опять подверглась бы распаденію.

Было бы неумѣстно вдаваться въ вопросъ о справедливости способа дѣйствій державъ, рѣшившихъ судьбу Польши въ концѣ XVIII-го вѣка. По причинѣ своего внутренняго разстройства, лишившись нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ къ самозащищенію отъ внѣшнихъ ударовъ, Польша стала жертвою той политики, которая освобождала кабинеты государствъ отъ необходимости слѣдовать нравственнымъ основамъ справедливости и сообразжаться съ законностью, изобрѣтенною только для подданныхъ и необязательною для властей. Въ политикѣ понятіе о справедливости чаще всего служило только для взаимнаго обмана и для приличія. Достаточнымъ считалось найти благовидный предлогъ для совершенія такихъ дѣлъ, которыя, безъ этого предлога, не рѣшались во всеуслышаніе назвать справедливыми. Коварство и насиліе были подпорою государственной безопасности. Одни другихъ упрекали въ коварствѣ, въ несправедливости, въ насиліи, а между тѣмъ не ставили въ вину себѣ того, въ чемъ обвиняли другихъ. Власти не заботились объ общественномъ благомнѣніи на счетъ своихъ поступковъ, а подчиненному имъ обществу не дозволяли думать иначе, какъ приказывали имъ сами. Массы народовъ переходили изъ-подъ одной

державы подъ другую, обязанныя питать чувства любви и преданности къ тѣмъ, кого прежде приказывали имъ считать врагами; министры рѣшали ихъ судьбу въ тайныхъ совѣщаніяхъ, не спрашивая ихъ согласія; возникали войны за принадлежность областей: разореніе постигало ничѣмъ невиновныхъ жителей спорныхъ земель, а сами эти жители не смѣли ни защищаться, ни возвышать за себя голоса; сила оружія передавала ихъ новымъ властямъ; ихъ подчиняли чуждымъ для нихъ законамъ и порядкамъ, жестоко угнетали и карали, когда они не въ силахъ были свыкнуться съ этими законами и порядками. Сокровища, собранныя кровавымъ пòтомъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ, тратились, по прихоти властей, на опустошительныя войны, съ восхваляемою цѣлью расширенія и округленія границъ государства или возстановленія правъ, софистически вытянутыхъ изъ архивовъ дипломатіи и генеалогіи; сотни тысячъ здоровыхъ людей отрывались отъ семействъ и мирныхъ занятій, посылались на убой, и благодаря невѣжеству, въ которомъ власти старались держать народъ, не смѣли роптать, воображая себѣ, что въ самомъ дѣлѣ идутъ на смерть за правое и богоугодное дѣло; тайна покрывала замыслы и истинныя дѣянія власти, а толпѣ, въ утѣшеніе, бросали благообразную ложь; голосъ правды жестоко наказывался, какъ дерзкое нарушеніе общественнаго спокойствія, а куренія риторовъ, воспѣвавшихъ побѣды, пріобрѣтенія, мудрость и великодушіе властей, назначались служить катехизисомъ, утверждавшимъ въ умахъ и сердцахъ слѣпоту и обольщеніе. При господствѣ такой политики, слабымъ государствамъ не было другой гарантіи отъ алчности и властолюбія сильныхъ, кромѣ взаимной ихъ зависти другъ къ другу. Пока сильные не могли сойтись на счетъ слабыхъ или, будучи заняты другимъ, не имѣли на нихъ поползновенія, слабые были безопасны; но какъ только сильные между собою поладятъ, слабые могли без-

наказанно подвергнуться такимъ перемѣнамъ, какихъ не желали. Переходъ мелкихъ государствъ и областей изъ рукъ въ руки и передѣлы ихъ были обычнымъ явленіемъ при договорахъ, заканчивавшихъ войны, въ которыя втягивались иногда всѣ европейскія государства. Польша, слабое и беззащитное государство (хотя имѣвшее всѣ условія для того, чтобъ быть могучею державою), долго спасалась отъ гибели только потому, что сосѣди не могли скоро подѣлиться ею. Но обстоятельства, наконецъ, поставили ихъ въ необходимость согласить свои стремленія, и Польша попала подъ колесо неумолимой политики, не знавшей другихъ способовъ дѣйствія, кромѣ коварства и насилія.

Можно ли обвинять за то державы, слѣдовавшія такой политикѣ? Конечно, нѣтъ. Когда государства сформировались и возросли при помощи коварства и насилія, то и должны были тѣмъ же самымъ охранять свою безопасность и поддерживать свое значеніе. Сама Польша въ былыя времена расширилась тѣмъ же способомъ: развѣ не насиліемъ захватила она Червоную Русь? Развѣ не коварствомъ и не насиліемъ присоединила къ себѣ Великое Княжество Литовское? Развѣ поляки спрашивали объ этомъ желанія у массы русскаго народа, когда считали его своимъ достояніемъ на томъ основаніи, что когда-то насильно владѣвшій русскимъ народомъ литовскій князь женился на польской королевѣ, а впослѣдствіи его потомки выбирались въ польскіе короли, и наконецъ, при одномъ изъ нихъ, поляки успѣли склонить на свою сторону нѣкоторыхъ аристократовъ, другихъ обмануть, третьихъ напугать и, такимъ образомъ, написать на пергаментѣ договоръ литовскаго и русскаго народовъ съ польскимъ, тогда какъ эти народы и не знали и не думали объ этомъ пергаментѣ? Развѣ не обращали русскій народъ насильно въ другую вѣру, не ругались надъ его вѣковою святынею? Народъ этотъ бунтовалъ, а его сажали на колья и жгли. Все это

развѣ не коварство, не насиліе? Овладѣніе Москвою посредствомъ плутовъ, называвшихся чужими именами, развѣ не коварство, не насиліе? Не чужда была сама Польша тѣхъ способовъ, которые въ свое время стерли ее съ карты Европы. И ни одно государство не было чуждо ихъ; и какъ бы ни умягчались политическія формы—коварство и насиліе всегда останутся необходимыми въ государственныхъ отношеніяхъ до тѣхъ поръ, пока люди не додумаются устроить свои политическія общества на иныхъ началахъ.

Съ безпристрастнымъ сознаніемъ, безъ всякаго патріотическаго самообольщенія, скажемъ, что изъ всѣхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, совершенныхъ въ Европѣ въ XVIII-мъ вѣкѣ, пріобрѣтеніе Екатериною русскихъ провинцій отъ Польши едва ли не самое правое дѣло, по крайней мѣрѣ относительно. Екатерина возвращала своему государству то, что принадлежало ему на основаніи не однихъ династическихъ воспоминаній или архивныхъ документовъ, а—вѣковой, живой народной связи. Что масса русскаго народа, находившагося подъ властью Польши, униженнаго, порабощеннаго и состоявшаго въ послѣднее время изъ одного низшаго класса, желала избавиться отъ господства надъ собою Польши и предпочитала ему соединеніе съ Россіею—это не подлежитъ сомнѣнію. Вѣка проходили, а желаніе это не остывало. Въ XVII-мъ вѣкѣ, южная Русь отдалась добровольно русскому государству, народъ ея проливалъ потоки собственной крови, ненавидя Польшу, не желая быть съ нею въ соединеніи, и между тѣмъ сама Россія насильно возвращала его Польшѣ. При Екатеринѣ, едва только вновь блеснула надежда на соединеніе съ Россіею, народъ заявлялъ это желаніе самымъ очевиднымъ образомъ: современные поляки хоромъ твердили объ этомъ. Такимъ образомъ, Россія присоединяла къ себѣ страны, въ которыхъ большинство народонаселенія дѣйствительно этого желало. Вотъ здѣсь-то и правота Рос-

сіи. Между тѣмъ Россія не поставила этой правоты своей на челѣ своихъ дѣйствій. Предпочтенъ темный путь политики. Россія пользовалась только сочувствіемъ къ себѣ русской громады въ польскихъ областяхъ настолько, насколько оно могло быть однимъ изъ орудій, годнымъ для политики, и то не главнымъ орудіемъ. Этого мало. Россія возвратила себѣ русскія земли; и какъ страшно былъ обманутъ, какъ поруганъ въ своихъ ожиданіяхъ этотъ бѣдный народъ, давній страдалецъ! Россія оставила его подъ ярмомъ тѣхъ же пановъ-ляховъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ и отъ которыхъ искалъ спасенія; и долго, долго суждено было ему терпѣть прежнюю долю! А какова была эта доля—пусть онъ самъ скажетъ намъ свою исторію. Вотъ народная пѣсня, записанная нами на Волыни [1]):

---

[1]) Наступила чорна хмара—настала щей сива:
Була Польща, була Польща, та стала Россія;
Синъ за батька не одбуде, а батько за сина!
Живуть люде, живуть люде, живуть слободою;
Иде мати на ланъ жати разомъ изъ дочкою.
Прийшли вони до ланочку: помогай намъ, Боже
И святая неділонька, велика госпоже!
Сіли жъ вони обідати—гіркій нашъ обіде!
Оглянуться назадъ себе, ажъ окомонъ иде.
Приіхавъ вінъ до ланочка, нагай роспускае:
— Ой чомъ же васъ, вражихъ людей, по-трое не мае!!!
Ой зачавъ же ихъ окомонъ лаяти та бити:
— Ой чомъ же вамъ, вражимъ людямъ, снопівъ не носити?
А въ нашого окомона червоная шапка;
Якъ приіде до панщини—скаче якъ та жабка.
А въ нашого окомона шовкові онучи;
Плачуть плачуть бідні люде изъ панщини йдучи.
Пооблазили воламъ шиї біднимъ людямъ руки...
Ой ярини по півтори, а зимени копу.
Треба стати поправитись, хочъ якому хлопу,
Змолотити и звіяти и въ шпихліръ собрати,
А въ вечéрі по вечéрі та на варту стати.

«Наступала туча черная, наступила еще и сизая: была Польша, была Польша, а вотъ стала Россія! За отца сынъ не отбудетъ дѣла, ни отецъ за сына! Живутъ люди, живутъ люди, живутъ слободою; идетъ мать на ниву, идетъ вмѣстѣ съ дочкой; пришли онѣ на нивушку: помогай намъ Боже и святой воскресный день, господинъ великій! Сѣли пообѣдать: горекъ нашъ обѣдъ! Онѣ оглянулись назадъ,— экономъ идетъ. Пріѣхалъ онъ на нивушку, нагайку расправляетъ: Отчего же васъ, вражьихъ людей, не трое!? И началъ экономъ ругаться, да драться: Зачѣмъ вы, вражьи люди, сноповъ не носите?! А у нашего эконома красная шапка; а пріѣдетъ онъ на барщину, такъ скачетъ, какъ жаба. А у нашего эконома шелковая обувь; плачутъ плачутъ бѣдные люди, съ барщины идучи. Натерты у воловъ шеи, а у бѣдныхъ людей руки. Собери-молъ ярового хлѣба полторы копы, а озимаго—копу! Хоть какому мужику впору — все вымолотить, вывѣять и въ анбаръ сложить. А вечеромъ, поужинавъ, въ караулъ ступай! Пошли они въ шинокъ—дай, шинкарка, кварту; выпьемъ съ горя по стакану, а потомъ и въ караулъ! Ходитъ попъ по церкви, да книжку читаетъ: Отчего васъ, добрыхъ людей, въ церкви не бываетъ?! Какъ же намъ, батюшка, въ церковь-то ходить: съ воскресенья до другого нужно молотить!»

Вотъ гдѣ настоящая исторія, правдивая исторія народной жизни, которая катилась незамѣтно для профессоровъ, академиковъ, членовъ историческихъ обществъ,—исторія, совсѣмъ несогласная съ тѣмъ, что мы слыхивали отъ на-

---

Прийшли вони до шинкарки—дай, шинкарко, кварту;
Випьемъ зъ жалю по стакану, тай станемъ на варту!
Ходить попокъ по церковці, у книжку читае:
— Ой чомъ же васъ, добрихъ людей, у церкві не мае?
— Ой якъ же намъ, добродію, у церкву ходити,
Одъ неділі до неділі кажуть молотити!

шихъ піитъ, риторовъ, педагоговъ. Намъ воспѣвали торжество вѣрнаго росса надъ кичливымъ ляхомъ, а русскій народъ пѣлъ о томъ, какъ кичливый ляхъ-экономъ билъ вѣрнаго росса-хлопа нагайками; намъ восхваляли мудрость, человѣколюбіе и попечительность нашихъ властей въ такое-то и такое время, а народъ пѣлъ, что отъ тяжкой, чужой невольной работы, при горькомъ обѣдѣ, у него облѣзла на рукахъ кожа, а у его воловъ стерлась шерсть на шеѣ отъ неснимаемаго ярма; въ насъ возбуждали патріотическое умиленіе при мысли о томъ, что русскій народъ, долго находившійся подъ гнетомъ Польши, возсоединился съ своимъ древнимъ отечествомъ къ великой его радости, а этотъ русскій народъ говорилъ, что для него все равно—Россія ли или Польша, словно двѣ тучи: «одна черная, другая сизая», солнце же для него еще не показывалось; насъ въ школахъ заставляли содрогаться при описаніяхъ гоненій и поруганій, какія чинили поляки надъ православною вѣрою, а народъ, въ своихъ пѣсняхъ, никому, кромѣ его, невѣдомыхъ и непонятныхъ, заявлялъ о томъ, что и теперь православныя церкви стоятъ пустыми, потому что паны-ляхи гонятъ его на работу въ воскресные дни. Такъ дѣлалось почти семьдесятъ лѣтъ въ имперіи, которая считалась русскою, православною и гордилась своею силою. Рѣчь-Посполитая исчезла съ географической карты, шляхетскія поколѣнія метались во всѣ стороны, отчаянными средствами пытаясь поднять изъ могилы и воскресить своего мертвеца, еще заживо согнившаго, а между тѣмъ, для милліоновъ русскихъ хлоповъ, для той русской массы, за которую шелъ многовѣкой споръ Россіи съ Польшею, проливались потоки крови—для нихъ однихъ продолжала существовать эта Рѣчь-Посполитая.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

А.

В.

Г.

Д.

И.

I.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ОШИБКИ И ОПЕЧАТКИ ВТОРОГО ТОМА.

Страница	*строка*	*напечатано:*	*читать:*
7	27	Шуленбергъ	Шуленбургъ
9	21	Шуленбергъ	Шуленбургъ
132	32	Żywnoeść	Żywność
175	1	Макрановскій	Мокроновскій
206	2	Вехова	Всхова
267	11	намѣстнику	намѣстникамъ
417	4	маршалъ	маршалы
450	4	мунипальнаго	муниципальнаго
491	25	Нарову	Наревъ
525	3	Козенцахъ	Козеницахъ
597	25	Седльце	Сѣдльце